

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

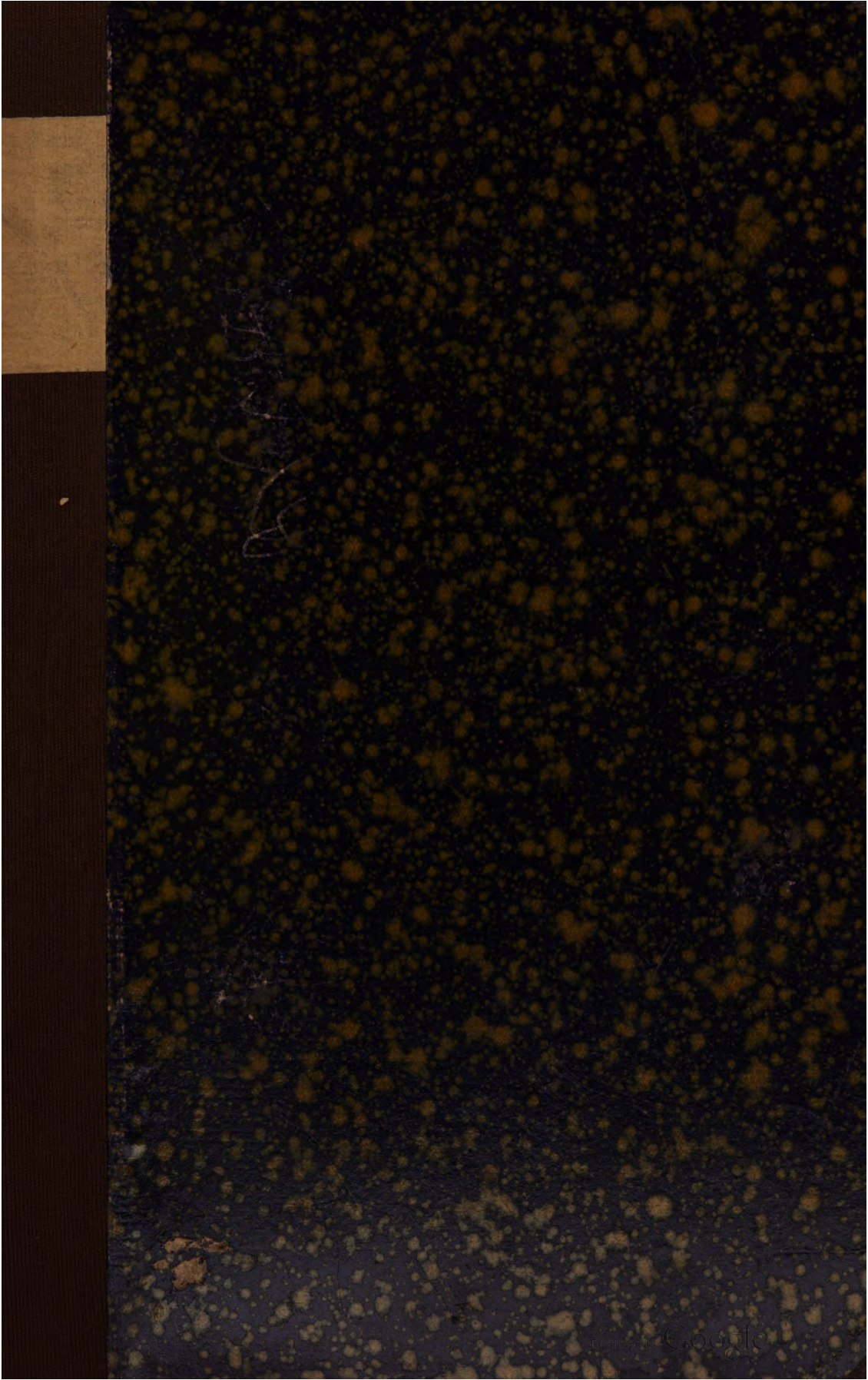
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

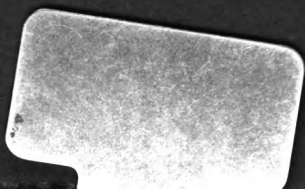
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

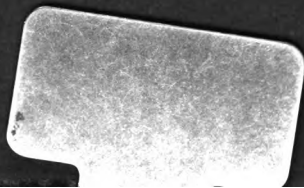
1883 (ii)

278975 d. 153

1883 (ii)

Pa. 278975 d. 153

9072
9072

ДЪЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. ЛЕВЕДЕВА, Невск. просп., д. № 8.

1883.

Handwritten scribbles

Дозволено цензурою. С.-Петербургч., 14 Февраля 1883 г.

Объ изданіи въ 1883 году журнала

„ДѢЛО“

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1883 году, какъ и въ прошедшіе шестнадцать лѣтъ, «Дѣло» будетъ издаваться по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Беллетристика, оригинальная и переводная; 2) Статьи социальна-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и библиографія; 4) Обзоріе русской и иностранной журналистики; 5) Внутреннее обзоріе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Картинки общественной жизни).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ (Федосъевецъ), М. Н. Альбовъ, Н. Ф. Анненскій, К. С. Баранцевичъ, А. П. Барыкова, Н. Ф. Бажинъ, П. И. Вейбергъ, Ж. Гальфранкъ, С. Н. Горскій, В. А. Гольцевъ, Ж. Жига, И. Г. Кольцовъ, Б. П. Ленскій, В. В. Лесевичъ, Д. И. Мечниковъ, Д. Д. Минаевъ, П. Минскій, Д. Л. Михаловскій, А. Л. Москвинъ, С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, И. В. Оммулевскій, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, С. А. Приклонскій, М. А. Протопоповъ, Н. С. Русановъ, Д. И. Сибирякъ, К. М. Станюковичъ (Откровенный Писатель), И. Н. Харламовъ, Н. В. Шелгуновъ, И. В. Шпажинскій, М. К. Цебрикова, А. И. Эртель, П. Ф. Якубовичъ и другіе.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, К. М. Станюковичъ и Н. В. Шелгуновъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки.	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .	15 » — »	6 »
» пересылкою иногороднымъ . . .	17 » — »	10 »
» пересылкою за-границу.	19 » — »	11 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургъ, въ Главной Конторѣ журнала „Дѣло“, Надеждинская, д. № 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ, Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Коха.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Спб., Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

Посвящается М. Я. А--вой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХІІ.

Устроить комнаты для Привалова — составляло для Заплатиной очень замысловатую и сложную задачу, которую она рѣшила, въ теченіи нѣсколькихъ дней, самымъ блестящимъ образомъ. Три небольшія уютныя комнатки она убрала какъ гнѣздышко. Приличная мебель, драпировки на окнахъ и дверяхъ, цвѣты и картины — все было скромно, но очень удобно и съ большимъ вкусомъ. Матрешка до десяти разъ сбѣгала къ лакею Привалова, чтобы подробно разузнать, какъ его баринъ жилъ раньше, какая у него квартира, мебель, любить-ли онъ цвѣты, ковры и т. д. Согласно собраннымъ свѣдѣніямъ, Заплатина и устроила свои три комнаты. Одна изъ нихъ служила пріемной, другая кабинетомъ, третья спальней.

Приваловъ удивился, когда Хіонія Алексѣевна ввела его во владѣніе новой квартирой — ему очень понравились эти три небольшія комнатки.

— Можетъ быть, я заставилъ васъ сдѣлать лишнія издержки? спрашивалъ Приваловъ. — Тогда позвольте мнѣ оставить всё вещи за собой.

— О, нѣтъ, зачѣмъ-же!.. Не стоитъ говорить о такихъ пустякахъ, Сергѣй Александрычъ. Было-бы только для васъ удобно, а я все готова сдѣлать. Конечно, я не имѣю возможности устроить съ такой роскошью, къ какой вы привыкли...

— Нѣтъ, это напрасно, Хіонія Алексѣевна... Мнѣ именно нравится эта простота.

Хіонія Алексѣевна была счастлива. Какъ ни привыкла она лгать, но въ настоящемъ случаѣ она говорила правду. Она готова была сдѣлать все для Привалова, даже сдѣлать не изъ корыстныхъ видовъ, какъ она поступала обыкновенно, а просто потому, что это нужно было для Привалова, это могло понравиться Привалову. Простодушная похвала Привалова заставила ее покраснѣть остатками крови, которая еще текла подъ ея сухой, сморщенной кожей. Одна мысль о томъ, что она входитъ въ непосредственныя сношенія съ настоящимъ миллионеромъ, кружила ей голову и нагоняла сладкое опьяненіе. Въ ней теперь проснулся тотъ инстинктъ, который двигаетъ всѣми художниками: она хотѣла служить олицетвореніемъ миллионъ, какъ браминъ служитъ своему Брамѣ. Ей казалось, что въ своихъ маленькихъ комнаткахъ она заперла магическую силу, которая, какъ магнитъ, сосредоточить на себѣ всеобщее вниманіе... Да, этого было даже слишкомъ достаточно, и Хіонія Алексѣевна на нѣкоторое время совсѣмъ вышла изъ своей обычной роли и ходила въ какомъ-то туманѣ. Самыя узкія и своекорыстныя натуры способны къ такимъ душевнымъ порывамъ и внутреннему просвѣтленію, когда онѣ дѣйствуютъ не изъ расчета, а по вдохновенію.

Кончивъ свое дѣло, Хіонія Алексѣевна заняла наблюдательную позицію. Человѣкъ Привалова, довольно мрачный субъектъ, съ недовольнымъ и глупымъ лицомъ (его звали Ипатомъ), перевезъ вещи барина на извозчикѣ. Хіонія Алексѣевна, Матрешка и даже самъ Викторъ Николаичъ, затаивъ дыханіе, слѣдили изъ-за косяковъ за каждымъ движеніемъ Ипата, пока онъ таскалъ барскіе чемоданы.

— Видно, что съ деньгами, соображала Матрешка, обращавшаяся въ суматохѣ съ барыней самымъ фамиллярнымъ образомъ.—Тяжелые... страсть!..

— Дура, да развѣ деньги держать дома?!.. обругала Хіонія Алексѣевна свою вѣрную рабу.

Матрешка всегда держала двугривенные при своей особѣ, а цѣлковые, которые посылала на ея долю судьба, она прятала иногда въ дровахъ, иногда въ старыхъ тряпицахъ; поэтому она вопросительно посмотрѣла на свою барыню, — ужь не шутить-ли она надъ ней?

— Деньги держать въ банкахъ... Понимаешь?.. объясняла

Хіонія Алексѣевна. — Дома украдутъ, а тамъ еще проценты заплатятъ...

Матрешка усумнилась; она не отдала-бы своихъ двугривенныхъ ни въ какой банкъ. «Такъ и повѣряла тебѣ, думала она дѣлая глупое лицо:—нашла дуру»...

Очутившись въ своей собственной квартирѣ, Приваловъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ какъ-то сразу полюбилъ свои три комнатки и съ особеннымъ удовольствіемъ раскрылъ дорожный сундукъ, въ которомъ у него лежали самыя дорогія вещи, т. е. портретъ матери, писанный масляными красками, книги и дѣловыя бумаги. На портретѣ мать Привалова была нарисована еще очень молодой женщиной съ темными волосами и большими голубыми глазами. У Павла Михайлыча Гуляева были такіе-же глаза и смотрѣли такимъ-же глубокимъ, задумчивымъ взглядомъ. Тонкія породистыя руки съ длинными пальцами были выпростаны поверхъ голубого сарафана съ затканными серебрянными цвѣточками; бѣлая кисейная рубашка открывала полную, немного смуглую шею, перехваченную жемчужной ниткой. Старинный кокошникъ почти совсѣмъ закрывалъ гладко зачесанные волосы, которые только на вискахъ выбивались легкими завитками, придававшими портрету какое-то дѣтское выраженіе. У Привалова волосы были такіе-же, какъ у матери, и онъ поэтому любилъ ихъ.

— Что было-бы, если-бы ты была жива? думалъ Приваловъ, устанавливая портретъ матери на своемъ письменномъ столѣ.

Онъ разсматривалъ потемнѣвшее полотно и нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ: никогда еще ему не было такъ жаль матери, какъ именно теперь, и никогда онъ такъ не желалъ ее видѣть, какъ въ настоящую минуту. На душѣ было такъ хорошо, въ головѣ было столько мыслей, но съ кѣмъ подѣлиться ими, кому открыть душу? Приваловъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что его жизнь освѣтилась какимъ-то новымъ свѣтомъ, что то, что его мучило и давило еще такъ недавно, какъ-то отпало само собой, и будущее было такъ ясно, такъ хорошо.

«Нужно работать и работать», думалъ Приваловъ, разбирая свои бумаги; даже эти мертвые бѣлые листы казались ему совсѣмъ другими, точно онъ ихъ видѣлъ въ первый разъ.

Между прочимъ, разложивъ на столѣ большой планъ валь-

цевой мельницы, Приваловъ долго и особенно внимательно разсматривалъ его во всѣхъ подробностяхъ. На планѣ мельница была нанесена со всѣми пристройками, даже была не забыта крошечная избушка сторожа. Приваловъ машинально начертилъ тутъ-же небольшой флигель въ пять оконъ съ маленькимъ цвѣтничкомъ впереди. Именно въ этомъ флигелькѣ теперь билось сердце Привалова, билось хорошимъ, здоровымъ чувствомъ, а въ окно флигелька смотрѣло на Привалова такое хорошее дѣвичье лицо съ большими темно-сѣрыми глазами и чудной улыбкой.

ХІІІ.

Хіонія Алексѣевна немного рано отпраздновала свою побѣду: ни Ляховскій, ни Половодовъ не пріѣхали къ Привалову съ визитомъ и такимъ образомъ вполнѣ сохранили за собой высоту своего положенія. Это сердило и удивляло Хіонію Алексѣевну, потому что она, по странному свойству человѣческой природы, переносила все, что относилось до жильца, на собственную особу. Почтенную даму даже бѣсило поведеніе Привалова, который, кажется, не хотѣлъ понимать коварство своихъ опекуновъ и оставался до безобразія спокойнымъ. Хіонія Алексѣевна зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ и только презрительно покачивала головой, когда Приваловъ, выйдя изъ воротъ, поворачивалъ налѣво.

— Опять... произносила Хіонія Алексѣевна такимъ тономъ, какъ будто каждый шагъ Привалова по направленію къ бахаревскому дому былъ личной для нея, кровной обидой.— И чего онъ *туда* повадился? Вѣдь въ этой Nadine, право, даже интереснаго ничего нѣтъ... никакой женственности. Удивляюсь, гдѣ только у этихъ мужчинъ глаза... Какой-нибудь синій чулокъ и... Тьфу!..

Хіонія Алексѣевна, относительно своего жильца, начала приходитъ къ тому убѣжденію, что онъ, бѣдняжка, глуповать и позволяетъ водить себя за носъ первой попавшейся на глаза дѣвчонкѣ. Нѣсколько разъ она нарочно ѣздила къ Марьѣ Степановнѣ, чтобы разузнать, нѣтъ-ли чего-нибудь новаго и что такое могъ дѣлать тамъ Приваловъ. Новаго Хіонія Алексѣевна узнала немного: Приваловъ больше проводилъ время въ разговорахъ съ Марьей Степановной или въ кабинетѣ старика.

Nadine была еще глупѣе Привалова. Она подманивала жениха какъ поповна. Со стороны даже было противно смотрѣть, какъ она нарочно старалась держаться въ сторонѣ отъ Привалова, чтобы разыграть изъ себя театральную ingénue, а сама то ботинокъ покажетъ Привалову изъ подъ платья, то глазами примется работать, какъ послѣдняя горничная. — «Нѣчего сказать, воспитали сокровище!.. И Марья Степановна тоже хороша, — будто ничего не замѣчаетъ, какія штучки выкидываетъ ученая дочка». Хіонію Алексѣевну начинало задѣвать за живое все, что она теперь видѣла въ бахаревскомъ домѣ; она даже подозрѣвала, не думаетъ-ли обойтись Марья Степановна совсѣмъ безъ нея. Одна мысль остаться пятымъ колесомъ въ этой игрѣ бросала Хіонію Алексѣевну въ холодный потъ, — она слишкомъ увлеклась своимъ новымъ положеніемъ.

«Ужъ больно зачистилъ что-то, думала Марья Степановна о Приваловѣ: — пожалуй, люди еще, Богъ знаетъ, что наскажуть»...

Каждый новый визитъ Привалова и радовалъ Марью Степановну, и какъ-то заботилъ: она не могла не видѣть, что Надя нравилась Привалову и что онъ инстинктивно ищетъ ея общества, но ужъ что-то очень скоро заваривалось то, чего такъ страстно желала въ душѣ Марья Степановна.

— Ты-бы сходилъ къ Ляховскому-то, совѣтовала она Привалову материнскимъ тономъ: — онъ хоть и бусурманъ, а всѣхъ умнѣе въ городѣ-то. Вотъ тоже къ Половодову надо.

— Я каждый день собираюсь сдѣлать эти визиты и каждый разъ откладываю, отвѣчалъ Приваловъ.

— Знаю, что тяжело тебѣ къ нимъ идти, пожалѣла Марья Степановна: — да что ужъ будешь дѣлать. Вотъ, и отецъ тоже говорить.

Марья Степановна рѣшилась переговорить съ дочерью и вывѣдать отъ нея, не было-ли у нихъ чего. Разъ она замѣтила, что они о чемъ-то долго разговаривали; Марья Степановна нарочно убралась въ свою комнату и сказала, что у ней голова болитъ: она не хотѣла мѣшать «Божьему дѣлу», какъ она называла бракъ. Но когда она заговорила съ дочерью о Приваловѣ, та только засмѣялась, странно такъ засмѣялась.

— Право, мама, я васъ не узнаю совсѣмъ, говорила Надежда Васильевна: — съ чего вы взяли, что я непременно должна выходить за Привалова замужъ?

— А хоть-бы и такъ,—худого нѣтъ; не все въ дѣвкахъ сидѣть да книжки свои читать. Вотъ мудрите съ отцомъ-то,—счастья Богъ и не посылаетъ. Гляди-ко, двадцать второй годъ дѣвкѣ пошелъ, а она только смѣется... Въ твои-то годы у меня трое дѣтей было, Костенькѣ шестой годъ шелъ. Да. Отецъ-то чего смотреть?

— Это все ваша Хина придумываетъ, мама.

— Хина?! Я и безъ Хины знаю, матушка.

— Вы, мама, добьетесь до того, что я совсѣмъ не буду выходить изъ своей комнаты, когда у насъ бываетъ Приваловъ. Мнѣ просто совѣстно... Если человѣкъ хорошо относится ко мнѣ, такъ вы хотите непременно женить его на мнѣ. Мы просто желаемъ быть хорошими знакомыми, и только.

— Да вѣдь не съ хорошими знакомыми жить-то, а съ мужемъ!

— Мужъ найдется, мама. Въ газетахъ напечатанъ, что вотъ, моль, столько-то есть приданого, а къ нему прилагается очень хорошая невѣста... За офицера выйду!

— Полно пустяки-то молоть... Тогда въ гостиной-то о чемъ вы цѣлый часъ разговаривали?

— Вы непременно желаете это знать?

— Я тебя не заставляю исповѣдываться, а такъ, къ слову спросила.

— Я тоже къ слову скажу вамъ: я читала книгу, Сергѣй Александрычъ увидѣлъ... ну, о книгѣ и говорили.

— Вотъ ты и оставайся съ своей книгой, а Сергѣй Александрычъ поѣдетъ къ Ляховскому да на Зосѣ и женится.

— Что-же, мама,—Зося хорошая дѣвушка, и Сергѣй Александрычъ недурной человѣкъ, — отличная парочка выйдетъ. Я невѣсту провожать поѣду.

— Мудришь много надъ матерью-то, Надежда Васильевна, строго закончила Марья Степановна.—Послѣ чтобы не плакать...

Василій Назарычъ все время прихварывалъ и почти не выходилъ изъ своего кабинета. Онъ всегда очень любезно принималъ Привалова и подолгу разговаривалъ объ опеѣ. Отъ Надежды Васильевны онъ зналъ ея послѣдній разговоръ съ матерью и серьезно ей замѣтилъ:

— Надя, мать стариннаго покроя женщина, и надъ ней смѣяться грѣшно. Я тебя ни въ чемъ не стѣсняю и выдавать

силою замужь не буду, только мать всетаки дѣло говорить: прежде отцы да матери устраивали дѣтей, а нынче нужно самимъ о своей головѣ заботиться. Я только могу тебѣ совѣтовать, какъ твой другъ. Гдѣ у насъ женихи-то въ Узлѣ? Два инженера повернутся да какой-нибудь иркутскій купецъ, а Приваловъ совсѣмъ другое дѣло...

— По всей вѣроятности, папа, я его и полюбила-бы, если-бы меня не выставляли невѣстой.

— Ахъ ты, Господи! Да кто-же ты: перестарокъ, что-ли, какой?

— Папа, оставимъ этотъ разговоръ, а то опять разсоримся.

Эти разговоры съ дочерью оставляли въ душѣ Василя Назарыча легкую тѣнь неудовольствія, но онъ старался ее заглушить въ себѣ то шуткой, то усиленными занятіями. Сама Надежда Васильевна очень мало думала о Приваловѣ, потому что ея голова была занята другимъ. Ей хотѣлось поскорѣе уѣхать въ Шатровскіе заводы, къ брату. Тамъ она чувствовала себя какъ-то необыкновенно легко. Человѣческая проницаемость могла-бы отыскивать какую-нибудь причину такого тяготѣнія, кромѣ свободы, но мы оставимъ этотъ вопросъ пока открытымъ. Надеждѣ Васильевнѣ особенно хотѣлось уѣхать именно теперь, чтобы избавиться отъ своего неловкаго положенія и неприятныхъ сценъ.

XIV.

Самъ Приваловъ не замѣчалъ, какъ легло время. Та работа, о которой онъ мечталъ, какъ-то не дѣлалась, а все откладывалась день за день. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что его тянуло въ бахаревскій домъ, Приваловъ страшно скучалъ въ тѣ свободные промежутки, которые у него оставались между двумя визитами къ Бахаревымъ. Въ эти минуты одиночества, когда Приваловъ насильно усаживалъ себя за какую-нибудь книгу или за вычисления по какимъ-нибудь планамъ, онъ по десяти разъ перебиралъ въ своей памяти все, въ чемъ дѣйствующимъ лицомъ являлась Надежда Васильевна.

Разъ они вдвоемъ особенно долго гуляли по бахаревскому саду; Марья Степановна обыкновенно сопровождала ихъ въ такихъ случаяхъ или командировала Вѣрочку, но на этотъ разъ къ ней кто-то пріѣхалъ, а Вѣрочки не было дома.

— Отчего вы не хотите ѣхать въ Ляховскому? откровенно спрашивала Надежда Васильевна, когда они шли по тѣнистой липовой аллеѣ.

— Мнѣ тяжело ѣхать собственно не къ Ляховскому, а въ этотъ старый домъ, который строилъ знаменитый Павелъ Михайлычъ. Вамъ, конечно, извѣстна исторія тѣхъ безобразій, какія творились въ стѣнахъ этого дома. Моя мать заплатила своей жизнью за удовольствіе жить въ немъ...

— Словомъ, вамъ тяжело переживать еще разъ непріятныя семейныя воспоминанія... Но, вѣдь, кромѣ воспоминаній, есть настоящее, Сергѣй Александрычъ.

— Вы хотите сказать о заводахъ?

— Да, я довольно часто бываю въ Шатровскомъ заводѣ, у Кости, и мы часто говорили съ нимъ о васъ. Вѣдь съ судьбой этихъ заводовъ связана участь сорокатысячнаго населенія... Костя не любитъ фантазій, но въ заводскомъ дѣлѣ онъ просто фанатикъ, и я очень люблю его именно за это. Мнѣ самой тоже нравятся заводы и, знаете, почему? Не потому, что они стоятъ такъ дорого, и даже не потому, что съ этими именно заводами срослись наши лучшія семейныя воспоминанія, — нѣтъ, я люблю ихъ за тотъ особенный духъ, который вноситъ эта работа въ жизнь. Что-то такое хорошее, новое, сильное чувствуется каждый разъ, когда смотришь на заводское производство. Вѣдь, это новая сила въ полномъ смыслѣ слова...

Они сидѣли въ эту минуту на зеленой садовой скамейкѣ. Лицо Надежды Васильевны горѣло румянцемъ, глаза свѣтились и казались еще темнѣе; она сняла соломенную шляпу съ головы и нервно скручивала пальцами колокольчики искусственныхъ ландышей, приколотыхъ къ отогнутому полю шляпы. Этотъ разговоръ самъ собой свелся къ планамъ Привалова; онъ уже открылъ ротъ, чтобы посвятить Надежду Васильевну въ свои завѣтныя мечты, но, взглянувъ на нее, остановился. Ему показалось даже, что дѣвушка немного отодвинулась отъ него и какъ-то особенно посмотрѣла въ дальній конецъ аллеи, гдѣ яркимъ пятномъ желтѣло канареечное платье приближавшейся Вѣрочки.

— Пойдемте; мама ждетъ насъ кофе пить, проговорила Надежда Васильевна, поднималась со скамьи.

Такъ, на этотъ разъ, и осталось невысказаннымъ то, чѣмъ

Привалову хотѣлось подѣлиться именно съ Надеждой Васильевной.

На половинѣ Марьи Степановны была устроена моленная. Это была длинная комната совсѣмъ безъ оконъ; человекъ, незнакомый съ расположеніемъ моленной, могъ десять разъ обойти весь домъ и не найти ее. Ходъ въ моленную былъ проведенъ изъ темнаго чуланчика, который былъ устроенъ рядомъ съ спальней Марьи Степановны; задняя стѣнка этого чулана составляла дверь въ моленную и для окончательной иллюзіи была завѣшана какими-то старыми шубами. Приваловъ, не заставъ Марью Степановну въ гостиной, прошелъ однажды прямо въ моленную. Она была тамъ и сама читала за раздвижнымъ аналоемъ канонъ Богородицѣ; въ уголкѣ ютились какія-то старухи въ темныхъ платкахъ, повязанныхъ по раскольничьи, т. е. по спинѣ были распущены два конца, какъ это дѣлаютъ татарки. Сѣдой, сторбленный старикъ въ длиннополомъ кафтанѣ стоялъ у правой стѣны и степенно откладывалъ поклоны, припадая своей головой къ потертому шелковому подрушнику. Привалова сразу охватила съ дѣтства знакомая атмосфера: пахло роснымъ ладонемъ, воскомъ и деревяннымъ масломъ. Вся передняя стѣна моленной была занята золоченымъ иконостасомъ, въ которомъ, подъ дорогими окладами изъ серебра и золота, темнѣли образа самаго стариннаго письма. Тутъ были собраны иконы работы фряжской, стараго строгановскаго письма и произведенія кормовыхъ зографовъ, Николы Павловца и Симона Ушакова. Всѣ эти богатства достались моленной Марьи Степановны, какъ наследство послѣ матери Привалова, изъ раззоренной моленной въ приваловскомъ домѣ. Слабо теплившіяся неугасимыя лампы бросали колеблющійся свѣтъ кругомъ, выхватывая изъ окружающей темноты глубокую рѣзбу обронныхъ ризъ, хитрые потемнѣвшіе узоры басменнаго дѣла, поднизи изъ жемчуга и цвѣтныхъ камней, золотыя подвѣски и ожерелья. Подъ нѣкоторыми иконами висѣли богатые пелены съ золотыми крестами и дорогимъ шитьемъ по угламъ; на маленькомъ столикѣ, около самаго анаоя, дымилась серебряная каца.

Голосъ Марьи Степановны раздавался въ моленной съ тѣми особенными ицтонаціями, какъ читаютъ только раскольники: она читала немного въ носъ, растягивала слова и произносила «й», какъ «и». Оглянувшись назадъ, Приваловъ замѣ-

тилѣ въ лѣвомъ углу, сейчасъ за старухами, знакомую высокую женскую фигуру въ большомъ платкѣ, съ сложенными по раскольничьи, на груди руками. Это была Надежда Васильевна.

— Ну, вотъ и хорошо, что пришелъ съ нами помолиться, говорила Марья Степановна, когда выходила изъ моленной. — Тутъ половина образовъ-то твоихъ стоитъ, только я тебѣ ихъ не отдамъ пока...

— Почему не отдадите, Марья Степановна?

— Да такъ... Куда ты съ ними? Дѣло твое холостое, дома присмотрѣть некому. Не больно вы любите молиться-то. А у меня неугасимая горить, кануны старушки говорятъ.

— Пусть ужъ лучше стоятъ у васъ, Марья Степановна, соглашался Приваловъ.

— Какъ стоять?

— Да такъ, какъ стоятъ теперь. Мнѣ ихъ не нужно.

— Ну, это ты ужъ напрасно говоришь, строго проговорила Марья Степановна. — Не подумалъ... Это твои родовыя иконы; дѣды и прадѣды имъ молились. Очень ужъ вы нынче умны стали, гордость одолѣла.

— Мама, ты не поняла Сергѣя Александрыча, вступилась Надежда Васильевна.

— Ну, ужъ, извини, голубушка... Чтò другое дѣйствительно не понимаю,—стара стала и глупа, а ужъ это-то я понимаю.

Старуха расходилась не на шутку, и Надеждѣ Васильевнѣ стоило большого труда успокоить ее. Эта неожиданная вспышка въ первую минуту смутила Привалова, и онъ немного растерялся.

— Вы знаете, за что мама сегодня такъ разсердилась на васъ? спрашивала Надежда Васильевна, когда онъ уходилъ домой.

— За недостатокъ усердія къ старой вѣрѣ?

— Нѣтъ... за то, что вы показали себя недостаточно Приваловымъ. Поняли?

— Несовсѣмъ.

Надежда Васильевна ничего не отвѣтила, а только засмѣялась и посмотрѣла на Привалова вызывающимъ, говорившимъ взглядомъ. Слова дѣвушки долго стояли въ ушахъ Привалова, пока онъ ихъ обдумывалъ со всѣхъ возможныхъ сто-

ронъ. Ему особенно пріятно было вспомнить ту энергичную защиту, которую онъ такъ неожиданно встрѣтилъ со стороны Надежды Васильевны. Она была за него; между ними, незамѣтно для глазъ, выросло нравственное тяготѣніе.

XV.

Однажды, когда Приваловъ сидѣлъ у Бахаревыхъ, зашла рѣчь о старухѣ Колпаковой, которая жила въ своемъ старомъ, развалившемся гнѣздѣ, недалеко отъ бахаревского дома.

— Вы не желаете-ли проводить меня къ Павлѣ Ивановнѣ? предложила Надежда Васильевна Привалову; она это дѣлала нарочно, чтобы побѣсить немножко мать.

— Я съ удовольствіемъ... соглашался Приваловъ, удивленный такимъ предложеніемъ; онъ видѣлъ, какъ Марья Степановна строго подобрала губы оборочкой, хотя и согласилась съ своей обычной величественной манерой.

— Вѣрочка съ нами пойдетъ, мама, проговорила Надежда Васильевна, надѣвая шляпу.

Вѣрочка, конечно, была согласна на такую прогулку и даже покраснѣла отъ удовольствія. «Дурить дѣвка», думала Марья Степановна, провожая до террасы счастливое молодое трио:— «Вотъ ужъ скажу отцу-то!...» Эти сердитыя размышленія очень кстати были прерваны звонкимъ поцѣлуемъ, который влѣпила Вѣрочка матери съ своей обыкновенной стремительностью. Марья Степановна проводила глазами уходившихъ дочерей, которыя были счастливы молодымъ счастьемъ. Особенно хорошо себя чувствовала Вѣрочка. Все, что теперь дѣлала Надя, для нея было недостижимымъ идеаломъ, цѣлой наукой. Вѣдь у этой Нади все такъ просто и вмѣстѣ такъ хорошо выходитъ,— и шляпка всегда хорошо сидитъ, хотя стоитъ всего пять рублей, и платья какими-то такими складками ложатся... Вѣрочка не замѣчала, что идеализировала сестру, смотря на нее какъ на невѣсту.

— Это пять минутъ ходьбы отсюда, говорила Надежда Васильевна, когда они выходили изъ воротъ. — Изъ воротъ сейчасъ на-лѣво, спустимся къ рѣкѣ, а потомъ повернемъ за уголъ,—тутъ и колпаковское гнѣздо.

Домъ Колпаковой представлялъ изъ себя совершенную развалину; онъ когда-то былъ выстроенъ въ томъ помѣщичьемъ

вкусъ, какъ строили въ доброе старое время Александра I. Фасадъ съ колоннами и мезониномъ, ворота въ формѣ триумфальной арки, великолѣпный подъѣздъ, широкій дворъ и десятки ненужныхъ пристроекъ, въ числѣ которыхъ были и оранжереи специально для ананасовъ, и конюшни на двадцать лошадей, и цѣлый рядъ какихъ-то корпусовъ, значеніе которыхъ теперь трудно было угадать. Колпаковъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ золотопромышленниковъ; онъ любилъ развернуться во всю ширь русской природы, но скоро раззорился и умеръ въ нищетѣ, оставивъ послѣ себя нищими жену Павлу Ивановну и дочь Катю. Теперь колпаковское гнѣздо произвело на Привалова самое тяжелое впечатлѣніе, и онъ удивился, гдѣ могла помѣщаться Павла Ивановна съ дочерью. Когда-то зеленая крыша давно проржавѣла, во многихъ мѣстахъ листы совсѣмъ отстали, и изъ-подъ нихъ, какъ ребра, выглядывали деревянные стропила; лѣпные карнизы и капители коринфскихъ колоннъ давно обвалились, штукатурка отстала, разныя балюсины на балконѣ давно выпали, какъ гнилые зубы, стекло въ рамахъ втораго этажа и въ мезонинѣ не было, и амбразуры оконъ глядѣли какъ выколотые глаза.

— Гдѣ-же помѣщается Павла Ивановна? спросилъ Приваловъ, когда они подошли къ покосившейся калиткѣ; самое полотно калитки своимъ свободнымъ концомъ вросло въ землю, и поэтому входъ во дворъ былъ всегда открытъ.

— А вотъ внизу, угловая комнатка...

Они обошли домъ кругомъ, спустились по гнилымъ ступенямъ внизъ и очутились совсѣмъ въ темнотѣ, гдѣ пахло на нихъ гнилью и сыростью. Вѣрочка забѣжала впередъ и широко распахнула тяжелую дверь въ низкую комнату съ запыленными крошечными окошечками.

— Это мы, Павла Ивановна... можно войти? спрашивала она, останавливаясь въ дверяхъ.

— Можно, можно... отвѣтилъ какой-то глухой женскій голосъ, и отъ окна, изъ глубины клеенчатого кресла, поднялась низенькая старушка въ круглыхъ серебряныхъ очкахъ.— Вѣдь это ты, Вѣрочка?

Замѣтивъ Привалова, старушка торопливо поправила на плечахъ вылинявшую синелевую шаль и вдругъ выпрямилась, точно ее что кольнуло.

— Вы меня, вѣроятно, не узнаете, Павла Ивановна, заго-

вориль Приваловъ, когда Надежда Васильевна поздоровалась съ старушкой.—Сергѣй Приваловъ...

— Сerezжа!.. вскрикнула Павла Ивановна и всплеснула своими высохшими, морщинистыми руками.—Откуда? какими судьбами?.. А помните, какъ вы съ Костей бѣгали ко мнѣ, этакими мальчуганками... Что-же я... садитесь, господа, сюда.

— Вы, Павла Ивановна, пожалуйста, не хлопчите, мы пришли не какъ гости, а какъ старые знакомые, говорила Надежда Васильевна.

— Хорошо, хорошо... шептала старушка, украдкой осматривая Привалова съ ногъ до головы; ея выпѣвѣтшіе темные глаза смотрѣли съ безобиднымъ, откровеннымъ любопытствомъ, а сухія посинѣлыя губы шептали:—Хорошо... да, хорошо.

«Надя привела жениха показать»... весело думала старушка, торопливо, какъ мышь, убѣгая въ темную каморку, гдѣ скоро загремѣла крышка на самоварѣ.

Приваловъ только теперъ осмотрѣлся въ полутемной комнатѣ, заставленной самой сборной мебелью, какую только можно себѣ представить. Передъ диваномъ изъ краснаго дерева съ выпѣвѣтшей бархатной обивкой стояла конторка палисандроваго дерева; надъ диваномъ висѣла картина съ купающимися нимфами; комодъ, оклеенный корельской березой, точно навалился на простѣнокъ между окнами; разбитое трюмо стояло въ углу на простой некрашеной сосновой табуреткѣ; богатый туалетъ съ отломленной ножкой, какъ преступникъ, былъ притянуть къ стѣнѣ запыленными шнурками. Старинный шандаль красовался на комодѣ, а изъ рѣзной рамы туалета выглядывало нѣсколько кудрявыхъ головокъ деревянныхъ амуровъ. Всѣ эти обломки старой роскоши были покрыты слоємъ пыли, какъ въ лавкѣ старыхъ вещей. Старый китайскій котъ вылѣзъ изъ-за комода, равнодушно посмотрѣлъ на гостей и, точно сконфузившись, убрался въ темную каморку, гдѣ Анна Ивановна возилась съ своимъ самоваромъ.

— Слава Богу, слава Богу, что вы пріѣхали, наконецъ! улыбаясь Привалову, говорила Павла Ивановна.—Домъ-то валится у васъ, нуженъ хозяйскій глазъ... Да, я знаю это по себѣ, голубчикъ, знаю. У меня все вонъ развалилось.

«Чему она такъ радуется?» думалъ Приваловъ и въ то же время чувствовалъ, что любить эту добрую Павлу Ивановну, которую помнилъ какъ сквозь сонъ.

Чай прошелъ самымъ веселымъ образомъ. Старинныя пузатенькія чашки, сахарница въ видѣ барашка съ обломленнымъ рогомъ, высокій надутый чайникъ изъ саксонскаго фарфора, граненый низкій стаканъ съ плоскимъ дномъ,—все дышало почтенной древностью и смотрѣло необыкновенно добродушно. Вѣрочка болтала, какъ птичка, дразнила кота и кончила тѣмъ, что подавилась сухаремъ. Это маленькое происшествіе немного встревожило Павлу Ивановну, и она проговорила, покачивая своей сѣдой головой.

— Вотъ ужъ во-истину сдѣлали вы мнѣ праздникъ сегодня... Двадцать лѣтъ съ плечъ долой. Давно-ли вы вотъ такими маленькими были, а теперь... Вотъ, смотрю на васъ и думаю: давно-ли я сама была молода, а теперь... Время-то, время-то какъ катится!

Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія Павла Ивановна увела Вѣрочку въ огородъ, гдѣ росла у ней какая-то необыкновенная капуста; Приваловъ и Надежда Васильевна остались одни. Дѣвушка поняла невинный маневръ Павлы Ивановны. Старушка хотѣла подарить «жениху и невѣстѣ» нѣсколько свободныхъ минутъ.

— Какая жалкая эта Павла Ивановна, проговорилъ Приваловъ.

— Зачѣмъ жалкая? Нѣтъ, это кажется только на первый разъ... Она живетъ истиннымъ философомъ. Вы какъ-нибудь поговорите съ ней поподробнѣе.

— Какого-же сорта у ней философія?

— Да какъ вамъ сказать... У ней совсѣмъ особенный взглядъ на жизнь, на счастье. Посмотрите, какъ она сохранилась для своихъ лѣтъ, а между тѣмъ, сколько она пережила... И замѣтите, она никогда не жалуется на свою судьбу и еще никогда не пользовалась ни чьей помощью. Она очень горда, хотя и выглядить такой простой.

— Чѣмъ-же она существуетъ?

— Плететь кружева, вяжетъ чулки... А какъ хорошо она относится къ людямъ! Вѣдь это цѣлое богатство—сохранить до глубокой старости такое теплое чувство и стать выше обстоятельствъ. Всякій другой на ея мѣстѣ давно-бы потерялъ голову, озлобился, началъ-бы жаловаться на все и на всѣхъ. Если-бы эту женщину готовили не спеціально для богатой,

праздной жизни, она принесла-бы много пользы и себѣ и другимъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Павлы Ивановны и Вѣрочки. Чай былъ конченъ, и оставалось только идти домой. Во дворѣ имъ встрѣтился высокій сторбленный старикъ съ желтыми волосами.

— Это сумасшедшій... Полуяновъ, предупреждала Надежда Васильевна Привалова, который подаль ей руку.

Старикъ, прищурившись, посмотрѣлъ на молодую компанію и, торопливо шмыгая худыми сапогами, подошелъ прямо къ Привалову.

— Вотъ здѣсь всѣ бумаги... надтреснутымъ голосомъ проговорилъ сумасшедшій, подавая Привалову цѣлую пачку какихъ-то засаленныхъ бумагъ, сложенныхъ самымъ тщательнымъ образомъ и даже перевязанныхъ красной ленточкой.

— Это что у васъ за бумаги? спрашивалъ Приваловъ, разсматривая свертокъ.

— Тутъ все мое богатство... всѣ мои права, съ увѣренной улыбкой повторилъ нѣсколько разъ Полуяновъ, дрожавшими руками развязывая розовую ленточку.— У меня все отняли... ограбили... Но права остались у меня, и я получу все обратно... Да. Это вѣрно... Вы только посмотрите на бумаги... ясно какъ день. Конечно, я очень давно жду, но что-же дѣлать.

Въ развязанной пачкѣ оказался всякій хламъ: театральныя афиши, билеты отъ давно разыгранной лоттереи, объявленія разныхъ магазиновъ, даже пестрые этикетки съ ситцевъ и лекарствъ. Приваловъ внимательно разсмотрѣлъ эти «права» и, возвращая бумажки старику, проговорилъ:

— Да, вамъ еще придется подождать...

— А какъ вы думаете: получу я по этимъ документамъ?

На морщинистомъ лицѣ старика изображалось такое напряженное вниманіе, что Привалову сдѣлалось его жаль. Вѣрочка тихонько хихикала, прячась за Павлу Ивановну.

— Навѣрно получите, увѣряла Надежда Васильевна сумасшедшаго старика. — Вы, вѣдь, долго ждали, и теперь ужъ осталось немного...

— Ахъ, благодарю васъ, благодарю, прошептала старикъ и быстро поцѣловала у ней руку.— Вашъ мужъ очень умный человекъ... Да, я буду ждать.

Вѣрочка не могла удержаться отъ душившаго ее смѣха и убѣжала немного впередъ.

XVI.

Извѣстно, что провинціальная жизнь всецѣло зиждется на визитахъ. Это своего рода гамма, изъ которой составляются всевозможныя музыкальныя комбинаціи. Первыми пріѣхали къ Привалову Викторъ Васильичъ и Nicolas Верекинъ. Викторъ Васильичъ явился отъ имени Василья Назарыча, почему счелъ своимъ долгомъ затянуться въ фрачную пару, бѣлый галстухъ, бѣлыя перчатки и шелковый модный цилиндръ съ короткими полями и совершенно прямой тулейей. Nicolas Верекинъ, первенецъ Агриппины Филиппевны и мѣстный адвокатъ представлялъ полную противоположность Виктору Васильичу: высокій, толстый, съ могучей красной шеей и громадной, какъ пивной котель, головой, украшенной шелковыми русыми кудрями, онъ, по своей фигурѣ, какъ выразился одинъ мѣстный острякъ, походилъ на благочестиваго разбойника. Дѣйствительно, лицо Верекина поражало съ перваго раза: эти вытаращенные сѣрые глаза, которые смотрѣли, какъ у амфибіи, немигающимъ застывшимъ взглядомъ, эти толстыя мясистыя губы, выдавшіяся скулы, узкій лобъ съ густыми почти сросшимися бровями, наконецъ, этотъ совершенно особенный цвѣтъ кожи—мѣдно-красный, отливавшій жирнымъ блескомъ— все достаточно говорило за себя. Прибавьте къ этому, что мѣстный адвокатъ улыбался чрезвычайно рѣдко; но его лицо дѣлалось положительно красивымъ, благодаря неувимой смѣси нахальства, ироніи и комизма, которыя рѣзко отмѣтили это странное лицо среди тысячи другихъ лицъ. Въ самыхъ глупостяхъ, которыя говорилъ Nicolas Верекинъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ, было что-то особенное: скажи то-же самое другой было-бы смѣшно и глупо, а у Nicolas Верекина все сходило съ рукъ за чистую монету. Онъ былъ баловнемъ въ мужскомъ и женскомъ обществѣ, какъ породистое животное, свѣжимъ пятномъ, выдѣлявшимся среди остальныхъ заурядныхъ людишекъ.

— Посмотрите, Сергѣй Александрычъ, какого я вамъ звѣря привелъ! громко кричалъ Викторъ Васильичъ изъ передней.

— Очень, очень пріятно.... говорилъ Приваловъ, крѣпко пожимая громадную лапу стараго университетскаго товарища.

— Полюбите насъ черненькими.... отвѣчалъ Веревкинъ, пріятнымъ груднымъ баритономъ, оглядывая фигуру Привалова.

Викторъ Васильичъ сейчасъ-же сдѣлалъ самый подробный обзоръ квартиры Привалова и проговорилъ, не обращаясь собственно ни къ кому:

— Вотъ такъ Хина!.. Отлично устроила все, право. А помнишь, Nicolas, какъ Ломтевъ, въ этихъ комнатахъ, тогда обчистилъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Яковlichemъ, этихъ золотопромышленников?.. Ха-ха... Въ чемъ мать родила отпустили сердечныхъ. Да-съ...

— Вы очень кстати пріѣхали къ намъ въ Узелъ, говорилъ Веревкинъ, тяжело опускаясь въ одно изъ кресель, которое только не застонало подъ этимъ восьмипудовымъ бременемъ. Онъ нѣсколько разъ обвелъ глазами комнату, что-то отыскивая, и потомъ прибавилъ: — У меня сегодня ужасная жажда...

— Въ самомъ дѣлѣ, и у меня главизна зѣло трещить послѣ вчерашняго похмѣлья, прибавилъ съ своей стороны Викторъ Васильичъ. — Nicolas, ты очищенную? А мнѣ по части хересовъ. Да постойте, Приваловъ, я самъ лучше распоряджусь! Ей-Богу!

Викторъ Васильичъ мгновенно исчезъ на половину Хіоніи Алексѣевны и вернулся оттуда въ сопровожденіи Ипата, который былъ нагруженъ бутылками и тарелочками съ закуской; Хіонія Алексѣевна давно предупредила Виктора Васильича, и все уже было готово, когда онъ заявился къ ней съ требованіемъ водки и хересовъ.

— Да скажи барынѣ, кричалъ Бахаревъ въ догонку уходящему лакею: — скажи, что гости останутся обѣдать... Понимаешь?

— Чревоугодіе и натура одолѣваютъ, объявилъ Веревкинъ, выпивая рюмку водки съ приемами записного пьяницы.

Приваловъ черезъ нѣсколько минутъ имѣлъ удовольствіе узнать послѣднія новости и былъ посвященъ почти во всѣ городскія тайны. Викторъ Васильичъ болталъ безъ умолку, хотя, послѣ пятой рюмки хереса, языкъ у него началъ замѣтно прилипать. Онъ былъ съ Приваловымъ уже на «ты».

— А я тебя, Приваловъ, полюбилъ съ перваго раза... Ей-Богу! болталъ Бахаревъ, блестя глазами.—Мнѣ чортъ съ ними,

съ твоими миллионами: не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми... Ха-ха! Я самъ давно-бы былъ миллионеромъ, если-бы только захотѣлъ. Воображаю, какъ-бы всѣ начали тогда ухаживать за мной... Ха!.. «Викторъ Васильчъ! Викторъ Васильчъ...» Я-бы показалъ имъ, что плевать на нихъ всѣхъ хочу... Да-съ. А вотъ мы тебя познакомимъ съ такими дамочками — пальчики оближешь! Ты кого больше любишь: дѣвицъ или дамъ? Я предпочитаю вдовушекъ... Съ дѣвицами только время даромъ терять... Ахъ! Да вотъ у Nicolas есть сестренка, Алла,—съ секретомъ барышня. А вотъ поѣдешь къ Ляховскому, такъ тамъ тебѣ покажутъ такую панянку Зося, что отдай все да и мало, прибавь—недостанетъ... Это, братъ, сама красота, огонь, грація и плутовство.

— Зося дѣйствительно пикантная дѣвчонка, согласился Веревкинъ, тщательно обрабатывая кусокъ массивнаго балыка.

— Она меня однажды чуть не разцѣловала, объявлялъ Бахаревъ.

— Ну, ужъ это ты врешь, замѣтилъ Веревкинъ: — Выгонять она тебя дѣйствительно выгоняла, а чтобы цѣловать тебя... Это нужно совсѣмъ безъ головы быть!

— Ахъ! Да ты послушай, какъ это было... Зося любить все смѣшное, я однажды и показалъ ей, какъ собаки мухъ ловятъ. Меня одинъ ташкентскій офицеръ научилъ... Видаль, какъ собака лежитъ-лежитъ на солнышкѣ и задремлетъ (Бахаревъ изобразилъ, какъ дремлетъ на солнцѣ собака)... Потомъ пролетитъ муха: «жжж»... Собака откроетъ сначала одинъ глазъ, потомъ другой, прищурится немного и этакъ, понимаете, вдругъ: «гхамъ»!.. (Бахаревъ дѣйствительно съ замѣчательныхъ искусствомъ передалъ эту сцену).—Какъ я показалъ Зосѣ эту штуку,—она меня и давай просить, чтобы я ее тоже научилъ... Вѣдь научилась,—лучше меня теперь ловить мухъ! Ты какъ-нибудь попроси ее, она покажетъ... Вотъ она тогда меня чуть-чуть и не разцѣловала.

— Вѣроятно приняла за настоящую собаку?

— Экъ тебя взяло съ твоимъ остроуміемъ... ворчалъ Бахаревъ.—Э, да, чего мнѣ тутъ съ вами киснуть, я къ Хинѣ лучше пойду...

Легонько пошатываясь и улыбаясь разсѣянною улыбкой сильно захмѣлѣвшаго человѣка, Бахаревъ вышелъ изъ комнаты. До ушей Привалова донеслись только послѣдніе слова.

его разговора съ самимъ собой: «А Привалова я полюбилъ... Ей Богу, полюбилъ! У него въ лицѣ есть такое... Ахъ, чортъ поберри!» Приваловъ и Веревкинъ остались одни. Приваловъ задумчиво курилъ сигару, Веревкинъ отпивалъ изъ стакана портеръ большими аппетитными глотками.

— Вы что-же, — совсѣмъ къ намъ? спрашивалъ Веревкинъ.

— Да; думаю остаться здѣсь.

Веревкинъ что-то промычалъ и медленно отхлебнулъ изъ своего стакана; взглянувъ въ упоръ на Привалова, онъ спросилъ:

— Вы были у Бахарева?

— Да.

— Гмъ... Видите-ли, Сергѣй Александрычъ, я пріѣхалъ къ вамъ собственно по дѣлу, началъ Веревкинъ, не спуская глазъ съ Привалова. — Но прежде позвольте одинъ вопросъ... У васъ не заходила рѣчь обо мнѣ, т. е. старикъ Бахаревъ ничего вамъ не говорилъ о моей особѣ?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ, отвѣтилъ Приваловъ, не понимая, къ чему клонились эти вопросы.

— Гмъ... промычалъ Веревкинъ и нетерпѣливо забарабанилъ пальцами по столу. — Дѣло вотъ въ чемъ, Сергѣй Александрычъ... Я буду говорить съ вами какъ старый университетскій товарищъ. Гмъ... Однимъ словомъ, вы вѣроятно уже замѣтили, что я порядочно опустился...

Приваловъ только съежилъ плечи при такомъ откровенномъ признаніи и пробормоталъ что-то отрицательное.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же! такъ-же безстрастно продолжалъ Веревкинъ. — Видна птица по полету... Сильно опустился; — при послѣднихъ словахъ Веревкинъ нѣсколько разъ тряхнулъ своей громадной головой, точно желая отъ чего-то освободиться. — И другіе видятъ, и самъ вижу... Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Я адвокатомъ лѣтъ восемь. Годовой бюджетъ десять-двѣнадцать тысячъ; кругомъ въ долгу... Есть кой-какая репутація по части обдѣлыванія дѣлишекъ. Объ этомъ еще успѣете послушаться; но я говорю вамъ все это въ тѣхъ видахъ, чтобы не обманывать на свой счетъ. Немного свихнулся, однимъ словомъ... Стороной я слышалъ о вашемъ дѣлѣ по наслѣдству, такъ вотъ и пріѣхалъ предложить свои услуги. Съ своей стороны могу сказать только то, что я съ удовольствіемъ поработалъ-бы

именно для такого запутаннаго дѣла... Вамъ, вѣдь, необходимъ повѣренный?

— Да... Отчего-же, я буду согласенъ, отвѣчалъ Приваловъ,—очень радъ.

— Нѣтъ, для васъ радость не велика, а вотъ вы сначала посоветуйтесь съ Константиномъ Васильичемъ — что онъ скажетъ вамъ, а я подожду. Дѣло очень важное, и вы не знаете меня. А пока я познакомлю васъ—съ кѣмъ намъ придется имѣть дѣло... Одинъ изъ вашихъ опекуновъ, именно, Половодовъ, приходится мнѣ beau frèге'омъ, но это пустяки... Мы подтянемъ и его. Знаете русскую пословицу: хлѣбцемъ вмѣстѣ, а табачкомъ врозь.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Бахарева, который былъ всунуть въ двери чьими-то невидимыми руками. Бахаревъ совсѣмъ осовѣлыми глазами посмотрѣлъ на Привалова, покрутилъ головой и заплетавшимся языкомъ проговорилъ:

— Чертъ возьми... изъ самыхъ нѣдръ пансіона вынырнуть... то есть былъ извлеченъ оттуда... А тамъ славная штучка у Хины запрятана... Глаза: масло съ икрой... а кулаки у этого неземнаго созданія!.. Я только хотѣлъ заняться географіей, а она мсня какъ хватить кулакомъ...

Приваловъ и Вережкинъ засмѣлись, а Бахаревъ, пошатываясь и крутя головой, доплелся до оттомана, на которомъ и растянулся. Сдѣлавъ героическое усиліе удержаться на локтяхъ, онъ проговорилъ:

— Послу...ушай Приваловъ... я тебя люблю... а ты не знаешь ничего... нѣтъ...

— Сергѣй Александрычъ знаетъ только то, что тебѣ нужно хорошенько выспаться,—замѣтилъ Вережкинъ.

— Нѣ-ѣтъ... Вы думаете, что я дуракъ... пьянь... Послушай, Приваловъ, я... тебѣ вотъ что скажу...

Бахаревъ сѣлъ и разсѣянно посмотрѣлъ кругомъ.

— Мама тебя очень... любить, продолжалъ онъ, раскачивая ногами.—Вѣдь мама отличная старуха... дда-а... У ней въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у Вережкина... въ головѣ!.. Да-а... Хе-е... А только мама теперь боится, знаешь чего... Гмъ... дда... Она боится, что ты женишься на Зосѣ... Ей-Богу!.. А Надя отличная дѣвушка... Ей-Богу! Она мнѣ сестра, а я всегда скажу: отличная... умная... Если-бы Надя

не была мнѣ сестра... ни за какія-бы коврижки не уступилъ тебѣ... Какъ ушей своихъ не увидалъ-бы... да... Ты непремѣнно женись на ней... слышишь? Послѣ спасибо скажешь... А мама боится Зоси, чтобы не отбила жениха... Ха-ха!.. Зося меня чуть не разцѣловала, когда я ее научилъ мухъ ловить.

— Ну, довольно, спи, говорилъ Веревкинъ, укладывая заболтавшася молодого человѣка.

Приваловъ вдругъ покраснѣлъ. Слова пьянаго Бахарева самымъ неприятнымъ образомъ подѣйствовали на него, не потому, что выставляли въ извѣстномъ свѣтѣ Марью Степановну, а потому, что имя дорогой для него дѣвушки было разболтано именно при Веревкинѣ. Тотъ могъ подумать чортъ знаетъ что...

— Викторъ отличный парень, только ужъ какъ попало ему въ голову — и понесъ всякую чепуху, говорилъ Веревкинъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ смущенія Привалова. — Вреть, какъ пьяная баба... Самая гнилая натурешка!.. Впрочемъ, Викторъ говорить только то, что теперь говорить цѣлый городъ, прибавилъ Веревкинъ. — Какъ тертый калачъ, могу вамъ дать одинъ золотой совѣтъ: никогда не обращайтесь вниманія на то, что говорятъ здѣсь про людей за спиной. Это язва провинціи, особенно нашей. Оно и понятно: мы, мужчины, можемъ хоть въ карты рѣзаться, а дамамъ что остается? Впрочемъ, я это только къ слову... дамы не по моей части.

Бахарева громко храпѣлъ, раскинувшись на оттоманѣ. У Привалова немного отлегло на сердцѣ, и онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на своего собесѣдника, проговоривъ:

— Что касается меня, то мнѣ рѣшительно все равно, что ни болтали-бы, но вѣдь здѣсь является имя дѣвушки; наконецъ, сама Марья Степановна можетъ показаться въ такомъ свѣтѣ...

— Э, батенька, плюньте... Мы вотъ лучше о дѣлѣ побалагуримъ. Викторъ, спишь? Спать...

Въ нѣсколькихъ словахъ Веревкинъ далъ замѣтить Привалову, что знаетъ дѣло о наслѣдствѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ и намекнулъ, между прочимъ на то, что исчезновеніе Тита Привалова тѣсно связано съ какой-то очень смѣлой идеей, которую хотятъ провести опекуны.

— Именно? спросилъ Приваловъ.

— Собственно, опредѣленныхъ данныхъ я въ рукахъ не имѣю, отвѣчалъ уклончиво Веревкинъ: — но у меня есть нѣ-

которая нить... Видите-ли, настоящая каша заваривается еще только теперь, а все, что было раньше,—только цвѣточки.

— Помилуйте, Николай Ивановичъ, что-же еще-то можетъ быть?

— Объ этомъ мы еще поговоримъ послѣ, Сергѣй Александрычъ, а теперь я долженъ оставить... У меня дѣло въ судѣ, проговорилъ Веревкинъ, вынимая золотые часы. — Черезъ часъ я долженъ сказать рѣчь въ защиту одного субъекта, который убилъ троихъ. Извините, какъ-нибудь въ другой разъ... Да вотъ что: какъ-нибудь на дняхъ загляните въ мою конуру, тамъ и покалякаемъ. Эй, Викторъ, вставай, братику!

— Оставьте его, пусть спитъ, говорилъ Приваловъ. — Онъ мнѣ не мѣшаетъ.

— А вы съ нимъ не церемоньтесь... Такъ я буду ждать васъ, Сергѣй Александрычъ, по-просту безъ чиновъ. О моемъ предложеніи подумайте, а потомъ поговоримъ въ серьезъ.

Предложеніе Веревкина и слова пьянаго Виктора Васильича заставили Привалова задуматься. Что такое могъ подозрѣвать этотъ Веревкинъ въ дѣлѣ о наслѣдствѣ? Но, вѣдь, даромъ онъ не сталъ-бы болтать. Подозрѣвать, что своимъ намекомъ Веревкинъ хотѣлъ прибавить себѣ вѣсу — этого Приваловъ не могъ, по многимъ причинамъ: разъ, онъ хорошо относился къ Веревкину по университетскимъ воспоминаніямъ, затѣмъ Веревкинъ былъ настолько уменъ, что не допустить такого грубаго подходца; наконецъ, изъ словъ Веревкина, которыми онъ рекомендовалъ себя, можно вывести только-то, что онъ сразу хотѣлъ поставить себя начистоту, безъ всякихъ недомолвокъ. Только одно въ разговорѣ съ Веревкинымъ не понравилось Привалову, именно то, что Веревкинъ вскользь какъ будто желалъ намекнуть на зависимость Привалова отъ Константина Васильича.

— Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? думалъ Приваловъ, шагая по своему кабинету и искоса поглядывая на храпѣвшаго Виктора Васильича. — Константинъ Васильичъ можетъ имѣть свое мнѣніе, какъ я свое... Нѣтъ, я ужь, кажется, немного того...

Въ глубинѣ души Привалова оставалась еще капелька горечи, вызванная словами Виктора Васильича. Вѣдь онъ выдалъ себя головой Веревкину, хотя тотъ и дѣлалъ видъ, что ничего

не замѣчаетъ. «И чортъ-же его потянулъ за языкъ»... думалъ Приваловъ, сердито поглядывая въ сторону храпѣвшаго гостя. Викторъ Васильичъ спалъ въ самой непринужденной позѣ: лежа на спинѣ, онъ широко раскинулъ руки и свѣсилъ одну ногу на полъ; его молодое лицо дышало завиднымъ здоровьемъ и по лицу блуждала счастливая улыбка. Вѣдь въ этомъ лицѣ было что-то общее съ выраженіемъ лица Надежды Васильевны. Приваловъ остановился надъ спавшимъ гостемъ. Такой-же бѣлый, немного выпуклый лобъ, тѣ-же брови, тотъ-же разрѣзъ глазъ и такія-же темныя длинныя рѣсницы... Но тамъ все это было проникнуто такимъ чуднымъ выраженіемъ женскоѣ мягкости, всѣ линіи дышали такой чистотой, — казалось, вся душа выливалась въ этомъ прямомъ взглядѣ темносѣрыхъ глазъ. Зачѣмъ-же имя этой дѣвушки было произнесено этимъ Викторомъ Васильичемъ съ такими безжалостными поясненіями и собственными комментаріями? Надежда Васильевна съ перваго раза произвела самое сильное впечатлѣніе на Привалова, какъ мы уже видѣли. Если-бы онъ сталъ подробнѣе анализировать свое чувство, онъ легко могъ придти къ тому выводу, что впечатлѣніе носило довольно сложное происхожденіе: онъ смотрѣлъ на дѣвушку глазами своего дѣтства, за ея именемъ стояло обаяніе происхожденія... Вѣдь она была дочь Василія Назарыча; вѣдь въ ней говорила кровь Марьи Степановны; вѣдь... Приваловъ не могъ въ своемъ воображеніи отдѣлать дѣвушку отъ той обстановки, въ какой онъ ее видѣлъ. Этотъ старинный домъ, эти уютныя комнаты, эта старинная мебель, цвѣты, лица прислуги, самый воздухъ—все это было слишкомъ дорого для него и, именно, въ этой рамѣ Надежда Васильевна являлась не просто, какъ всякая другая дѣвушка, а послѣднимъ словомъ слишкомъ длинной и слишкомъ краснорѣчивой исторіи, въ которую было вплетено столько событій и столько дорогихъ именъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Приваловъ какъ-то избѣгалъ мысли, что Надежда Васильевна могла быть его женой. Нѣтъ, зачѣмъ-же такъ скоро... Жена совсѣмъ другое дѣло; онъ хотѣлъ ее видѣть именно такую, какою она была. Жена—слишкомъ грубое слово для выраженія того, что онъ хотѣлъ видѣть въ Надеждѣ Васильевнѣ. Онъ поклонялся въ ней тому, что было самаго лучшаго въ женщинѣ. Если-бы она была женой другого, онъ такъ-же относился-бы къ ней, какъ относился теперь. Стран-

ное дѣло, это дѣвичье имя освѣтило какимъ-то совершенно новымъ свѣтомъ всѣ его завѣтныя мечты и самыя дорогіе планы. Раньше все это было сухой мозговой выкладкой, а теперь... Нѣтъ, одно существованіе на свѣтѣ Надежды Васильевны придавало всѣмъ его планамъ совершенно особенный смыслъ и ту именно теплоту, какой имъ не доставало. Обдумывая ихъ здѣсь, въ Узлѣ, онъ находилъ въ нихъ много новаго, чего раньше не замѣчалъ совсѣмъ. Раньше онъ иногда сомнѣвался въ ихъ осуществимости, иногда какое-то нехорошее чувство закрадывалось въ душу, но теперь ему стоило только вызвать въ своемъ воображеніи дорогія черты, и все дѣлалось необыкновенно ясно, всякія сомнѣнія падали сами собой. Каждый разъ онъ испытывалъ то счастливое настроеніе, когда человѣкомъ овладѣваетъ какой-то приливъ силъ.

XVII.

— Баринъ-то фракъ надѣлъ!.. слышимъ шепотомъ докладывала Матрешка Хіоніи Алексѣевнѣ. — Своими глазами, барыня, видѣла... Сейчасъ пальто въ передней надѣваетъ...

Заплата прильнула къ окну; у ней даже сердце усиленно забилося въ высохшей груди: — куда поѣдетъ Приваловъ? Если направо, по Нагорной — значитъ, къ Ляховскому, если прямо, по Успенскому бульвару — къ Половодову. Вонъ, Ипать и извощика свистнулъ, вонъ, и Приваловъ вышелъ, что-то подумалъ про себя, посмотрѣлъ направо и сказалъ извощику:

— Въ Нагорную... налѣво.

Отъ послѣдняго слова въ груди Хіоніи Алексѣевны точно что оборвалось. Она даже задрожала. Теперь все пропало, все кончено: Приваловъ поѣхалъ дѣлать предложеніе Nadine Бахаревой. Вотъ тебѣ и женихъ...

Приваловъ, пока Заплата успѣла немного придти въ себя, уже проходилъ на половину Марьи Степановны. По дорогѣ мелькнуло улыбнувшееся лицо Даши, а затѣмъ показалась Вѣрочка. Она была въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ и съ удивленіемъ посмотрѣла на фракъ Привалова.

— Марью Степановну можно видѣть? спросилъ Приваловъ, раскланиваясь съ Вѣрочкой.

— Она въ моленной... разсѣянно отвѣтила дѣвушка, продолжая смотрѣть на гостя съ прежнимъ удивленіемъ.

«Какая славная эта Вѣрочка...», подумалъ Приваловъ, любясь смущеніемъ маленькой хозяйки; онъ даже пожалѣлъ, что какъ-то совсѣмъ не обращалъ вниманія на Вѣрочку все время и хотѣлъ теперь вознаградить свое невниманіе къ ней.

— Васъ, кажется, смущаетъ немного мой фракъ? заговорилъ Приваловъ. — Я сейчасъ отправляюсь къ Ляховскому и захвачу поговорить съ Марьей Степановной...

Вѣрочка вся вспыхнула, взглянула на Привалова какъ-то изподлобья, совсѣмъ по-дѣтски, и тихо отвѣтила:

— Надя часто бывала раньше у Ляховскихъ...

— А вы?

— Мнѣ мама не позволяетъ ѣздить къ нимъ: у Ляховскихъ всегда собирается большое общество, много мужчинъ... Да вонъ и мама.

— Наконецъ-то ты собрался, весело проговорила Марья Степановна, появляясь въ дверяхъ. — Вижу, вижу; ну, что-же, Богъ тебя благословитъ...

— Нарочно захвачу къ вамъ, Марья Степановна, чтобы набраться смѣлости.

— Не видала я тебя во фракъ-то... Никакой красоты даже нѣтъ; прежде этихъ самыхъ фраковъ и въ заводѣ не было промежду купечества. Такъ чиновники разные носили, а чтобы купецъ надѣлъ фракъ—ни, ни!

— Я и самъ не люблю, Марья Степановна, да ужь такъ принято, оправдывался Приваловъ.

— Да, вѣдь, я такъ сказала. Не въ одежѣ дѣло... А ты къ Василию Назарычу заходилъ? Зайди, а то еще пожалуй разсердится. Онъ и то какъ-то поминалъ, что тебя давно не видно... Никакъ съ недѣлю ужь не былъ.

— Боюсь надоѣсть.

— Ну, ну, не говори пустого. Все неможется Василию-то Назарычу, привязала его эта нога.

Они поговорили еще съ четверть часа, но Приваловъ не уходилъ, поджидая, не послышится-ли въ сосѣдней комнатѣ знакомый шорохъ женскаго платья. Онъ даже оглянулся раза два, что не ускользнуло отъ вниманія Марьи Степановны, хотя она и сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Привалова просто мучило желаніе непременно увидѣть Надежду Васильевну. Разъ два какъ-то случилось, что она не выходила къ нему, но сегодня онъ испытывалъ какое-то ноющее тоскливое чувство

ожиданія; ему было непріятно, что она не хочет показаться. Послѣ пьяной болтовни Виктора Васильича въ душѣ Привалова выросла какая-то щемящая потребность видѣть дѣвушку, слышать звукъ ея голоса, чувствовать ея присутствіе. Онъ нарочно откладывалъ свой визитъ къ Бахаревымъ день-за-день, и вотъ награда... Марья Степановна точно не желала замѣчать настроенія своего гостя и говорила о самыхъ невинныхъ пустякахъ, не обращая вниманія даже на то, что Приваловъ отвѣчалъ ей совсѣмъ не впопадъ. Вѣрочка раза два входила въ комнату, поглядывая искоса на гостя, и дѣлала такую мину, точно удивлялась, что онъ продолжаетъ еще сидѣть.

— А вѣдь Надя-то уѣхала, проговорила Марья Степановна, когда Приваловъ началъ прощаться.

— На заводы уѣхала, къ Костѣ, прибавила она, когда Приваловъ какимъ-то глупымъ, остановившимся взглядомъ посмотрѣлъ на нее.—Доктора Сараева знаешь?

— Да, помню немного...

— Ну вотъ съ нимъ и уѣхала.

«Уѣхала, уѣхала, уѣхала...» какъ молотками застучало въ мозгъ Привалова, и онъ плохо помнилъ, какъ простился съ Марьей Степановной, и точно въ какомъ туманѣ прошелъ въ переднюю; только здѣсь онъ немного пришелъ въ себя, и въ его головѣ мелькнула мысль, что ему нужно еще зайти къ Василию Назарычу.

ХVIII.

Бахаревъ сегодня былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и встрѣтилъ Привалова съ веселымъ лицомъ. Даже болѣзнь, которая привязала его на цѣлый мѣсяцъ въ кабинетъ, казалась ему забавной, и онъ называлъ ее собачьей старостью. Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, и у него тоже гора свалилась съ плечъ. Недавнее тяжелое чувство разлетѣлось дымомъ, и онъ весело смѣялся вмѣстѣ съ Василиемъ Назарычемъ, который разсказалъ нѣсколько смѣшныхъ исторій изъ своей тревожной, полной приключеній жизни.

— А что, Сергѣй Александрычъ, проговорилъ Бахаревъ, хлопая Привалова по плечу:—Вотъ ты теперь третью недѣлю живешь въ Узлѣ, поосмотрѣлся, пообдумалъ свое положеніе...

такъ я говорю? Интересно знать, что ты надумалъ... а? Вѣдь твое дѣло молодое; не то, что наше стариковское: на всѣ четыре стороны скатертью дорога. Вѣдь не сидѣть-же такому молодцу, сложа руки...

Приваловъ не ожидалъ такого вопроса и замялся, но Бахаревъ продолжалъ:

— Знаю, впередъ знаю отвѣтъ: «Нужно подумать... не осмотрѣлся хорошенько»... Такъ вѣдь? Этакіе нынче осторожные люди пошли; не то что мы: либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ. Да, вѣдь, ничего, живы и съ голоду не умерли. Такъ-то Сергѣй Александрычъ... А я вотъ что вамъ скажу: прожили вы въ Узлѣ три недѣли и еще проживете десять лѣтъ—новаго ничего не увидите. Увѣряю васъ. Одна канитель: день да ночь и сутки прочь, а вновь ничего. Вѣдь ты совсѣмъ въ Узлѣ останешься?

— Да.

— И отлично; значить, къ заводскому дѣлу хочешь приучать себя? Что-же, хозяйскій глазъ да въ такомъ дѣлѣ—первѣе всего.

— Нѣтъ... Вѣдь заводы, Василій Назарычъ, еще неизвѣстно кому достанутся. Объ этомъ говорить еще рано...

— Конечно, конечно... Въ копнахъ не сѣно, въ долгахъ не деньги. Но мнѣ все-таки хочется знать твое мнѣніе о заводахъ, Сергѣй Александрычъ.

— Вы хотите этого непременно? спросилъ Приваловъ, глядя въ глаза старику.

— Да, непременно...

Послѣ короткой паузы Приваловъ очень подробно объяснилъ Бахареву, что онъ не любитъ заводскаго дѣла и считаетъ его искусственно созданной отраслью промышленности. Но отказаться отъ заводовъ онъ не желаетъ, и не можетъ, разъ потому, что это родовое имущество и, во вторыхъ, что съ судьбою заводовъ связаны судьбы сорокатысячнаго населенія и будущность трехсотъ тысячъ десятинъ земли на Уралѣ. Въ заключеніе Приваловъ замѣтилъ, что ни въ какомъ случаѣ не рассчитываетъ на доходы съ заводовъ, а будетъ изъ этихъ доходовъ уплачивать долгъ и понемногу, постепенно поднимать производительность заводовъ. Бахаревъ слушалъ это откровенное признаніе, склонивъ немного голову на бокъ. Когда Приваловъ кончилъ, онъ безмолвно притянулъ его къ себѣ, обнялъ

и поцѣловалъ. На глазахъ старика стояли слезы, но онъ не отиралъ ихъ и, глубоко вздохнувъ, проговорилъ прерывавшимся отъ волненія голосомъ:

— Спасибо, Сережа... умру спокойно теперь... да, голубчикъ. Утѣшилъ ты меня... Спасибо, спасибо...

Бахаревъ закрылъ лицо руками и нѣсколько секундъ сидѣлъ неподвижно; высокая грудь поднималась волной, и когда онъ отнял руки, лицо улыбалось сквозь слезы, стоявшія въ глазахъ и засѣвшія искорками въ сѣдой, лохматой бородѣ.

— Я дѣлаю только то, что долженъ, замѣтилъ Приваловъ, растроганный этой сценой. — Въ качествѣ наслѣдника, я обязанъ не только выплатить лежащій на заводахъ государственный долгъ, но его гораздо большій долгъ...

— Еще какой долгъ?

— А какъ-же, Василій Назарычъ... Вѣдь заводы устроены чьимъ трудомъ, по вашему?

— Какъ чьимъ? Заводы устраивалъ твой пращуръ, Титъ Приваловъ,—его трудъ былъ, потомъ Гуляевъ устраивалъ ихъ,—значить, гуляевскій трудъ.

— Да, это вѣрно, но владѣльцы сторицей получили за свои хлопоты, а вы забываете башкиръ, на землѣ которыхъ построены заводы. Забываете приписныхъ къ заводамъ крестьянъ.

— Да вѣдь башкиры продали землю...

— За два съ полтиной на ассигнаціи и за три фунта кирпичнаго чая!

— А хоть-бы и такъ... Это ихъ дѣло и насъ не касается.

— Нѣтъ, очень касается, Василій Назарычъ. Какъ назвать такую покупку, если-бы она была сдѣлана нынче! Я не хочу этимъ набрасывать тѣнь на Тита Привалова, но...

— Что-же ты, значить, хочешь возвратитъ землю башкирамъ? Да вѣдь они ее все равно продали-бы другому, если-бы пращуръ-то не взялъ... Ты объ этомъ подумалъ? А теперь только отдай имъ землю, такъ завтра-же ее не будетъ... Нѣтъ, Сергѣй Александрычъ, ты этого никогда не сдѣлаешь.

— Я и не думаю отдавать землю башкирамъ, Василій Назарычъ; пусть пока она числится за мной, а съ башкирами можно разсчитаться и другимъ путемъ...

— Не понимаю что-то...

— Если-бы я отдалъ землю башкирамъ, тогда чѣмъ-бы заплатилъ мастерамъ, которые работали на заводахъ полтора-

ста лѣтъ?.. Земля башкирская, а заводы созданы крѣпостнымъ трудомъ. Чтобы не обидѣть тѣхъ и другихъ, я долженъ лично поставить заводы и тогда постепенно расплачиваться съ своими историческими кредиторами. Въ какой формѣ устроится все это — я еще теперъ не могу вамъ сказать, но только скажу одно, — именно, что ни одной копѣйки не возьму лично себѣ...

— Ахъ, Сережа, Сережа... шепталъ Бахаревъ, качая головой.—Добрая у тебя душа-то... золотая... Хорошая, вѣдь, въ тебѣ кровь-то; это она сказывается. Только... мудреное ты дѣло затѣваешь, небывалое... Вотъ я—скоро и помирать пора, а не пойму хорошенько.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, Василій Назарычъ.

— Да, да, поговоримъ... А ежели ты дѣйствительно такъ хочешь сдѣлать, какъ говоришь, много грѣха снимешь съ отцевъ-то. Значить заводы пойдутъ сами собой, а самъ-то ты что для себя будешь дѣлать? Эхъ Сергѣй Александрычъ, Сергѣй Александрычъ. Гляжу я на тебя и думаю: здоровъ, молодъ,—скатертью дорога на всѣ четыре стороны... Да. Не то, что наше, стариковское дѣло: только еще хочешь повернуться, а смерть за плечами. Живи не живи, а помирать приходится... Эхъ, я-бы на твоёмъ мѣстѣ махнулъ по отцовской дорожкѣ!.. Закатился-бы на Саянъ... Вѣдь нынче свобода на прискахъ, а я-бы тебѣ указалъ цѣлый десятокъ золотыхъ мѣстечекъ. Сталь-бы поминать старика добромъ... Костя не хотѣлъ меня слушать, такъ доставайся хоть тебѣ!

Приваловъ улыбнулся.

— Я тебѣ серьезно говорю, Сергѣй Александрычъ. Чего киснуть въ Узлѣ-то? По рукамъ, что-ли? Костя на заводахъ будетъ управляться, а мы съ тобой на приски; вотъ только моя нога немного поправится...

— Нѣтъ, Василій Назарычъ, я никогда не буду золото-промышленникомъ, твердымъ голосомъ проговорилъ Приваловъ.—Извините меня, я не хотѣлъ васъ обидѣть этимъ, Василій Назарычъ, но если я по обязанности долженъ удерживать за собой заводы, то относительно присковъ у меня такой обязанности нѣтъ.

Бахаревъ какими-то мутными глазами посмотрѣлъ на Привалова, пощупалъ свой лобъ и улыбнулся нехорошей улыбкой. Отвѣтъ Привалова, какъ ударъ грома, убилъ старика.

— Что-же вы думаете дѣлать здѣсь? спросилъ Василій Назарычъ упавшимъ сухимъ голосомъ.

— Я думаю заняться хлѣбной торговлей, Василій Назарычъ.

Старикъ тяжело повернулся въ своемъ креслѣ и какимъ-то испуганнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Я, кажется, ослышался... пробормоталъ онъ, вопросительно и со страхомъ заглядывая Привалову въ лицо.

— Нѣтъ, вы не ослышались, Василій Назарычъ. Я серьезно думаю заняться хлѣбной торговлей...

— Ты... будешь торговать... *мукой*?

— Между прочимъ, вѣроятно, буду торговать и мукой, съ улыбкой отвѣчалъ Приваловъ, чувствуя, что полъ точно уходитъ у него изъ подъ ногъ.— Мнѣ хотѣлось-бы объяснить вамъ, почему я именно думаю заняться этимъ, а не чѣмънибудь другимъ.

Бахаревъ потеръ опять свой лобъ и торопливо проговорилъ:

— Нѣтъ... не нужно!.. Я понимаю все, если способенъ только понимать что-нибудь...

Откинувшись на спинку кресла и закрывъ лицо руками, старикъ въ какомъ-то забытѣ повторялъ:

— Торговать мукой... *му-кой!*.. *Приваловъ* будетъ торговать *мукой*... *Василій Бахаревъ* купитъ у *Сергья Привалова* мѣшокъ *муки*...

Удушливый истерическій хохотъ раскатился по кабинету. У Привалова дрогнуло сердце отъ этого хохота, и онъ низко опустилъ свою голову, точно его придавила какая-то тяжелая рука.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Неопредѣленное положеніе дѣлъ оставляло въ рукахъ Хіоніи Алексѣевны слишкомъ много свободнаго времени, которое теперь все цѣликомъ и посвящалось Агриппинѣ Филиппьевнѣ, этому неизмѣнному старому другу. Въ роскошномъ будуарѣ Вережкиной, а чаще въ ея не менѣе роскошной спальнѣ, теперь происходили самые оживленные разговоры, дѣлались удивительно смѣлыя предположенія и выстраивались истиннѣ грандіозные планы. Эти двѣ дамы теперь находились въ положеніи тѣхъ опытныхъ полководцевъ, которые на канунѣ битвы дѣлають рядъ самыхъ секретныхъ совѣщаній. Они спорили, горячились, даже выходили изъ себя, но всегда мирились на одной мысли, что всѣ мужчины положительнѣйшіе дураки, которые, какъ всѣ неизлечимо поврежденные, были глубоко убѣждены въ своемъ умѣ.

— Ахъ, если-бы вы только видѣли, Агриппина Филиппьевна! закатывая глаза, шептала Хіонія Алексѣевна. — Вѣдь всему-же на свѣтѣ бываютъ границы... Мнѣ просто гадко смотрѣть на все, что дѣлается у Бахаревыхъ! Эта Nadine съ перваго раза вѣшается на шею Привалову... А старики? Вы-бы только посмотрѣли, какъ они ухаживаютъ за Приваловымъ... Куда вся гордость дѣвалась! Василій Назарычъ готовъ для женишка въ мелочную лавочку за папиросами бѣгать. Ей-Богу!.. А какія мнѣ Марья Степановна грязныя предложенія дѣлала... Да развѣ я соглашусь присматривать да подслушивать за жильцомъ?!

— Однако, вы не ошиблись, кажется, что взяли его на квартиру, многозначительно говорила Агриппина Филиппьевна.

— Не ошиблась?!.. А вы спросите меня, Агриппина Филиппьевна, чего это стѣдить! Да... Я сначала долго отказывалась, но эта Марья Степановна такъ пристала ко мнѣ, такъ пристала, — понимаете, съ ножомъ къ горлу. — «Пожалуйста, Хіонія Алексѣевна! Душечка, Хіонія Алексѣевна... Мы будемъ ужь спокойны, если Приваловъ будетъ жить у васъ». Вѣдь знаете мой проклятый характеръ: никакъ не могла отказать. Теперь и надѣла себѣ петлю на шею... Расходы, хлопоты, безпокойство, а тамъ еще что будетъ?..

— Такъ вы говорите, что Приваловъ не будетъ пользоваться вниманіемъ женщинъ? задумчиво спрашивала Агриппина Филиппьевна уже во второй разъ.

— Рѣшительно не будетъ, потому-что въ немъ нѣтъ этого... какъ вамъ сказать... между нами говоря... нѣтъ именно той смѣлости, которая нравится женщинамъ. Вѣдь въ извѣстныхъ отношеніяхъ все зависитъ отъ умѣнья схватить удобный моментъ, воспользоваться минутой, а у Привалова... Я сомнѣваюсь, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ...

— У Привалова есть милліоны, продолжала Агриппина Филиппьевна мысль пріятельницы.

— Только и есть, что одни милліоны...

— Кажется достаточно.

— Да... Но вѣдь милліонами не заставишь женщину любить себя... Порывъ, страсть — да развѣ это покупается на деньги? Конечно, всѣ эти Бахаревы и Ляховскіе будутъ ухаживать за Приваловымъ: и Nadine, и Sophie, но... Я, право, не знаю, что находятъ мужчины въ этой вертлявой Зосѣ?.. Ну, скажите мнѣ, ради Бога, что въ ней такого: маленькая, сухая, вертлявая, бѣлобрысая... Удивляюсь!

Агриппина Филиппьевна была нѣсколько другого мнѣнія относительно Зоси Ляховской, хотя и находила ее слишкомъ эксцентричной. Извѣстная степень оригинальности, конечно, идетъ къ женщинѣ и дѣлаетъ ее заманчивой въ глазахъ мужчинъ, хотя это слишкомъ скользкій путь, на которомъ не трудно дойти до смѣшного.

Несмотря на свои сорокъ восемь лѣтъ, Агриппина Филиппьевна была еще очень моложава, прилично полна и обладала самыми аристократическими манерами. Въ ея наружности было что-то очень внушительное, особенно когда она улыбалась своей покровительственной улыбкой. Свѣтлорусые волосы, неопредѣленнаго цвѣта глаза и свѣжія полныя губы дѣлали ее еще настолько красивой, что никто даже не подумалъ-бы смотрѣть на нее, какъ на мать цѣлой дюжины дѣтей. Еще меньше можно было, глядя на эту цвѣтущую мать семейства, заключить о тѣхъ превратностяхъ, какими была преисполнена вся ея тревожная жизнь.

Когда-то, очень давно, Агриппина Филиппьевна и Хіонія Алексѣевна воспитывались въ одномъ московскомъ пансіонѣ,

гдѣ требовался, во-первыхъ, французскій языкъ, во-вторыхъ, французскій языкъ и, въ-третьихъ, французскій языкъ. Изъ обрусѣлыхъ рижскихъ нѣмокъ по происхожденію, Агриппина Филиппевна обладала счастливымъ, ровнымъ характеромъ; кажется, это было единственное наслѣдство, полученное ею подъ родительской кровлей, гдѣ оставались еще шесть сестрицъ и одинъ братецъ. Въ пансіонѣ Агриппина Филиппевна и Хіонія Алексѣевна, выражаясь на пансіонскомъ жаргонѣ, обожали одна другую. Мы уже знаемъ исторію Хіоніи Алексѣевны. Агриппина Филиппевна прямо изъ пансіонскаго дортуара вышла замужъ за Ивана Яковлича Веревкина, который, благодаря отчасти своему дворянскому происхожденію, отчасти протекціи, подходилъ подъ рубрику молодыхъ людей «подающихъ блестящія надежды». Но Иванъ Яковличъ такъ и остался при блестящихъ надеждахъ, не сдѣлавъ никакой карьеры, хотя мѣнялъ родъ службы разъ десять. Агриппина Филиппевна дарила мужа исправно черезъ каждый годъ то дѣвочкой, то мальчикомъ. Такимъ образомъ получилась въ результатѣ прескверная исторія: семья росла и увеличивалась, а однѣми надеждами Ивана Яковлича и французскимъ языкомъ Агриппины Филиппевны не проживешь. Одинъ счастливый случай выручилъ не только Агриппину Филиппевну, но и весь букетъ рижскихъ сестрицъ. Дѣло въ томъ, что одной изъ этихъ сестрицъ выпало рѣдкое счастье сдѣлаться женой очень дряхлой, но очень важной особы. Какъ только свершилось это многозначительное событіе, т. е. какъ только Гертруда Шпигель сдѣлалась *madame* Коробинь-Унковской, тотчасъ-же всѣ рижскія сестрицы съ необыкновенной быстротой пошли въ ходъ, т. е. были выданы замужъ за разную чиновную мелюзгу. Какъ разъ въ это время въ Узлѣ открывалось отдѣленіе государственнаго банка, и мужья двухъ сестрицъ сразу получили мѣста директоровъ. Эти сестрицы выписали изъ Риги остальныхъ четырехъ, изъ которыхъ одна вышла за директора гимназіи, другая за доктора, третья за механика, а четвертая, не пожелавшая, за преклонными лѣтами, связывать себя узами гименея, получила мѣсто начальницы узловской женской гимназіи. Однимъ словомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени сестрицы Шпигель завоевали цѣлый городъ и начали усиленно плодиться.

Иванъ Яковличъ тоже попалъ на какое-то мѣсто въ банкъ, безъ опредѣленнаго названія, за то съ солиднымъ окладомъ. Но

и родство съ важной особой не помогло осуществленію подаваемыхъ имъ блестящихъ надеждъ. Попавъ въ Узель, онъ бросилъ скоро всякую службу и бойко пошелъ по широкой дорожкѣ карточного игрока. Этотъ почтенный отецъ семейства совсѣмъ не вмѣшивался въ свои фамиліи дѣла, великодушно предоставивъ ихъ собственному теченію. Дома онъ почти не жилъ, потому что велъ самую цыганскую жизнь, посѣщая ярмарки, клубы, игорные притоны и тому подобныя значныя мѣста. Впрочемъ, въ трудныя минуты своей жизни, въ случаѣ крупнаго проигрыша или какого-нибудь скандала, Иванъ Яковличъ на короткое время являлся у своего семейнаго очага и довольно терпѣливо разыгрывалъ скромнаго семьянина и почтеннаго отца семейства. Онъ въ этихъ случаяхъ былъ необыкновенно внимателенъ къ женѣ, ласкалъ дѣтей и, уловивъ удобную минуту, опять исчезалъ въ свою родную стихію. Спрашивается, откуда получались тѣ десять тысячъ, которыя тратила Агриппина Филиппьевна ежегодно? Это былъ настолько щекотливый и тонкій вопросъ, что его обыкновенно обходили молчаніемъ или говорили просто, что Агриппина Филиппьевна «живетъ долгами», т. е. что она была такъ много должна, что кредиторы, подъ опасеніемъ не получить ничего, поддерживали ея существованіе. Но и этотъ, несомнѣнно очень ловкій, *modus vivendi* могъ имѣть свой естественный и скорый конецъ, если-бы Агриппина Филиппьевна, съ одной стороны, не выдала своей старшей дочери за директора узловско-моховскаго банка, Половодова, а съ другой—если-бы ея первенецъ какъ разъ къ этому времени не сдѣлался однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ въ Узлѣ. Эти два обстоятельства значительно повысили фонды Агриппины Филиппьевны и она могла со спокойной совѣстью устраивать по четвергамъ свои элегантныя *soirées*, на которыхъ безусловно господствовалъ французскій языкъ, обсуждалась каждая выдающаяся новость и испытывали свои силы всякіе заѣзжіе артисты и артистки.

И такъ, несмотря на то, что жизнь Агриппины Филиппьевны была открыта всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, бурямъ и непогодамъ, она произвела на свѣтъ цѣлую дюжину маленькихъ ртовъ. Эта живая лѣстница, начинавшаяся съ извѣстнаго уже намъ *Nicolas*, постепенно переходила черезъ разныхъ *André*, *Woldemar*, *Nini* и *Bébé*, пока не обрывалась шестимѣсячнымъ Вадимомъ. Дѣти помѣщались въ какомъ-то корридорѣ, перегороженномъ тонкими

пирмочками на нѣсколько отдѣльных помѣщеній. Эта дворянская поросль имѣла рѣшительный перевѣсъ въ мужской линіи. Два старшихъ мальчика учились въ классической гимназіи, одинъ—въ военной, одинъ въ реальномъ училищѣ и т. д. Въ недалекомъ будущемъ муравейникъ Агриппины Филиппьевны грозилъ осчастливить благодарное отечество неутомимыми дѣятелями на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Мы уже сказали, что старшая дочь Агриппины Филиппьевны была замужемъ за Половодовымъ; слѣдующая за нею по лѣтамъ, Алла, вступила уже въ тотъ цвѣтущій возрастъ, когда ей неприлично было оставаться въ нѣдрахъ муравейника, и она была переведена въ спальню татап, гдѣ и жила на правахъ совѣмъ взрослой барышни. Понятно, что Алла не могла относиться къ обитателямъ муравейника иначе, какъ только съ глубокимъ презрѣніемъ. Когда ей случалось проходить по территоріи муравейника, она цѣломудренно подбирала свои безукоризненно накрахмаленныя юбки и даже зажимала носъ.

Nicolas Веревкинъ получилъ первыя впечатлѣнія своего бытія тоже не въ завидной обстановкѣ. Но это не помѣшало ему быть нѣкоторымъ исключеніемъ, даже цѣлымъ домашнимъ божкомъ, потому что Агриппина Филиппьевна чувствовала непреодолимую слабость къ своему первенцу и создала около него что-то въ родѣ культа. Все, что ни дѣлалъ Nicolas, было верхомъ совершенства; самая возможность критики отрицалась. Когда Nicolas выбросили изъ гимназіи за крупный скандалъ, Агриппина Филиппьевна и тогда не сказала ему въ упрекъ ни одного слова, а собрала послѣднія крохи и на нихъ отправила своего любимца въ Петербургъ. Nicolas вполнѣ оправдалъ то довѣріе, какимъ пользовался. Онъ быстро освоился въ столицѣ, сдалъ экзаменъ за гимназію и взялъ въ университетѣ кандидата правъ. Воспоминаніемъ объ этотъ счастливомъ времени служили Агриппинѣ Филиппьевнѣ письма Nicolas, не отличавшія особой полнотой, но неизмѣнно остроумныя и всегда беззаботныя. Между прочимъ, у Агриппины Филиппьевны хранилось вырѣзанное изъ газетъ объявленіе, въ которомъ студентъ, «не стѣсняющійся разстояніемъ», предлагалъ свои услуги по части воспитанія юношества. Эти beaux mots несравненнаго Nicolas заставляли смѣяться счастливую мамашу до слезъ. Нестѣсненіе разстояніемъ проходило красной нитью черезъ всю жизнь Nicolas, особенно черезъ его адвокатскую дѣятель-

ность. Агриппина Филиппьевна никогда и ничего не требовала отъ своего божка, кромѣ того, чтобы этотъ божекъ непременно жилъ подъ одной съ ней кровлей, подъ ея крылышкомъ.

Послѣ Nicolas, самой близкой къ сердцу Агриппины Филиппьевны была, конечно, Алла. Она не была красавицей; лицо у ней было совсѣмъ неправильно; но въ этой, еще формировавшейся, съ дѣтскими угловатыми движеніями дѣвушкѣ Агриппина Филиппьевна чувствовала что-то обѣщающее и очень оригинальное. Алла уже выработала въ себѣ тотъ свѣтскій тактъ, который начинается съ умѣнья во-время выйти изъ комнаты и заканчивается такими сложными комбинаціями, которыхъ не распутать никакому мудрецу. Хіонія Алексѣевна конечно тоже восхищалась Аллой и не упускала случая проговорить:

Elle est tellement innocente
Qu'elle ne connait presque rien...

— Скажите, пожалуйста, что дѣлаетъ вашъ братецъ? нѣсколько разъ спрашивала Хіонія Алексѣевна.

— Оскаръ? О, это безнадежно глупый человѣкъ и больше ничего, отвѣчала Агриппина Филиппьевна.— Представьте себѣ только: человѣкъ изъ Петербурга тащится на Уралъ, и зачѣмъ?.. Какъ-бы вы думали? Пріѣхалъ *удить рыбу*... Ну, скажите ради Бога, это-ли не идиотство?

— Гмъ... да... Но вѣдь у Оскара Филиппыча, кажется, очень хорошее мѣсто въ Петербургѣ?

— Да; благодаря сестрѣ Гертрудѣ, получаетъ ни за что тысячь пять,—что-же ему дѣлать?.. Идиотъ!.. Наберетъ съ собой мальчишекъ моихъ и цѣлые дни удить съ ними рыбу.

— Скажите, какой странный характеръ...

— Да просто глупость, Хіонія Алексѣевна.

— Мнѣ кажется страннымъ, что появленіе Оскара Филиппыча совпало съ пріѣздомъ Привалова...

— Ахъ, вы, Хіонія Алексѣевна, кажется, совсѣмъ помѣшались на своемъ Приваловѣ... Помилуйте, какое можетъ быть отношеніе, когда братъ просто глупъ? Самая обыкновенная исторія..

Эти разговоры заканчивались иногда стереотипнымъ разсужденіемъ о «гордецѣ».

— Конечно, онъ вамъ зять, говорила Хіонія Алексѣевна, откидывая голову назадъ:—но я всегда скажу про него: Алек-

сандръ Павлычъ — гордецъ... Да, да. Лучше не защищайте его, Агриппина Филиппьевна! Я знаю, что онъ и къ вамъ относится немного критически... Да-съ. Что онъ директоръ банка и приваловскій опекунъ, такъ и, Господи Боже, рукой не достанешь! Вѣдь не всѣмъ-же быть директорами и опекунами, Агриппина Филиппьевна.

Теперь къ этому разсужденію о гордецѣ пристегивалось такое заключеніе:

— Хотя Александръ Павлычъ и зять вамъ, Агриппина Филиппьевна, но я очень рада, что Приваловъ поубавитъ ему спѣси... Да-съ, очень рада. Вы, пожалуйста, не защищайте своего зятка, Агриппина Филиппьевна.

— Я и не думаю, Хіонія Алексѣевна.

— Вотъ еще Ляховскій... Разжился фальшивыми ассигнаціями да краденымъ золотомъ, и чорту не брать! Нѣтъ, вотъ теперь до всѣхъ васъ доберется Приваловъ... Да. Онъ даромъ что такимъ выглядить тихонькимъ и, конечно, не будетъ имѣть успѣха у женщинъ, но Александра Павлыча съ Ляховскимъ подтянетъ. Знаете, я слышала, что этого несчастнаго мальчика, Тита Привалова, отравили гдѣ-то въ Швейцаріи и сбросили въ пропасть. Какъ вы думаете, чьихъ рукъ это дѣльце?

Агриппина Филиппьевна ничего не находила сказать на этотъ слишкомъ смѣлый вопросъ, а Хіонія Алексѣевна отвѣчала сама:

— Конечно, Ляховскій!.. Это ясно, какъ день. Онъ на все способенъ.

— Я не понимаю, какая цѣль могла быть въ такомъ случаѣ у Ляховскаго? Nicolas говоритъ, что въ интересѣ опекуновъ имѣть Тита Привалова на лицо, иначе послѣдуетъ раздѣлъ наслѣдства, и конецъ опеки.

— Пустяки, пустяки... Я знаю, что это дѣло Ляховскаго, а вашъ Nicolas обманываетъ. Вѣдь я знаю, *mon ange*, зачѣмъ Nicolas пріѣзжалъ тогда къ Привалову...

— Вы знаете, Хіонія Алексѣевна, что я никогда не вмѣшиваюсь въ дѣла Nicolas,—это мой принципъ.

— А я все-таки знаю и желаю, чтобы Nicolas хорошенько подобралъ къ рукамъ и Привалова, и опекуновъ... Да. Пусть Бахаревы останутся съ носомъ и любятъ на свою *Nadiné*, а мы женимъ Привалова на Алѣ... Вотъ увидите. Это только нужно повести дѣло умненько: *tête-à-tête*, маленькій пикникъ,

что-нибудь въ родѣ нервнаго припадка... Вѣдь эти мужчины всѣ дураки: увидали женщину и сейчасъ глаза за корсетъ. Вотъ мы...

— Нѣтъ, Хіонія Алексѣевна, позвольте вамъ замѣтить, возражала съ достоинствомъ Агриппина Филиппевна:—вы такъ говорите о моей Аллѣ, будто она какаѣ-нибудь Христова невѣста.

— Ахъ, я пошутила, Агриппина Филиппевна. Но за всѣмъ тѣмъ, я мое дѣло знаю...

II.

Приваловъ пріѣхалъ къ Вережкину утромъ. У чистенькаго подъѣзда онъ встрѣтилъ толпу оборванныхъ мужиковъ, которые сняли шапки и почтительно дали ему дорогу. Они все время оставались безъ шапокъ, пока Приваловъ дожидался лакея, отворившаго парадную дверь.

— А намъ-бы Миколая Иваныча... вытягивая впередъ шею и неловко дергая плечами, заговорилъ кривой мужикъ, когда въ дверяхъ показался лакей съ большою лысиной на макушкѣ.

— Они дома-съ... почтительно докладывалъ онъ, пропуская Привалова на лѣстницу съ бархатнымъ ковромъ и экзотическими растеніями по сторонамъ. Пропустивъ гостя, онъ хлопнулъ дверь подъ носомъ у мужиковъ.—Пруть, сиволапые, прямо въ двери, ворчалъ онъ, забѣгая немного впередъ Привалова.

Пока лакей ходилъ съ докладомъ въ кабинетъ Вережкина, Приваловъ оставался въ роскошной гостиной Агриппины Филиппевны. Отъ нечего дѣлать онъ осматривалъ красивую орѣховую мебель, мраморныя вазы, красивыя драпировки на дверяхъ и окнахъ, пестрый коверъ, лежавшій у дивана, концертный рояль у стѣны, картины,— все было необыкновенно изящно и подобрано съ большимъ вкусомъ. Каждая вещь была поставлена такъ, что рекомендовала сама себя съ самой лучшей стороны и еще служила, въ то-же время, необходимымъ фономъ, объясненіемъ и дополненіемъ другихъ вещей. Самый опытный взглядъ вѣроятно не открылъ-бы рокового *un question d'argent*, который лежалъ въ основаніи всей этой художественной обстановки. Жалкая ложь была самымъ искуснымъ образомъ прикрыта богатой мебелью и мягкими коврами, служив-

шими продолженіемъ любезныхъ улыбокъ и аристократическихъ манеръ самой хозяйки. Привалову бросились въ глаза большого формата фотографіи на стѣнахъ. Это были снимки съ картинъ Маккарта и Шаплена,—вездѣ голое женское тѣло въ самыхъ заманчивыхъ позахъ такъ и рѣзало глазъ; хозяйка видимо знала толкъ въ этихъ позахъ, созданныхъ въ духѣ веселаго эллинизма. Приваловъ, конечно, не зналъ, что Агриппина Филиппьевна настолько сильна въ пластикѣ, а также и того, что въ спальнѣ Агриппины Филиппьевны и особенно въ злополучномъ корридорѣ были развѣшаны по стѣнамъ картины еще болѣе свободного содержанія. Агриппина Филиппьевна считала необходимымъ элементомъ воспитанія подобнаго рода картинки изъ жизни парижскихъ бульваровъ, фобурговъ и баль-мабилей, потому что онѣ, по ея мнѣнію, вырабатывали въ юношества свѣтлое и радостное воззрѣніе на жизнь.

— Милости просимъ, пожалуйста... донесся откуда-то изъ глубины голосъ Веревкина, а скоро показалась и его на-диво сколоченная фигура, облеченная теперь въ какой-то полосатый татарскій халатъ.—Ужъ вы извините меня, батенька, комично оправдывался Веревкинъ, подхватывая Привалова подъ руку: — Вы застали меня, можно сказать, на самомъ мѣстѣ преступленія... Дѣльце одно нужно было кончить, такъ въ халатѣ-то оно свободнѣе. Какъ надѣну проклятый сюртукъ,—мыслей въ головѣ нѣтъ. Я сейчасъ, Сергѣй Александровичъ... Обождите единую минуточку.

Веревкинъ поспѣшно скрылся за низенькой японской ширмочкой, откуда черезъ минуту до Привалова донеслось сначала тяжелое сопѣнье носомъ, а потомъ какое-то забавное фырканье. Можно было подумать, что за ширмочкой возится стадо тюленей или закладываютъ лошадей. Кабинетъ Веревкина былъ обставленъ, какъ всякій адвокатскій кабинетъ: мебель во вкусѣ трактирной роскоши, голыя красавицы на стѣнахъ, медвѣжья пикура у письменнаго стола, пикантныя статуэтки изъ терракотты на столѣ и т. д. Нѣкоторое исключеніе представлялъ графинъ водки, поставленный, вмѣстѣ съ объѣдками балыка, на кругломъ столикѣ у самаго письменнаго стола. Разсматривая эту обстановку, Приваловъ думалъ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Васильемъ Назарычемъ. Къ Ляховскому въ тотъ день Приваловъ, конечно, не поѣхалъ, какъ и въ слѣдующій за нимъ. Ему было слишкомъ тяжело и безъ того. Въ теченіи

трехъ дней у Привалова изъ головы не выходила одна мысль, мысль о томъ, что Надя уѣхала въ шатровскіе заводы. Ему страшно хотѣлось самому сейчасъ-же уѣхать на заводы, но его задерживала мысль, что это походило-бы на погоню и могло поднять въ городѣ лишніе толки. Да и опекуновъ необходимо было видѣть, чтобы явиться къ Костѣ не съ пустыми руками. Приваловъ остановился на Половодоѣ, потому что онъ былъ ближе къ Веревкину и отъ него удобно было получить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, прежде чѣмъ ѣхать къ Ляховскому.

— Водку пили? спрашивалъ Веревкинъ, выставляя изъ-за ширмы свою кудрявую голову. — Вотъ тутъ графинъ стоять... Одолжитесь. У меня сегодня какая-то жажда...

— Благодарю; я по утрамъ не пью, отозвался Приваловъ.

Въ это время дверь въ кабинетъ осторожно отворилась, и на порогѣ показался высокій, худой старикъ лѣтъ подь пятьдесятъ; замѣтивъ Привалова, старикъ хотѣлъ скрыться, но его остановилъ голосъ Веревкина:

— Это ты, папахень?.. Здѣсь свои... Сергѣй Александрычъ, рекомандую: мой родитель, развинтился плотію, но необыкновенно бодръ духомъ. Вообще, молодець старичина... Водки хочешь, папахень?

— Очень и очень пріятно, немного хриплымъ голосомъ проговорилъ Иванъ Яковлевичъ, нерѣшительно пожимая ладонь Привалова своей длинной, женскаго склада рукой. Привалову онъ показался необыкновенно похожимъ на одного изъ тѣхъ странныхъ субъектовъ, которые занимаются спиритизмомъ, читаютъ Пушкина и непременно играютъ на флейтѣ или иномъ музыкальномъ инструментѣ. — Весь городъ говоритъ о вашемъ пріѣздѣ, прибавилъ Иванъ Яковлевичъ, продолжая пожимать руку Привалова. — Очень и очень пріятно...

Длинная тощая фигура Ивана Яковлевича, съ согнутой спиной и тонкими ногами, не давала никакихъ основаній предположить, что Nicolas Веревкинъ былъ кость отъ костей, плоть отъ плоти именно такой подвижнической фигуры. Небольшая головка была украшена самою почтенною лысиной, точно всѣ волосы на макушкѣ были вылизаны коровой или другимъ какимъ животнымъ, обладающимъ не менѣе широкимъ и длиннымъ языкомъ; эта оригинальная головка была насажена на длинную жилистую шею съ рѣзко выдававшимся кадыкомъ,

точно горло было завязано узломъ. Неправильный носъ, густыя брови, выпѣвшіе сѣрые глаза и жиденькія баки придавали фizioноміи Ивана Яковлевича такое выраженіе, какъ будто онъ постоянно къ чему-то прислушивался. Одѣтъ онъ былъ въ длинный, англійскаго покроя сюртукъ; на одной рукѣ оставалась не снятой палева я новенькая перчатка. Когда Вережкинъ показался, наконецъ, изъ-за ширмы въ свѣтложелтой лѣтней парѣ изъ чичунчи, Иванъ Яковлевичъ сдѣлалъ озабоченное лицо и проговорилъ съ своей неопредѣленной улыбкой:

— А я-было зашелъ къ тебѣ, Nicolas, по одному дѣлу...

— Опять видно продулся?

Иванъ Яковлевичъ сдѣлалъ безпокойное движеніе плечами и покосился въ сторону Привалова.

— Не безпокойся, папахень: Сергѣй Александрычъ вѣдь хорошо знаетъ, что у насъ съ тобой нѣтъ милліоновъ, добродушно басыль Nicolas, хлопая Ивана Яковлевича по спинѣ. — Ну, опять продулся?

— Н... нѣтъ, то есть нужно расквитаться съ однимъ старымъ карточнымъ долгомъ... Я думалъ...

— Ну, папахень, ты какъ разъ попалъ не въ линію: у меня на текущемъ счету всего одинъ трехрублевый билетъ... Возьми, пригодится на извозчика.

— Нѣтъ, я собственно не нуждаюсь, но этотъ Ломтевъ присталъ съ ножомъ къ горлу... На немъ иногда точно бѣсъ какой поѣдетъ, а между тѣмъ я ждалъ за нимъ гораздо дольше.

— Да, да, папахень; мы съ тобой вообще много страдаемъ отъ людской несправедливости... Такъ ты водки не хочешь, папахень?

Иванъ Яковлевичъ великодушно отказался и отъ водки, и отъ трехрублеваго билета, и удалился изъ кабинета такими-же неслышными шагами, какъ вошелъ; Вережкинъ выпилъ рюмку водки и добродушно проговорилъ:

— Отличный старичина, только вотъ страстишка къ картишкамъ все животы подводитъ. Ну что, новенькаго ничего нѣтъ? А мы съ вами сегодня сдѣлаемъ нѣкоторую экскурсію: перехватимъ сначала кофеевъ у мутерхенъ, а потомъ закачимся къ Половодову обѣдать. Онъ, собственно, отличный парень, хоть и вретъ любую половину.

III.

Приваловъ ожидалъ обѣщаннаго разговора о своемъ дѣлѣ и той «тайственной нити», на которую намекалъ Веревкинъ въ свой первый визитъ, но, вмѣсто разговора о нити, Веревкинъ схватилъ теперь Привалова подъ руку и потащилъ уже въ знакомую намъ гостиную. Агриппина Филиппьевна встрѣтила Привалова съ аристократической простотой, какъ владѣтельница герцогиня, и съ первыхъ-же словъ подарила подлюжиной самыхъ любезныхъ улыбокъ, какія только сохранились въ ея репертуарѣ.

— Мы, мутерхень, на счетъ кофеевъ, объяснилъ Nicolas, грузно опускаясь въ кресло.

Агриппина Филиппьевна посмотрѣла на своего любимца и потомъ перевела свой взглядъ на Привалова съ тѣмъ выраженіемъ, которое говорило: «вы ужь извините, Сергѣй Александрычъ, что Nicolas иногда позволяетъ себѣ такіа выраженія»... Въ нѣсколькихъ словахъ она дала замѣтить Привалову, что уже кое-что слышала о немъ и что очень рада видѣть его у себя; потомъ сказала два слова о Петербургѣ, съ улыбкой сожалѣнія отозвалась объ Узлѣ, который, по ея словамъ, былъ уже на пути къ извѣстности, не въ примѣръ другимъ уѣзднымъ городамъ. Приваловъ отвѣчалъ то, что отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ, т. е. спѣшилъ согласиться съ Агриппиной Филиппьевной, порывался вставить свое слово и одобрительно-почтительно мычалъ. Въ заключеніе, онъ не могъ не почувствовать, что находится въ самыхъ нѣдрахъ узловскаго beau monde'a, и что Агриппина Филиппьевна дама съ необыкновенно изящными, аристократическими манерами. Агриппина Филиппьевна, съ своей стороны, вывела такое заключеніе, что хотя Приваловъ на видъ немного мужиковать, но относительно вопроса, будетъ или не будетъ онъ имѣть успѣхъ у женщинъ, пока ничего нельзя сказать рѣшительно.

Этотъ интересный свѣжій разговоръ, походившій на — испытаніе Привалова по всѣмъ пунктамъ, былъ прерванъ восклицаніемъ Nicolas:

— А вотъ и дядюшка...

Въ дверяхъ гостиной, куда оглянулся Приваловъ, стоялъ не одинъ дядюшка, а еще высокая, худощавая дѣвушка, которая смотрѣла на Привалова кокетливо прищуренными глазами.

«Вѣроятно это и есть барышня съ секретомъ», подумалъ Приваловъ, разсматривая теперь малороссійскій костюмъ Аллы. Дядюшка Оскаръ Филиппычъ принадлежалъ къ тому типу молодящихся старичковъ, которые постоянно улыбаются самымъ сладкимъ образомъ, ходятъ маленькими шажками, въ качествѣ старыхъ холостяковъ страстно любятъ дамское общество и непремѣнно имѣютъ какую-нибудь странность: одинъ боится мышей, другой не выноситъ какихъ-нибудь духовъ, третій цѣлую жизнь подбираетъ коллекцію тросточекъ разныхъ историческихъ вѣковъ и т. д. Оскаръ Филиппычъ, какъ мы уже знаемъ, любилъ удить рыбу и сейчасъ только вернулся съ Аллой откуда-то съ облюбованнаго мѣстечка на р. Узловкѣ, такъ-что не успѣлъ еще снять съ себя своего лѣтняго парусиннаго пальто и держалъ въ рукахъ широкополую соломенную шляпу. Приваловъ пожалъ маленькую руку дядюшки, который чуть не растаялъ отъ удовольствія и нѣсколько разъ повторилъ:

— Да, да... я слышалъ о вашемъ приѣздѣ... да!..

— Моя вторая дочь, Алла, пѣвуче протянула Агриппина Филиппьевна, когда дядюшка помѣстился съ своими улыбкама на диванѣ.

Приваловъ раскланялся, Алла ограничилась легкимъ кивкомъ головы и заняла мѣсто около мамани. Агриппина Филиппьевна заставила Аллу рассказать о нынѣшней рыбной ловлѣ, что послѣдняя и выполнила съ большимъ искусствомъ, т. е. слегка картавымъ выговоромъ передала нѣсколько смѣшныхъ сценъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ дядюшка. Появилось кофе въ серебрянномъ кофейникѣ, и за нимъ вышла красивая мамка въ голубомъ кокошникѣ съ маленькимъ Вадимомъ на рукахъ.

— Обратите вниманіе, Сергѣй Александрычъ, на это произведеніе природы, говорилъ Nicolas, принимая Вадима къ себѣ на руки:—Вѣдь это мой братъ Вадиска...

— Ахъ, Nicolas, кокетливо отозвалась Агриппина Филиппьевна:—ты всегда скажешь что-нибудь такое...

— Я кажется ничего *такого* не сказалъ, мутерхень, оправдывался Nicolas, высоко подбрасывая кверху «произведеніе природы»:— Имѣть младшихъ братьевъ въ природѣ вещей...

— О, совершенно въ природѣ! согласился дядюшка, по-

глаживая свое круглое и пухлое, какъ у танцовщицы, колѣнко.—Я зналъ одну очень почтенную даму, которая...

Публика, собравшаяся въ гостиной Агриппины Филиппьевны, такъ и не узнала, что сдѣлала «одна очень почтенная дама», потому-что рассказъ дядюшки былъ прерванъ какимъ-то шумомъ и сильной возней въ передней. Приваловъ слышалъ голосъ Хіоніи Алексѣевны, прерываемый чѣмъ-то хриплымъ голосомъ.

— Ахъ, это Аника Панкратычъ Лепешкинъ, золотопромышленникъ, — предупредила Привалова Агриппина Филиппьевна и величественно поплыла навстрѣчу входившей Хіоніи Алексѣевны; дамы, конечно, громко раздѣловались, но были не ожиданно разлучены сѣдой толстой головой, которая фамиллярно прильнула губами къ плечу хозяйки. — Какъ вы меня испугали, Аника Панкратычъ...

— Не укушу, Агриппина Филиппьевна, матушка, хриплымъ голосомъ заговорилъ сѣдой, толстый, какъ бочка, старикъ, хлопая Агриппину Филиппьевну все съ той-же фамиллярностью по плечу. Одѣтъ онъ былъ въ бархатную поддевку и ситцевую рубашку-косоворотку, суконныя шаровары были заправлены въ сапоги съ голенищами бутылкой.—Охъ, уморился, отцы! проговорилъ онъ, взмахивая короткой толстой рукой съ отеками красными пальцами, смотрѣвшими врозь.

Кивнувъ головой Привалову, Хіонія Алексѣевна уже обнимала Аллу, шепнувъ ей мимоходомъ:—«Какъ вы сегодня интересны, mon ange...» Лепешкинъ, какъ шаръ, подкатился къ столу. Агриппина Филиппьевна отрекомендовала его Привалову.

— А мы тятеньку вашего, покойничка, знавали даже очень хорошо, говорилъ Лепешкинъ, обращаясь къ Привалову. — Первѣющій человекъ по нашимъ мѣстамъ былъ... Да-съ. Нонче такихъ и людей, почитай, нѣтъ... Малодушный народъ пошелъ нонче. А мы и о васъ наслышаны были, Сергѣй Александрычъ. Хоть и въ лѣсу живемъ, а когда въ городъ дрова рубать—и къ намъ щепки летать.

Лепешкинъ приложилъ свое вспотѣвшее, омывшее лицо къ ручкѣ Аллы, поздоровался съ дядюшкой, хлопнувъ его своей пятерней по колѣнку, и проговорилъ, грузно опускаясь въ кресло:

— Охъ, изморился я, отцы... Жарынь!.. Кваску-бы испить, Аграфена Филиппьевна?..

— А ты ступай въ кабинетъ ко мнѣ, предлагалъ Nicolas.
— Тамъ найдешь, чѣмъ червячка заморить...

— Ню-о?.. И безногаго щенка подковать можно?

— Конечно, можно.

— А вотъ, мы ужю, съ его преподобіемъ... проговорилъ Лепешкинъ, поднимаясь навстрѣчу подходившему на своихъ тоненькихъ ножкахъ Ивану Яковлевичу.—Старичку, наше почтеніе...

— Пойдемъ, пойдемъ, отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ, подхватывая Лепешкина подъ руку; рядомъ они очень походили на цифру десять.

— Какой забавный этотъ Аника Панкратычъ, проговорила Агриппина Филиппьевна, когда цифра десять скрылась въ дверяхъ. — Алла, принеси Аникѣ Панкратычу квасу, прибавила она.—Онъ такъ всегда балуетъ тебя.

— Вѣдь Лепешкинъ очень уменъ, вставила свое слово Хіонія Алексѣевна.—Онъ только прикидывается такимъ простачкомъ... Простой мужикъ—и нажилъ сто тысячъ. Да, очень, очень уменъ!

Въ это время въ кабинетѣ Nicolas происходила такая сцена:

— Голубчикъ, Аника Панкратычъ, выручи, умолялъ Иванъ Яковлевичъ, загнавъ Лепешкина въ самый уголъ. — Дай мнѣ, душечка, всего двѣсти рублей... Вѣдь пустяки: всего двѣсти рублей!... Я тебѣ ихъ черезъ недѣлю отдамъ.

— Знаемъ мы вашу недѣлю, ваше преподобіе, грубо отвѣчалъ Лепешкинъ, вытирая свое сыромятное лицо клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ.—Больно она у тебя долга, Иванъ Яковличъ, твоя недѣля-то...

— Хочешь на колѣни предъ тобой встану — только выручи...

— А ты какъ полагаешь: у меня для вашего брата въ родѣ какъ монетный дворъ налаженъ?

— Голубчикъ, Аника Панкратычъ, не ломайся... Вѣдь всего двѣсти рублей!.. Хочешь, сейчасъ вексель въ четыреста рублей подпишу?

— Нѣтъ, зачѣмъ пустое говорить... Мнѣ все едино, что твой вексель, што прошлогодній снѣгъ! Ужь ты, какъ-ни-на-есть, лучше безъ меня обойдись...

— Ахъ, старый чортъ!.. застоналъ Иванъ Яковлевичъ, схва-

тившись за голову. — Вѣдь всего двѣсти рублей... ломается...

— Да на што тебѣ деньги-то?

— Ахъ, Господи, Господи! Помнишь ирбитскихъ купцовъ, съ которыми въ «Магнитѣ» кутили? Ну, сегодня они будутъ у Ломтева... Понимаешь?

— Какъ не понять!.. Даже очень хорошо понимаю. Обыграете хоть кого...

— Отчего же денегъ не даешь?

— Жаль... Актрисамъ свезешь.

— Аника Панкратычъ, голубчикъ!.. умолялъ Иванъ Яковлевичъ, опускаясь предъ Лепешкинымъ на колѣни.— Ей-Богу, даже въ театръ не загляну! Цѣлую ночь сегодня будемъ играть. У меня теперь голова свѣжая.

— На што свѣжѣе, коли денегъ нѣтъ. Это завсегда такъ бываетъ съ вашимъ братомъ...

— Зарываться не буду и непременно выиграю. Ты только одно пойми: ирбитскіе купцы... Вѣдь такого случая не скоро дождешься!.. Да мы съ Ломтевымъ такъ ихъ острижемъ...

— Знаю, что острижете, грубо проговорилъ Лепешкинъ, вынимая толстый бумажникъ.— Вѣдь у тебя голова-то, Иванъ Яковличъ, золотая голова, прямо сказать, кабы не дыра въ ней... Не стоялъ-бы ты на колѣняхъ предъ мужикомъ, ежели-бы этихъ своихъ глупостей съ женскимъ поломъ не выкидывалъ. Да... Вотъ тебѣ деньги, и чтобы завтра онѣ у меня на столѣ лежали. Вотъ тебѣ мой сказъ, а векселей твоихъ даромъ не надо, — все равно на подтопку уйдутъ.

Иванъ Яковлевичъ ничего не отвѣчалъ на это нравоученіе и небрежно сунулъ деньги въ боковой карманъ, вмѣстѣ съ шелковымъ носовымъ платкомъ. Черезъ десять минутъ эти почтенные люди вернулись въ гостиную, какъ ни въ чемъ не бывало. Алла подала Лепешкину стаканъ квасу прямо изъ рукъ, причемъ одинъ рукавъ сбился и открылъ бѣлую, какъ слоновою костью, руку по самый локоть съ розовыми ямочками; хитрый старикъ только прищурилъ свои узкіе, заплавленные глаза и проговорилъ, принимая стаканъ:

— Вотъ ужъ что хорошо, такъ хорошо... люблю!.. Уважила барышня старика... И рубашечка о семи шелкахъ, и сарафанчикъ растягайчикъ, и квасокъ изъ собственныхъ ручекъ... люблю за хорошій обычай!..

— Мнѣ Викторъ Николаичъ рассказывалъ, что у васъ

ннче богатое золото на пріискѣ идетъ? обратилась къ Лепешкину Хіонія Алексѣвна.

— А вамъ Викторъ Николаичъ не рассказывалъ, какъ онъ съ меня сотенный билетъ содралъ, когда пріискъ отводилъ? грубо отвѣчалъ Лепешкинъ, ероша сѣдую бороду.

— Ахъ, Аника Панкратычъ, что для васъ значитъ какихъ-нибудь сто рублей...

— И мы счетъ своимъ-то деньгамъ знаемъ, Хіонія Алексѣвна. Другому и вся-то цѣна полтина на ассигнаціи, а онъ съ тебя сто рублей нарываетъ сорвать... Это какъ по вашему?

Агриппина Филиппьевна поспѣшила сейчасъ-же замаять этотъ не совсѣмъ свѣтскій разговоръ и съ удивительной ловкостью перевела его на другую тему.

Приваловъ еще разъ имѣлъ удовольствіе выслушать исторію о томъ, какъ необходимо молодымъ людямъ имѣть извѣстныя удовольствія и что эти удовольствія можно получить только въ общественномъ клубѣ, а отнюдь не въ благородномъ собраніи. Было рассказано нѣсколько анекдотовъ о членахъ благороднаго собранія, которые отъ скуки получаютъ морскую болѣзнь. Хіонія Алексѣвна ввернула словечко о «гордецѣ» и Ляховскомъ, которые, конечно, очень богатые люди и т. д. Этотъ бѣглый разговоръ необыкновенно оживился, когда тема незамѣтно скользнула на узловскихъ невѣсть.

— Какое прекрасное семейство Бахаревыхъ, сладко закатывая глаза, говорила Хіонія Алексѣвна, — не правда-ли, Сергѣй Александрычъ.

— О, да, протянула Агриппина Филиппьевна съ приличной важностью.— Nadine Бахарева и Sophie Ляховская у насъ первыя красавицы... Да. Вы не видали Sophie Ляховской? Замѣчательно красивая дѣвушка... Конечно, она не такъ умна, какъ Nadine Бахарева, но въ ней есть что-то такое, совершенно особенное. Да вотъ сами увидите.

— Вѣдь Nadine Бахарева уѣхала въ Шатровскій заводъ, сообщила Хіонія Алексѣвна, не глядя на Привалова, — Она ведетъ все хозяйство у брата... Очень, очень образованная дѣвушка.

— Она, кажется, училась у доктора Сараева? спрашивала Агриппина Филиппьевна.

— О, да... вмѣстѣ съ Sophie Ляховской. Сначала они занимались у доктора, потомъ у Лоскутова.

— Скажите... протянула Агриппина Филиппьевна. — А вѣдь я до сихъ поръ еще не знала объ этомъ.

— Да, да... Лоскутовъ и теперь постоянно бываетъ у Ляховскихъ. Говорятъ, это замѣчательный человѣкъ: говорить на пяти языкахъ, объѣздилъ всю Россію, былъ въ Америкѣ...

— Ну, теперь дѣло дошло до невѣсть, слѣдовательно намъ пора въ путь, заговорилъ Nicolas, поднимаясь. — Мутерхенъ, ты извинишь насъ, мы къ славянофилу завернемъ... До свиданія, Хіонія Алексѣевна. Мы съ Аникой Панкратычемъ осенью поступаемъ въ вашъ пансіонъ для усовершенствованія во французскихъ діалектахъ... Не правда-ли?

На прощаньи Агриппина Филиппьевна даже съ нѣкоторой грустью дала замѣтить Привалову, что она, бѣдная провинціалка, конечно не рассчитываетъ на слѣдующій визитъ дорогого гостя, тѣмъ болѣе, что и въ этотъ успѣла наскучить, вѣроятно, до послѣдней степени; она конечно не смѣетъ даже предложить столичному гостю завернуть какъ-нибудь на одинъ изъ ея четверговъ.

— Нѣтъ, я непременно буду васъ, Агриппина Филиппьевна, увѣрять Приваловъ, совершенно подавленный этимъ потокомъ любезностей. — Въ ближайшій-же четвергъ, если позволите...

— Онъ непременно придетъ, мутерхенъ, увѣрять Nicolas. — Мы тутъ даже сочинимъ нѣчто по части зеленого поля...

«Отчего же не придти? думалъ Приваловъ, спускаясь по лѣстницѣ. — Агриппина Филиппьевна, кажется, такая почтенная дама»...

Когда дверь затворилась за Приваловымъ и Nicolas, въ гостиной Агриппины Филиппьевны нѣсколько секундъ стояло гробовое молчаніе. Всѣ думали объ одномъ и томъ-же: о приваловскихъ милліонахъ, которые сейчасъ вотъ были здѣсь, сидѣли вотъ на этомъ самомъ креслѣ, пили кофе изъ этого стакана, и теперь ничего не осталось... Дядюшка, вытянувъ шею, внимательно осмотрѣлъ кресло, на которомъ сидѣлъ Приваловъ, и даже пощупалъ сидѣнье, точно на немъ могли остаться слѣды приваловскихъ милліоновъ.

— Ахъ, ѣшь его мухи съ комарами! проговорилъ Лепешкинъ, нарушая овладѣвшее всѣми раздумье. — Четыре милліонта наслѣдства заполучилъ... а?.. Намъ-бы хотъ понюхать такихъ деньжищъ... Такъ, Оскаръ Филиппычъ?

— О, да... совершенно вѣрно: хоть-бы понюхать, сладко согласился дядюшка, складывая мягкимъ движеніемъ одну ножку на другую.—Очень богатые люди бывають...

— Вотъ-бы намъ съ тобой Иванъ Яковличъ, такую уйму денегъ... а?.. говорилъ Лепешкинъ.—Вѣдь такую обѣдню отслужили-бы, что чертамъ тошно...

Иванъ Яковлевичъ ничего не отвѣчалъ, а только посмотрѣлъ на дверь, въ которую вышелъ Приваловъ «Эхъ, хоть-бы частичку такого капитала получить въ наслѣдство», скромно подумалъ этотъ благочестивый человѣкъ, но сейчасъ-же опомнился и мысленно прибавилъ: — «Нѣтъ, ужъ лучше такъ: все равно отобрали-бы хористки да арфистки, да Марья Митревна, да та рыженькая... Ахъ, чортъ ее возьми, эту рыженькую!.. Преппикантная штучка!..»

— Вотъ у васъ, Аника Панкратычъ, всего какихъ-нибудь сто тысячъ, заговорила Хіонія Алексѣевна:—а какихъ вы давеча наговорили мнѣ дерзостей... Не будь здѣсь Привалова, я такъ отзолотила-бы васъ, такъ... Только для Агриппины Филиппьевны стерпѣла, не хотѣла поднимать исторіи. А туда-же: «мнѣ-бы четыре милліонта», передразнила она Лепешкина.

Агриппина Филиппьевна ничего не слышала изъ этихъ разговоровъ и только мысленно повторяла: «Четыре милліона... четыре милліона... четыре милліона!..»

IV.

На подъѣздѣ Веревкина обступили тѣ самые мужики, которыхъ видѣлъ давеча Приваловъ. Они были по-прежнему безъ шапокъ, а кривой мужикъ прямо бухнулся Веревкину въ ноги, умоляя «ослобонить».

— Завтра, завтра... Видите, что сегодня мнѣ некогда! говорилъ Веревкинъ, помогая Привалову сѣсть въ свою дозволенно подержанную пролетку, заложенную парой соловыхъ вятковъ на отлеть....—Завтра, братцы...

— Миколай Иванычъ, заставъ вѣчно Бога молить!.. громче всѣхъ кричалъ кривой мужикъ, бросая свою рваную шапку о земь.—Изморились... Ослобони, Миколай Иванычъ!

— Не угодно-ли вамъ въ мою кожу влѣзть: пристали какъ съ ножемъ къ горлу, объяснялъ Веревкинъ, когда пролетка бойко покатилась по широкой Мучной улицѣ, выходявшей къ

монастырю.—Все это мои кліенты,—проговорилъ Веревкинъ, кивая головой на янувшіяся по сторонамъ лавки узловскихъ мучниковъ.—Вы не смотрите, что на видъ вся лавчонка трехъ рублей не стоитъ: зонъ на этихъ мѣшкахъ да на ларяхъ такіе куши рвутъ, что мое почтеніе. Войдешь въ такую лавчонку, право даже смотрѣть нечего: десятокъ мѣшковъ съ мукой, въ ларяхъ на доньшкѣ овесъ, просо, горохъ, какая-нибудь крупа—кажется, дюжины мішей не накормишь...

Мучная улица составляла центръ хлѣбной торговли въ Узлѣ. Подъ всѣми домами были устроены небольшія мучныя лавки, теперь почти пустыя. Запачканные мукой приказчики отъ нечего дѣлать гоняли хлыстами голубей; хозяева сидѣли за своими прилавками, пили чай или жарили въ пашки. Въ одномъ мѣстѣ группа мучниковъ столпилась около старика въ большихъ серебрянныкъ очкахъ, который читалъ номеръ «Сына Отечества». Нѣсколько порожнихъ подводъ было привернуто къ фонарнымъ столбамъ; вздохмаченные извозчики кучкой сидѣли на деревянномъ худомъ тротуарѣ и апатичнымъ взглядомъ провожали съ грохотомъ катившуюся мимо пролетку. Кой-гдѣ приподнимались купеческаго покроя черныя суконныя фуражки, и доносились короткія фразы: «Николаю Иванычу наше почтеніе!» или—«А, Миколай Иванычъ, какъ здоровьице?»

— Ничего, прыгаемъ по маленьку, Прохоръ Евстигнѣвичъ, весело откликнулся Веревкинъ, раскланиваясь на обѣ стороны.—Вашими молитвами, какъ шестами, подпираемся, Гаврила Гаврилычъ... Когда-же ко мнѣ-то, Анисимъ Евсѣвичъ?

Мучники нѣсколько разъ въ раздумьи посмотрѣли вслѣдъ давно исчезнувшей прѣлетки, точно въ самомъ воздухѣ отъ приваловскаго наслѣдства, какъ отъ кометы, могъ остаться длинный блестящій слѣдъ. Мучная улица понравилась Привалову, не смотря на ея избитую корытомъ дорогу, на промозглый запахъ отъ сырыхъ рогожъ и слежавшейся муки и на тотъ спертый воздухъ, который стоялъ въ ней. Онъ даже съ удовольствіемъ потянулъ въ себя специфическій ароматъ свѣжаго дегтя, мочала и муки; стаи голубей придавали картинѣ идиллическій характеръ, а эти русскія бородатыя лица, поклоны и восклицанія дышали провинціальной патріархальностью нравовъ. Только худыя крестьянскія лошади оставили непріятное впечатлѣніе,—онѣ слишкомъ краснорѣчиво говорили о своемъ близкомъ знакомствѣ съ добродушіемъ узловскихъ мучниковъ. Приваловъ

думалъ о томъ, что это за люди эти Гаврилы Гаврилычи и Анисимы Евсеичи; какъ они начали свою незамысловатую карьеру хозяйскими подзатыльниками и гонянемъ голубей, потомъ, грѣшнымъ дѣломъ, и своей торговлишкой обзавелись, а теперь, съ одной стороны, сосутъ мужиковъ, а съ другой—платятъ дикую пошлину Миколаю Иванычу. А всетаки крѣпкій народъ, туго живутъ.

Пролетка остановилась у подъѣзда низенькаго деревяннаго дома въ одинъ этажъ, съ высокой крышей и рѣзнымъ конькомъ. Это и былъ домъ Половодова. Фронтонъ, окна, подъѣздъ и ворота были покрыты мелкой рѣзбой въ русскомъ вкусѣ и раскрашены подъ дубъ. Небольшая терраса, выходившая въ садъ, походила на акваріумъ, изъ котораго выпущена вода. Въ небольшія окна съ зеркальными стеклами смотрѣли широкіе лапчатые листья филодендроновъ, камелии, пальмы, аракуари. На дворѣ видѣлось длинное бревенчатое зданіе съ стеклянной крышей,—не то оранжерея, не то фотографія или театр; тѣнистый садикъ изъ липъ, черемухъ, акацій и сиреней выходилъ прямо къ Узловѣ, гдѣ мелькали и китайскія бесѣдки въ русскомъ вкусѣ, и цвѣточныя клумбы, и зеркальный шаръ, и даже небольшой фонтанъ съ русалкой изъ бѣлаго мрамора. Вообще, домикъ былъ устроенъ съ большимъ вкусомъ и былъ тѣмъ, что называется полная чаша. Отъ ручки звонка до послѣдняго гвоздя все въ домѣ было пригнано подъ русскій вкусъ и только не кричало о томъ, какъ хорошо жить въ этомъ деревянномъ, уютномъ гнѣздышкѣ. Послѣ двусмысленной роскоши пріемной Агриппины Филипповны, глазъ невольно отдыхалъ здѣсь на каждой вещи, и гостя сейчасъ за порогомъ подъѣзда охватывала атмосфера настоящаго богатства. Приваловъ мимоходомъ прочиталъ вырѣзанную надъ дверями гостиной славянскою вязью пословицу: «Не имѣй ста рублей, имѣй сто друзей».

— Это даже изъ ариметики очень хорошо извѣстно, — комментировалъ эту пословицу Верекинъ, вылѣзая при помощи слуги самой внушительной наружности изъ своего балахона. — Ибо сто рублей не велики деньги, а у сотни друзей по четвертной занять—и то не малая прибыль.

— Александръ Павлычъ сейчасъ принимаютъ ванну, докладывалъ лакей.

— Ну, такъ доложи хозяйкѣ, что такъ и такъ, молъ, гости—распорядился Верекинъ, какъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ихъ нѣтъ дома...

— Вотъ это такъ мило: хозяинъ сидитъ въ ваннѣ, хозяйки нѣтъ дома...

— Нѣтъ, нѣтъ, я здѣсь... слышался пріятный грудной баритонъ, и на порогѣ гостиной показался высокій худой господинъ, одѣтый въ лѣтнюю сѣрую пару. — Если не ошибаюсь, прибавилъ онъ нараспѣвъ, прищуривъ немного свои подслѣповатые, иззелена сѣрые глаза: — я имѣю удовольствіе видѣть Сергѣя Александровича?

— Ну, теперь начнется десять тысячъ китайскихъ церемоній, проворчалъ Веревкинъ, пока Половодовъ жалъ руку Привалова и ласково заглядывалъ ему въ глаза: — «Яснѣйшій братъ солнца... прозрачная лазурь неба...» — Послушай, Александръ, я задыхаюсь отъ жара; веди насъ скорѣе куда-нибудь въ мѣсто не столь отдаленное, но прохладное, и прикажи своему отроку подать чего-нибудь прохладительнаго... У меня сегодня удивительная жажда. Ну, да ужъ я самъ распоряжусь. Эй, хлопче, очищенной на террасу и закусить чего-нибудь соленькаго!.. Сергѣй Александровичъ, идите за мной.

Ходъ на террасу былъ черезъ столовую, отдѣланную подъ старый темный дубъ, съ изразцовой печью, расписнымъ, пестрымъ, какъ хромотропъ, потолкомъ и съ нѣсколькими рѣзными поставцами изъ такого-же темнаго дуба. Посрединѣ стоялъ длинный дубовый столъ, покрытый суровой камчатной скатертью съ широкой каймой изъ синихъ и красныхъ пѣтуховъ. Надъ дверями столовой было вырѣзано неизмѣнной славянской вязью: «не красна изба углами, а красна пирогами», на одномъ поставцѣ красовались слова: «и курица пьетъ». Приваловъ искоса разглядывалъ хозяина, который шагалъ рядомъ и одной рукой осторожно поддерживалъ его за локоть, какъ лунатика. На первый разъ Привалову хозяинъ показался сѣрымъ и лицо сѣрое, и глаза, и волосы, и костюмъ, — рѣшительно все сѣрое. Дальше онъ замѣтилъ, что нижняя челюсть Половодова была особенно развита; французскіе анатомы называютъ такія челюсти калошами. Когда всѣ вышли на террасу и размѣстились около круглаго мраморнаго столика, на зеленыхъ садовыхъ креслахъ, Приваловъ, взглянувъ на длинную, нескладную фигуру Половодова, подумалъ: «экъ его, точно сейчасъ гдѣ-то висѣлъ на гвоздѣ». Вытянутое, безжизненное лицо Половодова едва было тронуто жиденькой растительностью песочнаго цвѣ-

та; широко раскрытые глаза смотрѣли напряженнымъ, остановившимся взглядомъ, а широкія, чувственные губы и крѣпкіе бѣлые зубы придавали лицу жесткое и, на первый разъ, непріятное выраженіе. Но когда Половодовъ начиналъ говорить своимъ богатымъ груднымъ баритономъ, не хотѣлось вѣрить, что это говоритъ именно онъ, а казалось, что за его спиной говоритъ кто-то другой.

— Сюда, сюда... командовалъ Верекинъ лакею, когда тотъ появился съ двумя подносами въ рукахъ:—Кружки барину, а намъ, съ Сергѣемъ Александрычемъ, графинчикъ...

— Нѣтъ, я не буду пить водку, протестовалъ Приваловъ.

— Давеча отказались и теперь не хотите компанію поддержать? вытаращивъ свои оловянные глаза, спрашивалъ Верекинъ.

— Nicolas, кто-же пьетъ теперь водку? вступился Половодовъ, придвигая Привалову какую-то кружку самой необыкновенной формы.—Вотъ, Сергѣй Александровичъ, попробуйте лучше квасу домашняго приготовленія...

— Нужно сначала сказать: «чуръ меня», а потомъ ужъ пить твой квасъ, шутилъ Верекинъ, опрокидывая въ свою пасть рюмку очищенной.

Приваловъ съ удовольствіемъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ изъ своей кружки, — квасъ былъ великолѣпенъ: пахучая струя князеники такъ и ударила его въ носъ, а на языкъ осталась пріятный вязущій вкусъ, какъ отъ хорошаго шампанскаго.

— Я такъ радъ видѣть васъ, наконецъ, Сергѣй Александрычъ, говорилъ Половодовъ, вытягивая подъ столомъ свои длинныя ноги.—Только на долго-ли вы останетесь съ нами?

— Если обстоятельства не помѣшаютъ, думаю остаться со-всѣмъ, отвѣчалъ Приваловъ.

— Вотъ и отлично; было-бы желаніе, а обстоятельства мы повернемъ по-своему. Не такъ-ли? Жить въ столицѣ въ наше время просто грѣшно. Провинція нуждается въ людяхъ, особенно въ людяхъ съ серьезнымъ образованіемъ.

— Ну, теперь запѣлъ Лазаря, замѣтилъ про себя Верекинъ.—То-то обрадуете эту провинцію всесословной волостью, мекленбургскими порядками да поземельной аристократіей...

— Я никому не навязываю своихъ убѣжденій, обиженнымъ голосомъ проговорилъ Половодовъ.—Можно не соглашаться съ

чужими мнѣніями и, вмѣстѣ, уважать ихъ... Вотъ если у кого нѣтъ совсѣмъ мнѣній...

— Если это ты въ мой огородъ мѣтишь — напрасный трудъ, Александръ. Все равно, что изъ пушки по воробью палить... Ха-ха!..

— У насъ всякое дѣло такъ идетъ, полузакрывъ глаза и подчеркивая слова, проговорилъ Половодовъ. — На все махнемъ рукой — и хороши, а чуть кто-нибудь что-нибудь задумаетъ сдѣлать — подыдемъ на смѣхъ. Я въ этомъ случаѣ уважаю уже одно желаніе что-нибудь сдѣлать, а что сдѣлаетъ человекъ и какъ сдѣлаетъ — это совсѣмъ другой вопросъ. Не далеко ходить: взять славянофильство — кто не глумится? А, вѣдь, согласитесь, Сергѣй Александрычъ, въ славянофильствѣ, за вычетомъ неизбѣжныхъ увлеченій и крайностей въ каждомъ новомъ дѣлѣ, есть несомнѣнно хорошія стороны, извѣстный саморостъ, зиждительная сила народнаго самосознанія...

— Ну, теперъ пошелъ конопатить, проговорилъ Верекинъ и сейчасъ-же передразнилъ Половодова: — «Тоска по русской правдѣ... тайники народной жизни...» Ха-ха!..

— Мнѣ не нравится въ славянофильствѣ ученіе о національной исключительности, замѣтилъ Приваловъ. — Русскій человекъ, какъ мнѣ кажется, по своей славянской природѣ, чуждъ такого духа, а, наоборотъ, онъ всегда страдалъ излишней склонностью къ сближенію съ другими народами и къ слѣпому подражанію чужимъ обычаямъ... Да это и понятно, если взять нашу исторію, которая есть длинный путь ассимиляціи десятковъ другихъ народностей. Навязывать народу то, чего у него нѣтъ — и безцѣльно, и несправедливо.

— А примѣръ другихъ націй? Вѣдь у насъ подъ носомъ объединились Италія и Германія, а теперъ очередь за славянскимъ племенемъ.

— Славянофилы здѣсь впадаютъ въ противорѣчіе, замѣтилъ Приваловъ: — потому что становятся на чужую точку зрѣнія и этимъ какъ-бы отказываются отъ собственныхъ взглядовъ.

— Вотъ это хорошо сказано... Ха-ха! заливался Верекинъ, опрокидывая голову назадъ. — Ну, Александръ, твои курсы упали...

Половодовъ только посмотрѣлъ своимъ остановившимся взглядомъ на Привалова и беззвучно пожевалъ губами. «О, да

онъ не такъ глупъ, какъ говоритъ Ляховскій», подумалъ онъ, собираясь съ мыслями и нетерпѣливо барабана длинными бѣлыми пальцами по своей кружкѣ.

V.

— Тонечка, голубчикъ, ты спасла меня какъ Данила, сѣдшаго во рву львиномъ! закричалъ Веревкинъ, когда въ дверяхъ столовой показалась высокая, полная женщина въ лѣтней соломенной шляпѣ и въ травянистаго цвѣта платьѣ. — Представь себя, Тонечка, твой благовѣрный сцѣпился съ Сергѣемъ Александрычемъ, и теперь душатъ друга такой ученостью, что у меня чуть очи изо лба не повылѣзли...

— Тонечка, представляю тебѣ нашего дорогого гостя, — рекомендовалъ Половодовъ своей женѣ Привалова.

Антонида Ивановна была красива какой-то лѣтливой красотой, разлитой по всей ея статной, высокой фигурѣ. Въ ней все было красиво: и небольшой бѣлый лобъ съ шелковыми прядями мягкихъ русыхъ волосъ, и бѣлый, дѣтски-пухлый подбородокъ, неглубокой складкой, какъ у полныхъ дѣтей, упиравшійся въ бѣлую, точно выточенную шею съ коротенькими золотистыми волосами на крѣпкомъ кругломъ затылкѣ, и даже та странная лѣнь, которая лежала, кажется, въ каждой складкѣ платья, связывала всѣ движенія и едва теплилась въ медленномъ взглядѣ красивыхъ свѣтло-карихъ глазъ. Лѣтомъ Антонида Ивановна чувствовала себя самой несчастной женщиной въ свѣтѣ, потому что ей рѣшительно вездѣ было жарко, а платье непременно гдѣ-нибудь жало. Nicolas объяснялъ это наследственностью, потому что въ крови Веревкиныхъ пылалъ вѣчный жаръ, порождавшій вѣчную жажду.

— Я, кажется, помѣшала вамъ?.. нерѣшительно проговорила Антонида Ивановна, продолжая оставаться на прежнемъ мѣстѣ, при чемъ вся ея стройная фигура эффектно вырѣзывалась на темномъ пространствѣ дверей. — Мнѣ шатап говорила о Сергѣѣ Александровичѣ, прибавила она, поправляя на рукѣ шведскую перчатку.

Приваловъ смотрѣлъ на нее вопросительнымъ взглядомъ и осторожно положилъ свою лѣвую руку на правую — на ней еще оставалась теплота отъ руки Антонида Ивановны. Онъ почувствовалъ эту теплоту во всемъ тѣлѣ и рѣшительно не

зналъ, что сказать хозяйкѣ, которая продолжала ровно и спокойно рассказывать что-то о своей маман и дядюшкѣ.

— Тонечка, покорми насъ чѣмъ-нибудь!.. умоляя Верекинъ, смѣшно поднимая брови.— Вѣдь пятый часъ на дворѣ... Да кстати, вели подавать ужъ прямо сюда,—отлично закусимъ подъ сѣбною струй. Понимаешь?

Антонида Ивановна молча улыбнулась той-же улыбкой, съ какой относилась всегда Агриппина Филиппевна къ своему Nicolas, и, кивнувъ слегка головой, скрылась въ дверяхъ. «Она очень походить на мать», подумалъ Приваловъ. Половодовъ рядомъ съ женой казался еще суше и безжизненнѣе, точно вяленая рыба.

Два лакея въ бѣлыхъ перчаткахъ внесли на террасу длинный столъ, сервированный на пять кувертовъ. Потомъ появилась и сама Антонида Ивановна въ сопровожденіи высокой худощавой дѣвушки неопредѣленныхъ лѣтъ, съ потерявшимъ краски и свѣжесть, но умнымъ и злымъ лицомъ. Эта дѣвушка, къ удивленію Привалова, оказалась той самой Анной Павловной, о которой Хіонія Алексѣевна рассказывала на обѣдѣ у Бахаревыхъ. Обѣта была Анна Павловна не къ лицу и въ своемъ сиреневомъ платьѣ походила на связанную. Nicolas называлъ ее «барышней высокаго давленія», потому что Анна Павловна любила разыгрывать изъ себя непонятую натуру.

Обѣдъ былъ хотя и обыкновенный, но все было приготовлено съ такимъ искусствомъ и съ такимъ глубокимъ знаніемъ человѣческаго желудка, что едва-ли оставалось желать чего-нибудь лучшаго. Дѣйствіе открылось необыкновенно мудреной ботвиньей и удивительно вкусной ухой изъ свѣжихъ харюзовъ. Этими кушаньямъ предшествовалъ цѣлый рядъ желтозолотистаго цвѣта горькихъ настоекъ самыхъ удивительныхъ свойствъ и зеленая листовка, которая была chef-d'oeuvre въ своемъ родѣ. Все это пилося изъ маленькихъ чарочекъ граненаго бургундскаго хрусталя съ вырѣзными виньетками изъ пословицъ: «пьянъ да уменъ—два угодыя въ немъ», «пьянъ бывалъ да ума не терялъ». Сервировка была въ строгомъ соотвѣтствіи съ господствовавшимъ стилемъ: каймы на тарелкахъ, черенки ножей и вилочекъ изъ дутаго серебра, суповая чашка въ формѣ старинной енды—все было подогнано подъ русскій вкусъ.

— Гдѣ-то у тебя, Тонечка, былъ этотъ ликерчикъ, придрачивалъ Верекинъ, сдѣлавъ честь настойкамъ и листовкѣ:—

какъ выпьешь рюмочку, такъ въ головѣ столбы и заходятъ...

— Не все вдругъ, проговорила Антонида Ивановна такимъ тономъ, какимъ отвѣчаютъ дѣтямъ, когда они просятъ достать имъ луну.

Вережкинъ только вздохнулъ и припалъ своимъ краснымъ лицомъ къ тарелкѣ. Послѣ ботвиньи и ухи Приваловъ чувствовалъ себя совсѣмъ сытымъ, а въ головѣ начинало что-то приятно кружиться. Но Половодовъ время отъ времени вопросительно поглядывалъ на дверь и весь просіялъ, когда наконецъ показался лакей съ круглымъ блюдомъ, таинственно прикрытымъ салфеткой. Принявъ блюдо, Половодовъ торжественно провозгласилъ, точно на блюдѣ лежалъ новорожденный:

— Господа, рекомендую... Фаршированный калачъ...

Фаршированный калачъ былъ послѣдней новостью и поэтому обратилъ на себя общее вниманіе. Онъ былъ великолѣпенъ: каждый кусокъ такъ и таялъ во рту. Теперь Половодовъ успокоился и весь отдался ѣдѣ. За калачомъ слѣдовали рябчики, свѣжая оленина и еще много другого. Каждое блюдо имѣло само по себѣ глубокий внутренній смыслъ, и каждый кусокъ отправлялся въ желудокъ при такой торжественной обстановкѣ, точно совершалось какое-нибудь таинство. Нечего и говорить, конечно, что каждому блюду предшествовалъ и послѣдовалъ соответствующій сортъ вина, размѣръ рюмокъ, извѣстная температура, особые приемы разливанія по рюмкамъ и самые мудреные способы проглатыванія. Одно вино отклебывалось большими глотками, другое маленькими, третьимъ полоскали предварительно ротъ, четвертое дегюстировали по каплямъ и т. д. Вережкинъ и Половодовъ смаковали каждый кусокъ, подолгу жевали губами и дѣлали совершенно безсмысленныя лица. Приваловъ замѣтилъ, съ какой энергіей работала нижняя челюсть Половодова, и невольно подумалъ: «Экъ его взяло»... Вережкинъ со свистомъ и шипѣньемъ обсасывалъ каждую кость и съ умиленьемъ вытиралъ лоснившіяся жирныя губы салфеткой.

— Вотъ такъ ѣдятъ! еще разъ подумалъ Приваловъ, чувствуя, какъ рѣшительно былъ не въ состояніи проглотить больше ни одного куска.— Да это съ ума можно сойти...

Дамы послѣ фаршированного калача едва притрогивались къ кушаньямъ. Антонида Ивановна нѣсколько разъ пристально разсматривала широкое и добродушное лицо Привалова и каж-

дый разъ думала: «Да онъ ничего, этотъ Приваловъ.. Зачѣмъ это тамап говорить, что онъ не можетъ имѣть успѣха у женщины? Онъ, кажется, немного стѣсняется, но это пройдетъ». Приваловъ чувствовалъ на себѣ этотъ пристальный взглядъ, обдававшій его тепломъ, и немного смущался. Разговоръ служилъ продолженіемъ той салонной болтовни, какая господствовала въ гостиной Агриппины Филиппевны. Перебирали послѣднія новости, о которыхъ Приваловъ уже слышалъ отъ Виктора Васильича, рассказывали о какомъ-то горномъ инженерѣ, который убѣждалъ на охотѣ отъ медвѣдя.

— Вы еще не были у Ляховскихъ? спрашивала Антонида Ивановна, принимая отъ лакея точно молокомъ налитой рукой блюдо земляники.

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось-бы отправиться къ Ляховскому вмѣстѣ съ Александромъ Павлычемъ, отвѣчала Приваловъ.

— О, съ большимъ удовольствіемъ, — когда угодно, отозвался Половодовъ, откидываясь на спинку своего кресла.

— Александръ Павлычъ всегда ѣздитъ къ Ляховскому съ большимъ удовольствіемъ, замѣтила Антонида Ивановна, переглядываясь съ Анной Павловной.

— Такъ и зналъ, такъ и зналъ!.. заговорилъ Веревкинъ, оставляя какую-то кость.— Не выдержало сердечко? Ахъ эти дамы, эти дамы,—это такая тонкая матерія! Вы, Сергѣй Александрычъ, приготовляйтесь: «Sophie Ляховская — красавица, Sophie Ляховская — богатая невѣста. Только и свѣту въ окнѣ, что Sophie Ляховская, а по мнѣ такъ, право, хоть совѣмъ не будь ея: этакая жиденькая, субтильная... Однимъ словомъ: жидель!

Веревкинъ краснорѣчивымъ жестомъ добавилъ то, что языкъ затруднялся выразить. Дамы засмѣялись.

— Я уже слышалъ, что Ляховская очень красивая дѣвушка, замѣтилъ Приваловъ, улыбаясь.

— Всѣ наши мужчины отъ нея безъ ума, серьезно отвѣчала Антонида Ивановна.

— Только, пожалуйста, Тонечка, не включай меня въ число этихъ «вашихъ мужичинъ», упрямивалъ Веревкинъ, отдуваясь и обмахивая лицо салфеткой.

Дамы обмѣнялись улыбками, и Антонида Ивановна спокойнымъ тономъ проговорила:

— Я ничего не говорю про тебя, Nicolas. Sophie не обращает на тебя никакого вниманія, вотъ ты и злишься...

— Ахъ, Господи! взмолился Веревкинъ своимъ добродушнымъ басомъ. — Неужели ужъ я своей персоной такъ-таки и не представляю никакого интереса? Конечно, я во французскихъ діалектахъ не силенъ — винюсь, но не такой-же я мѣшокъ, что порядочной дѣвушкѣ и полюбить меня нельзя...

— Дѣло не въ персонѣ, а въ томъ... да вотъ лучше спроси Александра Павлыча, прибавила Антонида Ивановна. — Онъ, можетъ быть, и откроетъ тебѣ секретъ, какъ понравится m-lle Sophie.

— Ахъ, секретъ самый простой: не быть скучнымъ, весело отвѣчать Половодовъ. — Когда мы съ вами будемъ у Ляховскаго, Сергѣй Александрычъ, прибавилъ онъ: — я познакомлю васъ съ Софьей Игнатьевной... Очень милая дѣвушка! А такъ какъ она, въ добавокъ, еще очень умна, то наши дамы ненавидятъ ее и, кажется, только въ этомъ и согласны между собой.

— Меня уже обѣщали познакомить съ m-lle Ляховской Викторъ Васильичъ, проговорилъ Приваловъ.

Имя Виктора Васильевича вызвало взрывъ общаго хохота, только одна Анна Павловна сдѣлала сердитое лицо.

— Викторъ Васильевичъ!? Ха, ха!.. заливался Половодовъ. — Да онъ теперь недѣли двѣ какъ и глазъ не кажетъ къ Ляховскимъ. Проврался жестокимъ образомъ... Увѣрилъ Ляховскую, что будетъ издавать дѣтскій журналъ въ Узлѣ. Ха, ха!..

Обѣдъ кончился очень весело; но когда были поданы бутылки съ лафитомъ и шамбертенемъ. Приваловъ отказался наотрѣзъ, что больше не будетъ пить вина. Дамы вышли. Веревкинъ дремалъ въ своемъ креслѣ, работая носомъ, какъ буксирный пароходъ. Половодовъ опять взялъ гостя за локоть и осторожно, какъ больного, провелъ въ свой кабинетъ — потолковать о дѣлѣ. Этотъ кабинетъ занималъ маленькую угловую комнату. Письменный столъ занималъ самую средину. Кругомъ него были разставлены мудреные стулья съ высокими рѣзными спинками и сидѣньемъ, обтянутымъ тисненымъ золотыми разводами краснымъ сафьяномъ. Половодовъ подвелъ гостя къ креслу такой необыкновенной формы, что Приваловъ просто не рѣшился на него сѣсть, — это было что-то въ родѣ тѣхъ горныхъ мѣстъ, на какія сажаютъ архіереевъ.

— Вотъ ваше дѣльце по опека́, проговорилъ Половодовъ, тыкая пальцемъ на дубовый поставецъ въ углу. — Вѣдь надо же было случиться такому казусу... а?... Братецъ-то вашъ задачу какую задалъ намъ всѣмъ? Мы просто голову потеряли съ Ляховскимъ. Тить былъ въ послѣднее время въ пансіонѣ Тидемана, недалеко отъ Цюриха. Вдругъ телеграмма: «Тить Приваловъ исчезъ неизвѣстно куда...» Извольте теперь разыскивать его по всей Европѣ! Вотъ когда будемъ у Ляховскаго, тогда мы подробно обсудимъ, что предпринять, а пока, съ вашего позволенія, я познакомлю васъ въ общихъ чертахъ съ нашей опекой.

— Нельзя-ли въ другой разъ, Александръ Павлычъ? взмолился Приваловъ, чувствовавшій послѣ обѣда рѣшительную неспособность къ какому-нибудь дѣлу.

— Какъ хотите, Сергѣй Александровичъ. Впрочемъ, мы успѣемъ вдоволь натолковаться объ опека́ у Ляховскаго. Ну-съ, какъ вы нашли Василья Назарыча? Очень умный старикъ. Я его глубоко уважаю, хотя тогда по этой опека́ у насъ вышло маленькое недоразумѣніе, и онъ кажется считаетъ меня причиною своего удаленія изъ числа опекуновъ. Надѣюсь, что когда вы хорошенько познакомитесь съ ходомъ дѣла, вы разубѣдите упрямаго старика. Мнѣ самому это сдѣлать было неловко... Знаете, какъ-то неудобно навязываться съ своими объясненіями.

— Василій Назарычъ, насколько я понялъ его, кажется ничего не имѣетъ ни противъ васъ, ни противъ Ляховскаго. Онъ говорилъ объ отчетѣ

— Ахъ, да... Представьте себѣ, этотъ отчетъ просто все дѣло испортилъ, а между тѣмъ мы тутъ ни душой, ни тѣломъ не виноваты: отчетъ составленъ и теперь гуляетъ въ опекуновскомъ совѣтѣ второй годъ. Вѣдь неудобно увѣрять Василья Назарыча, что у насъ, кромѣ черновыхъ, ничего не осталось. Притомъ мы не обязаны представлять ему такихъ отчетовъ, а только во избѣжаніе недоразумѣній... Вообще, я такъ радъ, что вы, Сергѣй Александровичъ, наконецъ здѣсь и сами увидите, въ какомъ положеніи дѣла. О Ляховскомъ вы, конечно, слышали... У него есть странности, но это не мѣшаетъ быть ему очень умнымъ человекомъ. Да вотъ сами увидите. Вы, вѣроятно, побдете на заводы?

— Да, при первой возможности

Приваловъ уѣхалъ отъ Половодова съ пустыми руками и съ самымъ неопредѣленнымъ впечатлѣніемъ отъ гостепріимнаго хозяина, который или ужь очень уменъ, или непроходимо глупъ. Приваловъ далъ слово Половодову ѣхать съ нимъ къ Ляховскому завтра или послѣ завтра. Антонида Ивановна показала въ гостиной и сказала на прощанье Привалову съ своей лѣнивой улыбкой:

— Мы будемъ ждать васъ, Сергѣй Александровичъ...

Приваловъ еще разъ почувствовалъ на себѣ теплый взглядъ Половодовой и съ особеннымъ удовольствіемъ пожалъ ея полную руку съ розовыми мягкими пальцами.

— А какъ сестра русскія пѣсни поетъ... говорилъ Веревкинъ, когда они выходили на подѣздъ. — Вотъ ужь въ слѣдующій разъ я ее попрошу. Пальчики, батенька, оближешь!

VI.

Половодовъ пользовался въ Узлѣ репутаціей дѣльца самой послѣдней формаціи и слылъ послѣ Веревкина лучшимъ ораторомъ. Собственно Половодовъ говорилъ лучше Веревкина, но его заѣдала фраза, и въ его рѣчахъ не доставало того огонька, которымъ было насквозь прохвачено каждое слово Веревкина. Изъ-за желанія блеснуть своимъ ораторскимъ талантомъ, Половодовъ два трехлѣтія служилъ предсѣдателемъ земской управы. Земскія дѣла вель онъ плохо, и держались упорные слухи, что Половодовъ не забывалъ и себя при расходованіи земскихъ суммъ. Въ настоящую минуту тепленькое мѣсто директора въ узловско-моховскомъ банкѣ и довольно кругленькая сумма, получаемая имъ въ опекуномъ совѣтѣ по опекѣ надъ Шатровскими заводами, давала Половодову полную возможность жить на широкую ногу и придумывать разныя дорогія затѣи. Въ интимномъ кругу своихъ благопріятелей, онъ, за свою взбалмошность, былъ извѣстенъ подъ именемъ «Загуляй». На Половодова находила время-отъ-времени какая-то дурь. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ ни съ того, ни съ сего уѣхалъ за границу, пошатался тамъ по водамъ, пожилъ въ Парижѣ, зачѣмъ-то съѣздивъ въ Египетъ и на Синай и вернулся изъ своего путешествія англичаниномъ съ ногъ до головы, въ Pith India Helmet на головѣ, въ горохо-

вомъ съютѣ и съ произношеніемъ сквозь зубы. Въ г. Узлѣ онъ отдѣлалъ свой домъ на англійскій манеръ и года два корчилъ изъ себя узловскаго сквайра. Когда подулъ другой вѣтеръ и славянофильство начало входить въ моду, Половодовъ забросилъ свой *Helmet*—Веревкинъ прозвалъ его за этотъ головной уборъ пожарнымъ—и перевернулъ весь домъ въ настоящій его видъ. Женитьба на Антонидѣ Ивановнѣ была однимъ изъ слѣдствій этого увлеченія тайниками народной жизни: Половодову понравились ея наливныя плечи, ея бѣлая шея, и Антонида Ивановна пошла въ *pendant* только-что отдѣланному дому съ его расписными потолками и синими пѣтухами. Съ полгода Антонида Ивановна сохраняла свое положеніе русской красавицы и обязана была носить косоклинные сарафаны съ прошивками изъ золотыхъ позументовъ, но скоро эта игра обомъ супругамъ надоѣла, и сарафанъ Антонида Ивановны былъ заброшенъ въ тотъ-же уголь, гдѣ валялась *Pith India Helmet*. Впрочемъ, супруги, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ оборотѣ дѣлъ и вполнѣ довольствовались названіемъ счастливой парочки. Антонида Ивановна отнеслась индифферентно къ своему новому положенію и удовлетворялась ролью независимой замужней женщины. Въ глубинѣ души она считала себя очень счастливой женщиной, потому-что очень хорошо знала по своему папашѣ Ивану Яковлевичу, какіе иногда бываютъ оригинальные мужья. Половодовъ увлекался женщинами и былъ постоянно въ кого-нибудь влюбленъ, какъ гимназистъ четвертаго класса, но эти увлеченія быстро соскакивали съ него, и Антонида Ивановна смотрѣла на нихъ сквозь пальцы. У ней была отличная коляска, пара порядочныхъ рысаковъ, возможность ѣздить по магазинамъ и модисткамъ сколько душѣ угодно, — чего-же ей больше желать? Всѣ узловскія дамы называли ее счастливѣйшей женщиной и Александръ Павлычъ пользовался репутациею примѣрнаго семьянина. Правда, иногда Антонида Ивановна думала о томъ, что хорошо-бы имѣть дѣвочку и мальчика или двухъ дѣвочекъ и мальчика, которыхъ можно было-бы одѣвать по послѣдней картинкѣ и вывозить въ своей коляскѣ, но это желаніе такъ и оставалось однимъ желаніемъ, — дѣтей у Половодовыхъ не было.

Появленіе Привалова ничего новаго не внесло въ домъ Половодовыхъ, за исключеніемъ развѣ того, что вечеромъ, когда

Антонида Ивановна и Анна Павловна ѣхали въ коляскѣ на какое-то гулянье за городъ, первая проговорила:

— Ничего нѣтъ въ этомъ Приваловѣ интереснаго!

Анна Павловна пытливо посмотрѣла на Антониду Ивановну и съ своей тонкой улыбкой замѣтила:

— А я такъ думаю нѣсколько иначе...

— А именно?

— Въ немъ есть непосредственность, Антонида Ивановна. Онъ глуповать и простовать, но онъ можетъ быть героемъ романа...

Антонида Ивановна задумалась надъ словомъ «непосредственность», и оно лѣзло ей въ голову цѣлый вечеръ. Даже ночью, когда въ своей спальнѣ она осталась съ мужемъ и взглянула на его длинную, нескладную фигуру, она опять вспомнила это слово: «Непосредственность... Ахъ, да, непосредственность!» Александръ Павлычъ въ эту ночь не показался ей противнѣе обыкновеннаго, и она спала самымъ завиднымъ образомъ, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно спокойна. Александръ Павлычъ, наоборотъ, не могъ похвалиться особенно покойной ночью: онъ долго ворочалъ на постели свои кости и нѣсколько разъ принимался тереть себѣ лобъ, точно хотѣлъ выскоблить оттуда какую-то идею. Утромъ Половодовъ дождался, когда проснется жена, и даже нѣсколько увлекся, взглянувъ, какъ она сладко спала на своей расшитой подушкѣ, раскинувъ бѣлыя, полныя руки. Онъ осторожно поцѣловалъ ее въ то мѣсто на шеѣ, гдѣ подскокомъ проходила у ней такая аппетитная складка, и на мгновеніе жена опять показалась ему русской красавицей.

— Отчего я не люблю ее? задалъ онъ себѣ неожиданно вопросъ и даже сдѣлалъ гримасу, вспомнивъ свою тощую накрахмаленную содержанку, которая была всегда порядочно грязна, всегда выпрашивала у него много денегъ и безъ которой онъ не могъ обойтись, потому-что какъ-то неудобно безъ любовницы. — Какая-то она вялая, апатичная, рѣшилъ Половодовъ, чувствуя, что опять не любить жену.—У такихъ женщинъ развѣ могутъ быть дѣти...

Когда Антонида Ивановна полоскалась у своего умывальнаго столика, Половодовъ нерѣшительно проговорилъ, видимо что-то соображая про себя:

— Тонечка... какъ ты нашла Привалова?

— Я? Привалова? удивилась Антонида Ивановна, повертывая къ мужу свое мокрое лицо съ слѣдами мыла на шеѣ и голыхъ плечахъ.— «Ахъ, да, непосредственность...» мелькнуло у ней опять въ головѣ, и она улыбнулась.

— Послушай Тонечка: сдѣлай какъ-нибудь такъ, чтобы Привалову не было скучно бывать у насъ. Понимаешь?

— Да что-же я могу сдѣлать для него?

— Ахъ, какая ты глупая... Посовѣтуйся съ татап, она лучше тебѣ объяснить, чѣмъ я, съ улыбкой прибавилъ Половодовъ.

Это утро сильно удивило Антониду Ивановну; Александръ Павлычъ велъ себя, какъ въ то время, когда на сценѣ былъ еще знаменитый косоклиный сарафанъ. Но приступъ мужниной нѣжности не расшевелилъ Антониду Ивановну — она не могла ему отвѣчать тѣмъ-же. Всю дорогу, пока коляска катилась къ дому Агриппины Филиппьевны, Антонида Ивановна чувствовала себя въ положеніи челоуѣка, который что-то потерялъ и даже не можетъ припомнить, что именно. Только когда она взялась за ручку звонка у подъѣзда татап, она вспомнила, что было нужно, и въ полголоса проговорила: — «Ахъ, да, непосредственность!»

Д. Сибирякъ.

(Продолженіе будетъ).

Проекты аграрныхъ преобразованій въ Англіи.

(Окончаніе).

VI.

«Полу-истина хуже лжи», говоритъ народная англійская поговорка. Въ Англіи никогда не переводились передовые умы, очень хорошо сознававшіе что именно такими печальными полу-истинами были тѣ основныя положенія смито-рикардовской политической экономіи и мальтузіанской нравственности, сообразно съ которыми британская нація строила, въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія, свой экономическій, общественный и даже политическій бытъ. Но всего какихъ-нибудь десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ смѣльчаки, осмѣливавшіеся утверждать по ту сторону Ламаншскаго пролива, будто пресловутыя положенія Мальтуса и Рикардо о законѣ населенія и о рентѣ не могутъ служить евангеліемъ общественности и прогресса, будто индустриалистическій культъ капитала, даже при самомъ безукоризненномъ исполненіи требованій и постановленій его сложнаго и кроваваго ритуала, не можетъ привести къ мало-мальски сносному и человѣчно разумному устройству условій національнаго быта,—такіе смѣльчаки, говорю я, всего десять лѣтъ тому назадъ, не только не могли-бы стяжать себѣ «славы пророка въ отечествѣ своемъ», но они считались за опасныхъ мечтателей, вредныхъ утопистовъ, *«crack brained revolutionarists»* даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они высказывали свои гуманныя стремленія со скромностію Роберта Оуэна или съ основательностію, доходящею до робости, Джона Стюарта Милля. Въ настоящее время едвали не поголовно все общественное мнѣніе Соединеннаго Королевства переживаетъ тяжелый моментъ разочарованія въ томъ ученіи, въ которомъ одномъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтенные джентльмены изъ Сити и дѣльцы изъ *Lombard Street* видѣли спасеніе Англіи и всего современнаго человѣчества отъ ужасовъ пауперизма, экономическаго застоя и анархіи. Всякій мало-мальски размышляющій человѣкъ пришелъ уже къ заключенію, что дальше идти прежнею дорогою нельзя; что рикардо-мальтузіанскій или, общѣе говоря, индустриалистическій строй національнаго быта далъ уже новѣйшей Англіи рѣшительно

все, что онъ можетъ дать, и что эти его дары далеко не такъ драгоценны и заманчивы, какъ предвидѣлось всего какихъ-нибудь полъ-вѣка тому назадъ. Прочтите любой изъ англійскихъ авторитетныхъ журналовъ какаго бы то ни было направленія, и вы повсюду встрѣтите безконечный рядъ статей, проникнутыхъ однимъ общимъ и болѣе или менѣе смутнымъ сознаніемъ, что наступилъ часъ, когда *что-то* должно быть осуществлено, когда *какое-то* болѣе или менѣе радикальное преобразованіе должно быть сдѣлано въ основномъ строѣ англійскаго экономическаго и общественнаго быта. Открываю почти на удачу томъ наиболѣе свѣжаго и живого изъ англійскихъ періодическихъ изданій, «Fortnyghtli Review» за 1880 г., и въ немъ читаю нижеслѣдующія строки пастора Баркхама Зинке: «кто-же не видитъ, что нашъ экономическій строй осуждаетъ цѣлыя массы нашего труженческаго населенія на безвыходное бездомничество и батрачество?..—Въ политическомъ, какъ и въ экономическомъ отношеніи, *территориализмъ* (система крупнаго или аристократическаго землевладѣнія), съ его неизбѣжнымъ дополненіемъ—пауперизмомъ, является болячкою или язвою, истощающею наши жизненные силы... Наше крестьянство поставлено въ такое положеніе, что оно не можетъ ни шевельнуться, ни что-либо предпринять, ни даже дѣятельно стремиться къ чему-бы то ни было безъ того, чтобы тотчасъ-же не нарушить закономъ признанныхъ правъ ландлорда... Или значительное большинство англійскихъ гражданъ должно навсегда отказаться отъ мысли объ улучшеніи своего матеріальнаго быта, о приобрѣтеніи для себя условій и правъ сколько-нибудь сноснаго человѣческаго существованія, права сознать себя людьми (*to feel himself a man*); или же должна, наконецъ, пасть вся эта излюбленная нашими законодателями система»... («*The Fruits of Territorialism*», by Barkham Zincke). Совершенно подобными-же заявленіями, исходящими отъ лицъ самаго умѣреннаго или даже рѣшительно консервативнаго образа мыслей, можно-бы исписать цѣлыя страницы. Ограничимся простою ссылкою на имена Торнтнота, Фаусета, Фаррера, Кинира, Кэй (Кай), Бродрика и т. д.

Мы не беремся опредѣлить съ точностью время, когда совершился въ общественномъ мнѣніи Англій этотъ только-что указанный и знаменательный переломъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что наипопулярнѣйшій изъ новѣйшихъ политико-экономистовъ, Джонъ-Стюартъ Милль, принадлежитъ уже всецѣло къ переходной эпохѣ. Самая популярность его едвали не объясняется гораздо болѣе общею гуманностью его направленія, чѣмъ его чисто-научными заслугами. Конечно, наука и публицистика не мало способствовали подготовленію того кризиса въ Англій, о ко-

торомъ здѣсь идетъ рѣчь; но въ настоящемъ очеркѣ насъ гораздо болѣе интересуетъ та совокупность бытовыхъ и житейскихъ условий, которая привела англійское общественное мнѣніе къ признанію несостоятельности тѣхъ индустриалистическихъ и капиталистическихъ кумировъ, которымъ она со слѣпымъ рвеніемъ поклонялась всего еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и которымъ она ежегодно приносила тысячи, если не сотни тысячъ, человѣческимъ жертвъ, въ лицѣ работниковъ, гибнущихъ въ преисподнемъ мракѣ какихъ-нибудь обвалившихся рудниковъ или же просто и безъ шума отстраненныхъ отъ «пира жизни» всемогущею и безжалостною конкуренціею.

На первый взглядъ, эта измѣна англійскаго общественнаго мнѣнія недавнимъ своимъ богамъ легко можетъ показаться незаслуженною, истекающею будто-бы только изъ непостоянства или легкомыслія, хотя, вообще говоря, англійская нація мало обладаетъ этими непохвальными качествами. Принимая во вниманіе одну только видимость, мы должны будемъ признать, что въ Англіи, значительно больше чѣмъ во всякой другой европейской странѣ, «все обстоитъ благополучно»; что чудовищное нарастаніе національнаго богатства, о которомъ уже было говорено въ предъидущихъ главахъ этой статьи, продолжается здѣсь въ меньшей прогрессіи; что, слѣдовательно, рикардо-мальтузіанское ученіе здѣсь фактически нетолько не обнаружило еще своей несостоятельности, но скорѣе оправдало свои блестящія обѣщанія, и даже въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ, вѣроятно, и не думали самые горячіе сторонники этого ученія какихъ-нибудь полъ-вѣка тому назадъ. По несомнѣннымъ показаніямъ самыхъ достовѣрныхъ статистическихъ цифръ (которыхъ достаточно собрано въ прекрасномъ трудѣ профессора Янжула и которыми мы не хотимъ, безъ крайней надобности, пестрить эти страницы), Англія и въ текущемъ году должна быть признана богатѣйшею странюю на всемъ земномъ шарѣ. Невозможно также отрицать, что этимъ накопленіемъ своихъ богатствъ она обязана главнѣйшимъ образомъ тому принципу свободной торговли, который является однимъ изъ краеугольныхъ камней вышеупомянутаго политико-экономическаго міровоззрѣнія, его самымъ широкимъ, конечнымъ синтезомъ по отношенію къ внѣшней политикѣ, точно такъ-же какъ по отношенію къ политикѣ внутренней его краеугольнымъ камнемъ служитъ территориализмъ, т. е. отдача всей англійской территоріи, на правахъ личной и безконтрольной собственности, въ руки очень ограниченнаго числа привилегированныхъ счастливицевъ. Безъ поголовнаго обезземеленія всей труженической массы своего населенія, безъ окончательнаго закрытія своимъ крестьянамъ доступа къ манащей ихъ

землѣ, Англія не обладала-бы миллионною ратью работниковъ, жаждущихъ, какъ манна небесной, возможности въ каждую данную минуту продать трудъ свой первому встрѣчному его нанимателю и покупателю по самой сходной цѣнѣ. А безъ этой массы дешеваго, цѣлесообразно направленнаго англійскаго народнаго труда не было-бы и того накопленія богатствъ, которымъ современная Англія такъ замѣтно превосходитъ всѣ другіе народы и страны Стараго и Новаго Свѣта. Чего-же болѣе могла она ждать отъ міровоззрѣнія, котораго лучшіе и умнѣйшіе проповѣдники и сторонники (въ ихъ числѣ и самый Джонъ-Стюартъ Милль) предупреждали обыкновенно на первой-же страницѣ своихъ трактатовъ, что они имѣютъ въ виду только богатство, которое, конечно, (будучи понимаемо въ политико-экономическомъ значеніи этого слова), составляетъ одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ національнаго и человѣческаго благополучія, но которое тѣмъ не менѣе есть нѣчто совершенно отличное отъ счастья или благополучія, а еще болѣе отъ нравственности, отъ добродѣтели и т. п.

Мы охотно готовы признать, ссылаясь всего больше на примѣръ современной Англіи, что вышенамянутое политико-экономическое мѣровоззрѣніе не обманываетъ тѣхъ обѣщаній, которыя оно давало въ лицѣ лучшихъ и солиднѣйшихъ своихъ представителей, начиная отъ Адама Смита и кончая Дж. Ст. Миллемъ. Тѣмъ неменѣе, однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій культурной исторіи нашего времени остается тотъ фактъ, что англійское общественное мнѣніе, обольщавшееся такими обѣщаніями, когда исполненіе ихъ видѣлось еще въ туманѣ неопредѣленнаго будущаго, теперь отворачивается въ недоумѣніи и отъ нихъ, и отъ самого капиталистическаго или территориалистическаго мѣровоззрѣнія и выказываетъ болѣе или менѣе единодушное стремленіе выступить на какой-то иной, еще неизвѣданный путь.

Объясненіе этого любопытнаго явленія едвали слѣдуетъ искать въ англійскихъ журналахъ и книгахъ, такъ какъ политико-экономическая критика не произвела здѣсь за послѣдніе годы ни одного особенно выдающагося произведенія, способнаго открыть передъ мѣстною или иностранною публикою широкіе, новые горизонты. Но вполне удовлетворительное объясненіе его дается англійскою экономическою жизнью, которая именно за эти послѣдніе годы достигла нѣкоторыхъ крайнихъ предѣловъ своего односторонняго развитія и съ неотразимою, очевидностью убѣждаетъ всѣхъ, способныхъ убѣждаться какими бы то ни было доводами и аргументами, въ томъ, что Англія достигла своего нынѣшняго всесвѣтнаго капиталистическаго господства цѣною потери собственной своей эко-

номической самостоятельности. Это всего рѣзче и нагляднѣе проявляется въ томъ, что зависимость Англіи отъ иностранныхъ народовъ въ важномъ дѣлѣ народнаго продовольствія возростала съ изумительною быстротою въ теченіи цѣлаго полустолѣтія и достигла въ настоящее время того, что, говоря круглыми цифрами, цѣлыхъ 75% ежегодно съѣдаемаго гражданами Соединеннаго Королевства количества хлѣба получается уже изъ за границы. Другими словами, будучи предоставлена самой себѣ, Англія имѣла бы хлѣба только на три мѣсяца въ году; т. е. народонаселеніе ея, въ случаѣ новой «континентальной блокады», которая продлилась бы всего только шесть мѣсяцевъ, было бы осуждено погибнуть голодною смертью. Если принять во вниманіе, что каждый годъ все большее и большее количество потребляемаго здѣсь хлѣба получается изъ Америки, а слѣдовательно Англія легко можетъ лишиться его въ случаѣ войны съ не всегда дружелюбными ей заатлантическими ея кузенами, то легко понять, что именно это, довольно впрочемъ элементарное, соображеніе должно было сильно повліять на умы англійскихъ Прюдомовъ, т. е. тѣхъ добропорядочныхъ джентльменовъ изъ Сити, которые не грѣшатъ чрезмѣрнымъ глубокомысліемъ, не имѣютъ ни склонности, ни досуга вдаваться въ обстоятельныя разслѣдованія какихъ бы то ни было вопросовъ, выходящихъ изъ предѣловъ купеческой или банкирской конторы, но которые составляютъ тотъ тысячеустный хоръ, который своимъ, не всегда стройнымъ и гармоническимъ, но однообразнымъ пѣніемъ вездѣ и всегда заглушаетъ болѣе разумные голоса единичныхъ запѣвалъ какъ передового такъ и отсталого лагеря. Къ тому же, необходимо обезпечить себѣ свободный подвозъ съѣстныхъ припасовъ при вышепомянутыхъ условіяхъ весьма естественно должна вносить въ англійскую политику нѣкоторыя милитаристическія соображенія, весьма не любезныя благомыслящимъ джентльменамъ изъ Сити и не сообразныя съ тѣмъ единымъ правовѣрнымъ и единымъ спасающимъ экономическимъ міровоззрѣніемъ, въ которое мистеры Домби добраго стараго времени вѣрили столь же слѣпо, какъ самаркандскіе муллы и софты вѣрятъ въ Коранъ.

Правда, экономическая школа, о которой мы говоримъ и которая единственнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій признаетъ только законы производства и накопленія богатствъ, независимо отъ ихъ распредѣленія и потребленія, учитъ, что подобная зависимость Англіи отъ иностранныхъ народовъ въ важномъ вопросѣ о хлѣбѣ насущномъ не составляетъ бѣды. Англія въ значительной степени оскудѣла своимъ доморощеннымъ хлѣбомъ только потому, что слишкомъ неукоснительно послѣдовала азбучному принципу классической или правовѣрной политической экономіи, рекомендуящему на-

правлять національный трудъ только на тѣхъ поприщахъ, гдѣ онъ способенъ дать наибольшій продуктъ въ смыслѣ исключительно капиталистическаго преуспѣянія. Потому то англійское національное богатство и возрастаетъ съ такою изумительною быстротою, что эта мудреная страна, по примѣру дикаго помѣщика въ извѣстной сказкѣ г. Щедрина, почти вовсе упразднила мужика въ своихъ владѣніяхъ. Только здѣсь мужикъ этотъ не исчезъ въ посконномъ вихрѣ, а отправился на многочисленныя фабрики въ Лондонъ, Манчестеръ, Бирмингамъ и въ другіе подобныя промышленныя центры, имѣ же нѣсть числа, засѣлъ тамъ за тѣвцкій станокъ, за доменную печь или погрузился въ непроглядный мракъ каменноугольной шахты. Вывозя безданнымъ и безпошлинно продукты его труда во всѣ стороны земного шара, Англія получаетъ взамѣнъ и золото и хлѣбъ въ сильномъ избыткѣ противъ того, что могъ бы добыть этотъ же самый труженикъ, если-бы онъ остался мужикомъ, т. е. если-бы всемогущій ландлордъ заблаговременно не согналъ его съ далеко не благодатной, но нѣкогда все же таки дорогой ему англійской почвы...—Джентльменъ изъ Сити, слишкомъ искушенный въ коммерческихъ и банкирскихъ дѣлахъ, не можетъ, конечно, не признавать, что такой порядокъ дѣлъ несомнѣнно очень выгоденъ. Въ виду столь очевидной и выражаемой крупными цифрами выгоды его, онъ, пожалуй, готовъ забыть о возможности «континентальной блокады», грозящей въ непредвидѣнный черный часъ осудить его на голодную смерть на своихъ набитыхъ золотомъ сундукахъ. Но неумолимый житейскій опытъ не даетъ мѣста сладостной иллюзіи. Статистическія цифры этихъ послѣднихъ лѣтъ смущающимъ кошмаромъ напоминаютъ ему, что и съ этой точки зрѣнія онъ, т. е. средній благополучный англичанинъ, стоитъ не на своихъ собственныхъ ногахъ: надо, чтобы часто вовсе невѣдомые ему иностранныя народы продолжали вѣчно принимать дешевыя и хорошія англійскія фабричныя издѣлія въ обмѣнъ за свое золото или за свой хлѣбъ. А между тѣмъ та же нелюбезная Америка, кормящая благополучнаго джентльмена своимъ хлѣбомъ, уже закрыла большую часть своихъ рынковъ для англійскихъ товаровъ и сама научается понемногу изготовлять ихъ недороже и нехуже у себя дома. Многія изъ европейскихъ государствъ, и при томъ съ наиболѣе богатыми потребительными рынками уже послѣдовали ея примѣру. До сихъ поръ уменьшившіяся вывозы англійскихъ товаровъ въ Европу и въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки съ лихвою покрываются еще усиливающимся спросомъ на нихъ на многочисленныхъ рынкахъ крайняго востока. Но и съ этой стороны получено уже не одно предостереженіе... И всякій, сколько нибудь задумывающійся хоть бы надъ своею

собственной участію англійскій дѣлецъ не безъ томительнаго недоумѣнія спрашиваетъ себя: что же будетъ, когда слишкомъ шестьсотъ милліоновъ населенія Индіи, Китая, Японіи научится наконецъ собственными средствами ткать плохой каленкоръ и нанку изъ своего же собственнаго хлопка, вмѣсто того чтобы по дорогой цѣнѣ покупать его у англійскихъ производителей? Будетъ, очевидно, нѣчто очень неутѣшительное, и здравомыслящій джентльменъ изъ Сити понимаетъ, что уже начавшаяся на отдаленномъ Востоку мирная революція, заключающаяся въ усвоеніи китайцами и индѣйцами насильно завезенныхъ туда изъ Англій же машинъ и усовершенствованныхъ способовъ европейскаго производства, страшнѣе для него всякихъ аграрныхъ лигъ и всякихъ анархическихъ митинговъ и коммунистическихъ декламаций. Это то пониманіе и залегаетъ какъ какой-то невѣдомый прежде ферментъ или бродило въ его малодѣятельномъ, но не извращенномъ мозгу, и въ парахъ неуспѣваго еще и неуспѣваго оформиться броженія ясно выступаетъ только одно: сознаніе, что тѣ основныя положенія капиталистической премудрости, которыя такъ долго принимались имъ за неподлежащія никакой критикѣ спасительныя аксіомы, въ дѣйствительности оказываются только тѣми жалкими полу-истинами, которыя, по вышеприведенному изреченію англійской народной мудрости, бывають порою хуже завѣдомой лжи.

VII.

Внѣшнимъ поводомъ къ тому любопытному движенію общественной мысли въ Англій, которому мы посвящаемъ эту статью, былъ земледѣльческій кризисъ, пережитый не одною только Англіею, но и всею Западною Европою въ теченіи почти всего послѣдняго десятилѣтія. Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ кризисѣ съ болѣе спеціальной, аграрной точки зрѣнія съ читателями «Дѣла» въ нѣкоторыхъ изъ предыдущихъ своихъ статей. Тогда же мы имѣли случай замѣтить, что этотъ кризисъ долженъ, по всей вѣроятности, послужить точкою отправленія ликвидаціи той аграрной системы Англій, которая крѣпостниками цѣлаго свѣта и до сихъ поръ еще выдается за идеаль истинно разумной и единой просвѣтительной организаціи производительныхъ силъ всякаго культурнаго народа. Въ настоящее время эти наши предположенія начинаютъ уже фактически подтверждаться, въ размѣрахъ превышающихъ наши собственныя ожиданія.

Рядъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, первоначально вызвавшихъ описываемую нами умственную передрагу, уже прошелъ, оставивъ по себѣ однакоже длинный рядъ далеко еще не разрѣ-

пенныхъ, хотя и требующихъ возможно скорого разрѣшенія, общественныхъ вопросовъ. Но главнѣйшимъ и неизгладимѣйшимъ результатомъ этого ряда неурожавъ остается пока еще только у всѣхъ въ цѣлой Англіи укоренившееся возрѣніе, что дальше идти прежнею дорогою нельзя; что пресловутый ея землевладѣльческій строй рушится самъ собою, такъ что даже наиболѣе умѣренные и оптимистскіе голоса единодушно вопиютъ о необходимости поддержать его хоть какими нибудь искусственными подпорками и стропилами. Зрѣлище, дѣйствительно, довольно странное. Превосходно приспособленныя къ воздѣлыванію поля остаются незапаханными и незаѣянными въ то время, когда многочисленныя массы обезземеленнаго народонаселенія, разучившіяся даже и мечтать о землѣ, болѣе чѣмъ когда-либо толпятся въ неприглядныхъ промышленныхъ центрахъ, вынужденныя подъ страхомъ рабочаго дома или голодной смерти найти себѣ хоть скудно оплачиваемый заработокъ. Жалобы и недовольство раздаются, однако, не столь еще настойчиво изъ этой бездомной и безсильной толпы, сколько изъ лагеря тѣхъ счастливыхъ четырехъ тысячъ землевладѣльцевъ, между которыми, на правахъ чуть-ли не самодержавнаго владѣнія, подѣлена вся англійская территория и которые едвали не единодушно признаютъ свою полную несостоятельность, не только съ точки зрѣнія какихъ-нибудь культурныхъ мисій или гражданскихъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ ихъ привилегированнымъ положеніемъ, но хоть-бы только съ низменной и прозаической точки зрѣнія сведенія концовъ съ концами въ собственномъ своемъ бюджетѣ.

Моментъ, безъ сомнѣнія, въ высшей степени вызывающій на размышленіе. А такъ какъ Англія не даромъ-же прожила почти сто лѣтъ осмысленною или по крайней мѣрѣ сознательною политическою жизнью, то для каждого, хоть бы просто только грамотнаго, челоуѣка въ этой странѣ само собою становится ясно, что ликвидація господствующей здѣсь системы землевладѣнія не можетъ быть произведена безъ того, чтобы не затронуть и всѣ другія, существеннѣйшія стороны общаго національно-экономическаго строя всей англійской жизни. Территоріализмъ, т. е. система привилегированнаго аристократическаго землевладѣнія, есть прямой и законный плодъ того же самаго корня, на которомъ выросло и все капиталистическое могущество этой страны. И если этотъ плодъ оказывается сверхъ ожиданія горекъ и неудобоваримъ, то даже у невкушающихъ непосредственно отъ него должно роковымъ образомъ зародиться сомнѣніе въ доброкачественности породившихъ его корней. Если необузданный капитализмъ, въ примѣненіи къ этой важной отрасли народнаго труда, рано или поздно, приводитъ къ несостоя-

тельности, къ воплямъ о поддержкѣ, къ банкротству, то какъ же удержаться отъ опасенія, что такой же точно роковой моментъ наступитъ наконецъ и для всѣхъ другихъ его примѣненій? Мало этого: если Англія, подѣ влияніемъ переживаемаго ею импульса, перейдетъ теперь къ какой-нибудь иной землевладѣльческой системѣ,—пожалуй къ радикально противоположной территориализму системѣ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія (чего хочетъ здѣсь сильная и многочисленная партія, имѣвшая своимъ вождемъ знаменитаго Брайта, а теперь считающая самого Гладстона въ числѣ ревностныхъ своихъ приверженцевъ),—то не внесетъ ли эта неожиданная передѣлка фундамента соотвѣтственнаго потрясенія и въ верхніе этажи того же самаго національно - экономическаго зданія, воздвигнутаго съ такимъ упорнымъ трудомъ, стоившаго столькихъ тяжелыхъ жертвъ и лишеній? Что станется, наконецъ, съ дешевымъ трудомъ, служащимъ краеугольнымъ камнемъ всесвѣтнаго господства Англіи, когда обезземеленный батракъ получитъ снова доступъ къ позабытымъ имъ полямъ, откуда былъ прогнанъ отецъ или дѣдъ его по произволу, капризу или глубокимъ рикардо-мальтузианскимъ соображеніямъ титулованнаго помѣщика?

Легко понять, что, въ силу всѣхъ этихъ соображеній, земельный вопросъ замѣтно обостряется въ Англіи, все рѣшительнѣе съ каждымъ годомъ выступаетъ на первый планъ и все болѣе начинаетъ поглощать собою общественное вниманіе, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ искусственно отвлекавшееся отъ него разными чисто политическими вопросами и романтическими попытками павшаго министра д'Израэли создать англійскую имперію въ Индіи или позднѣйшими дипломатическими бурями въ стаканѣ мутной воды восточнаго вопроса. Печальныя событія въ Ирландіи двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ, конечно, въ свою очередь способствуютъ привлеченію общественнаго вниманія Англіи къ этому роковому вопросу, способствуютъ однакоже только отчасти, и то главнѣйшимъ образомъ благодаря только тому, что, въ отношеніи землевладѣнія, аграрныя условія Англіи представляютъ поразительную аналогію съ тѣми, которыя существовали въ Ирландіи до принятія парламентомъ пресловутаго «Land bill'я» Гладстона. Съ принятіемъ же этого закона, хоть съ грѣхомъ пополамъ обуздывающаго произволъ ирландскихъ землевладѣльцевъ, собственно Англія, даже по отношенію къ Ирландіи, должна уже быть признана отсталой страной, какъ это блистательно показали новѣйшій натуралистъ Уоллесъ (Alfred Russel Wallace) въ своемъ недавнемъ сочиненіи «*Land Nationalisation.*»

Вышеупомянутый земледѣльческій кризисъ ближайшимъ образомъ обнаружилъ тотъ неутѣшительный и для многихъ неожиданный

фактъ, что средняя земледѣльческая производительность Соединеннаго Королевства значительно уменьшилась благодаря сосредоточенію англійской территоріи въ рукахъ тѣхъ немногихъ богачей, у которыхъ, конечно, не можетъ быть недостатка въ капиталахъ, необходимыхъ для того, чтобы довести земледѣльческую технику до возможно высшаго предѣла ея совершенства. Неожиданный фактъ этотъ, впрочемъ, могъ оказаться только для того, кто привыкъ разрѣшать сложные вопросы народнаго хозяйства на основаніи немногихъ общихъ априористическихъ положеній, которыя могутъ иногда оставаться и неопровержимыми сами по себѣ, но приложеніе которыхъ къ каждому отдѣльному случаю требуетъ нѣкоторой осмотрительности и умѣлости. Слишкомъ много было говорено о томъ неподражаемомъ совершенствѣ земледѣльческой техники, съ которымъ богатые англійскіе помѣщики сумѣли увеличить доходность своихъ, отъ природы мало плодородныхъ, полей до того, что въ средніе годы поля эти даютъ урожаи втрое или вчетверо больше такихъ-же среднихъ урожаевъ самыхъ плодородныхъ и благодатныхъ мѣстностей Франціи. Но при этомъ, по недоразумѣнію или умыленно, упускали изъ вида то обстоятельство, что богатые англійскіе земледѣльцы допускаютъ, такъ-сказать, къ воздѣлыванію только тѣ свои поля, которыя, при усовершенствованной обработкѣ ихъ, способны давать только возможные максимумы урожаевъ. На поля-же, которыя показались-бы раемъ земнымъ самому счастливому, на примѣръ, русскому крестьянину, на которыхъ благоденствовалъ-бы французскій мужикъ обходящійся безъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, но которыя не представляютъ наиболѣе выгоднаго по англійскимъ понятіямъ сочетанія условія, англійскій землевладѣлецъ считаетъ обыкновенно невыгоднымъ для себя затрачивать свои капиталы. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что цѣны на хлѣбъ на англійскихъ рынкахъ обуславливаются все болѣе и болѣе не мѣстнымъ производствомъ, а привозомъ изъ дѣйственныхъ или черноземныхъ странъ; а потому съ каждымъ годомъ естественно должно было возрастать пространство англійскихъ полей, оставляемыхъ, за относительную ихъ негодностью, безъ воздѣлыванья. Такимъ образомъ почти вся западная часть Великобританіи, гдѣ климатъ влаженъ и гдѣ порывы холодной вѣтра нерѣдко портятъ урожаи, съ давнихъ поръ обращена уже въ пустыню, правда, очень привлекательную на видъ, такъ-какъ она вся покрыта густою и роскошною травою, на которой пасутся здѣсь и тамъ гурты отборнѣйшаго рогатаго скота. Тѣмъ неменѣе, здѣсь, нерѣдко на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, мы не встрѣчаемъ ни одного жителя, тогда какъ и одной квадратной версты такой земли съ лихвою было-бы достаточно для того, чтобы обезпечить комфортабельное существованіе

тѣсколькимъ десяткамъ англійскихъ гражданъ, которые стали бы воздѣлывать ее на основаніи не товарнаго или капиталистическаго землевладѣнія. Это стремленіе англійскихъ землевладѣльцевъ обращать все большее и большее количество своихъ полей въ пастбища для крупнаго и мелкаго рогатаго скота, «очищая» ихъ отъ человѣческаго народонаселенія обнаружилось уже давно. Легко понять, что оно должно было въ значительной степени ослабить способность Англійи прокармливать свое, ежегодно возрастающее населеніе доморощеннымъ хлѣбомъ. Повторяю, мы здѣсь вовсе не говоримъ объ Ирландіи, гдѣ подобными «очистительными» подвигами въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ отличались еще очень недавно лорды Лендсдоунъ, Фицвильямсъ, Дигби, Гертфордъ и множество другихъ, (см. Джэмсъ Гаукинъ «The Land war in Ireland»). Но и въ самой Англійи дѣло обстоитъ немногимъ благополучнѣе, если судить потому напримѣръ, что въ одномъ графствѣ Сутерландѣ (Sutherland), маркизъ Стаффордъ «очистилъ» свои огромныя помѣстья, заключающія болѣе 800,000 акровъ удобной земли, отъ населенія въ слишкомъ 15,000 душъ обоюго пола, кормившихся на этой землѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Впрочемъ, примѣры, такого рода далеко не единственныя во всѣхъ углахъ и частяхъ Соединеннаго Королевства, и давно уже извѣстно, что ни одно изъ западно-европейскихъ государствъ не обладаетъ такимъ громаднымъ сравнительно количествомъ десятинъ пустопорожней земли, какъ Англійа, несмотря на то, что въ ней земли цѣнятся дороже, чѣмъ во всякой другой странѣ. Конечно, во многихъ случаяхъ это уклоненіе національной почвы отъ ея естественнаго назначенія производить хлѣбъ для англійскаго народа объясняется роскошью или даже расточительностью землевладѣльцевъ, которымъ ихъ общественное положеніе позволяло до сихъ поръ разрѣшать себѣ роскошь охотничьихъ парковъ, тянувшихся иногда на пространствахъ многихъ десятковъ или даже сотенъ тысячъ акровъ. Такъ, напримѣръ, около двухъ третей всей поверхности Корнваллиса занято охотничьими парками принца Уэльскаго. Но въ очень многихъ случаяхъ тѣ опустошительныя «очистки» имѣній, о которыхъ собственно мы здѣсь и говоримъ, подсказываются землевладѣльцу вполне основательными съ капиталистической точки зрѣнія хозяйственными соображеніями. Помѣщику было безусловно выгоднѣе обращать значительную часть своихъ полей въ пастбища, на которыхъ воспитывались многочисленныя стада тонкорунныхъ овецъ или улучшенныхъ бычачьихъ породъ. Въ послѣднее время, благодаря австралійской конкуренціи, тонкорунное овцеводство въ Англійи начинаетъ примѣтно исчезать, но поля, однажды отклоненныя отъ своего естественнаго назначенія, не возвращаются снова земледѣ-

лію, за невозможностью прійскать для нихъ надежныхъ фермеровъ или арендаторовъ. Отсюда раззореніе помѣщичьихъ хозяйствъ и громвія сѣтованія почтенныхъ ландлордовъ. Само собою разумѣется, что, если-бы дѣло было предоставлено своему естественному ходу, ландлорды были-бы принуждены въ концѣ концовъ отдавать крестьянамъ эти обширныя пространства земли, непринносяція имъ при нынѣшнихъ условіяхъ часто никакого дохода. Но для этого во всякомъ случаѣ потребовалось-бы слишкомъ много времени; да и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ландлорды, прежде чѣмъ рѣшиться на непосредственныя сдѣлки съ крестьянами, постараются воспользоваться своимъ громаднымъ общественнымъ и политическимъ вліяніемъ для того, чтобы улучшить свое теперешнее положеніе при помощи какихъ-нибудь законодательныхъ мѣръ. Извѣстно, что въ политическихъ сферахъ Англіи уже сильно заходитъ рѣчь объ отступничествѣ отъ принциповъ свободной торговли, возведенныхъ рикардо-мальтузіанскою школою чуть не на степень религіознаго догмата. Чисто промышленные кружки, даже въ самомъ Манчестерѣ, начинаютъ довольно сочувственно относиться къ этому ландлордскому стремленію охранить свои разрушающіяся хозяйства отъ иностранной конкуренціи путемъ если не прямо покровительственнымъ, то по крайней мѣрѣ «уравновѣшивающихъ» таможенныхъ тарифовъ. Даже при этомъ теченіи дѣла, англійская національно-хозяйственная система, начавъ такъ блистательно съ пресловутой отмѣны хлѣбныхъ законовъ немного болѣе полувѣка тому назадъ, вернулась-бы наконецъ, свершивъ свой полный циклъ, къ фактическому отрицанію своего исходнаго принципа.

VIII.

Какъ видно изъ сказаннаго выше, начатая ликвидація національно-хозяйственныхъ порядковъ Англіи не можетъ ни съ какой точки зрѣнія обойтись безъ новыхъ законодательныхъ мѣръ. Мы бы повторили давно избитое общее мѣсто, прибавивъ, что въ Британскомъ Королевствѣ законодательствуетъ только общественное мнѣніе; но это-то избитое общее мѣсто и объясняетъ то оживленіе, которое возбуждаетъ въ англійской прессѣ послѣдняго времени поземельный вопросъ. Само собою разумѣется, что каждая партія усиленно стремится заранѣе склонить это всевластное общественное мнѣніе на сторону своихъ интересовъ или проповѣдуемыхъ ею безкорыстныхъ принциповъ и общихъ началъ.

Могущественная до сихъ поръ партія фритредеровъ, считающая, какъ извѣстно, въ числѣ видныхъ своихъ представителей

нынѣшняго главу кабинета, жадно пользуется представившимся ей случаемъ оживить свою программу, примѣтно уже вывѣтрившуюся съ того времени какъ вопросы свободной торговли и покровительственныхъ тарифовъ утратили то значеніе, которое имъ повсюду придавали въ Европѣ какихъ-нибудь лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ. Вербующая своихъ приверженцевъ по преимуществу въ рядахъ виговъ и промышленной буржуазіи, партія эта никогда не отличалась особенною нѣжностью къ аристократическому землевладѣнію. Теперь-же она яростно атакуетъ сконфуженный ландлордизмъ или территориализмъ. Устами сотенъ болѣе или менѣе вліятельныхъ и даровитыхъ представителей періодической и непериодической прессы, имена которыхъ болшею частью уже перечислены на предыдущихъ страницахъ, она пытается доказать, что самый фактъ существованія территориализма въ Англіи составляетъ уже вопіющее нарушеніе единыхъ мудрыхъ и единыхъ спасающихъ принциповъ свободной торговли. По ея мнѣнію, девизомъ будущаго законодательства въ трудномъ дѣлѣ ликвидаціи нынѣшнихъ аграрныхъ порядковъ Англіи должна служить фраза *<free trade in land>* (свободная торговля землею).

Какъ и всѣ партіонныя девизы, фраза эта представляетъ немалую эластичность и различными отгѣнками этой партіи перетолковывается на различные лады. Въ наиболѣе консервативной своей редакціи, она приписываетъ все зло тѣмъ архаическимъ подробностямъ, которыми обставлено англійское гражданское законодательство по вопросамъ землевладѣнія и которыя, дѣйствительно, нѣредко стѣсняють землевладѣльца въ распоряженіи своимъ имуществомъ и, вообще говоря, дѣлають почти невозможными отчужденіе или продажу наслѣдственнаго имѣнія въ чужія руки. Благодаря возможности такого умѣреннаго толкованія стремленій партіи «аграрныхъ фритредеровъ», она могла привлечь на свою сторону и немало представителей крупнаго землевладѣнія, которые, ради болѣе широкой возможности распоряжаться по своему произволу своими помѣстьями, жертвуютъ интересами своего сословія или-же просто не замѣчаютъ, что, съ отрицаніемъ тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ и политическихъ привилегій, которыми гарантируется въ настоящее время нераздѣльность и неподвижность крупнаго землевладѣнія въ Англіи, своего рода аграрная революція или нѣкоторая демократизація поземельной собственности должна неизбѣжнымъ образомъ совершиться сама собою, какъ это въ значительной степени уже совершилось во Франціи, гдѣ потомки узпраздненной революціею феодальной аристократіи успѣли, во время реставраціи, снова захватить въ свои руки нѣкоторую часть конфискованныхъ у нихъ имуществъ, но оказались рѣшительно неспособными удержать ее

за собою, благодаря конкуренціи мелкаго крестьянскаго землевладѣнія.

Этотъ консервативный оттѣнокъ партіи новѣйшихъ аграрныхъ фритредеровъ въ Англіи не располагаетъ блестящими литературными и публицистическими силами; да и трудно предполагать, чтобы въ странѣ, столь богатой политической опытностью, попытка лечить крупныя и уже обнаруженныя общественныя язвы простою передѣлкою мелкихъ законодательныхъ подробностей могла встрѣтить большой успѣхъ. Но къ этой фракціи аграрныхъ фритредеровъ непосредственно примыкаетъ передовая, гораздо болѣе многочисленная и во всякомъ случаѣ болѣе интересная ихъ отдѣлъ, выставляющій свою, впрочемъ неменѣе эластичную формулу: *«free land»* (свобода земли). Судя по наиболѣе выдающимся произведеніямъ литературныхъ бойцовъ этого лагеря, — профессора Фаусетта, Бойдъ-Киннора, Барехамъ Зинка и проч. — подъ «свободнымъ землевладѣніемъ» слѣдуетъ понимать аграрный строй, діаметрально противоположный нынѣшнему англійскому территориализму, т. е. говоря другими словами, соединеніе въ одномъ лицѣ собственника и земледѣльца. Вопросъ объ относительныхъ достоинствахъ крупнаго аристократическаго и мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, въ болѣе основныхъ и существенныхъ его чертахъ, можно уже считать теоретически исчерпаннымъ. Тѣмъ неменѣе, нѣкоторые изъ даровитѣйшихъ представителей только-что помянутаго оттѣнка англійскихъ аграрныхъ фритредеровъ въ значительной степени обогатили литературу этого вопроса весьма тщательнымъ изученіемъ многихъ подробностей поземельнаго устройства тѣхъ европейскихъ странъ, которыя, какъ напр. Франція, Норвегія, прирейнская Германія, отличаются демократичностью своихъ аграрныхъ порядковъ. Съ особеннымъ интересомъ читаются статьи Б. Зинка о бытѣ вообще французскихъ и въ частности южно-французскихъ собственниковъ-крестьянъ, появляющіяся въ теченіи двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ въ *«Fortnightly Review»*, служащей главнымъ органомъ партіи приверженцевъ демократизаціи землевладѣнія въ Англіи. Съ чисто англійскою солидностью и обстоятельностью, многочисленныя литературныя бойцы этого лагеря изучаютъ подробности національнаго хозяйства тѣхъ странъ, гдѣ, какъ напр. въ Италіи, діаметрально противоположныя системы землевладѣнія существуютъ рядомъ въ мѣстностяхъ почти тождественныхъ въ отношеніи климата, почвы и другихъ условій успѣшности сельскаго хозяйства.

Результатомъ этихъ сравненій и изслѣдованій оказывается, конечно, то, что когда, — въ Ломбардіи или Базиликатѣ, какъ и въ Англіи, въ Андалузіи или въ окрестностяхъ Кенигсберга, — аристо-

кратическое землевладѣніе, если и не ведетъ неизбѣжно къ большому накопленію общей цифры такъ-называемыхъ «національныхъ» богатствъ, то тѣмъ неменѣе порождаетъ усиленное имущественное неравенство и, что всего хуже, создаетъ многочисленныя массы бездомныхъ батраковъ, неимѣющихъ никакой живой органической связи со своею родиною, гдѣ имъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ грозитъ безъисходная нищета, медленное хроническое вымирание съ голода. Естественнымъ результатомъ такого порядка является въ этихъ обездоленныхъ массахъ неудержимое стремленіе бѣжать куда-бы то ни было, въ смутной надеждѣ отыскать въ какомъ-нибудь невѣдомомъ уголкѣ земли такую блаженную страну, гдѣ честному человѣку возможно посильнымъ трудомъ обезпечить себѣ хоть сколько-нибудь сносное существованіе. Извѣстно какіе угрожающіе размѣры приняла за послѣднее время эмиграція изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей Ломбардіи, обусловленная совершенно тѣми же причинами, которыми вызывается и ежегодное переселеніе столькихъ сотенъ тысячъ душъ изъ Ирландіи въ Америку. А между тѣмъ Ломбардія не завоеванная страна и, въ отношеніи благодатности климата и почвы, можетъ поспорить съ самыми счастливыми мѣстностями Европы. Результаты эти, конечно, не покажутся неожиданными для того, кто хоть сколько-нибудь интересовался этимъ вопросомъ. Нѣсколько новѣе тѣ данныя, на основаніи которыхъ англійскіе публицисты вышепомянутаго направленія успѣли доказать, что крестьянское землевладѣніе оказывается невыгоднѣйшею формою землевладѣнія не съ исключительной точки зрѣнія благоденствія народныхъ массъ, но также и по отношенію вообще къ производству питательныхъ веществъ въ размѣрахъ очень слабо ограниченныхъ условіями почвы и климата.

Изъ числа полу-истинъ, распространенныхъ ортодоксальною политико-экономическою экономіею подъ видомъ научныхъ аксіомъ, немалымъ успѣхомъ пользуется неопровержимое, повидимому, положеніе о томъ, что земля неизбѣжно должна давать наибольшій доходъ, будучи присвоена богатымъ помѣщикомъ, имѣющимъ и необходимый капиталъ, и научныя свѣдѣнія для рациональнаго ея воздѣлыванія. Высокая урожайность англійскихъ полей приводится обыкновенно какъ неоспоримый фактъ, вполне подтверждающій это основное положеніе. По вышепомянутымъ разслѣдованіямъ оказывается тѣмъ не менѣе, что акръ или десятина земли приносить абсолютно большій доходъ, будучи воздѣлываема крестьяниномъ-собственникомъ, который хотя и сниметъ, правда, съ засѣянной имъ полосы, безъ помощи усовершенствованныхъ машинъ и орудій, сравнительно меньшій урожай, но за то съ лихвою навер-

стаетъ разницу на сотнѣ такихъ доходныхъ мелочей, которыя совершенно упраздняются въ рациональномъ крупно-землевлдѣльческомъ хозяйствѣ. Истина эта наглядно доказывается примѣровъ острововъ Джерси и Гернси, лежащихъ по близости англійскихъ береговъ и находящихся въ гораздо болѣе неблагоприятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, чѣмъ пустынная западная Англія. Но на островахъ этихъ неизвѣстенъ территориализмъ, и крестьяне владѣютъ здѣсь землею на французскомъ демократическомъ основаніи. Въ итогѣ получается то, что острова эти, при скудныхъ размѣрахъ своей территоріи, не только оказываются способными прокормить свое собственное, довольно густое населеніе, но и еще и снабжаютъ самую Англію овощами, нѣкоторыми хлѣбными злаками; въ особенности-же разными фермерскими продуктами: птицею, молокомъ, масломъ, яйцами и пр., которыя цѣнятся на здѣшнихъ рынкахъ очень высоко. Въ Англіи-же, именно съ тѣхъ поръ, какъ землевлдѣльческое хозяйство ея окончательно преобразилось по усовершенствованному ланлордскому образцу и съ лица ея почти вовсе исчезла крестьянская жизнь,—поля обратились въ фабрику зерновыхъ хлѣбовъ, фермерскіе продукты не производятся вовсе, а привозятся преимущественно изъ далекихъ странъ. Приблизительно, за овощи, масло, молоко, яйца, птицу и т. п. Англія должна выплачивать среднимъ числомъ около 400 милліоновъ франковъ въ годъ, главнымъ образомъ во Францію. А всего полъ-вѣка тому назадъ англійскіе пророки мальтузіанскаго толка предвѣщали, что Франція, благодаря демократичности своего землевлдѣнія, черезъ немного лѣтъ должна будетъ раздѣлить съ Ирландіею печальную честь наводнять голодными батраками Америку и Европу.

Этотъ отбѣнокъ англійскихъ аграрныхъ фрिटредеровъ черпаетъ немалую долю своей силы и значенія изъ того, что между нимъ и болѣею частью аграрныхъ ирландскихъ агитаторовъ существуетъ полное тожество стремленій. Одинъ изъ двухъ предсѣдателей ирландской земельной лиги, Парнелль, по своимъ воззрѣніямъ долженъ быть отнесенъ именно къ этому отдѣлу англійскихъ аграрныхъ фрिटредеровъ. Оставляя въ сторонѣ ту націоналистическую примѣсь, которая естественно, въ силу исключительныхъ условій, должна играть значительную роль въ его дѣятельности, онъ ставитъ своею программю искорененіе англійскаго территориализма въ Ирландіи и замѣну его мѣстнымъ крестьянскимъ землевлдѣніемъ. Въ этомъ и заключается его разногласіе со своимъ товарищемъ по земельной лигѣ, М. Дэвитомъ, о преобразовательныхъ стремленіяхъ котораго мы поговоримъ нѣсколько ниже. «*Oscuring property*» или, по выраженію ирландскихъ лигистовъ: «земля для

народа»—и составляетъ ту общую почву, на которой Парнелль и Гладстонъ, безъ измѣны съ той или съ другой стороны, могли подать другъ другу руку, имѣя при томъ въ этомъ случаѣ за себя все либеральное большинство парламента.

Какъ-бы ни было ничтожно непосредственное практическое значеніе гладстоновскаго *Land act'a*, регулирующаго законодательнымъ порядкомъ нѣкоторыя изъ взаимныхъ отношеній землевладельцевъ, арендаторовъ и сельскихъ работниковъ въ Ирландіи, но актъ этотъ составляетъ тѣмъ не менѣе очень рѣшительную побѣду, одержанную надъ консерватизмомъ общественнаго мнѣнія либеральною фракціею аграрныхъ фритредеровъ цѣлаго Соединеннаго Королевства. Побѣда эта одержана, конечно, въ значительной степени при помощи ирландской агитаціи; но это не мѣшаетъ ей быть гораздо болѣе цѣнною для собственно-англійскихъ приверженцевъ вышеуказаннаго переустройства аграрнаго быта Англій тѣмъ для самихъ ирландцевъ, которыхъ и экономическія, и націоналистическія стремленія остаются, по прежнему, не удовлетворены. Мы собственно и не намѣрены владаться здѣсь въ обзоръ и оцѣнку этой либеральной полумѣры съ точки зрѣнія ея пригодности для усмиренія ирландскихъ волненій. Но въ ней англійскіе преобразователи приобрѣтаютъ очень драгоцѣнный для себя прецедентъ. Тотъ предварительный вопросъ, который, въ теоріи, приверженцы аграрнаго *status quo* считаютъ еще далеко нерѣшеннымъ:—вопросъ о правѣ законодательнаго собранія ограничить какимъ-бы то ни было образомъ безусловныя права помѣщиковъ на землю, которою они владѣютъ по праву наслѣдства,—оказываетъ фактически уже разрѣшеннымъ въ англійскомъ парламентѣ и разрѣшеннымъ въ положительную сторону, т. е. въ смыслъ признанія этого права. Конечно, это разрѣшеніе его пока осуществилось только для Ирландіи и при несомнѣнномъ давленіи, оказанномъ на лондонскихъ законодателей тревожнымъ ходомъ событій въ этой злослучной странѣ. Но извѣстная системность и послѣдовательность обязательны въ политикѣ каждой западно-европейской страны, и однажды сдѣланный впередъ, хотя-бы робкій и нерѣшительный, шагъ здѣсь безповоротно опредѣляетъ направление дальнѣйшаго шествія. Англія не хочетъ отстать отъ Ирландіи и терпѣть у себя аграрные порядки, которыхъ существованіе признано вопіющимъ анахронизмомъ, чудовищною аномаліею по ту сторону пролива Св. Георгія. «Вѣдь и англійская аграрная система», говоритъ Бродриезъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей, въ ноябрьскомъ № *Fortnightly Review*,—не есть какой-нибудь таинственный даръ, а только хитросплетенный продуктъ чловѣческихъ усилій. При томъ-же, надъ созданіемъ этого

«Дѣло», № 2, 1883 г. I.

продукта не столько потрудились вдохновенные мудрецы, согрѣваемые только помыслами о народномъ благѣ, сколько опытные юристы и иные дѣльцы, помышляющіе несомнѣнно о многомъ другомъ кромѣ правильнаго устройства судебъ человѣчества».

IX.

Со временъ Джона-Стюарта Милля, мысль о томъ, что лэндлордъ не имѣетъ на свою землю никакихъ иныхъ правъ, кромѣ признаваемыхъ за нимъ законодательною властью своей страны, лишкомъ вкоренилась не въ однихъ уже только передовыхъ кружкахъ англійскаго общества. Съ давнихъ поръ уже, спокойные ученые и мыслители, въ родѣ самого Милля и Герберта Спенсера, а за ними и многочисленный рядъ болѣе или менѣе даровитыхъ общественныхъ дѣятелей и публицистовъ, твердятъ англійскому обществу, что наступилъ часъ привести аграрное законодательство Соединеннаго Королевства въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ измѣнившимися условіями и требованіями новѣйшаго времени. Недавнія событія въ Ирландіи послужили вышнимъ толчкомъ, который можетъ только ускорить прагматическое осуществленіе преобразованій, назрѣвающихъ уже съ давнихъ поръ. Вышеупомянутыя сѣтованія самихъ лэндлордовъ еще усиленнѣе выдвигаютъ роковой поземельный вопросъ на очередь одной изъ ближайшихъ парламентскихъ сессій. Не становясь въ незаманчивую роль политическаго предвѣщателя, можно уже съ настоящей минуты утверждать, что немного лѣтъ протекуть еще безъ того, чтобы въ парламентѣ Соединеннаго Королевства Великобританіи, Шотландіи и Ирландіи не было декретировано общихъ преобразовательныхъ мѣръ относительно споконъ-вѣка господствующей здѣсь системы крупнаго аристократическаго землевладѣнія. Существуетъ большая вѣроятность за то, что мѣры эти будутъ направлены въ смыслѣ ограниченія безусловныхъ правъ помѣщиковъ на безконтрольное пользованіе обладаемою ими землею, т. е. въ духѣ одного изъ либеральныхъ отгѣнковъ партіи, которую мы выше назвали партією новѣйшихъ аграрныхъ фритредеровъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что формула *«free trade in land»* (свободная торговля землею) или-же въ болѣе либеральной редакціи: *«free land»* (вольная земля), съ дополнительнымъ девизомъ *«occupying ownership»* (т. е. соединеніе юридическаго права владѣнія и фактическаго владѣнія землею въ одномъ лицѣ)—мало опредѣляетъ сущность земельного преобразованія. Правда, лучшіе и наиболѣе жизненные изъ бойцовъ и дѣятелей интересующей насъ здѣсь партіи не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что

они желаютъ собственно замѣны существующаго крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія демократическою крестьянскою собственностью. Большая часть изъ нихъ прямо указываетъ, какъ на вдохновляющій ихъ идеаль, на тѣ аграрные порядки, которые съ давнихъ поръ уже осуществлены либо въ демократической Франціи, либо въ мужицкой Норвегіи, гдѣ крестьяне тоже владѣютъ значительной частью воздѣлываемой національной территории на правахъ личной собственности, но гдѣ значительно болѣе, чѣмъ во Франціи, распространены разнаго рода крестьянскіе союзы и товарищества. Многие изъ писателей этого направленія очень тщательно и безпристрастно изслѣдуютъ этотъ интересный вопросъ во множествѣ его разнообразныхъ особенностей и подробностей, и представляютъ очень вѣскія доказательства тому, что ни въ англійской природѣ, ни въ нравахъ англійской націи не оказывается рѣшительно никакихъ препятствій къ осуществленію и къ процвѣтанію этихъ, довольно, впрочемъ, уже не новыхъ аграрныхъ порядковъ. Когда-же имъ возражаютъ, что англійское земледѣліе, со стороны технического своего совершенства, во многихъ отношеніяхъ опередило земледѣльческую технику другихъ европейскихъ странъ, и что, при возвращеніи прекрасно воздѣланныхъ нынѣшнихъ лэндлордскихъ полей во владѣніе самихъ крестьянъ, эта, дорогою цѣною купленная, побѣда рискуетъ быть утраченною,—то у нихъ и на это находится готовый отвѣтъ. Нѣкоторые, правда, возражаютъ только, что не бѣда была-бы и поступиться этими техническими усовершенствованіями въ виду тѣхъ выгодъ, которыя крестьянское землевладѣніе представляетъ съ точки зрѣнія общаго развитія гражданственности, и въ виду того, что, при этой формѣ землевладѣнія, зависимость Англій отъ чуждыхъ странъ въ дѣлѣ національнаго пропитанія значительно должна уменьшиться, даже при нѣкоторомъ упадкѣ земледѣльческой техники. Другіе же, наоборотъ, утверждаютъ, что, отказавшись отъ территориализма на будущія времена, Англія вовсе не должна бояться утратить ту дисциплинировку своихъ производительныхъ силъ, которую она пріобрѣла въ тяжелой школѣ этого-же самаго территориализма. Очень поучительны въ этомъ отношеніи изслѣдованія о тѣхъ немногочисленныхъ опытахъ крестьянскаго землевладѣнія, которые уже были произведены, правда, въ очень скромныхъ размѣрахъ и при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ (см., напримѣръ, М. О'Бріенъ: *«Experiments in peasant-proprietorship»*, 1880 г.) въ Ирландіи на церковныхъ земляхъ, а отчасти также и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самой Англій. Изъ этихъ опытовъ явствуетъ, что средняя доходность урожая въ на крестьянскихъ земляхъ, даже при сравнительно меньшемъ урожаѣ на нихъ зерновыхъ хлѣбовъ, все-же

оказывается выше того, что ухитряются извлекать ландлорды изъ своихъ помѣстій, даже при помощи самоновѣйшихъ земледѣльческихъ машинъ и химическихъ удобреній. Небольшая замѣтка Уилліама Г. Робертса («*Cooperative Farming*» by Will. Hugl. Roberts), въ одномъ изъ номеровъ много разъ уже помянутой «*Fortnightly Review*», за прошлый годъ, знакомитъ насъ съ результатами примѣненія кооперативнаго начала къ обработкѣ крестьянскихъ земель. Результаты эти дѣйствительно позволяютъ, не вдаваясь въ утопіи и панглосовскій оптимизмъ, предполагать, что принципы и практика коопераціи уже достаточно вкоренились въ нравы англійскаго рабочаго населенія и что они легко будутъ усвоены здѣсь и сельскими работниками, коль скоро у этихъ послѣднихъ была-бы земля, къ воздѣлыванію которой кооперативныя начала могли-бы быть примѣнены съ вѣроятностью успѣха. При помощи-же коопераціи, самыя утонченнѣйшія техническія усовершенствованія легко могутъ быть осуществлены и въ крестьянскомъ земледѣліи, какъ и во всякомъ другомъ производствѣ. Англія давно уже пережила періодъ романтическаго увлеченія кооперативными товариществами, какъ «спасительнымъ бальзамомъ противъ всякихъ общественныхъ золъ: но само собою ясно, что этого рода товарищества, въ примѣненіи къ крестьянскому землевладѣнію, легко могутъ предохранить Англію отъ многихъ изъ тѣхъ золъ, которыми несомнѣнно страдаетъ дробное французское землевладѣніе, благодаря тому только, что французскій земледѣлецъ получилъ себѣ доступъ къ землѣ черезъ утрату всѣхъ зачатковъ общиннаго самоуправленія и коллективной организаціи.

Но каковыми-же практическими средствами предполагалось насадить благодѣтельное «*occupying ownership*» на развалинахъ умирающаго своею смертію англійскаго територіализма?

Конечно, никто не предполагаетъ здѣсь, что это фундаментальное преобразованіе можетъ быть совершенно безъ прямого и непосредственнаго вмѣшательства законодательной власти. Должно сознаться, однакоже, что, въ отношеніи требуемыхъ въ этомъ направленіи отъ англійскаго парламента мѣръ, между преобразователями далеко еще не существуетъ того единодушія, которое они обнаруживаютъ, пока дѣло идетъ объ изболѣненіи многочисленныхъ, гражданскихъ и экономическихъ золъ, проистекающихъ изъ вѣковой язвы територіализма, или-же о признаніи за законодательною властью не только права, но даже обязанности возможно скорѣе избавить страну отъ аграрной системы, унаслѣдованной отъ мрака среднихъ вѣковъ и состоящей въ вопіющемъ противурѣчій съ самыми основными положеніями гуманности и прогресса новѣйшаго времени. Начиная отъ Дж. Ст. Милля, всѣ либеральныя англійскіе

писатели, самыхъ даже противурѣчивыхъ оттѣнковъ, единодушно признають, что вся англійская территорія составляетъ неотъемлемую собственность англійской націи, что она только въ силу исторической необходимости или-же по недоразумѣнію могла отдать право пользованія этою землею въ руки привилегированнаго сословія, но что она тѣмъ не менѣ сохранила за собою даже формальное юридическое право въ каждую данную минуту избрать иныхъ уполномоченныхъ на это владѣніе или перейти къ инымъ аграрнымъ порядкамъ, которые, по измѣнившимся обстоятельствамъ времени, оказались-бы болѣе выгодными для національнаго хозяйства вообще или для личнаго и семейнаго благополучія большинства членовъ британской націи.

Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію значительнаго большинства либераловъ Соединеннаго Королевства, наиболѣе желательными изъ аграрныхъ порядковъ въ настоящую минуту были-бы тѣ, при которыхъ юридическими обладателями возможно большей части англійской земли были бы сами земледѣльцы. Для достиженія-же этой цѣли, полагають они, со стороны законодателя вовсе даже не требуется какихъ-нибудь особенно головоломныхъ, хитро сплетенныхъ мѣръ; всего-же менѣ требуется какое-нибудь періодическое или хроническое вмѣшательство власти въ дѣла аграрнаго хозяйства. «Распространите, — говорятъ они, — разъ навсегда на область землевладѣнія тотъ-же спасительный принципъ свободной торговли, которымъ уже столько лѣтъ руководится англійская экономическая политика по всѣмъ другимъ направленіямъ національнаго хозяйства; уничтожьте тѣ нелѣпыя, очевидно отжившія свой вѣкъ формальности, которыя тяжелымъ бременемъ лежать на плечахъ самого ландлорда, но которыя дѣлають въ то же время рѣшительно невозможнымъ доступъ къ землѣ тому, кто всего болѣе нуждается въ ней. А затѣмъ вы можете смѣло ступевать вновь въ вашемъ выжидательномъ бездѣйствіи на неопредѣленное время впредь: дальше дѣло, уже и безъ вашего вмѣшательства, разовьется своимъ естественнымъ ходомъ къ всеобщему благополучію, въ силу одного только, присущаго капитализму, стремленія группировать всѣ элементы національнаго производства наивыгоднѣйшимъ (для кого? — здѣсь умышленная недомолвка) образомъ. — *Free trade in land!* и да здравствуетъ веселая Англія!»

Предлагаемый способъ этотъ закупааетъ въ свою пользу своею дѣйствительно очень ужъ соблазнительною простотою; а потому онъ и насчитываетъ за собою пока наибольшее число приверженцевъ, которымъ, повидимому, даже и въ голову не приходитъ спросить себя: кака-же существуетъ необходимая логическая связь между куплею и продажею—земель, съ одной стороны, и съ дру-

гой, водвореніемъ въ Англіи желаннаго крестьянскаго землевладѣнія?

Со времени послѣдняго земледѣльческаго кризиса, ландорды очень усиленно жалуются на свое стѣсненное положеніе, такъ-что, пожалуй, дѣйствительно есть нѣкоторое основаніе предполагать, будто многіе изъ нихъ воспользуются открываемою имъ возможностью ликвидировать свои дѣла и помѣстить вырученныя за свои имѣнія капиталы въ болѣе доходныя предпріятія или хотя бы въ солидные банки. При этомъ однако-же не слѣдуетъ забывать, что въ Англіи съ обладаніемъ землею соединены такія политическія привилегіи, которыя для слишкомъ многихъ представляютъ изъ себя заманчивыя придатокъ къ денежнымъ выгодамъ, вытекающимъ изъ обладанія значительными земельными пространствами въ странѣ, гдѣ, какъ въ Англіи, народонаселеніе ежегодно увеличивается съ большою быстротою. Предполагая, что отмѣна этихъ политическихъ привилегій считается включенною въ законодательный актъ, разрѣшающій *«free trade in land»*, остается цѣлый рядъ слишкомъ ощутительныхъ фактическихъ преимуществъ богатаго помѣщика, которыхъ уже невозможно отмѣнить никакими парламентарскими декретами. Упомянемъ хотя-бы только то, что въ своихъ болѣе или менѣе многочисленныхъ фермерахъ и завѣсящихъ отъ нихъ массахъ работниковъ и крестьянъ, помѣщикъ будетъ имѣть готовую партію избирателей, которымъ никакими административными мѣрами невозможно будетъ воспрепятствовать подавать свои голоса за него, если за иное пользованіе своими избирательными правами имъ грозитъ изгнаніе изъ насиженныхъ ими уголъ и потеря ихъ заработковъ. Какъ-бы ни было разорено въ настоящую минуту сословіе ландордовъ вообще, ни для кого однако не тайна, что существуютъ отдѣльные его члены, которые не замедлятъ воспользоваться вновь открываемою возможностью еще болѣе округлять свои помѣстья и, черезъ новое расширеніе своихъ владѣній, наверстать потерю тѣхъ политическихъ преимуществъ, которыхъ они могутъ быть лишены законодательнымъ путемъ. Такимъ образомъ, фритредерское мѣропріятіе скорѣе должно привести къ еще большему концентрированію поземельной собственности въ рукахъ немногихъ счастливыхъ, чѣмъ къ обѣтованному крестьянскому землевладѣнію по французскому или по норвежскому образцамъ. Конечно, послѣ предлагаемаго фритредерами преобразованія, нынѣшнее нетитулованное капиталистическое сословіе Англіи, по всей вѣроятности, вступитъ въ состязаніе съ ландордами въ дѣлѣ пріобрѣтенія пускаемыхъ въ оборотъ земель. По примѣру Франціи мы уже знаемъ, что разбогатѣвшая буржуазія имѣетъ неудержимую склонность устремляться по стопамъ ниспровергнутой ею фео-

дальной знати и приобрѣтать обширныя помѣстья и славныя историческія замки, хотя-бы даже въ ущербъ денежнымъ своимъ интересамъ. Правда, тотъ-же французскій примѣръ убѣждаетъ насъ въ несостоятельности этихъ попытокъ разжившихся лавочниковъ утвердиться прочною ногою на перекупленной или отнятой у феодаловъ землѣ: не будучи консолидировано политическими привилегіями, крупное буржуазное землевладѣніе во Франціи оказалось мертворожденнымъ и уже въ настоящее время примѣтно исчезаетъ даже не вызвавши никакихъ серьезныхъ опасеній въ демократическомъ лагерѣ. Но такому исходу этого дѣла во Франціи очень много способствовали различныя мѣстныя условія, въ томъ числѣ, едва-ли не главнымъ образомъ, конкуренція крестьянскаго землевладѣнія, которое, съ самаго начала текущаго столѣтія, оказывается уже здѣсь на лицо. Въ Англіи-же нѣтъ большей части этихъ условій, и самое возникновеніе крестьянской собственности здѣсь еще только ожидается, какъ результатъ этихъ самыхъ преобразовательныхъ мѣръ.

Можно, наконецъ, допустить, что и въ Англіи, подъ вліяніемъ аграрнаго фронтредерства, нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ крупныхъ ландлордскихъ помѣстій раздробятся до извѣстнаго предѣла, такъ-какъ покупателями земель здѣсь, весьма вѣроятно, явятся въ уважительныхъ размѣрахъ тѣ мелкіе капиталисты-фермеры, которые обладаютъ техническими и иными свѣдѣніями, и которые, ведя свое хозяйство въ среднихъ размѣрахъ, безъ излишней, но обязательной роскоши крупныхъ ландлордовъ, могутъ послужить солидными инициаторами по ту сторону Ла-Манша нашего кулацкаго землевладѣнія, едва-ли менѣе раззорительнаго съ національно-экономической точки зрѣнія, чѣмъ самый территориализмъ. Они-то и послужатъ незыблемою преградой, о которую роковымъ образомъ должны будутъ разбиться даже и тѣ немногія попытки крестьянскаго землевладѣнія, которыя могутъ возникнуть кое-гдѣ, спорадически, какъ возникаютъ онѣ и теперь. — Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода предполагать, будто покупателями земель, при какой-бы то ни было свободной торговлѣ ими, могутъ явиться тѣ обездоленные, бездомные англійскіе городскіе или сельскіе работники, которые и ежедневное-то свое пропитаніе, при существующихъ условіяхъ, далеко не всегда способны купить цѣною самаго утомительнаго, нечеловѣческаго труда.

Изъ всего вышесказаннаго намъ кажется очевиднымъ, что проекты леченія аграрныхъ недуговъ англійскаго территориализма посредствомъ магической формулы *free trade in land* оставляютъ еще слишкомъ многое недосказаннымъ или, быть можетъ, и недоуманнымъ, если только онѣ не представляютъ своего рода мисти-

фикацію, — попытку провезти подъ радужнымъ флагомъ *«oscurising ownership»*, т. е. мелкой крестьянской собственности, неприглядный грузъ торжества неразборчиваго кулачества надъ одряхлѣвшимъ феодальнымъ врагомъ.

Однако, далеко не всѣ сторонники радикальнаго преобразованія землевладѣльческаго строя ослѣпляются кажущейся простотою, либерализмомъ и практичностью вышеприведенной формулы *«free trade in land»*. За послѣдніе годы здѣсь уже успѣла возникнуть цѣлая школа, довольно еще разнохарактерная по личному своему составу, но представители которой очень хорошо понимаютъ, что аграрный вопросъ, роковымъ образомъ выдвигающійся на историческую очередь, вращается въ такихъ сферахъ, гдѣ мало могутъ имѣть смысла и значенія всякія пререкаательства о свободѣ торговли и протекціонизмѣ.

Джоржъ Бродрикъ, по политической своей окраскѣ относящійся къ партіи аграрныхъ фритредеровъ, высказывается тѣмъ не менѣе, въ своемъ интересномъ сочиненіи *«Англійская земля и англійскіе помѣщики»* (*English land and english landlords*), рѣшительнымъ приверженцемъ того, не новаго уже со временъ Дж. Ст. Милля положенія, что земля можетъ составлять только національную собственность; но, какъ воспитанникъ классической школы политико-экономистовъ, онъ питаетъ непреодолимое отвращеніе ко всякому вмѣшательству государства, администраціи, въ промышленныя и хозяйственныя дѣла. Въ то-же самое время его изобрѣтательность не идетъ дальше такой дилеммы: или націонализировать землю, т. е. отдать всю англійскую территорію въ распоряженіе казеннаго вѣдомства, какой-нибудь конторы или палаты государственныхъ имуществъ; или-же воздержаться отъ всякаго прямого законодательнаго вмѣшательства въ это дѣло, а ограничиться одною отгѣною законовъ и постановленій, препятствующихъ свободному обороту земель между всѣми гражданами, имѣющими капиталъ и охоту покупать ее большими или маленькими участками, по своему усмотрѣнію. Онъ не скрываетъ, что первое, т. е. націонализація земли, — *in abstracto*, въ принципѣ, было-бы несравненно справедливѣе и желательнѣе; но, по его мнѣнію, казенное распоряженіе какими-бы то ни было имуществами само по себѣ составляетъ такую язву, что, ради избѣжанія ея, благоразуміе совѣтуетъ ограничиться вторымъ. Празнаемъ, говоритъ онъ, что всѣ британскіе граждане имѣютъ совершенно равныя права на извѣстную часть своей національной территоріи, какъ каждая ласточка имѣетъ право на всѣхъ насѣкомыхъ и мухъ, летающихъ по поднебесью (слова эти не принадлежатъ самому Бродрику, и сравненіе съ ласточкою мы заимствуемъ у извѣстнаго остроумнаго экономиста и папскаго

министра Росси); но, дѣйствительно, съѣсть эта ласточка только тѣхъ мухъ, которыхъ ей удастся поймать; такъ и воспользуется фактически этимъ своимъ правомъ только тотъ британскій гражданинъ, у котораго хватитъ денегъ на покупку нѣкотораго земельного участка. Національный выигрышъ въ этомъ дѣлѣ будетъ заключаться въ томъ, что мы освободимся, по крайней мѣрѣ, отъ привилегированнаго и замкнутаго капиталистическаго сословія.

Мыслитель не менѣе авторитетный, Гербертъ Спенсеръ, вовсе не раздѣляетъ этого инстинктивнаго, такъ-сказать паническаго страха, высказываемаго Бродрикомъ передъ признаніемъ земли общаю національною собственностью, неподлежащей никакой торговлѣ и никакому вѣчному и безусловному отчужденію въ руки каго-бы то ни было лица или сословія. «Ученіе это, говоритъ онъ въ IX главѣ своей *Соціальной Статики*, — вполне совмѣстимо даже съ высшимъ уровнемъ цивилизаціи и можетъ быть осуществлено на практикѣ помимо коммунизма и безо всякой насильственной передѣлки тѣхъ порядковъ, которые существуютъ теперь. Замѣна помѣщика какою-нибудь коллективною организаціею, которая-бы вступила въ его права, не можетъ заключать въ себѣ ничего потрясающаго. Арендаторъ, нанимающій теперь землю у частнаго собственника, тогда нанималъ-бы ее у самой націи; вмѣсто того, чтобы платить ренту управляющему каго-нибудь сэра Джона, онъ платилъ-бы ее государственному чиновнику или выборному отъ общества лицу. Пользоваться землею можно-бы было не иначе, какъ арендовать ее у націи. И это было-бы вполне сообразно съ современными нравственными требованіями, такъ-какъ при такомъ порядкѣ, всякій, желающій обработывать землю, могъ-бы получить ее на общихъ и равныхъ для всѣхъ условіяхъ найма. Если-бы даже весь земной шаръ воздѣлывался на такихъ основаніяхъ, то при этомъ ничья свобода не была-бы нарушена».

Какъ теоретическій соціологъ, Герб. Спенсеръ не считаетъ нужнымъ вдаваться въ болѣе подробную разработку своей темы, такъ какъ онъ не предлагаетъ ни парламенту, ни общественному мнѣнію никакого готоваго законо-проекта націонализаціи земли. Но вотъ напримѣръ М. Девиттъ, товарищъ Парнелля по предсѣдательству въ ирландской земельной Лигѣ, имя котораго мы уже упомянули вскользь на одной изъ предыдущихъ страницъ, какъ политическій агитаторъ, весьма естественно обращаетъ гораздо большее вниманіе на практическое развитіе и примѣненіе тѣхъ-же самыхъ началъ. Въ программѣ, которую онъ развивалъ въ своей извѣстной рѣчи на митингѣ въ Ливерпулѣ, а позднѣе, — на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Девиттъ отводить очень мало мѣста націоналистическимъ стремленіямъ сво-

ихъ соотечественниковъ. По его мнѣнію, ирландскій вопросъ представляетъ собою только частный случай обще-британскаго аграрнаго вопроса. Онъ не думаетъ, чтобы тотъ или другой изъ этихъ вопросовъ могъ быть разрѣшенъ фритредерскою формулою въ ея примѣненіи къ землѣ. Его не манятъ также и парнеллевскіе идеалы надѣленія землею каждаго ирландскаго фермера, хотя-бы безвозмездно, на правѣ личной безконтрольной собственности. Принимая дилемму поставленную Бродрикомъ, онъ не колеблется въ выборѣ и принимаетъ формулу «націонализаціи земли», не пытаясь даже обойти при помощи какихъ-нибудь глубокомысленныхъ комбинацій печальную (по мнѣнію Бродрика) неизбѣжность казеннаго управленія государственными имуществами. Совершенно напротивъ: только въ организаціи такого именно управленія ими, вполне исключающаго личное или сословное землевладѣніе, онъ и видитъ удовлетворительное рѣшеніе проклятаго вопроса, которымъ, по его справедливому мнѣнію, одинаково заинтересованы и фабричныя работники Англій, Шотландіи и Ирландіи, и земледѣльцы или деревенскіе батраки. Онъ призываетъ британскую націю, забывъ всякія домашнія ссоры, покончить съ територіализмомъ, но не для того, чтобы привить къ себѣ систему, уже извѣданную другими европейскими народами и ни одному изъ нихъ не давшую ожидаемаго отъ нея благополучія.

Девиттъ не ученый и даже не публицистъ. Говоря преимущественно на публичныхъ собраніяхъ передъ многочисленною толпою, онъ не имѣетъ возможности углубляться въ теоретическія соображенія, критиковать возраженія противниковъ, научно провѣрять свои собственныя основныя положенія, и т. п. Это исполняетъ за него съ большою долею солидности и проникательности до сихъ поръ мало извѣстный Генри Джорджъ, авторъ недавно вышедшаго замѣчательнаго произведенія: «*Progress and poverty*» (1882 г.) въ которомъ онъ обѣщаетъ не только изслѣдовать причины подавленнаго состоянія современной промышленности и возрастанія нужды или нищеты, неразрывнаго съ возрастаніемъ богатствъ и прямо ему пропорціональнаго, но также и указать средства къ исцѣленію этого зла, подтачивающаго у самаго корня лучшіе плоды современной цивилизаціи.

Анализъ Генри Джорджа, несомнѣнно, очень глубокъ и проникателенъ. Онъ побѣдоносно разбиваетъ многія изъ основныхъ и наиболѣе общепринятыхъ положеній классической политической экономіи, хотя, по сравненіи этой части его труда съ лучшими произведеніями новой нѣмецкой критики капитализма, можетъ быть и придется признать, что Генри Джорджъ вноситъ немного новаго въ общеевропейскую сокровищницу соціологическаго мышленія.

Къ тому-же насъ не совсѣмъ пріятно поражаетъ въ немъ тотъ исключительно діалектической пріемъ, который онъ несомнѣнно унаслѣдовалъ отъ опровергаемыхъ имъ экономистовъ, и который утомляетъ вниманіе современнаго читателя, привыкшаго встрѣчать въ научныхъ трудахъ меньше чисто дедутивныхъ выкладокъ и больше предметнаго и фактическаго развитія. Но и за этими своими недостатками *«Progres and poverty»* остается все-же-таки очень почтеннымъ публицистическимъ произведеніемъ и будетъ, конечно, немало содѣйствовать распространенію въ англійскомъ обществѣ преобразовательныхъ идей, выходящихъ далеко изъ сомнительной сферы аграрнаго фронтредерства.

Лучшею частью книги Г. Джорджа остаются, по нашему мнѣнію, тѣ ея главы, въ которыхъ авторъ, съ замѣчательною логическою послѣдовательностью разслѣдуетъ то вліяніе, которое извѣстный аграрный строй оказываетъ на заработную плату вообще. Даже по такимъ отраслямъ труда, которыя кажутся наименѣе соприкосновенными съ земледѣліемъ, выводъ оказывается тотъ, что высота или низость заработной платы всего тѣснѣе обуславливается легкостью или затруднительностью доступа къ землѣ тому, кто, за нимѣніемъ болѣе выгоднаго занятія, хотѣлъ-бы примѣнить къ воздѣлыванію земли свою рабочую силу. Такимъ образомъ легко объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ колоніальныхъ странахъ, обыкновенно бѣдныхъ капиталами (а слѣдовательно, по ходячимъ экономическимъ понятіямъ, обладающихъ очень ничтожною покупательною силою труда), но имѣющихъ большіе запасы пустопорожней свободой земли, заработная плата стоитъ на высотѣ совершенно недостигаемой для густо населенныхъ странъ, какъ-бы онѣ ни были богаты капиталами.

Другая, тоже очень поучительная часть книги Г. Джорджа разработана нѣсколько лучше, на нашъ взглядъ, другимъ авторомъ, самое появленіе котораго на публицистическомъ поприщѣ, въ роли проповѣдника націонализаціи земли обращаетъ на себя вниманіе. Я говорю о натуралистѣ и путешественникѣ Альфредѣ Росселѣ Уоллесѣ, котораго книга *«Land Nationalisation»* появилась въ свѣтъ почти трѣть-же вслѣдъ за книгою Г. Джорджа.

Оба эти автора обращаютъ наше вниманіе на то, что въ самый фактъ ежегоднаго накопленія національныхъ богатствъ, вычисляемыхъ по статистическимъ источникамъ, неизбѣжно приводитъ одинъ элементъ, предполагающій соотвѣтственное возрастаніе нужды въ цѣлыхъ классахъ или слояхъ народонаселенія. Всѣмъ извѣстно, что съ каждымъ увеличеніемъ числа жителей какой-бы то ни было страны, земли въ ней дорожаютъ безъ всякаго отношенія къ своей способности производить извѣстныя количества земледѣльческихъ

продуктовъ, просто только потому, что большому числу людей необходимо и больше земли для своего прокормленія и помѣщенія, а между тѣмъ національная территория представляетъ собою постоянную, неизмѣнную величину. Можетъ случиться такъ, что статистическія таблицы покажутъ значительный приростъ національнаго богатства, а въ то-же время цифра этого прироста именно и будетъ выражать увеличившуюся нужду народонаселенія въ недостающей ему землѣ. Это даже непременно должно случиться каждый разъ, когда населеніе страны возрасло, а всѣ условія производства остались по-прежнему: кажущійся приростъ богатства въ этомъ случаѣ произойдетъ прямо изъ того, что земли, цѣвившіяся, скажемъ, по тридцати рублей за десятину десять или двадцать лѣтъ тому назадъ, будутъ въ новомъ годовомъ отчетѣ оцѣнены въ тридцать-два, въ тридцать-пять или болѣе рублей, пропорціонально тому, въ какой мѣрѣ ихъ не достаетъ на удовлетвореніе нуждъ увеличившагося населенія. Конечно, такой крайній примѣръ во всей своей чистотѣ въ современной западно-европейской дѣйствительности встрѣчается очень рѣдко. Но и въ самыхъ благоприятныхъ случаяхъ онъ никогда не ступевывается вполнѣ. При какой-бы то ни было системѣ личнаго землевладѣнія, ланлордскаго или мужицкаго, собственники воспользуются всѣми выгодами этого увеличенія стоимости земли, тогда какъ безземельныя сословія, высшія или низшія, понесутъ на себѣ всѣ его убытки. Ясно, слѣдовательно, что крестьянское личное землевладѣніе точно также не можетъ удовлетворять элементарнымъ требованіямъ справедливаго распредѣленія національныхъ богатствъ, какъ и аристократическое помѣщичье, и что оно, точно такъ-же какъ и территориализмъ, хотя и въ болѣе медленной прогрессіи, должно повести къ постоянно возрастающему имущественному неравенству.—Это важное соображеніе, совершенно непринимаемое во вниманіе сторонниками свободной торговли землею или демократическаго крестьянскаго землевладѣнія, становится однимъ изъ краеугольныхъ камней приверженцевъ націонализаціи труда, полагающихъ, что тотъ приростъ стоимости земли, о которомъ мы говоримъ, составляетъ неотъемлемую собственность всѣхъ гражданъ націи. Для справедливаго его распредѣленія, однако-же, по ихъ мнѣнію, не требуется никакихъ коммунистическихъ мѣръ: надо только, чтобы онъ всею цѣлостью поступалъ въ казну и былъ затрачиваемъ на удовлетвореніе общихъ гражданскихъ нуждъ, сопровождаясь соответственнымъ освобожденіемъ отъ налоговъ и платежей тѣхъ гражданъ, которые не пользуются непосредственно національнымъ земельнымъ имуществомъ.

Отправляясь отъ этихъ основныхъ положеній, А. Р. Уоллесъ

развиваетъ свой проектъ націонализаціи англійской земли, который, конечно, не можетъ быть осуществленъ безъ положительнаго законодательнаго вмѣшательства. Государство, по смыслу этого проекта, удерживаетъ только за собою право собственности на всю англійскую территорію, выплачивая нынѣшнимъ ея собственникамъ извѣстный выкупной оброкъ, въ видѣ пожизненныхъ платежей, которые должны быть вовсе прекращены со смертію внуковъ упраздненныхъ ландлордовъ. Но право государства на эти земли, въ свою очередь, не безусловное и распространяется только на ту часть ихъ цѣны, которая не создана ничьимъ трудомъ, а является какъ естественный продуктъ климатическихъ, почвенныхъ и т. п. условий, съ одной стороны, а съ другой—густоты населенія и общаго культурнаго уровня націи. Уоллесъ выказываетъ себя отъявленнымъ противникомъ государственнаго хозяйства на такимъ образомъ условно присвоенныхъ ему земляхъ и резюмируетъ весь свой проектъ въ нижеслѣдующихъ шести руководящихъ пунктахъ или параграфахъ:

1) ландлордизмъ замѣняется такою системою, при которой владѣніе землею допускается только при личномъ ея пользованіи;

2) прискиваются мѣры, посредствомъ которыхъ пользующійся землею имѣлъ-бы увѣренность, что она не можетъ быть отнята у него безъ его согласія, и что онъ лично воспользуется всѣми плодами вложеннаго имъ въ нее труда, причемъ способы пользованія землею представляются на безконтрольное усмотрѣніе пользующагося;

3) прискиваются мѣры, посредствомъ которыхъ каждый британскій гражданинъ можетъ получить, при желаніи, нужное для его личнаго пользованія количество земли за ежегодную плату въ казну, по справедливой и равной для всѣхъ оцѣнкѣ;

4) всѣ пустопорожнія земли пускаются въ оборотъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя признано будетъ полезнымъ изъять изъ него въ видахъ общаго благополучія (здѣсь разумѣются общественныя сады, парки, площади, дороги и т. п.);

5) каждому предоставляется полная свобода продавать или переводить на другое лицо тѣ права, которыми пользуется онъ самъ на занимаемомъ имъ участкѣ;

6) отдача въ наемъ взятой для личнаго пользованія земли строго запрещается; тщательно изучаются и опредѣляются условия, подъ которыми можетъ быть допущенъ залогъ занимаемой земли.

Мы воздерживаемся пока отъ всякой критики этого проекта, который не считаемъ даже нужнымъ излагать здѣсь въ болѣе подробномъ его развитіи, такъ-какъ авторъ, не будучи специалистомъ

въ дѣлѣ разныхъ тонкостей и подробностей аграрнаго быта Англїи, очевидно, и самъ имѣеть въ виду только популяризировать извѣстныя основныя начала, понимая очень хорошо, что «городъ Римъ построился не въ одинъ день» и что, прежде чѣмъ поднимаемый имъ вопросъ поступить на разсмотрѣніе одной изъ парламентскихъ сессій, эти его руководящія положенія будутъ не одинъ разъ провѣрены, дополнены и развиты «свѣдущими людьми», при чемъ и самъ онъ, быть можетъ, успѣеть вернуться въ нимъ еще не одинъ разъ, выслушавъ аргументы и доводы своихъ противниковъ. Цѣлю-же этого очерка было только дать нашимъ читателямъ бѣглый отчетъ объ этомъ своеобразномъ аграрномъ движеніи.

Л. Мечниковъ.

НА НАДѢЛѢ.

Очеркъ.

I.

Только-что проводили изъ Залѣсова чудотворную икону. Уныло смотреть деревня на сѣромъ фонѣ неба и земли, покрывающейся первою порошей. Немного людей на улицѣ; развѣ только по дѣлу спѣшить то тамъ, то здѣсь деревенскій обыватель, и къ кому въ лицо ни заглянешь—все точно на подборъ опечаленныя или озабоченныя лица. Осень, праздникъ; а между тѣмъ не видать молодежи, не слышно пѣсенъ.—«Не до того,—говорятъ:—безъ пѣсенъ ротъ тѣсенъ». И точно!..

Вотъ ужъ третью недѣлю по улицѣ то и дѣло тянутся рыдваны съ трупами падали. Коровья смерть зашла, не досмотрѣли! Въ прошлую субботу пріѣхали мужики изъ города и рассказывали, что предъ самымъ почти падежомъ тащилась около Залѣсова богомолка. Нагналъ ее мужичекъ, въ городъ ѣхалъ. Попросилась богомолка къ нему присѣсть,—грязно ужъ очень было.пустилъ.—«Вотъ, говоритъ,—она около Залѣсова-то слѣзаетъ будетъ»,—и показалъ на женщину, худую, страшную, старую, которая сидѣла у него въ телѣгѣ, тщательно прикрывая ноги. И только-что проговорилъ это мужикъ, какъ отвѣчаетъ ему женщина: «да и впрямь остановико-сь одра-то, вылѣзу я, а она пушай ужъ сядетъ... Теперь, говоритъ, добреду до Залѣсова-то и пѣшкомъ,—недалече; мнѣ-же около прогона къ мужичку надо, къ Егору...» Только, какъ стала она слѣзать на сторону противоположную той, гдѣ стояла богомолка, то все старалась ногъ своихъ не показывать, все платьемъ ихъ пригораживала. Невзначай, однако, богомолка увидала ноги старухи: и были тѣ ноги—коровьи... Испугалась странница. «Смотри-ка, говоритъ, почтенный,—вѣдь это ты въ Залѣсово коровью смерть подвезъ!» Говорить такъ-то, а зубы такъ ■

стучать отъ страху. «Гдѣ, чего путаешь?» спросилъ мужикъ: оглянулся посмотрѣть на старуху, а она ужь пропала... И диковина вѣдь!.. Знали ужь, что все лѣто ходить по округѣ «коровья смерть», береглись, всякую странницу бабы, пуская на ночлегъ, незамѣтно, но тщательно оглядывали, — и не услышали!..

Большое село Залѣсово, — въ стадѣ до сихъ поръ коровъ до трехъ-сотъ ходило, а теперъ много ли-то въ стадо погонится коровъ слѣдующей весной — Богу извѣстно! Съ начала падежа свезли уже въ яму головъ до полутора ста, а напасть все не ослабѣваетъ, все еще въ гору идетъ... И помощи нѣтъ никакой. Наѣзжалъ фельдшеръ съ ближайшаго пункта, посмотрѣлъ, пощупалъ. — «Кто е вѣдаетъ, говоритъ, — главная вещь не по скотинской я части-то... а жаль!» Съ тѣмъ и уѣхалъ.

— Хоть пожалѣлъ, добротъ, и на томъ спасибо! съ грустной ироніей усмѣхались мужики во слѣдъ фельдшеру.

Потомъ пріѣхалъ «управскій членъ», велѣлъ переписать у кого скотина пала, пообѣщавъ лекаря по скотинской части прислать, но вотъ ужь двѣ недѣли ни слуху ни духу нѣтъ насчетъ такого лекаря.

— Да гдѣ его и взять-то? толкуютъ мужики, — чать вѣстно намъ, что на весь уѣздъ ни одного нѣту... Еще и въ губерніи-то наврядъ найдется-ли?!.. Зря только языкъ чешутъ!..

Только одинъ урядникъ стоитъ на высотѣ своего призванья: — первымъ дѣломъ по начальству донесъ о появленіи заразы, потомъ распорядился, чтобы ямы глубже рыли и чтобы вымазали дегтемъ перегородки хлѣвовъ: — «а зачѣмъ?» любопытствовали мужики.

— А такъ, говоритъ, — приказано... Тамъ лучше знать...

Вотъ и все, что «найдено нужнымъ» и «сочтено не излишнимъ» сдѣлать для прекращенія заразы. А скотина валится да валится. „Своими средствами“ пришлось обороняться отъ напасти. «Подняли» чудотворную икону изъ сосѣдняго монастыря. Цѣлую недѣлю молились. Густая толпа народа ходила съ иконой изъ двора во дворъ. Вездѣ молебствовали. Самый послѣдній бѣднякъ по цѣлковому за молебень платилъ...

Но вотъ и икону проводили, а съ ней будто и послѣднія надежды ушли. Покуда была сватыня въ селѣ, вѣрилось, что вотъ, не нынѣ — завтра, пошлетъ Богъ чудо и остановится на-

пасть, оправятся заболѣвшія „животы“. Но въ то-же время какъ деревня возвращалась съ проводовъ, въ самой околицѣ встрѣтились ей четыре рыдвана съ „упалыми животами“, и болѣзненно у всѣхъ сжались сердца:—въ прошлые дни сразу по столько падали еще не вывозили.

— Сохрани, Господи, и помилуй!.. Не умолили видно грѣшники Царицу Небесную!.. малодушно пустились причитать бабы.

II.

Темный осенній вечеръ. Во всѣхъ окнахъ деревни огоньки мелькають; полосами изъ оконъ ложится свѣтъ по запорошенной снѣгомъ землѣ. Торопливо пробирается къ своей маленькой избенкѣ Настасья Ивановна, деревенская повитуха и читальщица. Долго она на селѣ замѣшкалась, дома съ самаго утра не бывала.—«Что-то моя буренка?» неотвязно стоитъ въ головѣ ея вопросъ. Поутру ничего не видать было, веселонько смотрѣла; «да ишь Ванюшка прибѣжалъ нарочно, позаботился, даромъ что малъ,—говорить, ровно что ей попричилось, голову повѣсила... Прогнѣвили Бога — грѣшника!..» И бѣжитъ Настасья, и торопится, и спотыкается о мерзлые комья грязи, предательски прикрытые снѣгомъ, и одолеваетъ ее нетерпѣнье и досада, что мало прыти въ ногахъ...

Наконецъ-то, слава Богу, она дома. Ванюшка—сынъ осьми лѣтъ—ужъ и лучину зажегъ въ свѣтцѣ и съ такимъ дѣловымъ, озабоченнымъ видомъ управляетъ ее, слѣдить, чтобы не легли «зря» горячіе угольки... Неровныя колебанія и вспышки пламени плохо освѣщаютъ маленькую избушку; можно однако замѣтить, что избушка содержитя чисто. Блестятъ въ «божницѣ» ярко отчищенные мѣдные вѣнчики иконъ; темные переплеты «Четы-миней», псалтыря и часовника видѣются на длинной полкѣ около божницы.

Торопливо мечется по избѣ хозяйка, отыскивая фонарь и зажигая свѣчу. Маленькая ростомъ, худая, съ блѣднымъ, какъ-то заострившимся лицомъ, она производитъ впечатлѣніе дѣвочки-подростка, только-что вставшей послѣ тяжелой болѣзни. Лихорадочно блестятъ ея живые, каріе глаза.

— Какъ ты, матушка, долго! надувшись ворчить Ванюшка.—Буренка-то все голову вѣшаетъ,—чего-бы не было?..

— Оторваться-то нельзя было, родной!.. Ты тутъ еще при-
шелъ, да какъ сказалъ про буренку-то, такъ у меня руки и
повисли... Я и не знаю, что дѣлать-то!.. Насилу-то ужъ Богъ
помогъ, управилась!. Страда-то какая,—смерть!..

Послѣднія слова уже за дверью слышны: сѣштитъ хозяйка
въ своей буренкѣ. Точно—повѣся голову стоитъ буренка. Пе-
чально смотря на подходящую хозяйку ея мутные глаза и
такъ мычитъ она, будто жалуется на свое нездоровье, будто
просить помощи. «Словно человекъ, только что не молвить, гдѣ
больно... Не гляди, что животина!..» Ходитъ хозяйка кругомъ
буренки, поглаживая шерсть, ощупывая и оглядывая у ней
разныя мѣста, гдѣ, по примѣтамъ, надо-бы „болѣсти обя-
виться...“ Ничего не видать!.. — «Гдѣ больно, буренушка?»
тоскливо спрашиваетъ Настасья свою «кормилицу». И жалоб-
нымъ мычаньемъ отвѣчаетъ буренка... „Не-человѣкъ, не ска-
жетъ... Ахъ, ты горе какое!.. Развѣ не такъ-ли что попри-
чилось?.. Еще отойдетъ, можетъ, къ утру-то...»

И хочется вѣрить въ это успокоительное соображеніе, но и
сомнѣній отогнать нельзя. Грустно стало Настасьѣ. Надры-
вается ея сердце при жалобномъ мычаніи буренки. Страстно
хотѣлось-бы сдѣлать все, что можно, для облегченія, да кто
знаетъ, что дѣлать-то? Вѣдь не человекъ—не скажетъ!.. По-
бродила хозяйка въ раздумьѣ по двору, не зная за что при-
няться, потомъ подложила корму, налила свѣжей воды въ ко-
рыто и воротилась въ избу. Ванюшка уже уснулъ и ѣсть не
попросилъ,—набѣгался. Перемѣнила хозяйка лучину въ свѣт-
цѣ, усѣлась на лавкѣ, опутивъ безпомощно руки, да такъ и
застыла. Никакое дѣло на умъ не идетъ, смотреть куда-то
глаза безъ цѣли, и только щемитъ сердце и стѣсняется дыханье
каждый разъ какъ со двора доносится жалобное мычанье
буренки.

«Господи, горя-то что на вѣку увидишь! А и долго-
ли, кажись, я на свѣтѣ живу?..»

И живо проносится предъ молодой вдовой ея недолгое прошлое.

Точно, немного еще жила на свѣтѣ Настасья Ивановна, а
горя столько пережила на вѣку своемъ, что состариться успѣ-
ла. Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ пристально въ это почти
дѣтское на первый взглядъ лицо, вы замѣтите массу мелкихъ
морщинокъ около рта, при малѣйшемъ движеніи собирающихся
въ скорбныя складки и придающихъ лицу старушечій видъ. А

между тѣмъ на дѣлѣ ей вѣтъ и 25 лѣтъ. Росла она сиротой у матери-бобылки въ этой-же самой наслѣдственной избенкѣ. Мать слыла большой начетчицей, — по покойникамъ псалтирь читала и вмѣстѣ съ тѣмъ повитухой была. Настѣ тоже въ десять лѣтъ была обучена грамотѣ и стала помогать матери. Отъ матери и книги остались, что видѣются на полкѣ...

Предсказывали подруги маленькой Настѣ, что судьба ей келейницей быть, за деревню Богу молиться, ходить въ черномъ сарафанѣ и бѣломъ платочкѣ. И эти смѣшливья сожалѣнія подругъ всегда смущали Настю, и часто плакала она, и страшной такой представлялась ей доля „христовой невѣсты“. Къ счастью, подруги ошиблись, потому что, когда Настя подростать стала, мать не обнаружила никакого намѣренія приносить въ жертву аскетизму цѣлое молодое существованіе, хотя ея пріятельницы-богомолки и монастырскія послушницы и поставляли ей на видъ всю богоугодность такой жертвы. Старая Дмитревна не мало Четьи-минеи читала, часто въ ея маленькой избенкѣ велись разговоры о святыхъ подвижникахъ и отшельникахъ, но это чтеніе и эти разговоры не захватывали сполна старую, не подчиняли себѣ ея натуры, унаслѣдовавшей практическую хозяйственную складку крѣпкаго землѣ крестьянства. Дмитревна на чтеніе псалтыря смотрѣла больше какъ на подсобный промыселъ, чѣмъ какъ на подвигъ «во славу Божию». Эта-же хозяйственная складка подсказала ей и совершенно раціональное рѣшеніе относительно Насти. На совѣты о судьбѣ дочери она отвѣчала обыкновенно:

— Ладно!.. Знали мы тоже черничекъ-то этихъ, божьихъ угодницъ... Грѣхъ одинъ—не спасенье!.. Лучше ужъ замужъ идти, чѣмъ этакъ-то путаться!..

И когда Настя подросла до невѣсты, старая Дмитревна перестала брать ее съ собою на подмогу при чтеніи псалтыря, сколотила кое-какъ «сряду» (приданое) и пустила ее въ хороводъ:—«Ступай съ Богомъ, дѣло твое молодое, только и радость-то, что пока въ дѣвкахъ побудешь... Вотъ жениха найдемъ, въ домъ примемъ. Отъ хрестьянства намъ отбиваться не слѣдъ... Хрестьянское дѣло—святое; не хуже, что въ монастырѣ Богу угодить можно...»

«Свято хрестьянское дѣло», вспоминается теперь Настасьѣ Ивановнѣ любимое словечко матери.—«И впрямь, пожалуй!.. Страды одной что,—неужели Господь не помилуетъ?.. А вѣдь

вотъ казнить-же Батюшка!.. Согреѣшили что-ли ужь очень, али любя это Онъ посылаетъ?..»

Хорошій, тихій, непьющій мужъ нашелся для Насти. Яковъ былъ тоже свой, деревенскій. Отецъ его, Абрамъ, жилъ вмѣстѣ съ братомъ, жилъ одною мыслію—завести самостоятельное хозяйство, отдѣлиться. Но жена Абрама умерла отъ родовъ, оставивши послѣ себя мальчишку, и Абрамъ затосковалъ и запилъ. Черезъ годъ онъ оставилъ и сына, и свою долю съ хозяйствѣ на рукахъ брата и ушелъ «на сторону»... Домой Абрамъ возвращался рѣдко; иногда присылалъ своему парнишкѣ нѣсколько рублей на «сряду»—вотъ и все. Маленькій Янька росъ на рукахъ тетки, и хорошо, что была она «сердобольная»: всетаки, подростая, не всю горькую сиротскую чашу выпилъ онъ. Но и то, чуть сталъ Янька понимать деревенскія отношенія, любимой мечтой его сдѣлалось, женившись,—отойти отъ дяди, самому по себѣ устроиться. И когда стало извѣстно, что старая Дмитревна хочетъ принимать во дворъ зятя, Янька, при первыхъ намекахъ дяди, что молъ и жениться тебѣ, парень, пора пришла, заявилъ, что онъ-бы съ большой охотой женился на Настѣ и ушелъ-бы «во дворъ» къ Дмитревнѣ. Жалко было дядѣ терять хорошаго работника, а съ женой—и двоихъ, но, сообразивши, что вѣдь все одно—рано или поздно баба отобьетъ племянника отъ семьи, особливо когда онъ и самъ, какъ волченокъ, въ лѣсъ глядитъ, какъ его ни корми, послалъ къ Дмитревнѣ, какъ слѣдуетъ быть, свата, и дѣло сладилось... Яковъ взялъ надѣлъ отца; его самого сталъ домой звать, въ «свой уголь», но не дозволялся, потому, оказалось, отецъ отъ міру совсѣмъ отсталъ. Только присылки денегъ стали почаще и покрупнѣе. Хорошо пошло было маленькое хозяйство. Яковъ оказался большимъ скопидомомъ, не пилъ, въ нерабочую пору то извозничалъ, то въ ближайшемъ городѣ по цѣлымъ недѣлямъ дрова рубилъ, весной — гряды копалъ и пр. Словомъ, не упускалъ ни одного случая зашибить копѣйку. Но не долго шли счастливые дни. Черезъ два года послѣ женитьбы, ранней весной, когда снѣгъ начиналъ уже таять и дороги въ овражкахъ и ложбинкахъ сдѣлались сомнительными, Яковъ провалился вмѣстѣ съ возомъ дровъ въ одномъ изъ такихъ овражковъ, долго провозился мокрымъ, вытаскивая лошадь изъ жидкой снѣжно-водяной кашицы, простудился и отдалъ Богу душу на самой Пасхѣ. Осталась На-

стя вдовой съ годовымъ ребенкомъ на рукахъ, и отсюда-то пошло ея горе. Когда Яковъ умиралъ, матери не было,—въ Іерусалимъ на богомолье ходила, по давнему обѣту. Сильно горевала Настя. Вотъ и теперь, лѣтъ пять прошло съ тѣхъ поръ, а все такъ-же сильно катятся слезы и дыханіе захватываетъ отъ тоски и горя по тихомъ, ласковомъ мужѣ. Къ тому-же и время такое подошло,—весна, а она одна-одинехонька, а надо пашню пахать, тамъ, только успѣешь съ покосомъ убратъ, хлѣба поспѣвать стануть одинъ за другимъ, а насѣяно было покойникомъ на двѣ души (другую-то въ аренду было прихватилъ у сосѣда, по случаю). Управится-ли она одна-то? Сообразится-ли? Мать раньше какъ къ жнивѣ не воротится, а и до той поры дѣла одной — беремъ, ровно и не передѣлаешь!.. Неужели опять на бобыльское положеніе мѣнять хозяйство, о которомъ онѣ съ матерью такъ любовно мечтали?.. А что-же въ такомъ разѣ съ маленькимъ Ванюшкой дѣлать? И Яковъ, какъ умиралъ, всячески просилъ, со слезами умолялъ, не бобылемъ, а на хозяйствѣ парня вырастить... Да и впрямь, опричь того куда и дѣваться-то? Весь вѣкъ безъ своего дома—собачье житье: уходи на сторону, весь вѣкъ изъ чужихъ рукъ гляди, сладко-ли?..

Пришлось, послѣ многихъ думъ, на хозяйствѣ оставаться и изворачиваться по возможности. На пашню въ своемъ «пятѣ» уладилась она такъ, чтобы сосѣди ей пашню вспахали, а она имъ за это свою лошадь на пашню отдасть на подмогу и жать обязалась пособить вмѣстѣ съ матерью. Но одна бѣда не ходить. Только-что Настасья съ покосомъ убралась, поджидая со дня-на-день мать, какъ воротилась товарка Дмитревны по богомолью и принесла убійственную вѣсть, что мать ея въ «Адестѣ» приказала своимъ милымъ дѣточкамъ долго жить... Утѣшала богомолка несчастную только тѣмъ, что хорошо, моль, теперь будетъ старой Дмитревнѣ на томъ свѣтѣ: безпремѣнно ей тамъ рай будетъ, потому — всѣ грѣхи свои она заживо у гроба Спасителя отмолила...

Утѣшительнаго было, однако, въ этомъ очень мало. Настя теперь ужъ совсѣмъ одна; даже и надежды не осталось, что мать воротится... Зловѣщей волной хлынуло на молодую вдову-сироту горе и совсѣмъ затопить ее грозило. Сильно боялись сосѣдки, чтобы не попригчилось что-нибудь Настасьѣ. «Ровно чумная въ ту пору сдѣлалась: смотреть куда-то, а

ничего не видитъ, людей не узнаетъ, и, что ей говорятъ—не слышитъ... Пойдетъ куда-нибудь за дѣломъ, да и позабудетъ, куда и зачѣмъ пошла и что надо дѣлать... Сосѣдки ужъ и маленькаго Ванюшку пока «на чередъ» взяли... Помочью сне-сли поспѣвшій хлѣбъ... Наконецъ-то слезы явились... Мирская помочъ очень ужъ ее утѣшила... Вѣдь и не просила ее совсѣмъ Настасья, сами помогли — безъ слова... Значить, не совсѣмъ ужъ такъ беззащитна и беспомощна она, какъ казалось... И теплѣе сдѣлалось у нея на душѣ, и прибавило силы—вести свое хозяйство.

Настасья попробовала воспользоваться тѣмъ, что узнала при матери: принялась и «бабить», и псалтырь читать по покойникамъ, но и съ этимъ ей почти не удавалось очистить недоимку... И въ деревнѣ становилось все хуже: быстро исчезаютъ старыя мирскія «повадки», безсердечными точно становятся люди. Такія дѣла дѣлаются, о которыхъ при старикахъ и подумать-бы не по-смѣли... Давно-ли міромъ сжали ей рожь, и теперь еще со-жнуть, воли поклоняться на сходѣ, а всетаки, придется, такъ, пожалуй, эти-же деревенскіе люди не прочь и на счетъ си-ротскаго добра поживиться,—это Настасья и на себѣ ужъ ис-пытывать стала. Нынѣшній годъ ей совсѣмъ ужъ «не въ мо-готу» тяжело. Хлѣба не достало даже вдвоемъ: урожаѣ былъ плохой, и много пришлось продать на уплату податей и ста-рой недоимки. Но главное, искъ свой Ефимъ къ ней въ во-лость, ни съ того ни съ сего предъявилъ прямо совсѣмъ без-совѣстный; а на селѣ этому иску мало кто подивился, иные же такъ и прямо одобрили. «Что ужъ это такое?» въ негодованіи спрашивала Настасья и понять не могла, что твориться стало въ деревнѣ, гдѣ еще на ея памяти все было такъ просто, по-нятно и «свято...»

А дѣло вышло вотъ какое: рядомъ съ избушкой Настасьи Ивановны стоялъ старый, заколоченный домъ ея дальняго род-ственника, бездѣтнаго старика, который послѣ смерти старухи жены бросилъ хозяйство и ушелъ «въ странство», отказавши свой домъ племяннику Ефиму, съ тѣмъ, чтобы онъ за это пріютилъ старика потомъ, когда уже ноги служить ему будутъ отказываться. Ефимъ, въ свою очередь, состоявшій съ Настасьей въ какомъ-то сватовствѣ, очень предусмотрительно домъ дяди заколотилъ, но не снесъ съ мѣста, а самъ до поры до времени остался пока въ своей старенькой избушкѣ. Ему нужно было

строиться: избенка его была ужь очень плоха, но строиться на старомъ мѣстѣ не позволяли, потому что на одной «цѣпи» *) стояли незаконно двое хозяевъ. Одному приходилось выходить на новую „цѣпь“, и именно—Ефиму, потому что домъ сосѣда былъ еще почти новый, каменный **), и долго пришлось бы ждать Ефиму, пока онъ развалится. Домъ дяди какъ разъ годился въ этомъ случаѣ. Разъ усадьба ужь устроенная, обжитая, что называется,—это не то, что клочекъ поля чистаго, гдѣ все наново надо дѣлать, а потомъ и усадьба-то въ самомъ центрѣ села на красной сторонѣ. Но тутъ-то и оказалась Настасья помѣхой. Домъ ея стоялъ тоже незаконно на чужой цѣпи. Сосѣдъ—родня позволилъ тутъ Дмитревнѣ выстроиться «изъ милости», «по родному». Да и Ефиму—все равно-бы: «по родному» пускай живетъ, но начальство строго смотреть, чтобы на одной цѣпи двоихъ не было. Либо Настасья выходитъ, значить, надо на новое мѣсто, либо ему—опять-таки. И Ефимъ, не долго думая, предъявилъ въ волостномъ правленіи наслѣдственное право на домъ дяди и усадьбу Настасьи. Въ волости онъ добивался рѣшенія, чтобы на цѣпи стоять кому-нибудь одному, и конечно ему Ефиму, а не вдовѣ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ если Настасья не въ силу будетъ переходить на новое мѣсто, Ефимъ изъявилъ полную готовность устроить все по родственному: взять къ себѣ въ домъ вдову, принять на себя надѣль. Собственно говоря, съ чисто мірской точки зрѣнія, просьба Ефима была совершенно нелѣпа: онъ не имѣлъ никакого особеннаго права на усадьбу дяди; земля—мірская, міръ долженъ ею и распорядиться и рѣшить кому надо уступить мѣсто. Судъ отказалъ Ефиму, и онъ перенесъ свое дѣло на сходъ. Лѣтомъ за страдой, а потомъ осенью за падежомъ сходъ собирался очень рѣдко, и Ефимъ не настаивалъ на жалобѣ. Но онъ вовсе не хотѣлъ уступить, и съ замираніемъ сердца ждала Настасья рокового схода, на которомъ должны были разрѣшиться вопросы объ отводѣ новыхъ и промѣнѣ старыхъ цѣпей...

*) «Цѣпью» называется мѣсто, отводимое подъ усадьбу, длиною въ 10 саж. по улицѣ. Въ послѣдніе годы, для предупрежденія пожаровъ, начальство строго наблюдаетъ, чтобы на цѣпи не строилось по два двора, и обязываетъ тѣхъ, кому надо строиться, выходить на новое мѣсто.

**) Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ Влад. губ. такія стройки теперь не рѣдки. Если подъ руками есть глина, мужикъ самъ дѣлаетъ кирпичи въ свободное время и такимъ образомъ мало-по-малу подготовляетъ матеріалъ для постройки.

Понятно, что Настасья Ивановна и мысли не могла допустить о переходѣ въ чужой дворъ. «Какая я родня Ефиму,— седьмая вода на кисель!.. Да ежели-бы и ближе было родство—все одно!.. Вѣдь у насъ, бабъ, чуть до ссоры, такъ все по нашей дурости поднимется. За мое-же добро да меня-же и попрекать будутъ!.. А Богъ дастъ, подростетъ Ванюшка, все одно выдѣляться надо; грѣха одного съ этими выдѣлами—сохрани Господи!...»

Но и выходить на новую линію рѣшительно средствъ не было.—«Неужели-же это и по правдѣ такъ выходить, что ей, бѣдной, маломочной вдовѣ, которая только и тянется, что сына на хозяйствѣ выростить въ своемъ углу, неужели ей-то и надо ломаться и выходить на другое мѣсто, а не хозяину мужику, у котораго и земли, и силы больше?.. Какъ-же это изъ-за прихоти да и правды не сыскать стало?.. Ужь словно и деревня-то вверхъ ногами перевертывается?»..

III.

Чуть свѣтъ поднялась на слѣдующее утро Настасья. Прежде всего—что буренка? Можетъ и впрямь это такъ только простокъ какой-нибудь?.. Однако—нѣтъ. Больна буренка, совсѣмъ больна, ахъ ты горе какое!.. Пойло не тронуто, жвачки нѣтъ, стоитъ въ углу, повѣся голову, и временемъ жалобно мычить. И не прилегла за ночь, не видать, чтобы солома была примята... Что дѣлать? Не придумаешь! Ужь и берегла, кажись: съ самаго начала заразы въ стадо не пускала, каждый день весь дворъ окуривала... Позавидовалъ какой-нибудь ворогъ, изурочилъ!..

А ужъ коли падеть,—совсѣмъ дѣло послѣднее! Навозу не будетъ, масла на нужду не накопишь... Новую корову купить силы не хватить, да еще поди и купишь--да не ко двору придетъ—намаешься!.. А вѣдь и коровушка-то какая: разумница, смиренница... Въ стадо доить пойдешь, — сама на голосъ идетъ... Привыкла,—сама вѣдь ее ростила...

Совсѣмъ было одолѣли печальныя думы Настасью, да нѣкогда—надо вотъ и печку топить, Ванюшкѣ сготовить чего-нибудь позавтракать, а тутъ и на крестины надо бѣжать ко вчерашней родильницѣ. Не успѣла Настасья управиться какъ слѣдуетъ съ печкой, и ужъ и на крестины звать пришли,—

заждались, слышь!.. И поць ужь съ молитвой быль, и велѣль въ церковь сбираться... Надо идти. А ужь какъ и не хочется: куда ужь въ люди праздновать идти съ горемъ-то!.. Да и заведенные порядки нарушать тоже не приходится. Какой ужь крестильный обѣдъ безъ бабушки,—это ужь людямъ на срамъ!..

Замѣчательная была семья, гдѣ „принимала“ теперь Настасья. Цѣлый день у Пугановыхъ въ домѣ, на дворѣ, въ сараѣ раздавались громкіе крики, пересыпанные ужасающею бранью. Ругательски ругаль по самымъ пустымъ поводамъ, а чаще безъ всякихъ поводовъ, отецъ всѣхъ въ семьѣ; женатый сынъ ни мало не уступалъ отцу. Маленькій восьмилѣтній ребенокъ огрызался и на отцовскую брань, и прямо ругаль мать. Молодая невѣстка, скромница, «тихоня», какъ звали ее въ дѣвицахъ, мѣсяца черезъ три послѣ свадьбы бранилась со всѣми точно такъ-же какъ и вся семья. Брань здѣсь висѣла въ воздухѣ и вовсе не обозначала даже плохого расположенія духа,—это была просто необходимая приправа приказаній, просьбъ, даже разговора. Брань Пугановыхъ вошла въ пословицу. Скромную Настасью Ивановну эта брань всегда непріятно поражала. Пугановы жили „справно“, на жниву принимали поденщиковъ, но Настасья, обыкновенно нанимавшаяся послѣ своей жнивы, ходила къ Пугановымъ только въ томъ случаѣ, когда ужь некуда было больше идти.—„Словъ этихъ однихъ тамъ наслушаешься—бѣда! говорила она обыкновенно.—Его, „чернаго“ то и дѣло поминають,—съ языка не идетъ,—индо страхъ беретъ!.. Богъ съ ними!..»

Велико было поѣтому ея изумленіе, когда, подходя къ дому Пугановыхъ, она не услышала обычной брани. Всѣ были однако дома, всѣ въ сборѣ. «Что это за стихъ на нихъ такой напалъ?.. Вотъ чудеса-то!» И Настасья даже улыбнулась. Самъ Евстафій Пугановъ, въ чистой рубахѣ, съ гладко прилизанными по праздничному волосами, поднялся съ мѣста навстрѣчу «бабушкѣ» и привѣтствовалъ ее съ такими очевидными усиліями сдерживать свой голосъ, что удивленіе Настасьи еще болѣе усилилось.

— Давай вамъ, Господи, совѣтъ да любовь!.. Какая у васъ новѣ тишина-то, ровно тихій ангелъ пролетѣлъ!.. Не изурочить-бы!.. смѣялась бабушка, здороваясь.

— А ужь новѣ вонъ у насъ тамъ, за пологомъ, большакъ-отъ

объявился... Нонѣ ужъ намъ отошла линія, — смиряться надо!.. Ужъ и мать-то заодно покоимъ, — намучилась сердечная, — пуцай ужъ оправляется!.. Ужъ вотъ, Ивановна, уважила — одно слово!.. Ужъ, кажись, по гробъ жизни попомнимъ, — вотъ какъ!..

Больная уже была перенесена изъ бани и помѣстилась за пологомъ на коникѣ: и оханье-ли раздавалось оттуда, или пищаль новорожденный, — семья отъ сдержаннаго, отрывистаго разговора переходила къ еще болѣе короткому шопоту.

Все это было такъ необычайно, что Настасья совсѣмъ расстрогалась. — «Ишь ты вотъ, — не гляди, что брань собачья, да душа-то человѣчья!..» И такъ хорошо и тепло на сердцѣ сдѣлалось у ней, что даже свое личное горе забылось и эта чужая радость сдѣлалась совсѣмъ своею, родной, окрасилась какою-то особенною душевностью...

Когда воротились изъ церкви, крестильный обѣдъ былъ уже готовъ. Усадили «бабушку» въ передній уголъ на «поповское мѣсто» и заподчивали и до смущенія даже довели похвалами и благодарностями. У ней не только что въ селѣ своемъ, по всей округѣ удачнѣе всѣхъ выходить дѣло, даромъ что молода: жалостлива она, не мучить человѣка, наровить все какъ-бы легче, не то что срыву, махомъ, какъ иная старая кочерга!..

Шла мирная, душевная болтовня. Особенно весело стало, когда молодого отца поподчивали знаменитой ложкой каши.

— Какова сладка кашка-то, Гришакъ? смѣялся отецъ, глядя какъ Григорій съ страшными гримасами старался поскорѣе проглотить невкусное кушанье. — Да, парень, люби кататься, люби и саночки возить!.. Такая ужъ намъ нонѣ линія, чтобы смиряться, — дѣлать нечего!..

Даже больная приподняла пологъ и съ ласковой улыбкой сожалѣнья смотрѣла на мужа...

Настасья не пила водки, но усердными просьбами хозяева заставили ее нѣсколько разъ «хоть пригубить», и теперь въ головѣ ея съ непривычки точно легкій туманъ вставалъ, на блѣдныхъ, худыхъ щекахъ появился румянецъ. Она весело смѣялась вмѣстѣ съ другими; она чувствовала себя совсѣмъ среди своихъ, по родному, «по хорошему». Не безъ нѣкоторой невольной гордости чувствовала она, что эта семейная радость — ея рукъ дѣло, что похвалы до нѣкоторой степени заслужены и что вотъ она, убогая вдова, а не послѣдняя-же все-таки спица въ колесницѣ деревенскаго обихода!..

Но дѣйствительность, въ лицѣ маленькаго Ванюшки, очень скоро разбила это радужное настроеніе такъ, что и слѣда отъ него не осталось. Впопыхахъ, плачущій, вбѣжалъ онъ въ избу и позвалъ мать домой.

— Буренка-то реветъ таково страшно!..

Точно съ облаковъ упала Настасья. Торопливо распростилась она съ хозяевами и бросилась домой съ какою-то рѣжущою сердце болью. Со слезами бѣжалъ за ней Ванюшка и поминутно спрашивалъ, всхлипывая:

— А она умереть, мамка? . Можетъ это она издыхаетъ? А, мамка?..

...Къ вечеру буренка дѣйствительно издохла...

IV.

Много плакала Настасья по буренкѣ, и много думъ прошло у ней за этими слезами. Маль, все еще очень малъ Ванюшка, --словно ужъ и не дождешься; пока онъ наконецъ побольше, порослѣе будетъ, пока изъ него работника видѣть станешь. Одна, одна-оденешенька, теперь совсѣмъ безсильная, беззащитная. Какъ жить?.. Угодно Богу крестьянское дѣло, — это что говорить, да вѣдь и поднять-то его тоже силу надо. Хорошо сыну сберечь и передать въ исправности маленькое свое хозяйство, да вѣдь опять и то сказать: до той поры на работѣ можно надорвать малаго... И выйдетъ, пожалуй, неровень часъ, что подростетъ онъ, да и махнетъ рукой на хозяйство-то; будетъ, молъ — намаялся!.. А теперь, когда: то урожаю нѣтъ, то лошадь надо продать на нужду, то буренка издохла, что ужъ отъ хозяйства-то и осталось?.. Теперь дѣло такое, что хоть въ «кусочки» ступай!..

И задумалась Настасья надъ мыслью, которая и раньше, подъ вліяніемъ осаждавшихъ ее невзгодъ, не разъ и не два приходила ей въ голову. Бросить все, уйти отъ грѣха, который на міру творится, къ Богу поближе. Житія святыхъ приходили на память. Думалось: вотъ—уходили-же дѣти отъ старыхъ, немощныхъ отцовъ съ матерями, жены отъ мужей, знатные люди отъ почестей ради Бога. За крѣпкія, высокія стѣны уходили они отъ міра, отъ житейскихъ невзгодъ, отъ людской страды и неправды, за ничто считая все временное,

тлѣнное, что оставляли они въ мірѣ, и угождали тѣмъ Богу. Въ тихомъ пристанищѣ нѣтъ заботы о томъ, будетъ-ли завтра что ѣсть, чѣмъ подати заплатить... Тамъ тишина и покой, тамъ—прямо сказать—Божье царство!.. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей: за спасибо, да за крѣпкую молитву отпелъницы добрые люди пріютятъ ея сироту... Отъ судьбы не уйдешь: не даромъ ей въ дѣтствѣ всѣ пророчили «монашкой» быть... Можетъ тутъ и взаправду перстъ Божій открывається...

Не одинъ разъ, точно подслушавши одинокія думы, смущала старая келейница Никифоровна и старая подруга, ушедшая въ расколъ, Настасью плюнуть на слугъ антихристовыхъ, и въ заманчивыхъ образахъ, яркими красками рисовали тихую, Богу угодную жизнь въ далекомъ скитѣ, затерянномъ въ глухихъ, дремучихъ лѣсахъ сѣвера... Добрые люди, толковала она, не оставятъ Ванюшку. Въ Москвѣ воспитають и въ люди выведутъ, пуще чѣмъ объ родномъ будутъ стараться: «намъ де всѣ наши родные»... И она все будетъ знать о сынѣ, гостить иногда ему у ней можно будетъ, — особливо пока малъ, — никто на это запрету не положитъ. Ужь на что лучше!.. Безъ печали, безъ заботы, а пуще того—безъ грѣха!.. И радостно, сочувственно всегда отвѣчало сердце Настасьи собственно на предложеніе уйти отъ мірской тяготы; но какъ только заходила рѣчь о томъ, чтобъ поручить Ванюшку чужимъ добрымъ людямъ, какъ только ставился вопросъ объ этомъ первомъ шагѣ къ разрыву связей съ міромъ, такъ тотчасъ-же громко раздавался въ душѣ ея протестъ. Материнское сердце болѣло тупою, ноющею болью за судьбу своего милаго дѣтища. И страхъ разлуки, и неизвѣстность (хорошо-ли ему будетъ? Скажетъ-ли, коли плохо? Откуда узнать правду?)—и ревнивая боязнь матери, что въ чужихъ людяхъ забудетъ ее сынъ, что добромъ не помянетъ, когда подростетъ, зато, что броситъ она его на чужія руки,—все смѣшалось въ этой сердечной боли, все мучило при раздумьѣ, всплывая въ безпорядочной, давящей массѣ, точно кошмаръ...

И много слезъ пролилось за этими думами, и много новыхъ думъ все о томъ-же прошло за этими слезами...

V.

Начались осеннія заморозки, и зараза на селѣ ослабѣвать стала. Рѣже и рѣже тащились за село дровни съ «упалыми животами». Уже заболѣвшія коровы стали оправляться; то тамъ, то здѣсь, слышно, рассказываютъ: «ѣсть моль, вчера пошла цѣлое ведро выпила»... И слушатели радостно крестятся и говорятъ: «спаси, Господи!.. Н-ну, пронесло бѣду!.. Тяжко, да ужъ тамъ какъ ни то, Господь дастъ, поправимся!..»

Сталъ народъ появляться на улицѣ. Чаще и людиѣ сдѣлались сходы. Давно ужъ ждала Настасья мірскаго приговора по поводу спора съ Ефимомъ изъ-за усадьбы, нѣсколько разъ ходила къ старостѣ справиться, когда объ нихъ на сходѣ разговоръ пойдетъ. И наконецъ-то, черезъ недѣлю послѣ того, какъ пала буренка, оповѣстилъ Настасью староста, чтобы на сходѣ выходила: объ усадьбахъ разговоръ пойдетъ...

Когда Настасья пришла на сходъ, «разговоръ» былъ въ полномъ разгарѣ: брань и укоры сыпались съ ожесточеніемъ со всѣхъ сторонъ; особенно шумѣли такъ или иначе затронутые, а затронуты были, какъ всегда бываетъ на міру, почти всѣ. Несмотря на несчастье, постигшее село, три семьи тѣмъ не менѣе хотѣли дѣлиться. Для нихъ нужно было отвести новое мѣсто, чтобы, навозивши за зиму лѣсу, съ самой ранней весны, еще по снѣгу, имъ можно было и стройку начать. Семьи двѣ, и въ томъ числѣ Ефимъ или Настасья («кому міръ укажетъ»), должны были также выходить на новую цѣпь «по новому положенію». Нужно было также на запасъ отвести нѣсколько цѣпей, «на предбудущее время». Словомъ, земли потребовалось на цѣлую улицу сразу. Нѣсколько лучшихъ «одворишныхъ» полосъ поэтому должны были отойти. Владѣльцы требовали за нихъ удовлетворенія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и по поводу каждаго требованія кипѣла самая ожесточенная брань. Дѣло еще упрощалось въ значительной степени тѣмъ, что откладывалось на слѣдующую весну «поравненье» надѣловъ. «Баталь» шла пока изъ за того, гдѣ прежде всего отвести мѣсто для новой улицы, «голодной стороны», какъ тутъ-же обозвалъ ее какой-то шутникъ,—чтобы и ей было вольготно, и прочему міру безъ утѣшенія. Когда, наконецъ, мѣсто было опредѣлено, то, кромѣ земельныхъ, ока-

зались затронутыми другіе интересы. «Бутырскій» пятокъ долженъ былъ свести съ этого мѣста свой овинтъ; тутъ-же стояла мельница, которую нужно было, такимъ образомъ, тоже переносить на другое мѣсто. На бѣду, мельница принадлежала сосѣду Ефима, и онъ соглашался сносить ее только въ томъ случаѣ, если Ефимъ очиститъ ему мѣсто на цѣпи къ слѣдующей веснѣ...

Настасья сильно и раньше побаивалась, что на сходѣ дѣло ея пожалуй не выгоритъ, потому что знала, сколько интересовъ встряхнуто отводомъ новаго мѣста для улицы. Но когда, поглощенная своими думами о томъ, чтобы уйти, она подошла къ сходу, когда она слышала ожесточенную, забористую ругань, которою заинтересованныя стороны скрѣпляли свои аргументы,—у ней, какъ говорится, «сердце упало», точно что-то оборвалось внутри, и она почувствовала себя какъ-то особенно безпомощной и незащитной въ виду этой бушующей толпы. Все-таки кое какъ протискалась она къ самому центру и обратилась къ кучкѣ стариковъ, которые спорили сравнительно спокойнѣе, можетъ быть потому, что не такъ сильно были заинтересованы въ дѣлѣ.

— Явите божескую милость, міряне православные!.. Неужто мнѣ такъ и правды не найти?.. Куда я пойду,—то подумайте!.. Доля-то моя сиротская... Силъ вѣдь не хватить новую стройку заводить... Вонъ и коровенку-то у меня Богъ прибралъ... Смерть вѣдь!.. Неужели-же мнѣ въ бобылки выходить?.. Разсудите по совѣсти... Я-ли вамъ не заслужила?..

— Знаемъ, Ивановна, отвѣчалъ ей одинъ изъ спорщиковъ,—нужный ты человѣкъ и надо тебѣ поддержку, да вѣдь вишь ты въ часъ какой попала... Ишь вѣдь рвутъ какъ правду-то на всѣ стороны, ровно собаки!.. Всякъ нарываетъ на свой аршинъ ее мѣрять; все чтобы ему было, а другіе, молъ, какъ хотять...

— Вычитывай, вычитывай, старый!—закричалъ кто-то сбоку на эту рѣчь.—Ха, ха, видно тебѣ, старому грѣху, съ своей-то полосой разставаться приходится... Ишь объ правдѣ-то разводитъ бобы на мякинѣ... Нѣтъ-бы ее, матушку, вспомнить въ ту пору, какъ на его мосту наши лошади за мірской счетъ ноги переломали...

Кругомъ захохотали. Защитникъ правды какъ-то сконфуженно махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Но Настасью

сходчики уже замѣтили, и въ разныхъ мѣстахъ все чаще и чаще стало повторяться ея имя.

— Чего ужъ ты, Ивановна, и тянешься, набросился на нее одинъ изъ сходчиковъ, очень усердно доказывавшій, что Настасья и такъ проживеть, по своему мастерству, и что можно-бы ей міромъ гдѣ ни то среди села бобыльскую избушку оборудовать.—Шла-бы ужъ въ бобылки, да бабила-бы, вотъ-те и весь сказъ!.. Ты и такъ проживешь, а у насъ, смотри, изъ земли-то рвань какая на міру идетъ... Вотъ и коровенка-то у тебѣ пала...

— А ты опомнись, Максимъ, въ умѣ ли ты? совсѣмъ осердилась Настасья.— Корова пала, такъ и не живи, слышь, на свѣтѣ!.. И послѣдній-то кусокъ отнять надо... Ишь и съ «позьма» (усадыбы) уходи, да еще ужъ и землю-то отдай... Облопаешься!.. Совѣсти-то у васъ нѣтъ!.. Чай, «душа»-то у меня настоящая, не сиротская... Ты, что-ли, недоимку-то за меня заплатилъ?..

— Да вѣдь кто е вѣдаетъ, усомнился другой, — пока Богъ миловалъ, не платили... А вотъ теперь какъ справишься? Пожалуй, и міру отдуваться придется... Что ужъ! Не пугайся!..

А безстыжій Никитка Рубцовъ такъ и еще лучше совѣтъ подавъ и самъ первый захохоталъ своему остроумію:

— Шла-бы замужъ, молода еще!.. Міромъ-бы и жениха сватали. Сдѣлала-бы насъ безъ заботы, — право слово!..

Тутъ ужъ Настасья не выдержала и залилась слезами.

— Да что вы, охальники!.. На-смѣжъ, что-ли, я вамъ далась?.. Вѣдь не шутки шутить собрались небось... Міръ честной, что-же это будетъ!..

Громко, съ забористою бранью прокатился надъ сходомъ, въ отвѣтъ на горькую жалобу, голосъ Евстафія Пуганова, всѣхъ покрывая собою. Онъ, не кончивши фразы, оторвался отъ кучки, съ которой производилъ взаимный «учетъ» интересовъ, и поднялся на защиту Настасью. — «Слава Богу, нашла таки добрая душа!» съ облегченіемъ вздохнула Настасья, утирая слезы.

А Евстафій выкрикивалъ:

— Шальные черти!.. Очумѣли вы, что-ли?.. На кого накинудись?.. Мірская-ли она баушка-то, али нѣтъ?.. Съ бабами-то нашими кто валандается?..

— И пуцай валандается, проживеть!.. зашумѣли въ от-

вѣтъ. — Чего ты, ишь абвакать какой нашелся!.. Заораль, посыпаль — ровно изъ мѣшка!.. Пущай въ мѣръ идетъ, не гонимъ... Отдай ты ей свою полосу, коли жалко стало!.. Ишь чужимъ добромъ разщедрился...

Но остановить Евстафья, разъ ужъ онъ разошелся, было трудно.

— Да еще земля-то что!.. Еще ты на нее рта развѣвать не смѣешь: у ней, у самой душа. Землю-то ее взять еще ты правовъ не имѣешь... Нѣтъ, вы скажите, гдѣ вы такія права выискали съ позьма-то ее гнать? Рази у нея изба на бокъ свалилась? Ломать пора?.. Ишь обезумѣли!.. Ишь васъ, чертей, корысть-то обуяла!.. Да вѣдь васъ за это, черти, дома бабы со свѣту сживуть!..

Послѣднее соображеніе убѣдительно подѣйствовало на многихъ, поддерживавшихъ права Ефима на Настасьину усадьбу.

— Повитуха — нужный человекъ, — бабы ее, точно, въ обиду не дадутъ... Да тутъ бѣда будетъ!..

Приступили къ примиренію выяснивагося противорѣчія; но тутъ оказалось, что даже между троици лицами рѣшительно невозможно установить полную гармонію на началѣ «поравненія». Вопросъ кружился какъ бѣлка въ колесѣ; какъ въ сказкѣ, — когда хвостъ вытаскивали, носъ увязалъ... Владѣлецъ мельницы жаловался на убытки и, въ возмѣщеніе ихъ, просилъ отдачи «позьма» Ефима; ему хотѣлось прибрать къ своимъ рукамъ огородъ. Ефимъ соглашался очистить позьмо, если ему дадутъ хоть поправить жильє дяди, которое все-таки было лучше его домишка, гдѣ безъ необходимаго ремонта жить становилось невозможно. Ефимъ шель даже дальше: онъ, по родному, съ удовольствіемъ-бы и къ себѣ принялъ Настасью, но ужъ ежели она не хочетъ, такъ насильно милъ не будешь; по крайности, онъ готовъ предоставить ей возможность жить на старомъ мѣстѣ, пока ужъ очень начальство не «пристанеть». Но пустить Ефима на позьмо, которое собственно должно-бы принадлежать Настасьѣ, такой-же хозяйкѣ съ «душой», какъ и Ефимъ, — это значило все-таки рано или поздно уйти съ насиженнаго мѣста, а позволить Ефиму поправить домъ дяди—значило дать ему въ послѣдствіи и право выстроиться заново... Словомъ, въ послѣднемъ счетѣ, Настасьѣ приходилось отказаться отъ насиженнаго мѣста, навалить лишнюю тяготу на будущее хозяйство сына. Вѣдь далеко не все равно поправ-

лять мало-по-малу старую стройку на мѣстѣ, или переносить ее на новое мѣсто, гдѣ нѣтъ «ни сучка, ни задоринки», гдѣ надо все заново дѣлать... И она всячески сопротивлялась такому рѣшенію дѣла. Но мѣръ сталь на этомъ, какъ на единственно пригодномъ компромиссѣ. Въ рѣшительную минуту всѣ, даже защитники Настасьи, отказались вѣрить въ долговѣчность ея хозяйства.

— На твой вѣкъ хватить, а тамъ видно будетъ, какъ и что.

Мѣръ закрывалъ глаза на будущее; онъ не рѣшалъ дѣла, а откладывалъ его въ долгій ящикъ, на «авось». Такъ и опредѣлили на сходѣ:

— Живи пока, до времени, по-старому, не гнать-же тебя, дѣло вѣдомое!.. А тамъ какъ-что!.. Еще, можетъ, какъ никакъ и будутъ способы извернуться... А теперь, ишь, никакихъ способовъ нѣтъ, — что хошь дѣлай!.. И то и на половину не помирили. Еще этой возни-то будетъ, спаси Богъ!..

Съ болью въ сердцѣ Настасья должна была сознаться, что дѣло ея проиграно: «способовъ нѣтъ», — мѣръ рѣшилъ, — стало такъ ужъ и быть, ничего не подѣлаешь!..

— Богъ вамъ судья, міряне, — вотъ что! — только пожаловалась она. — Обижаете сироту!.. За добро-то мое!.. Не дѣло — этакъ-то!..

Укоръ обидѣлъ многихъ сходчиковъ очень искренно. Хлопая о бедра руками и сконфуженно вздыхая, они старались хоть чѣмъ-нибудь утѣшить Настасью.

— Да ты погоди, Ивановна, жалиться-то; еще можетъ и найдемъ способа — право слово!.. Да вишь ты вѣдь выходитъ тутъ какъ оно!.. И не разберешь по настоящему-то!.. У всѣхъ правда, а всѣ въ обидѣ... А тебя мы не знаемъ развѣ?.. За добро-то твое? Господи, да всей душой!.. Ко всякому ступай, что хошь — уважат!.. А тутъ какъ быть!.. Мѣръ, и то ничего не выдумалъ, — вотъ онѣ дѣла-те!..

Такъ съ разныхъ сторонъ утѣшали Настасью и сокрушались мірскіе люди надъ своимъ собственнымъ безсиліемъ. — «У всѣхъ правда, а всѣ въ обидѣ, — вотъ и пойми тутъ, какія пришли времена!.. Какъ ужъ и жить-то, кто е вѣдаетъ?!..»

Измученная, кровно обиженная, совсѣмъ упавшая духомъ потащилась она со схода домой. Вѣра въ мѣръ, которая до сихъ поръ поддерживала ее, была нынѣшнимъ днемъ значительно подорвана.

И снова выходило наружу передуманное обстоятельно за послѣдніе дни намѣреніе «уйти», отрѣшиться отъ этого міра, гдѣ и она обазывается лишней. Возмущалось ея чувство противъ людской неблагодарности; сознание правды, полезности своего существованія громко протестовало противъ даже мимо-летней мысли, что лишняя она здѣсь. И злость шевелилась въ душѣ; и въ этомъ хаосѣ чувствъ одно рѣшеніе вырѣзывалось ясно: «уступить, уйти, схорониться отъ людской неправды...» Она совсѣмъ обезсилѣла въ этой сутолокѣ жизни, которая прежде, и еще не такъ давно, казалась столь простой и понятной, а теперь является глубоко несправедливой, запутанной такъ, что никто ничего разобрать не въ силахъ. — «У всѣхъ правда, а всѣ въ обидѣ!.. Лучше ужъ уйти отъ грѣха!..»

VI.

Воротившись домой, Настасья нашла у себя гостью и невольно подумала: — «вотъ ужъ къ разу-то попала Дуняха, словно нарочно, словно ее самъ Богъ послалъ!..»

Гостья-странница, въ какомъ-то полумонашескомъ, полумирскомъ нарядѣ, еще молодая, довольно красивая, полная женщина, была залѣсовская-же, давняя подруга Настасьи. Отецъ съ матерью у ней умерли отъ холеры, оставивъ на рукахъ ея, семнадцатилѣтней дѣвушки, троихъ маленькихъ братьевъ, изъ которыхъ старшему было едва 10 лѣтъ.

Авдотья не захотѣла оставаться въ деревнѣ и, оставивъ братьевъ у родныхъ, ушла въ городъ.

Года три прожила она въ губерніи, на мѣстѣ, которое родичи добыли ей длиннымъ рядомъ справокъ и рекомендацій. На третьемъ году случилось съ нею самое обыкновенное несчастіе: она «согрѣшила»... И какъ только «грѣхъ» обнаружился, потеряла мѣсто. Виноватый, впрочемъ, имѣлъ «великодушіе» содержать ее, пока она родила, и даже спроводилъ ребенка въ воспитательный домъ, а затѣмъ счелъ всѣ свои обязательства совершенно поконченными... Раскаяніе, сожалѣніе о сдѣланной глупости мучило Авдотью все время, пока она переживала все это. Сдѣланная съ нею мерзость испугала ее страшно; она инстинктивно почувствовала, что все это въ концѣ концовъ до добра не доведетъ и счастья не

дать, и крайне обрадовалась, когда, наконецъ, все было кончено, когда она опять оказалась совсѣмъ одинокой, ни съ кѣмъ не связанной: ей даже почти не жаль было ребенка, къ которому она, впрочемъ, еще не успѣла и приглядѣться, какъ онъ былъ ужь взятъ...

Прежде всего она бросилась отмаливать свой грѣхъ: года два бродила по монастырямъ, по богомольямъ, побывала въ Кіевѣ и въ Соловкахъ и только было собиралась отправиться въ Іерусалимъ, какъ натолкнулась тоже на богомолку-странницу, сектантку, которая уговорила ее сходить въ одинъ скитокъ посмотрѣть, какъ спасаются «по ихъ вѣрѣ». Спасеніе по вѣрѣ странницы Авдотѣ очень понравилось. Она сначала осталась тамъ «отдохнуть», по радушному приглашенію скитницъ, а потомъ и совсѣмъ приняла «малый образъ». Но иногда ея неспокойной, бодрой, живой натурѣ жутко становилось на мѣстѣ, и она отправлялась бродить по извѣстнымъ скитамъ секты по стариннымъ православнымъ монастырямъ со святынею, чтимою и у сектантовъ. Никто ее въ скитѣ отъ этого не удерживалъ. Пошатавшись полгода, она опять возвращалась, спокойная, умиротворенная и отдыхала, до тѣхъ поръ, пока новые порывы жизни снова не гнали ее съ мѣста. Теперь, именно, она находилась въ такомъ періодѣ, скитанья; она побывала съ порученіями въ скитахъ своихъ единовѣрцевъ на Кавказѣ и на обратномъ пути зашла на родину. Ей захотѣлось взглянуть на нее, на братишекъ, вспомнить на мѣстѣ старое, сѣренькое, но, тѣмъ не менѣе, дорогое прошлое... На ночлегъ она забралась къ старой подругѣ. Пока Настасья терзалась на сходѣ, Авдотья успѣла ужь разузнать «всю подноготную». Она переболтала со всѣми сосѣдками Настасьи и даже соскучиться успѣла, когда, наконецъ, вернулась домой измученная хозяйка.

Не успѣли подруги поздороваться, не успѣла Настасья начать гостѣй разсказъ о своихъ несчастіяхъ и огорченіяхъ, какъ та прервала ее:

— Да ужь знаю, все доподлинно развѣдала!.. Обмірщилась инда я тутъ съ разговорами-то о тебѣ... Нутко-се изъ мірскаго ковша воды, позабывшись, напилася, грѣшница!.. Ужь начало за-то положила!.. Вотъ, говорила я тебѣ, сколечко ужь разъ говорила: «ей, Настя, плюнь, за что ты изъ себя жиля тавнешь, все одно ни въ честь, ни въ славу... только себѣ грѣхъ!».. Вѣрно-ли по-моему-то вышло?.. Вымоталась-ли?..

— Охъ, ужъ и не говори, Дуняша!.. Вотъ, вымоталась, такъ, кажись, ежели-бы теперь не Ванюшка, давно-бы ужъ ушла отъ нихъ, куда глазыньки глянуть!.. Вѣдь вотъ нонѣ народъ-отъ сталь, ровно волки рвутъ тебя на сходѣ, инда въ дрожь ударяетъ!.. Да вѣдь, родимая, не одна вѣдь я!.. Въ себѣ-то не вольна—вотъ что!.. Ишь, вонъ у меня хрестьянинъ-отъ... Вѣдь его тоже надо къ хозяйству приспособить!..

— Ей, Настя, говорю тебѣ, уйди, плюнь ты на нихъ, на антихристовыхъ слугъ, табачниковъ, щепотниковъ!.. Не диво, что они звѣри лютые... Видишь, сама видишь, послѣднія времена пришли!.. Все по писанію сполняется. Предались люди невѣрію, въ Бога-то, въ Бога не вѣрятъ — вотъ онъ грѣхъ-то! Вотъ онъ, черный, какъ во власть-то взошелъ!.. Ты взглянь только: мостовыя каменные, дороги прямыя, самъ нечистый возить... Табачище этотъ проклятый, чай, кофій!.. Изъ златыхъ чашъ пьютъ человѣки... Крестьянъ отъ господъ отобрали, чтобы ужъ, значить, подъ нозѣ самого антихриста покорить... Спаси, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. А и что имъ за это будетъ, что будетъ!.. Сама грамотная, — знаешь, давала я тебѣ Григорія видѣніе, какъ Богъ судить будетъ разныхъ вѣръ и невѣрныхъ... И дойдетъ очередь нововѣрамъ, зѣло полкъ великъ и лукавъ, закованы веригами, обвинивши зми лютые на головахъ, лица въ гною, сами черные, а Господь-отъ аки громъ загремитъ на нихъ съ гнѣвомъ и яростью и повелитъ всѣхъ гнать въ вѣчную муку... О, Господи! вздохнула проповѣдница подъ вліяніемъ страшной картины, нарисовавшейся въ ея воображеніи,—не сотвори съ нами по дѣламъ нашимъ!..

Долго молча сидѣла Настасья, подавленная знакомой, но тѣмъ не менѣе страшно пугающей картиной... Вѣрно, что остервенились люди: столько разъ можно было въ этомъ убѣдиться. Но откуда-то изъ невѣдомой глубины робко, стыдась поднимается мысль, что «свято хрестьянское дѣло», припоминается знакомый, дорогой голосъ матери, и голова кругомъ идетъ отъ усилій опредѣлить, гдѣ-же правда?..

А молодой, звучный голосъ подруги съ такимъ убѣжденіемъ и жаромъ раздается въ ухахъ:

— Уйди отъ грѣха, уйди!.. Въ маетѣ-то мірской только себя загубишь!.. Что ужъ за житье, коли за твое-же добро да за жалѣнье на клочки тебя рвать хотятъ? А мальченко,

Господь съ нимъ, пропадетъ онъ, что-ли?.. Разъ, ты полагаешь, у нашихъ мѣста не найдется душу ребячью приютить, отъ грѣха укрыть, отъ антихриста спасти!.. Да еще въ люди выведутъ, не то что!.. По торговлѣ пойдетъ, али-бо-что!.. Спасибо сказывать будетъ!.. Вѣрно говорю—уйди, чѣмъ вѣкъ-то вѣчный здѣсь маяться, да еще и на томъ свѣтѣ-то... Я, вонъ свою брата Пашку и то хочу какъ ни-то на линію вывести,—случай такой теперь выходитъ... Она, окаянная Манефа своего щенка наровить туда упереть, ну да это еще какъ удался!.. Еще ей, старой каргѣ, не удался такъ-то къ благодѣтелю подслужиться, какъ мы подѣдемъ... Слово такое знаю!..

И Авдотья двусмысленно засмѣялась.

Совѣстно и какъ-то неловко сдѣлалось Настасьѣ отъ этого смѣха. Такимъ рѣзкимъ диссонансомъ поразилъ онъ ее въ виду страшной картины, все еще стоявшей въ ея воображеніи...

— А ты Расскажи хоть, каково тамъ житье-то у васъ?.. прервала она, наконецъ, подругу, заранѣе торжествовавшую побѣду надъ какой-то Манефой.

— Да ужъ что житье!.. Житье у насъ, прямо сказать, ангельское!.. Служба уставная, истовая, молись только знай!.. Ъда сладкая... Рыбы всякой, пшеничнаго хлѣба не въ проѣсть круглый годъ!.. Такой-то ѣды, такъ будемъ говорить, я здѣсь не только что у попа, а какъ и у господь жила, не видывала... И все, матка моя, по уставу, все по правилу: коли съ масломъ, коли рыба, али тамъ что—все по уставу, все настрого прописано... Ужъ одно слово!.. Ты вотъ теперь грамотница, полуставомъ писать можешь,—счастье твое!.. Только и работы будетъ, что послушаніе дадутъ—наши книжки полуставомъ списывать!.. Работа легкая!.. Раздобрѣешь какъ, вотъ посмотри!... Вонъ у насъ одна тамъ есть, Акулька,—только и имя-то ей!.. Даромъ, что чуть не всякій годъ дружокъ по ребенку въ люди спроваживаетъ, а въ какомъ почетѣ зато, что писать, да раскрашивать умѣетъ. . Безпремѣнно, подлая, уставщицей будетъ!..

— Грѣхи, грѣхи, съ болѣзненнымъ вздохомъ покачала головой Настасья,—вездѣ грѣхи, никуда не уйдешь!..

— Что подѣлаешь?.. Слабъ человекъ!.. Не согрѣшишь, не покаешься, въ тонъ отвѣчала ей странница, устремивъ глаза въ потолокъ, и потомъ, перемѣнивъ тонъ, сурово процитировала:

— Ты кто еси судай чуждему рабу?...

— И впрямь согрѣшила, окаянная, покаялась смиренно и искренно хозяйка.

Разговоръ о жизни въ скитѣ оборвался, однако, на этомъ. Спустя нѣсколько минутъ, подруги уже мирно перебирали деревенскія новости: странница разспрашивала о подругахъ, о «холостыхъ», гулявшихъ въ одно время съ нею: кто замужь вышелъ, кто на комъ женился, хорошо-ли живутъ... Долго, до первыхъ пѣтуховъ проболтали подруги, перетряхнули въ темнотѣ и тишинѣ осенней ночи всѣ воспоминанія молодости, даже всплакнули... Спокойно заснула потомъ Авдотья, но Настасья долго не спалось... И опять много думъ передумала она въ эту ночь.

Было прекрасное ноябрьское утро, когда Настасья вышла проводить подругу за околицу Залѣсова. Солнце еще не высоко поднялось надъ горизонтомъ, и его косые лучи разубрали причудливо свѣтомъ и тѣнями, занесенную снѣгомъ, деревеньку. Бѣлый пологъ прикрывъ рѣжущіе лохмотья бѣдности и такъ уютно и привѣтно пряталась она въ группахъ побѣлѣвшихъ подъ снѣгомъ высокихъ ветель, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ дружной толпой. Веселыми стаями носились, перекликалась, галки. Голуби ворковали гдѣ-то на гуменикѣ около полуразрушеннаго одонья. Слышался въ разныхъ мѣстахъ задворокъ глухой, плавный стукъ цѣповъ. Изъ деревни уже неслись звонкіе выкрики и хохотъ ребятишекъ...

Какъ-то особенно душевно и любовно оглянула, возвращаясь домой, Настасья всю эту картину, точно давно, давно она ее не видала. И такимъ спокойствіемъ и внутренней правдой повѣяло на нее отъ родной деревеньки, такъ мягко привѣтливо обливало ее солнце своимъ ровнымъ свѣтомъ, и такъ бодро дышала грудь морознымъ, свѣжимъ, утреннимъ воздухомъ, что опять ясно, раздѣльно, громко прозвучали въ ушахъ Настасьи слова матери: «свато хрестьянское дѣло!.. Нѣту его святѣ на свѣтѣ...»

И вдругъ точно камень спалъ съ груди, глубоко вздохнула Настасья, и неумовимыя струйки жизни и радости про-

бѣжали по всему существу ея, какъ ощущеніе силы у возвращающагося къ жизни больного. И это чувство жизни, разростаясь, возстановляло въ воображеніи Настасьи столько картинъ семейныхъ деревенскихъ радостей, будило столько любви, что подъ наплывомъ всего этого совсѣмъ не видно стало и житейскихъ невзгодъ, и безчувственности вчерашняго схода, и мысли о томъ, чтобы уйти, отрѣшиться... Нити, связывавшія ее къ деревнѣ, оказались слишкомъ прочными; горе жизни и начитанный въ житіяхъ аскетизмъ оказались бессильными разорвать ихъ...

И. Харламовъ.

СПОРЪ.

Какъ страстный горячечный бредь,
Какъ лететь ребяческій,—снова
Дни споровъ безумныхъ, дни грѣзъ молодыхъ
Выходятъ изъ мрака былова;
Тѣ дни, когда страннымъ казалось для насъ
Встрѣчать чудака-инновѣрца,
И мѣръ былъ такъ свѣтелъ, такъ дивно согрѣтъ
Огнемъ неостывшаго сердца;
Когда въ обольстительно сладкихъ чертахъ
Фантази намъ рисовала
И самыя муки во имя любви,
Во славу и въ честь идеала!..

* *
*

Шумна и вольна, какъ весенній потокъ,
Бесѣда росла и кипѣла:
У каждаго кровь флокотала въ груди,
Лицо вдохновенно горѣло.
Случалось, что сами не видѣли мы
Въ рѣчахъ нашихъ толку и смысла,
Но двигалось много свирѣпыхъ головъ
Въ потокахъ табачнаго чада...
Изъ лишняго слова—рождалась гора,
Враги межъ друзей находились
И, съ пѣною у рта, на жизнь и на смерть
Словами, какъ шпагами, бились!
Какъ будто-бы, чувствомъ различнымъ у всѣхъ
Въ груди было сердце согрѣто,
Какъ будто служили не всѣ одному
Великому дѣлу разсвѣта!..

* *
*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

УМЪ И ЧУВСТВО, КАКЪ ФАКТОРЫ ПРОГРЕССА.

(По поводу сочиненія г. Юзова «Соціологическіе очерки»).

I.

Съ большимъ интересомъ прочли мы недавно вышедшую книгу г. Юзова «Соціологическіе очерки—основы народничества». Книга возбуждаетъ интересъ не потому, что прибавляетъ къ нашимъ познаніямъ объ обществѣ какую-нибудь новую, до сихъ поръ не изслѣдованную истину или пытается установить новый путь изученія социальныхъ явленій; нѣтъ, новыхъ знаній читатель не приобрететъ изъ этой книги; она интересна потому, что представляетъ попытку синтеза, теоретическаго обоснованія извѣстнаго направленія, получившаго уже довольно широкое распространеніе въ жизни. И въ этомъ—все ея значеніе. Въ наше время чувствуется потребность въ синтезѣ, въ составленіи дѣльнаго міросозерцанія, на которомъ могла-бы опираться практическая дѣятельность, и, конечно, на обязанности литературы лежитъ удовлетвореніе этой потребности, насколько дозволяютъ то условія печати. «Мы сотворены, справедливо замѣчаетъ Ланге,—чтобы не только познавать, но также творить и созидать, и съ большимъ или меньшимъ недо- вѣріемъ къ рѣшительному значенію того, что намъ можетъ дать разумъ и чувство, человечество всегда радостно встрѣтитъ чело- вѣка, который суждетъ, пользуясь всеми образовательными мо- ментами своего времени; создать единство міра и духовной жизни... Это созданіе будетъ какъ-бы только выраженіемъ стремленія из- вѣстной эпохи къ единому и совершенному, но это есть нѣчто великое и столь-же важное для сохраненія и поддержанія нашей духовной жизни, какъ и наука, хотя и не столь долговѣчное, какъ она» *).

*) Ланге. «Исторія материализма». Т. I, стр. 71—72.

Конечно, сочиненіе г. Юзова далеко не удовлетворяетъ требованію, выраженному въ этой цитатѣ, но оно составляетъ все-таки попытку дать отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ, которые заботятъ современнаго русскаго интеллигентнаго человѣка, сознающаго, что отъ того или другаго рѣшенія ихъ зависитъ направленіе его дѣятельности.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ, разбираемый въ 3-й главѣ названнаго сочиненія: «Умъ и чувство какъ факторы прогресса».

Прежде чѣмъ приступить къ разбору взглядовъ, выраженныхъ въ этой главѣ, сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе: во всей первой половинѣ книги г. Юзова, вѣтрогивающей философскіе и психологическіе вопросы, изложеніе состоитъ изъ ряда выписокъ изъ Спенсера, Милля, О. Конта, Дарвина, Вундта, Бэна и др., скомпилированныхъ въ нѣчто цѣлое, но, думается намъ, не вполне связанное. Мы понимаемъ стимулъ, руководившій автора: онъ вѣроятно не считалъ себя компетентнымъ въ рѣшеніи вопроса и хотѣлъ прибѣгнуть къ авторитетомъ ряда весьма громкихъ именъ европейскихъ мыслителей и ученыхъ. Но, вмѣсто того, чтобы *опираться* на ихъ авторитетъ, что весьма естественно и отнюдь не составляетъ недостатка для публициста, г. Юзовъ именно *прикрывается* имъ. Онъ не сопоставляетъ основныхъ воззрѣній цитируемыхъ авторовъ и затѣмъ выводы ихъ, но приводитъ разрозненныя цитаты безъ всякой связи ихъ съ изложеніемъ мыслей у авторовъ и выражаетъ въ этихъ цитатахъ свои мнѣнія, часто вовсе не признавая ихъ тѣми, у кого онъ ихъ заимствуетъ. Онъ какъ-бы боится выразить мысль своими словами.

Поэтому выводъ г. Юзова: «и такъ развитіе социальныхъ чувствъ есть *главная* причина улучшенія социальныхъ формъ; «чувство» является самымъ важнымъ «факторомъ общественнаго прогресса», — этотъ выводъ, благодаря способу изложенія, о которомъ было только что упомянуто, можетъ показаться выводомъ изъ совокупности мнѣній по этому вопросу почти всѣхъ цитируемыхъ авторовъ. Между тѣмъ, мы полагаемъ, что это совершенно не вѣрно, и постараемся, пользуясь цитатами отчасти тѣхъ-же авторовъ, опровергнуть эту мысль и высказать нашъ взглядъ на главную причину улучшенія социальныхъ формъ.

Г. Юзовъ начинаетъ свою статью выпискою изъ Д. С. Милля: «Законы явленій общества суть не что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только законами дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественномъ состояніи. Но люди въ состояніи общества все-таки люди; ихъ дѣйствія и страсти подчиняются

законамъ челоѣческой природы» *). «И такъ, заключаетъ г. Юзовъ, центръ тяжести прогресса социальнаго міра лежитъ въ психической жизни челоѣчества. Знаніе законовъ, управляющихъ психическими явленіями, есть необходимое условіе для пониманія и направленія социальной жизни. Психологія есть та необходимая ступень знанія, черезъ которую долженъ пройти всякій, желающій приступить къ изученію социальныхъ законовъ» (стр. 41).

До сихъ поръ трудно не согласиться съ авторомъ.

Излагая дагѣ свои взгляды, г. Юзовъ дѣлитъ психическую природу челоѣка на: 1) мысли (идеи), 2) чувства (эмоціи) и 3) желанія (воля). Но такъ какъ чувство и желаніе имѣютъ тѣсную связь между собою и взаимно обусловливаются, то, «оставивъ въ сторонѣ волю, какъ «однородное состояніе духа, образующее промежуточное звено между чувствомъ и дѣйствіемъ и не допускающее подраздѣленій, всѣ состоянія нашего сознанія распадаются на два обширные класса: познанія и чувства» **). «Спенсеръ-же говорить, продолжаетъ авторъ,—что мысль и чувство, какъ степени сознанія, стремятся исключить другъ друга, и что «крайняя степень разсудка стремится заглушить чувство, тогда какъ крайняя дѣятельность чувства стремится заглушить разсудокъ»***). Изъ этого г. Юзовъ выводитъ, что; «при существованіи этого антагонизма между умомъ и чувствомъ, предположеніе, сдѣланное многими о связи развитія, оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи нелѣпостью». Между тѣмъ антагонизмъ указанъ Спенсеромъ только при крайнемъ развитіи; онъ существуетъ не только между умомъ и чувствомъ, но и между различными чувствами: чувство страха, при сильномъ развитіи заглушаетъ эмоцію сочувствія, чувство мести заглушаетъ проявленіе обѣихъ приведенныхъ выше эмоцій. Но это касается только момента, когда челоѣкъ весь предался извѣстному чувству, и не исключаетъ возможности взаимнаго вліянія трусости и мстительности. Стремленіе къ своему удовольствію кажется также въ антагонизмѣ съ стремленіемъ къ удовольствію другихъ, но въ своемъ развитіи они тѣсно связаны между собою: «Симпатія, говоритъ Бэнъ, предполагаетъ: 1) свои собственные воспроизводимые опыты удовольствія и страданія и 2) умственную связь между внѣшними знаками или выраженіемъ различныхъ чувствъ и самими чувствами. Хорошая удерживательная способность, или память, нашихъ удовольствій и страданій—интеллектуальная основа благородія—служитъ также основою и симпатіи»****).

*) Милль. «Система логики». Т. II, стр. 432.

**) Спенсеръ. Опыты. Т. II, стр. 39.

***) Спенсеръ. «Опыты». Т. III, стр. 55.

****) Бэнъ. «Психологія», стр. 26.

Слѣдовательно, существованіе антагонизма между умомъ и чувствомъ въ минуту ихъ высшаго развитія еще не доказываетъ, что нѣтъ между ними взаимной обусловленности. Да и самъ г. Юзовъ не вѣритъ въ отсутствіе связи, когда на стр. 62 цитируетъ Мидля: «духъ усовершенствованія является результатомъ возрастающей силы социальнѣхъ инстинктовъ *въ связи съ развитіемъ умственной дѣятельности*».

Раздѣливъ природу человѣка на двѣ совершенно не связанныя части, г. Юзовъ доказываетъ затѣмъ, что желанія, а не разумъ, суть причины человѣческихъ дѣйствій. Между тѣмъ, въ развитіи психическихъ способностей умственная и эмоціональная стороны такъ переплетаются, что говорить о томъ, какаѣ сторона является причиной, крайне затруднительно.

Начать съ того, что иногда умъ является исключительною причиною дѣйствія: «Тенденція, общая всѣмъ идеямъ, говоритъ Бэнъ, — стать дѣйствительностями, смотря по ихъ интенсивности, есть источникъ дѣятельныхъ импульсовъ, отличныхъ отъ первичныхъ мотивовъ воли». «Воля находится подъ двумя вліяніями: удовольствія и страданія; однимъ побуждается къ предмету, другимъ отъ него. Но идея, принимаемая въ строгомъ смыслѣ, можетъ выводить насъ за предѣлы этихъ условій, заставляя сообразоваться съ ней даже тогда, когда это вело-бы скорѣе къ страданію, чѣмъ къ удовольствію...» Какъ на несомнѣнный примѣръ способности идеи переходить въ дѣйствительность, можно указать на заразительность специальныхъ формъ преступленія и даже самоубійства *).

Затѣмъ каждая эмоція имѣетъ интеллектуальный элементъ. «Начало познанія состоитъ въ различеніи, говоритъ тотъ-же психологъ; гдѣ мы имѣемъ больше различій, какъ въ нашихъ высшихъ чувствахъ, мы болѣе интеллектуальны» (стр. 93). Другая сторона умственной дѣятельности—сходство, также играетъ важную роль въ образованіи чувствъ. Задерживательная сила ума составляетъ основаніе какъ благоразумія, такъ и сочувствія къ другимъ. «Положеніе Сократа, что знаніе есть добродѣтель, можетъ выражать глубокую и важную истину, если знаніе понимать въ смыслѣ дѣятельнаго воспоминанія о хорошемъ и дурномъ. Источникъ добродѣтели лежитъ въ удерживательной способности ума» **). И такъ, мы видимъ, что всѣ главныя интеллектуальныя способности, на которыя распадается въ окончательномъ результатѣ умственная дѣятельность, участвуютъ въ развитіи чувствъ и, слѣдовательно, являются причинами поступковъ.

*) Бэнъ, «Психологія», стр. 102.

**) Ib стр. 32.

Связь между умомъ и чувствомъ заставляла Пидерита въ своей статьѣ «Мозгъ и духъ» свести всю дѣятельность духа къ двумъ основнымъ элементамъ: представленію и волѣ.

Первоначально, нѣтъ сомнѣнія, всѣ дѣйствія происходятъ подъ вліяніемъ естественныхъ импульсовъ, причѣмъ человекъ даже не знаетъ, что значать эти импульсы. Онъ чувствуетъ голодъ, но онъ знаетъ, что это чувство есть требованіе пищи.

«Всматриваясь внимательнѣе, мы легко можемъ замѣтить, что непосредственно сознаемъ мы одно только неприятое чувство и ничего болѣе. Толкованіе, которое мы даемъ этому чувству, основывается на предшествующемъ опытѣ, въ чемъ исполнѣ можно убѣдиться, принявъ въ соображеніе, что новорожденный ребенокъ испытываетъ точно такое-же чувство, не сознавал, однако-же, что въ основѣ его лежитъ хотѣніе и именно хотѣніе ѣсть, голодъ. Поэтому-то ребенка, котораго-бы предоставили его собственной судьбѣ, не сознавать-бы ничего болѣе, кромѣ тягостнаго ощущенія, и умерь-бы, не имѣя даже темнаго предчувствія о связи мучающаго его ощущенія съ побужденіемъ къ ѣдѣ. Только тогда, когда испытываемое чувство будетъ удовлетвориться при посредствѣ посторонней помощи, научится ребенокъ знать связь между чувствомъ и волею, научиться по чувствамъ заключать о волѣ». «То, что показываетъ анализъ явленія голода, можетъ быть подтверждено и анализомъ всѣхъ другихъ побужденій» *).

«Въ томъ фактѣ, что удовольствіе, говоритъ Бэнъ, сопровождается возвышенной энергіей, а страданіе — пониженной, лежитъ начало волевого контроля, хотя только начало. При известныхъ обстоятельствахъ, это соединеніе дѣлаетъ то, чего мы ожидаемъ отъ воли, а именно — упрочиваетъ удовольствіе и облегчаетъ страданіе. Если наступающее движеніе совпадаетъ съ настоящимъ удовольствіемъ, то удовольствіе, какъ сопровождаемое усиленною энергіей, будетъ направляться къ поддержанію и усиленію энергіи».

«Ничего кромѣ случая нельзя указать въ качествѣ средствъ къ первому соединенію удовольствія и движенія», но «когда одно и то-же движеніе болѣе рази совпадаетъ съ состояніемъ удовольствія, то *удерживательная сила духа* устанавливаетъ между ними ассоціацію» **). Эта установленная ассоціація даетъ уже возможность *сознать* импульсъ и ставить себѣ цѣль дѣйствія, которая, по опыту, наиболѣе соотвѣтствуетъ побужденію. Накопившійся опытъ, далѣе, дѣлаетъ человека способнымъ вспоминать о побужденіи тогда, когда оно непосредственно еще не дѣйствуетъ, и впе-

*) Лессевичъ. «Письма о научной философіи», стр. 158 и сл.

***) Бэнъ. «Психологія», стр. 90 и сл.

редъ способствовать удовлетворенію его. Человѣкъ начинаетъ сознательную жизнь; онъ эмансипируется отъ природы.

Это возникновеніе сознанія есть главная причина улучшения индивидуальныхъ человѣческихъ дѣйствій, ихъ большаго соответствія съ потребностями человѣка, ихъ цѣлесообразности.

Такимъ образомъ, мы видимъ тѣсную связь эмоціональной и интеллектуальной способностей человѣка, какъ причинъ его поступковъ. Если это вѣрно, то должна существовать связь и между альтруистическимъ чувствомъ, какъ частью эмоціональной способности вообще, и умомъ. Альтруистическое чувство вовсе не можетъ быть разсматриваемо какъ единое и простое, какъ склоненъ его разсматривать г. Юзовъ. Это есть обобщеніе весьма различныхъ, часто враждебно сталкивающихся побужденій, обобщеніе, подкрѣпляемое гипотезою происхожденія его отъ инстинкта сохранения вида. Мы не будемъ разсматривать здѣсь истинность этой гипотезы, хотя думаемъ, что противъ нея можно сдѣлать много возраженій, но укажемъ только на тотъ несомнѣнный фактъ, что альтруистическое чувство дифференцировалось, что изъ любви къ семьѣ, роду оно расширилось до любви къ родинѣ, къ человѣчеству, до сочувствія къ ближнему вообще. При этомъ любовь къ семьѣ, напр., можетъ быть въ антагонизмъ съ любовью къ родинѣ и т. п., и какое изъ этихъ чувствъ получить перевѣсъ—зависитъ отъ различныхъ эмоціональных и интеллектуальныхъ стимуловъ, ассоціированныхъ съ тѣмъ или другимъ чувствомъ.

Кромѣ этого, въ самомъ развитіи альтруистическаго чувства непременно участвуетъ умъ. Не можетъ личность любить человѣчество, не дѣйя путемъ хотя-бы бессознательнаго процесса обобщенія до понятія человѣчества, понятія отвлеченнаго, требующаго для своего усвоенія извѣстную степень развитія.

Тутъ интересно привести одно доказательство г. Юзова въ защиту своего взгляда. Онъ ссылается на заявленіе Бэна, что «никого нельзя разубѣдить въ твердо сложившемся эгоизмѣ», и говорить, что отсутствіе связи и вліянія ума и чувства простирается до того, что если человѣкъ не чувствителенъ къ благу другихъ, то мы также не можемъ убѣдить его въ томъ, что онъ долженъ любить ихъ, какъ не можемъ убѣдить слѣпого въ томъ, что онъ долженъ смотрѣть на блескъ цвѣтовъ». Эта мысль, сама по себѣ вѣрная, едва-ли можетъ служить доказательствомъ отсутствія связи между развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ. Если примѣнять подобную логику, то пришлось-бы опровергнуть связь, указываемую Дарвиномъ, между измѣнчивостью вида и борьбой за существованіе. Тутъ также борьба за существованіе не могла-бы имѣть никакого вліянія, если-бы измѣнчивость хотя-бы въ незначитель-

нихъ размѣрахъ не существовала сама по себѣ, но разъ она явилась, борьба за существованіе закрѣпляется и даетъ ей извѣстное направленіе. То же самое и съ альтруистическимъ чувствомъ, тѣмъ болѣе, что Льюисъ, на котораго также ссылается авторъ, самъ прибавляетъ: «къ счастью такихъ людей (т. е. безъ альтруистическихъ чувствъ) не бываетъ». Приводимая нами мысль будетъ еще рельефнѣе выставлена, если мы обратимъ вниманіе на нравственное развитіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что альтруистическое чувство (понимая подъ нимъ сочувствіе и любовь) развивалось въ человѣчествѣ и въ отдѣльной личности подъ вліяніемъ нравственныхъ понятій, нравственнаго чувства; г. Юзовъ не отдѣляетъ этого чувства отъ альтруизма, но это едва ли основательно. Не изъ сочувствія возникли заповѣди «не убей», «не укради», не сочувствіе есть главный элементъ совѣсти, этого сильнаго стимула, контролирующаго поступки.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы здѣсь имѣемъ въ виду только вопросъ *генезиса* нравственнаго чувства, совершенно оставляя въ сторонѣ идеаль нравственности.

Съ этой точки зрѣнія, санкціей нравственнаго чувства является совѣсть. «Въ совѣсть-же, говоритъ Милль,—приводитъ много постороннихъ элементовъ, истекающихъ изъ любви, симпатіи, страха, религіознаго чувства, воспоминаній дѣтства, воспоминаній всей прошедшей жизни изъ самоуваженія, желанія приобрести уваженіе другихъ, а иногда изъ самоуниженія» *).

Если мы согласимся съ этимъ, то мы должны признать совѣсть такимъ сложнымъ явленіемъ, которое отнюдь нельзя такъ просто приурочить къ какой-нибудь изъ *двухъ* категорій способностей человѣка.

То же самое и нравственность. «Всѣ умственныя и нравственныя чувства и качества, говоритъ тотъ же мыслитель, — какъ добрыя, такъ и злыя, были результатами ассоціацій идей съ извѣстными предметами; мы любимъ одно и ненавидимъ другое; чувствуемъ удовольствіе въ одномъ дѣйствіи или созерцаніи, и страданіе—въ другомъ, отъ приданныхъ воспитаніемъ или жизненнымъ опытомъ этимъ предметамъ идей удовольствія или страданія» **).

«Правительство, авторитетъ, законъ, обязанность, наказаніе— всѣ они влились въ тотъ великій общественный институтъ, которому нравственность обязана своимъ главнымъ основаніемъ, и

*) Милль. «Утилитаріанизмъ». Гл. III.

**) Милль. «Автобіографія», стр. 141.

нравственное чувство—своимъ особеннымъ атрибутомъ. Нравственность не есть ни благоразуміе, ни благожелательность въ ихъ первичныхъ обнаруженіяхъ; она есть систематическое узаконеніе благоразумныхъ и благожелательныхъ дѣйствій, сдѣлавшихся теперь обязательными въ силу наказанія; это совершенно особый мотивъ, созданный *человѣческимъ обществомъ*, но сдѣлавшійся столь близкимъ для каждаго, какъ вторая природа. Ни одинъ человѣкъ не опредѣляется теперь благоразумными или симпатическими мотивами въ ихъ чистомъ видѣ. Можетъ быть доказано, насколько допускаетъ очевидность, что особенность нравственного чувства или совѣсти тождественна съ нашимъ воспитаніемъ подъ извѣстнымъ управленіемъ или авторитетомъ *)).

Совершенно согласные съ выраженными въ этихъ цитатахъ взглядами Бэна и Милля на нравственность, мы должны признать, что нравственное чувство находится въ зависимости отъ общественнаго мнѣнія и общественныхъ формъ. Вліяніе же общества на личность совершается путемъ формулированныхъ принциповъ, путемъ воздѣйствія на умственные представленія личности, путемъ передачи идей. Даже въ самыя раннія времена, когда «не было юристовъ и кодексовъ, какъ утверждаетъ Тейлоръ, торжественные акты и права дѣлались ясными для всѣхъ при посредствѣ *живописныхъ обрядовъ*, способныхъ запечатлѣться въ умахъ неграмотныхъ людей».

Такимъ образомъ выводъ г. Юзова, что «каждая изъ способностей чловѣка развивается самостоятельно и своимъ развитіемъ не усиливаетъ другой», по нашему мнѣнію, совершенно ошибоченъ. Напротивъ, умственный, эмоціональный, нравственный и общественный элементы тѣсно связаны между собой и совместно обуславливаютъ поступки людей.

II.

Все вышесказанное относится къ разбору взгляда г. Юзова на то, что способности чловѣка не имѣютъ связи; но изъ этого не видно еще, почему чувство есть главный прогрессивный факторъ въ обществѣ. Интересно, какъ переходитъ къ этому вопросу г. Юзовъ. Онъ говоритъ, что развитіе ума вліяетъ на производство, увеличивая, посредствомъ техническихъ улучшеній, количество продукта; развитіе же чувства—на распределеніе. А такъ какъ второе важнѣе для чловѣческаго счастья, то, следовательно, развитіе чувства важнѣе умственнаго и составляетъ главную причину общественнаго прогресса. Коротко и ясно. Но если мы при-

*) *Вст. Д. с.*, стр.

жемъ все вышесказанное относительно связи различныхъ сторонъ человѣческой природы, то мы должны придти къ заключенію, что всякое общественное явленіе, а тѣмъ болѣе такое сложное, какъ распределеніе, зависитъ отъ совокупности весьма разнообразныхъ условій. Оно опредѣляется и умственными, и эмоциональными, и нравственными состояніемъ чловѣка, зависитъ и отъ производства. Тѣсная связь его съ послѣднимъ явствуетъ уже изъ того, что многіе писатели, какъ К. Маркъсъ, Энгельсъ, считаютъ способъ производства единственною причиною, обуславливающею то или другое распределеніе. Хотя это мнѣніе, какъ намъ кажется, немного односторонне, о чемъ будетъ упомянуто ниже, но все-таки оно указываетъ на тѣсное взаимодействіе общественныхъ формъ между собой, взаимодействіе, для добросовѣстнаго изслѣдованія котораго нужно пользоваться болѣе тонкими орудіями анализа, чѣмъ тѣ, которыя употребляетъ г. Юзовъ. Если мысль разрубить Гордіевъ узелъ и свидѣтельствуетъ о нѣкоторой дозѣ остроумія у Александра Македонскаго, то вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ-же у его послѣдователей, а въ наукѣ подобный приѣмъ, конечно, не можетъ имѣть мѣста. Между тѣмъ, авторъ именно пользуется имъ: онъ разрубаемъ безъ дальнѣйшихъ околичностей природу чловѣка на двѣ будто-бы несвязанныя части, и разрубаемъ не только въ отношеніи отдѣльной личности, но и въ результатахъ производимыхъ каждою изъ способностей въ общественной средѣ.

Такъ какъ авторъ не вполне ясно высказываетъ свой взглядъ на прогрессъ, то намъ остается догадываться, что онъ хотѣлъ сказать фразой: «чувство есть главный факторъ общественнаго прогресса». Впрочемъ, онъ понимаетъ подъ словомъ прогрессъ, въ данномъ случаѣ, не всестороннее развитіе чловѣка, а улучшение общественныхъ формъ, воплощеніе въ нихъ справедливости и равенства.

Развивайте альтруистическія чувства (и этимъ будутъ улучшаться и общественныя формы, которыя зависятъ главнымъ образомъ отъ чувствъ. Отмѣтимъ мимоходомъ недоразумѣніе, которое долженъ испытать читатель, если онъ захочетъ сопоставить этотъ взглядъ съ мыслью, проводимой въ предыдущей главѣ, что общественныя формы почти всегда не оправдываютъ пословицы «по Сенькѣ — шапка», что шапка обыкновенно бываетъ узка для Сеньки и что она не соответствуетъ чувствамъ и желаніямъ членовъ общества.

Намъ-бы очень интересно было знать, какъ смотритъ г. Юзовъ на исторію развитія. Считаетъ-ли онъ чувство прогрессивнымъ факторомъ и въ исторіи, или онъ главнымъ образомъ желаетъ

сказать, что *теперь* развитіе чувствъ необходимо для воплощенія идеала? Вѣроятно, первое предположеніе вѣрно; ибо въ послѣднихъ главахъ своего сочиненія авторъ говоритъ, что современная намъ задача — это воплотить въ общественныя формы тѣ нравственные идеалы, которые уже существуютъ въ народѣ. Но тогда возникаетъ вопросъ, насколько въ исторіи общественныя отношенія и формы измѣнялись подъ вліяніемъ развитія альтруистическихъ чувствъ? Вѣдь самъ же авторъ заключаетъ о развитіи этихъ чувствъ по проявленіямъ ихъ въ общественныхъ формахъ, когда приводитъ примѣры лалландцевъ, пуэблосовъ и др. племенъ, стоящихъ будто-бы «выше насъ по своему нравственному развитію».

Слѣдуя подобному методу, авторъ долженъ согласиться, что и общинный бытъ, господствовавшій въ той или другой формѣ у всѣхъ почти народовъ Европы, свидѣтельствовалъ о большемъ развитіи альтруистическихъ чувствъ въ прежнія времена чѣмъ потомъ; когда онъ перешелъ въ систему личной собственности.

Затѣмъ мы видимъ въ исторіи Европы развитіе феодальнаго строя и, наконецъ, торжество буржуазіи, мы видимъ укрѣпленіе такихъ формъ, которыя характеризуются Д. С. Миллемъ слѣдующимъ образомъ: «Глубоко вкоренившееся чувство себялюбія, составляющее главную, общую черту, такъ глубоко зашло въ насъ только потому, что всѣ существующія учрежденія способствуютъ его развитію, и въ этомъ отношеніи современныя учрежденія превосходятъ древнія» *). Эта характеристика ясно показываетъ, что общественныя формы въ своемъ развитіи отнюдь не указываютъ на развитіе альтруистическихъ чувствъ.

Какъ-же такъ? Вѣдь альтруистическія чувства постоянно развиваются, по увѣренію Юзова, потому что эгоистическія не способны, по его мнѣнію, къ развитію; первыя опредѣляютъ улучшеніе социальныхъ формъ; слѣдовательно и эти формы должны-бы улучшаться; но, изслѣдуя ихъ, мы натываемся на мысль, что улучшеніе открыть вовсе не такъ легко, что они, несомнѣнно, часто ухудшались. Неужто-же дѣйствительно въ исторіи альтруистическія чувства не развивались? Нѣтъ, они развивались, но не они одни опредѣляли собою формы общежитія, ихъ развитіе вовсе не влекло улучшенія послѣднихъ, — не отъ нихъ ждать и намъ воплощенія идеала. Однимъ словомъ, они не главный прогрессивный элементъ въ обществѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дарвинъ своими безсмертными твореніями далъ такія обильныя подтвержденія въ пользу теоріи развитія, эта теорія распространилась съ удивительной быстротой и отра-

*) Милль. «Автобіографія», стр. 246.

зились въ умахъ большинства мыслящихъ людей, но отразилась различно. Одни умы были скованы этимъ ученіемъ и дошли почти до фатализма, до преблоненія передъ фактомъ, другіе отнеслись къ нему съ должною критикою и успѣли помирить выводы теоріи съ требованіями улучшеній и съ независимымъ отрицаніемъ нѣкоторыхъ сторонъ существующихъ формъ общежитія, но громадное большинство теперь, смѣемъ думать, не даетъ себѣ полнаго отчета въ выводахъ теоріи, и воспользовавшись критикою ея для подкрѣпленія нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, не проводитъ эту критику до конца въ деталяхъ своего міросозерцанія.

Къ этой послѣдней категоріи мы причисляемъ и г. Юзова. Онъ отлично воспользовался критикою для доказательства участія личности въ исторіи, для опроверженія взглядовъ на «законосообразность» въ исторіи и общественной жизни, какъ на нѣчто существующее выше и внѣ человѣческой личности; но въ своихъ взглядахъ на развитіе чувствъ онъ становится совсѣмъ на другую точку зрѣнія. Онъ полемизируетъ, напр., съ Боклемъ, отвергающимъ нравственное развитіе въ исторіи *цивилизации Европы*, равно какъ и развитіе основныхъ способностей человѣка, и думаетъ, что опровергаетъ его мысль аргументомъ, что нѣкоторые дикари проявляютъ совершенно ничтожное развитіе альтруизма, что факты доказываютъ «наслѣдственность» талантовъ и способностей, равно какъ и постепенное развитіе альтруистическихъ чувствъ. Намъ кажется, что эти доказательства отнюдь не опровергаютъ мысли Бокля. Помимо того, что Бокль, въ противоположность г. Юзову, чрезвычайно точно опредѣляетъ, что онъ понимаетъ подъ нравственнымъ развитіемъ, когда говоритъ: «желать исполнить свой долгъ — сторона нравственная, знать какъ его исполнить — сторона умственная», и слѣдовательно вовсе не отождествляетъ нравственность съ альтруизмомъ, — помимо этого, *развитіе* альтруистическихъ чувствъ въ исторіи развитія человѣчества можетъ не подлежать сомнѣнію, но развитіе ихъ въ сравнительно ничтожный періодъ исторіи цивилизаціи Европы можетъ даже быть отрицаемо.

Привычка мыслить въ извѣстномъ направленіи чрезвычайно укореняется, и только ею можно объяснить убѣжденіе одного мыслителя, усвоившаго себѣ гипотезу происхожденія человѣка отъ обезьяны, что можно довести умъ обезьяны до развитія человѣческаго. Конечно, не такое, но подобное утвержденіе встрѣчается и у г. Юзова, когда онъ опровергаетъ мысль Бокля о неизмѣнности способностей человѣка въ теченіи европейской исторіи тѣмъ, что способности эти, какъ показываютъ факты, которые не были будто извѣстны Боклю, суть результатъ развитія. Дѣло-то въ томъ,

что это развитіе совершается тысячелѣтіями и, конечно, не идетъ въ одноѣмъ направленіи. Теорія эволюціи, которую едва-ли можно опровергнуть, дѣйствительно доказываетъ намъ, что человѣкъ не явился въ міръ съ готовыми нравственными и умственными способностями, что всѣ эти способности развились въ слѣдствіи весьма разнообразныхъ условій, между которыми борьба за существованіе, половой подборъ и т. п. естественные, стихійные дѣятели играли первенствующую роль. Эти безсознательные дѣятели, которымъ всецѣло подчиняется человѣкъ, образовали изъ него тотъ типъ, который мы встрѣчаемъ въ первобытныхъ обществахъ. Но можно-ли думать, что эти естественные дѣятели были именно направлены на образованіе высшаго типа? Я думаю, что нѣтъ. Не приписывая природѣ особыхъ, ей присущихъ цѣлей, мы должны признать, что слѣпыя, естественныя силы хотя и содѣйствовали образованію типа, но столько же и препятствовали образованію другого, можетъ быть высшаго. Какъ въ мірѣ животномъ борьба за существованіе не есть вовсе цѣлесообразно-направленная сила, какъ тамъ она даетъ часто торжество менѣе совершенному типу, такъ и въ человѣческихъ обществахъ мы видимъ исчезновеніе племенъ такъ называемыхъ мирныхъ и торжество хищныхъ, болѣе приспособленныхъ не для борьбы съ природой, а для борьбы съ человѣкомъ. Поэтому, мы должны смотрѣть на развитіе не какъ на прямолинейное движеніе къ извѣстной цѣли, а какъ на безчисленный рядъ измѣненій, не имѣющихъ никакой цѣли, а только причины. Какъ сила свѣта, часто называемая нами благотворительною, въ сущности безразлична, производитъ и благоприятныя для насъ явленія, и явленія вредныя, разлагая напр. органическія вещества, наполняя воздухъ миазмами, отъ которыхъ умираетъ столько людей; какъ теплота и согреваетъ насъ, но она-же производитъ вулканическія изверженія, уничтожающія жизнь, такъ и борьба за существованіе есть такая-же слѣпая, безсознательная сила природы. Природѣ нѣтъ дѣла до человѣка, въ ней нѣтъ добра и зла, она съ одинаковою готовностью, тою-же самою силою и благотворствуетъ и вредитъ человѣку, и это нужно всегда помнить при оцѣнкѣ теоріи развитія. Все, что произошло, есть результатъ причинъ. То-же самое относится и къ закону развитія человѣка и человѣческихъ обществъ.

III.

Первоначально, какъ мы уже упомянули выше, всѣ дѣйствія человѣка происходятъ подъ вліяніемъ естественныхъ импульсовъ, и только путемъ опыта онъ научается, на основаніи этихъ импуль-

совъ, ставить себѣ цѣли и направлять свою дѣятельность къ ихъ достиженію. Но, при постановкѣ цѣлей, человѣкъ не руководствуется только своимъ личнымъ опытомъ. Общество имѣетъ громадное вліяніе на отдѣльную личность, и мы видимъ, что нравственныя понятія, напр., которыми въ значительной степени опредѣляются человѣческіе поступки, не создаются отдѣльной личностью, а воспринимаются ею бессознательно. Заповѣди «не убей», «не укради», которыя съ таюю неуклонностью исполняются многими дикими въ предѣлахъ своего племени, конечно суть результаты опыта полезности. Но если-бы этотъ опытъ воспроизводился сознательно и каждый на основаніи его составлялъ-бы себѣ подобную заповѣдь, то скоро-бы она распространилась и на чужія племена, ибо очевидно какой вредъ приносить дикарямъ ихъ постоянная вражда (см., между прочимъ, свидѣтельство Миелухи-Маклая). Въ дѣйствительности мы видимъ не то. Въ предѣлахъ племени эти заповѣди соблюдаются очень строго. «Сильный дикарь, говоритъ Тайлоръ, не врывается въ хижину слабого сосѣда и не завладѣваетъ ею». Папуасы въ Дори «не запираютъ домовъ, такъ какъ воровство у нихъ считается тяжкимъ преступленіемъ и строго карается». Между тѣмъ, убить чужого считается не только безгрѣшнымъ, но во многихъ племенахъ безъ этого нельзя жениться и татуироваться (Борнео, Ассама). «Нужно было убить кого-нибудь—женщину, ребенка, старуху — лишь-бы имѣть трофей (скальпъ, голову, черепъ) его можно было достать при помощи самаго низкаго предательства, лишь-бы жертва не принадлежала къ собственному племени убійцы». Ясно, что нравственныя понятія были результатомъ не сознательной ассоціаціи мысли и чувства, а ассоціаціи, обрядами запечатлѣваемой въ умахъ отдѣльных членовъ. Этимъ-же путемъ разъ создавшіяся общественныя формы приспособляются къ себѣ отдѣльную личность, и отсюда-же вытекаетъ, кажется намъ, та удивительная цѣлность и соответствие общественныхъ формъ съ вѣрованіями, которыя мы встрѣчаемъ въ первобытныхъ обществахъ и которыя прекрасно охарактеризованы, напр., въ сочиненіи Фюстель Куланжа «Древнее общество».

Развѣ можно сказать, что человѣкъ былъ создателемъ этихъ формъ? Конечно, нѣтъ. Спенсеръ совершенно правъ, говоря, что общественныя формы есть результатъ потребностей, ощущеній, желаній, вѣрованій и т. п. предковъ и современниковъ. Онъ только не высказалъ: и бессознательный результатъ всего этого.

Намъ кажется, здѣсь кстати будетъ привести взгляды трехъ выдающихся мыслителей на вопросъ о томъ, отъ чего зависятъ формы обществѣ.

Ог. Контъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Cours de philo-

sophie positive» говорить: «я никогда не считалъ бы нужнымъ доказывать читателямъ этого сочиненія, что идеи управляютъ міромъ и производятъ въ немъ перевороты или, другими словами, что весь социальный механизмъ покоится на мнѣніяхъ. Читатели эти знаютъ въ особенности, что великій политическій и нравственный кризисъ современныхъ обществъ исходитъ въ окончательномъ результатѣ изъ умственной анархіи» *). И въ другомъ мѣстѣ: «интеллектуальная анархія есть дѣйствительный, главный источникъ нравственной анархіи, а затѣмъ и анархіи политической» **).

Спенсеръ возражаетъ Контю: «Идеи, говоритъ онъ, не управляютъ міромъ и не ниспровергаютъ его: міръ управляется и ниспровергается чувствами, которымъ идеи служатъ только руководителями. Социальный механизмъ покоится, въ окончательномъ результатѣ, не на мнѣніяхъ, а исключительно на характерахъ. Не умственная анархія, а нравственный антагонизмъ составляетъ причину кризисовъ. Всѣ явленія порождаются общимъ строемъ чловѣческихъ ощущеній и вѣрованій, изъ которыхъ первыя опредѣлены всегда напередъ, а вторыя — почти всегда впоследствии... Социальное состояніе всякой данной эпохи есть равнодѣйствующая всѣхъ честолюбій, своекорыстій, опасеній, поклоненій, негодованій, симпатій и пр. гражданъ-предковъ и гражданъ-современниковъ» ***).

Д. С. Милль примиряетъ мнѣнія этихъ двухъ мыслителей, хотя и не указываетъ источникъ кажущагося разногласія: «Большая часть изъ этихъ положеній, говоритъ онъ, приведя мнѣніе Спенсера, — была бы признана вѣрною и самимъ Контомъ — и принадлежить столько же его ученію какъ и теоріи Спенсера. — Воздѣйствіе всѣхъ прочихъ умственныхъ и социальныхъ элементовъ на элементъ интеллектуальный вполне допускается Контомъ: онъ доказываетъ, что главныя интеллектуальныя перемѣны не могли бы имѣть мѣста, если бы имъ не предшествовали измѣненія въ другихъ элементахъ общества, а послѣднія, въ свою очередь, сами были слѣдствіями предыдущихъ интеллектуальныхъ перемѣнъ. При добросовѣстномъ изслѣдованіи всего, написаннаго Ог. Контомъ, нельзя найти, чтобы онъ хоть отчасти упустилъ изъ виду истину, которая заключается въ теоріи Спенсера. Правда, онъ не сказалъ бы (какъ очевидно желаетъ сказать Спенсеръ), что факты, какіе можно прослѣдить, напр., въ религіи, произведены были не вѣрованіемъ въ Бога, а чувствомъ страха и благоговѣнія къ нему.

*) A. Comte. Cours de philosophie positive. T. I, p. 48.

***) Ibid. T. IV, p. 4.

***) Спенсеръ. «О причинахъ разногласія съ философіей Конта», стр. 48.

Онъ сказалъ бы, что благоговѣніе и страхъ предполагаютъ вѣрованіе, что должно вѣровать въ Бога, прежде чѣмъ можно бояться и почитать его. Вліяніе вѣрованія на общество и цивилизацію во всемъ зависитъ отъ силы человѣческихъ чувствъ, готовыхъ примкнуть къ вѣрованію; но чувства становятся вполне соціальной силой только тогда, когда имъ дано опредѣленное направленіе тѣмъ или другимъ интеллектуальнымъ убѣжденіемъ. Чувства самобытно не порождаютъ вѣрованія въ Бога, такъ какъ сами по себѣ они одинаково способны сосредоточиться на всякомъ другомъ предметѣ» *)

И такъ, всѣ приведенные мыслители согласны въ томъ, что формы общежитія зависятъ отъ эмоциональнаго и интеллектуальнаго атементовъ, что желанія, ощущенія есть главный двигатель чловѣка, интеллектуальная-же способность является только руководителемъ. Они не согласны только въ роли, которую они приписываютъ этому руководителю. Разногласіе-же Конта и Спенсера проистекаетъ, кажется, изъ различія ихъ точекъ зрѣнія и объекта ихъ изслѣдованій. Спенсеръ разсматриваетъ развитіе общества безъ связи его съ понятіемъ улучшенія, дѣлаетъ обобщеніе изъ всѣхъ наблюденныхъ имъ общественныхъ союзовъ; Контъ имѣетъ въ виду развитіе европейскихъ обществъ, и, высказывая мысль, что умственная анархія есть причина анархіи нравственной, преимущественно относитъ это къ переживавму Европою общественному кризису. Поэтому мысль Спенсера, что не идеи управляютъ міромъ, вовсе не возраженіе Конту; оно можетъ служить возраженіемъ только раціоналистическимъ теоріямъ, которыя создавали ложную идеализацію общественныхъ формъ, какъ напр теорію общественнаго договора и т. п. Этимъ послѣднимъ дѣйствительно можно возразить, что вовсе не вымышленныя ими идеи создали общественныя формы; что до сихъ поръ никогда почти эти формы не создавались разумно, а были результатомъ многихъ условий и результатомъ бессознательнымъ. Не идея справедливости создала первоначальную общину, напр., и форму общиннаго землевладѣнія, въ которой потребности чловѣка удовлетворялись, конечно, болѣе справедливо, но они создались благодаря условіямъ труда, способа добыванія пищи, благодаря традиціямъ родового быта и т. п. и т. д.

«При наступешскомъ порядкѣ, говоритъ Лавеле, не приходитъ ни кому съ голову, чтобы какой-нибудь отдѣльный чловѣкъ могъ требовать себѣ часть почвы, какъ исключительно ему принадлежащую; условія наступешской жизни тому противятся...»

*) Милье. «Ог. Контъ и позитивная философія», стр. 72.

«Мало-по-малу только часть земли на короткое время обрабатывается подь обработку... но территория, занимаемая владѣнъ, остается его нераздѣльною собственностью» *), по традиціи, прибавимъ мы отъ себя, а вовсе не потому, что участники обладали болѣе развитыми альтруистическими чувствами и *создали* форму, болѣе удовлетворяющую имъ. «Тамъ (на азіатскомъ склонѣ Урала) режимъ общей собственности составляетъ прямое слѣдствіе пастушеской жизни и семейной организаціи» **). Вотъ почему формы, болѣе способствующія равнѣму удовлетворенію человѣческихъ потребностей, такъ скоро исчезли: онѣ были безсознательны, стихійны, и теперь, если мы ставимъ нѣкоторыя черты, сходныя съ ними, въ нашъ идеалъ общественнаго строя, то уже ставимъ сознательно, и въ этомъ заключается весь прогрессъ исторіи. Лучше всего выяснится приводимая нами мысль, если мы обратимъ вниманіе на развитіе такъ-называемыхъ историческихъ обществъ» ***).

При самомъ ихъ зарожденіи, мы видимъ уже неравенство.

Откуда оно произошло? Отъ эгоистическихъ чувствъ, скажетъ г. Юзовъ. Вслѣдствіе безсознательности, отвѣтимъ мы.

Если-бы всѣ обладали эгоистическими чувствами, то едва-ли люди пребывали-бы въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь. Выдѣленіе вожаковъ и героевъ было, кажется, результатомъ того, что они приносили нѣкоторую пользу, но польза эта скоро утратила свое значеніе, а безсознательно усвоенная ассоціація представленій оставалась. Спросите дикаря почему онъ безропотно повинуется своему предводителю, переноса часто насиліе, — и онъ не отвѣтитъ вамъ, ибо онъ не самъ пришелъ къ этому убѣжденію, онъ воспринялъ его безсознательно.

Какъ долго остается безсознательная ассоціація, видно изъ примѣра, приводимаго Спенсеромъ относительно причины вѣрованія въ благодѣтельное вліяніе звѣздъ на судьбу челоуѣка, вѣрованія, возникшаго въ Египтѣ, вслѣдствіе связи появленія Сириуса съ выступленіемъ Нила изъ береговъ.

Намъ скажутъ, неравенство возникло изъ завоеванія. Но это далеко не повсемѣстный фактъ. Однако, допустимъ его. Феодалный строй Западной Европы возникъ изъ завоеванія. Грубая сила создала право. Но почему-же феодалный строй такъ долго дер-

*) *Лавеле*. «Первобытная собственность», стр. 7.

**) *Ibid.*, стр. 8.

***) Мы отнюдь не считаемъ возможнымъ въ одной статьѣ доказать нашу мысль и вывести ее изъ фактовъ, а потому и не задаемся этимъ. Поэтому просимъ смотрѣть на приводимые примѣры лишь какъ на факты, уясняющіе, но не прямо доказывающіе нашу мысль.

жался, почему онъ былъ такъ проченъ? Вначалѣ за нимъ была матеріальная сила: толпы германцевъ побѣдили кельтовъ, славянъ... Но затѣмъ мы видимъ уменьшеніе числа феодаловъ, они уже далеко не составляютъ силу въ сравненіи съ числомъ поработанныхъ, крѣпостныхъ, и всетаки строй держится. Литтре увѣряетъ, что феодалы были полезны, что они исполняли вначалѣ общественную службу, защищая вассаловъ въ тѣ грубые вѣка варварства отъ грабежа другихъ феодаловъ, и народъ самъ поддерживаетъ этотъ строй, отдавая себя подъ покровительство сильнаго. Допустимъ даже это, допустимъ пользу феодальнаго строя; всетаки очевидно, что народъ, отдавая себя подъ власть сильнаго, избиралъ изъ двухъ золъ меньшее, что онъ былъ работою существующаго, что онъ не самъ творитъ общественныя формы. Онъ признаетъ ихъ, признаетъ даже тогда, когда и личной пользы нѣтъ прибѣгать къ покровительству, чему свидѣтельствомъ намъ служатъ примѣры вѣрности вассаловъ сюзерену, примѣры гордости поселянъ достоинствами своего господина, примѣры, которые умиляютъ Ренана.

Возьмемъ возникновеніе слѣдующаго строя на Западѣ. Онъ опирался на буржуазію, говоритъ намъ исторія, на ненависть ея къ феодаламъ. Но развѣ буржуазія сознательно помогала возникновенію новаго строя? Если-бы помогала сознательно, она-бы почувствовала свою силу, а этого мы не видимъ вначалѣ. Когда она увидѣла свою силу въ XVIII вѣкѣ, ей пришлось бороться съ тою самою властью, которую она-же выдвинула. Всѣмъ извѣстно громадное вліяніе крестовыхъ походовъ на усиленіе западно-европейскаго абсолютизма. Но неужели можно думать, что крестоносцы имѣли въ виду эту цѣль?

Это подчиненіе, приспособленіе личности формъ общежитія, бессознательно сложившейся, есть, по нашему убѣжденію, существенная помѣха всякому прогрессу.

Касты, бессознательно сложившіяся въ Индіи и поведшія къ такому обособленію людей, къ такой потерѣ чувства общности человѣческой природы, что явилась возможность возникновенія закона опредѣляющаго каждому судра (рабочій классъ, составляющій $\frac{3}{4}$ населенія), осмѣлившемуся сѣсть на мѣсто, на которомъ сидѣлъ членъ высшей касты, изгнаніе или позорное наказаніе, а послушавшему, изъ любопытства, какъ читаютъ священныя книги—вливаніе въ уши растопленнаго масла,—эти касты неужели могли-бы сознательно сложиться?

Нѣтъ, вы видите здѣсь длинную исторію, въ теченіи которой разъединялось общество все болѣе и болѣе, приспособляя къ своему устройству отдѣльнаго члена, черезъ воспитаніе въ немъ подходящихъ нравственныхъ понятій и умственныхъ фикцій. И

судра, можетъ быть, чувствовалъ угрызения совѣсти, слышавъ священныя книги, подобно вдовѣ индуса, не сожженной на могилѣ мужа, подобно современному человѣку, совершившему тяжкое преступленіе.

«Малое развитіе альтруистическихъ чувствъ, сказалъ-бы г. Юзовъ, —развейте эти чувства, и подобныя явленія сдѣлаются невозможными. Нѣтъ, я думаю, этого мало. Альтруистическія чувства не гарантировали возможность возникновенія самыхъ извращенныхъ нравственныхъ понятій и дѣйствій, если человѣкъ былъ склоненъ къ бессознательному воспріятію результатовъ чужого опыта. И дикари, которыхъ рекомендуетъ намъ г. Юзовъ, какъ опередившихъ насъ въ нравственномъ отношеніи, не могли опередить насъ въ этомъ, ибо также не гарантированы отъ извращеній, ибо ихъ нравственное развитіе лежитъ на той-же бездонной пропасти бессознательнаго, изъ которой вышелъ и обычай сжигать вдовъ въ Индіи, и масса другихъ. И это-то нравственное развитіе намъ рекомендуютъ! Что это дѣлаетъ не только г. Юзовъ, но и Спенсеръ, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Будущность націи зависитъ отъ характера составляющихъ ее единицъ; природа этихъ единицъ неизбѣжно видоизмѣняется въ смыслѣ *приспособленія* къ условіямъ окружающей среды; чувства, вызванныя къ дѣятельности этими условіями, будутъ крѣпнуть, между тѣмъ какъ чувства, на которыя требованія уменьшились будутъ исчезать» *). «Измѣненіе нравственной природы человѣка, производимое непрерывнымъ вліяніемъ социальной дисциплины, все болѣе и болѣе приспособляющей эту природу къ социальнымъ отношеніямъ, — есть главная, ближайшая причина общественнаго прогресса» **).

Пока люди будутъ приспособляться, пройдетъ слишкомъ много времени, и общественный строй будетъ еще болѣе дифференцироваться. На этотъ совѣтъ, по истинѣ, можно отвѣтить пословицей, «пока солнце взойдетъ: роса глаза выѣстъ». Я знаю, г. Юзовъ отказался бы самъ, судя по содержанію остальныхъ главъ этого сочиненія, отъ проповѣди приспособленія, но она прямо вытекаетъ изъ его разсужденія, и одна изъ выписокъ Спенсера, только что приведенныхъ, встрѣчается у него-же; онъ ею подтверждаетъ свою мысль.

Если принять эту теорію приспособленія, нужно ратовать противъ умственнаго развитія, ибо «главнѣйшее достоинство анализа заключается именно въ способности ослабить и пошатнуть все, что является результатомъ предрасудковъ, а также въ доставленіи намъ возможности умственно отдѣлять идеи, только случайно сое-

*) Спенсеръ. Изученіе социологии, т. II, стр. 562.

***) Спенсеръ. Классификація наукъ, стр. 48.

диненныя» *). А «приспособленіе» тѣсно связано съ предразсудками.

Большую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто смотритъ на умственное развитіе какъ на постепенное шествіе впередъ. Нѣтъ, умственное развитіе есть эмансипація человѣка отъ стихійныхъ связей! «Если спросить у человѣка, говоритъ Лесевичъ, — считающаго себя образованнымъ, т. е. «мысленіе котораго не чуждо критики», то мы безъ сомнѣнія найдемъ моментъ кризиса, который иногда даже неполнѣ сознанъ, но который всегда можетъ быть восстановленъ и показываетъ, что нѣтъ цѣлостнаго хода умственной жизни, что ходъ этотъ не похожъ на развитіе зауряднаго растенія, дающаго плодъ, тождественный съ тѣмъ, изъ котораго само оно выросло, но уподобляется развитію того растенія, которое претерпѣло прививку» **).

Правда, умъ сознательно мыслящій обращается на разные объекты. Онъ сначала набрасывается на темныя области первичныхъ причинъ всего сущаго, строитъ космогоніи, но затѣмъ смѣло вступаетъ въ область теологіи, разсѣваетъ туманъ предразсудковъ, миссовъ, а съ ними шатаетъ и тѣ явленія, которыя ими обусловлены. Далѣе онъ вторгается въ область нравственности, разрушаетъ безсознательно - сформированныя нравственныя понятія и вноситъ сознательную критику въ эту сферу. И вездѣ онъ идетъ тѣмъ-же путемъ критики, отрицанія. Позднѣе всего обращается умъ на общественную жизнь, силится уяснить ее, подчинить себѣ, согласовать съ правильно-установленными нравственными понятіями. Это дѣло нашего времени. Въѣкъ развитія рационализма былъ началомъ стремленія подчинить сознанію общественныя отношенія. Даже люди, приписывающіе природѣ особыя цѣли и придающіе большое значеніе элементу безсознательности, не скрываютъ отъ себя этого. «Въ послѣднее столѣтіе, говоритъ Гартманъ, мы приближаемся къ тому идеальному состоянію, когда человѣчество дѣлаетъ свою исторію съ сознаніемъ, но все еще только издалека и въ выдающихся изъ ряда людей; но никто не станетъ утверждать, что несравненно большая часть исторіи пройдена этимъ путемъ» ***).

Какъ мало еще сознаніе управляетъ обществомъ, видно изъ развитія капитализма, которому много содѣйствовали великія завоеванія свободы, отмѣна крѣпостного труда, введеніе юридическаго равенства и т. п. Люди думали разлить счастье по всей землѣ установленіемъ равноправности, свободы, а въ результатѣ содѣйствовали закрѣпленію труда капиталу.

*) Милль. «Автобіографія», стр. 144.

***) Лесевичъ. «Письма о научной философіи».

***) Гартманъ. Философія безсознательнаго, т. 1, стр. 261.

И это возникло не сознательнымъ стремленіемъ, а чисто стихійно. Буржуа ужаснулся-бы, если-бы вполне созналъ тенденцію капитализма, вліяніе его на распространеніе нищеты. И самъ авторъ «Капитала», несмотря на всю свою ѣдкую злобу къ буржуазіи, не рѣшается ее упрекнуть въ этомъ. Вся теорія его о естественномъ развитіи экономического строя, о распредѣленіи, какъ необходимомъ результатѣ производства, можетъ быть признана въ этомъ отношеніи одностороннею (потому что считаетъ законы развитія экономического строя непреложными) и все-таки краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о глубокой бессознательности всего процесса. «Капиталисты и землевладѣльцы, говоритъ авторъ въ предисловіи, описаны мною далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Но здѣсь рѣчь идетъ о личностяхъ лишь настолько, насколько онѣ представляютъ собой олицетвореніе экономическихъ категорій, насколько онѣ выражаютъ собой опредѣленные основныя отношенія и интересы. Та точка зрѣнія, на которой я стою, считающая развитіе экономическихъ общественныхъ формаций естественно-историческимъ процессомъ, менѣ чѣмъ какая-либо другая можетъ дѣлать кого-либо отвѣтственнымъ за отношенія, общественную креатуру которыхъ данное лицо собою представляетъ». Я осмѣливаюсь не согласиться съ авторомъ, осмѣливаюсь утверждать, что именно его теорія дѣлаетъ всѣхъ людей, независимо отъ «экономическихъ категорій», въ которымъ они принадлежатъ, отвѣтственными за результаты своихъ дѣйствій, и это подтверждается исторіей. Самъ авторъ вышелъ изъ среды буржуазіи и сумѣлъ эманципироваться отъ «экономической категоріи». Все-же этотъ примѣръ показываетъ какъ трудно подчинить общественную жизнь сознанію. Человѣкъ, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, рвется на просторъ, стремится разорвать путы, связывающія его съ «естественнымъ ходомъ исторіи», и въ то время, какъ преодолеваетъ одно прпятствіе, которое ему казалось главнымъ, въ отчаяніи видитъ себя опутаннымъ тысячею подобныхъ-же препятствій.

Работа сознанія началась и остановиться уже не можетъ. Уже слышатся голоса, встревоженные человѣческою дерзостью. «Развѣ вы не видите, какъ ослабѣваетъ религія, восклицаетъ Токвилъ,—и какъ понятія о правѣ уничтожаются? Не замѣчаете-ли вы, что нравы развращаются, а съ ними исчезаютъ и нравственныя понятія о правѣ?»*).

«Чувствуется, что старый міръ отходитъ, пишетъ тотъ-же авторъ послѣ 1848 года другу своему Бомону,—но какой-же будетъ новый? Самые зоркіе умы нашего времени не могутъ отвѣ-

*) *Токвил.* Демократія въ Америкѣ, стр. 118.

чать на это утвердительно, такъ точно, какъ люди древнѣе не могли предвидѣть уничтоженія рабства, христіанской реформы, вторженія варваровъ и всѣхъ великихъ реформъ, обновившихъ лицо земли. Они чувствовали, что общество ихъ разлагается, вотъ и все, что они чувствовали».

Такой голосъ не долженъ смущать насъ. Старое общество перестраивается подъ напоромъ критической мысли. Намъ скажутъ: нѣтъ, подъ напоромъ неудовлетворенности потребностей... Онѣ, дѣйствительно, играютъ главную роль, онѣ составляютъ основу движенія; но вѣдь онѣ существовали всегда; бѣдность, эксплуатація—почти всеобщіе факты; существуютъ-же они еще и до сихъ поръ, потому что отношенія людей не подвергаются критикѣ.

Разъ идея облачается въ форму, создаетъ сложный культъ, который начинается восприниматься безсознательно людьми, идея уже теряетъ жизненность. И это будетъ случаться со всѣми человѣческими стремленіями къ лучшему, если они не будутъ сопровождаться критикою. Не альтруистическихъ чувствъ не достааетъ намъ, а сознанія; развивайте эти чувства—дѣло хорошее; но ждать отъ этого возрожденія человѣчества нельзя. Какимъ образомъ и развивать ихъ, когда формы общежитія развиваютъ противоположныя чувства? Г. Юзовъ полагаетъ, что это ничего не значить, что эгоистическія чувства не способны къ развитію, слѣдовательно будетъ все-таки развиваться альтруизмъ. Мы не думаемъ этого. И исторія намъ вовсе не представляетъ постепеннаго развитія сочувствія. Неужели, сравнивая силу альтруизма въ эпоху христіанства, въ эпоху гусситскаго движенія, можно сказать, что эти попытки не привели къ желательному результату потому, что альтруизмъ былъ менѣе развитъ, чѣмъ въ наше время? Совершенно вѣрно, что чувства играютъ важную роль въ обществѣ, и если-бы всѣ люди были исполнены любви къ ближнему, наступило-бы идеальное состояніе...

Теперь-же пусть люди сознаютъ только, что по сіе время «счастье одного человѣка основано на несчастіи другого», что каждый повиненъ въ этомъ, и альтруистическихъ чувствъ достанетъ на то, чтобы сознавшій потерялъ спокойствіе совѣсти и постарался уничтожить эти явленія. На проповѣдь-же альтруизма отвѣтимъ словами Гартмана, что «когда видишь всякаго рода потери, мученія, огорченія, оскорбленія, которыя происходятъ болѣе отъ неумѣнія въ выборѣ средствъ, чѣмъ отъ злой воли, нерѣдко готовъ возопіять: «ужъ пусть-бы люди были хуже, только-бы не были такъ глупы» *).

*) Гартманъ. «Философія безсознательнаго» стр. 277.

И такъ, по нашему мнѣнію, не чувство, а развитіе сознанія, критики всего бессознательно-воспринятаго — есть главный прогрессивный факторъ въ обществѣ. Человѣкъ долженъ эмансипироваться отъ природы, отъ стихійныхъ связей...

Намъ могутъ сказать: отрицаніе не даетъ точки опоры для идеала. Это такъ; но гдѣ найти эту точку опоры — это не входитъ въ задачу настоящей статьи.

А. Леонтьевъ.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Какъ всёми и давно извѣстно, исторія русской литературы, насколько она выражается въ личной судьбѣ ея дѣятелей, представляетъ собою какой то унылый и однообразный перечень неудавшихся жизней и разбитыхъ, недоразвившихся и невыразившихся силъ. Въ полномъ согласіи съ этимъ внѣшнимъ, біографическимъ характеромъ нашей литературы находится и ея внутреннее содержаніе, тѣ мотивы, которые она преимущественно затрогивала и разрабатывала. Ни одна, кажется, литература не отличается, въ общемъ, такимъ грустнымъ и мрачнымъ колоритомъ, какъ наша. Историкъ нашей литературы послѣдняго пятидесятилѣтія, за исключеніемъ краткаго періода такъ называемыхъ шестидесятихъ годовъ, можетъ съ полнымъ правомъ примѣнить къ ней некрасовскій стихъ: «уныніе — куда ни погляжу». «Уныніе» — этого даже мало сказать. Скорбное чувство нашихъ лириковъ поднималось иногда до такой высоты и выражалось такими потрясающими звуками глубокаго отчаянія, что въ самомъ дѣлѣ по временамъ становилось «за человѣка страшно». Скорбь о томъ, что «въ мірѣ негдѣ звуку разойтись широко, прячешь злую муку на душѣ глубоко», или о томъ, что «не сбылись пророчества пылкой юности», или о томъ, что «только повторенья грядущее сулитъ», что «жизнь — пустая и глупая шутка», что «не разцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней», и т. д. и т. д. — вотъ преобладающіе мотивы нашей поэзіи, и только рѣдко-рѣдко прорвется среди нихъ выраженіе той русской, забубенной удали, которой и чортъ не брать, и море по колѣно, въ родѣ того на-примѣръ, что

«Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ,
Безъ пути, безъ свѣту,
Свою долю сыщеть».

Но эти рѣдкія вспышки бодрого чувства и гордой самоувѣренности быстро потухаютъ, дѣйствительность вступаетъ въ свои права.

Это — въ поэзіи. А въ беллетристикѣ, которая по самому существу своему должна имѣть гораздо болѣе спокойный и объективный характеръ нежели лирика? Читатель знаетъ: все то-же, конечно, все та-же грусть, въ формѣ-ли смѣха сквозь слезы, какъ у Гоголя и Грибоѣдова, или въ видѣ непримѣсныхъ слезъ, какъ у авторовъ «Бѣдныхъ людей», «Записокъ охотника», «Антоня Горемыки», «Запутаннаго дѣла» и проч. Какъ всякій общій фактъ, это явленіе имѣло, разумѣется, свои глубокія причины. Не отъ нечего-же дѣлать, не для красоты-же слога всѣ эти умные, талантливые люди такъ единодушно жаловались и на свою личную судьбу, и на несовершенства жизни. Подъ отчаяніе не поддавался, да и что за охота! Все это — безспорно такъ. Но вѣдь не клиномъ-же сошла наша земля, не на вѣкъ-же наши «крылья связаны» и не навсегда-же намъ «пути заказаны». Самый отчаянный пессимистъ, будь онъ хоть самъ Чаадаевъ, долженъ признать фактъ нашего прогресса за послѣднее двадцатилѣтіе, и пусть не говорятъ намъ, что это — если не кажущійся, не призрачный, то во всякомъ случаѣ только формальный прогрессъ. Мы говоримъ не о прогрессѣ учреждений, не объ улучшеніи порядковъ, а о ростѣ общественнаго сознанія. Этотъ ростъ неоспоримъ, и въ немъ залогъ лучшаго будущаго. Явленія внѣшней и, еще того гораздо болѣе, внутренней политики дали такой толчокъ нашей общественной и даже народной мысли, послѣ котораго уже не осталось возможности погрузиться въ прежнюю умственную спячку. А это — главное. Вѣдь если учрежденія воспитываютъ людей, то и наоборотъ — возмужавшая мысль и разившееся самосознаніе общества, быстро или медленно, но неизбѣжно, найдутъ для себя соотвѣтственныя формы для своего выраженія и проявленія.

Съ этой точки зрѣнія трудно понять и еще труднѣе раздѣлить ту хандру, которая, начиная съ прошлаго лѣта, обуяла значительную (не только по числу органовъ, но и по силѣ вліянія на общество) часть нашей журналистики. «Дни идутъ за днями, — говорилось недавно въ одной изъ столичныхъ газетъ, — но день за-день не походятъ; такъ бывало когда-то (не припомнимъ — когда именно? вѣрно — давно!); теперь-же дни удивительно стали походить другъ на друга: все тѣ-же явленія неутѣшительныя, все та-же апатія, однообразная и утомительная скука; при такомъ положеніи дѣлъ, русской печати, занимающейся веденіемъ дневника общественной жизни, приходится отмѣчать и такія явленія, на которыя въ обыкновенное время никто, конечно, и не обратилъ-бы вниманія. «Мы признаемъ фактъ: явленія современной

дѣйствительности «неутѣшительны» и «однообразны». Но мы отказываемся признать его значительность, не можемъ допустить, чтобы этотъ фактъ могъ послужить причиной такому серьезному явленію, какъ апатія цѣлаго общества. Мы не можемъ этого именно въ силу уваженія къ нашему обществу. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо то общество, которое до того лѣниво мысля, что можетъ размышлять только при условіи непрерывныхъ толчковъ, непрерывной смѣны явленій, общество, притупленные нервы котораго нуждаются въ искусственномъ возбужденіи, общество, которому необходимы «зрѣлища», чтобы не впасть въ апатію! Нѣтъ, по совѣсти говоря, это клевета на насъ, худшая, нежели всѣ тѣ обвинения и оскорбленія, которыми осыпаютъ насъ разные «патріоты своего отечества» и «мерзавцы своей жизни». Было время, когда Добролюбовъ съ полнымъ правомъ могъ доказывать, что русское общество ровно ничѣмъ не обязано своей собственной инициативѣ, но вѣдь съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ прошло и много воды утекло—и не одной воды только. Мы научились (а если не научились вы—тѣмъ хуже для васъ) скептицизму, научились не приходить въ телачій восторгъ при однихъ обстоятельствахъ и не впадать въ апатію при другихъ, противоположнаго свойства. Мы не бездушный и бессмысленный инструментъ, изъ котораго посторонняя рука можетъ извлекать и веселые, ликующіе и унылые, монотонные звуки.

Отъ литературной хандры до общественной апатіи, слава Богу, очень еще далеко. Литература переживаетъ черные дни,—это такъ, но мы убѣждены, что многіе изъ писателей не пожалали-бы вернуть то время, когда слову было болѣе внѣшняго простора, а въ то же время говорить было или не о чемъ, или не для кого. Важны не внѣшнія, а внутреннія условія существованія литературы. Если зеркало общественной жизни, какъ справедливо называютъ литературу, покрыто пылью, паутиной и оттого отражаетъ предметы тускло—это бѣда поправимая и временная. Но если этому зеркалу приходится отражать пустое мѣсто или какой-то безобразный хаосъ фантомовъ и «образовъ безъ лицъ», тогда положеніе дѣла приобретаетъ настоящую серьезность. Въ настоящую минуту, литература дурно служитъ обществу, она не удовлетворяетъ его умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ, стоитъ просто-на-просто ниже его, и съ одной стороны это, конечно, очень грустно, а съ другой—очень утѣшительно. Грустно за литературу, утѣшительно за общество, а въ конечномъ результатѣ рѣшительно не отъ чего приходить въ отчаяніе. Весь вопросъ заключается въ одномъ: имѣются-ли въ обществѣ опредѣленные идеалы или не имѣются? Живетъ-ли оно сознательно или несознательно жизнью? Ясны или неясны для него его нужды и тѣ средства,

которыми оно можетъ удовлетворить имъ? Если на эти вопросы мы имѣемъ право дать положительный отвѣтъ—дѣло прогресса обещано, каковы-бы ни были ближайшія судьбы литературы. Мы, русскіе, вообще, склонны преувеличивать значеніе журналистики въ дѣлѣ общественнаго развитія. Отчасти это происходитъ по традиціи, въ силу того, что когда-то журналистика дѣйствительно вела у насъ за собою общество, отчасти потому, что до сихъ поръ у насъ журналистика является если не единственнымъ, то самымъ удобнымъ и прямымъ путемъ для выраженія общественныхъ стремленій и желаній. Отсюда происходитъ то, что за деревьями мы не видимъ лѣса и въ разнообразныхъ невгодахъ *литературной* мысли усматриваемъ опасность для мысли *общественной*. Къ счастью, это отождествленіе только ошибка и анахронизмъ. Литературная корпорація—не болѣе, какъ незначительная часть общества. Литературныя воззрѣнія и идеи—только отзвукъ идей и воззрѣній, обращающихся въ интеллигенціи. Сама литература, наконецъ, только барометръ, который указываетъ погоду, но не дѣлаетъ ее.

Все это—трюизмы. Но надо-же, наконецъ, надлежащимъ образомъ усвоить ихъ. Время исключительнаго значенія журналистики, когда въ ней сосредоточивался весь свѣтъ и весь умъ страны, давно прошло, и теперь ея роль—роль зависимая и служебная. Она—только средство, а средства не незамѣнимы; она только оружіе, а оружія разнообразны. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно»—человѣческая мысль, разъ начавши свою работу и проникнувши въ массы, не менѣе упорна и жизненна нежели сама природа. Всегда и вездѣ въ критическія эпохи общественной жизни литературѣ доводилось принимать самыя тяжелыя удары, и это неизбежно въ силу самаго ея положенія. Всегда и вездѣ она была если не самымъ передовымъ и не самымъ главнымъ, то всегда самымъ виднымъ пунктомъ и, притомъ, пунктомъ очень слабо защищеннымъ въ внѣшнемъ отношеніи. Не у всякаго хватитъ ума и охоты, чтобы вдуматься въ истинныя, общія причины того или другого движенія, но обвинить такого-то писателя, инкриминировать табую-то книгу, кричать—«c'est la faute de Rousseau», «c'est la faute de Voltaire»—на это, помилуйте, кому-жъ ума не доставало! Съ другой стороны, что такое обыкновенно эти самыя писатели по своему внѣшне-общественному положенію? Это не только люди *sans foi, ni loi*—это само собою разумѣется—это, кромѣ того, люди неизвѣстнаго происхожденія, безъ связей, безъ протекцій, безъ всякаго официальнаго значенія. Одинъ былъ бить палкой, другой голодалъ и нищенствовалъ, третій былъ заподозренъ въ воровствѣ, и т.д.,—есть съ кѣмъ и стоитъ тутъ церемониться! И вотъ на литературу или, говоря уже и опредѣлен-

нѣе, на журналистику, которая является только *послѣдствіемъ* движенія, направляются удары, какъ на его первичную *причину*—иллюзія огромная, заблужденіе глубочайшее, но всегда и повсюду имѣвшее мѣсто.

Все это, повторяемъ, старая—престарая исторія, извѣстная даже г. Аксакову, который въ жару полемики съ кн. Менцерскимъ обмолвился признаніемъ, что народъ (точно такъ-же, какъ и общество) узнаеть о своихъ нуждахъ не изъ книгъ и журналовъ. «Если-бы кто самъ своими собственными ушами послушалъ, что говоритъ народъ вездѣ, въ третьемъ классѣ вагона, на палубѣ пароходовъ, въ кабацѣ, у себя въ избѣ, онъ, конечно, тотчасъ-понялъ-бы, что вся наша пресса никогда даже во снѣ не осмѣлится высказать что либо подобное о надѣлахъ, объ урядникахъ, о полиціи вообще, о своихъ экономическихъ нуждахъ и пр. Если-бы любой редакторъ самаго наилиберальнѣйшаго журнала случайно увидѣлъ во снѣ, что у него напечатаны тѣ рѣчи, какія ежедневно, ежечасно ведутся среди массы населенія, онъ отъ ужаса обратился-бы въ соляной столбъ». Все это совершенно вѣрно. А если это вѣрно, то какой-же смыслъ могутъ имѣть наши тревоги и опасенія по поводу затрудненій, встрѣченныхъ нами писателями, на своемъ пути? Это гораздо болѣе наша корпоративная бѣда, нежели серьезная общественная и тѣмъ болѣе народная опасность. Мы не имѣемъ сказать ничего такого, чего не зная-бы любой мало-мальски толковый изъ нашихъ читателей. Наша роль состояла и состоитъ только въ безпрестанномъ напоминаніи, въ освѣщеніи предмета съ новыхъ точекъ зрѣнія, въ разработкѣ деталей, потому что главное уже сдѣлано. Мы только пионеры въ давно открытой Америкѣ. Намъ есть о чемъ печалиться, но нечего опасаться.

II.

Журналистика наша замѣтно понизила тонъ, — январскія книжки журналовъ очень наглядно это показываютъ. Читателю извѣстно, что, вслѣдствіе установившагося обычая, релакціи журналовъ обыкновенно приберегаютъ для январскихъ книжекъ все, что у нихъ есть наиболѣе замѣчательнаго по части беллетристики и публицистики. Откуда взялся этотъ обычай и какой въ немъ смыслъ — мы этого не знаемъ, но онъ существуетъ: «обычай деспотъ межъ людей». И на этотъ разъ обычай вполне соблюдень: № 1 «Отечественныхъ Записокъ», какъ выражались когда-то, «украшень» Островскимъ, № 1 «Вѣстника Европы» — Тургеневымъ. Намъ хотѣлось-бы поговорить объ этихъ произведеніяхъ не съ точки зрѣнія ихъ художественныхъ красотъ и достоинствъ

(которыхъ и не имѣется, заявляемъ это съ самаго начала), а съ точки зрѣнія нашей злобы дня. Дѣло въ томъ, что новыя произведенія нашихъ знаменитыхъ писателей дѣйствительно способны навести «уныніе» на читателя, но уныніе ничего всетаки общаго съ апатією не имѣющее. Прежде всего обратимся къ комедіи г. Островскаго «Красавецъ-мужчина». Мы не видимъ надобности стучаться въ отворенную дверь и доказывать, что нѣкогда блестящій талантъ г. Островскаго давно потерялъ свои прежнія яркія краски: ни прежняго мѣткаго языка персонажей, нѣкоторыя выраженія которыхъ вошли почти въ пословицу, ни прежней силы и глубины въ изображеніи характеровъ, ни драматичности положеній — ничего этого не ищите у теперешняго Островскаго. Ему какъ будто измѣняется даже сама техника, до того, что его пьесу просто скучно читать и еще скучнѣе смотрѣть: такъ мало въ ней даже внѣшняго интереса, того, что технически называется «движеніемъ». Но г. Островскій, по нашему мнѣнію, вполне сохранилъ одно свое достоинство, одно, но такое, которое можетъ сообщить литературному произведенію интересъ болѣе глубокій, нежели интересъ какой-бы то ни было ловко запутанной и распутанной интриги. Г. Островскій утратилъ свой чисто-литературный талантъ, но, къ своей великой чести, сохранилъ ясность ума, благодаря которой, онъ съ прежнею трезвостью и вдумчивостью умѣетъ относиться къ жизненнымъ явленіямъ. Не рельефно, не ярко, не художественно изображаетъ онъ теперь эти явленія, но онъ останавливается на томъ, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Кромѣ того, его мораль всегда здорова, потому что эта мораль — простая человѣчность.

Намъ было искренно забавно читать нѣкоторыя рецензіи пьесы г. Островскаго, рецензіи, въ которыхъ производились усиленные розыски «идеи» пьесы. Идея эта, какъ оказывалось, состоитъ въ томъ, что мужчинѣ непозволительно пускать въ ходъ свои физическія преимущества, а вотъ женщинѣ такъ позволительно пользоваться своей красотой. Г. Суворинъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ: почему-же? но великій вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ. Другіе находили не менѣ остроумно, что г. Островскій написалъ просто диссертацию въ защиту свободы развода. Все дѣло въ «томъ, что» въ пьесѣ г. Островскаго нѣтъ ровно никакой основной идеи, какъ и вообще въ его дѣятельности отведено очень незначительное мѣсто чисто-разсудочному, теоретическому элементу. «Красавецъ-мужчина» — это картина нравовъ, все значеніе которой заключается въ ея жизненной правдѣ. Значеніе это немало важно, вообще говоря. Этихъ кокотокъ мужского пола—Окоемовыхъ, этихъ трагирныхъ героев—Луначевыхъ, этихъ птичекъ

божихъ, незнающихъ ни заботы, ни труда, ни мысли, ни даже совѣсти—Сусаннѣ Лундышевыхъ, этихъ безпомощныхъ влюбчивыхъ бабочекъ Зой, этихъ кандидатовъ не то въ общественные дѣятели, не то въ червонные вальеты—Шероувъ и Жоржей и т. д., и т. д. — всѣхъ этихъ нравственныхъ уродовъ и умственныхъ недорослей, какъ они ни ничтожны, со счетовъ не скинешь и отдѣлаться отъ нихъ однимъ презрѣниемъ нѣтъ возможности. Они ничтожны какъ личности, но они далеко не ничтожны въ качествѣ активнаго элемента, играющаго свою роль въ обществѣ. Вѣдь всѣ эти, съ человѣческой точки зрѣнія, нули и пустые бычачьи пузыри, легко сказать, общественные *дѣятели!* Они — фабриканты, они — землевладѣльцы, они — работодатели, отъ ихъ распоряженій, какъ и отъ ихъ капризовъ, зависитъ участь сотенъ, а иногда и тысячъ людей — шутите съ ними послѣ этого! И вотъ, какъ ни противно это, приходится вслушиваться въ ихъ едва-членораздѣльныя рѣчи, присматриваться къ ихъ поступкамъ, вдумываться — о, Господи, Господи! — въ ихъ «идеи». Какъ быть? Силу нельзя игнорировать, а они — безспорно сила.

Читателя волнуетъ при видѣ этихъ людей какое-то смѣшанное чувство — отвращеніе пополамъ съ жалостью. Вѣдь «надо судить по человѣчеству», какъ выразился одинъ изъ старинныхъ персонажей г. Островскаго. Зоя Окоемова страдаетъ искренно и глубоко. Ея страданія нелѣпы, ея сомнѣнія какъ надо поступить — смѣшны, но вѣдь эти страданія и сомнѣнія мучительны, и смѣяться надъ ними нѣтъ силъ. Зоя даже трогательна, когда говоритъ негодяю-мужу: «порядочная женщина брезглива... Ты только представь себѣ: дѣвушка, совершенно чистое существо... она полюбила тебя, вышла за тебя замужъ, чтобы любить тебя всю жизнь; любовь для нея святыня, торжество; она лелѣетъ, бережетъ ее! Она знаетъ, что съ такой любовью къ мужу она всю жизнь, куда бы ее ни забросила судьба, останется чиста, непогрѣшима, уважаема всѣми... съ этой любовью она неуязвима! Любовь къ мужу поддерживаетъ ее, спасаетъ; любовь — это ея душа. И ты хочешь, чтобы я посрамила это чувство какимъ-то притворствомъ, какой-то комедіей! Да чѣмъ-же мнѣ жить послѣ? что-жь у меня въ душѣ останется, для чего мнѣ существовать, когда любовь моя къ тебѣ будетъ поругана мной? Вѣдь у меня нѣтъ ничего; нѣтъ ума, нѣтъ знанія жизни, теперь даже нѣтъ и средствъ, у меня одна чистота, непорочность; зачѣмъ же я ее грязнить стану?»

Тутъ очевидно ничего не подѣлаешь. Зоя, повторяемъ, трогательна, но какъ безнадежный больной: помочь ей нечѣмъ и нельзя. Но она не только безнадежный, но и для другихъ невыносимый и даже опасный больной, и къ чувству состраданія у васъ примѣши-

вается досада и отвращеніе. Вѣдь Зоя, какъ ни какъ, занимаетъ мѣсто подъ солнцемъ: зачѣмъ? Болѣе того: эта божія коровка, столь повидимому безобразная, такъ распозлалась въ ширь, что изъ за нея тѣсно другимъ, даже *настоящимъ* людямъ. По какому это праву? Каждый, безъ сомнѣнія, имѣетъ право на свою долю счастья, но паразитствовать никому не дозволено, а Зоя съ своей «чистотой» и «непорочностью» — самый отчаянный паразитъ. Въ этомъ отношеніи она ни на волосъ не лучше всѣхъ остальныхъ персонажей комедіи и вполне достойна среды, въ которой живетъ или прозябаетъ. Что такое, напр., Жоржъ и Пьеръ, представители золотой молодежи? «Это, по характеристикѣ Лупачевой, недоучившіеся шалопаи, похожіе одинъ на другого какъ двѣ капли воды, Они уже были развратны, прежде чѣмъ узнали жизнь, они ужъ надѣлали долговъ, прежде чѣмъ выучились считать деньги». Подъ эту справедливую характеристику цѣликомъ подходит и сама Зоя Окоемова, какъ и всѣ остальные персонажи. Это какой-то культъ систематизированнаго шалопайства. У Зои менѣе хищная натура и болѣе скромные аппетиты, нежели у окружающихъ ее, но шалопайствуетъ она ни чуть не менѣе ихъ. Она занимаетъ меньшее, нежели другіе, мѣсто, но все-же она, подобно имъ, занимаетъ *чужое* мѣсто, и въ этомъ вся сущность дѣла.

Тѣмъ-то вотъ и дороги даже наиболѣе неудачныя въ художественномъ отношеніи произведенія г. Островскаго, что они всегда даютъ читателю матеріалъ по физиологіи и патологіи общества. Если у него за послѣднее время рѣдко встрѣчаются ярко очерченные характеры, за то всегда типичны нравы, интересные для насъ, конечно, потому, что являются не какъ результатъ индивидуальныхъ особенностей и наклонностей, а какъ продуктъ извѣстныхъ житейскихъ, общественныхъ условій. Зоя не потому глупа, что у ней головы на плечахъ нѣтъ, а потому, что ей, по ея положенію, совсѣмъ не нужно головы, а нужно только смазливое личико. Пьеръ и Жоржъ не потому пошлы и пусты, что имъ отъ вѣка назначена такая «планида», а исключительно потому, что съ этими свойствами имъ легче, проще, вольнѣе живется въ пріютившемъ ихъ обществѣ. Окоемовъ не потому превращается въ камелію, что чувствуетъ къ такой роли какое-нибудь особенное влеченіе — его тошнитъ отъ Оболдуевой — а потому, что у него есть товаръ — красота, на который есть спросъ. А сама Оболдуева? Чѣмъ она хуже другихъ? «Сами разсудите, резонно говорить она, какой-же мнѣ антиресъ за свои-же деньги себѣ разстройство чувствъ получить?» «Онъ по душѣ не дурной человѣкъ» говоритъ про Окоемова одно изъ лицъ комедіи, и это можно сказать о всѣхъ, безъ исключенія, персонажахъ: «по душѣ», т. е. отъ

природы, они всё «недурные люди», но это-то именно и убійственно. Мы видимъ цѣлый кругъ «недурныхъ людей», которые съ годами и жизнью не только не становятся лучше, не только не развиваютъ въ себѣ свои «недурныя» свойства, а почти утрачиваютъ человѣческій образъ, превращаются кто въ бабочку, кто въ шявку или въ паука. Намъ было бы легче, если-бы они родились съ своими животными инстинктами и наклонностями: дѣло стихійное, дѣло безотвѣтственное. Теперь мы чувствуемъ себя виноватыми. Мы виноваты и передъ своимъ нравственнымъ идеаломъ, и передъ самими этими несчастными оскотинившимися людьми, что допустили ихъ до паденія, что создали и поддерживаемъ условія, при которыхъ человѣку неудобно, бесполезно, просто невыгодно оберегать свое человѣческое достоинство. Такія картины дѣйствительно способны навести «уныніе» посильнѣе и поглубже, нежели наши литературныя огорченія, но мы какъ-то приглядѣлись къ нимъ...

III.

Отъ скромныхъ «замѣтокъ» нельзя требовать ни единства идеи, ни даже послѣдовательности въ изложеніи, и потому мы безъ всякой церемоніи можемъ сдѣлать крутой поворотъ отъ реальнаго горя къ фантастическимъ страданіямъ, отъ будничнаго къ таинственному, отъ прозы къ «чародѣйству красныхъ вымысловъ, словомъ отъ «Красавца-мужчины» Островскаго къ «Кларѣ Миличъ» г. Тургенева. Но прежде того позволимъ себѣ маленькое отступленіе. Въ нашей журналистикѣ, при каждомъ подходящемъ поводѣ, раздаются золотыя рѣчи насчетъ необходимости уваженія къ роднымъ талантамъ, бережнаго и осторожнаго обхожденія съ ними, почтенія къ установившимся репутаціямъ. Въ принципѣ, ничего противъ этого требованія возразить невозможно. Положимъ, талантъ еще не обуславливаетъ заслугъ, которыя однѣ только и имѣютъ право претендовать на нашу благодарность, а обуславливаетъ лишь *возможность* заслугъ. Положимъ также, что «установившіяся» репутаціи далеко не всегда бываютъ справедливыми репутаціями. Остается все-таки несомнѣннымъ, что общепризнанные таланты и репутаціи дѣйствительно имѣютъ право ожидать со стороны критики особеннаго вниманія и особенной осторожности по отношенію къ себѣ, хотя-бы уже по одному тому, что идти противъ общаго мнѣнія можно только хорошенько вооружившись. И въ литературѣ могутъ быть своего рода рантье или пенсіонеры, живущіе процентами съ своихъ прежнихъ заслугъ, съ своей былой популярности. Пока они никому не мѣшаютъ и ни на что, кромѣ почетнаго покоя, не претендуютъ, мы согласны вмѣстѣ съ другими

сколько угодно уважать ихъ, согласны тѣмъ охотнѣе, что такое уваженіе почти равносильное забвенію, ни къ чему серьезному не обязываетъ насъ. Но если такой заслуженный или выслужившійся писатель не мирится съ своею ролью инвалида и настойчиво старается активно вмѣшаться въ нашу борьбу, — мы не только въ правѣ, но и обязаны принять свои мѣры. Тѣмъ хуже, если не маленькій, а большой талантъ старается завести насъ въ труппы мысли и чувства, тѣмъ опаснѣе, что ложь и фальшь исходятъ изъ авторитетныхъ устъ. Въ такихъ случаяхъ преувеличенная pietas къ авторитетамъ была-бы съ нашей стороны лицемеріемъ и постыдною трусостью. *Amicus Socrates, amicus Plato, sed magis amica veritas.*

Теперь обратимся къ г. Тургеневу. Г. Тургеневъ уже около двадцати лѣтъ тому назадъ сказалъ самъ себѣ: «довольно», въ сиравадимомъ сознаніи, что его время прошло, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онъ уже не могъ, какъ прежде, стоять въ передовыхъ рядахъ и долженъ посторониться, чтобы дать мѣсто болѣе свѣжимъ силамъ. Но г. Тургеневъ не сдержалъ этого благороднаго своего рѣшенія. Онъ заразился болѣзью старости — ворчливостью на «новыя времена» и «новыхъ людей» и на разные лады началъ твердить: «да, были люди въ наше время, не то что нынѣшнее племя, богатыри, не вы». Это было, конечно, забавно, но настолько безобидно, что можно было съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ пропустить мимо ушей эту воркотню. Но г. Тургеневъ пошелъ далѣе. Онъ разочаровался въ жизни вообще и не только не скрывалъ, а съ нѣкоторымъ даже самодовольствіемъ всѣмъ и каждому твердилъ, что жизнь — дымъ, а человѣкъ — прахъ и тлѣнь. Это было уже симптомомъ серьезнаго нездоровья, которое могло быть заразительнымъ, и критика въ свое время съ должнымъ почтеніемъ, но твердо указывала на это. Нынѣ г. Тургеневъ вступилъ, судя по «Кларѣ Милитчъ», въ новый фазисъ: онъ успокоился и просвѣтлѣлъ духомъ. Оказывается, что хотя жизнь «дымъ, дымъ, дымъ», тѣмъ не менѣе она не лишена нѣкоторой привлекательности для человѣка, тѣмъ болѣе для такого, которому поэтъ могъ не безъ зависти сказать:

«Счастливецъ! Изъ доступныхъ міру
Ты послѣдній взять умѣлъ
Все, чѣмъ прекрасенъ нашъ удѣлъ:
Богъ далъ тебѣ свободу, лиру,
И женской любящей душой
Багословилъ твой путь земной».

Это въ порядкѣ вещей. Презрѣніе къ жизни — не въ природѣ человѣка. Этимъ презрѣніемъ можно рисоваться и интересоваться

пока далека еще день окончательнаго расчета и въ груди дрожать жизни силы, но все это до поры, до времени. Последняя повѣсть г. Тургенева показываетъ, что жизнь вовсе не такъ ужъ пріѣлась автору, какъ онъ это намъ когда-то красиво расписывалъ. Напротивъ, ему хотѣлось-бы жить, жить, вѣчно жить, и не только жить, но и любить; а дѣло извѣстное, чего страстно хочется—въ то неволью и вѣрится, на этомъ весь такъ называемый спиритизмъ построенъ. Подъ именемъ Клары Миличъ г. Тургеневъ изобразилъ, какъ выяснили рецензенты, умершую пѣвицу Кадмину, но для насъ это обстоятельство не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. До Кадминой намъ дѣла нѣтъ, но большое дѣло до г. Тургенева, который на трехъ печатныхъ листахъ дурманить читателя чисто-спиритскимъ угаромъ. Высказывая это совершенно открыто, мы не чувствуемъ себя погрѣшившими ни передъ какою pietas. Дружба дружбой, а служба службой. Что сказать, напр., о такомъ характерномъ отрывкѣ:

«Мысль о безсмертіи души, о жизни за гробомъ снова посѣтила его.

— Развѣ не сказано въ Библии: «Смерть, гдѣ жало твое?» А у Шиллера: «И мертвые будутъ жить!» (Auch die Todten sollen leben) или вотъ еще, кажется, у Мицкевича: «Я буду любить до скончаія вѣка... и по скончаіи вѣка!». А одинъ англійскій писатель сказалъ: «Любовь сильнѣе смерти!» Библейское изреченіе особенно подѣйствовало на Аратова.—Онъ хотѣлъ отыскать мѣсто, гдѣ находятся эти слова... Библии у него не было; онъ пошелъ попросить ее у Платоши.—Та удивилась; однако, достала старую-старую книгу въ покоробленномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдными застѣжками, всю закапанную воскомъ,—и вручила ее Аратову. Онъ унесъ ее къ себѣ въ комнату—но долго не находилъ того изреченія... за то ему попалось другое: «Большее сея любви нѣтъ же имать, да кто душу свою положить за други своя...» (Ев. отъ Іоанна, XV гл. 13 ст.). Онъ подумалъ: «Не такъ сказано.—Надо было сказать: «Большее сея власти нѣтъ же имать...»

Столь убѣдительные доводы совершенно утвердили Аратова въ его вѣрованіи относительно—не безсмертія души (кто-жь въ этомъ смѣетъ сомнѣваться), а безконечности любви. Какой любви? Г. Тургеневъ или г. Аратовъ совершенно напрасно ссылаются на евангельскій текстъ*): «большее сея любви» и пр. Евангеліе говоритъ въ этомъ случаѣ о любви нравственной, не плотской, той любви, которую питалъ Христосъ ко всему страдающему человечеству, ко всѣмъ «труждающимся и обремененнымъ». А гг. Тургеневъ и Аратовъ разумѣютъ совсѣмъ иное... Клара Миличъ отравилась отъ неудачной любви, весьма обыкновенной любви здоровой женщины къ красивому мужчине, и вотъ эту-то вполне безразличную любовь, не дѣлающую человѣку ни стыда, ни чести, и

*) Кстати. Намъ представляется довольно страннымъ, что Аратовъ отыскалъ въ Библии евангеліе отъ Іоанна. Вѣтхій заветъ—Библия и Новый заветъ—Евангеліе совсѣмъ не одно и тоже.

идеализируетъ г. Тургеневъ, возводя ее на степень самоотверженія «за други своя». Мы смѣло отождествляемъ г. Тургенева съ его героемъ, потому что какиа-бы послѣдній ни дѣлалъ и ни думалъ благоглупости, у перваго не находится—не говоримъ уже слова рѣшительнаго осужденія, но и простой ироніи, простой улыбки. Можно рѣшительно сказать, что устами Аратова высказывается самъ г. Тургеневъ.

Представляемъ на судъ читателю хотя-бы эту сцену свиданія Аратова съ Кларой^{ca} Миличъ, т. е. собственно съ ея «духомъ», какъ выражаются спириты.

„Что это? На его креслѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ женщина, вся въ черномъ. Голова отклонена въ сторону, какъ въ стереоскопѣ... Это она! Это Клара! Но какое строгое, какое унылое лицо!

Аратовъ тихо опустился на колѣни.—Да, онъ былъ правъ тогда: ни испуга, ни радости не было въ немъ—ни даже удивленія... Даже сердце его стало тише биться.—Одно въ немъ было сознание, одно чувство: „А! наконецъ! наконецъ!“

— Клара,—заговорилъ онъ слабымъ, но ровнымъ голосомъ,—отчего ты не смотришь на меня? Я знаю, что это ты... но вѣдь я могу подумать, что мое воображеніе создало образъ, подобный [тому... (Онъ указалъ рукою въ направленіе стереоскопа)]. Докажи мнѣ, что это ты... Обернись ко мнѣ, посмотри на меня, Клара!

Рука Клары медленно приподнялась... и упала снова.

-- Клара, Клара! обернись ко мнѣ!

И голова Клары тихо повернулась, опущенныя вѣки раскрылись, и темныя зрачки ея глазъ вперились въ Аратова.

Онъ подался немного назадъ—и произнесъ одно прогнѣнное, трепетное:—А!

Клара пристально смотрѣла на него... но ея глаза, ея черты сохранили прежнее задумчиво-строгое, почти недовольное выраженіе. Съ этимъ именно выраженіемъ на лицѣ явилась она на встраду въ день литературнаго утра—прежде чѣмъ увидала Аратова. И такъ-же, какъ въ тотъ разъ, она вдругъ покраснѣла, лицо оживилось, вспыхнувъ взоръ—и радостная, торжествующая улыбка раскрыла ея губы.

— Я прощень! воскликнулъ Аратовъ.—Ты побѣдила... Возьми же меня! Вѣдь я твой—и ты моя!

Онъ рывнулся къ ней, онъ хотѣлъ поцѣловать эти улыбающіяся, эти торжествующія губы—и онъ поцѣловалъ ихъ, онъ почувствовалъ ихъ горячее прикосновеніе, онъ почувствовалъ даже влажный холодокъ ея зубовъ—и восторженный крикъ огласилъ полутемную комнату.

Что это? спросимъ и мы въ свою очередь. Мы ни сколько не возстаемъ противъ фантастическаго элемента въ искусствѣ. Онъ имѣетъ свою, хотя и незначительную роль, и очень удобенъ, напримѣръ, для аллегоріи. Но развѣ аллегорію рассказываетъ намъ г. Тургеневъ? Онъ совершенно серьезно рассказываетъ намъ спиритскія нелѣпости, съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой описываетъ намъ

любовное свиданіе съ тѣнью умершей женщины. Вѣрить или не вѣрить г. Тургеневъ въ возможность подобныхъ явленій—это какъ ему угодно. Но мы не можемъ оставаться равнодушными при видѣ его стараній склонить и читателей къ своей вѣрѣ, нездоровой вѣрѣ, представляющей собою продуктъ ума усталого и омраченнаго. Мы отказываемся понимать поведеніе «Вѣстника Европы» въ этомъ случаѣ. Этотъ почтенный журналъ со стойкостью, дѣлающей ему честь, постоянно возставалъ противъ вредоносной пропаганды гг. Бутлеровыхъ и Вагнеровъ, отказывался, сколько помнимъ, печатать ихъ статьи, но г. Тургеневу отказать не могъ. Да развѣ повѣсть г. Тургенева не вреднѣе самыхъ умопомрачительныхъ статей нашихъ спиритовъ—профессоровъ? Безъ всякаго сравненія вреднѣе, потому что безъ всякаго сравненія популярнѣе. Повѣсть г. Тургенева прочтутъ всѣ, туманныя разглагольствованія г. Бутлерова о какомъ нибудь четвертомъ измѣреніи прочтутъ два съ половиной человѣка. Но таковы наши журнальные нравы и обычаи. Мы уважаемъ идеи менѣе нежели громкія и популярныя имена. Мы возстаемъ въ теоріи противъ всякаго рода мистицизма, но если мистицизмомъ заразится *свой*, и при томъ крупный, человѣкъ—мы возьмемъ его подъ защиту. Г. Тургеневъ, печатая свои «Призраки», извинялся передъ читателемъ и просилъ не судить его строго. Нынѣ онъ не только не извиняется, но имѣетъ даже нѣкоторый побѣдоносный видъ, какъ человѣкъ, овладѣвшій высшей истиной.

IV.

Умъ и чувство читателя отдыхаютъ, когда изъ этого удупливаго міра фантомовъ, порожденныхъ болѣзненной фантазіей, онъ обращается къ тѣмъ писателямъ и къ тѣмъ произведеніямъ, которые проникнуты мужественнымъ и честнымъ гражданскимъ чувствомъ, въ которыхъ «кипитъ живая кровь» и нѣтъ мѣста такъ называемымъ «возвышающимъ обманамъ». Не вовсе оскудѣла наша литература, и такіе писатели есть у насъ. Прекраснымъ противовѣдемъ отъ г. Тургенева можетъ послужить для читателя г. Щедринъ. Послѣ «Клары Миличъ» поспѣшите къ «Современной идилліи»: сравненіе будетъ не лишено поучительности. Гг. Тургеневъ и Щедринъ принадлежатъ къ одному поколѣнію. Но на самомъ дѣлѣ это какъ бы представители двухъ совершенно различныхъ эпохъ. Чисто литературный талантъ г. Тургенева нисколько не уступаетъ таланту г. Щедрина, а собственно по литературной техникѣ, по мастерству формы и изложенія г. Тургеневъ значительно превосходитъ своего сверстника. И за всѣмъ тѣмъ г. Тургеневъ наводитъ настоящее «уныніе» на читателя, тогда какъ г. Щед-

ринь, наоборотъ, ободряетъ и вдохновляетъ насъ, подвигаетъ насъ на работу, свидѣтельствуетъ намъ, что пошлость жизни еще не во все восторжествовала и идеалы лучшаго будущаго не во все потускнѣли. Ничего загадочнаго тутъ нѣтъ. Вѣдь талантъ, какъ справедливо выразился гдѣ-то г. Щедринъ, нѣчто въ родѣ пустой бутылки, въ которую можно влить какое угодно содержаніе. Вся сила въ той руководящей идеѣ, которой служитъ писатель. Она кладетъ свою печать на его умственный и даже нравственный обликъ, она даетъ ему содержаніе для дѣятельности, она является его импульсомъ. Если человѣкъ всю свою жизнь только и дѣлалъ, что преклонялся «передъ святыней красоты» и дошелъ въ этомъ направленіи до торжественнаго заявленія, что «Венера Милосская несомнѣннѣе принциповъ 89 гда»—его въ концѣ концовъ фатально ждетъ разочарованіе, котораго не скрасишь, не замажешь никакими самообманами. Жизнь мститъ за себя. Кто не за нее, тотъ противъ нее, кто прожилъ вѣкъ среди цвѣтовъ, камней, урнъ, пѣсенъ, божаловъ и лобзаній, а не среди людей, тотъ собственными руками приготовилъ себѣ одиночество и опереться ему не на что. Но посмотрите на г. Щедрина. Какая энергія въ борьбѣ, какая неутомимость мысли, какое юношеское одушевленіе, какая неисчерпаемая сила здороваго юмора и смѣха! Съ какою, по истинѣ, трогательною и величественною простотою говорить, при случаѣ, г. Щедринъ о близкой возможности для него того конца всѣхъ концовъ, который такъ страшитъ людей, обанкротившихся нравственно. И точно: чего бояться ему? Онъ выдержитъ какой угодно судь. Онъ не растратилъ, а приумножилъ свой талантъ. Онъ жилъ не для себя, а для людей, на людяхъ-же и смерть красна. Его одушевляетъ идея, которая не знаетъ смерти, идея, «власть» которой больше и надежнѣе власти «любви», проповѣдуемой г. Тургеневымъ.

Этими краткими замѣчаніями мы считаемъ возможнымъ пока ограничиться, въ виду того, что въ слѣдующей книжкѣ «Дѣда» надѣмся представить возможно полную характеристику г. Щедрина, какъ писателя и журналиста.

М. П.

НОВЫЯ КНИГИ.

Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. 1783 — 1852. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ *К. К. Зейдлица*. Съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами. Спб. 1883.

Недавно вся Россія чествовала память одного изъ своихъ симпатичнѣйшихъ поэтовъ. Конечно, выраженіе «вся Россія» можетъ быть употреблено здѣсь въ томъ-же смыслѣ, какъ и выраженіе «весь Петербургъ», который бываетъ на первыхъ дебютахъ, на интересныхъ диспутахъ, на концертахъ заѣзжихъ знаменитостей и т. п. Народъ не зналъ и не знаетъ Жуковскаго, а узнавши когда нибудь врядъ-ли особенно заинтересуется его поэзіей. Но интеллигенція отнеслась къ юбилею Жуковскаго довольно тепло и единодушно, и это понятно. Жуковский съ большимъ правомъ, нежели самъ авторъ этихъ стиховъ, могъ-бы сказать о себѣ:

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живыхъ стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Если вмѣсто «народа» поставить здѣсь «общество», то эта поэтическая характеристика будетъ совсѣмъ вѣрна. Какія «добрыя чувства» возбуждалъ Жуковский, тѣмъ онъ былъ «полезенъ»? Это были прекрасныя чувства любви, сострадательности, гуманности. Идеаль красоты — не внѣшней, а внутренней — не идеаль благообразія, а идеаль права и правды былъ тѣмъ кумиромъ Жуковскаго, которому онъ никогда не измѣнялъ. «Жуковский, говоритъ его біографъ, является рѣшительнымъ приверженцемъ нѣмецкой романтической школы, отцомъ которой на Руси онъ иногда и называлъ себя. Однако-же, мечтательность, чувствительность, меланхолія, встрѣчаемая въ его стихахъ, не были въ немъ слѣдствіемъ подражанія, но составляютъ выраженіе собственнаго его настроенія и слѣдствіе обстоятельствъ. Этотъ характеръ лиризма образовался у Жуковскаго уже съ юношества. Умственная возвышенность,

нравственная красота, идеальное благородство въ сочиненіяхъ Шиллера привлекали Жуковского, и онъ искренно полюбилъ этого поэта. Въ стихотвореніяхъ Гете онъ восхищался умѣньемъ автора въ жизни и предметахъ матерьяльныхъ найти поэтическія жемчужины и вставить ихъ въ великолѣпную оправу. Съ Шиллеромъ онъ навѣрное подружился-бы на всю жизнь, если-бы имѣлъ возможность съ нимъ познакомиться. Въ Гете онъ не могъ надивиться его строгой красотѣ, подобно тому, какъ удивляешься красотѣ мраморной античной статуи» (43). Все это весьма справедливо, но недостаточно. О Жуковскомъ мало сказать, что онъ былъ романтикомъ. Идеалы романтизма всегда отличались нѣкоторою неопредѣленностью и расплывчатостью, а въ Жуковскомъ было глубоко и живо чувство любви къ человѣку и уваженія къ его достоинству, то чувство, которое подсказало ему превосходныя слова:

Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ,
 Да славнаго участника славный будегъ!
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*
 Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
 Для блага *всѣмъ*—*свое* позабывать,
 Лишь въ голодѣ Отечества *свободномъ*
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать—
 Вотъ правила и пр.

Кто имѣлъ мужество не только питать, но и высказывать такія чувства и мысли, тотъ не «романтикъ только, а человѣкъ и гражданинъ въ настоящемъ значеніи этого слова».

Мы не считаемъ нужнымъ распространяться о чисто литературныхъ заслугахъ Жуковского, которыя давно оцѣнены. Конечно, можно было-бы поговорить и поспорить о той роли, какую сыгралъ въ исторіи нашего развитія романтизмъ съ его мистической подкладкой, но это — черзчуръ старая, даже дряхлая исторія. Какъ переводчикъ поэтическихъ произведеній, Жуковскій не имѣлъ и не имѣетъ себѣ равнаго, и это тѣмъ большая заслуга, что оказана она обществу, которому особенно полезно и нужно ознакомленіе съ плодами чужой, болѣе развитой и свободной мысли. Отсылаемъ читателя къ превосходной біографіи г. Зейдлица. Онъ найдетъ въ ней и обстоятельную характеристику поэзіи Жуковского, и подробной рассказъ о его жизни, рассказъ, въ которомъ чистый, симпатичный, прекрасный образъ нашего поэта выступаетъ съ чрезвычайною рельефностью. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, какъ объявлено на обложкѣ книги, «весь доходъ отъ продажи изданія жертвуется авторомъ на сооруженіе памятника Жуковскому». Глашатай и защитникъ «свободнаго голоса отечества» заслуживаетъ, чтобы это отечество достойно почтило его.

Полное собраніе стихотвореній князя Александра Ивановича
Одоевскаго. (Декабриста). Собралъ *баронъ Андр. Евг.
Розенъ*. Спб. 1883.

«Кромѣ исторіи или повѣствованія о великихъ событіяхъ, есть исторія сердца, достигающая широкихъ размѣровъ въ самой тѣсной темницѣ, а сердце Одоевскаго было обильнѣйшимъ источникомъ чистѣйшей любви; оттого онъ всегда и вездѣ сохранялъ духъ добрый, веселый и снисходительный къ слабостямъ своихъ ближнихъ. Онъ былъ хорошо образованъ, щедро одаренъ превосходною памятью, съ положительнымъ дарованіемъ поэзіи».

Такъ говоритъ баронъ Розенъ въ своемъ «біографическомъ очеркѣ». Эти слова справедливо характеризуютъ какъ личность Одоевскаго, такъ и значеніе его поэтической дѣятельности. Дѣйствительно, «Собраніе стихотвореній» Одоевскаго представляетъ собою «исторію сердца, какую-то лирическую исповѣдь, чрезвычайно интересную для личныхъ друзей поэта, но, къ сожалѣнію, только для нихъ однихъ. Самъ Одоевскій, по свидѣтельству одного изъ его друзей, очень вѣрно и трезво смотрѣлъ на свою поэзію. «Онъ никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ ихъ наизусть людямъ близкимъ» (204). Это, говоримъ мы, была справедливая оцѣнка. Въ самомъ дѣлѣ, если современный читатель рѣшится ознакомиться съ стихотвореніями Одоевскаго, то исключительно ради личности самого поэта. Личность Одоевскаго дѣйствительно заслуживаетъ и симпатіи, и уваженія, какъ личность типическаго романтика, сохранившаго, подобно пушкинскому Ленскому, до конца дней своихъ «вольнлюбивыя мечты» и «всегда восторженную рѣчь». Но собственно о поэзіи, о чисто литературныхъ заслугахъ и достоинствахъ—здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Подобно своему прототипу, Одоевскій писалъ «темно и вяло». Не говорятъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Полежаевѣ, онъ по силѣ дарованія далеко уступалъ даже Баратынскому, Красову, Ключникову и т. п. Онъ, очевидно, умѣлъ сильно, глубоко и живо чувствовать, но не умѣлъ — а въ этомъ умѣньи собственно и состоитъ лирической талантъ — сообщать своихъ чувствъ другимъ, постороннимъ людямъ, читателямъ. Его лирика, при всей своей несомнѣнной искренности, холодна и отзывается декламаціей. Напрасно было-бы искать въ стихотвореніяхъ Одоевскаго и какихъ-нибудь опредѣленныхъ идей: кромѣ порывовъ куда-то и какихъ-то мечтаній и видѣній, въ нихъ ничего не имѣется. Въ этомъ отношеніи Одоевскій представляетъ собою довольно замѣчательное яв-

леніе. Находясь въ обстановѣ, которая, казалось бы, должна была подвигнуть на горькія размышленія даже самый лѣнливый и апатичный умъ, Одоевскій сохранялъ всю свою незлобивость и воспѣвалъ «сводъ лазури» и «океана безконечность», «тьмы серафимовъ» и пр. «Изъ гроба пѣлъ я воскресеніе», справедливо говорить о себѣ Одоевскій. Намъ трудно возвыситься до такого «прекраснодушія», какъ любили выражаться въ то время.

Правда, Одоевского посѣщали иногда «сны», въ которыхъ мы можемъ подмѣтить кое-что родственное и знакомое себѣ. Такъ въ стихотвореніи «Сонъ поэта» говорится:

Таится звукъ въ безмолвной лирѣ,
 Какъ игра въ темныхъ облакахъ;
 И пѣснь незнаемую въ міръ
 Я вылью въ огненныхъ словахъ.
 Въ темницѣ есть пѣвецъ народный;
 Но — не поеть для суеты:
 Скрываетъ онъ душой свободной
 Небесъ безсмертные цвѣты;
 Но похваляю необольщенный,
 Не ищетъ раннаго вѣнца. —

Почтите сонъ его священный,
 Какъ предъ борьбою сонъ борца.

Все дѣло только въ томъ, что «борцомъ» Одоевскій въ поэзіи никогда не былъ и предавался исключительно грезамъ о «небесъ безсмертныхъ цвѣтахъ». Не болѣе какъ прекрасная, но недосыгаемая, мечта и его надежда на титулъ «цѣвца народнаго».

Народъ на опасномъ пути. *К. И. Воронича.* Спб. 1883.

Русская журналистика долго будетъ помнить настоящей періодъ своего существованія. «Мы, русскіе, другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ», писалъ (если не ошибаемся) Волынскій, и эти слова цѣликомъ могутъ быть примѣнены къ современному состоянію нашей журналистики. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ «питаются», что «ѣдятъ» современные наши литераторы и главнымъ образомъ именно тѣ, аппетиту которыхъ не поставлено ни границъ, не препятствій? ѣдятъ другихъ, заѣдаютъ ихъ огульными обвиненіями и ехидными инсинуаціями и «съ того сыты становятся». Не о полемикѣ, не объ открытомъ честномъ спорѣ, равнымъ оружіемъ и при свѣтѣ дня, говоримъ мы. Полемика необходима въ журналистикѣ, необходима не «для оживленія столбцовъ», какъ выражался Менандръ, а для разъясненія истины, для болѣе опредѣленной формулировки мнѣній. Но травля — не полемика, ругань — не доказательство, брызганье бѣшеной слюной — не обличеніе. Мы понимаемъ, что высказываемъ общія мѣста, давно надобвшія читателю, но что-же,

однако, намъ дѣлать, если современная журнальная и литературная практика и ежемѣсячно, и еженедѣльно, и ежедневно, и даже въ одинъ день по два раза, въ двухъ изданіяхъ, доказываетъ намъ, что она неизмѣримо ниже этихъ элементарныхъ требованій нравственности—даже не нравственности (что ужь!), а простыхъ приличій?

Вотъ хоть-бы г. Вороничъ. Какъ литераторъ, какъ писатель, онъ еле-еле умѣетъ держать перо въ рукахъ. Какъ мыслитель, онъ способенъ умозаключать: въ углу палка стоитъ, слѣд. на дворѣ дождикъ идетъ. Какъ публицистъ, рекомендующій извѣстныя практическія мѣропріятія, онъ является несравненно изумительнѣе не только г. Трубинькова, но и самого кн. Мещерскаго. Ниже мы представимъ тому доказательства. И вотъ, несмотря на такую плачевную скудость своего багажа, г. Вороничъ начинаетъ съ того, что почти всю современную журналистику нашу, обвиняетъ въ «тупости» и «безнравственности». Онъ пишетъ въ предисловіи: «Повинуясь своей возмущенной совѣсти, мы рѣшились высказать открыто, что громаднымъ большинствомъ нашей періодической прессы руководятъ: узкій матеріализмъ, безнравственность, тупость; что она оторвана отъ родной жизни—отъ ея идеаловъ и задачъ—присяжною службою рублю, низкими инстинктами, чѣмъ замѣнено здѣсь все: религія, истина, честь!» (VII).

Что это за выходка? Повторяемъ: мы ничего не имѣемъ даже противъ самыхъ рѣзкихъ обвиненій и обличеній. Равнымъ образомъ, мы не требуемъ отъ обличителя той внѣшней авторитетности, которая дается высокимъ положеніемъ, громкой извѣстностью, серьезностью прежнихъ заслугъ передъ обществомъ. Но мы требуемъ авторитетности внутренней, которая есть не что иное, какъ доказательность. Чѣмъ серьезнѣе обвиненіе, тѣмъ уважительнѣе и полновѣснѣе должны быть его мотивы. А съ чѣмъ, съ какими фактами выступаетъ г. Вороничъ? Что привело его къ его взгляду на нашу журналистику, чѣмъ собственно «возмутилась совѣсть» автора? А вотъ чѣмъ. Г. Вороничъ, [нѣсколько лѣтъ тому назадъ, издалъ нѣкоторый свой «трудъ», и «печатъ, темнымъ матеріальнымъ цѣлямъ коей онъ противорѣчилъ, т. е. вся, за исключеніемъ одного—двухъ дѣйствительно серьезныхъ органовъ—не замѣтила его появленія...» Таковъ,—горько, но не совсѣмъ скромно замѣчаетъ г. Вороничъ,—былъ удѣлъ труда, *созданнаго во имя истины, а не въ унисонъ толпѣ*. Затѣмъ г. Вороничъ издалъ другой «трудъ», который «вовсе не былъ понятъ публикою; а та пресса, которой онъ посвящался, встрѣтила его — одна бранью, съ приемами ей приличными, другая, отдѣлывающаяся, въ такихъ случаяхъ, серьезностью—благоразумнымъ молчаніемъ». «Таковъ, снова при-

бавляетъ г. Вороничъ, удѣлъ второго труда, *написаннаго во имя истины и не въ угоду пороку и страстямъ*. (Этотъ курсивъ, дѣйствительно умѣстный, какъ выше такъ и здѣсь, принадлежитъ автору).

Этимъ исчерпываются провинности нашей журналистики и въ этомъ заключаются всѣ доводы ея обвинителя. Она «тупа», потому что не замѣтила г. Воронича; она «безнравственна» — по той же самой уважительной причинѣ. Подобно Москвѣ, она «слезамъ не вѣритъ», не повѣрила и клятвамъ г. Воронича, что онъ стремится къ «истинѣ», ей Богу къ одной только истинѣ, и презрительно промолчала о немъ *Inde ira*. Мы будемъ снисходительнѣе своихъ собратьевъ. Мы повѣримъ г. Вороничу на слово и покажемъ читателю ту «истину», которую добылъ авторъ, въ надеждѣ, что въ будущемъ своемъ «трудѣ» онъ сопричислитъ насъ къ тѣмъ «дѣйствительно-серьезнымъ» органамъ, которые даже проектами г. Вороничей не брезгаютъ.

Но тутъ мы вступаемъ въ область чистаго комизма, такъ что «серьезность» сохранить намъ трудно. Г. Вороничъ спрашиваетъ: «Отвѣтите, чего недостаетъ Россіи, въ наши дни, для ея счастья и мирнаго гражданскаго развитія? Ей, скажете вы, недостаетъ увеличенія земельныхъ надѣловъ, правильнаго устройства переселеній, рѣшенія питейнаго вопроса и проч. Нѣтъ! возразимъ мы: ея народу недостаетъ религіознаго и нравственнаго просвѣщенія! Отсутствіе истинной религіи и нравственности тормозитъ наше развитіе, нашъ ростъ, наше будущее! Развивайся русскій народъ въ строгомъ согласіи съ религіей и нравственностью!» и проч... Что сказать на это? Конечно, рады стараться, рады развиваться. Но какими средствами и способами? Народъ, по свидѣтельству г. Воронича, погрязаетъ въ невѣжествѣ и суевѣріяхъ; образованное общество, въ огромномъ большинствѣ, заражено или атеизмомъ, или индифферентизмомъ. Какъ тутъ быть? Не будемъ, однакоже, отчаяваться. Среди насъ существуетъ цѣлый классъ людей, какимъ-то чудомъ сохранившій лучшія человѣческія свойства среди всеобщей деморализаціи. Этотъ классъ — духовенство. «Взгляните, говоритъ г. Вороничъ, на духовенство, пастырствующее въ учебныхъ заведеніяхъ, на воинское, на служащее въ гражданскихъ вѣдомствахъ — какое это духовенство? Въ огромномъ большинствѣ достойнѣйшее. Тутъ заурядъ встрѣчаются люди, душою и тѣломъ преданные дѣлу призванія. Просвѣщеніе юныхъ, наставленіе ихъ добрымъ началамъ, кроткое и теплое общеніе съ паствою, поучающій примѣръ личной жизни, ровность характера въ самыхъ вызывающихъ случаяхъ — главная жизненная цѣль этихъ людей, къ которой они, надо имъ отдать

полную справедливость, неустанно стремятся. Кто воодушевлялъ, собиралъ и водилъ народъ благодѣтельными для него путями?... Кто напоминалъ и освящалъ народу законную надъ нимъ власть Царскую? Кто провозглашалъ ее не колеблясь, видя въ ней вѣрнѣйшій залогъ роста и блага страны, не поддаваясь никакимъ вліяніямъ, не уступая никакой силѣ? Духовенство! отвѣтите вы, оно — носитель этихъ великихъ идей! Оно — нашъ живительный свѣтъ, наша мощь духовная и гражданская!...» (108—109) Положимъ такъ, соглашаетесь вы съ пылкимъ авторомъ. Но все-таки, — что-же дальше? И отчего-же духовенство, въ которомъ такъ часто «встрѣчаются люди душою и тѣломъ преданные дѣлу призванія», допустило народъ и общество до ихъ теперешняго нравственнаго упадка? Оттого (пожалуйста слѣдите за нитью разсужденія), что, при современномъ матерьяльно-зависимомъ своемъ положеніи, духовенство не имѣетъ возможности слѣдить какъ слѣдуетъ за нравственностью своей паствы. А стало быть, ему надо предоставить эту возможность — *то-есть* «приходскому священнику, вмѣсто теперешнихъ даваній за требы и другихъ произвольныхъ средствъ къ существованію, долженъ быть назначенъ постоянный окладъ содержанія изъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ не менѣе 1,000 р. — сельскому, и 1,500 р. — городскому» (153). «О, восклицаетъ г. Вороничъ въ другомъ мѣстѣ, это будетъ величайшею реформою изъ всѣхъ, какія занесены на страницы нашей новѣйшей исторіи!.. Это будетъ торжествомъ высшей справедливости и свѣта надъ тьмою и забвеніемъ (109).

Читатель теперь понимаетъ въ чемъ дѣло. Гора фразъ объ упадкѣ въ народѣ и обществѣ нравственности и пр. разрѣшается требованіемъ назначить духовенству кругленькое жалованье. Въ принципѣ это требованіе, вообще говоря, резонно. Смѣшно до послѣдней степени, разумѣется, усматривать въ назначеніи духовенству жалованья отъ государства «величайшую реформу», «торжество высшей справедливости» и пр. и пр. Но это смѣшонъ только самъ авторъ, а его основное требованіе, повторяемъ, имѣетъ серьезныя основанія, о чемъ, впрочемъ, въ нашей «тупой» журналистикѣ говорилось много разъ еще въ то время, когда г. Вороничъ, по всей вѣроятности, только грамотѣ обучался. Но дѣло въ томъ, что, рекомендуя назначеніе священникамъ жалованья, журналистика наша естественнo имѣла въ виду уничтоженіе унижительныхъ для одной и раззорительныхъ для другой стороны денежныхъ и натуральныхъ поборовъ за требы, а г. Вороничъ этого уничтоженія отнюдь не хочетъ: жалованья—жалованьемъ, а поборы—поборами. Онъ находитъ, что эти поборы превратились въ «вѣковой обычай», съ которымъ нужно обращаться «въ высшей

степени осторожно», а *потому* (въ углу палка стоитъ и пр.) рекомендуетъ такой «прекрасный, возвышенный выходъ: объявление народу новаго порядка приношеній за требы предоставить самому духовенству, которое, съ обезпеченнымъ улучшеніемъ житейскаго быта, само должно явиться, въ глазахъ народа, инициаторомъ этого порядка (159). Очень просто, какъ видите. Если-же читатель позволить себѣ замѣтить г. Вороничу, что не мѣшало-бы въ этомъ случаѣ организовать какой-нибудь контроль — онъ жизни радъ не будетъ. «Очень трудно, говоритъ г. Вороничъ, освоиться съ смѣлостью проектируемой мѣры, когда попристальнѣе всмотришься въ народъ — въ его нравственность. О, думаешь какая смѣлость, какая жалкая самонадѣянность!.. Неужели эти погрязшіе въ производѣ и пороки члены церкви въ силахъ контролировать дѣйствія своихъ пастырей? Но если-бы весь народъ стоялъ на самомъ высокомъ уровнѣ нравственности и умственнаго развитія, развѣ онъ въ правѣ посягать на контроль за дѣйствіями своихъ пастырей? Священникъ не есть обыкновенный общественный дѣятель — онъ не чиновникъ, не управляющій, не бухгалтеръ: онъ преемственно, отъ апостоловъ, рукоположенный въ санъ, а не назначенный свѣтскою властію. Его поставляетъ пасти стадо Самъ Спаситель! Онъ служить не тебѣ, грѣшному обществу, а Христу! Ему Одному онъ подчиненъ и передъ Нимъ Однимъ призванъ отвѣчать за недобросовѣстность своего пастырскаго служенія» (134—135). Всѣ наши прозаическія соображенія должны разсыпаться прахомъ передъ сокрушающею силою этого лирическаго пафоса. Но все-же — гдѣ найти средства на жалованье духовенству? Вѣдь ихъ потребуется, по расчету самого автора, около 30 милліоновъ. А это ужъ и вовсе просто. Установите общій налогъ. Восьмидесяти-милліонное платежное населеніе не будетъ ни недовольно, ни окажется несостоятельнымъ, если оно должно будетъ платить лишнія тридцать коп. съ человѣка — не въ видѣ прямого налога, а выплачивая ихъ *во всемъ и на всемъ* (?!).

Такова «истина», открытая гениальнымъ г. Вороничемъ въ пику нашей «тупой» журналистикѣ. Читатель, смѣемъ надѣяться, не настолько низкаго мнѣнія о насъ, чтобы потребовать отъ насъ разбора «истинъ» г. Воронича по существу. Народъ на «опасномъ пути», обложите его новымъ налогомъ въ пользу духовенства, и онъ станетъ на безопасный путь... Съ проповѣдниками такихъ «истинъ» не спорять.

О дѣтяхъ не для дѣтей. Шесть разсказовъ *Н. Морского* (Н. Б. Лебедева). Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина. Спб. 1883.

Г. Боборыкинъ, въ одной изъ своихъ недавнихъ статей, горячо жалуется на «тенденціозную морализующую критику», которая «или гладитъ по головѣ, или отдѣлываетъ молодого писателя только за направленіе, или-же бездоказательно, часто грубо и безсердечно, обрываетъ его, замораживаетъ его несомнѣнное стремленіе къ изящному творчеству. Какія страсти, подумаешь! Что это за людоеды такіе наши критики и рецензенты, и что за злобные инстинкты у нихъ, если для нихъ составляетъ удовольствіе «замораживать стремленія къ творчеству!» Къ счастью, все это только фантазія г. Боборыкина. Безъ сомнѣнія, мы ставимъ идею произведенія выше его формы и всякаго вообще «изящества», потому что ставимъ жизнь и ея требованія выше искусства, но это нисколько не мѣшаетъ намъ цѣнить и чисто-литературную красоту и даже признавать ея значеніе, разумѣется относительное значеніе отличнаго оружія и средства, а не самой себѣ довѣвающей цѣли. Что-же касается «замораживанія», то вѣдь ужъ довольно давно сказано, что настоящій талантъ не боится ни критики, ни «грубого обриванія». Байрона, при первомъ вступленіи его на литературное поприще, критики жестоко и, въ самомъ дѣлѣ, «грубо» оборвали, но онъ, тогда еще 19-ти-лѣтній юноша, не смутился этимъ, а взялъ да и оборвалъ своихъ обривателей.

Все это одни жалкія слова, слова, слова. Смѣемъ увѣрить г. Боборыкина, что намъ было искренно пріятно убѣдиться, что, напр., книжка г. Морского по крайней мѣрѣ прилична, чего мы отъ автора не ожидали и, дѣйствительно, собирались по мѣрѣ силъ «оборвать» его. Г. Морской хорошо владѣетъ формой; кромѣ того, у него есть положительный, хотя и небольшой талантъ. У него много наблюдательности, есть знаніе жизни—всѣ качества, присущія настоящему повѣствователю. Но наша «морализующая критика» относилась къ нему «грубо», потому что онъ разводилъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ такую отвратительную порнографію, которая просто роняла достоинство литературы. Пережбнилъ темы и тонъ г. Морской—пережбнится по отношенію къ нему и «морализующая критика». Въ настоящемъ случаѣ, по поводу книжки «О дѣтяхъ», она только замѣтитъ г. Морскому, что при всемъ его большомъ умѣннѣ вести разсказъ, у него не достаетъ чувства мѣры и онъ часто пересаливаетъ, впадаетъ въ шаржъ. Такъ въ одномъ разсказѣ представленъ въ симпатичномъ свѣтѣ одинъ рано

развившійся мальчикъ, но, въ утрированномъ изображеніи г. Морского, до того неестественно развившійся, что приносить, напр., такія рѣчи: «меня не можетъ это (потеря состоянія) тревожить... Я обезпоченъ тревожными слухами о несчастіяхъ моей родины... А это — что-же... Нѣтъ, я не тревожусь этимъ. Я спокоенъ, мамочка...» (179). Не менѣ неправдоподобны и нѣкоторые взрослые персонажи г. Морского, какъ напр., «Дяденька». Этотъ дяденька, проживавшій въ Петербургѣ, писалъ своему семейному брату, наивному провинціалу, такія, напр., письма: «У васъ ежегодно рождаются дѣти: это мѣщанство. Не понимаю, для чего вы считаете своимъ долгомъ извѣщать меня о всѣхъ этихъ Ольгахъ, Владимірахъ, Петрахъ, Павлахъ и пр. Это глупо. Разъ навсегда объявляю, что кромѣ двухъ вашихъ первенцовъ, Маріи и Виктора, остальныхъ не признаю за своихъ племянниковъ». Въ такомъ тонѣ пишутъ своимъ родственникамъ, какимъ-нибудь сельскимъ дьяконамъ и дьячамъ, петербургскіе чиновники изъ бурсаковъ, дослужившіеся до чина статскаго совѣтника и потому считающіе себя «особами». А «дяденька» г. Морского, въ дальнѣйшемъ изложеніи, оказывается безалабернѣйшимъ, но и добрѣйшимъ человекомъ, абсолютно ничѣмъ, кромѣ фланерства, не занимающимся и живущимъ на счетъ своей трудолюбивой жены. Съ перваго-же приступа онъ говоритъ мальчику-племяннику: «Говори мнѣ ты. Какой я отецъ! Я товарищъ, я другъ. Непремѣнно, непремѣнно говори мнѣ ты» (45). Въ цѣломъ выходитъ не живое лицо, а какая-то нескладаца. Недоумѣваемъ также, почему г. Морской предупреждаетъ, что его рассказы о дѣтяхъ—«не для дѣтей». Напротивъ, взрослымъ съ книжкой г. Морского дѣлать совсѣмъ нечего, а такой, напр., рассказъ, какъ «Уличная пѣвица», прочтется дѣтьми съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

О причинахъ современнаго финансоваго и экономическаго состоянія Россіи и о средствахъ улучшенія послѣдняго. Николая Шаврова. Спб. 1882 г.

Предъ нами лежитъ одинъ изъ образчиковъ современной «самобытности», одна изъ курьезныхъ попытокъ думать и чувствовать «по-русски». Подъ шутовское знамя этой клики «самобытниковъ» собирается, какъ извѣстно, что-то мало народу, гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать отъ нашего общества. При извѣстныхъ условіяхъ, во всякой странѣ, вѣроятно, найдется кучка молодцовъ, которымъ стоитъ только свистнуть—они начнутъ думать, какъ угодно, по-русски, по эфіопски, а то и вовсе никакъ. Не менѣ характеренъ и важнѣйшій пунктъ ихъ программы — національная политика. Г. Шав-

ровъ посвятилъ свою книгу' защитѣ такъ-называемой національной политики, съ помощью которой онъ предлагаетъ осчастливить Россію. Обыкновенно, у насъ принято смѣшивать политику національную съ политикой народной, и въ послѣднее время даже и не дѣлается различія между самобытниками и народниками. Но это, конечно, совсѣмъ напрасно. Насколько неправильно и нелѣпо такое смѣшеніе, это хорошо видно изъ книги г. Шаврова, хотя и безъ него, для всѣхъ здравомыслящихъ людей ясно, что идея національности, проводится ли она въ матеріальной или духовной жизни, всего болѣе чужда народу и его интеллигентнымъ представителямъ. Народъ думаетъ какъ ему думается и чувствуетъ какъ ему чувствуется, не придерживаясь никакихъ рецептовъ. Но въ своей массѣ народъ всегда и вездѣ тяготеетъ къ идеаламъ общечеловѣческаго развитія, встрѣчаясь въ этомъ бессознательномъ стремленіи своемъ лишь съ высшей интеллигенціей страны. По самому духу своему, національная политика антинародна; она есть искусственное порожденіе привилегированныхъ партій, находящихъ въ ней благовидное орудіе для сохраненія своего колеблющагося положенія. Наблюденія надъ народной жизнью, которыми очень богата современная литература, показываютъ, что національная политика не можетъ имѣть никакой опоры ни въ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ народа, ни въ условіяхъ его экономической жизни. Развѣ можно напр., найти въ народѣ что либо похожее на тотъ антагонизмъ къ «гнилому западу», которымъ живетъ и дышетъ національная политика? Положимъ, что народъ не знаетъ запада и потому не стоитъ къ нему въ какихъ либо ясно сознаваемыхъ отношеніяхъ, но интеллигентные, мыслящіе народники ужъ, конечно, не заражены этимъ антагонизмомъ. Для нихъ всегда будетъ бессмыслицей излюбленное положеніе самобытниковъ, что то, что хорошо для запада, непригодно для Россіи. Этотъ-то самый гнилой западъ и учить насъ, что совершенно различныя національности приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Будь на западѣ одна какая-либо нація, отличная отъ русской, примѣръ ея дѣйствительно не могъ-бы имѣть большой силы, но на западѣ не одна, а шесть или семь различныхъ націй, вырабатывающихъ совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга одинъ и тотъ-же, въ главныхъ чертахъ, строй жизни. Въмѣсто шести или семи націй можно принять два различныхъ племени, романское и тевтонское; противоположность между ними громадна, ихъ племенное различіе рѣзко, но ихъ общечеловѣческое единство еще болѣе громадно и рѣзко, и оно привело ихъ, хотя и неодинаковыми историческими путями, къ одному и тому-же. Этотъ примѣръ запада неотразимъ, и господа «самобытники» должны зарубить его на носу.

За племенную самобытность прятаться нельзя; нація можетъ стоять неподвижно, на одномъ мѣстѣ, но ея развитіе и движеніе можетъ совершаться только въ духѣ западно-европейскаго прогресса, т. е., въ настоящее время, въ направленіи единенія между народами, освобожденія рабочихъ массъ, подъема ихъ умственныхъ силъ и ихъ матеріальнаго благосостоянія.

Антинародность національной политики, защищаемой самобытниками, и въ томъ числѣ г. Шавровымъ, можетъ быть обнаружена во всѣхъ мелкихъ чертахъ и деталяхъ. Въ народѣ, напримѣръ, какъ всѣми замѣчено, очень живо сознаніе своей безпомощности, тѣмъ и невѣжества, а эта политика пробуждаетъ въ немъ совершенно несродное его природѣ чувство тупого самодовольства; народъ стремится къ просвѣщенію и вообще высоко ставитъ знаніе—эту живую космополитическую силу, роднящую всѣ народы и государства,—а наши «самобытники», въ трусливомъ предвидѣніи послѣдствій умственнаго развитія, изъ всѣхъ силъ стараются сдержать и ограничить его; народу не только не по душѣ умственная неподвижность, но онъ не мирится съ рутинной и застоющей, какъ показываетъ широко развитое у насъ сектаторство, ищетъ новыхъ формъ жизни, тогда какъ политика самобытности, проповѣдуемая «Моск. Вѣдомостями», рекомендуетъ ему застыть на изжитой имъ старинѣ и навѣки похоронить себя въ ея допотопномъ строѣ; народъ нашъ глубоко миролюбивъ, и ему, какъ и всякому народу, совершенно чужды агрессивныя инстинкты, между тѣмъ, какъ эта политика и спитъ и видитъ потоки народной крови, пролитой на поляхъ брани. Экономическая сфера—вотъ гдѣ эта политика думаетъ найти безусловное оправданіе своимъ вождельніямъ. Не они, а интересы народа требуютъ, якобы, уничтоженія свободной торговли и запретительныхъ тарифовъ. Къ сожалѣнію, этотъ пунктъ сбиваетъ съ толку очень многихъ, не раздѣляющихъ вообще принциповъ національной политики. Съ нѣкоторыхъ поръ даже изъ сферъ либеральныхъ начинаютъ раздаваться голоса, правда не громкіе и неопредѣленные, въ защиту протекціонизма. Но, кажется, не такъ трудно понять, что собственно народъ долженъ отнестись къ важнѣйшимъ экономическимъ требованіямъ національной политики совершенно равнодушно, а къ другимъ—скорѣе враждебно, чѣмъ сочувственно.

Прежде всего, спрашивается, какая польза воспослѣдуетъ для народа отъ того, что Россія будетъ отрѣзана отъ запада и ея международный экономическій обмѣнъ будетъ стѣсненъ? Нужно ли это собственно народу или какому-либо другому классу, сословію, партіи?

Формулируя общія пожеланія протекціонистовъ, г. Шавровъ

говорить: «Поэтому, вмѣсто усиленнаго покровительства сбыту земледѣльческихъ произведеній, что было знаменемъ предшествовавшей эпохи — намъ необходимо перейти къ покровительству потребленія этихъ произведеній въ самой Россіи — что удовлетворяется: возвышеніемъ уровня благосостоянія народа, хотя до такой степени, чтобы онъ былъ въ состояніи ѣсть свой собственный хлѣбъ, — и распространеніемъ въ странѣ обрабатывающей промышленности, имѣя въ виду не конкуренцію съ Европой и Америкой, а наиболѣе дешевое удовлетвореніе простыхъ потребностей русскихъ потребителей и нашихъ сосѣдей на востокѣ... Исключительная забота о развитіи торговыхъ сношеній съ востокомъ, усиленный сбытъ тамъ нашихъ мануфактурныхъ произведеній и покупка дешеваго сырья — только и могутъ поставить нашу промышленность въ то выгодное положеніе, которое выразится быстрымъ развитіемъ нашихъ фабрикъ, составляющихъ одно изъ первыхъ и могущественныхъ средствъ для поднятія уровня народнаго благосостоянія» (стр. 235). Г. Шавровъ желаетъ, чтобы народъ ѣлъ свой собственный хлѣбъ, но этого желаютъ на словахъ даже и тѣ, кто на дѣлѣ принуждаетъ народъ сперва за безцѣновъ продавать свой хлѣбъ, а потомъ платить за него въ три-дорога. И пока существуетъ это принужденіе, для народа не можетъ быть выгодно никакое стѣсненіе вывоза хлѣба за границу; это будетъ на руку сравнительно болѣе зажиточнымъ классамъ, но не массѣ земледѣльческаго населенія. Во всякомъ случаѣ, нельзя ждать никакихъ выгодъ для народа отъ ограниченія нашей заграничной хлѣбной торговли; въ этомъ случаѣ цѣны на хлѣбъ понизятся, и если поэтому народъ самъ будетъ платить дешевле за свой ранѣе проданный хлѣбъ, то и выручить онъ за него меньше, а это поставитъ его въ неизбѣжную необходимость обратиться къ займамъ, всегда для него дорогимъ и раззорительнымъ. Но конекъ протекціонистовъ — это покровительство отечественной промышленности обрабатывающей, усиленное развитіе въ странѣ фабрикъ, «составляющихъ, по словамъ г. Шаврова, — одно изъ первыхъ и могущественныхъ средствъ для поднятія уровня народнаго благосостоянія». Національная политика считаетъ этотъ пунктъ своимъ сильнѣйшимъ пунктомъ, но на самомъ дѣлѣ здѣсь-то она и идетъ въ разрѣзъ съ интересами народа. Не говоря о томъ, что развитіе фабричной промышленности должно окончательно убить кустарные промыслы, фабрики, при существующей социальной организаціи труда, нигдѣ и никогда не обогащали массу населенія, но раззоряли ее всегда, и прежде всего въ классической странѣ фабрикъ — въ Англіи.

Но если политика «самобытниковъ» съ ея протекціонизмомъ ни

„Дѣло“, № 2. 1883 г. II.

сколько не соответствует народному духу и несогласна съ матеріальными интересами большинства населенія, то за то существуютъ лица, которымъ она сулитъ несомнѣнныя выгоды. Г. Шавровъ откровенно объясняетъ, кѣмъ и почему должна поддерживаться національная политика. По его наивно-добродушному мнѣнію, причина переживаемаго Россіей экономическаго кризиса заключается въ томъ, что послѣ крымской войны и до нашего времени мы не давали хода отечественнымъ дѣльцамъ и спекуляторамъ, но пользовались услугами иностранныхъ капиталистовъ, которые безданнымъ безпощадно хозяйничали на русской землѣ и высасывали изъ нея всѣ соки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это жаль. Послѣ крестьянской реформы у насъ не было недостатка въ своихъ собственныхъ сосунахъ съ наилучшимъ аппетитомъ, и звать ихъ изъ заграницы, по меньшей мѣрѣ, не патриотично, по словамъ г. Шаврова. Страсть къ наживѣ, охватившая русское общество послѣ крестьянской реформы, въ глазахъ г. Шаврова, была прекраснымъ патриотическимъ стремленіемъ русскаго народа послужить честно своей родинѣ, на поприщѣ развитія ея производительныхъ силъ» (стр. 6). И нѣсколько ниже г. Шавровъ, не подозрѣвая, сколько отборнѣйшей наивности въ его словахъ, патетически продолжаетъ: «Что увлеченіе это было патриотическимъ и честнымъ, мы имѣемъ то доказательство, что оно было не только у людей бѣдныхъ и жадущихъ наживы, но, что къ нему применили лица самыя солидныя, пожертвовавшія, и къ сожалѣнію, напрасно, большими капиталами для развитія экономическаго положенія Россіи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ и *талантливыхъ* тогдашнихъ отступщиковъ В. А. Кокоревъ, организовалъ цѣлыхъ два торгово-промышленныхъ предприятия и т. д.» (стр. 7). Каково доказательство! Бѣда, конечно, еще небольшая, если бѣдный человѣкъ лишенъ возможности доказать, что онъ патриотъ своего отечества, но, по г. Шаврову, онъ и честности своей не можетъ засвидѣтельствовать, если у него нѣтъ кокоревскихъ милліоновъ. Но, какъ-бы-то ни было, весь вопросъ всетаки въ томъ, отчего не талантливый отступщикъ Громовъ, а какой-нибудь Перейра или даже Струсбергъ? *Inde igitur*. Народу, конечно, отъ этой замѣны ни тепло, ни холодно, а государству она, пожалуй, выгоднѣе. Послѣ крымской войны экономической жизнью Россіи дѣйствительно заправляли главнымъ образомъ иностранные капиталисты, которые привлекались правительствомъ для постройки желѣзныхъ дорогъ. Несомнѣнно, что всѣ они солоно пришли въ Россію, но всетаки-же они имѣютъ нѣкоторое преимущество предъ отечественными гешефтмахерами, потому что хоть сотую долю порученнаго имъ дѣла они умѣютъ выполнить какъ слѣдуетъ; но чѣмъ зарекомендовали себя наши дѣльцы? Уже

съ конца 60-хъ годовъ они чаще и чаще начинаютъ фигурировать въ роли общественныхъ дѣятелей, а въ 70-хъ годахъ въ ихъ рукахъ сосредоточены были все банковыя и акціонерныя предприятия, равно какъ и желѣзнодорожное дѣло. Что-же мы видимъ въ итогѣ ихъ «патріотическаго стремленія честно послужить родинѣ?» Вотъ уже 10 лѣтъ, какъ русское общество присутствуетъ при необыкновенномъ зрѣлищѣ повальныхъ кражъ и воровства, которымъ нѣтъ примѣра ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, Перейры и другіе хозяйничавшіе у насъ тузы европейской биржи хитро обдѣлывали свои дѣла, но имѣютъ-же свою цѣну и наши Рыковы, Юханцевы, Полянскіе, Бритневы и цѣлая вереница другихъ, крупныхъ и мелкихъ, воровъ въ настоящемъ, уголовномъ смыслѣ слова. Не будемъ, впрочемъ, рѣшать, кто лучше; гораздо важнѣе констатировать, что и первый дебютъ нашей юной буржуазіи ознаменованъ рядомъ вошюющихъ скандаловъ, заставляющихъ думать, что у насъ еще не успѣли выровняться общепринятыя на западѣ пути для жизни, что у насъ пока еще нѣтъ того, что обыкновенно называется системой капиталистическаго накопленія. Для этого равно не готовы еще Разуваевъ въ поддевки и Разуваевъ въ сюртукъ; оба заражены пока стихійнымъ хищничествомъ, обладая совершенно не выдрессированной, слишкомъ горячей и нетерпѣливой до неприличія утробой, которая подавляетъ въ нихъ всякую умственную работу и не даетъ развиваться разнымъ тонкимъ и дальновиднымъ расчетамъ.

Джонъ Тиндалль. Гніеніе и зараза по отношенію къ веществамъ, носящимся въ воздухѣ. Переводъ съ англійскаго *Г. А. Лопатина*. Прибавленія: рѣчь Пастера о прививкѣ по отношенію къ куриной холерѣ и сибирской язвѣ. Исслѣдованія д-ра Коха объ этиологій бугорчатки (рефератъ). С.-Петербургъ, 1883. Изд. *И. И. Вилибина*.

За Тиндалемъ давно упрочилась репутація талантливаго популяризатора, умѣющаго послѣднее слово науки дѣлать достояніемъ всякаго сколько-нибудь образованнаго человѣка. Если большинство ученыхъ до сихъ поръ еще полагаетъ свою гордость въ томъ, что ихъ прочтутъ и опѣнятъ только такіе-же глубокіе специалисты, какъ и они, то у Тиндалля, напротивъ, желаніе болѣе гордое: онъ не привыкъ говорить въ пустой залѣ и ему нуженъ не менѣе какъ весь читающій міръ. Нѣтъ сомнѣнія, что на этотъ разъ и специалисты, и профаны будутъ внимать Тиндаллю съ особеннымъ интересомъ, вслѣдствіе огромной практической и научной важности

ватрогиваемыхъ имъ вопросовъ. Благодаря великолѣпному изложенію, вполне точному и вмѣстѣ доступному пониманію всякаго, читатель очень легко ознакомится въ этой книгѣ съ цѣлымъ рядомъ остроумныхъ и въ высшей степени плодотворныхъ изслѣдованій, которыя основательно опровергаютъ ученіе о произвольномъ зарожденіи и ставятъ на прочное, повидимому, основаніе зародышную теорію заразительныхъ болѣзней. Изслѣдованія эти, произведенныя частью самимъ Тиндаллемъ, а главное знаменитымъ французскимъ біологомъ Пастеромъ и, въ самое послѣднее время, нѣмецкимъ врачомъ Кохомъ, еще далеко не закончены, но ихъ практическія послѣдствія уже ощутительны. Работы Пастера получили важное значеніе для шелководства, а въ настоящее время онъ уже ведетъ вполне успѣшную борьбу съ сибирской язвой, и, какъ вѣжется, скоро останется одно лишь воспоминаніе объ этой ужасной болѣзни, столь хорошо знакомой Россіи и ея крестьянскому населенію. Поучителенъ рассказъ Тиндалля о томъ, какимъ тернистымъ путемъ шелъ Пастеръ, въ теченіи почти 20 лѣтъ, къ своей нынѣшней славѣ.

Пресловутый ареопагъ 40 безсмертныхъ, на судъ которыхъ Пастеръ представилъ свои первые труды, поднялъ по поводу ихъ настоящую бурю; надъ Пастеромъ глумились, удивлялись его невѣжеству, дерзости. Преданность Пастера этому изслѣдованію обошлось ему очень дорого, говоритъ Тиндалль. Правда, онъ возвратилъ Франціи ея старинное шелководство, онъ спасъ отъ раззоренія тысячи своихъ соотечественниковъ, онъ снова пустилъ въ ходъ шелкоразмотные станки, не только во Франціи, но и въ Италіи, но зато, по окончаніи своихъ трудовъ, онъ вернулся домой съ параличемъ одной стороны тѣла (стр. 306). Пастеру остается только въ утѣшеніе надежда, что онъ искупитъ этимъ параличомъ страданія многихъ миллионовъ людей и что уже недалеко то время, когда благодарное человѣчество будетъ благословлять имя этого великаго ученаго, наряду съ другими его послѣдователями, занятыми въ настоящее время изученіемъ заразныхъ и эпидемическихъ болѣзней. Всѣмъ понятно, что такое сибирская язва, госпитальная гангрена, холера, чахотка, оспа, тифъ. Трудно приблизительно взвѣсить, сколько бѣдствій и страданій причиняютъ людямъ эти страшные бичи ихъ, эти смертоносныя полчища маленькихъ бактерий, нагоняющія паническій ужасъ при всякой вылазкѣ изъ своихъ «незримыхъ засадъ». Много сотенъ лѣтъ всякая борьба съ ними считалась невозможной, и до настоящаго времени еще медицина слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за неумѣнье справиться съ ними. Трудовое и самое безпомощное населеніе наименѣе щадится этими болѣзнями, ищущими своихъ жертвъ въ

подвалахъ и во всякихъ пріютахъ нищеты, отъ чердаковъ и до больницы. «Какъ часто, говоритъ по поводу тифа англійскій врачъ Вильямъ Беддъ, цитируемый Тиндаллемъ, какъ часто случилось мнѣ въ прежніе дни заходить въ тѣсныя жилища земледѣльческихъ поденщиковъ и находить тутъ, въ одной и той-же маленькой комнатѣ, отца—въ гробу, мать—мечущуюся на постели въ горячномъ бреду, а бѣдныхъ дѣтей въ полнѣйшемъ отчаяніи и совершенномъ одиночествѣ, облегчаемомъ иной разъ только самоотверженнымъ вмѣнательствомъ какой-нибудь бѣдной сосѣдки, которая во многихъ случаяхъ вознаграждалась за свою доброту только тѣмъ, что становилась жертвою той-же самой болѣзни» (стр. 308). Наука до сихъ поръ еще всѣми своими завоеваніями и успѣхами служить, въ большинствѣ случаевъ, интересамъ ничтожной горсти людей, и теперь настаётъ едва-ли не впервые моментъ, когда она серьезно готовится стать на защиту бѣдности. Чтеніе книги Тиндалля внушаетъ отрадную увѣренность, что направленные къ этой цѣли самоотверженные усилія Пастера и другихъ ученыхъ не останутся безплодными. Если читатель дастъ себѣ трудъ ознакомиться, по сочиненію Тиндалля, со всѣми уже существующими работами и изслѣдованіями, онъ не признаетъ смѣллыя упованія англійскаго ученаго за самообольщеніе и обманчивую иллюзію. «Стоя на той выгодной позиціи, которою успѣла уже овладѣть наша высшая наука, я смотрю, говоритъ Тиндалль, съ надеждою впередъ и довѣрчиво ожидаю торжества медицинскаго искусства надъ тѣми сценами несчастія и бѣдствій, о которыхъ говорится (у Вильяма Бедда) въ приведенномъ мною отрывкѣ» (ib). Мы желаемъ, побольше читателей прекрасной книгѣ Тиндалля и думаемъ, что они найдутся, потому что непонятно было-бы, если-бы публика осталась за дверями науки, въ виду такого удобнаго случая войти въ ея храмъ и присутствовать при ея рѣшеніяхъ и приговорахъ, касающихся столь близкихъ всѣмъ интересовъ. Переводъ книги Тиндалля сдѣланъ очень хорошо, гладкимъ и яснымъ языкомъ, и вообще это изданіе есть весьма цѣнное приобрѣтеніе нашей популярно-научной литературы.

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Доктора *М. И. Гиланина*. Спб. 1882.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Сочиненіе доктора *И. М. Гетца*, вновь обработанное докторомъ *Ф. Лихарчикомъ*. Съ четв. нѣм. изданія перевелъ и передѣлалъ д-ръ *Н. Воронихинъ*. Третье русское изданіе. Спб. 1883.

Нѣкогда закрытіе женщинамъ доступа къ высшему образова-

нію мотивировалось ихъ неспособностью. Послѣ цѣлаго ряда фактовъ, которыми ознаменована исторія борьбы женщинъ за свои чловѣческія права, пришлось, однако, покинуть эту шаткую почву женской неспособности. Теперь уже не въ ней дѣло; иногда даже приходится слышать замѣчаніе: мало-ли къ чему женщина способна! Другая причина является на смѣну неспособности: семья, съ безконечными варіаціями на эту тему. Аргументъ отъ семьи выдвигается между прочимъ и противъ медицинскаго образованія женщинъ; на него, какъ извѣстно, очень косо смотрять у насъ хранители семейныхъ началъ, и уцѣлѣть-ли оно—это крайне сомнительно. По отношенію къ медицинскому образованію женщинъ точка зрѣнія защитниковъ и радѣтелей семьи особенно курьезна. Въ самомъ дѣлѣ, что будетъ съ нашей семьей, если мать перестанетъ своимъ невѣжествомъ вольно или невольнo убивать своихъ дѣтей, какъ это теперь бываетъ на каждомъ шагѣ; если, благодаря профессиональному медицинскому образованію, въ ея рукахъ, независимо отъ средствъ мужа, окажется лишняя матеріальная поддержка для упроченія положенія семьи и тѣхъ-же дѣтей; если сдѣлается излишней хотя-бы трата на домашняго врача для ребенка? Но, главное, куда дѣнется такъ называемое «семейное счастье», если дѣти, это божье благословеніе, вмѣсто того чтобы безпомощно гибнуть, вдругъ начнутъ оживать, врѣпнуть и благополучно расти? Конечно, по той-же причинѣ, по которой г-жа Простакова освобождала Митрофанушку отъ изученія географіи, и защитники семьи могутъ предложить матерямъ положиться на врачей. Однако, въ послѣднее время и врачи приходятъ къ убѣжденію, что лучший рецептъ, который они могутъ прописать отъ дѣтскихъ болѣзней — есть медицинское образованіе матерей. И если не всѣ онѣ имѣютъ возможность отдаться спеціальному изученію медицины, или не всѣ, какъ и не всѣ мужчины, имѣютъ склонность къ этой профессіи, то даже и въ такомъ случаѣ женщина, ставъ матерью, не освобождается отъ обязанности приобрѣсти хотя-бы то общее медицинское образованіе, которое почерпается изъ популярныхъ сочиненій, издающихся для матерей у насъ и за-границей. Авторъ одного изъ такихъ сочиненій, г. Галанинъ, хорошо выясняетъ въ своемъ предисловіи настоятельную необходимость для матерей самимъ запастись медицинскими познаніями, не надѣясь на одну только помощь врача. Онъ справедливо указываетъ на то, что не всегда и не вездѣ можно немедленно найти врача, а если-бы онъ и нашелся, то ему невозможно было-бы устно передать матери всего, что ей слѣдовало-бы знать, равно какъ и ей трудно было-бы въ точности запомнить всѣ данныя ей совѣты. Но самое важное заключается въ томъ,

что ребенокъ, лишенный цѣлесообразнаго ухода, плохо развивается въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и когда его посѣтитъ даже не особенно тяжелая болѣзнь, она становится опасной для разслабленнаго организма, и часто самый опытный и свѣдущій врачъ не въ состояніи одолѣть ее.

Г. Галанинъ вполне удовлетворительно справляется съ своей задачей, и его книга, при внимательномъ и толковомъ ея чтеніи, принесетъ несомнѣнную пользу матерямъ. Важнѣйшее ея достоинство заключается въ томъ, что въ ней ничего нѣтъ лишняго и есть все необходимое, за исключеніемъ, впрочемъ, пропущенной главы о снѣ. Авторъ сообщаетъ свои свѣдѣнія съ строгимъ выборомъ, выдвигая на первый планъ самое существенное и невдаваясь, ради полноты изложенія, въ мелочныя детали, какъ это мы видимъ въ сочиненіи д-ра Гетца. Изъ книги д-ра Галанина читатель не только узнаетъ, что и какъ дѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ, но, главное, научится *понимать* процессы, совершающіеся въ здоровомъ и больномъ тѣлѣ.

Но научатся-ли чему-либо родители изъ сочиненія д-ра Гетца—это большой вопросъ. Сочиненіе это является у насъ уже третьимъ изданіемъ, но этотъ видимый успѣхъ свидѣтельствуетъ только о сильно ощущаемой родителями потребности вообще въ сочиненіяхъ, касающихся ухода за ребенкомъ. Изложена книга д-ра Гетца по самому безтолковому плану и крайне неумѣло. Она запружена массой частныхъ, не имѣющихъ особеннаго значенія, но руководящихъ принциповъ для гигиеническаго ухода и леченія содержитъ мало и они очень плохо разъясняются. Довольно подробно говорится у Гетца о взвѣшиваніи ребенка и измѣреніи размѣровъ его тѣла, приложенъ даже рисунокъ головомѣра, но ни единымъ словомъ авторъ не обмолвился объ измѣреніи температуры и объ обращеніи съ термометромъ. Ничего не говорится у Гетца и объ оспопрививаніи. Въ отдѣлѣ о пищѣ мы находимъ у него нѣкоторыя указанія, прямо противорѣчація совѣтамъ д-ра Галанина. Д-ръ Гетцъ, наприм., предлагаетъ давать дѣтямъ, вскармливаемымъ искусственно, молочную кашу изъ манной крупы (стр. 167), а д-ръ Галанинъ замѣчаетъ по этому поводу: «манной крупы, столь любимой, особенно прежде, въ дѣтской діететикѣ, лучше избѣгать, потому что она легко бродитъ» (стр. 21). Точно также д-ръ Гетцъ рекомендуетъ пить дѣтей крѣпкимъ говяжьимъ отваромъ или такъ называемымъ бифти, а г. Галанинъ восклицаетъ: «Непонятно, какъ могутъ считать бифти питательнымъ напиткомъ» (стр. 12). Представляемъ специалистамъ рѣшить, на чьей сторонѣ истина. Замѣтимъ только, что докторъ Галанинъ мотивируетъ свои мнѣнія научными соображеніями, о которыхъ докторъ Гетцъ не

безпокоится. Отдѣлъ о болѣзняхъ изложенъ у д-ра Гетца особенно дурно; это, кажется, самая слабая часть его книги. Описаніе болѣзней весьма поверхностно и ограничивается признаками недостаточно характерными. Для сколько-нибудь свѣдущихъ матерей подобнаго рода описанія совершенно бесполезны, а для несвѣдущихъ вредны, потому что легко могутъ вводить въ заблужденіе и причинять безпокойство и тревогу, заставляя отыскивать болѣзни несуществующія. Понятно, что мудрено и лечить болѣзнь, которую нельзя распознать ясно.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Три проекта радикальныхъ государственныхъ реформъ: проектъ полковника Блюма о дисциплинарномъ земледѣліи, проектъ «Московскихъ Вѣдомостей» объ отдачѣ въ аренду способнымъ хозяевамъ всѣхъ общинныхъ крестьянскихъ земель и проектъ Г. Юзефовича о сокращеніи печати и высшаго образованія.

I.

Полковникъ Блюмъ, пишетъ «Новое Время», представилъ въ вольно-экономическое общество грандіозный проектъ «о поднятіи благосостоянія и благонравія въ Россійской Имперіи». Основная мысль проекта очень проста, и если бы осуществленіе его оказывалось возможнымъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россійская имперія благоденствовала и была-бы благонравна. По мнѣнію полковника, дисгармонія въ русскомъ царствѣ происходитъ только отъ того, что за работою крестьянъ нѣтъ никакого надзора, тогда какъ самимъ Богомъ указано, чтобы за мужикомъ смотрѣлъ мѣстный интеллигентный землевладѣлецъ. Чтобы исполнить эту Божью заповѣдь, полковникъ Блюмъ предлагаетъ издать законъ, который-бы обязалъ крестьянъ обрабатывать, кромѣ своихъ надѣловъ, еще и земли господъ. Если такой законъ явится, то у крестьянъ не будетъ основанія жаловаться на малоземеліе, а помѣщики окажутся вполнѣ обеспеченными рабочими руками. Что-же касается до самой организаціи надзора, то она очень проста. Все крестьянское населеніе разбивается на семьи, каждая семья подчиняется отцу или родственнику, нѣсколько семей составляютъ сельско-хозяйственную единицу, которая поручается крупному землевладѣльцу—помѣщику, а надъ этими единицами ставится еще болѣе важный начальникъ. Земли, принадлежащія государству, говоритъ Блюмъ, дѣлите на три разряда. Первый разрядъ составляетъ крестьянскій надѣлъ, обрабатываемый народомъ для себя; второй разрядъ обрабатывается крестьянами для уплаты податей; а третій—для помѣщиковъ, вообще для лицъ, не живущихъ мускульнымъ трудомъ, и для надобностей государства.

Проектъ полковника Блюма былъ рассмотрѣнъ въ первомъ от-

дѣленіи вольно-экономическаго общества, и отдѣленіе постановило «выразить г. Блюму свое порицаніе». Напрасно, и совсѣмъ не потому, чтобы полковникъ Блюмъ заслуживалъ похвалы или медали общества, а потому что вольно-экономическое общество, еслибы оно желало быть послѣдовательнымъ, должно было-бы разсматривать и другіе проекты подобнаго-же рода, дѣлать имъ подобающую оцѣнку и свои мнѣнія публиковать въ газетахъ. Если вольно-экономическое общество изображаетъ собою сельско-хозяйственный интеллектъ Россіи, то въ настоящее время смутной и раскидавшейся мысли очень важно, чтобы какое-нибудь авторитетное представительство взяло-бы на себя умственное руководство и установило-бы сельскохозяйственныя основанія, на которыя должна опираться административная практика. Задача сельско-хозяйственнаго интеллекта могла-бы быть и шире. По той программѣ, которой опредѣляется кругъ дѣятельности вольно-экономическаго общества, оно захватываетъ весьма широкую область экономическаго вѣдѣнія, но, къ сожалѣнію, не столько по внѣшнимъ сколько по внутреннимъ причинамъ, это почтенное общество ни разу, ни въ чемъ и никогда не обнаружило такихъ признаковъ умственной жизни, чтобы существованіе его чувствовалось Россіей и оказывалось-бы для кого-нибудь нужнымъ. Чтобы вольно-экономическое общество поступало такимъ образомъ, у него должны быть свои резоны; но резоны эти хороши для оправданія общества въ его собственныхъ глазахъ, но не для доказательства его послѣдовательности. Въ послѣднемъ случаѣ становится вполне понятнымъ, почему 1 отдѣленіе вольно-экономическаго общества, выразивши полковнику Блюму свое порицаніе, обошло молчаніемъ совершенно аналогичный проектъ «Московскихъ Вѣдомостей», хотя несомнѣнно, что оно знало объ его существованіи.

Проектъ этотъ, правда, не новый и былъ онъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но о немъ «Московскія Вѣдомости» вспомнили нынче еще разъ и вновь указываютъ на него, конечно, съ сожалѣніемъ, что онъ не былъ принятъ въ свое время. Если наше внутреннее положеніе не измѣнится, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и полковникъ Блюмъ припишетъ это неблагодарности Россіи, несумѣвшей воспользоваться во-время спасительными указаніями. Разница проекта «Московскихъ Вѣдомостей» и проекта полковника Блюма только въ томъ, что полковникъ, какъ военный человѣкъ, ставитъ вопросъ откровеннѣе, на военную точку зрѣнія. Точка зрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей» хотя тоже военная, но она замаскирована теоретическими соображеніями и разсужденіями, придающими проекту научное обличье. Полковникъ разсуждаетъ начистоту: дайте мнѣ, говоритъ онъ, вашъ народъ подъ команду,

я его сейчас-же раздѣлю на отдѣленія, взводы, роты и полки, назначу командировъ, которые-бы смотрѣли, чтобы народъ трудился какъ слѣдуетъ, и Россія снова станетъ житницей Европы. «Московскія Вѣдомости» такъ грубо разсуждать не могутъ, потому что ихъ органъ «штатскій», но, тѣмъ не менѣе, освобожденный отъ умягчающъхъ его теоретическихъ прикрасъ и сведенный къ упрощенной формулѣ, проектъ «Московскихъ Вѣдомостей» говорить: отнимите землю отъ крестьянъ, неспособныхъ къ сельскому хозяйству, отдайте ее въ аренду людямъ способнымъ, и въ Россіи явится благоденствіе». Но кто-же долженъ отнять землю? Конечно, законъ, правительство. Думають-ли, однако, «Московскія Вѣдомости», что это возможно и какія могутъ произойти отъ этого другія послѣдствія, прежде чѣмъ явится сельскохозяйственное благополучіе? А если-бы издавать законъ зависѣло отъ «Московскихъ Вѣдомостей»—подписали-бы они подобный законъ?

Любопытенъ и принципъ, изъ котораго исходятъ «Моск. Вѣд.». Совершенно правильно, какъ теоретическое пожеланіе, чтобы земля была въ рукахъ людей способныхъ къ сельскому хозяйству и имѣющихъ всѣ^м необходимыя для того качества. Но кто же будетъ судьей и цѣнителемъ этихъ качествъ? Какая должна быть принята норма оцѣнки? Какъ будетъ организована оцѣночная власть, являющаяся чѣмъ-то въ родѣ экзаменаціонной комиссіи? Будетъ ли она единовременной и, сдѣлавъ разъ экзаменъ и поставивъ каждому мужику баллъ за агрономію, прекратитъ свои дни или-же будетъ постоянной грозой, нескончаемымъ дамокловымъ мечемъ, висящимъ надъ головой cadaго отдѣльнаго мужика, инвизиторскимъ окомъ слѣдящей за прилежаніемъ и успѣхами въ агрономіи. Явившись постоянной, она превратится въ кошмара и истомитъ cadaго мужика дотога, что онъ убѣжитъ отъ своей родной земли, куда глаза глядятъ. Нѣтъ, проектъ полковника Блюма гораздо спокойнѣе. За нерадѣніе полковникъ, въ самомъ дурномъ случаѣ только высѣчетъ, а земли все-таки не лишитъ, «М. В.» же съчъ, конечно, не стануть; они вѣжливо возьмутъ нерадиваго, «безъ необходимыхъ качествъ мужика» за руку, выведутъ его изъ деревни и скажутъ ему: «иди съ Богомъ на всѣ четыре стороны».

И почему принципъ этотъ долженъ быть ограниченъ одною областію сельскаго хозяйства? Если допустить—а этого не допустить нельзя—что у насъ и промышленность, и торговля процвѣтають не болѣе сельскаго хозяйства, что и земское управленіе находится въ рукахъ не Богъ вѣсть какихъ способныхъ и знающихъ людей, что между нашими мыслителями, публицистами, учеными, профессорами и редакторами, составляющими разные проекты, есть люди всякихъ способностей, тогда какъ для блага Рос-

ции требуются вездѣ и во всемъ люди перваго сорта, то и по чувству справедливости и ради общаго блага Россіи необходимо принципъ «М. В.» обобщить. Но на обобщеніе въ европейскомъ смыслѣ «М. В.» не согласятся, слѣдовательно придется придти къ государственной системѣ Конфуція, можетъ быть и очень удобной для неподвижности, но далеко невыгодной во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. А что-же дальше? Изъ Китая опять дѣлаться Европой?

Читателю можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы такой легкомысленный проектъ, за который первое отдѣленіе императорскаго вольно-экономическаго общества, должно было-бы высказать порицаніе, могъ быть напечатанъ на страницахъ претендующаго на серіозность органа. Доложу читателю, что лично этого проекта я не читалъ, а знакомъ съ нимъ по извлеченіямъ, напечатаннымъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Изъ выдержекъ, помѣщенныхъ въ этой газетѣ, проектъ «М. В.» является въ такомъ видѣ: Трудъ у насъ, говоритъ московская газета, находится въ невыгодныхъ условіяхъ; но, чтобы спихнуть съ рукъ эту важную задачу, либеральные цивилизаторы русской земли предлагаютъ принять невыгодныя условія труда за норму и лечить серьезную экономическую болѣзнь паллиативомъ переселенія. Тысячу лѣтъ у насъ люди занимались земледѣліемъ, причемъ населеніе безъ всякихъ искусственныхъ мѣропріятій возрастало въ теченіи столѣтія чуть не вчетверо, и всего было въ избыткѣ: не было недостатка ни въ землѣ ни въ ея плодахъ. За послѣднія двадцать лѣтъ и земля осталась та-же, и численность населенія мало измѣнилась, но вся бѣда въ томъ, что та-же земля съ 25 копенъ сошла на 7, количество скота уменьшилось втрое, и причина этого явленія лежитъ не въ самой землѣ, а въ отношеніяхъ къ ней труда. Всѣ люди не могутъ обладать въ достаточной мѣрѣ личными условіями, нужными для того, что-бы земледѣліе шло въ ихъ рукахъ успѣшно. Но у насъ всѣ крестьяне поголовно признаются людьми какъ-бы обязательно одаренными отъ природы всѣми необходимыми для сельскаго хозяина качествами и способностями. Подъ помѣщичьей ферулою почти всѣ крестьяне могли оказываться сносными земледѣльцами, если не какъ сельскіе хозяева, то какъ сельскіе рабочіе. Сельское хозяйство могло спориться и у этихъ послѣднихъ: недостатокъ любви и рачительности къ дѣлу возмѣщался внѣшнимъ принужденіемъ, недостатокъ собственной хозяйственной сваровки — властнымъ руководствомъ и указаніемъ со стороны». Эта-же мысль и полковника Блюма, но полковникъ останавливается на «властномъ руководствѣ со стороны» и превращаетъ Россію въ сельско-хозяйственное сто-милліонное воинство съ унтеръ-офицерами, фельдфебелями и генералами, а «Моск. Вѣд.», разсуждая гражданскимъ

образомъ, говорятъ: «Иное было-бы дѣло, еслибъ общинная земля не разсыпалась въ пыль по рукамъ способныхъ и неспособныхъ хозяевъ, а дѣлилась-бы между способными, которые, какъ долгосрочные арендаторы общинной земли, платили-бы общинѣ наибольшую, установленную спросомъ и предложениемъ арендную плату, и у которыхъ находили-бы подручный заработокъ ихъ односельчане, неспособные хозяйничать. Тѣ изъ крестьянъ-собственникововъ, которые не попали-бы ни въ число арендаторовъ, ни въ число сельскихъ рабочихъ, обратились-бы каждый къ тому промыслу, къ какому кто наиболѣе склоненъ и способенъ».

Познакомивъ читателя съ сущностію проекта «Московскихъ Вѣдомостей», въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», я отложу разборъ проекта до конца «Обозрѣнія», а теперь попрошу читателя обратить вниманіе на очень характерный поворотъ въ мнѣніяхъ извѣстной части нашей интеллигенціи. И прежде она отличалась несправедливостію въ своихъ отношеніяхъ къ народу, принимая его за низшую расу, но по крайней мѣрѣ изъ него не дѣлали козла отпущенія; теперь же всѣ вины сваливаются только на него одного: онъ виноватъ въ томъ что грубъ и невѣжественъ или какъ выражается полковникъ Блюмъ, «неблагодаренъ»; онъ виноватъ въ томъ, что земля стала производить вмѣсто 25 копенъ только 6; онъ виноватъ въ томъ, что количество скота уменьшилось втрое; онъ виноватъ въ томъ, что упалъ общій уровень благосостоянія и понизилось сельско-хозяйственное знаніе. Однимъ словомъ, во всѣхъ бѣдахъ Россіи виноватъ только мужикъ. Но если, съ одной стороны, мужикъ попалъ въ честь, какой онъ не ожидалъ, то, съ другой, неужели Россія уже такой несложный общественный организмъ, что стоитъ лишь поставить въ деревняхъ сельско-хозяйственныхъ фельдфебелей и превратить Россію въ исправительную земледѣльческую колонію, или, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», отдать общественныя земли въ аренду, а всѣхъ неспособныхъ мужиковъ выгнать изъ деревень, какъ немедленно зацвѣтетъ повсюду благоденствіе, житницы наполнятся хлѣбомъ, и Россія станетъ самымъ могущественнымъ, богатымъ и просвѣщеннымъ государствомъ въ мірѣ? Сдѣлаемте, читатель, маленькую экскурсію въ область фактовъ, какіе обнаружены хотя-бы только послѣдними газетными извѣстіями, и посмотримъ, зависятъ-ли эти факты отъ мужика или-же онъ самъ отъ нихъ зависитъ.

II.

Тема, на которую я теперь пишу, очень старая тема—и опять приходится повторять то, что уже говорилось десятки разъ. Му-

жизнь дѣйствительно сила, если онъ вполне пользуется условіями, которыя могли-бы позволить ему сдѣлаться образованнымъ и знающимъ сельскимъ хозяиномъ и образованнымъ и знающимъ чело-вѣкомъ. Вотъ европейскій рабочій пользуется этими условіями, и онъ дѣйствительно является силой, отъ которой зависитъ не только богатство и могущество Европы, но и весь ея будущій общественный прогрессъ, нити котораго уже концентрируются въ рукахъ непосредственныхъ производителей, и капиталистическая интеллигенція начинаетъ уже понимать что ея господство и руководство не приведетъ міръ къ гармоніи матеріальныхъ, нравственныхъ и умственныхъ интересовъ. Но то-ли положеніе занимаетъ нашъ мужикъ? Онъ часто пассивная сила, стихійно двигающаяся туда, гдѣ ему открыты пути. Ну что можетъ поддѣлать нашъ мужикъ, и мы интеллигенція, какое имѣемъ право укорить его въ чемъ-бы то ни было? Откуда, напримѣръ, полковникъ Блюмъ почерпнулъ свою увѣренность, что онъ можетъ руководить судьбами Россіи и творить ея исторію? Откуда «Московскимъ Вѣдомостямъ» извѣстно, что экономическіе законы труда, производства и распредѣленія должны зависѣть не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, отъ благоусмотрѣнія редакціи этой московской газеты? А посмотрите, съ какой развязностію, съ какимъ непоколебимымъ авторитетомъ люди эти разрубаютъ гордіевъ узелъ одного изъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ, да еще при этомъ имѣютъ храбрость увѣрять, что Россія переживаетъ теперешній кризисъ потому, что ихъ не послушали. А знаете-ли вы, что-бы было, если-бы васъ послушали!

Въ одной изъ корреспонденцій изъ Лондона, напечатанной въ «Новомъ Времени», авторъ говоритъ о новой книгѣ орнитолога Сибомъ «Сибирь въ Азіи», вышедшей недавно въ Авліи. Сибомъ съ большой похвалой отзывается о необыкновенномъ гостеприимствѣ, радушіи и честности русскихъ крестьянъ. Русскій крестьянинъ, говоритъ Сибомъ, — дитя, съ дѣтскими добродѣтелями и пороками; главный недостатокъ его, по словамъ Сибомъ, есть страсть къ водкѣ: «для насъ, какъ христіанъ, было нѣсколько унижительно найти, что крестъ былъ часто символомъ пьянства, безпорядка, разрушенія и относительной бѣдности, тогда какъ полумѣсяцъ былъ почти всегда признакомъ трезвости, порядка, предприимчивости и благосостоянія». Сибомъ отвѣтственность за это возлагаетъ больше всего на духовенство. Ставя высоко честность и безкорыстіе простого народа, авторъ о русской купеческой честности совсѣмъ другого мнѣнія. «Русскій купецъ не теряетъ положенія черезъ безчестный поступокъ, пишетъ Сибомъ. Онъ не только не чувствуетъ стыда, что поступилъ безчестно, но испытываетъ

отъ того даже чувство нѣкотораго удовольствія: Русскому доставляетъ гораздо болѣе удовольствія обмануть кого-либо на рубль, чѣмъ нажить этотъ рубль честнымъ путемъ. Онъ чувствуетъ, что сдѣлалъ необычайно ловкое дѣло, наживъ рубль безчестно, и презираетъ честнаго человѣка, какъ недалекаго. Купеческая безчестность отражается не только на экономическомъ положеніи народа, но она служитъ камертономъ и поведенія чиновниковъ. «Если какими-нибудь судьбами честный чиновникъ займетъ какой-нибудь довѣренный постъ и пытается дѣйствовать справедливо, богатые купцы соединяются вмѣстѣ и приводятъ въ движеніе небо и землю, чтобы устранить этого чиновника для того, чтобы ихъ собственныя грабительскія продѣлки могли быть возобновлены». Въ видѣ примѣра, авторъ указываетъ на слѣдующій фактъ. «Туруханскій засѣдатель былъ слишкомъ, честенъ; онъ не хотѣлъ брать взятое, которыя навязывались ему этими пройдохами для того, чтобы закрыть его глаза на ихъ безчестныя и противузаконныя продѣлки». И купцы добились, что честный засѣдатель былъ смѣщенъ. На его мѣсто назначили «нѣмецкаго фона», которому его изысканныя, аристократическія манеры не мѣшали быть отъявленнымъ мошенникомъ, попрошайкой и взяточникомъ. Указывая на средство для излеченія этого недуга, авторъ попадаетъ въ безвыходный кругъ. Сибирь, говоритъ Сибомъ, нуждается въ честныхъ администраторахъ, но правительство, кого бы ни назначило на мѣсто, «не можетъ гарантировать честности своихъ слугъ, если она не поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, а до сихъ поръ общественное мнѣніе въ Россіи остается на сторонѣ успѣшнаго вора». Сибомъ рѣшительно утверждаетъ, что честному человѣку невозможно жить при настоящей атмосферѣ коммерческой нравственности въ Россіи. Этотъ выводъ автора мы оставимъ въ сторонѣ, не провѣряя правильны ли онъ или неправиленъ. Нашъ вопросъ въ томъ, насколько та или другая нравственная атмосфера зависитъ отъ народа и насколько онъ въ состояніи на нее воздѣйствовать. Уже, конечно, не можетъ быть ни сомнѣній, ни возраженій, что въ той практикѣ, которая окружаетъ народъ, онъ совершенно безсиленъ измѣнить хоть чтонибудь.

Сибомъ приводитъ примѣръ слѣдующаго вліянія чиновно-купеческаго хищничества на инородцевъ и преимущественно остяковъ. Эти послѣдніе деморализуются и грабятся русскими купцами въ конецъ. И авторъ ссылается на свидѣтельство одного саксонца, живущаго на Енисей слишкомъ тридцать лѣтъ. «Туземцы, говоритъ саксонецъ, прежде были вполне честны въ сдѣлкахъ съ чужеземцами, и ихъ слово было столь-же надежно, какъ роспись; теперь они испортились, вслѣдствіе сношеній съ русскими». А откупная

кабацкая атмосфера, которая чуть-ли не сотни лѣтъ окружала нашъ народъ! Развѣ она не создавала тѣ особенные нравы, особенную манеру хищенія и кабалы, въ которой народъ постоянно находился, служа дойной коровой для всякихъ цѣловальниковъ и откупщиковъ изъ интеллигенціи, которая въ настоящее время негодуетъ на пьянство народа, забывъ какъ она еще недавно заучала его въ свои откупные кабаки. Наконецъ, сама система откуповъ, какъ вѣрнѣйшій и, можетъ быть, единственный источникъ нашихъ государственныхъ доходовъ. Еще недалеко то время, когда министерство финансовъ чувствовало себя въ великомъ затрудненіи, если обращались къ нему съ предложеніемъ о сокращеніи кабаковъ, и когда въ обществахъ трезвости оно видѣло своихъ враговъ. Для практики министерства финансовъ это, разумѣется, уже преданіе, но развѣ воспитанные народные нравы не такъ скоро превращаются въ преданіе. И вотъ являются изъ того-же общественнаго слоя, который еще недавно спаивалъ народъ, разные прожектеры, обвиняющіе народъ въ безнравственности, въ которой они сами его воспитывали. Ну, конечно, нашъ мужикъ не отличается святостію и добродѣтелями; но ужъ будто наша интеллигенція можетъ похвалиться ими. А нравственная атмосфера, которая создавалась крѣпостнымъ правомъ и отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ! Вся та путаница идей и понятій, которая такъ характеризуетъ наше время, всѣ тѣ печальные факты, которые мы теперь переживаемъ—развѣ это не послѣдствіе крѣпостнаго права и продолжающагося еще вліянія его идей? При чемъ-же тутъ «мужикъ», чтобы никому неизвѣстный полковникъ Блюмъ могъ-бы присвоить себѣ негѣмъ недавное ему право обвинять въ неблагонаравіи всю Россійскую Имперію. Общественная нравственность зависитъ отъ понятій и идей, которыми руководится общество, и отъ системы его общественныхъ отношеній. Но развѣ «деревня», развѣ «мужикъ» творить понятія и идеи, развѣ онъ руководитъ обществомъ, развѣ онъ создалъ систему внутреннихъ отношеній? Нашъ внутренній общественный бытъ сложился вполне стихійно, какъ стихійно шла и вся наша исторія, подчинявшаяся почти исключительно внѣшнимъ вліяніемъ. Но вотъ, когда съ идеей освобожденія крестьянъ пробуждается въ обществѣ критическая мысль и общественное сознаніе—развѣ мы поступили такъ, какъ того требовало новое движеніе вполне сознательной мысли и раскрытія критикой ошибки прошлаго? Мы испугались собственной смѣлости и натворили рядъ ошибокъ, которыя разные господа Блюмы приписываютъ теперь идеѣ освобожденія, тогда какъ она только слѣдствіе того, что въ практикѣ освобожденіе не дошло до высоты своей собственной идеи. Самая характерная особенность времени осво-

божденія заключается въ томъ, что рѣзко намѣтилась и опредѣлилась черта, раздѣлившая нашу интеллигенцію на два лагеря. До освобожденія та часть интеллигенціи, которой принадлежитъ вся идейная работа и масса новыхъ понятій, явившихся въ обществѣ, была слаба числомъ и не представляла еще изъ себя общественной силы; освобожденіе создало ея значеніе и выдвинуло ее какъ новый руководящій факторъ. Но и интеллигенція прежняго времени, выросшая въ понятіяхъ прежняго режима, тоже почувствовала себя силой, и съ тѣхъ поръ идетъ въ этихъ двухъ лагеряхъ отчаянная борьба, особенно усилившаяся нынче, за идейное и фактическое преобладаніе. Проектъ полковника Блюма и проектъ «Московскихъ Вѣдомостей» есть только одинъ изъ признаковъ этой борьбы, перенесенной на крестьянскую почву. Нечего и говорить, что еслибы тотъ или другой проектъ нашелъ свое практическое осуществленіе, то это было-бы величайшимъ торжествомъ, о которомъ только отваживаются мечтать представители нашей крайней правой. Если же къ проектамъ полковника Блюма и «Московскихъ Вѣдомостей» присоединить еще проектъ г. Юзефовича изъ Кіева, то мы сразу шагнемъ въ XII-е столѣтіе. Полковникъ Блюмъ и «М. В.» заняты «мужикомъ», г. Юзефовичъ-же устраиваетъ интеллигенцію. По его словамъ, гласный судъ слѣдуетъ уничтожить, ибо «ни инквизиція, ни пытки, ни жестокость карательныхъ законовъ, ни всѣ правонарушенія прежнихъ грубыхъ судовъ не имѣли того губительнаго воспитательнаго вліянія, какимъ обладаетъ нашъ нынѣшній либеральный судъ». Школы нужно уничтожить, ибо «сбитые съ толку молодые люди, ставъ учителями въ гимназіяхъ, стараются, конечно, приготовить себѣ подобныхъ, а эти, въ свою очередь, поступивъ учителями въ народныя школы, переносятъ тотъ-же духъ и тѣ-же понятія въ молодыя поколѣнія простого народа». Земство нужно уничтожить, а съ нимъ и сельское и городское самоуправленіе; они, какъ выражается г. Юзефовичъ: «или должны быть упразднены органической силой цѣлаго (т. е. Россіей, не желающей ихъ имѣть?) или должны его (Россію?) разрушить и сами съ нимъ погибнуть». Печать (конечно, только свободную, періодическую)—тоже уничтожить, и этого достигнуть «самымъ тщательнымъ выборомъ людей», которымъ только и дозволять изданіе періодическихъ органовъ. Высшіе женскіе курсы уничтожить, университеты тоже, оставивъ только одинъ, но что-бы и въ немъ было не болѣе 500—600 студентовъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ должна быть усилена «дисциплинарная власть» и начальству даны «исправительныя полномочія, съ розгою включительно». Конечно, проектъ г. Юзефовича своего осуществленія не дождется, но если-бы какимъ-нибудь чудомъ это могло-бы случиться, то вопросъ, который мы теперь ставимъ, раз-

рѣшился-бы настолько окончательно, что никакія колебанія, сомѣнія и споры о томъ, что хорошо и что дурно, не могли-бы имѣть мѣста. Теперь еще возможны споры и недоразумѣнія относительно причинъ тѣхъ или другихъ общественныхъ безобразій, фактовъ всеобщей бѣдности, экономического разстройства и неустройства и т. д. Но предположите, что провидѣніе ввѣрило судьбы Россіи г. Юзефовичу изъ Кіева и полковнику Блюму изъ Петербурга: это былъ-бы, конечно, спасительный урокъ на вѣки вѣчные для многострадательнаго и терпѣливаго русскаго человѣка, надъ которымъ всякій, подъ видомъ любви, блага и добра, готовъ покушаться производить всевозможные эксперименты, могущіе приводить только къ одичанію.

Дѣйствительно, характерный, любопытный и очень печальный фактъ, что у насъ еще могутъ происходить споры о томъ, нуженъ или не нуженъ судъ присяжныхъ, нужны-ли университеты, нужна ли печать, нужна-ли въ школахъ розга, нужно ли женское образованіе. Скажите любому европейскому мужику, что два почтенныхъ, образованныхъ джентельмена изготовили проекты государственныхъ реформъ и предполагаютъ уничтожить школы и университеты, а надзоръ за земледѣліемъ и земледѣльцами ввѣрить фельдфебелямъ... да развѣ есть какой-нибудь французъ, нѣмецъ, англичанинъ, который-бы повѣрилъ, что вы говорите серьезно, что можетъ быть на свѣтѣ государство, въ которомъ подобныя проекты не только печатаются, но и читаются и находятъ еще многочисленныхъ сторонниковъ?..

Вѣдь это культурная война просвѣщенія съ дикостью, цивилизациі съ варварствомъ, война, понятная въ Китаѣ и Персіи, куда едва проникли первые лучи европейскаго образованія. Но чѣмъ оправдать и объяснить подобную борьбу у насъ, послѣ того, что съ конца 17-го столѣтія, значить, ровно двѣсти лѣтъ, мы всѣми силами насаждали у себя науку и просвѣщеніе, прорубили окно въ Европу, и какъ только оно оказалось прорубленнымъ, хотя и не совсемъ, мы стали таскать теперь со всѣхъ концовъ бревна, чтобы его заложить. Изъ-за чего было Петру В. превращать Россію въ европейское государство? За что исторія назвала его великимъ? За что освобожденіе крестьянъ считается повсюду величайшимъ событіемъ не только русской, но и европейской исторіи? Все это признается теперь извѣстной частію интеллигенціи ненужнымъ, признается не добромъ, а зломъ, не актомъ культуры и прогресса, а историческимъ заблужденіемъ. Въ теперешней междоусобной борьбѣ русской интеллигенціи стали очевидно одна противъ другой двѣ цивилизациі, и каждая изъ нихъ обвиняетъ другую въ одномъ и томъ же. Всѣ причины внутреннихъ золъ и не-

устройство, экономическое разстройство, народная бѣдность, общее невѣжество, отсутствіе гражданскихъ чувствъ и общественной чести — новая цивилизація приписываетъ старой, московской цивилизаціи и той интеллигентной партіи, которую западная Европа называетъ московской или боярской. Съ своей стороны, московская или боярская партія, съ ея многочисленными мелкими газетными органами приписываетъ тѣ-же бѣдствія и неурюстройства новой, петровской культурѣ и новой интеллигенціи, стоящей на ея сторонѣ; а теперь она дошла въ своихъ требованіяхъ до того, что обвиняетъ уже ни въ чемъ невиноватый народъ и готова покуситься на его коренныя, историческія права—на его общинную землю.

Между тѣмъ, этотъ самый народъ, который обвиняютъ даже въ томъ, что онъ не умѣетъ пахать землю (хотя въ тысячу лѣтъ этому дѣлу научиться, кажется, можно), самъ больше всѣхъ другихъ терпитъ отъ всякихъ неурюствъ, существующихъ вовсе не въ его мѣрѣ, а въ мѣрѣ той самой интеллигенціи, — помѣщицкѣй, купеческой, промышленной и дѣловой, которая вездѣ раскинула свои сѣти и въ нихъ запутала себя и другихъ. Мѣръ мужика и деревни—очень замкнутый мѣръ. Мужикъ пашетъ, сѣетъ, продаетъ свой хлѣбъ, платитъ подати и въ своихъ личныхъ дѣлахъ руководствуется обычнымъ правомъ, не зная X тома, который написать не для него. Затѣмъ начинается мѣръ отношеній, въ которыхъ мужикъ не играетъ никакой роли—это мѣръ внутреннихъ и вѣншихъ торгово-промышленныхъ отношеній съ его измѣнчивыми курсами, съ его спекуляціями и крахами, съ его хищеніями и банкротствами. Интересы этого мѣра вовсе не интересы мужика, а между тѣмъ и онъ увлекается въ игру, въ которую вовсе не играетъ.

Полковникъ Блюмъ и «Московскія Вѣдомости», признавая фактъ народнаго обѣднѣнія, разрѣшаютъ его слишкомъ простымъ и прямолинейнымъ способомъ. Они говорятъ: пускай земля даетъ вдвое, и тогда поправятся всѣ дѣла. Но какъ-же заставить землю давать вдвое? Очень просто, отвѣчаетъ полковникъ Блюмъ: такъ какъ всему причиной нерадѣніе мужика, то за его работой долженъ быть устроенъ надзоръ. Или еще проще, прибавляютъ «Московскія Вѣдомости»: такъ какъ земля даетъ мало только потому, что не всякій мужикъ агрономъ и заправскій земледѣлецъ, то отнять землю отъ незаправскихъ мужиковъ и отдать ее заправскимъ. Но вотъ что говорить факты:

По поводу пониженія выкупныхъ платежей, въ самарскомъ земствѣ была назначена коммиссія, и изъ доклада ея оказывается, что главная причина обѣднѣнія населенія Самарскаго уѣзда заключается въ недостаткѣ земли, что влечетъ за собою необходимость найма участковъ по высокимъ цѣнамъ. «Улучшить замѣтно бытъ

крестьянъ не можетъ предоставляемый правительствомъ разрѣшъ пониженія выкупныхъ платежей, пишетъ комиссія.—Разрѣшеніе задачи слѣдуетъ искать въ ускореніи реформъ,—податной, паспортной и питейной, и въ реорганизаціи крестьянскихъ учреждений (а не въ прямолинейныхъ мѣрахъ). Пониженіе выкупныхъ платежей, помимо этихъ преобразованій, бесполезно». Въ виду этого, уѣздное собраніе даже не нашло нужнымъ указывать на какія-нибудь селенія съ разстроенными хозяйствами.

По Бугульминскому уѣзду земская комиссія нашла, что увеличеніе земельныхъ надѣловъ принесло-бы болѣе существенную пользу, чѣмъ уменьшеніе выкупныхъ платежей. «Было-бы складнѣе, чтобы на тѣ средства, какія имѣются у правительства для пониженія выкупныхъ платежей, приобрести землю. Постоянные, изъ года въ годъ повторяющіеся неурожаи, падежи скота и пожары не даютъ въ будущемъ возможности собрать существующія выкупныя недоимки; оставленіе этихъ недоимокъ на крестьянахъ было-бы возможно только при непремѣнномъ условіи — увеличенія земельного надѣла». Губернское земское собраніе съ этимъ мнѣніемъ согласилось.

Изъ доклада комиссія по Бугурусланскому уѣзду оказывается, что въ этомъ уѣздѣ пришло въ разстройство болѣе половины всѣхъ сельскихъ обществъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Есть общества, положеніе которыхъ положительно безвыходно; въ другихъ накопившіеся недоимки доходятъ до семи годовыхъ окладовъ; есть общества, которыя, не получая никакого дохода отъ надѣльной земли и расходуя деньги на наемъ пашни, накопили въ послѣдніе неурожайные годы громадныя недоимки отъ 600 до 800% годовыхъ окладовъ, наконецъ въ 18 сельскихъ обществахъ недоброкачественный надѣлъ.

По Бузулукскому уѣзду было тщательно изслѣдовано положеніе 17 селеній, и оказалось, что хозяйство ихъ пришло въ упадокъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и въ Бугурусланскомъ уѣздѣ.

По Николаевскому уѣзду, кромѣ тѣхъ-же причинъ, вліяли на упадокъ хозяйства: отсутствіе мелкаго кредита, породившее кулачество и ростовщичество; отсутствіе правильнаго общиннаго устройства, вслѣдствіе обращенія старостъ въ агентовъ полиціи, и расшатанный строй крестьянскаго самоуправленія, подчиненнаго лицамъ, вовсе не заинтересованнымъ въ крестьянскомъ благосостояніи.

Какія же изъ этихъ причинъ зависятъ отъ самихъ крестьянъ, чтобы разстройство крестьянскаго хозяйства—изслѣдованіе комиссій относится почти исключительно до бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, наиболѣе обдѣленныхъ — могло-бы быть поставлено въ вину самимъ крестьянамъ?

Насколько прямолинейное разрѣшеніе этого вопроса ровно ничего не разрѣшаетъ, указываетъ положеніе Таврической губерніи. Изъ доклада Бердянской управы оказывается напр. («Голосъ» № 23), что въ Бердянскомъ уѣздѣ есть мѣстности, которыя въ недалекомъ будущемъ «неизбѣжно очутятся въ безвыходномъ положеніи, если имъ своевременно не будетъ оказана помощь для приобрѣтенія необходимыхъ земельныхъ угодій въ собственность для увеличенія надѣловъ». Надѣлы уменьшились, на душу, почти на половину, потому что населеніе со времени освобожденія крестьянъ почти удвоилось. Есть въ Бердянскомъ уѣздѣ одно село (Обиточное), получившее въ надѣлѣ по $1\frac{1}{4}$ дес. на душу; теперь-же, съ увеличеніемъ населенія, приходится на душу едва $\frac{5}{6}$ десятины. Вслѣдствіе этого, говоритъ управа, поселяне Обиточнаго лишились болѣе половины принадлежавшаго имъ скота и сдѣлались постоянными нахлѣбниками земства.

Подобныя-же извѣстія идутъ и изъ Мелитопольскаго уѣзда. Въ «Голосъ» пишутъ, что положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ этомъ уѣздѣ можно назвать совершенно безотраднымъ. Не говоря о томъ, что большая часть крестьянъ получила въ надѣлѣ истиннѣ мизерные клочки никуда негодной земли, всѣ условія быта мѣстнаго крестьянства, какъ мѣстныя, такъ и общія, далеко не благоприятствуютъ развитію его благосостоянія. При освобожденіи, полный, по $6\frac{1}{2}$ десятинъ, надѣлѣ получили только 14 селеній, а 13 селеній получили дарственный четвертной надѣлѣ, по $1\frac{1}{4}$ дес. на душу. Но надѣлы, какъ извѣстно, опредѣлялись числомъ ревизскихъ душъ. Такихъ душъ во всѣхъ 27 обществахъ числилось и числится 7,513, а между тѣмъ наличныхъ душъ, между которыми дѣлится земля—11,065. Такимъ образомъ оказывается, что даже общества, получившія полный надѣлѣ, теперь его уже не имѣютъ. Малоземелье, высокіе выкупные платежи, неурожаи 1872, 1873, 1875 и 1880 гг., падежи скота, опустошеніе нивъ, производимое ежегодно, сусликами и жучками—все это вмѣстѣ въ такой степени разстроило крестьянское хозяйство, что «если, какъ говорить управа, не будутъ приняты своевременно соотвѣтственные мѣры, то въ самомъ близкомъ будущемъ всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне Мелитопольскаго уѣзда превратятся въ пролетаріевъ». Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ изъ Симферополя, что разъясненіе причинъ тяжкаго экономическаго положенія мѣстныхъ земледѣльцевъ уже давно озабочивало таврическое земство, которое и пыталось улучшить его цѣлымъ рядомъ ходатайствъ, но большинство изъ нихъ до сихъ поръ не удовлетворено, а предположеніе земства содѣйствовать населенію при покупкѣ имъ земель не можетъ осуществиться по недостатку посту-

пления земскихъ сборовъ, т. е. опять-таки вслѣдствіе неудовлетворительнаго экономическаго положенія. Однимъ словомъ—безвыходный кругъ: денегъ нѣтъ, потому что нѣтъ земли, а землю нельзя купить, потому что нѣтъ денегъ. И вотъ земство призадумывается: вопросъ оказывается на столько труднымъ, что его просто не рѣшишь. Чрезвычайному губернскому земскому собранію управа докладываетъ, что «пора-бы, наконецъ, поближе разслѣдовать причины этого явленія, при специальномъ изученіи котораго, быть можетъ, и окажется возможнымъ помочь дѣлу», тѣмъ болѣе, что «въ настоящее время правительство занято разработкой этого вопроса, и прямая земская обязанность обратить вниманіе его на особенныя причины, существующія въ Таврической губерніи». Признаки эти управа предполагаетъ «въ массѣ безземельныхъ и малоземельныхъ земледѣльцевъ, въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатствъ среди сельскаго населенія»—и чтобы точнѣе разслѣдовать вопросъ думали избрать особую комиссію.

Подобное положеніе не есть исключительное положеніе только Таврической или Самарской губерніи. Это положеніе стало общимъ для всего того благословеннаго юга, которымъ Россія гордилась какъ житницей Европы. Теперь житница сама нуждается въ хлѣбѣ. Такъ Курская губернія получила нынче въ пособіе больше 200 т. р., а въ городѣ Курскѣ открыта, по почину губернатора, что очень важно, дешовая народная столовая. Въ Лебедянскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. неурожаѣ минувшаго года «довершили раззореніе населенія, ясно обозначившееся въ неурожайный 1880 годъ». Урожай 1881 г. поправилъ крестьянъ. Они стали понемногу обзаводиться скотомъ и получили возможность засѣять почти всю надѣльную землю. Послѣдній-же неурожаѣ подорвалъ уже совсѣмъ распатанное крестьянское хозяйство. «Всѣ ресурсы, говоритъ корреспондентъ «Рус. Вѣд.», къ которымъ прибѣгаетъ обыкновенно населеніе въ крайности, исчерпаны уже теперь: скотъ проданъ, задатки, взятыя подъ весеннія работы, истрачены на продовольствіе, а между тѣмъ до новаго урожая еще далеко; при такихъ условіяхъ трудно и предвидѣть, до чего можетъ дойти нужда населенія, сдѣлавшаяся уже и теперь невыносимой; а помощи ждать не откуда: земская ссуда не принесетъ большого облегченія; останется неоплатная кабада у кулаковъ, и безъ того опутавшихъ Лебедянской уѣздъ». Изъ мѣстечка Березовки, Ананьевскаго уѣзда, пишутъ «Голосу», что «мѣстное крестьянское населеніе находится въ крайней нуждѣ. Выданное земствомъ пособіе оказалось недостаточнымъ», и населеніе стало распродавать лошадей, но такъ какъ покупателей нѣтъ, то крестьяне убиваютъ сами лошадей и мясо продаютъ чабанамъ для прокормленія собакъ, а кожи—мѣст-

нымъ торговцамъ. Лошадь, эксплуатированная такимъ усложненнымъ способомъ, даетъ крестьянину всего 3 рубля. Въ Одесскомъ уѣздѣ и вообще въ Херсонской губерніи нужда очень большая. Какъ пишетъ корреспондентъ «Голоса», «и теперь уже въ нѣкоторыхъ селеніяхъ голодаютъ въ букввальномъ смыслѣ слова». Мѣстное з мство отнеслось очень серьезно къ народной нуждѣ и приняло всѣ мѣры къ устраненію бѣдствія, но послѣдствія полнѣйшаго неурожая хлѣба и травъ оказались болѣе пагубными, чѣмъ можно было предполагать. Недостатокъ подножнаго корма, продолжавшійся въ теченіи всей осени и, какъ слѣдствіе его, болѣзни и изнуреніе скота и лошадей, неурожай кукурузы и овощей, отсутствіе сѣна и содомы — все это вмѣстѣ повело къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Скотъ былъ такъ изнуренъ, что если и находились покупщики на него, то только ради кожи, а осенняя распутица и бездорожье совершенно истощили всѣ средства населенія. Къ нуждѣ въ хлѣбѣ и кормѣ для скота прибавился еще недостатокъ въ топливѣ. Однимъ словомъ, нужда жителей оказалась настолько велика, а средства и возможности земства настолько недостаточны, что одесская земская управа обратилась съ ходатайствомъ къ херсонскому губернатору объ открытіи повсемѣстной подписки въ пользу бѣдствующихъ жителей Одесскаго уѣзда. Любопытно, — и на этотъ фактъ мы просимъ автора проекта «Московскихъ Вѣдомостей» и полковника Блюма обратить особенное вниманіе, — что въ Распольской волости, Одесскаго уѣзда, падаетъ скотъ отъ безкормицы и плохого корма въ экономіяхъ относительно крупныхъ землевладѣльцевъ: въ Игнатьевской экономіи пало — 13 штукъ скота, въ экономіи Н. П. Врайкевича — 2 шт., въ экономіи Ф. А. Гука — 6 шт. («Рус. Вѣд.»). Изъ Орла въ «Новое Время» пишутъ, что въ прошломъ году неурожаемъ былъ настолько тяжелъ, что даже такой уѣздъ, какъ Елецкій — тоже житница, вынужденъ былъ къ осени покупать рожь на обмѣненіе полей. Къ неурожаю присоединился глубокой, какого никто не запомнитъ, застой въ торговомъ дѣлѣ. Застой этотъ, конечно, прежде всего отразился на мѣстныхъ землевладѣльцахъ, а черезъ нихъ и на крестьянахъ. Наступило время найма рабочихъ, но у большинства землевладѣльцевъ, постигнутыхъ неурожаемъ, а затѣмъ полнымъ отсутствіемъ спроса на сельскіе продукты — не было ни копейки. Въ банкахъ не только нельзя достать никакой ссуды, но многихъ еще жмутъ за прежніе грѣшки. Такимъ образомъ положеніе становится безвыходнымъ. Не веселѣе и крестьянамъ. Даже въ урожайные сравнительно годы, они съ половины зимы берутъ задатки подъ будущій трудъ, для прокормленія семей. Нынче-же не только не даютъ задатковъ, но и совсѣмъ не нанимаютъ ни на какихъ, даже самыхъ

выгодныхъ условіяхъ, потому что нанять не на что. Кризисъ въ дѣлахъ развивается съ непоимѣрной быстротой». «Теперь, говоритъ корреспондентъ, и самые упорные оптимисты должны согласиться, что положеніе дѣлъ становится невыносимымъ и грозитъ чрезвычайными бѣдствіями не одной только кучкѣ людей, стоящихъ близко къ торговому дѣлу, но всему вообще населенію губерніи. Мнѣ достовѣрно извѣстно, говоритъ корреспондентъ, что предстоящее орловское губернское земское собраніе, по почину, можно сказать, всѣхъ и никого,—ибо положеніе дѣлъ страшитъ всякаго. безъ различія партій,—въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій будетъ дебатировать вопросъ о необходимости пособій со стороны правительства нашему банковому дѣлу. Губернская земская управа уже приняла въ этомъ отношеніи зависящія отъ нея мѣры. Городъ посылаетъ депутацію въ Петербургъ съ ходатайствомъ о пособіи. Мѣстная администрація принимаетъ живое участіе въ судьбахъ этого ходатайства, и, надо отдать ей справедливость, вообще въ настоящее трудное время поступаетъ съ энергіей и разумніемъ...» И далѣе: «благодаря банковому переполоху, кредитъ, можно сказать, не существуетъ въ Орловской губерніи. Мелкіе банки, въ родѣ общества взаимнаго кредита и нѣсколькихъ уѣздныхъ банковъ, не только отказываютъ въ учетѣ за какой-бы-то ни было процентъ, но безпощадно стараются реализовать свои уже существующіе вексельные портфели. И, наконецъ, даже орловскій коммерческій банкъ, со своими тремя отдѣленіями въ уѣздахъ, тоже вступилъ на этотъ путь, справедливо объясняя, что при всей своей денежной силѣ онъ не въ состояніи одинъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ въ губерніи, что настоящее положеніе требуетъ особой осторожности...»

Я не пишу хроники народной нужды, а имѣю въ виду только проекты полковника Блюма и «Москов. Вѣдом.». Корреспонденціи, которыя я привелъ, взяты мною изъ газетъ за январь мѣсяць, да и то не за весь, и я ихъ только размѣстил въ порядкѣ ихъ экономической связи. Несмотря на относительно очень небольшое число этихъ корреспонденцій, онѣ даютъ совершенно точную и законченную исторію нашего современнаго сельскохозяйственнаго кризиса, его причинъ и его связи съ другими явленіями нашего экономическаго быта. Расчетъ надѣла при освобожденіи крестьянъ дѣлался не по наличнымъ душамъ, а по ревизскимъ; значить, уже и въ то время количество десятинъ надѣловъ было фиктивнымъ. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія населенія, размѣры душевыхъ надѣловъ становятся все болѣе и болѣе фиктивными и черезъ двадцать лѣтъ, которыя прошли со времени освобожденія, уменьшаются въ дѣйствительности болѣе чѣмъ на по-

ловину. Проще говоря, ѣдоки прибавляются каждый годъ, а пространство пашенныхъ земель остается все то же. Что-же долженъ былъ сдѣлать земледѣлецъ, чтобы создать хлѣбъ для всѣхъ вновь нарождающихся ртовъ? Одно изъ двухъ: или, при томъ-же уровнѣ сельско-хозяйственной техники, соотвѣтственно увеличить число запашекъ, или, при томъ-же количествѣ пашень, увеличить соотвѣтственно ихъ производительность. Но улучшенная техника создается не годами, а вѣками. Сошлюсь на примѣръ Франціи и Англїи, гдѣ самыя энергическія просвѣтительныя мѣры правительствъ и милліоны, затраченные ими на сельско-хозяйственное воспитаніе земледѣльческаго населенія, давали постоянно самыя незамѣтные результаты. Ростъ сельско-хозяйственнаго благополучія создавался въ европейскихъ государствахъ не агрономическими школами и академіями и не сельско-хозяйственными выставками, а тѣми условіями, которыя давали просторъ земледѣльцу и дѣлали его хозяиномъ земли. Поэтому естественно, что и нашъ земледѣлецъ не могъ по мѣрѣ роста потребности въ пищѣ возстановлять равновѣсіе соотвѣтственнымъ и немедленнымъ увеличеніемъ своихъ агрономическихъ познаній и улучшеніемъ техники. Еслибы таія вещи дѣлались по щучьему велѣнію, то никакихъ-бы аграрныхъ вопросовъ не существовало на свѣтѣ, и земля, повинуваясь волѣ земледѣльца, всегда давала-бы столько, сколько требуется. Понятно, что нашъ земледѣлецъ могъ сдѣлать только тотъ выборъ, который отъ него зависѣлъ; выборъ-же этотъ былъ простъ: видя, что пашни уходятъ, крестьянинъ сталъ увеличивать ихъ на счетъ луговъ, сѣнокосовъ, зарослей и лѣсовъ. Расчистки были исконнымъ средствомъ нашего крестьянина, и въ нихъ онъ и нынче думалъ найти выходъ. Но были расчистки дѣлались на счетъ свободныхъ, не занятыхъ земель, теперь-же ихъ пришлось дѣлать на счетъ собственной земли. И вотъ, повторилась исторія Тришкина кафтана: пришлось обрѣзывать фалды и рукава, чтобы хотя немного расширить кафтанъ. Пашень прибавилось, но луговъ, покосовъ и другихъ земель убавилось. Мужикъ очутился въ положеніи сказочнаго богатыря, стоящаго на распутии: пойдетъ богатырь по одной дорогѣ — останется самъ цѣлъ, но конь его погибнетъ; пойдетъ по другой — погибнетъ самъ, а останется цѣлъ конь. И тутъ выборъ былъ простъ: крестьянинъ принесъ въ жертву коня. Теоретически мы можемъ сказать, что крестьянинъ сдѣлалъ ошибку, но какъ ему было поступить практически? Кн. Васильчиковъ тоже требовалъ «интензивнаго хозяйства», но это былъ добросовѣстный изслѣдователь, искавшій истины и, найдя ее, онъ печатно сознался въ своей ошибкѣ. Гдѣ тутъ въ самомъ дѣлѣ взяться интензивному хозяйству! И вотъ,

нарушенное равновѣсіе поставило крестьянское хозяйство на наклонную плоскость; а какъ никакихъ новыхъ обстоятельствъ, которыя могли-бы уничтожить наклонъ, не явилось, то и поползло все наше мужицкое земледѣіе внизъ. Жучки, гессенская муха, засуха, неурожаи — все это вовсе не случайности, внезапно упавшія, какъ каменный дождь. Нѣтъ, они прямое и неизбѣжное слѣдствіе нарушеннаго равновѣсія. Пашни требуется больше, потому-что явилось больше ртовъ, а для большей пашни требуется больше навозу; а между тѣмъ, скота стало меньше, потому-что убавилось луговъ и сѣнокосовъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ увеличивалъ свою пашню, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшалъ ея плодородіе, потому-что не могъ удобрять ее какъ слѣдуетъ, а удобряя плохо—онъ получалъ меньшіе урожаи, зерно на истощенной почвѣ получалось слабое и тощее, злаки меньше могли противиться всякимъ вреднымъ атмосферическимъ и другимъ влияніямъ. Если крестьянское земледѣіе будетъ идти все по той-же наклонной плоскости, то оно придетъ, наконецъ, къ полному истощенію, и крестьянину придется, наконецъ, забросить пашню. И теперь уже тамъ и здѣсь замѣчается, что крестьяне бросаютъ свою землю, потому-что находятъ невыгодной ея обработку. Но если это явленіе получить общій характеръ? А оно можетъ сдѣлаться общимъ, если въ условіяхъ нашего земледѣія все останется по старому. Отъ земледѣльца требовать нечего: онъ всего себя положилъ въ землю, все что онъ знаетъ, все, что онъ могъ сдѣлать—все это онъ сдѣлалъ. Помощь должна явиться извнѣ, и только въ ней спасеніе мужика.

Но кромѣ этой области явленій, въ которой крестьянинъ занимаетъ пассивное положеніе только вслѣдствіе непреодолимыхъ для него внѣшнихъ препятствій, надъ нимъ тяготѣетъ еще другой рядъ явленій изъ области отношеній, въ которыхъ онъ не участвуетъ. Застой въ дѣлахъ сократилъ не только запросъ на продукты земледѣльческаго труда, но и сократилъ рынокъ труда, такъ-что самыя выгодныя предложенія его оставались безъ удовлетворенія. Сельскій рабочій остался безъ задатковъ, а семья его безъ хлѣба. Нагляднѣе вліяніе рынка и безденежья на положеніе земледѣльца видно изъ слѣдующей корреспонденціи изъ Бѣльцовъ, Бессарабской губерніи. Тоже житница. («Нов. Вр.», 16-го января). «Никогда еще нашъ хлѣбный рынокъ не испытывалъ такого застоя въ дѣлахъ, какъ въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Мѣстные купцы ходятъ повѣся носъ и держатъ свою пшеницу въ магазинахъ, не рѣшался грузить ее въ Одессу. Съ хлѣбной торговлей связана и промышленность и всѣ другія отрасли торговли. Не удивительно, что у насъ пол-

нѣйшій застой въ дѣлахъ; жалуются всѣ — и крупный купецъ, и мелочной торговецъ, и ремесленникъ, и рабочий. Ко всему этому присоединяется нужда среди сельскаго населенія тѣхъ мѣстностей губерніи, гдѣ прошлымъ лѣтомъ уничтожены были сильнымъ градомъ почти всѣ посѣвы крестьянъ». Что можетъ подѣлать земледѣлецъ съ застоємъ въ дѣлахъ именно у того слоя населенія, на требованія котораго онъ самъ прежде всего разсчитывалъ? Напримѣръ, въ Астрахани уловъ судака, сазана, леща и особенно судака, зимой и осенью, оказывался баснословно обильнымъ, а между тѣмъ, требованія изъ внутреннихъ губерній на эту рыбу далеко не соотвѣтствуютъ улову, и цѣны понизились. Безденежье до того велико, что предлагаютъ будущіе купоны за два года впередъ. Сократившееся требованіе на рыбу и недостатокъ денегъ породили такое-же явленіе, какъ и въ Орловской губерніи. Тамъ отъ недостатка денегъ не даютъ задатковъ и совсѣмъ не нанимаютъ сельскихъ рабочихъ, здѣсь нечѣмъ давать задатковъ для найма рабочихъ на весенній ловъ. Соляная промышленность тоже очутилась въ застоѣ, спросъ на соль ослабѣлъ и, несмотря на продолжительную навигацію прошлаго года, около половины добычи осталось на рубахъ соледобывателей непроданною и не вывезенною съ пристаней. («Нов. Вр.»)

Экономическія явленія — это одна непрерывная цѣпь: одно звено, тянетъ за собою другое, какъ въ развитіи экономической жизни, такъ и при ея упадкѣ. Затрудненіе на денежномъ рынкѣ и сокращеніе потребленія ведетъ всегда къ банкротствамъ, а они тоже образуютъ собою цѣпь: одно банкротство тянетъ за собою другое; за банкротствомъ слѣдуетъ паника, недовѣріе, и еще болѣе сильный застой и сокращеніе оборотовъ. Въ нынѣшнемъ году всѣ ярмарки торговали плохо. Въ Харьковѣ, на послѣдней ярмаркѣ (въ январѣ), крупные мануфактуристы торговали на одну четверть менѣе прежняго, мелкіе мануфактуристы почти на половину менѣе, продавали по крайне пониженнымъ цѣнамъ. Масса товаровъ осталась на складахъ. (Телеграмма «Нов. Вр.»). Даже въ Сибирь забрался тотъ-же застой. «Послѣ усиленнаго привоза товаровъ, гласитъ телеграмма отъ 22-го января, — въ связи съ расширеніемъ кредита и съ уменьшеніемъ добычи золота, въ здѣшнемъ краѣ наступилъ кризисъ: торговля въ застоѣ, много товаровъ остается безъ сбыта».

Въ этой области промышленно - торговыхъ фактовъ мужикъ-земледѣлецъ не играетъ никакой активной роли и не онъ создаетъ эти факты. Наши банки съ ихъ миллиардными оборотами и всякихъ видовъ процентныя бумаги существуютъ не для мужика. Только въ самое послѣднее время явилась мысль устроить кре-

дить для земледѣльца, котораго прежде для него не существовало. Промышленный и торговый застой созданъ тоже не крестьяниномъ, точно такъ-же, какъ не онъ играетъ на повышеніе и пониженіе, не онъ создаетъ биржевую жизнь, не онъ поднимаетъ и роняетъ курсъ нашего бумажнаго рубля, наконецъ, не онъ подрываетъ вѣру въ банки. Весь этотъ денежный міръ существуетъ и живетъ людьми, стоящими внѣ деревенскихъ интересовъ, и состоитъ изъ всевозможныхъ разновидностей интеллигенціи, располагающей денежными сбереженіями, и людьми капитала, управляющими всѣми махинаціями такъ называемаго денежнаго хозяйства. Это совѣтъ какъ-бы отдѣльная область экономической жизни, но въ то-же время настолько вліяющая на общій ходъ всѣхъ остальныхъ экономическихъ отношеній и торговыхъ сдѣлокъ, что ей подчиняется и крестьянинъ - земледѣлецъ, и ремесленникъ, и кустарь, и любой изъ рабочихъ, являющійся на рынокъ съ предложеніемъ своего труда.

Въ настоящее время у насъ дѣйствуютъ слѣдующія кредитныя учрежденія: государственный банкъ съ 54 его отдѣленіями, польскій банкъ съ 10 такими-же отдѣленіями, 36 коммерческихъ банковъ съ 39 отдѣленіями, 92 общества взаимнаго кредита, 281 общественный городской банкъ, 30 ипотечныхъ учреждений, 5 частныхъ ломбардовъ и 130 сберегательныхъ кассъ. Главнѣйшія операціи всѣхъ этихъ кредитныхъ учреждений выражались по банковской статистикѣ за 1879 г. въ 1.644,810,000 р. Въ оборотахъ этой суммы деревня не участвовала. Для нея, за то-же время существовали 944 сельскія ссудо-сберегательныя товарищества, обороты которыхъ въ 1879 году составляли 42.651,101 р. или почти въ сорокъ разъ меньше, чѣмъ кредитныхъ учреждений, дѣйствовавшихъ для городскихъ промышленныхъ сословій и землевладѣльцевъ. Эти цифры говорятъ еще немного. Изъ нихъ читатель можетъ усмотрѣть пока, что для сельскаго населенія у насъ почти не существуетъ кредита, и разныхъ видовъ банки учреждены вовсе не для мужиковъ. Болѣе полное понятіе получить читатель, если обратитъ вниманіе на рубрику — «курсы и процентныя бумаги», которую онъ найдетъ въ каждомъ номерѣ любой газеты. Тутъ перечислены всѣ государственныя и частныя фонды, ипотечныя бумаги, акціи и облигаціи съ показаніемъ цѣнъ, за что владѣльцы ихъ желали-бы ихъ продать, покупатели—купить и почему онѣ были проданы. Подъ скромными цифрами скрывается цѣлый міръ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ отношеній и денежной игры, разчитанной на человѣческую ограниченность, стяжаніе и жадность. Особенно невыгодная сторона этого дѣла заключается для насъ въ той силѣ, которую забрали надъ нами иностранныя биржи, и особенно берлинская.

Она играетъ нашимъ рублемъ, какъ хочетъ, поднимаетъ и роняетъ цѣну бумагъ, спекулируетъ ими, и дѣльцы ея наживаются на нашъ счетъ. А что-же дѣлаетъ наша промышленная, торговая и банковая интеллигенція? Вѣдь, казалось-бы, ея дѣло создать изъ себя силу, способную противодѣйствовать европейской спекуляціи на нашъ рубль? Но гдѣ и въ чемъ обнаружила она свою силу, знаніе и умѣнье? Насколько она умѣла установить свою промышленную и торговую независимость, гдѣ та умѣлость, съ которой противъ насъ выступаютъ нѣмецкіе и особенно берлинскіе банкиры? А въ то-же время какая у насъ масса торговыхъ, промышленныхъ, техническихъ и всякихъ другихъ обществъ, въ которыхъ закупаютъ и разсуждаютъ всякіе спеціалисты, составляющіе цвѣтъ нашей экономической, финансовой, промышленной и торговой интеллигенціи. Недавно, напримѣръ, возбудили въ газетахъ толки «экономическіе обѣды», каждый мѣсяцъ въ теченіе двадцати лѣтъ бывающіе у Дюна. Гдѣ-же практическіе общественные результаты всей той массы рѣчей, которыя слушались въ теченіи двадцати лѣтъ на этихъ обѣдахъ и въ засѣданіяхъ разныхъ другихъ промышленныхъ, финансовыхъ и экономическихъ обществъ? Сколько ошибокъ и неумѣлыхъ операций было произведено въ послѣдніи двадцать лѣтъ всѣми этими сливками экономической интеллигенціи, этими тузами промышленнаго, торговаго и банковаго дѣла! Свѣтлыхъ результатовъ никакихъ, а повсюду и во всемъ только потери, потери и потери. Нашъ рубль упалъ такъ низко, какъ онъ еще никогда не падалъ, и паденіе это свершилось среди общаго мира и спокойствія, когда-бы, казалось, все должно расти и процвѣтать. Тузы ни въ чемъ не проявили ни энергіи мысли, ни энергіи предприимчивости, ни общей руководящей идеи, ни практической программы. Все шло само собою, стихійно, ползло и расплзлось во всѣ стороны, и не нашлось никакой силы, которая овладѣла-бы этимъ движеніемъ и дала-бы ему точное, опредѣленное и выгодное для всѣхъ направленіе. Это была постоянная игра какихъ-то непредвидѣнностей и случайностей, ни отъ чьей воли не зависѣвшихъ. Примѣръ подобной случайности свершается еще разъ на нашихъ глазахъ. Для помѣщенія сбереженій у насъ существовали частію банки, а еще лучшее помѣщеніе составляли разныя правительственныя и частныя процентныя бумаги. Несмотря на то, что бумаги давали большій процентъ, многіе изъ владчиковъ предпочитали имъ банки, считая ихъ болѣе надежными, а иногда даже и болѣе выгодными. Особенно выгоднымъ представлялся Скопинсей банкъ, стумѣвшій привлекать владчиковъ заманчивыми обѣщаніями, которыя онъ до поры до времени и выполнялъ. Въ это золотое время для бан-

ковъ наши процентныя бумаги находили себѣ преимущественное помѣщеніе за границей, и иностранныя биржи умѣли вести ими очень искусную игру на повышеніе и пониженіе. Но вотъ банки одинъ за другимъ начинаютъ разворовывать ввѣренныя имъ капиталы, оставляя своихъ довѣрителей не при чемъ, въ публикѣ распространяется паника, является недоувѣріе къ банкамъ, и какъ прежде каждый спѣшилъ внести деньги въ банкъ на храненіе, такъ теперь каждый спѣшилъ вынуть ихъ изъ банка и помѣстить въ процентныя бумаги, къ которымъ, благодаря ихъ измѣнчивому курсу, прежде было малое довѣріе. Первый толчекъ этому обратному движенію былъ, какъ полагаютъ, циркуляръ оберъ-прокурора св. Синода по духовному вѣдомству, о помѣщеніи вкладовъ изъ городскихъ банковъ въ государственныя % бумаги. По словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» покупка % бумагъ дошла за послѣднія семь недѣль болѣе чѣмъ до 35 мил. рублей. Покупка продолжается непрерывно и нынѣ, и петербургскіе банкиры получаютъ отъ своихъ провинціальныхъ кліентовъ постоянно новые и новые приказы. «Въ началѣ, говорятъ «Бирж. Вѣд.», не придавали покупкамъ публики серьезнаго значенія и приписывали имъ только характеръ временнаго явленія. Процентныя бумаги повышались, правда, вслѣдствіе существующаго спроса, но къ этому повышательному движенію относились въ биржевыхъ сферахъ съ недоувѣріемъ, а банки и банкиры выступали преимущественно сами продавцами на спрашиваемыя бумаги. Но повышательное движеніе продолжалось съ возрастающею силою и чего не могли вызвать никакія разумныя разсужденія, ни обстоятельныя газетныя статьи, сдѣлала вдругъ покупная сила провинціальныхъ русскихъ капиталистовъ, проявившаяся въ столь грандіозныхъ размѣрахъ въ послѣднія недѣли: на биржѣ стали дѣйствительно признавать, что прежнія частыя разсужденія о запутанности нашего финансоваго положенія не имѣли основанія, вспомнили о блестящихъ результатахъ, достигнутыхъ нашими акціонерными банками въ 1882 г., о крупныхъ сборахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, сильномъ вздорожаніи фрахтовъ въ водяномъ сообщеніи, обратили вниманіе на появившійся вновь усиленный спросъ на хлѣбныя товары и, указывая на удовлетворительныя цифры нашего государственнаго бюджета на 1883 г., стали находить страннымъ, что нашъ вексельный курсъ занимаетъ столь низкій уровень». Въ этомъ извѣстіи странно болѣе всего то, что людямъ биржи, вѣкъ свой думающимъ въ биржевомъ направленіи, совершенно внезапно уясняется то, что всегда должно было быть ясно, и толчекъ этому пониманію даетъ стихійное движеніе провинціальныхъ капиталовъ, вызванное паникой и недоувѣріемъ къ банкамъ. Но одного того, что петербургская

биржа оживилась и петербургскіе банкиры получаютъ приказы на большія закупки процентныхъ бумагъ, еще недостаточно для уравновѣшиванія цѣнности нашего бумажнаго рубля съ золотомъ; недостаточно также и понимается, что производительныя силы Россіи—все тѣ-же силы, что и были прежде. Извѣстіе, приведенное изъ «Бирж. Вѣд.», еще больше убѣждаетъ въ томъ, что мы дѣйствуемъ стихійно и что наши финансисты и биржевики оказываются въ этомъ случаѣ нисколько не выше публики. А казалось-бы, кому какъ не биржевикамъ и банкирамъ установить безошибочныя основанія для коммерческихъ и банковыхъ сдѣлокъ, выработать и создать программу для нашей биржевой и коммерческой политики и создать въ Россіи центральный рынокъ для русскихъ бумагъ, а не позволять создавать его въ Берлинѣ.

III.

Мысль имѣетъ свои законныя права, и законное, естественное, т. е. логическое ея право въ томъ, чтобы находить поправку собственнымъ ошибкамъ. Но и у поправки есть тоже свой логическій законъ, заключающійся въ томъ, чтобы выводъ заключалъ въ себѣ дѣйствительную поправку, а не громоздилъ-бы новыя ошибки. Авторы проектовъ, которымъ посвящается настоящая статья, очень вѣрно подмѣтили рядъ фактовъ и явленій отрицательнаго характера, совокупность которыхъ выражается въ общемъ экономическомъ разстройствѣ Россіи; но авторы сдѣлали ошибку, что для борьбы противъ зла они извлекли изъ арсенала старое, прадѣдовское, ржавое оружіе, которое и въ свое-то время не приносило ничего, кромѣ вреда. Слабую сторону проектовъ составляютъ не подробности, а основной принципъ, служащій точкой отправленія, и его апріорность. Принципъ этотъ діаметрально противоположенъ идеѣ, положенной въ освобожденіе крестьянъ. Всѣ проекты того времени имѣли одну сущность — возможное расширеніе личной свободы и предоставленіе наибольшихъ возможностей для всесторонняго развитія личныхъ способностей и общественныхъ силъ. Теперешніе проекты имѣютъ, напротивъ, въ виду возможное сокращеніе поля для общественной и личной свободы. И это направленіе реформаторовъ настоящаго времени находятъ себѣ сильную поддержку во многихъ органахъ печати, преимущественно въ мелкой петербургской прессѣ, которая читается Гостиннымъ дворомъ, въ пивныхъ, въ трактирахъ. Изъ большой прессы прямую поддержку оказываютъ «Московскія Вѣд.», и косвенную «Новое Время», играющее въ двойную игру, такъ что если-бы торжество оказалось на сторонѣ принципа свободы, то почтенная двойственная газета можетъ сказать: «Вѣдъ мы это говорили!» Ну, конечно, вы говорили...

Полковникъ Блюмъ признаетъ несомнѣннымъ то, что еще требуется доказательствъ. Онъ превращаетъ всѣхъ землевладѣльцевъ въ знающихъ агрономовъ, поручаетъ имъ надзоръ за сельскимъ хозяйствомъ Россіи и отдаетъ въ ихъ распоряженіе всѣхъ крестьянъ, которые обязаны обработать 120 мил. дес. своей собственной земли и 100 мил. дес. земли помѣщичьей—итого 220 милліоновъ десятинъ. Во время крѣпостного права это такъ и было, хотя съ иными подробностями; весь вопросъ лишь въ томъ, считаетъ-ли полковникъ Блюмъ и сторонники его принципа возможнымъ снова возстановить крѣпостное право, хотя-бы только въ видѣ надзора помѣщиковъ за крестьянскимъ земледѣліемъ? Но и этого еще мало. Считаетъ-ли полковникъ Блюмъ и его сторонники, что наша землевладѣльческая интеллигенція способна стать на высотѣ этой задачи и руководить русскимъ сельскимъ хозяйствомъ? Въ чемъ проявила эта интеллигенція свои сельско-хозяйственныя и агрономическія знанія и способности? Идетъ-ли ея хозяйство лучше, чѣмъ у крестьянъ, и въ чемъ до сихъ поръ отразилось влияние помѣщиковъ на улучшеніи крестьянской техники? Двадцать лѣтъ, которыя прошли со времени освобожденія крестьянъ, достаточно показали насколько наша землевладѣльческая интеллигенція чужда интересовъ земледѣлія и насколько она дорожитъ своею землею: половина ея земель перешла въ руки купцовъ и крестьянъ. Можно-ли этимъ людямъ, убѣжавшимъ отъ собственной своей земли потому-только, что ихъ познанія оказывались недостаточными при новыхъ обстоятельствахъ, поручить надзоръ за земледѣліемъ и управленіе русскимъ сельскимъ хозяйствомъ? Я говорю это вовсе не въ порицаніе землевладѣльческой интеллигенціи, а въ защиту крестьянина противъ голословныхъ и несправедливыхъ обвиненій, которыя на него сыплются. Землевладѣльцы поступали такъ, какъ они неизбежно должны были поступить; такъ-же поступилъ и крестьянинъ. Кто-же врагъ себѣ?—и вотъ одни оставляютъ свои наслѣдственныя имѣнія, потому-что это для нихъ выгодноѣе, другіе ведутъ свое хозяйство такъ, какъ имъ позволяютъ обстоятельства. При этомъ всѣ жалуются, что стало жить очень трудно, что работай хоть до кроваваго поту—все ничего не выходитъ. И надъ землевладѣльцемъ и надъ земледѣльцемъ тяготѣетъ одинаковый рокъ, въ видѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ ихъ воли и противъ которыхъ у нихъ нѣтъ никакихъ силъ. А полковникъ Блюмъ этой самой интеллигенціи, вполне сознающей свое всѣческое безсиліе, поручаетъ управленіе русскимъ земледѣліемъ. Выше были приведены факты, какъ, въ силу роковыхъ и неустранимыхъ для земледѣльца обстоятельствъ, онъ постепенно дошелъ до невозможности удобрять свои поля и сталъ получать жатву далеко

ниже средней нормы. Въ чемъ-же помогла ему землевладѣльческая интеллигенція и чему научили его наши агрономы и сельско-хозяйственныя общества? Двадцать лѣтъ наблюдая фактъ постепеннаго истощенія крестьянскихъ земель, наша сельско-хозяйственная интеллигенція до сихъ поръ не можетъ понять его и придумать средства противъ упадка народнаго земледѣлія. Еще на-дняхъ г. Заломановъ (ученый агрономъ) въ петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ доказывалъ, что если расселить крестьянъ мелкими поселками, въ родѣ хуторовъ, да отмѣнить пастбу скота на пару, то наше земледѣліе зацвѣтетъ. Совершенно справедливо, что дальняя, версть за 15, возка удобренія отнимаетъ у крестьянина много времени. Но вѣдь не на время жалуется крестьянинъ, а на то, что у него нѣтъ навозу, потому-что нѣтъ скота, а нѣтъ скота—потому-что нѣтъ корму. Если-бы г. Заломановъ подарилъ каждому крестьянину по двѣ коровы и по одной лошади, то и изъ этого-бы ничего не вышло, потому-что ихъ кормить нечѣмъ. Интеллигентные представители нашего земледѣлія придумывали въ послѣднее время много средствъ, но всѣми этими средствами повторяютъ басню о поварѣ грамотѣѣ. Пока въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ предлагали нашему земледѣльцу—то сдѣлаться личнымъ собственникомъ, ибо, по ихъ тогдашнему мнѣнію, мѣшаетъ земледѣлію общинное владѣніе, то расселиться хуторами, то вмѣсто навоза удобрять землю туками, земледѣлецъ все болѣе и болѣе выпаживалъ свою землю и все болѣе и болѣе бѣднѣлъ. Теперь г. Заломановъ предлагаетъ новое спасительное средство—расселить мужика и запретить ему пасти скотъ (котораго у него нѣтъ) на пару. Предположите, что каждый изъ этихъ проектовъ немедленно-бы осуществлялся... что было-бы теперь съ нашимъ земледѣліемъ? Нужно думать что мужикъ, благодаря заботѣ о немъ ученыхъ агрономовъ и сельско-хозяйственной интеллигенціи, давно-бы убѣжалъ куда глаза глядятъ. Право, въ ряду всѣхъ этихъ доброжелательныхъ проектовъ, проектъ полковника Блюма не изъ совсѣмъ дурныхъ. По крайней мѣрѣ, онъ наивенъ и не отводитъ глазъ наукой, да и практически вовсе неосуществимъ, такъ что уже сразу видно, что онъ не можетъ быть предметомъ обсужденія никакого сельско-хозяйственнаго общества.

Проектъ благодѣтельствованія, составленный «Московскими Вѣдомостями», соединяетъ въ себѣ на «научной подкладкѣ» множество идей: и идею полковника Блюма—принудительнаго труда, и его апіорное предположеніе, что всякій другой справится съ землей лучше мужика, и, наконецъ, идею капитализма, по которой обширная земля сдается съ торговъ желающимъ, а крестьяне къ этимъ желающимъ поступаютъ въ наемные работники. Но кто эти

желающіе и знающіе люди, которымъ «Московскія Вѣдомости» проектируютъ отдать общественную землю въ долгосрочную аренду? Прежде всего, это должны быть люди, располагающіе пристойными средствами, потому что съ пустыми руками для аренды 120 милліоновъ десятинъ на торги не придешь. Далѣе это должны быть люди любящіе и знающіе земледѣліе, способные быть хозяевами, ибо на неспособности нашихъ крестьянъ вести хозяйство и основанъ весь проектъ «Моск. Вѣд.». Предположите, что какимъ-нибудь чудомъ проектъ «Моск. Вѣд.» оказывается осуществленнымъ: на торги являются люди «способные быть хозяевами» и съ капиталами пристойнаго размѣра, чтобы арендовать 120 м. д. Что-же получится изъ этого? Получится нѣчто въ родѣ Римской имперіи время упадка, когда вся земля принадлежала только отдѣльнымъ богачамъ, а народъ изображалъ собою безземельный пролетаріатъ: на 100 тысячъ богачей—100 милліоновъ рабовъ. По соображеніямъ «Моск. Вѣд.», конечно, должно получиться что нибудь другое, даже, можетъ быть, и благоденствіе, ибо крестьяне, кромѣ арендной платы, будутъ получать еще и задѣльную плату за работу у хозяевъ; если-же къ этому присоединить еще и харчи, то, въ самомъ дѣлѣ, чего-же еще ожидать мужику? Но вотъ что еще ему нужно: свободное право располагать собой и самому заботиться о своихъ нуждахъ. Безъ этого права можетъ получиться рабская республика Парагвая, которой заправляли когда-то іезуиты, получится нѣкоторая тюрьма, въ которой изсякнетъ всякая живая жизнь, исчезнетъ свободное дыханіе, исчезнетъ свободно думающій и отвѣчающій за свои поступки человѣкъ, какъ существо нравственно-мыслящее, и получится чудовищно-невѣроятный историческій фактъ колоніи рабовъ во сто милліоновъ душъ. И когда придется этой невѣроятной колоніи ликвидировать свои дѣла, какъ это было съ Парагваемъ, въ ней не найдется ни одного человѣка, который могъ-бы думать не только объ общемъ интересѣ, но даже о своемъ личномъ. Во время крѣпостного права Россія далеко не походила на Парагвай, но вотъ любопытный фактъ, указывающій, во что превращаются люди, если отъ нихъ отнята возможность заботиться самимъ о себѣ. Около пятидесятихъ годовъ крестьяне западныхъ губерній были переведены съ барщины (которую хотятъ ввести «Моск. Вѣд.») на оброкъ. Крестьяне совсѣмъ растерялись; весь вѣкъ мужикъ привыкъ, чтобы за него думали и чтобы имъ распоряжались, а тутъ пришлось думать самому, да мало того, чтобы думать, а найти что дѣлать и зарабатывать деньги. Бывали девяностолѣтнія старухи, которыя во всю свою жизнь не выходили изъ своей деревни. Нѣтъ у насъ ни активной мысли, ни активного характера, ни активной воли. Нужно-ли приводить факты,

когда они повторяются на каждомъ шагѣ? Нашъ биржевой, коммерческій и промышленный мѣръ такъ-же подчиняется всему стихійно, какъ и мѣръ крестьянскій, не умѣя отстоять своихъ интересовъ и дать отпоръ натиску. Вѣдь только поэтому нами постоянно и играютъ иностранцы, эксплуатируя нашъ рубль, нашу промышленность, нашу торговлю. А нѣмецкій «Drang nach Osten»! Пока мы тѣшимъ себя только насмѣшками надъ нѣмцами—нѣмцы дѣлають дѣло и, заселяя Царство Польское, забираются уже и въ намъ. «Новое Время» напрасно смѣется надъ «культурой» поляковъ; культура тутъ не при чемъ. Какими наше общество располагаетъ наклонностями, чтобы проявлять свою самостоятельность? Говоря о неурожаѣ на югѣ, «Недѣля» замѣчаетъ: «Особенность нѣнѣшней нужды состоитъ въ томъ, что мы не предаемся уже иллюзіямъ насчетъ отысканія для голодающихъ новыхъ источниковъ для заработковъ. Ни о желѣзныхъ дорогахъ, ни объ оросительныхъ и т. п. работахъ нѣтъ и помину. Кромѣ традиционныхъ ссудъ, да немногихъ частныхъ пожертвованій, у насъ передъ глазами нѣтъ ничего. О томъ, что рядъ мѣстностей голодаетъ, мы даже какъ-то забываемъ, и когда рѣчь заходитъ о какомъ-нибудь пожертвованіи, рѣдко кому даже въ голову приходитъ, что въ настоящемъ году у насъ есть голодающія мѣстности. Промежутковъ между прежними недавними голодовками и настоящими проявленіями «хлѣбной нужды» прошелъ даже безъ какихъ-либо улучшеній по продовольственной части, хотя необходимость въ коренномъ измѣненіи ея давно уже ясна. Словомъ, въ виду того, что теперь совершается, мы не предаемся надеждамъ, не изыскиваемъ новыхъ способовъ, не поддаемся благотворительнымъ увлеченіямъ, а безмолвно ждемъ, что будетъ. Вотъ эта-то страшная пассивность и подчиненіе себя случайностямъ и составляютъ тотъ злой рокъ, который управляетъ нашей судьбой. Г. Евгений Марковъ, желая умиротворить въ чемъ-то общественное мнѣніе, говорить, что никакихъ преслѣдованій интеллигенціи не было и она «осталась тою-же, какою всегда была, безъ малѣйшаго ущерба и урѣза, безъ малѣйшей грозившей ей опасности». Но вотъ въ томъ-то и бѣда, что интеллигенція осталась тою-же. А г. Юзефовичъ хочетъ закрыть университеты, уничтожить высшее женское образованіе и сократить печатъ! Если ужъ мы и теперь такъ бѣдствуемъ по милости нашей инертной торговой, промышленной, банковской и земской интеллигенціи, что-же будетъ, когда мы останемся безъ всякой интеллигенціи, хотя и плохенькой, а изъ газетъ сохранить г. Юзефовичъ только «Московскія Вѣдомости», «Минуту», да «Гражданина»?

Н. В.

6*

ГАМБЕТТА И ЕГО ЛЕГЕНДА.

(Политическая и социальная хроника)

I.

Конецъ 1882 г. засталъ Францію въ тревогѣ и заботѣ. Вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ газетахъ ставили только одинъ вопросъ: «Какъ здоровье Гамбетты?» Эта болѣзнь, надъ которой только посмѣивались въ началѣ, стала внушать серьезныя опасенія, а эти опасенія только подтверждались послѣдующими извѣстіями, такъ что, наконецъ, заговорили о неминуемой опасности. Затѣмъ послѣдовало опроверженіе мрачнаго предсказанія. Въ воскресенье, вечернія газеты напечатали слѣдующій, съ нетерпѣніемъ ожидавшійся бюллетень: «Въ мѣстномъ болѣзненномъ процессѣ замѣтно улучшение. Общее состояніе здоровья удовлетворительно». Слѣдовательно, больному лучше, и Парижъ заснулъ подъ впечатлѣніемъ этого успокоительнаго извѣстія.

Только нѣкоторымъ извѣстна была печальная истина. Тѣ, кто отправился за справками въ редакцію «République française,» нашли ее опустѣвшею, двери открытыми, а привратникъ съ смущеннымъ видомъ объявлялъ, что всѣ уѣхали въ Вилль д'Аврэ. Въ самую минуту опубликованія бюллетеня пришла телеграмма, извѣщавшая о внезапной переměнѣ въ состояніи больного. На слѣдующее утро городъ проснулся при сотни разъ повторяемомъ на всѣхъ перекресткахъ крикѣ продавцевъ газетъ: «Смерть Гамбетты!» Многіе отказывались вѣрить и, встрѣчаясь съ знакомыми, вмѣсто обычной формулы поздравленія съ новымъ годомъ, спрашивали другъ друга: «Правда-ли, что онъ умеръ?» Между тѣмъ, съ самаго ранняго утра значительная толпа собралась на Сень-Лазарской станціи, чтобы ѣхать оттуда въ Вилль д'Аврэ. Домъ стоитъ у самой станціи на улицѣ *Du chemin vert*. Двери открыты настежь. Заплаканная служанка вводитъ посѣтителей въ столовую. Рядомъ, въ маленькой гостинной, собралось нѣсколько друзей, молчаливыхъ и

печальныхъ. Спюллеръ встрѣчаетъ прїѣзжающихъ и дружески пожимаетъ имъ руки; его душатъ слезы.

Узкая лѣстница ведетъ въ скромно убранную комнату: кресло, два стула, столикъ и кровать чернаго дерева, на которой лежитъ тѣло. Тутъ-же стоитъ простая желѣзная кровать, покрытая бѣлымъ одѣяломъ. Надъ нею виситъ портретъ Мирабо. У одного изъ оконъ помѣстился живописецъ, быстро набрасывающій на полотно печальную комнату, гдѣ лежалъ на смертномъ одрѣ Леонъ Гамбетта, подъ портретомъ великаго оратора французской революціи, подобно ему безвременно-унесеннаго смертью. Тѣло покрыто бѣлымъ полотномъ, по которому разсыпаны цвѣты. Голова нѣсколько склонена влѣво и, несмотря на смертную блѣдность, кажется живою: правый глазъ открытъ, вѣко лѣваго—опущено. Прекрасный лобъ, строго загнутый носъ, несмотря на посѣдѣвшую бороду и сильную просѣдь волосъ, еще напоминаютъ мощное впечатлѣніе, которое производила эта львиная голова съ трибуны. Даже складки губъ еще сохранили слѣды самоувѣренной улыбки, никогда не покидавшей ихъ при жзни.

Болѣзнь, приведшая къ такому концу, была непродолжительна и покрыта тайной. Въ понедѣльникъ, 27 ноября, около полудня, слуга послѣшно вошелъ къ доктору Ланнелонгу: «Г. Гамбетта раненъ, сказалъ онъ.—Его карета ожидаетъ васъ». Докторъ отправился немедленно и нашелъ больного въ постелѣ, съ перевязанною рукою. Что-же случилось?

Въ то-же утро Гамбетта принималъ у себя одного изъ знакомыхъ своихъ, артиллерійскаго генерала Турма, который привезъ ему складной револьверъ новаго образца. Гамбетта,—у котораго страсть къ огнестрѣльному оружію равнялась неосторожности въ обращеніи съ нимъ, — проводивъ генерала, захотѣлъ тотчасъ-же попробовать револьверъ у себя въ саду. Онъ взялъ его со стола и началъ заряжать правою рукою, придерживая лѣвою за рукоятку. Одинъ изъ патроновъ не вошелъ какъ слѣдуетъ въ барабанъ, и дуло не сходилось съ казенною частью. Гамбетта сильно надавливаетъ на оконечность дула. Раздается выстрѣлъ. Прибѣгаютъ, видятъ, что льется кровь, погружаютъ руку въ холодную воду и призываютъ мѣстнаго врача, который и сдѣлалъ первую перевязку.

Выслушавъ этотъ рассказъ, докторъ Ланнелонгъ констатировалъ, что зарядъ вошелъ около середины ладони, проникъ подъ сухожильную оболочку и пройдя чрезъ лучево-кистевое сочленіе, вышелъ на пять сантиметровъ выше кисти, съ наружной стороны руки. Несмотря на причиненныя поврежденія, надѣялись на немедленное заживленіе раны, и къ этому возможно скорѣйшему за-

живленію и было направлено леченіе. Нѣсколько другихъ врачей пріѣзжали для оказанія содѣйствія Ланнелонгу, въ особенности Фьезаль, Вернейль, Шарко и Поль Беръ.

Рана зажила быстро. 15-го декабря больному разрѣшено была даже гулять по саду и принять нѣсколькихъ посѣтителей. Онъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. На другой день, однакоже, его веселость исчезла; онъ почувствовалъ какое-то неопредѣленное нездоровье, которое объясняли слишкомъ обильнымъ ужиномъ и постояннымъ запоромъ. 17-го появились боли, вслѣдъ за которыми обнаружилась опухоль, сопровождаемая сильнымъ и частымъ ознобомъ. Температура доходить до 39.°6. Диагнозъ указалъ на воспаленіе клѣтчатки подъ толстою кишкою. Болѣзнь становится серьезною. Обращаются къ Трѣла. «Какъ, сказалъ онъ,— вы обрекли этого человѣка на неподвижность; но ему необходимо было движеніе. Вы закрыли рану, а слѣдовало дренировать, для облегченія выхода гноя. Теперь слишкомъ поздно. Я ничего уже не могу сдѣлать».

Однако, онъ все-таки осмотрѣлъ больноо. «Но этотъ человѣкъ погибъ!» воскликнулъ онъ послѣ осмотра и, въ видѣ послѣдней, отчаянной попытки, предложилъ открыть искусственный выходъ для брюшного нагноенія. Предложеніе знаменитаго медика было пущено на голоса. Большинство высказалось противъ. Ланнелонгъ, не желая брать на себя отвѣтственности личнаго рѣшенія, преклонился предъ рѣшеніемъ товарищей, то есть подалъ голосъ за то, чтобы дать больному умереть. Затѣмъ, чтобы не смущать его послѣднихъ минутъ, всѣ собравшіеся на совѣтъ врачи подписали вышеприведенный бюллетень о значительномъ улучшеніи, такъ какъ Гамбетта продолжалъ заставлять читать себѣ печатавшіеся въ газетахъ отчеты о состояніи его здоровья.

Въ воскресенье, послѣ полудня, докторъ Ланнелонгъ констатировалъ въ высшей степени опасные симптомы. Пораженная область уже не была раздута гноемъ, въ ней замѣчалось, напротивъ, внезапное опаденіе. Первоначальное воспаленіе распространилось на всю подвздошную область. Ознобъ проявлялся съ неправильными промежутками; языкъ былъ сухъ и красенъ; сѣроватый налетъ покрывалъ губы и десны. Вечеромъ положеніе больного стало ухудшаться съ ужасающею быстротою. Лице приняло землистый трупный оттѣнокъ. На кожѣ выступили темнубурыя пятна. Въ большей части сочлененій появились жестокія боли, такъ что больной не могъ сдѣлать почти ни одного движенія безъ стона.

Въ одиннадцать часовъ онъ былъ еще въ полной памяти. «Мужайтесь, друзья, говорилъ онъ,—я чувствую, что для меня все

кончено. Выходившій въ эту минуту Ланнелонгъ сказалъ друзьямъ: «Теперь это уже вопросъ минуты». Дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя началась агонія. Внезапный бредъ смѣнялся коматознымъ состояніемъ. Больной закрылъ глаза. Думали, что онъ спитъ. Докторъ Фьезаль нагнулся, пощупалъ пульсъ, выслушалъ больного, затѣмъ подозвалъ Поля Бера, который съ своей стороны сдѣлалъ то-же самое. Врачи переглянулись. «Все кончено», сказали они. Имъ отвѣтилъ раздирающій душу крикъ, и они увидѣли у своихъ ногъ, на коврѣ, безъ чувствъ несчастную женщину, о которой такъ много говорили за послѣднее время подъ скромнымъ именемъ госпожи X.

II.

Такимъ-то неожиданнымъ и преждевременнымъ образомъ исчезъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся людей нашего времени, который, въ теченіи десяти лѣтъ занимая первенствующее мѣсто на политической сценѣ, надѣялся сохранить за собою это мѣсто еще на долгое время.

Не долго было сонъ, но зато какой сонъ! Выйти изъ лавки мелкаго торговца и неслыханнымъ стеченіемъ обстоятельствъ сдѣлаться сразу диктаторомъ Франціи въ минуту ея бѣдствій, пасть вмѣстѣ съ нею подъ тяжестью пораженія, затѣмъ снова всплыть на поверхность, въ теченіи пяти лѣтъ оказывать громадное вліяніе на страну, такъ сказать править ею безъ титула, безъ бюджета, безъ арміи, но, быть можетъ, болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ даже въ 1870 году. Далѣе, на другой день послѣ того, какъ кагорское торжество санкціонировало это подпольное правленіе, видѣть внезапный поворотъ счастья, испытать послѣдовательный рядъ неудачъ: унижительное испытаніе въ Шароннѣ, избирательную неудачу въ Белльвилѣ, этой колыбели его славы, паденіе великаго министерства, наконецъ пистолетный выстрѣлъ, оторвавшій его отъ новыхъ грандіозныхъ замысловъ, чтобы навѣки погрузить въ безмолвіе смерти. Таковъ въ общихъ чертахъ резюме этой трагической эпопеи, которая сегодня походитъ на сказку, а завтра будетъ исторіей.

Правда эта легенда превратится въ исторію лишь подъ условіемъ своего очищенія въ горнилѣ истины. Противоположныя страсти, возбужденныя Гамбеттою на своемъ полномъ приключеній пути, представляютъ весьма слабую гарантію для точности. Какъ распознать истинныя черты этой фізіономіи и этого существованія, когда ихъ безмѣрно возвеличивали одни, жестоко оклеветали другіе и искажали всѣ? Мельчайшія подробности, сокровеннѣйшіе

изгибы были выкопаны и разобраны, но каждый смотрѣлъ глазами или восторженнаго поклоненія, или систематическаго отрицанія. Одни видѣли въ немъ несравненнаго генія, душу Франціи, воплощеніе республики, высшее упованіе той и другой. Другіе оспаривали у него самый ораторскій даръ, дѣлали отвѣтственнымъ за національное пораженіе, называли измѣнникомъ республиканскому дѣлу. Частная жизнь подвергалась такой-же разнообразной оцѣнкѣ, какъ и жизнь общественнаго дѣятеля. Приводили балансъ его громаднаго и темными путями нажитаго состоянія; описывали роскошь его дома, оргіи, въ немъ происходившія. Напротивъ, поклонники видѣли въ немъ идеаль безкорыстія, описывали его скромные вкусы и увѣряли, что онъ умеръ бѣднымъ, какъ Аристидъ. Маленькій домикъ des Jardies послужилъ поводомъ къ трогательнымъ идилліямъ. Такъ вотъ, говорили послѣдніе, та роскошная вила, гдѣ, упиваясь тонкими винами, сатрапъ Гамбетта питался трудовымъ потомъ народа и забывалъ свои обѣщанія и программы! Вотъ та Капуя въ миниатюрѣ, тотъ великолѣпный замокъ, въ которомъ кухня занимала такое обширное мѣсто! «Да это pied-à-terre мудреца, дачка мирнаго гражданина, жаждущаго подышать чистымъ воздухомъ и отдохнуть въ уединеніи; нѣсколько гравюръ, книгъ, вещей, съ которыми связаны воспоминанія; простота, какой мечталъ Гораций. Какое изумленіе! Какой отвѣтъ клеветникамъ! Но для того, чтобы Гамбетта, съ презрѣніемъ относившійся къ нападкамъ, отвѣтилъ на нихъ, ему нужно было умереть. Онъ умеръ на студенческой кровати, во флигельѣ дома Бальзака!» Такъ восклицала одна изъ дружественныхъ газетъ, проникнувшись негодующею печалью. А легенда о ранѣ,—сколько выдержала она изданій! И каждое было пересмотрено, исправлено и пополнено. Гамбетта ранилъ себя по неосторожности. Какая нелѣпость! Да и не пикантно вовсе. Покушеніе на его жизнь—это другое дѣло. Кто-же покушался?—Все равно, кто-бы то ни былъ!—Напротивъ. Если бы это была женщина, ревнующая любовница, на примѣръ, тогда драма приняла-бы корсиканскій отбѣнокъ. Но это еще не все. Рана на рукѣ зажила. Что-же придумать теперь? Завтра нечѣмъ будетъ наполнить столбецъ въ газетѣ. Къ счастью, случился перитонитъ, а затѣмъ и периколитъ. Прекрасно; но въ какомъ видѣ представить это публикѣ? Воспаленіе и только, — это случается со всякимъ. А что, еслибы изъ одной пули сдѣлать двѣ! Рѣшено. Повинутая женщина сдѣлала не одинъ, а два выстрѣла по измѣнившему ей любовнику; до сихъ поръ говорили только о ранѣ въ руку, но о другой, о ранѣ въ животъ умалчивали изъ политическихъ соображеній.

По тому же поводу не преминули посвятить публику въ аль-

ковныя тайны великаго человѣка; прослѣдили всю его жизнь, начиная съ самой ранней юности и до трагическаго конца. Списокъ женскихъ именъ, оспаривавшихъ другъ у друга сердце Гамбетты, за послѣднее время достигъ неслыханныхъ размѣровъ.

Какимъ-же путемъ открыть истину въ ея неприкрашенной наготѣ, среди преувеличеній духа партій и искаженій рекламы? Даже то, что, казалось-бы, вполне обезпечено отъ этой игры воображенія, не ускользаетъ отъ нея. Мы это видимъ, напримѣръ, изъ результатовъ вскрытія тѣла, о которыхъ говорилось въ публикѣ. Легенда не удовольствовалась живымъ, она воспользовалась и трупомъ. Она преслѣдовала свой объектъ даже подъ анатомическимъ ножомъ и открыла въ высшей степени странныя вещи. Можно было ожидать, что мозгъ человѣка, имя котораго такъ гремѣло при его жизни, долженъ оказаться при вскрытіи въ соответствіи съ такъ много прославляемыми дарованіями. Но судьба рѣшила, что съ нимъ все будетъ случаться не такъ, какъ съ другими, а самымъ необыкновеннымъ образомъ. Мозгъ его не достигалъ даже нормальнаго вѣса и уклонялся отъ него на 160 грам. становясь, такимъ образомъ, въ разрядъ наиболѣе слабыхъ умовъ. Мнѣ пришлось слышать объ этомъ отъ ученаго, пользующагося репутаціей весьма компетентнаго по этой части и увѣрявшаго, что онъ знаетъ фактъ изъ достовѣрнаго источника.

Путь къ познанію истины оказывается далеко не легкимъ, когда затеряешься въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ данныхъ, которыя каждый старается еще усложнить и затемнить сколько можетъ. Однако разобраться во всемъ этомъ не невозможно, подъ условіемъ умѣнья видѣть и читать.

Такъ, возвращаясь къ мозгу Гамбетты и по наведеніи необходимыхъ справокъ, узнаемъ, что газеты, не грѣшачія вообще избыткомъ эрудиціи, смѣшали головной мозгъ съ общимъ количествомъ мозгового вещества. Первый, какъ оказалось по вскрытіи, вѣсилъ 1,160 грам., то есть имѣлъ приблизительно средній вѣсъ обыкновеннаго здороваго мозга. Но, что заслуживало вниманія, это изумительная сложность и обиліе извилинъ мозговой массы,—явленіе, какъ извѣстно, болѣе непосредственно связанное съ богатствомъ дарованій субъекта.

Прибавимъ, что никакой пули не было найдено въ брюшной полости, а оказались только слѣды застарѣлаго кишечнаго разстройства.

Эта экскурсія въ область медицины напомнила мнѣ и другой фактъ, по поводу котораго ходили всевозможные варианты. Это исторія или, вѣрнѣе, легенда о выколотомъ глазѣ. Потерять глазъ по несчастной случайности—дѣло нерѣдкое, но выколоть его себѣ

умышленно,—это, очевидно, не такъ часто встрѣчается; можно даже сказать, что это единственный въ своемъ родѣ примѣръ, а слѣдовательно и вполнѣ подходитъ къ исключительной натурѣ Гамбетты. Но обратимся къ факту:

«Гамбетта, этотъ заклятый врагъ поповъ, по странному стеченію обстоятельствъ, получилъ воспитаніе, по крайней мѣрѣ первоначальное, въ духовномъ училищѣ. Понятно, что его инстинкты свободнаго мыслителя были глубоко возмущены такою близостью. Не религиозной, а научной пищи жаждалъ этотъ рано развившійся умъ. Отвращеніе его къ религиозному обученію, которое ему навязывали, достигло такихъ размѣровъ, что однажды онъ написалъ отцу о твердомъ намѣреніи своемъ выколоть себѣ глазъ, если его не возьмутъ изъ семинаріи. Отецъ оказался непреклоннымъ; ребенокъ же, не колеблясь, приводитъ въ исполненіе свою угрозу и пожемъ выкалываетъ себѣ лѣвый глазъ. Затѣмъ онъ снова пишетъ отцу, что лишитъ себя и другого глаза, если не освободятъ его отъ пребыванія въ ненавистномъ училищѣ. На этотъ разъ, само собою разумѣется, отецъ поспѣшилъ отвѣтить на призывъ.»

Вотъ, что рассказывалось, съ цѣлью доказать непреклонную волю Гамбетты. Едва-ли нужно говорить, что подобное проявленіе спартанской энергіи у восьмилѣтняго мальчика есть чистѣйшій вымыселъ. На самомъ дѣлѣ исторія гамбеттовскаго глаза принадлежитъ къ разряду самыхъ обыкновенныхъ несчастныхъ случаевъ, невольною жертвою которыхъ можетъ быть каждый изъ насъ, обыкновенныхъ смертныхъ. Истину о происшествіи мы находимъ занесенною въ «Еженедѣльную медицинско-хирургическую газету». Статья этой газеты даетъ даже полную исторіографію гамбеттовскаго глаза. Рассказъ, хотя и лишенный ухищреній воображенія, представляетъ, тѣмъ не менѣе, живой интересъ.

Однажды вечеромъ, это было въ 1867 году, возвращаясь домой для пріема больныхъ, знаменитый офталмологъ Веккеръ, замѣтилъ двухъ прохаживавшихся передъ его домомъ людей; одинъ изъ нихъ былъ докторъ Фьезаль, другой—неизвѣстный ему молодой человѣкъ. У послѣдняго былъ завязанъ глазъ. Веккеръ обращается къ нему: «Еще въ дѣтствѣ, передаетъ пациентъ, — я зашелъ въ токарный магазинъ, рядомъ съ лавкою моего отца. Облокотясь на станокъ, я съ любопытствомъ слѣдилъ за токаремъ. Инструментъ сломался и осколокъ стали попалъ мнѣ въ лѣвый глазъ. Несмотря на плохой уходъ, глазъ долгое время находился въ довольно сносномъ положеніи. Но вотъ уже нѣсколько недѣль какъ боль усилилась». Знаменитый окулистъ вошелъ съ молодымъ человѣкомъ въ т. н. черную комнату. Катарактъ, явившійся слѣдствіемъ травматическаго поврежденія, развился со всеми наиболѣе

неблагопріятными послѣдствіями и вызвалъ мало-по-малу громадное растяженіе глаза. Выѣшняя часть глазного яблока, изборожденная расширенными сосудами, достигала такихъ размѣровъ, что вытянутая вѣка едва могла прикрыть обезображенный органъ.

«Вы хотите, чтобы я откровенно высказалъ свое мнѣніе? сказать знаменитый медикъ. — Ну, такъ вотъ видите-ли, самое лучшее для васъ—это избавиться отъ этого глаза». — Когда?—спросилъ больной. — «Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Условливаются о днѣ и часѣ. «Я васъ буду ждать», коротко сказалъ молодой человѣкъ. «Я былъ удивленъ такимъ хладнокровіемъ, рассказываетъ докторъ,—и внимательно рассмотрѣлъ молодого человѣка, такъ спокойно рѣшавшагося на операцію, на которую обыкновенно соглашаются только послѣ долгихъ колебаній. Лице его дышало умомъ и обличало энергію характера: онъ говорилъ живо, быстро, гармоническимъ голосомъ и съ нѣсколькими южнымъ произношеніемъ.» Въ назначенный день, операторъ отправился въ скромную квартиру на улицѣ Бонапартъ, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ друзей, явившихся, чтобы присутствовать при операціи. Больной легъ съ большою рѣшимостью; не прошло и минуты, какъ онъ глубоко заснулъ. «Я употребилъ, замѣчаетъ Веккеръ,—американскую систему, которая заключается въ томъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ удушать пациента эфиромъ, не обращая вниманія на то, что онъ вообще противится удушью». Гамбетта перенесъ тоску, сопровождающую первыя дыханія эфира, не выказавъ ни малѣйшаго страданія. Операція была удачна, и выздоровленіе наступило весьма быстро. Черезъ три дня онъ былъ уже на ногахъ.

«Въ первые дни послѣ операціи, сообщаетъ Веккеръ,—я ежедневно отправлялся на улицу Бонапартъ и скоро замѣтилъ почти фанатическую преданность молодому адвокату со стороны его многочисленныхъ знакомыхъ; мнѣ казалось необъяснимымъ подобное рвеніе. Любопытство заставило меня спросить какъ-то одного изъ его вѣрныхъ товарищей: «Скажите, пожалуйста, кто же такой вамъ Гамбетта, которому вы такъ поклоняетесь? Вы всѣ здѣсь молодые люди почти одного возраста». — «А, отвѣчалъ мнѣ тотъ, вы еще его не знаете, но увидите, чѣмъ будетъ онъ со временемъ!»

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, передавая вырѣзанный глазъ искуснѣйшему гистологу того времени по анатомо-патологическимъ изслѣдованіямъ глаза, профессору Иванову, я сказалъ ему: «Вотъ предметъ, которымъ я очень дорожу; это глазъ человѣка, призваннаго, какъ я увѣренъ, играть весьма видную роль; прошу васъ поберечь его». Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, просилъ я у профессора Иванова описанія этого глаза. Два года тому назадъ, по-

слѣ смерти его въ Монтонѣ, принадлежавшая ему коллекція должна была перейти въ руки любимаго ученика его, герцога Карла Баварскаго, брата австрійской императрицы и королевы неаполитанской».

III.

Перейдемъ теперь къ другому роду воспоминаній, которыя покажутъ намъ Гамбетту въ его личной жизни, Гамбетту у себя дома. Экспансивный и общительный, онъ былъ въ своей личной жизни нѣкоторымъ образомъ открытой книгой, въ которой легко могъ читать каждый, подходившій къ нему на болѣе или менѣе близкое разстояніе.

По существу своему, онъ былъ богомой, не созданнымъ ни для семейной, ни для кабинетной жизни. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые сохнутъ надъ пыльными фолиантами. Одаренный изумительнымъ даромъ усвоенія, ловя на лету и присвоивая себѣ всякое удачное выраженіе, всякую оригинальную мысль, онъ не могъ жить безъ общества, застольной бесѣды, постоянного общенія съ сотнями людей, имена которыхъ онъ забывалъ на другой-же день. Ему необходимы были безконечныя денныя и вочныя перекочевки.

Чтобы быть записаннымъ въ сословіе адвокатовъ, ему пришлось нанять квартиру и завести мебель, и тѣ, кто зналъ его въ ту пору, помнятъ, съ какимъ удивленіемъ созерцалъ онъ собственную обстановку. Однако, онъ нисколько не измѣнилъ своего образа жизни. Всегда безпечный и незнакомый съ подробностями практической жизни, онъ вернулся послѣ войны къ своимъ студентскимъ привычкамъ, переѣзжалъ изъ однихъ меблированныхъ комнатъ въ другія до самаго того дня, когда поселился въ собственной квартирѣ, въ пятомъ этажѣ, на улицѣ Монтанъ. И на этотъ разъ онъ не менѣе чѣмъ въ первый дивился переменѣ. Мѣстность онъ выбралъ не вслѣдствіе ея аристократическаго отпечатка, а для того, чтобы быть подальше отъ своихъ бельвийскихъ избирателей. Ни разу не давалъ онъ тамъ обѣдовъ, по крайней мѣрѣ, пышныхъ. Напротивъ, приглашенія на обѣды сыпались на него со всѣхъ сторонъ, и онъ охотно принималъ ихъ, такъ какъ сознавалъ себя гостемъ, котораго охотно слушаютъ. Въ гостяхъ, послѣ обѣда, онъ спрашивалъ пива и, опоражнивая значительное количество стакановъ, что не мѣшало ему сохранять полную ясность ума и языка, произносилъ цѣлыя монологи *de omni re scibili*, оставляя порознь въ сторонѣ и политику, чтобы пошекетничать съ искусствомъ, высказать мнѣніе о послѣдней художественной выставкѣ (онъ воображалъ себя знаткомъ въ живописи), о кулинарномъ рецептѣ или

просто о какомъ-нибудь ходѣ въ экартэ, любимой игрѣ, во которой былъ очень искусенъ. Изъ посѣщавшихся имъ домовъ всего охотнѣе бывалъ онъ у г-жи Эдмонъ-Аданъ (до ссоры), у Шерера-Бестнера, у Лорана-Питя и въ особенности у г-жи Арно-де-Л'Аррьежъ. За послѣднiе годы на образъ жизни Гамбетты отразились колебанiя его политической карьеры. Въ одинъ прекрасный день онъ повоинулъ улицу Монтэнъ и переѣхалъ въ домъ, занимаемый редакцiей «*République française*», на *Chaussée d'Antin*. Здѣсь, политическая дѣятельность его, расширяясь, заставила его вести и болѣе правильный образъ жизни.

Ложась поздно, онъ вставалъ только тогда, когда его камерднеръ, Франсуа, приносилъ ему газеты и письма. Этотъ Франсуа, известный подъ именемъ «маленькаго мобиля», служилъ живымъ напоминанiемъ о военной диктатурѣ Гамбетты. Онъ находился при немъ еще въ Турѣ, затѣмъ женился на кухаркѣ, которая также не замедлила воцариться въ гамбеттовской кухнѣ, но потомъ была низвергнута съ престола знаменитымъ Тромпеттомъ.

Пробѣжавъ газеты, отвѣтивъ на письма, сдѣлавъ вырѣзки для «*République française*», онъ принималъ послѣ десяти часовъ преданныхъ и вѣрныхъ. Опасаясь своей дородности, Гамбетта устроилъ у себя фехтовальный залъ и ежедневно упражнялся вмѣстѣ съ молодымъ другомъ своимъ Арно де Л'Аррьежъ.

Въ одиннадцать часовъ онъ завтракалъ. Во время завтрака нерѣдко приходилъ секретарь и тѣлохранитель Дюманженъ, бывшiй избирательный агентъ его въ Бельвиллѣ. Дюманженъ принималъ посѣтителей и сортировалъ ихъ. Послѣ-полуденное время поглощено было засѣданiями въ палатѣ или въ бюро. Вечеромъ, когда не было ни ночного засѣданiя, ни публичной бесѣды, ни банкета, ни официального бала, Гамбетта доставлялъ себѣ любимѣйшее изъ своихъ удовольствiй. Онъ отправлялся въ театръ. Имъ посѣщались, впрочемъ, исключительно «Театръ Французской Комедiи» и «Пале Ройяль», гдѣ онъ постоянно занималъ одну и ту-же ложу *grillee* въ бенуарѣ. Что-бы ни случилось и въ какую-бы то ни было погоду, въ три четверти двѣнадцатаго онъ являлся въ редакцiю «*République française*», откуда уходилъ только въ часъ ночи.

Такъ жилъ онъ въ будни. Воскресенья и праздники онъ проводилъ съ друзьями. Завтракъ накрывался, обыкновенно, на четырнадцать человекъ и тянулся неопредѣленное время. Наиболѣе постоянными посѣтителями были: Поль Беръ, Кокеленъ старшiй, Арно-де-Л'Аррьежъ, фотографъ Каржя, докторъ Гаваррэ, Фьезаль и друг. Послѣ доброй закуски, Гамбетта любилъ читать стихи и очень гордился своимъ искусствомъ. Онъ зналъ наизусть мно-

жество отрывковъ, и преимущественно изъ «Légende des Siecles» и «Châtiments», Виктора Гюго.

Каждое лѣто ѣздилъ онъ въ Швейцарію, гдѣ оживлялъ своимъ присутствіемъ мрачный замокъ г-жи Арно. Тамъ онъ вставалъ въ пять часовъ утра, катался на лодкѣ по Женевскому озеру или игралъ одинъ въ шары.

Избраніе его въ президенты палаты депутатовъ потребовало новой перемены мѣстожительства. Говорить-ли о великолѣпныхъ Бурбонскаго дворца, гдѣ онъ впервые выступилъ въ роли хозяина дома, стремясь соперничать съ воспоминаніями, оставленными этому мѣсту герцогомъ Морни?

Напоминать-ли о блескѣ праздника, на которомъ пѣли артисты Большой Оперы и который доказалъ желаніе амфитріона ослѣпить своихъ гостей всею роскошью интеллигентнаго parvenu? Въ эту-то минуту, быть можетъ, южное воображеніе Гамбетты говорило себѣ, что ему удалось осуществить одинъ изъ сновъ «Тысячи и Одной Ночи»; въ эту минуту, онъ, мысленно пробѣгая путь, пройденный со времени выхода изъ отцовской лавочки, быть можетъ всего полѣе наслаждался и славою, и счастьемъ.

Отсюда Гамбетта перешелъ въ домъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ, впрочемъ, не жилъ и даже не устраивалъ себѣ и временной квартиры. Послѣ паденія его министерства, у Гамбетты было только одно желаніе: избавить себя отъ докучныхъ посѣтителей, и съ этою цѣлью онъ нашелъ себѣ тихое убѣжище въ Пасси, въ улицѣ Дидье. Но настоящимъ его *home*, гдѣ онъ чувствовалъ себя дома, было то жилище, которое должно было оказаться для него роковымъ, — его загородный домикъ въ Вилль д'Аврэ.

Этотъ низенькій, бѣленькій и обвитый зеленью домикъ извѣстенъ подъ именемъ *les Jardies*, домъ Бальзака, какъ обыкновенно прибавляютъ. На самомъ дѣлѣ это не домъ, а одна изъ службъ принадлежавшаго знаменитому романисту дома. Гамбетта хотѣлъ купить и настоящій *des Jardies*, но съ него слишкомъ дорого запросили. Онъ жилъ пока во флигелѣ, гдѣ нѣкогда помещался секретарь Бальзака. Прикупивъ, однакоже, довольно обширный участокъ земли къ своему саду, онъ выстроилъ себѣ лѣтній павильонъ, службы, сарай и мечталъ о новомъ расширеніи владѣній, собираясь приобрести сосѣдній лугъ, который ни на какихъ условіяхъ не хотѣла уступить ему владѣлица — аристократка и легитимистка.

Домикъ въ Вилль д'Аврэ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Гамбетты. Нигдѣ не было ему такъ по себѣ, какъ тамъ, и нигдѣ также онъ не былъ такъ недоступенъ, какъ на своей дачѣ. Никто,

за исключеніемъ Арно де-Л'Аррьежа, не рѣшался пріѣзжать туда за нимъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда республиканская партія настоятельно требовала его присутствія.

Онъ велъ тамъ дѣятельно-лѣнливую жизнь, предписанную ему врачомъ; игралъ въ шары, гимнастировалъ, занимался стрѣльбою изъ ружья и пистолета и дошелъ до извѣстной степени искусства въ этомъ дѣлѣ. По близости отъ его дома тянутся громадныя лѣса, перерѣзанные шавальскою и вирофлейскою дорогами, гдѣ нерѣдко можно было встрѣтить его въ экипажѣ. Онъ катался обыкновенно съ мальчишкой въ лицейскомъ мундирѣ.

Кто былъ этотъ ребенокъ? Это оказывалось тайной. Ребенокъ наводитъ на мысль о матери. Кто-же была эта мать? Опять та же тайна! Достоверно извѣстно только имя той, которая не покидала больного, провела у его изголовья болѣе тридцати дней и столько-же ночей и приняла, наконецъ, его послѣдній вздохъ.

Ее зовутъ Леони Леонъ. Они встрѣтились въ первый разъ въ 1867 г. Она была замужемъ за чиновникомъ въ Бордо. Ей было въ то время двадцать-два года. Это была высокая стройная брюнетка съ правильными чертами лица. Сверхъ того, она обладала умомъ и образованіемъ. Между ними завязалась дружба, прерываемая борьбой и столкновеніями. Она оставила мужа, отказалась отъ своей среды, пожертвовала всѣмъ для любовника и его честолюбивыхъ цѣлей. Нерѣдко она поддерживала его энергію своею настойчивостью и упорствомъ въ минуты утомленія и унынія.

Событія ускоряются. Гамбетта дѣлается всемогущимъ. Его окружаетъ поклоненіе. Мимолетныя связи вносятъ раздоръ между нимъ и ею. Она переноситъ все это, но надѣется выйти изъ тѣни, въ которой до тѣхъ поръ оставались ихъ отношенія. Гамбетта нанялъ для нея ту самую квартирку на улицѣ Бонапартъ, которая была свидѣтельницею его первыхъ и трудныхъ дебютовъ на политическомъ поприщѣ. Три раза въ недѣлю онъ отправлялся туда, соблюдая самое строгое инкогнито. Они видѣлись также въ театрѣ, въ той самой ложѣ съ рѣшеткой, о которой мы упоминали выше и куда любопытные не разъ пытались проникнуть.

Она тяготилась этой тайной, такъ какъ, въ концѣ концовъ, сознавала себя достойною его. Она желала, чтобы ихъ союзъ былъ извѣстенъ всѣмъ, получилъ санцію свѣта. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не могла она держать салона не хуже госпожи такой-то? Къ тому же и мужъ ея умеръ, такъ-что всякое препятствіе къ ихъ браку было устранено. Но онъ привелъ разныя возраженія, обыкновенно приводимыя въ подобныхъ случаяхъ. Она дала волю своему гнѣву; дошла до того, что, какъ говорятъ, надавала ему пощечинъ.

Онъ поднялся съ мѣста и сказалъ просто: «Ступайте вонъ».

Она вернулась и съ нѣкоторыхъ поръ поселилась въ Вилль д'Аврэ, окончательно бросивъ квартиру rue Bonaparte. Мальчикъ, котораго выдали съ Гамбеттою, — ея сынъ, но онъ не былъ сыномъ Гамбетты. Рожденіе его совпало съ первымъ временемъ ихъ знакомства.

Въ Вилль д'Аврэ не разъ происходили бурныя сцены. Вслѣдствіе одной изъ такихъ сценъ, madame Léon и достала изъ кармана револьверъ. Для чего? Чтобы направить его противъ любownika, говорятъ одни; чтобы покончить съ собою, увѣряютъ другіе. Кто можетъ знать это, кромѣ самой этой женщины. Вторая версія правдоподобнѣе первой, но та, которую подтвердили медики, заслуживаетъ еще болѣе довѣрія.

IV.

Перейдемъ къ его общественной дѣятельности.

Это было въ 1868 году. Въ то время только что вышла новая книга, въ которой авторъ, Эжень Тэнно, отважно приподнял завѣсу, прикрывавшую кровавую траги-комедію 2 декабря. Изъ этой книги узнали множество новыхъ подробностей объ отпорѣ декабрьскому перевороту со стороны городовъ и деревень и о жестокостяхъ усмиренія. Въ ней приводились такіе факты, какъ двукратное разстрѣляніе Мартена Бадорэ, мужественный образъ дѣйствія нѣсколькихъ народныхъ представителей, геройская смерть одного изъ нихъ, Альфонса Бодена, который, стоя на верхушкѣ баррикады, безъ всякаго оружія, кромѣ депутатскаго шарфа, палъ жертвою пули, пущенной въ него пьяными солдатами, которымъ напомнилъ о чувствѣ долга.

Парижъ заволновался отъ этихъ разсказовъ. Захотѣли найти могилу мученика права, и въ день поминаенія усопшихъ на Мон-мартрскомъ кладбищѣ появились группы стариковъ и молодыхъ людей, студентовъ и бывшихъ изгнанниковъ, которые, пересмотрѣвъ множество могилъ, остановились предъ плитой, почти заросшей мхомъ и листьями, и увидѣли надпись: «Боденъ, представитель народа». Произнесено было нѣсколько прочувствованныхъ словъ, положено нѣсколько вѣнковъ, пролиты тихія слезы, и всѣ разошлись спокойно и съ достоинствомъ, вопреки провокаціямъ, за которыми послѣдовали аресты. На другой день при редакціи «Réveil'a» была открыта подписка, на листѣ которой, рядомъ съ знаменитымъ Беррье, стояли имена стариковъ Горы. Цѣлью подписки было сооруженіе памятника Бодену. Главный редакторъ названной газеты, Делеклюзъ, былъ привлеченъ къ судебной отвѣт-

ственности по обвиненію въ «противозаконныхъ дѣйствіяхъ внутри страны». Тогда поднялся съ своего мѣста молодой адвокатъ, съ мощнымъ торсомъ, длинными, откинутыми назадъ, черными волосами, и гордо, вибрирующимъ, попеременно то мягкимъ, то громовымъ голосомъ, началъ защиту. Это была странная защита, и она походила скорѣе на обвинительную рѣчь. Онъ защищалъ дѣло своего кліента, беспощадно нападая на имперію Наполеона III.

«Дѣло, подобное настоящему, всего менѣе должно-бы подлежать слушанію въ судебномъ мѣстѣ, сказалъ онъ.—Невозможно игнорировать смуту, внесенную въ общественную совѣсть дѣломъ 2 декабря. Въ тотъ день вокругъ претендента сгруппировались люди бездарные и безчестные, погрязшіе въ долгахъ и преступленіяхъ, люди, являющіеся во всѣ времена сообщниками насилія и о которыхъ можно повторить то, что сказалъ Саллюстій о скопищѣ, окружавшемъ Каталину, а Цезарь о тѣхъ, кто конспирировалъ съ нимъ вмѣстѣ: «вѣчное отребье благоустроенныхъ обществъ!» При помощи такого персонала, въ теченіи столѣтій подкашиваютъ учрежденія и законы и, не взирая на славную вереницу Сократовъ, Трагеевъ, Катоновъ, даютъ право солдатскимъ каблукомъ!»

Это было напыщенно, надуто и отдавало старьемъ, но подобное краснорѣчіе, которое можно было-бы назвать откопаннымъ въ римскихъ катакомбахъ, вполне {соотвѣтствовало вкусу того времени. Чувствовалась потребность въ немедленномъ протестѣ, въ которомъ, такъ сказать, толчекъ, чтобы стряхнуть съ себя долгую спячку. А для этого трудно было-бы найти человѣка болѣе подходящаго, чѣмъ нашъ молодой адвокатъ.

Одинъ видъ его напоминалъ корчащуюся на своемъ тренажикѣ Пиною. Растрепанные волосы, беспорядочно висѣвшая на немъ мантия, разстегнутый воротъ, снятый галстухъ, обнаженная и налившаяся кровью шея, сжатые кулаки, потрясавшіе перила, голосъ, постепенно возвышавшійся и достигавшій металлической звонкости, раздражаясь по временамъ громовыми или, пожалуй, трубными нотами,—все это производило сильнѣйшее впечатлѣніе своею неожиданностью при {данныхъ обстоятельствахъ. Поэтому присутствующіе были внѣ себя отъ восторга, а предсѣдатель и прокуроръ сидѣли остоленѣлые и какъ-бы пригвожденные къ своимъ мѣстамъ.

Затѣмъ онъ перешелъ къ горестной картинѣ осаждаемаго и обстрѣливаемаго картечью города. Въ ту минуту, какъ трепеть ужаса пробѣгалъ по слушателямъ, ораторъ бросилъ имъ, въ видѣ заключенія, слѣдующія слова: «Зачѣмъ говорятъ намъ о плебис-

цитѣ и объ утвержденіи его волею націи? Воля народа не можетъ превратить въ право насиліе, грубо уничтожающее самый этотъ народъ! Прошло семнадцать лѣтъ и стараются запретить обсужденіе этихъ фактовъ. Но это не можетъ, удасться. Это дѣло разбиралось вчера, будетъ разбираться завтра и далѣе, до тѣхъ поръ, пока общественная совѣсть не получитъ полнаго удовлетворенія. Есть, впрочемъ, нѣчто, осуждающее нашихъ противниковъ самымъ осязательнымъ образомъ. Вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ вы полные, безусловные хозяева Франціи. Мы не станемъ спрашивать, какое употребленіе сдѣлали вы изъ ея богатствъ, ея крови, ея чести, ея славы; мы не станемъ говорить о нарушенной неприкосновенности ея, ни о томъ, что стало съ плодами ея промышленности, не станемъ также упоминать о всѣхъ извѣстныхъ финансовыхъ катастрофахъ, которыя и въ настоящую минуту взрываютъ повсюду почву подъ нашими ногами; мы напомнимъ только, какъ свидѣтельство вашихъ собственныхъ угрызений совѣсти, что вы никогда не посмѣли сказать: мы будемъ праздновать 2-е декабря, мы поставимъ его годовщиною на ряду съ прочими торжественными днями, которые празднуются цѣлою Франціей; а между тѣмъ, всѣ правительства, смѣнявшіеся въ странѣ, всегда чтили день своего водворенія. Только двѣ годовщины: 18-е брюмера и 2-е декабря изъяты изъ списка національныхъ празднествъ, по той причинѣ, что, какъ вамъ хорошо извѣстно, общественная совѣсть отвергла бы ихъ, если-бы вы захотѣли занести ихъ въ этотъ списокъ. Но эту годовщину, отъ которой вы отказались, мы ее требуемъ и беремъ себѣ: мы будемъ праздновать ее всегда, непрестанно, ежегодно, это будетъ годовщина нашихъ мертвыхъ, до того дня, когда страна, вернувъ себѣ господство, наложитъ на васъ великое національное искупленіе, во имя свободы, равенства и братства».

Ораторъ сѣлъ. Раздался громъ рукоплесканій. Восторгъ публики не зналъ предѣловъ. Когда судьи удалились для совѣщанія, всѣ присутствовавшіе въ залѣ бросились къ оратору, чтобы пожать ему руку. На другой день весь Парижъ зналъ наизусть защитительную рѣчь, а цѣлая изумленная, пораженная и пробужденная Франція спрашивала себя: «кто этотъ новый пришлецъ и откуда онъ?» Этотъ пришлецъ былъ Леонъ Гамбетта. Онъ пришелъ съ юга, изъ страны великихъ говоруновъ—Тьера, жирондистовъ и другихъ Нума Руместановъ. Впрочемъ, родина нашего героя, такъ называемый « *Pays des Cadurques* », имѣетъ собственную фізіономію, отличающую ее отъ южныхъ мѣстностей, орошаемыхъ Роною или омываемыхъ Средиземнымъ моремъ. Это совершенно дикій край, куда почти вовсе не проникли современ-

ные нравы. Въ малоизвѣстныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ между Оверню и Лангедокомъ, обычай и люди не носятъ отпечатка нашей цивилизаціи. Крестьянинъ Лотскаго департамента въ фижакскомъ округѣ, напимѣръ, запускаетъ камни пращей не хуже первобытнаго дикаря, а въ каменистыхъ равнинахъ Рокамадура грубость жителей съ трудомъ уступаетъ прирученію. Солнце грѣетъ здѣсь не разслабляя: это страна воиновъ и борцевъ. Она насчитываетъ въ своихъ лѣтописяхъ не мало отважныхъ людей: поповъ и выслужившихся писцовъ въ средніе вѣка; позднѣе—вождей политическихъ партій и преимущественно блестящихъ военныхъ рагвенус, какъ Бессьеръ, знаменитѣйшій изъ кавалерійскихъ генераловъ, и Муратъ, шедшій въ атаку съ хлыстомъ въ рукѣ.

Говоря съ военной точки зрѣнія, Гамбетта не могъ назваться храбрымъ. Во времена юности даже, когда такъ мало дорожатъ жизнью, онъ отвѣчалъ своимъ товарищамъ-республиканцамъ: «И такъ, рѣшено, друзья. Вы пойдете подставлять лбы на баррикадахъ, а я останусь учреждать республику». Зато у него была отвага иного рода, побуждавшая его за все братья и все предпринимать съ какимъ-то грубымъ увлеченіемъ. Однажды, это было на могилѣ д'Альтона Съ, онъ заговорилъ объ «аэинской республикѣ», приглашая молодыхъ поколѣнія усвоить себѣ ея утонченные нравы. Съ улыбкой на устахъ, съ сіяющимъ привѣтливостью лицомъ, пріятнымъ голосомъ,—онъ въ высшей степени обладалъ способностью располагать къ себѣ и очаровывать, но утонченность и изысканность, которымъ дается имя аттицизма, были ему вполне чужды. Онъ считалъ себя сыномъ Аэинъ и никогда не могъ сдѣлаться даже парижаниномъ. Его самоувѣренность, дерзость, съ которой онъ брался за всевозможныя темы, отсутствіе чувства мѣры и сдержанности въ обращеніи, тонъ рѣчи, самая рѣчь и привычки мысли—все обличало въ немъ гасконское происхожденіе съ примѣсью особаго оттѣнка, свойственнаго исключительно его родитѣ, т. е. дикой землѣ «кадуревъ», и не имѣло ничего общаго съ аэинскимъ изяществомъ и тонкостью вкуса.

Однако, наивное самодовольство, соединенное съ грубостью и предприимчивостью, представляетъ только одну сторону этой мощной и разносторонней натуры. Оно не исключало тонкости, но тонкости особаго рода и скорѣе итальянскаго, чѣмъ французскаго происхожденія, такъ какъ прежде чѣмъ быть «кадурецемъ» Гамбетта былъ генуэзцемъ. Это обстоятельство довольно часто ставилось ему въ вину, и его нерѣдко называли «хитрымъ генуэзцемъ», жем оскорбить. Правда, возникали сомнѣнія относительно истинной колыбели его семейства. Одни приписывали ему швейцарское происхожденіе, другіе считали, что первоначальной родиной его была

Корсика или Флоренція. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкіе газеты требовали этой чести для Германіи, увѣряя, что Гамбетты хотя и считаются итальянцами, но произошли отъ прусскаго еврея Гамберлэ, поселившагося въ Италіи въ прошломъ столѣтіи и измѣнившаго свое имя. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что притязанія какъ Пруссіи, такъ и Корсики, въ этомъ случаѣ лишены основанія. Гамбетта—чисто-итальянское имя, въ пользу чего свидѣтельствуетъ его итальянскій корень *gamma*. Этотъ корень встрѣчается во многихъ аристократическихъ и древнихъ итальянскихъ фамиліяхъ. Не менѣе несомнѣнно и окончаніе на *etta* указываетъ на генуэзское происхожденіе. Повидимому, одна изъ вѣтвей отделилась и избрала мѣстожительствомъ Лигурію. Дѣйствительно, вотъ уже около четырехсотъ лѣтъ, какъ въ Генуѣ проживаетъ не одно, а два семейства имени Гамбетты. Одно изъ нихъ заняло мѣсто въ рядахъ генуэзской буржуазіи и выставило изъ себя нѣсколько представителей судейскаго сословія; другое никогда не выходило изъ сферы ремесленнаго сословія. На «Via della Consolazione» можно видѣть домъ, гдѣ находилась сапожная мастерская нѣкоего Николая Гамбетты. Другой членъ того-же семейства проникъ въ аристократію, но только въ качествѣ повара. Одинъ изъ сыновей его отправился искать счастья въ Швейцарію и поселился близъ Ловарно. Другой уѣхалъ во Францію, въ Марсель, гдѣ нѣкоторое время былъ носильщикомъ. Скопивъ небольшой капиталъ своимъ труднымъ ремесломъ, онъ сдѣлался разнощикомъ и умеръ, оставивъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Къ этой-то родословной долженъ быть отнесенъ отецъ Леона Гамбетты, Жозефъ Николай Гамбетта. Немного лѣтъ тому назадъ, въ Ниццѣ умерла его сестра, дѣвица Роза Гамбетта, поступившая къ канонику въ качествѣ служанки. Жозефъ Николай давно уже поселился въ Кагоръ; онъ началъ съ бакалейной лавочки, затѣмъ расширилъ свою торговлю. Еще и теперь сохранилась на Рыночной площади слѣдующая вывѣска: «Генуэзскій базаръ, Гамбетта младшій; гаврскій, нантскій и бордосскій сахаръ по 1 франку за кило». Почтенный коммерсантъ женился рано на Маделенѣ Массабі, женщицѣ дѣятельной, умной и трудолюбивой, которая немало содѣйствовала развитію торговыхъ дѣлъ мужа. Отъ этого-то брака родился 2-го апрѣля 1838 г., въ 1 ч. утра, Леонъ Гамбетта.

Какъ видимъ, онъ не былъ знатнаго рода. Въ числѣ предковъ у него было не столько рыцарей, сколько вилановъ, и печной дымъ болѣе извѣстенъ этому семейству, чѣмъ боевой огонь. По крайней мѣрѣ родословная вознаграждаетъ за недостаточную знатность своею древностью. «Меня увѣряли, что мое семейство очень древнаго рода», небрежно говорилъ онъ иногда.

Но несомнѣнно, что оно итальянскаго и генуэзскаго происхожденія. Оно принадлежало той расѣ, о которой Пьеръ де Л'Этуаль сказалъ: «Итальянцы, генуэзцы самые искусные изъ людей въ дѣлѣ обмана и предательства». Дантъ также заклеилъ ихъ слѣдующими знаменательными словами: «О генуэзцы, генуэзцы, раса, чуждая всѣхъ добродѣтелей и омраченная всѣми пороками, зачѣмъ не выбросили васъ изъ среды народовъ?»

Отецъ Гамбетты сохранилъ свою національность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ думали сдѣлать его сенаторомъ, но пришлось отказаться отъ этого, такъ какъ онъ не французъ. Самъ Гамбетта сдѣлался французомъ только въ 1859 г. Ему пришлось выбирать между обѣими національностями наканунѣ рекрутскаго набора. Не безъ стѣсненія сердца и внутреннихъ колебаній рѣшился онъ на этотъ шагъ.

V.

Какъ мы уже сказали, Гамбетта родился въ Кагорѣ 2—3 апрѣля 1838 г. (Такъ значится въ метрическомъ свидѣтельствѣ). Ваперо, Ларусъ и прочіе біографы его даютъ другое число, а именно 30 октября того-же года. Но и самъ Гамбетта не зналъ въ точности дня своего рожденія, если судить по надписи, стоящей на диссертациі, которую ему пришлось защищать въ январѣ 1860 г. Онъ обозначилъ на ней днемъ своего рожденія 11 апрѣля.

Кагорскій лавочникъ желалъ для сына болѣе блестящей карьеры и выбралъ для него духовное званіе. Съ этою цѣлью мальчика и опредѣлили въ монтобанскую семинарію. Но склонности ребенка не соответствовали такому воспитанію, и скоро его должны были взять изъ этого заведенія. Изъ семинаріи юный Гамбетта перешелъ въ кагорскій лицей, гдѣ за нимъ сохранилась репутація лучшаго ученика по части греческаго языка, но не по части французскаго, такъ какъ онъ примѣшивалъ множество словъ изъ мѣстнаго діалекта къ ученическимъ упражненіямъ, по свидѣтельству профессора риторики.

Восемнадцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ для изученія права. Въ 1850 году онъ получилъ званіе адвоката и переѣхалъ изъ Варской гостиницы, на улицѣ Турнонъ, въ собственную квартиру, на улицѣ Бонапартъ. Для веденія хозяйства онъ пригласилъ свою тетку, дѣвицу Жени Массабі, которая такъ умѣла сдѣлаться ему необходимой, что продолжала завѣдывать домою и во время диктаторства и позднѣе, когда племянникъ сдѣлался президентомъ палаты депутатовъ и переѣхалъ въ роскошное помѣщеніе въ Бурбонскомъ дворцѣ. Здѣсь она и умерла, искренно оплаканная Гам-

беттой. Дѣвица Массабя была не только ключницей, — вліяніе ея касалось и сферы нравственной. Это былъ зоркій Аргусъ, тонкое чутье котораго направлялось на распознаваніе людей, посѣщавшихъ начинающаго адвоката. Она пыталась опредѣлять отношеніе каждаго новаго лица къ племяннику: «этотъ тебя любитъ, говорила она, — а этотъ смотритъ іезуитомъ».

Не слѣдуетъ однакоже думать, что тетушка сама была вольтеріанкой. Первыми словами ея по переѣздѣ на квартиру rue Вопарате было: «Къ какому ты принадлежишь приходу?» Само собою разумѣется, что племянникъ, не знавшій никогда иной религіи, кромѣ матеріализма, разсмѣялся вмѣсто отвѣта. А между тѣмъ я не возьму на себя утверждать, что если онъ не ходилъ къ обѣднѣ, то и не желалъ-бы, чтобъ другіе отправлялись въ церковь, вмѣсто него. И въ этомъ онъ былъ настоящимъ итальянцемъ.

Будущій трибунъ вначалѣ ничѣмъ не обратилъ на себя вниманія въ судѣ, кромѣ небрежности въ костюмѣ. Кто-то сказалъ о немъ, что если у него въ тѣ времена «оказывалось двѣ пуговиды на сюртукѣ, то это было уже много». Впрочемъ, адвокатство и не было никогда его главнымъ заработкомъ, и онъ искалъ скорѣе въ печати дополненія къ тѣмъ 300 франкамъ, которые получалъ отъ своего отца. Гамбетта писалъ парламентскія корреспонденціи для издаваемой Ганеско газеты «L'Europe de Francfort», затѣмъ поставилъ характеристики знаменитыхъ адвокатовъ въ другой органъ, «La cour d'assises illustrée». Онъ помѣстилъ также въ «Revue politique» нѣсколько замѣчательныхъ статей о военномъ бюджетѣ, которыя, впрочемъ, не имъ были написаны, а принадлежали перу нѣсколькихъ офицеровъ.

Въ 1866 г. пріятель Гамбетты Лорье, ввелъ его въ кабинетъ Кремье, гдѣ онъ занялъ мѣсто одного изъ секретарей и оказался весьма неисправнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей, на что не разъ жаловался его патронъ. «Въ лучшемъ случаѣ онъ способенъ надписывать адреса на конвертахъ или снимать копии съ документовъ», сказалъ какъ-то разъ Кремье. Въ судѣ являлся онъ только въ дни политическихъ процессовъ. Въ нѣсколькихъ изъ такихъ дѣлъ выступалъ и самъ въ качествѣ адвоката, и довольно блестящаго. Между прочимъ, защищалъ онъ: рабочаго, обвиняшагося въ принадлежности къ тайному обществу, и дѣло студентской газеты «Rive gauche», гдѣ сотрудничали Рожаръ и Лонгэ. По этому поводу мнѣ пришлось въ первый разъ услышать его, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе необыкновенной даровитости. Но настоящая аудиторія его была не здѣсь. Его слѣдовало слушать за столикомъ café Просоре или ресторана Clarisse на улицѣ Жакобъ. Тамъ онъ собиралъ вокругъ себя цѣлую толпу студен-

товъ, профессоровъ и литераторовъ. При его появленіи, карты откладывались въ сторону, тарелки отодвигались, и всѣ превращались въ слухъ, внимая тому, кто уже приобрѣлъ здѣсь репутацію великаго оратора. Этотъ ораторъ немедленно приступалъ къ обсужденію вопросовъ дня и предавался безконечнымъ спорамъ. Въ дни засѣданій палаты депутатовъ онъ воспроизводилъ цѣлое засѣданіе, повторялъ рѣчи ораторовъ, передавая тонъ, выраженіе и мимику каждаго изъ нихъ. Затѣмъ онъ прибавлялъ: «вотъ что слѣдовало-бы имъ сказать, вотъ что я сказалъ-бы, если-бы былъ депутатомъ». Подъ этимъ *имъ* онъ разумѣлъ императорскихъ министровъ, и въ рѣчахъ, съ которыми обращался къ нимъ *in partibus*, Гамбетта не щадилъ ихъ. Это было неизсякаемое и оглушительное словоизверженіе, съ естественнымъ аккомпаниментомъ ударовъ кулакомъ по столу. Окончивъ свою рѣчь здѣсь, онъ отправлялся въ другое мѣсто и обходилъ нѣсколько кофеенъ въ одинъ вечеръ: *café de Madrid*, *Le Rat mort*, *le café de la Paix*, и вездѣ давалъ волю своему краснорѣчію, напоминавшему частію Дантона, частію Рабелэ. «Я упражняюсь», говорилъ будущій вождь республиканскихъ собраній. Возвращаясь на свой *чердачекъ* на улицѣ Бонапартъ (чердачекъ состоялъ изъ двухъ спаленъ, столовой и кухни), Гамбетта, опьяненный не столько выпитымъ пивомъ, сколько собственнымъ краснорѣчіемъ, становился снова лицомъ къ лицу съ неприглядной и жалкой дѣйствительностью. Онъ уныло взглядывалъ на тощія *дѣла*, развернутыя на письменномъ столѣ, и измѣрялъ мысленно разстояніе, отдѣлявшее его отъ роли, которую онъ только что и такъ естественно исполнялъ.

Въ 1867 году будущій диктаторъ находился въ состояніи полнаго изнеможенія и унынія. Онъ сталъ даже сожалѣть о томъ, что предпочелъ французскую національность: такъ мало вѣрилъ онъ въ свое будущее.

Какъ-то вечеромъ нѣсколько молодыхъ журналистовъ и адвокатовъ собрались на ужинъ у Франциска Сарса. Всѣмъ было весело. Острили, сыпали парадоксами, говорили о прошломъ, о настоящемъ и будущемъ. Послѣднее для многихъ изъ гостей представлялось еще подернутымъ туманомъ. «Что до меня касается, сказалъ Гамбетта,—то я жалѣю объ одномъ, а именно о томъ, что, по достиженіи совершеннолѣтія, не перешелъ въ итальянское подданство, какъ имѣлъ на то право. Я, безъ сомнѣнія, нашель-бы себѣ мѣсто въ великомъ національномъ движеніи, которое послѣдовало за войною 1859 года; я былъ-бы на дорогѣ къ депутатству, къ министерскому портфелю, тогда какъ здѣсь... на пути, мною избранномъ, имперіи хватить на доброе двадцатилѣтіе!»

Но если и падеть когда-нибудь имперія, то кто получитъ ея

наслѣдіе? Достанется-ли оно республикѣ, безумной и эфемерной какъ въ 1848 г., или, можетъ быть, конституціонной монархіи? Последняя, какъ казалось Гамбеттѣ, имѣла всего болѣе шансовъ на успѣхъ. Впрочемъ, онъ въ сущности не оказывалъ видимаго предпочтенія той или другой изъ этихъ формъ правленія, хотя на минуточку склонялся въ пользу второй. Не мало толковъ возбудилъ завтракъ, данный въ Лондонѣ герцогомъ Омальскимъ и на которомъ присутствовали Гамбетта. Въ другой разъ онъ вмѣстѣ съ Лорье ѣздилъ въ Кларемонъ съ цѣлью просить у того-же герцога денегъ на основаніе газеты. Фактъ сообщенъ былъ Такселемъ Делоромъ въ его «Исторіи второй имперіи», а въ напечатанной въ 1876 г. статьѣ въ «Revue politique et littéraire» одинъ изъ близкихъ Гамбеттѣ людей, Шальмель Лакуръ, подтвердилъ существованіе этихъ сношеній. И вотъ, въ это самое время, молодому адвокату представляется неожиданный случай, а именно—процессъ Бодена. «Миѣ нужно кого-нибудь изъ молодыхъ, сказалъ Делеклюзъ, — и свирѣпыхъ». Кентенъ указалъ ему на Гамбетту. «Да это орлеанистъ!» возразилъ Делеклюзъ. Гамбетта обязался избрать республиканское *profession de foi* и былъ принятъ. Онъ нашелъ наконецъ свою точку и на другой-же день былъ знаменитостью. Однимъ ударомъ онъ затмилъ всѣ репутациі оппозиціи. Зато и республика, да еще и радикальная приобрѣтала его краснорѣчивый голосъ. Вознагражденіе не замедлило явиться. Въ маѣ 1869 г. происходили общіе выборы въ палату. Подъ впечатлѣніемъ блестящей защиты Делеклюза, онъ былъ избранъ депутатомъ двумя избирательными коллегіями: въ Парижѣ противъ Карно и въ Марсели противъ Тьера и де-Лессенса.

Не успѣлъ онъ сдѣлаться депутатомъ, какъ уже поспѣшилъ отречься отъ всякаго родства съ тѣми, кого назвалъ «демагогами разнаго рода». «Демагоги, сказалъ онъ въ своей марсельской рѣчи,—бываютъ двухъ сортовъ: ихъ зовутъ Цезаремъ или Маратомъ. Будь то въ пользу одного лица или-же въ пользу горсти крамольниковъ, и тѣ и другіе всегда стремятся удовлетворить свое честолюбіе и свои попопзновенія путемъ насилія. Я нахожу и ту и другую демагогію равно пагубною и ненавистною». Въ то-же время онъ создавалъ партію *непримиримыхъ*,—удачное выраженіе (подобно многимъ, найденнымъ или въ теченіи его поприща), вполне отвѣчавшее въ ту минуту общимъ требованіямъ различныхъ отѣнковъ оппозиціи.

Болѣзнь помѣшала ему выступить въ палатѣ до 1870 г. Въ первый разъ заговорилъ онъ въ пользу двухъ солдатъ, сосланныхъ въ Африку, по политическому дѣлу; далѣе, по поводу преданія суду Анри Рошфора и, нѣсколько дней спустя, въ пользу рабочихъ

стачниковъ въ Крезе. Онъ не упускалъ ни одного случая заявить о себѣ и очевидно стремился стать во главѣ оппозиціи; однако ни одна изъ его рѣчей этого періода не имѣла большого успѣха. Всѣ онъ отзывались декламаторскими привычками, пріобрѣтенными во время упражненій по кабачкамъ. Тяжелые напыщенные періоды, съ безконечными вводными предложеніями, вредятъ аргументаціи. Начинали уже поговаривать, что репутація его была раздута. Благеры уже передѣляли его имя въ Grand-Bêta (большой дуралей). «Вотъ этимъ-то мы и убьемъ его», сказали мнѣ однажды одинъ изъ его тогдашнихъ враговъ, нынѣ другъ и почитатель.

Плебисцитъ далъ ему возможность приступить къ дѣйствительно политической темѣ. Здѣсь онъ оказался на вполне родственной ему почвѣ. Онъ уже не затрудняется тѣмъ, что долженъ сказать: сотни разъ повторялъ онъ это въ обществѣ своихъ пріятелей.

Онъ потерпѣлъ пораженіе, но тѣмъ не менѣе остался величайшимъ ораторомъ французскаго парламента. Онъ взволновалъ палату, взволновалъ страну. Однако въ договорѣ, заключенномъ съ избирателями, оказалась новая брешь. Слово *непримиримый* утратило во время битвъ свой первый слогъ. Почему-бы честолюбивому депутату не сдѣлаться въ свою очередь, подобно Эмилю Оливье, первымъ министромъ либеральной имперіи?

Наступаетъ война. Возражая на легкомысленныя увѣренія де-Грамона по поводу переговоровъ съ Пруссіей онъ не отказывается однако правительству въ средствахъ для веденія войны. а послѣ бланкисткой попытки въ La Villette'ѣ, мы видимъ его требующимъ немедленнаго быстрого суда надъ мятежниками, которыхъ онъ обвиняетъ въ томъ, что они подкуплены непріателемъ.

Между тѣмъ событія летятъ съ быстротою молніи. Утромъ; 4-го сентября, онъ готовъ согласиться на то, чтобъ имперія сама ликвидировала войну; въ полдень онъ желаетъ чтобъ палата легальнымъ образомъ вотировала низложеніе, а два часа спустя, подъ вліяніемъ народныхъ штыковъ, онъ провозглашаетъ его революціоннымъ путемъ.

VI.

Одинъ годъ, но сколько пройдено! Благопріятствуемый событиями и потрясающимъ, драматическимъ вліяніемъ своего слова, Гамбетта сдѣлался членомъ правительства, въ рукахъ котораго сосредоточены были всѣ роды власти и на которое возложена была самая высокая и трудная миссія, какая только можетъ выпасть

на долю государственных дѣятелей: спасти страну отъ грозившей ей опасности, то-есть, иначе говоря, или заключить почетный миръ, или вернуть побѣду своимъ знаменамъ.

Осуществимо-ли было первое изъ этихъ рѣшеній? Да, въ томъ случаѣ, если непріятель сдержалъ-бы свое слово, если дѣйствительно какъ имъ утверждалось, онъ объявилъ войну одному императору а не французскому народу. Правительство національной обороны не преминуло напомнить Бисмарку объ этомъ торжественномъ обѣщаніи ради одной формальности, вѣроятно. Было-бы ужь слишкомъ наивно предполагать, что пруссаки выступали въ походъ безъ твердаго рѣшенія заставить Францію дорого заплатить за военныя издержки. За нѣсколько недѣль до Седана, какъ увѣряетъ собственный органъ берлинскаго правительства «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», послѣ большихъ сраженій подъ Мецомъ, вопросъ о мирѣ уже обсуждался въ бесѣдѣ графа Бисмарка съ офиціознымъ агентомъ императора Наполеона. Послѣдній предлагалъ Страсбургъ и южную часть Эльзаса, что могло служить достаточнымъ обезпеченіемъ для безопасности, которой желалъ канцлеръ для германской границы. Этого не находилъ, однако, Бисмаркъ, который указалъ на границу, обусловленную нѣмецкимъ языкомъ населенія и на уплату военныхъ издержекъ (не обозначая цифры), какъ на условіе *sine qua non* для заключенія мира. Если непріятель предъявлялъ подобныя требованія на другой день послѣ полу-побѣдоносныхъ сраженій при Гравелоттѣ и Борни, то какъ предположить, что послѣ Седана онъ откажется отъ преимуществъ, которыя считалъ уже приобрѣтенными, и откажется изъ-за вопроса чувства?

Извѣстно, какъ отвѣчала Пруссія, извѣстенъ также отвѣтъ Франціи: «ни камня нашихъ крѣпостей, ни пяди нашей земли». Оставалось выполнить самую трудную часть задачи: подтвердить дѣлами этотъ горделивый отвѣтъ. 8 сентября мнѣ пришлось быть въ кабинетѣ Гамбетты, въ обществѣ съ будущимъ полицейскимъ префектомъ Андриэ. На вопросы наши, онъ отвѣчалъ со свойственною ему энергіей выраженія непечатнымъ словомъ, смыслъ котораго былъ, что плохо дѣло. «Не знаю, что-бы слѣдовало дѣлать. Надо посмотрѣть на провинцію». Весьма возможно что онъ и тогда уже смутно предвидѣлъ ожидающую его роль. Это доказывается повидимому и тѣмъ, что онъ настойчиво требовалъ для себя управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что и получилъ, несмотря на оппозицію Жюля Симона, съ которымъ былъ уже въ натянутыхъ отношеніяхъ, а въ особенности Жюля Фавра.

Члены правительства собирались каждый вечеръ на совѣтъ. Гамбетта сперва очень аккуратно посѣщалъ его. Странныя были

эти засѣданія въ Hôtel de Ville'ѣ. Въ одиннадцать часовъ члены правительства пріѣзжали въ каретахъ, принадлежавшихъ бывшему императору. До часу ночи шли пренія. Генераль Трошю не говорилъ ни слова. Пелльтанъ также; онъ все время спалъ. Гарнье Пажесъ слѣдовалъ его примѣру, прячась за громадный воротъ своей рубашки. Остальные обмѣнивались проектами, которые остались менѣе извѣстными, чѣмъ пресловутый планъ Трошю. Въ часъ ночи, или вѣрнѣе утра, въ ту минуту, какъ слѣдовало закрыть засѣданіе, генераль поднимался съ мѣста и просилъ позволенія сдѣлать маленькое замѣчаніе. Затѣмъ онъ произносилъ длинную рѣчь, весьма литературно отдѣланную, размѣренную и вообще философскую, которая безъ малѣйшаго перерыва длилась до трехъ съ половиною часовъ утра. За исключеніемъ Пеллтана и Гарнье Пажеса, всѣ грызли себѣ ногти, всѣ смотрѣли другъ на друга съ растеряннымъ видомъ. На слѣдующій день все это повторялось съ изумительною точностью. Пріѣзжали въ одинъ и тотъ-же часъ, въ тѣхъ же каретахъ, затѣмъ одни молчали, другіе спали; возвращались къ тѣмъ-же проектамъ, послѣ чего Трошю произносилъ снова свою рѣчь, и такъ далѣе... Время шло, а программа не измѣнялась. По временамъ, изрѣдка, небольшіе варианты. Напримѣръ, въ одинъ изъ вечеровъ генераль замѣтилъ, что «мы обязаны довести до конца наше *героическое безуміе*». «Если вы называете оборону безуміемъ, отвѣтилъ Рошфоръ, — то это потому, что вы въ нее не вѣрите. А въ такомъ случаѣ вы не можете и успѣшно руководить ею». — «Оставьте, воскликнулъ Гамбетта, — эти люди, очевидно, ничего не хотятъ дѣлать». И онъ въ теченіи цѣлаго часа ходилъ по комнатѣ, какъ разсвирѣпѣвшій левъ, изгибая спину и выпрямляясь отъ времени до времени, чтобы обдать товарищей взглядомъ, сопровождаемымъ движеніемъ гривы, отъ котораго могли задрожать и менѣе робкіе люди. Это былъ его первый «выходъ». Такихъ было два или три. Въ другой разъ онъ хотѣлъ, чтобы парижская армія соединилась съ луарской. Трошю находилъ это невозможнымъ. Гамбетта склонилъ на свою сторону большинство; но когда дошло дѣло до голосованія, послѣ неминуемой рѣчи генерала, слушатели такъ были утомлены ею, что перешли на его сторону. Да и чего-бы они не сдѣлали изъ боязни повторенія ораторскаго упражненія?

Трошю не переваривалъ выходокъ Гамбетты. По его мнѣнію, это былъ нарушитель дисциплины, который лѣзъ впередъ, спѣша создать себѣ положеніе. «Я никогда не видѣлъ болѣе самовластнаго человѣка», говорилъ онъ. Или, нагнувшись къ одному изъ товарищей, онъ спрашивалъ, указывая на трибуна: «Когда-же онъ перемѣнитъ рубашку?»

Гамбетта былъ такъ занятъ, что менѣе чѣмъ когда-либо заботился о своемъ туалетѣ. За него думалъ Трошю.

Эти два человѣка, бретонецъ и генуэзецъ, сдѣлались настоящими непримиримыми и смотрѣли другъ на друга съ едва скрываемою злобою. Гамбетта употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы сдержать свой гнѣвъ. Однако, разъ вечеромъ, послѣ того какъ генераль только что разсказалъ о своихъ нравственныхъ впечатлѣнiяхъ и съ философской точки зрѣнiя описывалъ, «что испытываетъ человѣкъ предъ лицомъ смерти», терпѣнiе Гамбетты лопнуло и онъ воскликнулъ: «*Sté nom d'un chien!*», чѣмъ и положилъ предѣлъ диюирамбу своего коллеги. Съ той минуты у обоихъ враговъ была только одна мысль: кто кого пожретъ? Генераль спрашивалъ себя, какъ-бы ему избавиться отъ Гамбетты, а Гамбетта: какъ избавить себя отъ Трошю?

Оставить генерала запертымъ въ Парижѣ и отправиться поднимать департаменты—это конечно было рѣшенiемъ вопроса. Но какимъ образомъ это сдѣлать? Самъ Трошю ловко подсказалъ товарищу мысль о воздушномъ шарѣ. Онъ часто наводилъ разговоръ на великiя услуги, которыя можетъ оказать населенiю воздухоплаванiе. Гамбетта скоро рѣшился и нѣсколько дней спустя, 7 октября, улетѣлъ на шарѣ «*Ville de Paris*», оставляя своихъ товарищей въ полномъ удовольствiи, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не подозрѣвалъ того, что онъ станетъ дѣлать. Думали, что онъ ограничится ораторствованiемъ.

Что было имъ сдѣлано—достаточно извѣстно. Это было дивное, почти нечеловѣческое усилiе. Явившись въ пассивный, почти покорившiйся своей участи край, онъ переллъ въ него свой лихорадочный энтузiазмъ. И когда поднялъ этотъ край до своего собственнаго настроенiя, увидѣлъ отъ него чудеса. Онъ потребовалъ его дѣтей, всѣхъ дѣтей, и Францiя отдала ихъ ему; онъ просилъ денегъ и ихъ давали, не считая; онъ сказалъ, что она должна повиноваться слѣпо—и она повиновалась.

Такимъ образомъ, онъ набралъ сотни тысячъ людей, вооружилъ, одѣлъ ихъ съ грѣхомъ пополамъ и отправилъ этихъ новобранцевъ мѣряться силами съ испытанными и воодушевленными недавними побѣдами полками. Эти плохо организованныя, плохо командуемая масса дрались какъ умѣли, затѣмъ исчезали въ пучинѣ національной катастрофы.

Но другiя уже были готовы замѣнить ихъ. Это продолжалось цѣлые пять мѣсяцевъ, и провинцiя не сдавалась. Если нѣмцы не уставали побѣждать, то и французы не уставали умирать.

Что стратегическiя операцiи были не безукоризненны, это не

подлежит сомнѣнію, но было-бы удивительно именно противное. Почему, спрашиваемъ, напримѣръ, побѣда при Куломбе не обратилась въ полное уничтоженіе баварской арміи? Почему генераль Орель де-Паладинъ далъ второе сраженіе подъ Орлеаномъ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ? Почему большая луарская армія перерѣзана была пополамъ несчастной восточной экспедиціей, которою руководилъ Бурбаки? Почему генераль Шанзи не нашелъ въ Божанси дивизіи, на которую рассчитывалъ для успѣшнаго, быть можетъ, отпора непріятелю, на другой день послѣ битвы, въ которой онъ выдержалъ натискъ, не уступивъ ни на шагъ? Эти ошибки и неудачи, конечно, имѣли причиною неудовлетворительность стратегическихъ внушеній турскаго правительства. Побѣдитель при Куломбе былъ сбитъ съ толку противорѣчивыми приказами; корпусъ генерала Мартена де-Палльера, который могъ-бы довершить побѣду, былъ направленъ туда, гдѣ ему нечего было дѣлать; дивизія, которой ждалъ Шанзи, была отозвана безъ предувѣдомленія главнокомандующаго. Наконецъ, приближенные Гамбетты питали такія иллюзіи, что рассчитывали даже на энергическое наступленіе со стороны престарѣлаго и увѣчнаго Гарибальди. Все это могло быть. Но несомнѣнно, что исторія отнесется къ дѣлу иначе. Исторія скажетъ, что Франція побѣждена была потому, что предприняла невозможное, что она сдѣлала все, что могла, — спасла свою честь и честь молодой республики; она скажетъ то, чего не могъ не признать даже восторжествовавшій непріятель.

Вотъ, что сообщаетъ по этому поводу берлинскій писатель М. П. Линдау. Однажды вечеромъ, въ официальномъ прусскомъ салонѣ, нѣмецкіе офицеры съ презрѣніемъ и насмѣшкой отзывались о турскомъ диктаторѣ, о солдатахъ его и сраженіяхъ, данныхъ его войсками. Старый Мольтке слушалъ молча, прислонясь къ камину, и смотрѣлъ на коверъ съ своей странной улыбкой на вольтеровскомъ лицѣ. Вдругъ, покачавъ головою, онъ сказалъ тихо и среди всеобщаго молчанія, которое всегда воцаряется, когда говоритъ фельдмаршалъ: «Да, господа, все, что вы хотите. Но помните, что послѣ Седана и Меца мы считали войну оконченной, а Францію уничтоженной, и что въ теченіи пяти мѣсяцевъ эти импровизированныя арміи давали отпоръ нашимъ войскамъ. Намъ понадобился одинъ мѣсяць для того, чтобы побѣдить регулярныя войска и пять мѣсяцевъ, чтобы побить новобранцевъ и мобилей. И когда мы думали, что покончили съ ними, они выросли снова. Это были толпы скорѣе чѣмъ полки, — согласенъ, но эти толпы давали намъ отпоръ. Вы можете забывать объ этомъ, такъ какъ на вашу долю выпало лишь удовлетвореніе побѣды, но я не забываю и, признаюсь, не могу смѣяться, потому что извѣ-

далъ заботъ и хлопотъ отъ этого неожиданнаго сопротивленія... Однимъ словомъ, заключилъ свою рѣчь прусскій генераль, говоря о быстромъ и внезапномъ «зарожденіи батальоновъ», какъ выражалось въ Турѣ,—поголовное ополченіе Гамбетты такъ изумило насъ, военныхъ, что этотъ вопросъ слѣдуетъ изучить въ теченіи долгихъ лѣтъ мира».

Послѣ пяти мѣсяцевъ титанической борьбы, казалось, что жертва достаточна и что такъ много выдержавшая страна имѣла бы право прекратить сопротивленіе и ждать болѣе счастливыхъ дней. Но не такъ думалъ диктаторъ. Парижъ капитулировалъ, а югъ все еще держался. Чтобы одолѣть его, оказалось нужнымъ—вырвать власть изъ рукъ диктатора, что и было произведено правительствомъ національной обороны, въ лицѣ Жюль Симона.

По крайней мѣрѣ, страна не поскупилась на выраженіе Гамбеттѣ своей признательности и восторга. Девять департаментовъ приняли кандидатуру его въ Национальное Собраніе. Онъ выбралъ депутатство отъ ниже-рейнскаго департамента и, по заключеніи міра, удалился, въ видѣ послѣдняго протеста, вмѣстѣ со своими эльзась-лотарингскими товарищами.

На этомъ останавливается періодъ, который названъ былъ героическимъ и, если хотите, легендарнымъ періодомъ этого краткаго и бурнаго существованія. Слѣдующій показываетъ намъ Гамбетту главою партіи и правителемъ. Это будетъ предметомъ другаго очерка, въ которомъ, прослѣдивъ оппортунистскую партію въ ея прошломъ, мы постараемся опредѣлить ея настоящее положеніе и то, которое ожидаетъ ее въ будущемъ.

Жика.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Нячто о хищеніяхъ.—Непрерывность процессовъ о нихъ. — Дѣло взаимнаго кредита. — Подсудимые и свидѣтели. — «Вы не созрѣли, господа адвокаты!» — Показаніе г. Ламанскаго. — Типичная черта дѣлъ о хищеніяхъ. — Банковскіе сатрапы. — Спросъ и предложеніе честности и независимости. — Дѣло Островлевоу и усердіе не по разуму «Московского Телеграфа». — Два слова о г. Ев. Марковѣ.

I.

Эти, по истинѣ, чудовищныя хищенія и растраты, эти, наивныя по своей простотѣ, подлоги и недочеты, эта невозможная халатность веденія дѣлъ рядомъ со слѣпотою контроля и безшабашностью произвола разныхъ воротилъ, являющіеся, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, предметомъ разбирательства окружныхъ судовъ, — въ настоящее время не только не волнуютъ никого, но даже не обращаютъ на себя большого вниманія. Къ этому явленію — которое заставило-бы ужаснуться иностранца — привыкли, какъ привыкають къ хронической болѣзни. Оно стало какъ-бы неизбѣжнымъ условіемъ нашего общежитія, какъ-бы одною изъ его несложныхъ формъ.

Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ мы присутствуемъ при этой вакханаліи грабежа во всѣхъ его видахъ. Грандіозная цифра хищеннаго лишь за пять лѣтъ, сообщенная не такъ давно одной газетой, даетъ лишь слабое понятіе о дѣйствительномъ хищеніи, потому-что не всѣ-же дѣла попадаютъ въ окружные суды и становятся достояніемъ гласности. Мало-ли грандіозныхъ «дѣлъ», не говорю уже о дѣлишкахъ, осталось въ безвѣстности, мало-ли лицъ, избѣжавшихъ, по тѣмъ или другимъ «уважительнымъ» причинамъ, судебного зала.

Пятнадцать лѣтъ безостановочно продолжается этотъ процессъ, не представляющійся, пожалуй, намъ, современникамъ, тѣмъ зловѣщимъ признакомъ болѣзни общественнаго организма, какимъ онъ явится у будущаго историка и займетъ свое мѣсто — и мѣсто очень почетное — среди другихъ, не менѣе характерныхъ, признаковъ деморализаціи.

Пятнадцать лѣтъ подрядъ, какъ прокуроры распинаются, когда счастливый случай приведетъ въ ихъ объятія какого-нибудь болѣе легкомысленнаго и неосторожнаго, крупнаго расхитителя или — что случается чаще — какихъ-нибудь второ-степенныхъ музыкантовъ, игравшихъ свои партіи по мановенію палочки капельмейстера, — и пресерьезно увѣряютъ, горячатся и доказываютъ, что хищеніе прекратится, когда невольные гости окружнаго суда со скамьи подсудимыхъ отправятся на жительство въ мѣста, отстоящія на 2,000 верстъ отъ столицы, которыя безъ всякой ироніи называются не столь отдаленными... Горячія и эффектныя рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ за это время заняли-бы нѣсколько десятковъ томовъ мелкой печати; не менѣе томовъ заняли-бы и газетныя статьи, написанныя по этому поводу... Тысячи посѣтителей перебивало на этихъ судебныхъ представленіяхъ и наглядно видѣли, какъ наказывается иногда порокъ; этотъ самый «порокъ», въ лицѣ осужденныхъ, отправлялся на «новыя мѣста», не теряя надежды, впрочемъ, что Богъ не безъ милости, и что можно вернуться если не въ Петербургъ, то въ Царское Село, а хищеніе, — продолжаетъ свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало, словно подсмѣиваясь надъ всѣми этими паліативными мѣрами, надъ всѣми этими перлами краснорѣчія, и конца процессамъ о растратахъ не видать...

Только-что окончилось дѣло взаимнаго кредита, какъ ужъ скоро предстоитъ любоваться дѣломъ о растратахъ въ Кронштадтскомъ банкѣ и началось дѣло о злоупотребленіяхъ и подлогахъ въ корочанскомъ общественномъ банкѣ.

О хищеніяхъ теперь даже и не говорятъ, какъ говорили прежде, когда эти дѣла впервые выплыли на свѣтъ Божій, а если и говорятъ, то въ такомъ только случаѣ, если цифра перевалитъ за милліонъ, или если на скамью подсудимыхъ нечаянно попадетъ какой-нибудь еще «вчера» вполне «уважаемый и безкорыстный дѣятель», въ которому считаль-бы за честь попасть на обѣдъ или на вечеръ тотъ самый прокуроръ, который «сегодня» мечетъ въ него громы и молніи (впрочемъ, лѣнивѣе прежняго; громы и молніи отъ долгаго употребленія притупляются), хотя ни для кого не было секретомъ, что какъ «вчера», такъ и «сегодня» этотъ «уважаемый и почтенный дѣятель» былъ все тотъ-же заматорѣлый и ловкій мошенникъ. Но «вчера» онъ не попался и, слѣдовательно, былъ еще «порядочнымъ» человѣкомъ, у котораго можно было занять денегъ, получить мѣсто и протекцію, а «сегодня»... Сегодня... «Господа присяжные! Вы видите здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, человѣка, который расхитилъ ввѣренныя ему капиталы... Онъ занималъ высокое положеніе въ обществѣ, онъ

былъ наверху почестей и извѣстности и, тѣмъ не менѣе, не стыдился совершить дѣянiя, предусмотрѣнныя 1785, 2154 и 3125 ст. уложенiя о наказанiяхъ. Старецъ, убѣленный сѣдинами, казалось-бы умудренный опытомъ, — онъ забылъ Бога, совѣсть и законъ и расточалъ ввѣренныя ему капиталы несчастныхъ вдовъ и сиротъ, задавалъ лукулловскiе пиры, вѣдая жизнь, полную роскоши и соблазна; удовлетворяя сластолюбивымъ своимъ наклонностямъ, онъ держалъ трехъ любовницъ разомъ — французенку, англичанку и русскую, а это, гг. присяжные, стоитъ не мало. Тѣмъ съ большой строгостью должны мы отнестись къ этому расхитителю, чѣмъ выше онъ былъ поставленъ... Воззрите отсюда на этихъ бѣдныхъ, сирыхъ ограбленныхъ вдовъ... И потому, на основанiи 1875, 2852 и 3152 статей я прошу, и требую, во имя общественной справедливости, осужденiя этого преступнаго чело-вѣка. Осудивъ его, вы очистите атмосферу и безъ того уже зараженную хищенiемъ... Изгнавъ изъ среды своей порочнаго члена, вы покажете примѣръ, какъ наказуются у насъ даже такiе высокопоставленныя лица, какъ подсудимый, и примѣромъ этимъ вы наведете страхъ на другихъ хищниковъ. Они вострепещутъ и хищенiе не будетъ болѣе позорить нашу общественную жизнь».

Такъ или почти такъ, а если не такъ, то въ подобномъ духѣ говорятъ обыкновенно обвинители, залѣзая, по принятому обыкновенiю, для психическаго анализа, съ сапогами въ самую душу обвиняемаго и копясь тамъ съ какимъ-то особеннымъ сладострастiемъ и тѣмъ безцеремоннѣе, чѣмъ смиреннѣе и стыдливѣе субъектъ, надъ которымъ они пробуютъ свое краснорѣчiе. Особливо краснорѣчiе это усугубляется въ такихъ дѣлахъ, гдѣ подсудимый не всегда имѣетъ возможность что-нибудь сказать безъ риска тотчасъ-же быть остановленнымъ... При обвиненiяхъ вчерашняго «уважаемаго дѣятеля», этотъ «психическiй анализъ» бываетъ конечно болѣе тонокъ, но, Боже ты мой, какъ изощряются они прокуроры иногда — особенно изъ молодыхъ, но раннихъ — когда передъ ними стоитъ самый обыкновенный уличный воръ, и если вдобавокъ въ трибунѣ для посѣтителей сидитъ «очаровательная брюнетка» слушательница, впившаяся глазами въ современнаго «душку прокурора», столь не похожаго на прежнiй типъ дореформеннаго прокурора, о которомъ говорилъ Собакевичъ.

Этотъ старецъ, «убѣленный сѣдинами», совершившiй дѣянiя, предусмотрѣнныя не только статьями, [перечисленными г. прокуроромъ, но, быть можетъ, — если покопаться поглубже — виноватый по всѣмъ статьямъ уложенiя, — этотъ старецъ, говорю я, въ отвѣтъ на филиппику, могъ-бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не безъ нѣкотораго основанiя, бросить въ глаза обвинителю:

— Ахъ, прокуроръ, прокуроръ! Какая муха укусила тебя, что ты такъ порочишь теперь меня. Вѣдь ты самъ, милый мой, пошелъ-бы ко мнѣ за 15,000 въ члены правленія и молчалъ-бы, пока я грабилъ-бы кассу... А теперь ты же распинаешься!.. Ты ли и всѣ вы вчера только считали за честь, если я протягивалъ вамъ руку, а теперь...

Но, разумѣется, такой реплики никто не подаетъ—мѣсто суда священо—хотя такая реплика чувствуется въ глубинѣ души многихъ, присутствующихъ на судебныхъ процессахъ и въ результатѣ выходитъ нѣчто странное и лицемѣрное... Пафосъ многихъ рѣчей очень часто кажется подозрительнымъ, имѣющимъ въ основаніи либо «дальнѣйшій ходъ», либо крупный кушъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, усердіемъ не по разуму, стрѣляніемъ по пустому мѣсту, бесплоднымъ исканіемъ «вчерашняго» дня и сожалѣніемъ о «прошлогодномъ снѣгѣ...»

Не такія рѣчи могли-бы говорить гг. прокуроры и гг. адвокаты; но если-бъ они могли говорить *иные* рѣчи, то развѣ первые были-бы хорошими прокурорами и нашли-ли-бы себѣ не только хорошій кусъ, а просто даже кусокъ хлѣба вторые? А главное, едва были-бы такъ часты поводы—говорить такія рѣчи?

II.

Дѣло взаимнаго кредита прошло не только безъ помпы, но даже тихо, совсѣмъ тихо... Публика не рвалась, словно-бы чувствуя, что ничего особенно любопытнаго и поучительнаго она не увидитъ въ судѣ, кромѣ тринадцати второстепенныхъ дѣльцовъ взаимнаго кредита, принесенныхъ на алтарь правосудія и скучнѣйшаго, давно всѣмъ извѣстнаго, нескончаемаго разбирательства о переборахъ, о вопіющей халатности веденія дѣлъ и т. п. Что за охота слушать оперу, исполняемую одними компримаріями, а всѣ эти тринадцать подсудимыхъ, всѣ эти «жертвы» порядковъ взаимнаго кредита, въ самомъ дѣлѣ казались компримаріями, бичевать которыхъ значило повторять всѣмъ извѣстный стихъ Некрасова... Что они виноваты, одни болѣе, другіе менѣе, что директора правленія получая громадное жалованье, ничего не повѣряли, ни за чѣмъ не смотрѣли—въ этомъ развѣ можно было сомнѣваться?.. Развѣ есть у насъ—вѣрнѣе: развѣ возможны такіе «безпокойные» директора, которые-бы совали носъ свой туда, куда суетъ только тотъ какой-нибудь Петръ Ивановичъ—«геній» всякаго учрежденія, безъ котораго не обходится ни одно правленіе и который играетъ роль царька въ своей сатрапіи, давая всему тонъ—и за это получали-бы по 15,000? Именно за то и получаютъ обыкновенно, чтобы ничего не знать, ничего не пони-

мать и дѣлать то, что прикажетъ «многоуважаемый» и «многолюбимый» сатрапикъ. Такіе «члены» именно и подбираются... Вы помните въ дѣлѣ Юханцева этотъ букетъ старцевъ, членовъ правленія, изъ которыхъ младшему было отъ роду 50 лѣтъ, а старшему 68, но которые на судѣ явились такими слабоумными младенцами, наивными и довѣрчивыми, что пресерьезно объясняли, какъ при повѣркѣ кассы принимали пакеты съ обрѣзками отъ старой бумаги за цѣнные бумаги и какъ добросовѣстно росписывались ежемѣсячно въ томъ, что все въ ихъ учрежденіи идетъ, какъ слѣдуетъ, «честно и благородно...» Эти пять старцевъ тогда много смѣшили публику, слушавшую ихъ дѣтскій лепетъ о «довѣрїи» къ Юханцеву, объ «увѣренности» и прочемъ въ томъ-же родѣ, мало утѣшительномъ для заемщиковъ, поручившихъ этимъ господамъ наблюденіе за дѣлами,—но за смѣхомъ отрывалась и другая сторона: эти старцы, почтенные, заслуженные люди, занимавшіе мѣста не въ одномъ только правленіи земельного банка,—какихъ-бы замѣшательствъ ни сдѣлали они, если-бъ судьба поставила ихъ во главѣ не одного только частнаго банка? Въ какомъ положеніи находились-бы зависимые отъ нихъ люди, когда каждое слово ихъ на судѣ нельзя было слушать безъ улыбки?.. Слабоуміе вѣдь не составляетъ добродѣтели.

Вмѣсто «старцевъ»—представителей специально землевладѣльческаго банка, основаннаго, какъ извѣстно, для поддержки крупнаго землевладѣнія, но въ дѣйствительности помогающаго, кажется, землевладѣльцамъ свершать увеселительныя поѣздки за границу, — на судѣ возсѣдали представители нашей аристократіи гостиннаго двора и, такъ называемой, мелкой буржуазіи. Вмѣсто дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и кавалеровъ, окончившихъ курсъ наукъ въ привилегированныхъ заведеніяхъ, сидѣли коммерціи совѣтники, почетные граждане, купцы разныхъ гильдій, мѣщане, окончившіе курсъ въ коммерческомъ училищѣ или просто за прилавкомъ гостинодворской лавки.

Увы! И «новая сила», по части веденія дѣлъ, не особенно опередила носителей принципа «бѣлой кости». Правда, «гостинный дворъ» оказался юрче и умомъ острѣе по части переборовъ («бѣлая кость» не «перебирала» ничего въ поземельномъ кредитѣ, потому-ли, что тамъ нельзя было «перебирать», потому-ли, что бѣлая кость оказалась совѣстливѣе) и такой вопіющей невмѣнности не выказалъ на судѣ, но въ халатности веденія дѣлъ и «старая» и «новая» силы сошлись, объединившись лишь полученіемъ крупныхъ кушей жалованья.

Какъ тѣ, такъ и другіе «вѣрили» и не «сомнѣвались»—одни въ Юханцевѣ, другіе—въ покойномъ Бритневѣ, какъ тѣ, такъ и

другіе сидѣли за спиной своихъ «геніевъ», какъ у Христа за пазухой, и работливо слушали, что имъ совѣтовали... Какъ тѣ, такъ и другіе исправно получали большія жалованья, увѣренные, что имъ платятъ именно за то, чтобы ничего не провѣрять и ничего, въ сущности не дѣлать толкомъ. Какъ въ землевладѣльческомъ банкѣ, такъ и въ банкѣ, учрежденномъ г. Ламанскимъ для развитія промышленности и торговли, въ дѣлахъ былъ полнѣйшій хаосъ, но въ первомъ бюрократическая завязка положила на все лоскъ канцелярской опрятности и видимаго благоприличія, скрывавшія отъ слѣпыхъ старцевъ юханцовскія операціи съ милліонами, — во второмъ — царила полнѣйшая «купецкая» удалъ и распущенность, такъ-что Бритневъ, бывшій кассиромъ, въ карманахъ носилъ куши, распоряжался въ кладовой, какъ у себя дома, и гдѣ-то завалилъ, какъ оказалось послѣ его смерти, нѣсколько десятковъ червоицевъ, отысканныхъ случайно въ столѣ между бумагами и неизвѣстному принадлежавшихъ... Въ дворянскомъ банкѣ съ бюрократической завязкой было столько инструкцій, что служащіе могли потерять голову; «во взаимномъ» кредитѣ — никакихъ, если не считать клочка бумаги съ набросками «инструкцій», сдѣланныхъ г. Ламанскимъ... И тамъ, и здѣсь отчеты велись «по книгамъ» вѣрно, въ то время, какъ въ кассѣ давно не было «вѣрно»... И такъ, и здѣсь годовыя собранія устраивались по мановенію волшебнаго жезла вдохновителей, и тамъ и здѣсь въ правящіе выбирались «спокойные» и насчетъ дѣла беззаботные персонажи... И тамъ и здѣсь въ результатѣ оказалось хищеніе, причемъ въ первомъ оно обнаружилось случайно, а во-второмъ — почти всѣ знали, что дѣло неладно, что многіе векселя безнадежны, что кредитуются лица заведомо неблагонадежныя, но «старѣйшины» молчали, пока, наконецъ, молчать уже нельзя было. Словомъ, если приводить аналогію дальше, то въ результатѣ окажутся признаки одного и того же грабежа; въ одномъ случаѣ — при бюрократическомъ благоприличіи, въ другомъ — при отсутствіи слишкомъ стѣснительныхъ формъ дѣлопроизводства.

Они сидѣли, эти подсудимые, и слушали цѣлый длинный рядъ дней всѣ эти подробности о переборахъ, о фальшивыхъ записяхъ, о подлогахъ, о той легкости, съ которой можно было каждому сдѣлать — по счастливому выраженію князя Урусова — «позаимствованіе» изъ кассы и, смѣю думать, многимъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ, тутъ на судѣ въ первый разъ пришлось познакомиться съ настоящими порядками веденія дѣлъ...

Немного «оживленія» внесли и свидѣтельскія показанія, хотя нѣкоторые свидѣтели, надо думать, чувствовали себя и не совсемъ хорошо въ своей роли свидѣтелей. Во всякомъ случаѣ, для

нѣкоторыхъ пришлось провести не одну мучительную «quart d'heure de Rablais» и отвѣчать на допросы объ обязанностяхъ, внутренне краснѣя за свои отвѣты.

Разсчитывали, что показанія г. Ламанскаго — этого весьма важнаго свидѣтеля и знатока дѣлъ основаннаго имъ учрежденія— будутъ интересны и прольютъ нѣкоторый свѣтъ на причину такихъ вопіющихъ беспорядковъ, но тѣ, которые разсчитывали на это, очень ошиблись. Адвокаты хвалились, что сдѣлаютъ заставить говорить этого, несомнѣнно важнаго свидѣтеля, но... синица моря не зажгла, а сама со срамомъ удалась... Когда свидѣтель началъ свои показанія, многимъ показалось (быть можетъ только показалось), что голосъ его дрогнулъ, но когда онъ увидѣлъ, съ какими противниками имѣеть дѣло, онъ, человѣкъ несомнѣнно умный и знающій бановское дѣло досконально,—когда услышалъ наивные вопросы адвокатовъ, онъ поправилъ только пенсне на своемъ характерномъ носу, выдавшемъ на своемъ вѣку всякіе виды, и могъ повторить, спеціально обращаясь къ адвокатамъ, то, что говорилъ обращаясь ко всѣмъ, 25 лѣтъ тому назадъ, что мы еще не созрѣли. Да, противники его передъ нимъ были не созрѣвшіе ребята, а онъ каждымъ словомъ, каждымъ жестомъ своимъ представлялъ вполне созрѣвшаго человѣка для того, чтобы объяснить на судѣ какое благотѣльное учрежденіе было общество взаимнаго кредита, какъ оно оживило и подняло торговлю, а что если были беспорядки, то въ нихъ виноваты правленіе и бухгалтеръ. Что касается самаго свидѣтеля, то онъ не разъ указывалъ на необходимость правительственнаго веденія дѣлъ, хотя онъ инструкціи и не давалъ, но счетоводство въ взаимномъ кредитѣ велось по примѣру государственнаго банка, и счетоводство, по мнѣнію свидѣтеля, не имѣло недостатка; если растраты, производившіяся въ теченіи многихъ лѣтъ оставались незамѣченными, то не вслѣдствіе недостатка отчетности, а вслѣдствіе недостатка контроля... Съ чьей стороны недоставало контроля—свидѣтель сказать не можетъ, но смѣло можетъ заявить, что виновато правленіе, а не совѣтъ...

Однимъ словомъ, показанія этого свидѣтеля никакого «свѣта» не пролили и ничего новаго на судѣ не выяснилось...

Да и можно-ли все выяснить—это еще вопросъ. Иногда «выяснить» вполне дѣло, даже при желаніи прокурора, такъ-же затруднительно, какъ затруднительно, я думаю, многимъ такъ называемымъ «уважаемымъ» дѣтелямъ выяснить съ откровенностью: отъ какихъ трудовъ праведныхъ они нажили въ короткое время милліоны?

Да не подумаетъ наивный читатель, что затруднительность такого объясненія имѣеть что-либо общее съ какою-нибудь формой

грубаго хищенія, въ родѣ выемки кассы, подлога или чего-нибудь подобнаго... Сохрани Богъ! На такія грубыя продѣлки идутъ люди, которые еще не созрѣли, и у которыхъ нѣтъ подъ руками другихъ средствъ. Опытные и осторожные дѣльцы не пойдутъ на такой рискъ, да имъ и не нужно рисковать. Есть положенія, когда безъ всякаго риска и безъ всякой опасности познакомиться съ прокуроромъ можно не забыть себя; есть много дѣяній, хотя и не предусмотрѣнныхъ никакими статьями, тѣмъ не менѣе на обыкновенномъ языкѣ и по обыкновеннымъ понятіямъ онѣ считаются—выражаясь деликатно—совсѣмъ предосудительными.

Напримѣръ, представьте себѣ такой случай. Я управляю, положимъ, частнымъ банкомъ и въ качествѣ такого лица зная хорошо настроеніе биржи, играю деньгами банка въ свою пользу.. На языкѣ дѣльцовъ это, быть можетъ, и называется «воспользоваться положеніемъ», но на простомъ языкѣ такая игра называется иначе... Людей, играющихъ въ карты навѣрняка, иногда бьютъ, а джентльменовъ, играющихъ чужими деньгами, называютъ «уважаемыми» и почтенными дѣятелями... Въ этомъ только и разница.

III.

Длинное, томительное и, какъ кажется, надѣвшее рѣшительно всѣмъ, судебное слѣдствіе, наконецъ, закончено. Господинъ прокуроръ, естественно, въ пространной рѣчи доказывалъ виновность подсудимыхъ и требовалъ, во имя правды и справедливости, строгаго наказанія, для примѣра прочимъ, разсчитывая, быть можетъ, что зрѣлище наказанныхъ произведетъ на избѣжавшихъ скамью подсудимыхъ такое-же хорошее педагогическое воздѣйствіе, какъ порка въ старину двороваго мальчишки за проступокъ барченка. Господа адвокаты, въ свою очередь, разумѣется, доказывали полную невинность подсудимыхъ (кромѣ тѣхъ, конечно, которые сознались, что виноваты) и, во имя той-же бѣдной правды и обтрепанной справедливости, требовали отпустить подсудимыхъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ, подсудимые, по прокурорской рѣчи, являлись такими черными воронами, какихъ земля не носила, а по рѣчамъ адвокатовъ такими невинными голубицами, какихъ еще міръ не видалъ...

Присяжные вынесли обвинительный приговоръ. Правосудіе удовлетворено. Обвиненные приговорены къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ и развѣдутся по болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ. Тѣмъ дѣло и кончится, но хищеніе отъ этого, конечно, не кончится, какъ не кончится и халатное веденіе дѣлъ. Мало того, я увѣренъ, что посади одного изъ тѣхъ-же самыхъ обвиненныхъ ди-

ректоровъ правленія снова въ директоры и дай ему 25,000 р. жалованья—онъ снова будетъ «довѣрять» и подписывать отчеты, не читая, ревизовать, не провѣряя, пока какой-нибудь новый «теплый парень», въ родѣ покойнаго Бритнева или Касаткина, не разграбить кассы и не заставить этихъ директоровъ разинуть въ изумленіи рты...

А что-же смотрѣлъ бухгалтеръ? спросить, быть можетъ, читатель. Ахъ, оставимъ въ покоѣ бухгалтера. Онъ, въ качествѣ свидѣтеля, и безъ того провелъ не мало тяжкихъ часовъ на судѣ. Лично безусловно честный, стоящій выше всякихъ подозрѣній, не имѣющій ничего общаго съ той сворой дѣльцовъ, въ среду которыхъ забросила его судьба, онъ, однако съ спокойствіемъ философа Сенеки закрывалъ глаза на все, что дѣлалось вокругъ. Онъ тоже «вѣрилъ» и вѣрилъ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало-бы опытному бухгалтеру. Изъ его показаній оказалось, что онъ довѣрялъ записямъ своихъ помощниковъ (одинъ изъ нихъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ и обвинялся въ подлогахъ) и, на основаніи этихъ записей, велъ книги. Зналъ-ли онъ или не зналъ, или просто хотѣлъ не знать, что творилось вокругъ, — это осталось тайной самого бухгалтера, но что ни для кого не тайна — и вѣроятно для самого свидѣтеля — это то, что онъ исполнилъ свои обязанности не такъ какъ слѣдовало. Овому талантъ, овому два.

IV.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ о хищеніяхъ и растратахъ, занимающихъ суды въ теченіе 15 лѣтъ, замѣчается одна общая имъ всѣмъ, типическая черга весьма характернаго свойства — это непремѣнное присутствіе въ учрежденіи «царька», какого-нибудь всѣми уважаемаго и почитаемаго дѣятеля, который обыкновенно и ворочаетъ всѣми дѣлами безконтрольно, завоевывая себѣ права неограниченнаго владыки это нѣчто вродѣ Созона Психѣича въ разсказѣ г. Эртеля. Чаще всего этими «царьками» бываютъ ловкіе джентльмены пройдохи новѣйшаго типа, узурпирующие власть ради большаго удобства достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Случается—хотя рѣже, что въ такіе «сатрапы» попадаютъ и люди, относительно честные, но не отличающіеся административными способностями, словомъ, по большей части или плутъ или дуракъ стоятъ на стражѣ интересовъ того бараньяго стада, которое иначе называется общими собраніями.

Не надо забывать при этомъ среды, дающей намъ контингентъ дѣльцовъ — это тотъ конгломератъ всевозможныхъ профессій и состояній, который образовался на нашихъ глазахъ не

много спустя послѣ освобожденія крестьянъ, когда погоня за концессіями, за всякаго рода учредительствомъ, когда нажива во что-бы то ни стало обратилась въ какую-то бѣшенную сатурналію, смѣшавъ въ своемъ вихрѣ потомка промотавшагося Аскольдовича съ проходившемъ евреемъ, знавшимъ, гдѣ зимуютъ раки и какъ ихъ доставать оттуда; генерала не у дѣлъ съ матерымъ русскимъ плутомъ изъ крестьянъ, еще не мечтавшимъ о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но запустившаго уже свои алчные глаза на эту самую даму французскаго происхожденія—концессію. Вы помните, конечно, что происходило тогда, подѣ веселый говоръ объ оживленіи торговли и промышленности? Вы помните, разумеется, и какое «оживленіе» внесла въ общество эта бѣшенная сатурналія легальнаго и нелегальнаго грабежа и хищенія. Старая старуха, наша исконная Взятка, свившая себѣ гнѣздо на Руси, еще со временъ Гостомысла, должна была удалиться со срамомъ подѣ побѣдоноснымъ напоромъ новыхъ «силъ», которыя подѣ именемъ промессъ, комиссій, паевъ и т. п., судили несравненно большія блага, чѣмъ могла дать наша старинная спутница всѣхъ дѣлъ... И старушка убѣжала изъ столицъ въ захолустья, гдѣ и понинѣ, вѣроятно, влечитъ свое печальное существованіе, какъ вышедшая изъ моды куртизанка, съ жадностью взирая издалека на пришельцевъ. Сатурналія достигла своего апогея. Грабилось все, что было возможно; не останавливались ни передъ чѣмъ, ни передъ движимостью, ни передъ недвижимостью—все шло въ прокъ; грабились уфимскія земли, приобрѣтались заповѣдныя имѣнія, грабились банки, растрачивали суммы въ земскихъ управахъ, въ городскихъ обществахъ, въ казенныхъ учрежденіяхъ. Идеаломъ въ доминирующей части общества была нажива во что-бы то ни стало. Когда объявлена была война — вы помните, какая масса желающихъ нашлась ограбить солдата и казну? Какая смѣсь племенъ, партій, состояній стремилась туда, за Дунай, wo die Zitronen blühen? Докторъ философіи ставилъ подводы, профессора служили у Горвица и К°, генералы (отставные, конечно) считали за честь пристроиться въ свитѣ г. Полякова. Масса голодныхъ желудковъ бросилась въ интенданство...

Эти процессы, послѣдовавшіе за войной, раскрывшіе передъ нами только часть, небольшую часть всей картины, хоть и забыты нами, но не забудутся будущимъ историкомъ нашей эпохи и нашихъ нравовъ.

Если вы читали хоть одинъ изъ этихъ безконечныхъ процессовъ интендантовъ и подрядчиковъ,—продолжающихся еще и теперь, то вы, конечно, замѣтили взаимную связь между первыми и послѣдними, и знаете очень хорошо, какимъ образомъ и почему

вещь, стоящая два гроша, обходится казнѣ въ рубль... Вопросъ о распредѣленіи этой разницы едва-ли составляетъ секретъ даже для гимназиста приготовительнаго класса.

То, что во время войны выразилось въ обостренной формѣ, отвратительной по своему цинизму и наглости, — то въ мирное время выражается въ болѣе мягкой... Мы видимъ, въ теченіи 15 лѣтъ, какова эта практика хищенія... Правительство не остановилось даже передъ строгими мѣрами: мы видѣли, какъ возвращались уфимскія земли, мы видѣли на скамьѣ подсудимыхъ генеральштабъ-доктора Буша, бывшаго губернатора Токарева, завоевавшего себѣ имѣніе у мирныхъ гражданъ; мы скоро увидимъ знаменитаго скопинскаго Рыкова, мы чуть-ли не ежедневно продолжаемъ читать судебные отчеты о растратахъ, подлогахъ и злоупотребленіяхъ и все-таки по-прежнему думаемъ лечить эту болѣзнь тѣми-же средствами....

Мы видѣли на процессахъ, какъ обыкновенно ведутся дѣла въ частныхъ учрежденіяхъ, какъ подтасовываются общія собранія, какъ подбираются «удобные» члены правленія и какъ надъ всѣмъ этимъ царить одинъ воротила... Припомните среду, изъ которой обыкновенно подбираются разные воротилы, припомните средства, пускаемыя въ ходъ для «обстановочки» дѣла и вамъ ясно представятся тѣ безобразные порядки, всегда неминуемые, когда вся и все зависитъ отъ одного банковаго сатрапа... Если «самъ» и не грабитъ непосредственно, (иногда это и не нужно), тѣмъ не менѣе хищеніе отъ этаго не исчезаетъ. Являются Юхачевы и въ одинъ прекрасный день все это учрежденіе, съ виду крѣпкое и солидное, является построеннымъ на пескѣ, и тѣ самые владчики и заемщики, которые вчера еще считали своего сатрапа «гениемъ», сегодня плюютъ на него...

Исторія слишкомъ обыкновенная и выводы изъ нея далеко не головоломные.

Но неужели-же нѣтъ честныхъ, независимыхъ людей? можетъ воскликнуть въ ужасѣ иной читатель, слѣдившій за скорбной лѣтописью хищеній послѣдняго времени... Неужели наши нравы до того повреждены, что нельзя найти честныхъ людей, настолько примитивно по крайней мѣрѣ честныхъ, что ихъ можно безъ боязни подпустить къ каскѣ, что имъ можно довѣрить дѣло контроля?

При этомъ восклицаніи мнѣ припоминается недавній разговоръ съ однимъ пріѣзжимъ провинціаломъ. Мы разговорились объ одномъ общемъ пріятелѣ, находящимся безъ мѣста, и изыскивали средства куда-бы его пристроить.

— Я пытался было его рекомендовать въ капитаны парохода въ одной частной компаніи, да раздумалъ! отвѣчалъ мой знакомый.

— А что? Развѣ онъ неспособенъ? Онъ, какъ бывший морякъ, былъ-бы на мѣстѣ...

— Да нѣтъ, не то... Слишкомъ ужь честный это малый и, главное, независимый.

— Честный?..

— Ну да... честный... Его и сотрутъ въ порошокъ другіе-то, какъ пить дадутъ... Еще такую кляузу подведутъ, что чудо. А онъ, вдобавленіе человѣкъ не сильный... Не сдумаетъ бороться съ мошенниками, ну и пропадетъ ни за грошъ...

Понимаете ли вы, читатель, весь драматизмъ положенія? Человѣка нельзя рекомендовать только потому, что онъ «безусловно честный». И вѣдь это не выдуманный анекдотъ, это не фарсъ, это—голая правда, результатъ тѣхъ условій, которыя явились не со вчерашняго дня...

Да, именно у насъ нельзя рекомендовать людей только потому, что они «безусловно честны» и не идутъ на компромиссы!

V.

Было-бы безуміемъ, конечно, утверждать на основаніи всѣхъ этихъ примѣровъ хищенія, что мы оскудѣли честными людьми, что ихъ нѣтъ совсѣмъ, что мы не можемъ даже плевое дѣло какого-нибудь общественаго банка или земской управы вести умѣло, не грабя общественной кассы... Есть, конечно, не мало и честныхъ людей, есть—хотя и меньше—независимыхъ людей, дѣло въ томъ, что честность и независимость не въ большомъ спросѣ на общественномъ рынкѣ и больше требуется въ романахъ, чѣмъ въ жизни... И спросите-ка всѣхъ этихъ честныхъ и независимыхъ людей ихъ интимную исторію (многіе изъ такихъ исторій попадали въ газеты) и вы узнаете такія одиссеи, которыя могутъ показаться баснословными... Честность, пожалуй, еще терпится въ разныхъ нашихъ частныхъ учрежденіяхъ (о нихъ я только и говорю), но независимость... да съ какой стати ее терпѣть?.. Она вѣдь тоже, что совѣсть—колетъ глаза, и чѣмъ дальше ея съ глазъ, тѣмъ лучше... Въ той средѣ, гдѣ нѣтъ идеаловъ, гдѣ нѣтъ убѣжденій, гдѣ приспособиться значитъ умѣть жить, гдѣ «честность» непонимается даже какъ выгодная профессія,—въ той средѣ, говорю я, независимость роскошь, совершенно ненужная...

Не забудьте, опять-таки, что я говорю объ известной сферѣ, и вы согласитесь со мной, зная если не по опыту, то по примѣру близкихъ знакомыхъ, что я говорю не парадоксъ, а конста-

тирую только известное явление. Да, честность и независимость— у нас ненужная роскошь и надо только удивляться, что идеаль правды и добра так еще живучь, что, несмотря ни на что, несмотря на плевки и заушения, которыми награждает жизнь породочных людей, они—эти добровольные абсентеисты в своем отечествѣ—ютятся, угрюмые, по своим угламъ или ворпятъ гдѣ-нибудь за черной работой, неумѣющие продать своего права глядѣть всѣмъ въ глаза за разныя блага, предлагаемыя жизнью...

Но вѣдь нельзя принимать въ расчетъ, что всѣ люди сильны духомъ. Надо брать средняго человѣка... Что-же дѣлаетъ жизнь изъ средняго человѣка, обыкновеннаго человѣка, вступающаго въ жизнь съ самыми скромными требованіями, съ самыми невысокими даже идеалами правды и справедливости?.. Литература, въ лучших своихъ представителяхъ, давно отвѣтила на этотъ вопросъ, и я могу только сказать, что достаточно побывать одинъ день въ какомъ-нибудь частномъ учрежденіи, гдѣ во главѣ стоитъ какой-нибудь царекъ, чтобы увидать, во что можетъ обратиться—вѣнецъ творенія.

Вы сами видите на каждомъ шагу эти метаморфозы... Вы знаете этого «средняго» человѣка, послушнаго раба своего ближайшаго начальства, забывшаго даже, что значитъ имѣть свое мнѣніе... Подождите бранить его... Прежде спросите какъ онъ дошелъ до этого состоянія машины для письма... Вы знаете и этого—юркаго, ловкаго, умѣющаго приспособляться ко всякимъ обстоятельствамъ, сегодня либерала, завтра—яраго гонителя, послѣ-завтра—снова либерала. Этихъ перекасти-поле—непочатый уголь, созданный все тою-же жизнью. Они пристраиваются всегда къ тому, что имѣетъ успѣхъ и плывутъ за нимъ, какъ лодчана за акулкой, перехватывая то, что остается отъ хищной рыбы... Они сами рѣдко дѣлаются хищниками, но за то никто болѣе не распинается за нихъ, какъ эти вѣтромъ гонимыя души... Вы знаете и этихъ крупныхъ хищниковъ, этихъ людей, которые живутъ, чтобъ гадить и гадять, чтобъ жить... Вы знаете всѣхъ этихъ Бушей. Макшеевыхъ — по процессамъ, но знаете, конечно, и многихъ такихъ, которые на нихъ не фигурировали и пользуются почетомъ, уваженіемъ, если не вашимъ, то большинства... И развѣ, глядя на всѣхъ этихъ людей, не приходитъ вамъ нерѣдко на мысль, что явись среди нихъ самъ Іоаннъ Златоустъ, они немедленно-бы отправили его въ участокъ и навѣрное сочинили-бы при этомъ доносецъ, въ которомъ-бы обвинили Іоанна Златоуста — и въ нарушеніи семейныхъ основъ, и въ непризнаваніи института собственности. Главное — собственности.

Зачѣмъ-же, повторяю, нужна имъ независимость мнѣнія? А если на нее нѣтъ спроса, то нѣтъ и предложенія. А моралисты требуютъ, чтобы былъ спросъ, когда его не нужно, и воображаютъ, что воровство прекратится, если изъ десяти воровъ одинъ уѣдетъ въ Томскую губернію...

VI.

Въ то время, какъ въ одномъ отдѣленіи суда тянулся нескончаемый допросъ свидѣтелей о переборахъ и записяхъ, въ другомъ отдѣленіи разбиралось дѣло, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ— дѣло Островлевой и Худина, обвинявшихся въ покушеніи на убійство и ограбленіе. Необычность самаго дѣла, общественное положеніе Островлевой, ея образовательный цензъ, блестящій защитникъ, множество экспертовъ— знаменитостей психіатріи,—все это привлекло въ залу суда массу публики, преимущественно дамъ.

Я не стану рассказывать подробностей этого дѣла, извѣстнаго конечно читателямъ изъ газетъ, и не стану повторять блестящихъ рѣчей эксперта психіатра Мержеевскаго и не менѣе блестящей рѣчи Спасовича. Они облистательно и непревержимо доказали, что судъ, въ данномъ случаѣ, имѣлъ дѣло съ патологическимъ явленіемъ, съ ненормальнымъ субъектомъ, котораго нужно лечить, а не наказывать, и присяжные оправдали подсудимую, хотя улики противъ нея и были очень вѣски... Необычность факта, загадочная личность самой Островлевой, безспорно обращаютъ на себя вниманіе какъ любопытный «психозъ», какъ уклоненіе женской природы отъ нормальнаго типа, наконецъ вся ея прошлая жизнь представляетъ, пожалуй, интересъ въ смыслѣ воздѣйствія общественныхъ условій на ея настроеніе; но искать въ этомъ «психозѣ» чего-нибудь необычайнаго, чего-нибудь невиданнаго, чего-нибудь родственнаго именно современной жизни—значить забыть весь этотъ длинный рядъ женщинъ, психически больныхъ, извѣстныхъ съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться наблюденія надъ истеріями. Всѣ эти вѣдьмы среднихъ вѣковъ, иллюминатки, бѣснующіяся монахини, духовныя жены и т. п. представляютъ только разновидность одного и того-же болѣзненнаго извращенія женской природы.

Между тѣмъ, нашлись газеты, которыя взглянули на это дѣло совсѣмъ ужъ странно: ода съ усердіемъ не по разуму, другая съ ехиднымъ желаніемъ приобщить это патологическое явленіе къ современности и поставить на счетъ суда оправданіе психически больной.

Если г-жа Читау 2-я, актриса александринскаго театра, въ своихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ о своей бывшей подругѣ, нахо-

дила, что Островлева «чрезвычайно остроумная» и что «говорить съ ней было все равно, что читать Щедрина»,—то ей простительна такая преувеличенная похвала пріятельницѣ, а глупое сравненіе бесѣдъ Островлевой съ Щедринымъ показываетъ только не особенно блестящее состояніе критическихъ способностей у молодой дѣвушки, что тоже простительно...

Но основываться на показаніяхъ этой подруги и затѣмъ рекомендовать Островлеву какъ «типъ» женщины, возводя ее на пьедесталъ, какъ сдѣлалъ «Московскій Телеграфъ» устами какого-то не въ мѣру усерднаго защитника женщинъ,—это ужъ вовсе глупо и напоминаетъ басню объ услужливомъ... умномъ человѣкѣ. Передъ нами—патологическій фактъ, а намъ говорятъ: «Взирайте и поучайтесь! Островлева современный типъ!» Дѣвица, больная нравственно, извращенная физически, начитавшись Габорию, хочетъ испытать ощущенія пролитія чужой крови, а какой-то «проницательный» человѣкъ поясняетъ: «Видите-ли, что значить не давать правъ женщинѣ, закрывать имъ доступъ къ дѣятельности... Избытокъ силъ требуетъ исхода...» Словомъ, въ этомъ злополучномъ фельетонѣ «Московского Телеграфа» было нагромождено столько нелѣпостей, что ни одинъ серьезный человѣкъ не обратилъ бы не него вниманія.

Но «Моск. Вѣдомости» не пропустили «случая» и посвятили цѣлую передовую статью этому дѣлу. «Психіатрія восторжествовала» говорятъ они ехидно и объясняютъ, что присяжные «простили» виновниковъ разбоя... Понятно, какія цѣли преслѣдуетъ московская газета г. Каткова... Ей необходимо, чтобъ судъ приговорить даже сумашедшихъ...

VII.

Въ заключеніе два слова о г. Евгеніѣ Марковѣ, только два слова, не болѣе.

Дѣло вотъ въ чемъ. Не такъ давно, г. Марковъ написалъ замѣтку въ «Новомъ Времени» по поводу январскаго внутренняго обозрѣнія, въ которой, между прочимъ, заявляетъ предположеніе, что читатель «не захочетъ мозолить себѣ руки *стрѣнькими страницками стараго журнала*».

Я понимаю презрительное или негодующее отношеніе къ тому или другому органу и, конечно, никогда не поставилъ-бы на счетъ г. Маркову, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда презренная редакція печатала его романъ на тѣхъ-же «сѣренькихъ страницахъ», похвалявалъ «Дѣло» въ фельетонахъ «Голоса» — теперешняго отношенія его къ «Дѣлу». Съ тѣхъ поръ утекло много воды

и г. Марковъ могъ — и не безъ основаванія — проникнуться негодованіемъ противъ «сѣренькаго» журнала.

Но вотъ что любопытно. По порученію этого-же самого г. Маркова, напечатавшаго въ январѣ настоящаго года свою замѣтку, — въ декабрѣ 1882 года къ одному изъ редакторовъ «Дѣла», пріѣзжалъ одинъ мировой судья, если не ошибаюсь, изъ Курска, съ предложеніемъ сотрудничества г. Маркова. Редакторъ, обиженный такимъ предложеніемъ и объяснившій его тѣмъ, что г. Е. Марковъ, вѣроятно, не читалъ «Дѣла» за послѣднее время, рѣшительно отклонилъ честь сотрудничества г. Е. Маркова въ «сѣренькомъ» журналѣ...

Нужны-ли еще коментаріи къ этому маленькому «эпизоду», характерно рисуящему нашего «свѣдущаго» человѣка и юрекаго публициста, стоящаго «въ партій?»

Откровенный Писатель.

Пожертвованія въ пользу женскихъ вра- чебныхъ курсовъ.

Въ редакцію журнала «Дѣло» поступили слѣдующія пожертво-
ванія въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ:

Отъ Н. Б. Соколова	1 р.
› Л. Я. Мгеброва	21 ›
› Техническаго училища М. В.	21 ›

Итого 43 р.

Всего съ прежде поступившими . . . 156 ›

Деньги эти переданы по назначенію подъ росписку.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ октябрѣ 1879 года русская наука понесла великую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора московскаго университета, автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, Сергія Михайловича Соловьева. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ среды самаго университета, такъ и со стороны многочисленныхъ почитателей покойнаго, разсыпанныхъ по всей Россіи, не прекращались заявленія о необходимости выразить уваженіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности наиболѣе соответствующимъ ея характеру способомъ. Заявленія о томъ поступали не только отъ ученыхъ учреждений и обществъ, изъ которыхъ во многихъ покойный Соловьевъ былъ почетнымъ членомъ, но и отъ людей, посвятившихъ себя болѣе широкой дѣятельности. Память покойнаго, какъ ученаго, такъ много и со славою трудившагося для науки и Россіи; его заслуги, какъ писателя, всѣми признанныя и высоко цѣнимыя; его благородный образъ мыслей и дѣйствій и его просвѣщенный взглядъ на современные вопросы русской жизни; его благотворное участіе въ воспитаніи многихъ поколѣній (съ 1845 по 1879 г.) русскихъ студентовъ; высокій примѣръ самоотверженной преданности и безграничной любви къ наукѣ и отечественному просвѣщенію, — все это побуждало людей, пытавшихъ уваженіе къ памяти покойнаго, ходатайствовать объ учрежденіи при московскомъ университетѣ, какъ мѣстѣ его постоянного служенія, стипендіи и преміи за лучшія историческія сочиненія, имѣющихъ раздаваться отъ его имени.

Нынѣ Государь Императоръ высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора добровольныхъ пожертвованій на составленіе капитала для учрежденія при московскомъ университетѣ стипендіи и преміи имени С. М. Соловьева.

Объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе, московскій университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей покойнаго доставлять свои пожертвованія въ Правленіе университета съ обозначеніемъ: назначаются ли предлагаемыя ими пожертвованія на стипендію и премію вмѣстѣ, или только на которуюнибудь изъ нихъ. Такъ какъ дѣятельность покойнаго обращена была на пользу русскихъ людей многихъ поколѣній и не останется безъ благотворнаго вліянія на людей поколѣній будущихъ, то московскій университетъ съ равною признательностью приметъ и посильное привошеніе отъ учащихся, и пожертвованіе отъ людей, какъ воспитавшихся на сочиненіяхъ С. М. Соловьева, такъ и бывшихъ свидѣтелями первыхъ успѣховъ его на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Приваловскіе милліоны. Романъ въ 5 ч. Часть первая и начало второй	<i>Д. Н. Сибиряка.</i>
Проекты аграрныхъ преобразованій въ Англии. (Окончаніе) . . .	<i>Л. Мечникова.</i>
На надѣлѣ. Очеркъ	<i>И. Харламова.</i>
Споръ. Стихотвореніе	<i>П. Якубовича.</i>
Евангелистка. Романъ	<i>Альфонса Додэ.</i>
Прошлое и настоящее штунды (Окончаніе)	<i>Я. В. Абрамова.</i>
Максимъ Бенелявдовъ Повѣсть (Гл. I—XIV)	<i>М—ина.</i>
«Au bonheur des dames». Романъ (Главы I—III)	<i>Э. Золя.</i>
Въ бурю. Стихотвореніе	<i>П. Вейнберга.</i>
Лазаро. Разсказъ	<i>Д. Габбертона.</i>
Узникъ. Стихотвореніе	<i>М. Илецкаго.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Умъ и чувство, какъ факторы прогресса	<i>А. Леонтьева.</i>
Журнальныя замѣтки.	<i>М. П.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Гамбетта и его легенда (Политическая и социальная хроника). .	<i>Жика.</i>
Научная хроника	<i>А. М.</i>
Картинки общественной жизни . .	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Отчетъ о пожертвованіяхъ въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ.	
Отъ Императорскаго Московскаго университета.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Веймана. Съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шпилмагена*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третьей годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старина. Политическій романъ *Ипполита Ньего*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Витъ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Лютчева*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потьмина*. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. *Д. Гирса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое омерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *Н. П. Айрленда*, съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томащевского, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвятлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Россея Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюля Сиря*. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Юг. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

(С.-Петербургъ. Большая Садовая. Противъ Госпинаго Двора, № 12. Бывшій А. И. Глазунова. Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Жизнь и поэзія. В. А. Жуковского. 1783 — 1852. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. А. Висковатаго. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Завѣдное вліаніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки Алексѣя Веселовскаго. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Собственность и государство. Б. Чичерина. Часть вторая. М. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

И. Тарасовъ. Очеркъ науки финансоваго права. Введеніе. Общая часть. Особенная часть. Ярославль. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 75 к.

Литература русской географіи, этнографіи и статистики за 1879 и 1880 гг. Т. IX. 11429 книгъ и статей. Сост. В. И. Межовъ. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Государство и общество. Управление, самоуправленіе и судебная власть. Статьи В. П. Безобразова. Спб. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Куно. Фишеръ. Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Въ 2-хъ частяхъ. Перевелъ съ полѣднаго нѣмецк. изд. И. П. Рассадинъ. М. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Спиритизмъ въ Индіи. Факиры-очарователи. Л. Жакаллио. Сост. и перевелъ С. Т. Румиловъ. Спб. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Европейскіе писатели и мыслители. Аристофанъ. Спб. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Вып. 1-й. Курскій уѣздъ. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Томе по Тамбовской губ. Т. 3-й. Моршанскій уѣздъ. Тамбовъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

Томе по Московской губ. Отд. хозяйствен., статистики. Т. VII, вып. III. Промыслы Московской губ. Вып. V. М. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Шестой губернской сѣздъ врачей московскаго земства. Протоколы засѣданій и труды. Февраль-мартъ 1882 г. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Табель домовъ и улицъ города С.-Петербурга, съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами, Охтою, Лѣснымъ, Петергофскимъ, Полюстровскимъ и Шлиссельбургскимъ участками, съ показаніемъ частей, полицейскихъ и мировыхъ участковъ. Изд. 3-е, перелѣан. и дополн., съ приложеніемъ новѣйшаго плана С.-Петербурга. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Запоздалый голосъ сороковыхъ годовъ (по поводу женскаго вопроса). П. Бакунина. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Нулановскій, Ю. Коллегія въ древнемъ Римѣ. Опытъ по исторіи римскихъ учреждений. Кіевъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Цертелевъ, Д. Князь. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

- Додз, Альф.** Проповѣдница. Романъ посвящается авторомъ д-ру психіатру Шарко. Пер. съ франц. М. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- „Обрусители“.** Романъ изъ общественной жизни западныхъ губерній. Н. Ланской. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Полное собраніе стихотвореній князя Александра Ивановича Одоевскаго (декабриста).** Собралъ баронъ Андрей Евг. Розенъ. Съ портретомъ князя А. И. Одоевскаго. Спб. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—79 гг.** Изъ дневниковъ д-ра И. Л. Яворскаго, въ 2-хъ томахъ. Съ приложеніемъ нѣсколькихъ портретовъ, картъ и маршрута посольства. Спб. Ц. за 2 т. 5 р., съ пер. 6 р.
- Чистовичъ.** Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Спб. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.
- Русскимъ дѣтямъ.** Изъ сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго. Издано подъ редакц. О. Ѳ. Миллера. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Женз.** Шекспиръ, его жизнь и сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. П. Веселовскаго, съ предисловіями и примѣчаніями Н. И. Стороженка, доцента московскаго университета. Съ портретомъ Шекспира и его факсимиле. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.
- Содержаніе. Введеніе.—Жизнь Шекспира и состояніе англійскаго театра въ его время.—Драмы Шекспира.—Произведенія перваго періода.—Драматическія хроники изъ англійской исторіи.—Произведенія: Титъ Андроникъ.—Периклъ.—Король Генрихъ VI.—Два веронца.—Комедія ошибокъ.—Потерянные усилія любви.—Общій взглядъ.—Ричардъ II.—Генрихъ IV.—Генрихъ V.—Ричардъ III.—Король Іоаннъ.—Генрихъ VIII.—Средняго періода. Ромео и Юлія.—Сонъ въ лѣтнюю ночь.—Венеціанскій купецъ.—Укрощеніе строптивой.—Виндзорскія проказницы.—Много шуму изъ ничего.—Гамлетъ.—Какъ вамъ угодно.—Двѣнадцатая ночь, или что хотите.—Конецъ вѣнчаетъ дѣло.—Мѣра за мѣру.—Зимняя сказка.—Цимбелинъ.—Драмы изъ античной жизни.—Римскія трагедіи: Юлій Цезарь.—Антоній и Клеопатра.—Кориолянъ.—Тимонъ.—Афинянинъ.—Тронъ и Кресенда.—Высокохудожественныя трагедіи: Король Лиръ.—Макбэтъ.—Отелло.—Буря.
- Ковалевскій, М.** Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія исторіи права. М. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- Кольцовъ, А. В.** Его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества, изданіе третье. Москва. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Коппъ, Германъ.** Былое и современное химіи. Общедоступная лекція. Ц. 30 коп., съ пер. 35 к.
- Ганнъ.** Общее землѣдѣніе. Ч. I. Астрономическая географія и метеорологія. Съ 15-ю политипаж. и 6-ю хромолитограф. метеорологич. табл. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.
- Гартвигъ.** Воздухъ и его жизнь. Популярныя очерки атмосферныхъ явленій. Изд. 2-е исправл., съ 8-ю хромолит. картинами и политипажам. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.
- Гохштеттеръ.** Общее землѣдѣніе. Ч. II. Геологія (составъ, строеніе и образованіе земли). Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1883 году

(ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ ИЗДАНІЯ).

Всѣ годовые подписчики въ 1883 году получать:

- 1) 52 нумера, выходящіе еженедѣльно, по субботамъ. Каждый нумеръ не менѣ двухъ листовъ печатныхъ, съ 5—6 большими рисунками въ текстѣ.
- 2) 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ форматѣ in 8°, объемомъ въ 9—10 печатныхъ листовъ каждая.
- 3) Бесплатную премію — большую олеографію съ картины профессора А. И. Мещерскаго:

ПОЛДЕНЬ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.

Примѣчаніе. Годовые подписчики, вносящіе всю сумму безъ разсрочки, получаютъ премію при подпискѣ. Годовые подписчики, подписывающіеся съ разсрочкою, получаютъ премію по внесеніи двухъ третей слѣдующей съ нихъ суммы.

4) Парижскія моды будутъ прилагаться къ журналу ежемѣсячно (къ первому № каждого мѣсяца).

Въ теченіе 1883 года будутъ помѣщены въ „Живописномъ Обзорѣніи“ слѣдующія оригинальныя литературныя произведенія:

- 1) „Чѣмъ ушибся, тѣмъ и дѣчись!“ комедія въ стихахъ *Виктора Александрова* (В. А. Крылова).
- 2) „Крашенная вода“ (исторія однихъ сутокъ) — повѣсть *П. Д. Боборыкина*.
- 3) „Очерки Волги“ *С. В. Максимова*.
- 4) „Лишніе“ повѣсть *А. Михайлова*. (А. К. Шеллера).
- 5) „Самъ расправился!“ Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, *Н. И. Северина*.
- 6) „Господинъ Великій Новгородъ“ — бытовые очерки *П. Н. Полевого*.
- 7) „Убила!“ романъ *А. Х. Симоновой*.
- 8) „Остзейскій край подъ владычествомъ Швеціи, Польши и Россіи“ — *М. П. Соловьѣва*.
- 9) Пять иностранныхъ романовъ.
- 10) Рядъ очерковъ: *Сергій Атавы, К. С. Баранцевича, П. П. Васильева, А. В. Крулова, А. Михайлова, В. И. Потанина, Н. И. Северина, А. Х. Симоновой* и стихотворенія *П. Быкова, Дм. Курьевскаго, Омлевскаго, Е. П. Пономарева, В. Юрѣва* и мн. др.

Сверхъ того, дважды въ мѣсяцъ, въ №№ „Живописнаго Обзорѣнія“ будутъ помѣщаться фельетоны *П. Д. Боборыкина*.

Подписная цѣна журнала:

Съ доставкою и пересылкою:	Безъ доставки и пересылки:
За годъ 8 р. —	За годъ 6 р. 60 к.
За полгода 4 р. 50 к.	За полгода 4 . —

Желающіе получить премію застрахов. посылкой доплачиваютъ 40 к.

Разсрочка допускается для служащихъ лицъ черезъ гг. казначеевъ; для частныхъ лицъ по соглашенію съ Конторкою.

Адресъ Редакціи: Спб. Уг. Николаевской и Колокольной, д. Булина, кв. 19.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой*.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ШТУНДЫ.

(ОКОНЧАНИЕ).

IV.

Мы довели исторію штундизма, въ пунктахъ его главнѣйшаго распространенія, до 1878 года. Въ началѣ этого года имѣлъ мѣсто въ Одессѣ процессъ, къ которому были привлечены главнѣйшіе дѣятели штунды въ первый періодъ ея существованія, и который имѣлъ громадное значеніе для штундистовъ, въ значительной степени измѣнивъ отношенія къ нимъ общества и администрація. Въ процессѣ этомъ подсудимыми были лица, противъ которыхъ началось уголовное преслѣдованіе еще въ 1870 г. Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, какъ первыхъ распространителей штундизма, мы уже упоминали нѣсколько разъ; таковы—Ратушный, Рабошапка и Балабанъ. Остальные подсудимые менѣ замѣтны,—это крестьянинъ Александръ Капустянь, отставной солдатъ Родіонъ Архиповъ и его жена Марія. Всѣ подсудимые обвинялись въ распространеніи секты штундистовъ. До суда подсудимые находились въ заключеніи.

На судѣ выяснилась трудность и даже полная невозможность констатировать фактъ *совращенія* православныхъ въ секту, въ чемъ собственно обвинялись подсудимые. Такъ, напр., одинъ свидѣтель, на вопросъ относительно совращенія Ратушнымъ, отвѣтилъ: «А Богъ его знаетъ,—чи совращалъ, чи ни; кто ихъ знаетъ, какъ они тамъ совращаются». Выходило, что, никакого совращенія не производилось, а престо изъ православныхъ приставали къ сектѣ кто хотѣлъ. Изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній только два были направлены противъ штундистовъ. Именно, бывший писарь с. Игнатъевки заявилъ, что, по ученію штундистовъ, «кто крестится, тотъ антихристъ», и что онъ самъ слышалъ, какъ подсудимый Капустянь говорилъ православнымъ: «Икона есть идолъ и что вы этому поклоняетесь—есть совершенное посрамленіе христіанства». Это показаніе писаря вызвало рѣзкій отпоръ со стороны Ратушнаго, который заявилъ суду: «этотъ свидѣтель слѣдуетъ сельскимъ писаремъ, а эти люди, какъ извѣстно, большею частью проводятъ свою

жизнь въ пьянствѣ. Вѣрно онъ былъ пьянъ и не могъ разобрать, какой такой разговоръ былъ, да онъ и въ настоящее время тоже пьянъ» (писарь дѣйствительно явился въ судъ пьянымъ). Другой свидѣтель, управляющій сосѣднимъ имѣніемъ, разсказалъ: «Какъ-то разъ вечеромъ я отправился къ нимъ на сборище и видѣлъ ихъ гадости: я засталъ тамъ 50 или 60 мужчинъ и женщинъ, которые пѣли божественныя пѣсни съ разгульнымъ напѣвомъ». По словамъ свидѣтеля, одна божественная пѣсня пѣлась на мотивъ: «Вотъ мчится тройка удалая...» Но на перекрестномъ допросѣ обнаружилось, что свидѣтель не умѣетъ отличить напѣва менонитскихъ духовныхъ пѣсенъ отъ мотива пѣсни «Вотъ мчится тройка...»

Но зато показанія всѣхъ другихъ свидѣтелей были въ пользу подсудимыхъ. Такъ, свидѣтель Шматко, православный, заявилъ, что штундисты «ведутъ хорошую жизнь, не воруютъ, не пьянствуютъ.» Свидѣтель Котликъ, тоже православный, показалъ, что онъ «между штундистами не замѣтилъ дурныхъ людей. О нихъ кромѣ хорошаго ничего нельзя сказать; между ними нѣтъ ни пьяницъ, ни воровъ, а напротивъ бывали случаи, что человѣкъ, который прежде былъ пьяницею или воромъ, когда поступаетъ въ ихъ секту, дѣлается хорошимъ человѣкомъ,—перестаетъ пить, воровать и дѣлается хозяиномъ, работаетъ.» Въ такомъ-же родѣ были показанія и другихъ свидѣтелей, православныхъ и бывшихъ штундистовъ.

Показанія свидѣтелей штундистовъ, по вопросу о причинахъ, заставившихъ ихъ перейти въ штунду, отличались замѣчательнымъ единогласіемъ. Свидѣтель Лопата показалъ,—что «до поступленія его въ секту онъ былъ нехорошимъ человѣкомъ: дѣлалъ разныя безчинства, пьянствовалъ и ругался. Я слышалъ, говорилъ свидѣтель—какъ мой мальчишъ читалъ евангеліе, почувствовалъ, что надо перестать дѣлать неправду, а жить по правдѣ.» Свидѣтель Мелановичъ, на вопросъ защитника, что заставило его перейти въ штунду, отвѣтилъ: «Я увѣровалъ, что это есть настоящій, праведный путь, я почувствовалъ, что нужно жить ихнею богобоязненною жизнью, и потому присоединился къ нимъ». Съ того времени, какъ свидѣтель поступилъ въ штунду, ему не случалось солгать, онъ всегда говорилъ правду. Свидѣтель Трояна показалъ, между прочимъ: «Я почувствовалъ новое сердце и просилъ Ратушнаго окрестить меня, и я сдѣлался другимъ человѣкомъ. Прежде я вель распутную жизнь, ругался всякими непристойными словами; я почувствовалъ, что это грѣхъ, принялъ крещеніе и перемѣнился» *).

*) «Голосъ», 1878 г., № 108. Судебный отчетъ.

Показанія свидѣтелей произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Присяжные, послѣ пятиминутнаго совѣщанія, вынесли оправдательный вердиктъ всѣмъ подсудимымъ.

Надо вообще замѣтить, что судъ общественной совѣсти, по сколько онъ выражается въ судѣ присяжныхъ, всегда оправдывалъ штундистовъ. Обвинительные приговоры произносились исключительно дореформенной судебной палатой уголовного и гражданскаго суда. Съ введеніемъ въ предѣлахъ кievскаго генералъ-губернаторства новыхъ судебныхъ учреждений всѣ дѣла по обвиненію штундистовъ въ распространеніи ихъ секты должны были подлежать вѣдѣнію окружныхъ судовъ. Послѣ вышеизложеннаго процесса 30 марта 1878 г., не было ни одного дѣла, по которому штундисты обвинялись - бы въ распространеніи секты, т. е. въ преступленіи, подлежащемъ разсмотрѣнію и сужденію окружныхъ судовъ; съ этого времени возбуждаются противъ штундистовъ дѣла только о неисполненіи законныхъ требованій полиціи, т. е. о нераспущеніи собраній по требованію полиціи; дѣла подобнаго рода подлежатъ вѣдѣнію судебно-мировыхъ учреждений. Но и послѣднія дѣла стали являться какъ исключеніе.

Тѣмъ не менѣе, самый взглядъ на штундистовъ, какъ на людей опасныхъ, оставленъ далеко не повсемѣстно. Такъ, напр., еще въ 1879 г. въ Одессѣ даже извѣстія о штундистахъ считалось опаснымъ дѣлать доступными публикѣ, и одесскія газеты игнорировали все, что относилось къ штундѣ. Дѣлалось это по той причинѣ, какъ объяснял корреспонденту «Русской Правды» одинъ изъ «посвященныхъ», что «штундисты и нигилисты все одно» *). Такого же взгляда иногда держатся и нисшіе представители полиціи, урядники и становые, и сообразно съ такимъ взглядомъ устанавливаются свои отношенія къ штундистамъ **). Впрочемъ, такой взглядъ на штундистовъ, въ настоящее время мало-по-малу исчезаетъ. Но за-то люди, которые стараются всячески повредить штундистамъ, начинаютъ взводить на нихъ новыя обвиненія и, пользуясь бывшимъ одно время въ модѣ нѣмцеѣдствомъ, указываютъ на опасность, грозящую будто бы Россіи со стороны штунды въ смыслѣ *отмеченія* русскаго населенія. Нижеслѣдующій отрывокъ можетъ служить прекраснымъ образчикомъ подобнаго обвиненія. «По моему штундизмъ вещь далеко не безопасная, — пишетъ г. Савченковъ: — тутъ, кромѣ религіознаго давленія на Россію, кроется и враждебная для Россіи нѣмецкая политика. Въ виду столкновенія Австріи съ Россією, нѣмецкая политика всевозможными усиліями старается за-

*) «Русская Правда» 1879 г., № 17.

***) См., напр., объ одномъ становомъ елисаветградскаго уѣзда, въ статьѣ г. Алексѣя Южнаго: «Вѣстникъ Европы», 1881 № 7.

вести въ Россіи своихъ сторонниковъ; а чтобы достигнуть этого, нѣмецкая политика начала дѣйствовать издали: она обратила все свое вниманіе на православную религію и ея представителей и мѣтить не въ бровь, а въ глазъ... На случай разрыва Россіи съ Австріей штундисты первымъ дѣломъ стануть на сторону своихъ родичей-нѣмцевъ *)».

Въ значительной мѣрѣ измѣнились также послѣ процесса 30 марта 1878 г. отношенія къ штундистамъ духовенства, по крайней мѣрѣ, извѣстной части его. Правда, «Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости» отнеслись несочувственно къ оправдательному приговору суда: они разразились страстною филиппикой противъ подсудимыхъ штундистовъ, будто-бы «заклеймившихъ себя наглою ложью въ публичномъ, торжественномъ засѣданіи суда» и иронически замѣчали: «мы не знаемъ, да и не можемъ знать, какими соображеніями руководились присяжные, произнося оправдательный вердиктъ по дѣлу штундистовъ»; дѣло это, дескать, пускай лежитъ на совѣсти присяжныхъ. Но, какъ извѣстно, наши епархіальныя вѣдомости вовсе не служатъ органомъ собственно мнѣній епархіальнаго духовенства, что и обнаружилось на бывшемъ лѣтомъ 1878 г. съѣздѣ депутатовъ духовенства херсонской епархіи. Съѣзду этому было поручено епархіальною властью выработать мѣры для борьбы съ штундой. Поднявшіяся на съѣздѣ, при обсужденіи этого вопроса, пренія ясно показали, что многіе священники извѣрились уже въ успѣхъ борьбы съ сектантами при помощи «ежевыхъ рукавицъ». Правда, и теперь среди от. депутатовъ нашлись люди, которые заявляли, что штунда — «не столько секта религіозная, сколько политическая, для искорененія которой необходимо участіе и пособіе гражданской власти»; но это мнѣніе не встрѣтило сочувствія среди членовъ съѣзда, и съѣздъ проектировалъ для борьбы съ все болѣе и болѣе распространяющейся штундой болѣе мирныя средства. Такъ, съѣздъ нашель, что «одною изъ причинъ развитія штундизма служить устройство въ уѣздахъ базаровъ въ праздничные и воскресные дни: всякая купля и продажа сопряжена съ могарычами, народъ пьянствуетъ и даетъ штундистамъ поводъ насмѣхаться надъ православіемъ»; на этомъ основаніи съѣздъ предложилъ перенести базары въ мѣстечкахъ и селахъ съ воскресныхъ и праздничныхъ дней на будніе. Затѣмъ съѣздъ находилъ нужнымъ назначать въ приходы, гдѣ развитъ штундизмъ, псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, съ возложеніемъ на нихъ, какъ главной обязанности, бесѣ-

*) «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» 1882 г., № 17, «Штундисты въ с. Лучинѣ, кіевск. губ.», *Ив. Савченкова*.

дованія съ совратившимися въ штунду и обращенія ихъ къ православію. Наконецъ, съѣздъ проектировалъ распространеніе дешевыхъ изданій религіознаго содержанія, и въ особенности толковаго евангелія, а также популярнаго изложенія ученія штундистовъ съ яснымъ разборомъ догматовъ и основаній этой секты. Такимъ образомъ, съѣздъ обнаружилъ, что имъ, при изысканіи «мѣръ», руководили добрыя чувства. Мы не станемъ говорить, насколько такія мѣры, какъ перенесеніе базаровъ съ праздничныхъ дней на будніе и возложеніе миссіонерскихъ обязанностей на псаломщиковъ, явятся успѣшными для борьбы съ сектантствомъ, замѣтимъ только, что, относительно дешевыхъ изданій религіознаго содержанія, редакція «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» пришла къ совершенно другимъ выводамъ, чѣмъ съѣздъ херсонскаго духовенства, и видитъ, напр., въ изданіяхъ «общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія» одно изъ средствъ штундистской пропаганды *). Что же касается изложенія штундистскаго вѣроученія съ разборомъ догматовъ и основаній этой секты, то таковое издано еще въ 1873 г. свящ. Фоменко **), но пока практическихъ результатовъ отъ него не оказалось.

Не особенно успѣшна и дѣятельность кіевскаго «Свято-владимірскаго братства», направленная, между прочимъ, на обращеніе заблудшихъ изъ штунды. Братство это насчитываетъ болѣе 150 членовъ. До какой степени незначительны результаты дѣятельности этого братства по отношенію къ обращенію штундистовъ, можно видѣть изъ того, что въ отчетѣ братства за время отъ 15-го іюля 1879 г. по 15-е іюля 1880 года значится: «присоединилось къ православной церкви раскольниковъ мужескаго пола — одинъ». Въ этомъ-же отчетѣ мы находимъ указаніе на одну изъ мѣръ, употребляемыхъ братствомъ для обращенія штундистовъ. Именно, оно выдало пособіе двумъ обращеннымъ штундистамъ по 25 рублей каждому. Что эти денежные выдачи являются именно одною изъ мѣръ для обращенія штундистовъ въ православіе, доказываетъ рѣчью председателя братства, приложенною въ концѣ отчета. Въ рѣчи этой председатель предложилъ слѣдующія мѣры для борьбы съ штундой:

1) «Составить понятное для простаго человѣка братское посланіе къ штундистамъ, съ разъясненіемъ заблужденія ихъ ученія и приглашеніемъ возвратиться въ нѣдра церкви.

2) «Оказывать матеріальную помощь обращающимся въ православіе штундистамъ, для чего слѣдуетъ устроить въ селеніяхъ от-

*) «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», 1881 г., № 10.

**) «Разборъ десяти правилъ вѣроученія штундистовъ», Кіевъ 1873 г.

дѣленія братства, въ видѣ попечительствъ, и привлечь къ дѣятельности лицъ той мѣстности, которая заражена штундизмомъ.

3) «Оказывать содѣйствіе воспитанію дѣтей штундистовъ, помѣщая ихъ въ братскую школу и въ высшія училища, особенно заботиться о сельскихъ школахъ.

4) «Ближайшее ознакомленіе съ положеніемъ и состояніемъ штундизма и средствами вліять на совратившихся».

Вообще лица, которымъ приходится вести борьбу съ штундой, пришли къ убѣжденію въ необходимости для успѣха дѣла, созданія контингента лицъ, спеціально подготовленныхъ для миссіонерской дѣятельности между штундистами. Такъ, при семинаріяхъ кievской, полтавской и подольской учреждены особыя каедры штундизма.

V.

Преслѣдованія штундистовъ въ новѣйшій періодъ исторіи штунды приняли иной характеръ. Перестали штундистовъ привлекать въ судъ, перестали ссылатъ ихъ по приговорамъ сельскихъ обществъ; но другія средства практикуются попрежнему. Съ одной стороны, несмотря на неоднократно выраженные представителями духовенства сравнительно мирныя чувства къ штундистамъ, далеко не всѣ сельскіе священники проницались этими чувствами и попрежнему прибѣгаютъ къ «своимъ средствамъ» для борьбы съ штундой. Съ другой—положеніе штундистовъ даетъ полную возможность всячески мудрить надъ ними кому вздумается.

Вотъ, напр., какая исторія имѣла мѣсто въ Елисаветградскомъ уѣздѣ лѣтомъ того-же 1880 года: «Одинъ штундистъ пріѣхалъ по дѣламъ въ деревню, принадлежащую къ бобринецкому пригороду. Вдругъ его, неизвѣстно по какой причинѣ, высылаютъ по этапу на мѣсто жительства за 100 почти верстъ, хотя у штундиста паспортъ былъ налицо и въ исправности. Пришла пора убирать хлѣбъ. У штундиста возлѣ Бобринца былъ посѣянъ рапсъ, для уборки котораго онъ пріѣхалъ съ женою и дѣтьми. Его снова выслали по этапу на мѣсто жительства. Теперь только, по его настоянію, ему объяснили, что его высылаютъ единственно за то, что онъ штундистъ» *).

Около этого-же времени въ александрійскомъ сѣздѣ мировыхъ судей разбиралось дѣло Рябошапки. Это было то самое дѣло, о которомъ я упоминалъ выше, и по которому Рябошапка и

*) «Голосъ» 1881 г., 1-го февраля.

20 другихъ штундистовъ были приговорены мировымъ судьей къ штрафу въ 15 рублей каждый, каковой штрафъ былъ замѣненъ елисаветградскимъ съѣздомъ пятнадцатикопѣечнымъ взысканіемъ съ каждаго. Рябошапка апеллировалъ въ сенатъ, и сенатъ, отмѣнивши постановленіе елисаветградскаго съѣзда мировыхъ судей, передалъ дѣло въ александрійскій съѣздъ. Этотъ послѣдній, однако, оказался суровѣе елисаветградскаго съѣзда и утвердилъ приговоръ мирового судьи, разбиравшаго это дѣло первоначально. Такимъ образомъ, Рябошапка не только не добился признанія законности штундистскихъ собраній, ради чего собственно онъ и апеллировалъ въ сенатъ, но ему еще пришлось заплатить, вмѣсто 15 копѣекъ, 15-ти рублевымъ штрафомъ *).

Въ кievской епархіи 1880-й годъ былъ наиболѣе счастливымъ для штундистовъ. Любезность по отношенію къ штундистамъ доходила до того, что «Кіевлянинъ» печаталъ письмо штундиста Лясоцкаго (о которомъ я упоминалъ, какъ объ одномъ изъ насадителей штунды въ Кіевской губерніи),—письмо, содержащее оправданіе штунды отъ взводимыхъ на нее нареканій и изложеніе вѣроченія штундистовъ; а «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» не только перепечатали письмо Лясоцкаго, но еще сопровождали его крайне симпатичными отзывами о штундистахъ и лестными для нихъ комментаріями содержанія письма. Вотъ для образчика нѣкоторые изъ этихъ комментаріевъ: «Нельзя не признать, говорить органъ кievской епархіи,—что въ этотъ видѣ (т. е. какъ онъ изложенъ въ письмѣ Лясоцкаго) штундизмъ представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ почти безсознательной и загроможденной массой суевѣрій вѣрой нашего крестьянства. У штундистовъ мы видимъ крайне вѣрное пониманіе нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, напр., брака; мы находимъ у нихъ возстановленіе древнехристіанскаго покаянія, съ его глубокимъ и вполне реальнымъ значеніемъ для членовъ общины; наконецъ, самое отрицаніе иконопочитанія, какъ протестъ противъ идолопоклонства, не лишено нѣкотораго серьезнаго значенія **). Такая любезность по отношенію къ штундистамъ, любезность, за которую нѣкоторые духовные органы, напр., «Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости» ***) , обвиняли органъ кievской епархіи въ солидарности чуть не съ подпольною печатью, объясняется отчасти вліяніемъ сенаторской ревизіи, которая должна была коснуться и вопроса о положеніи штундистовъ. Сенаторская ревизія старалась собирать фактическія данныя о причинахъ быстрого

*) „Херсон. Епарх. Вѣд.“, 1881, № 5.

**) „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“. 1880, № 32—33.

***) 1881, № 1 и 2.

распространенія штунды и о положеніи штундистовъ. Для этой цѣли ревизовавшимъ сенаторомъ былъ командированъ особый чиновникъ во всѣ тѣ волости, гдѣ находятся послѣдователи штундизма. Вызываемые чиновникомъ штундисты очень охотно давали отвѣты на всѣ предлагаемые вопросы и сильно изумляли чиновника своимъ знакомствомъ съ священнымъ писаніемъ *). Чиновникъ собралъ много матеріала и представилъ собранное сенатору.

1881-й годъ ознаменовался въ штундистскомъ мірѣ подачею прошеній уполномоченными штундистовъ-баптистовъ, Рябошапкою и Ратушнымъ, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, графу Лорисъ-Меликову. Прошеніе, поданное Рябошапкою, подписано имъ по довѣренности 278 душъ крестьянъ и разночинцевъ, живущихъ въ уѣздахъ: Херсонскомъ, Елисаветградскомъ, Ананьевскомъ и Александрійскомъ. Ратушный подалъ прошеніе отъ имени 324 крестьянъ и разночинцевъ, живущихъ въ Одесскомъ и Тираспольскомъ уѣздахъ. Въ прошеніяхъ податели просятъ: а) разрѣшенія открыть молитвенные дома въ селахъ, въ которыхъ живутъ просители; б) дозволенія выбирать изъ своей среды наставниковъ, которые исполняли-бы въ молитвенныхъ домахъ обязанности начетчиковъ (читали-бы евангеліе, объясняли-бы его присутствующимъ); в) разрѣшенія именоваться «баптистами», а не штундистами, какъ доселѣ ихъ называютъ въ обыденной рѣчи и въ официальныхъ бумагахъ, и г) разрѣшенія присоединиться къ существующему въ Россіи обществу баптистовъ (нѣмцевъ), существованіе котораго легализировано нашими законами. Къ прошеніямъ приложены краткія записки съ краткимъ изложеніемъ судебъ русскихъ баптистовъ тѣхъ мѣстностей, представители которыхъ подали прошенія, за послѣднія десять лѣтъ. Наконецъ, къ прошеніямъ приложено «Исповѣданіе вѣры и устройство общинъ крещеныхъ христіанъ, обыкновенно называемыхъ баптистами, съ доказательствами изъ священнаго Писанія». «Исповѣданіе» это есть не что иное, какъ буквальный переводъ баптистскаго катехизиса, изданнаго въ Гамбургѣ на нѣмецкомъ языкѣ Иоганномъ, Виллеромъ Ункеномъ.

Я уже говорилъ, что далеко не всѣ малороссы, вкусившіе отъ рационализма подъ вліяніемъ нѣмцевъ, пошли покорно по стопамъ своихъ учителей и приняли всецѣло ученіе баптистовъ. Еще болѣе справедливо это относительно тѣхъ новообращенныхъ, которые приняли штундизмъ уже отъ проповѣдниковъ-малороссовъ. Нѣмцы баптисты, отвергнувъ большинство таинствъ, нѣкоторыя изъ нихъ сохранили. Въ ученіи баптизма они видятъ только религіозную си-

*) „Страна“, 1881, № 50.

стему съ немногими добавленіями нравственныхъ предписаній. Созданіе іерархіи пресвитеровъ и предсѣдателей пресвитерскихъ собраний придало баптистскому обществу видъ чего-то законченнаго, установившагося, уже потерявшаго способность къ дальнѣйшему развитію. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ институтъ пресвитеровъ въ значительной мѣрѣ препятствуетъ свободѣ толкованія Евангелія каждымъ и тяготѣетъ надъ совѣстью членовъ общинъ. Общественнаго, реформаціоннаго значенія баптизмъ не имѣетъ почти никакого. Нѣмецъ-баптистъ не церемонится держать работниковъ, даже изъ своихъ единовѣрцевъ; правда, онъ обращается съ работникомъ хорошо, и положеніе работника мало чѣмъ разнится отъ положенія члена семьи. Но въ бѣдной крестьянской семьѣ, какова бы она исповѣданія ни была, положеніе работника всегда таково; богаче же баптисты относятся къ своимъ работникамъ ничуть не лучше кулаковъ всѣхъ вѣръ. Не считаетъ грѣхомъ нѣмецъ-баптистъ отдавать деньги въ ростъ, что противно ученію большинства новыхъ русскихъ рационалистическихъ сектъ. Правда, баптизмъ имѣлъ большое вліяніе на поднятіе нравственности среди своихъ послѣдователей и ихъ зажиточности. Но въ настоящее время нравственность баптистовъ граничитъ въ значительной степени съ лицемеріемъ. Баптистъ можетъ, напр., выпить водочки,—что строго воспрещается ученіемъ баптизма,—но только гдѣ-нибудь на сторонѣ, чтобы не узнали сосѣди, а пуще всего пресвитеръ. Русскій баптистъ, правда, въ значительной мѣрѣ отличается отъ баптиста-нѣмца. Онъ сердечнѣе относится къ религіи; нравственныя предписанія для него еще далеко не получили характера правилъ приличія; онъ придаетъ ученію баптизма нѣкоторое общественное значеніе, и для него евангеліе въ значительной степени служитъ регуляторомъ его отношеній къ ближнему. Но признавъ существенно нужными и важными многія обрядности, принятія ученіемъ баптизма, онъ вступилъ на путь, который долженъ привести его, а иногда и приводитъ уже и теперь, къ тому, что соблюденіе этихъ обрядностей совершенно закрываетъ для него сущность евангельскаго ученія. Создавъ особый институтъ лицъ, спеціально занимающихся толкованіемъ евангелія и разъясненіемъ связанныхъ со смысломъ св. писанія житейско-нравственныхъ вопросовъ, русскій баптистъ въ значительной мѣрѣ привыкаетъ полагаться въ такихъ вопросахъ на «пресвитера» или «старшаго брата» и перестаетъ самъ думать о нихъ. И вотъ мы видимъ среди русскихъ баптистовъ черствыя, эгоистическія натуры, которыя до щепетильности соблюдаютъ всѣ мелочи обрядовъ и правилъ ученія баптистовъ, но зато не поцеремонятся, «на законномъ основаніи», безъ нарушенія правилъ своего вѣроученія, прижать наилучшимъ образомъ

своего ближняго. Но русскіе баптисты составляютъ сравнительно малую часть той массы населенія, которую мы, считая ее однородною, привыкли называть общимъ именемъ штундистовъ. Мы уже видѣли, что Рябошапка и Ратушный среди штундистовъ всей Херсонской губерніи могли собрать только 602 подписи для подачи прошенія о присоединеніи къ баптистскому обществу. Предполагая даже, что каждая такая подпись дана главою семейства, мы будемъ имѣть около 3,000 баптистовъ въ Херсонской губерніи, что составитъ только небольшую часть живущихъ тамъ штундистовъ. Большинство-же ихъ далеко не раздѣляетъ воззрѣній баптизма. О вѣрованіяхъ и житейско-нравственныхъ стремленіяхъ этого большинства мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ; а теперь замѣтимъ только, что большинство штундистовъ относится отрицательно къ обрядности, въ чемъ-бы она ни проявлялась, отвергаетъ институтъ пресвитеровъ или старшихъ братьевъ и отличается отъ баптистовъ стремленіемъ придать возможно большій практическій, житейско-нравственный характеръ исповѣдываемому ученію и стремленіемъ къ просвѣщенію.

Я остановился здѣсь такъ долго на указаніи фракцій въ штундизмѣ за тѣмъ, чтобъ показать, что даже въ случаѣ благопріятнаго исхода ходатайства Рябошапки и Ратушнаго, вопросъ былъ бы рѣшенъ лишь для баптистовъ, а въ положеніи большинства штундистовъ это не произведетъ никакой перемены. Впрочемъ, до сихъ поръ на оба прошенія не послѣдовало никакого отвѣта. Извѣстно только, что въ ноябрѣ 1881 года прошенія баптистовъ были переданы изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, для дачи заключенія, херсонскому губернатору Эрдели, и что въ январѣ 1882 года они представлены губернаторомъ, вмѣстѣ съ его заключеніемъ, въ министерство. Дальнѣйшая судьба прошеній неизвѣстна.

Между тѣмъ, несмотря на то, что по отношенію къ штундистамъ наблюдалось не мало запрещеній и ограниченій, всѣ они не только не останавливали распространенія штунды, но еще помогали ему. Ихъ судили и штрафовали за собранія, а собранія тѣмъ не менѣе повсемѣстно устраиваются. За распространеніе штунды полагается наказаніе, а штундисты все-таки проповѣдуютъ и распространяютъ свое ученіе.

Возьмемъ для примѣра вопросъ о малорусскомъ евангеліи. Почерпая все свое ученіе изъ евангелія, штундисты признаютъ необходимымъ, чтобы каждый членъ ихъ общества не только умѣлъ прочитать евангеліе, но и толково понималъ прочитанное. Отсюда вытекаетъ ихъ стремленіе къ тому, чтобы каждый былъ грамотенъ и имѣлъ евангеліе. Но евангеліе на церковно-славянскомъ языкѣ вообще мало доступно простому народу, русское еван-

геліе въ значительной мѣрѣ непонятно штундисту-малороссу,—и вотъ отсюда вытекаетъ стремленіе штундистовъ имѣть св. писаніе на малорусскомъ языкѣ. Когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Вѣнѣ вышелъ малорусскій переводъ пятикнижья Моисея, псалтыря и евангелія, штундисты приобрѣтали его, не останавливаясь ни передъ цѣной, ни передъ затрудненіями. «Для контрабандистовъ,—говоритъ одинъ наблюдатель,— это была новая, чрезвычайно доходная статья... для штундистовъ-же — предметъ преслѣдованія низшихъ агентовъ за имѣніе неразрѣшенныхъ къ обращенію въ Россіи книгъ» *). Въ прошломъ году вышелъ въ Австріи «Новый Завѣтъ» («Святе письмо Новаго Завѣту») въ переводѣ доктора Кулиша. Нѣтъ сомнѣнія, что штундисты не замедлятъ приобрѣсти новый переводъ,—и такимъ образомъ откроется новый рядъ правонарушеній.

Мы можемъ объяснить всѣ подобныя факты единственно только недоразумѣніемъ. Чѣмъ инымъ, на примѣръ, можно объяснить хоть нижеслѣдующее. Пріѣхалъ къ штундистамъ села Лучины, Сквирскаго уѣзда, Киевской губерніи, какой-то штундистскій проповѣдникъ. Крестьяне-православные задерживаютъ его и препровождаютъ въ волость. Здѣсь у него спрашиваютъ паспортъ, и такъ-какъ послѣдній у штундиста оказывается въ порядкѣ, то его и отпускаютъ на всѣ четыре стороны. Казалось-бы можно только пожалѣть, что человѣка понапрасну арестовали и тащили въ волость; но корреспондентъ (тотъ самый, который видитъ въ распространеніи штундизма австрійскую интригу), сообщившій приведенный фактъ, видитъ въ немъ совсѣмъ другое и иронически замѣчаетъ въ концѣ своего сообщенія: «странное дѣло, неужели паспорта выдаются для пропаганды» **).

Послѣдній годъ исторіи штунды ознаменовался цѣлымъ рядомъ недоразумѣній. Мы передадимъ наиболѣе выдающіяся изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

8-го февраля, въ с. Сентовѣ, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи, мѣстный старшина, въ присутствіи урядника, наказалъ розгами двухъ крестьянъ, братьевъ Лукьяна и Василя Новаковыхъ, давъ каждому по 60 ударовъ, за то, что они въ церковь не ходятъ и молятся Богу у себя дома. 14-го февраля потерпѣвшими подана жалоба прокурору елисаветградскаго окружнаго суда.

Въ январѣ 1882 года были открыты штундисты въ Чигиринскомъ уѣздѣ, въ селахъ Тошиловѣ, Мудровкѣ, Мордвѣ и Боровицѣ.

*) «Страна», 1881, № 110.

***) «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», 1882, № 16.

Открыты они урядникомъ, составившимъ по этому поводу протоколъ и пославшимъ его по начальству. Протоколъ былъ провѣренъ приставомъ. Оказалось, что штундизмъ занесенъ сюда изъ Таращанскаго уѣзда, и притомъ слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Нѣсколько крестьянъ, изъ числа причастныхъ къ чигиринскому дѣлу, во время пребыванія ихъ въ разныхъ тюрьмахъ, попали и въ таращанскую тюрьму. Здѣсь, въ это время содержалось нѣсколько штундистовъ. И вотъ послѣдніе стали просвѣщать темныхъ чигиринцевъ: учили ихъ грамотѣ, а затѣмъ и догматамъ своей секты. Возвратившись затѣмъ на родину, обращенные и насадили здѣсь штундизмъ. Послѣдователи новаго ученія были, однако, встрѣчены въ нѣкоторыхъ селахъ довольно недружелюбно. Такъ, въ д. Мудровѣ, крестьяне составили словесный приговоръ о томъ, чтобы побить штундистовъ. «Толпа православныхъ съ огромными пучками прутьевъ вламывается въ хату штундиста и, послѣ вопросовъ объ иконахъ, валятъ штундиста на землю, и начинается порка. Озлобленные только прислушивались, дышать-ли истязуемый, и продолжали сѣчь до усталости. Кончили порку и пошли прохладяться въ шинюкъ. — Фактъ этотъ не прошелъ безъ послѣдствій: многіе изъ склонныхъ къ штундизму ускорили свой переходъ послѣ истязанія» *).

Не менѣе печальное недоразумѣніе имѣло мѣсто около того-же времени въ Волынской губерніи. Вотъ что писали по этому поводу въ подценсурную газету «Трудъ»: «22 февраля, утромъ, нашъ становой приставъ (дѣло происходитъ въ мѣстечкѣ Черняховѣ, Житомирскаго уѣзда), вмѣстѣ съ сельскими властями, явился въ домъ одного крестьянина и здѣсь арестовалъ неизвѣстнаго человѣка, произвелъ въ домѣ строгій обыскъ, забралъ поличное и повелъ арестанта въ становую квартиру. Ихъ сопровождало много народа. Преступникъ — среднихъ лѣтъ, высокаго роста, крѣпкаго сложенія, хромой на одну ногу, по костюму крестьянинъ. Мгновенно по всему мѣстечку разнеслась вѣсть о таинственномъ арестантѣ. Собралось множество народа; каждый старался протиснуться, чтобы хоть взглянуть на таинственнаго незнакомца или увидѣть поличное... Кто-же онъ такой? Въ какомъ преступленіи онъ уличается? Какое найдено у него поличное? Вскорѣ начали составлять актъ, и все объяснилось. Преступникъ предъявилъ паспортъ, и оказался крестьяниномъ Таращанскаго уѣзда. Найденное и арестованное поличное состояло изъ двухъ книгъ: святаго евангелія и духовныхъ пѣсенъ на русскомъ языкѣ. Преступленіе его можно изложить въ слѣдующемъ видѣ: онъ остановился у крестьянина, котораго нашъ

*) «Заря», 1882, № 44, 60 и др.

священникъ считаетъ главою штундистовъ въ мѣстечкѣ. Собравшіеся къ этому крестьянину сосѣди (до 20) до полуночи бесѣдовали съ прїѣхавшимъ исключительно объ Иисусѣ Христѣ, пѣли пѣсни исключительно религіозно-христіанскаго содержанія. Прїѣзжій крестьянинъ читалъ громко евангеліе, и всѣ его слушали. Онъ же объяснялъ содержаніе евангелія слушателямъ, не вполне понимающимъ великорусское нарѣчіе. На ночь арестанта посадили въ кутузку гдѣ и содержали его подъ строгимъ карауломъ; стражѣ приказано было, чтобы арестанту не позволяли ни съ кѣмъ разговаривать. Здѣсь онъ содержался отъ вторника до пятницы. Мѣстные крестьяне, по собственному побужденію, приносили ему пищу. Въ пятницу, 25-го февраля, арестанта вывели изъ кутузки, для отправленія въ г. Житомиръ за 20 верстъ. Даны были арестанту надежныя провозатне, которымъ вручили два толстыхъ пакета; въ одномъ изъ пакетовъ, за четырьмя печатами, было полчное: евангеліе и духовныя пѣсни. И повезли преступника въ Житомиръ).

Этимъ оканчивается корреспонденія. Но редакція «Труда» собрала слѣдующія свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ арестанта. «Арестованнаго крестьянина доставили въ Житомирское полицейское управленіе, гдѣ обращались съ нимъ вполне по человѣчески. Отсюда онъ былъ отвезенъ въ м. Горошки къ судебному слѣдователю. Слѣдователь разсмотрѣлъ дѣло, снялъ съ арестанта показаніе и затѣмъ предоставилъ ему полную свободу, а переписку о немъ направилъ въ духовное вѣдомство» *).

30-го марта, на третій день Пасхи, штундисты села Великій Бобринь, Балтскаго уѣзда, Каменецъ-Подольской губерніи, собрались вечеромъ у штундиста Осипа Реалицкаго, живущаго въ приселкѣ Аргинитовкѣ. Здѣсь же были 4 прїѣзжихъ штундиста изъ города Ананьева. Только что собравшіеся успѣли прочитать одну главу изъ Евангелія, какъ въ домъ вломились до 20-ти крестьянъ того-же приселка, имѣя во главѣ сельскаго старосту и сотскаго со знакомъ. Пришедшіе набросились сперва на объяснявшаго евангеліе, Захарія Балѣднюка, а затѣмъ, избивши Захарія, напали на остальныхъ штундистовъ. Били безъ милосердія, до того, что многіе штундисты «не помнили жизни своей». По выраженію самихъ побитыхъ, «не осталось въ домѣ ни одного сосуда, который не былъ-бы обрызганъ нашею кровью». Затѣмъ, нашедши въ карманѣ Захарія перочинный ножикъ, напавшіе свалили его самого на полъ, сняли съ одной ноги сапогъ и изрѣзали Захарію пальцы и подошву ноги; другому штундисту, Григорію Билецкому, изрѣзали пальцы на рукѣ.

*) «Московскій Телеграфъ», 1882, № 78.

Всѣ эти факты насилія, какъ и всегда, съ одной стороны фанатизировали нѣкоторыхъ представителей штундизма, а съ другой—содѣйствовали распространенію секты.

Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, населеніе особенно недружелюбно отнеслось къ новымъ сектантамъ, имѣли мѣсто нѣсколько фанатическихъ выходовъ со стороны штундистовъ. Такъ, въ д. Мудровѣ штундисты били иконы и выбрасывали ихъ на улицу *). Въ с. Тошиловѣ, въ то время, какъ священникъ началъ въ церкви говорить проповѣдь на тему: «аще кто хочетъ ко мнѣ идти», его прервалъ штундистъ Артеменко словами: «ты не пастырь, а наемникъ - продавецъ». Бывшіе въ церкви начали уговаривать Артеменко, и порядокъ былъ восстановленъ. Артеменко былъ отданъ подъ судъ. На судѣ, кромѣ священника, другіе свидѣтели допрашиваемы не были; когда предсѣдатель спросилъ Артеменко, не желаетъ ли онъ, чтобы и другіе свидѣтели были спрошены, то онъ отвѣчалъ, что ему одинъ Богъ свидѣтель, и другихъ свидѣтелей онъ не признаетъ. Судъ приговорилъ Артеменко къ 3-хъ-недѣльному аресту при волостномъ правленіи и къ уплатѣ всѣхъ судебныхъ пошлинъ **).

Мы уже видѣли, какіе результаты имѣло сѣченіе штундистовъ въ с. Мудровѣ: склонные къ штундизму, послѣ сѣченія, посмѣли стать дѣйствительными штундистами. Но не будемъ говорить о распространеніи штунды внутри тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ уже существуютъ штундистскія общины. Укажемъ на тотъ фактъ, что штундисты появились въ Трубчевскомъ Уѣздѣ, Орловской губерніи, т. е. въ мѣстности, отдѣленной очень большимъ разстояніемъ отъ всѣхъ зараженныхъ пунктовъ. Здѣсь, какъ пишутъ въ «Зарю» ***), должно было разбираться мѣстнымъ окружнымъ судомъ дѣло, возбужденное полиціей противъ 10 человекъ крестьянъ села Любецъ, лежащаго въ 25 верстахъ отъ Трубчевска, по обвиненію ихъ въ принадлежности къ сектѣ штундистовъ. Обстоятельства дѣла состоятъ въ слѣдующемъ: «Съ начала 1880 года, нѣкоторые изъ привлекаемыхъ къ суду стали собираться по вечерамъ въ избахъ и читать книги духовнаго содержанія. Вполнѣ грамотнаго между ними не было ни одного. Читали книги на русскомъ и славянскомъ языкахъ, все изданія синодскія и лаврскія. Число любителей такого чтенія значительно возрасло къ началу зимы прошлаго года. Мѣстныя власти обратили вниманіе на небывалыя сборища мужиковъ, сошедшихся не ради пьянства, а ради чтенія св. писанія.

*) „Заря“ 1882 № 60.

**) „Заря“ 1882, № 127.

***) 1882 г., № 109.

Произвели у нихъ обыскъ и взяли книги. Дѣло обострилось. Болѣе проникшіеся новымъ ученіемъ сняли у себя иконы въ избахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошло и другое явленіе: пока штундисты не снимали иконъ, сосѣди и всѣ вообще жители села, не соглашавшіеся съ новымъ ученіемъ, не обнаруживали ни малѣйшаго недоброжелательства противъ сектантовъ; но какъ только иконы были сняты, въ массѣ односельчанъ стали говорить о штундистахъ какъ о богоотступникахъ и стали ихъ преслѣдовать на каждомъ шагу. Привлеченіе штундистовъ къ слѣдствію усилило недоброжелательство къ нимъ, такъ-что въ настоящее время положеніе ихъ въ селѣ самое незавидное». Такимъ образомъ, и здѣсь, при первомъ появленіи штунды, противъ нея явились преслѣдованія, и потому можно впередъ сказать, что и здѣсь она соберетъ обильную жатву.

Я. Абрамовъ.

МАКСИМЪ БЕНЕЛЯВДОВЪ.

Повѣсть.

I.

Въ Тихонькой улицѣ глухого губернскаго города Загорье стоитъ одноэтажный деревянный домъ въ пять оконъ. Этотъ домикъ принадлежитъ отставному чиновнику акцизнаго вѣдомства, Павлу Петровичу Пузыреву. Въ числѣ другихъ домиковъ Тихонькой улицы, жилище «отставнаго», какъ называютъ Пузырева сосѣди, ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется, за исключеніемъ самого хозяина, который постоянно сосредоточивалъ на своей особѣ общее вниманіе, благодаря крайне странному характеру. Пузыреву было подь пятьдесятъ. Это былъ худой, сгорбленный старикъ съ морщинистымъ, испитымъ лицомъ, которому нависшія рыжеватыя брови и вѣчно взъерошенные волосы на головѣ придавали дикое выраженіе. Подь бровями страшно вращались выпуклые и совсѣмъ круглые глаза, которые когда-то были сѣраго цвѣта, а теперь казались большими мутными пятнами. Щетинистые, рыжеватые усы, вздернутый носъ, впалыя щеки и почернѣвшіе отъ табачнаго дыма зубы дополняли портретъ «отставнаго».

Пузыревъ почти совсѣмъ не выходилъ изъ своего дома, потому, вѣроятно, что ему рѣшительно некуда и не зачѣмъ было выходить, а затѣмъ, онъ какъ-то такъ сросся со своимъ истасканнымъ татарскимъ халатомъ, что отказывался даже представить себѣ, какъ это другіе люди могутъ носить какіе-то дурацкіе пальто, сюртуки и даже вицмундиры. Бывало, сядетъ Пузыревъ въ халатикѣ въ продавленное кресло, доставшееся ему по наслѣдству отъ покойнаго протопопа Бенедиктова, закуритъ свою длинную трубку и глядитъ въ окно по

цѣлымъ часамъ. Особенно лѣтомъ любилъ Пузыревъ свою позицію у окна, потому что вставалъ онъ чѣмъ свѣтъ, а тогда въ открытое окно широкой волной вривалась струя свѣжаго утренняго воздуха, вносившая съ собою запахъ свѣжей травы и пахучій ароматъ пихтъ и елей, которыя росли въ двухъ шагахъ отъ Тихонькой улицы, на большомъ городскомъ кладбищѣ. Смотрить отставной долго на улицу, хотя тамъ съ-испоконъ вѣку представляется одна и та-же картина: рядъ небольшихъ мѣщанскихъ домиковъ, а изъ-за нихъ, какъ полоса стали, виднѣется край широкой рѣвки, да куполь кладбищенской церкви, совсѣмъ потонувшей въ густой траурной зелени хвойныхъ деревьевъ. Этотъ лѣсъ на кладбищѣ былъ остаткомъ тѣхъ непроходимыхъ дебрей, которыми были, какъ зеленымъ ковромъ, выстланы на сотни верстъ крутые, живописные берега многоводной рѣвки Сосновки.

Какъ разъ напротивъ дома Пузырева стояли въ рядъ три мѣщанскихъ избышки. Въ крайнихъ жили рыбаки, а въ средней — голубятникъ. Послѣдній служилъ постояннымъ предметомъ наблюдений Пузырева. Это былъ совсѣмъ оголтѣлый мѣщанинъ съ длинной жилистой шеей, на которую забавно была насажена маленькая птичья головка. Чѣмъ существовалъ этотъ странный субъектъ — трудно сказать, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ опредѣленныхъ занятій и, въ то-же время, ухитрялся пить чай. Периодически голубятникъ исчезалъ на неопредѣленное время и снова появлялся въ Тихонькой улицѣ съ какими-то сомнительными узелками въ рукахъ. Что было въ этихъ узелкахъ — оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности, хотя жены рыбаковъ давно точили зубы на голубятника и особенно на его таинственные узелки. Эти почтенныя женщины принадлежали къ тому разряду забвенныхъ мѣщаночекъ, которыя день-деньской околачивались гдѣ-нибудь на черномъ рынкѣ, перепродавая всякую дрянъ, а потомъ на свои трудовыя деньги покупали къ воскресенью по штофу водки. Водка, конечно, исчезала въ желудкахъ рыбаковъ, являвшихся домой только къ празднику, и въ результатѣ получалось жестокое избіеніе мужелюбивыхъ женъ. Тихонькая улица оглашалась дикими воплями, визгомъ и руганью, а когда рыбаки уѣзжали, все принимало прежній видъ. Синяки въ теченіи недѣли изнашивались, а къ воскресенью

появлялись опять два штофа водки. Къ такимъ порядкамъ вся Тихонькая улица давно привыкла.

Голубятникъ чѣмъ-свѣтъ подымется на свою ветхую крышу и до седьмого пота бѣгаетъ по ней босикомъ, задравъ голову назадъ и съ ожесточеніемъ размахивая длиннымъ шестомъ. Какъ голубятникъ не падалъ съ крыши—это было его секретомъ. Пузыревъ въ отворенное окно долго наблюдаетъ безтолковую бѣготню голубятника и любитъ плавающими въ воздухѣ голубями. Онъ какъ-то забавно фукаетъ носомъ и, время-отъ-времени, выпускаетъ густые клубы табачнаго дыма.

— Ду-уракъ!.. какъ топоромъ отрубить Пузыревъ, когда замѣтитъ какую-нибудь оплошку въ представленіи голубятника. — Тебѣ, дураку, лапти плести, а не голубей гонять... Ссво-олlochъ!

— Ахъ! ваше высоконичего... откликнется голубятникъ.— Хлѣбало-то затвори, а то только моихъ голубей пужаешь. Слышишь, скобленое твое рыло?

— Па-адлецъ! рычитъ Пузыревъ, исчезая въ облакахъ дыма.

Поработавъ такимъ образомъ часа три, голубятникъ позволялъ себѣ отдохнуть тутъ-же на крышѣ,—обсѣдлаетъ конекъ и сидитъ въ такой позѣ, точно сейчасъ готовъ вспорхнуть и улетѣть вмѣстѣ со своими голубями. Отдышавшись, онъ развлекалъ себя разговорами съ проходившими мужиками или ѣхавшей въ телѣгѣ бабою

— Эй! баба! а, баба!.. голосилъ голубятникъ, болтая ногами. — Ось-то въ колесѣ... хомутъ-то на шеѣ!.. поправь, чортова кузла...

Баба таращитъ глаза сначала на голубятника, а потомъ начинаетъ осматривать упряжь. Голубятникъ гогочетъ, какъ сумасшедшій и падаетъ животомъ на конекъ.

— Ахъ, дура, ты дура! заливается счастливый голубятникъ.—Прямая деревенская ворона.. Вотъ васъ связать-бы на одно лыко съ отставнымъ, да въ воду... Ха-ха-ха! Тетка! эй! тетка! какъ ты смѣешь по нашей улицѣ ѣздить? Разѣ не видишь, вонъ у окна отставной козы барабанщикъ сидитъ... Вотъ онъ тѣ задасть, сиволапой! Тетка! воротись, я тебѣ чего-то скажу!..

Эти дикіе возгласы продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока телѣга съ бабой не скроется за ближайшимъ угломъ. Тогда на-

чинается взаимная перебранка между голубятникомъ и отставнымъ, но и это скоро надоѣдаетъ. Еще очень рано, и скука начинаетъ одоѣвать обоихъ сосѣдей.

По вечерамъ, уставъ гонять голубей, голубятникъ спускался съ крыши и заводилъ на улицѣ драку съ первымъ прохожимъ. Пузыревъ только мрачно улыбался въ своемъ окнѣ, чего было совершенно достаточно, чтобы наэлектризовать голубятника до послѣдней степени

— Такъ его, такъ. Въ моррду наддай, въ моррду! раздавались поощрительные возгласы Пузырева.

Когда такое единоборство принимало неблагополучный исходъ для голубятника, изъ дома Пузырева сначала выходило глухое хрипѣнье, потомъ отрывистое уханье и такіе звуки, какъ будто тамъ ломали щепы. Это Пузыревъ отъ глубины души хохоталъ надъ несчастіемъ своего сосѣда, и этотъ мифистофелевскій хохотъ утравивалъ силы голубятника. Въ концѣ концовъ голубятникъ заканчивалъ побоище какой-нибудь самой отчаянной штукой надъ побѣжденнымъ врагомъ. Нужно замѣтить, что голубятникъ ничуть не сердился на безсердечный хохотъ отставного, который раздавался надъ его головой въ самыя критическія минуты, и вполне торжествовалъ, когда до его ушей доносилось одобреніе Пузырева въ формѣ отрывистой ругани. Сосѣди настолько понимали другъ друга, что, при помощи одного слова «подлецъ», могли свободно передать малѣйшіе оттѣнки своихъ мыслей и чувствъ. Секретъ заключался въ интонаціи этого слова.

II.

Мы чуть не забыли упомянуть о самой замѣчательной способности Пузырева,—именно, способности икать послѣ обѣда въ теченіи цѣлаго часа. Это иканье совершалось такъ громко, что совершенно явственно было слышно въ рыбацкихъ избушкахъ. Мѣщанки по этому иканью опредѣляли свое время: если отставной икалъ,—обѣдъ на дворѣ; если не икалъ—значить еще рано. Голубятникъ на всю улицу кричалъ, что у него новые часы съ кукушкой, только вмѣсто кукушки онъ заставляетъ отставнаго икать.

Въ одно изъ такихъ послѣ-обѣда, когда голубятникъ занималъ свою боевую позицію на крышѣ, а Пузыревъ громо-

гласно икалъ на всю улицу, случился небольшой эпизодъ. Въ концѣ улицы показался маленькій человѣчекъ въ длинополомъ казинетовомъ сюртукѣ семинарскаго покроя. Человѣчекъ разсѣянной походкой приближался къ дому Пузырева и, конечно, давно уже былъ замѣченъ всевидящимъ окомъ голубятника, который какъ-то особенно неистово метнулся на своей крышѣ и завопилъ благимъ матомъ:

— Кутейная балалайка, соломенны струнны...

Маленькій человѣчекъ съ удивленіемъ вскинулъ большими голубыми глазами на бѣсновавшаго голубятника и продолжалъ идти своей дорогой. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, съ несоразмѣрно большой головой и дѣтски тонкой шей. Въ скуластомъ, неправильномъ лицѣ молодого человѣка, какъ и во всей его фигурѣ, въ движеніяхъ и во взглядѣ чувствовалось переходное состояніе отъ дѣтства прямо къ мужеству, вѣрнѣе — къ старости. Когда, рассматривая лежавшаго на крышѣ голубятника, молодой человѣкъ поравнялся съ домомъ Пузырева, оттуда въ этотъ моментъ вылетѣло одно изъ самыхъ громкихъ иканій, заставившее молодого человѣка оглянуться. Пузыревъ грозно смотрѣлъ своими мутными глазами на незнакомца.

— Кузь его... ку-усь, чернильная душа! заливался голубятникъ. — Ахъ, раздуй васъ горой, стракулистовъ... Пузыревъ, кузь его, кутейника!

Кутейникъ нимало не смутился подъ грознымъ взглядомъ Пузырева, а послѣ минутнаго колебанія, слегка приподнявъ свою сѣрую пуховую шляпу, нерѣшительно проговорилъ:

— У васъ нѣтъ-ли комнаты для одинокаго?

Въ голосѣ молодого человѣка стояли дѣтскія ноты, которыя напрасно боролись съ неестественнымъ басомъ зеленой юности. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Пузыревъ икнулъ такъ громко, что голубятникъ отъ удовольствія даже покатился по своей крышѣ.

— Нѣтъ-ли у васъ комнаты для одинокаго? повторилъ свой вопросъ молодой человѣкъ.

— Настоящая звѣрильня... Ха-ха-ха! заливался голубятникъ. — Укрощеніе звѣрей... Пузыревъ, кузь его, панталонника!.. Ха-ха!.. У Пузырева въ брюху особенная механика заведена: ишь его разбираетъ, кашелота.

— Па-адлецъ! какъ-то особенно энергично отрубилъ Пу-

зыревъ, раздражаясь цѣлой вереницей самыхъ неистовыхъ иканий, надрывавшихъ его существо.—Млстивый государь... что... и-икъ! что вамъ угодно?

— Нѣтъ-ли у васъ комнаты?..

— Убирайтесь къ чорту, млстивый госдарь!.. рывкнулъ Пузыревъ, соскочивъ съ своего мѣста и даже замахнувшись чубукомъ.

— Кусь его... Валяй его трубкой-то, курицына сына! неистовствовала голубятникъ.—Ахъ! вы, черти культахвостые... Провалу-то нѣтъ на васъ, окаянныхъ!

Когда молодой человѣкъ пошелъ дальше, голубятникъ заплѣлъ своимъ высочайшимъ теноромъ:

Приказное твореніе,
Чернильная душа,
Въ чернилахъ все извнѣе,
А денегъ ни гроша...

Пузыревъ въ это время успѣлъ что-то сообразить и, высунувшись въ окно вмѣстѣ со своей трубкой, гаркнулъ на всю улицу вслѣдъ удалявшемуся молодому человѣку:

— Эй, чортъ васъ побери, какъ васъ звать... воротитесь!

Молодой человѣкъ вернулся. Пузыревъ самъ отворилъ предъ нимъ дверь въ передней и, еще разъ смѣривъ его взглядомъ съ ногъ до головы, проговорилъ:

— Изъ кутейниковъ?

— Да.

— Гмъ... я самъ тоже божественнаго родоисхожденія. Да. Учился въ семинаріи... Ухъ, какъ насъ драли!.. И-икъ... Да-а. Покойный преосвященный Ириной посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «ну, братецъ, у тебя голова-то пескомъ набита»... А въ журналѣ написалъ: «Риторъ Павелъ Пузыревъ, за великовозрастіемъ и древоголовостью, подлежатъ увольненію». Ну, а тебя какъ звать-то?

— Иванъ Васильичъ Агнцевъ.

— Агнцевъ? Ну, хорошо... Такъ тебѣ комнату нужно? Пузыревъ показалъ Агнцеву двѣ комнаты, изъ которыхъ одну занималъ самъ, а другая, поменьше, выходила двумя окнами на дворъ. Обѣ эти комнаты одинаково имѣли видъ той ободранной чиновничьей бѣдности, какая преслѣдуетъ маленькихъ чиновниковъ до гробовой доски. Расклеившаяся мебель, пара козленогихъ столовъ, просиженный диванъ, обитый полиняв-

шимъ ситцемъ, дешевенькіе обои на стѣнахъ, нѣсколько отцвѣтшихъ фотографій въ простѣнкахъ между окнами, бѣлыя кисейныя занавѣски на окнахъ, засиженныя мухами, неизмѣнная герань на подоконникѣ,—все это должно было-бы произвести очень невыгодное впечатлѣніе на Агнцева, но вышло наоборотъ, потому что консисторскому писцу чиновничье убожество показалось настоящею роскошью. Наслѣдственное кресло, въ которомъ сидѣтъ обыкновенно Пузыревъ, обратило на себя особенное вниманіе Агнцева.

— Нѣтъ, братъ, кресло я тебѣ не отдамъ, предупреди Пузыревъ завистливыя намѣренія новаго жильца.—Въ этой комнатѣ я самъ живу, а вотъ во дворъ которая выходитъ... пожалуй могу отдать.

Агнецевъ еще разъ посмотрѣлъ выходящую во дворъ комнату и внутренно остался ею очень доволенъ, хотя, для видимости, поковырялъ пальцемъ отставшіе обои и даже сморщился, показавъ глазами на плѣсень въ одномъ углу. Его смущала теперь вопросъ о цѣнѣ.

— Пять рублей... проговорилъ Пузыревъ.

— Я всего двѣнадцать рублей жалованья получаю.

— Ну, чортъ съ тобой! давай три и переѣзжай. Я простой человекъ... люблю правду. Понимаешь: за правду всего лишился. А ты гдѣ служишь?

— Въ духовной консисторіи.

— Въ консисторіи... Ну, братъ, не ожидалъ. Всѣ консисторскіе—подлецъ на подлецѣ, подлецомъ понужаютъ. Такъ вѣдь? И ты берешь взятки съ дьячковъ... а? Ну, признайся? Гривенниками да пятаками берешь... а? И съ просвиренъ берешь... Ахъ, вы, жидоморы, всѣхъ-бы васъ перевѣсиль на одной осинѣ, подлецовъ! Ну, да вѣдь мнѣ съ тобой не дѣтей крестить. Бери комнату, если нравится, а не нравится, такъ какъ знаешь: вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

— Я сегодня-же переѣду вечеромъ, проговорилъ Агнецевъ, что-то раздумывая про себя. Послѣ небольшой паузы, онъ прибавилъ:—Ко мнѣ иногда будутъ приходять пріятели... они поють.

— Ну, и пусть поють, соглашался Пузыревъ, икая въ послѣдній разъ.—Чортъ съ ними, съ твоими пріятелями... У меня гитара гдѣ-то есть. Ничего, люблю.

Когда Агнецевъ спускался по ветхому крылечку своей новой

квартиры, онъ, по своей разсѣянности, прямо набѣжалъ на молоденькую дѣвушку, которая съ зонтикомъ въ рукахъ поднималась по ступенькамъ крылечка. Она съ удивленіемъ подняла свои темно-сѣрые глаза на Агнцева и, замѣтивъ его смущенный видъ, улыбнулась. Агнецевъ мелькомъ видѣлъ только ея золотистые волосы, легкими прядями выбивавшіеся изъ подъ соломенной шляпы, да небольшую бѣлую руку, которая поддерживала полу длиннаго ватерпрува вмѣстѣ съ тренемъ свѣтло-сѣраго баржеваго платя.

— Извините... пробормотала Агнецевъ, стараясь посторониться, но вмѣсто этого еще разъ толкнулъ дѣвушку плечомъ.

— Да вы толкаетесь-то зачѣмъ? съ улыбкой спрашивала дѣвушка, переводя духъ.

Агневъ былъ уже за воротами и съ легкой краской на лицѣ рысцой побѣжалъ во-свояси, унося въ головѣ воздушный образъ таинственной незнакомки. Нужно сказать, что человѣческое сердце составляетъ такую-же загадку въ груди послѣдняго консисторскаго писца, какъ и у величайшаго героя. Агнецевъ любилъ женщинъ молча и скромно, какъ всѣ чистыя натуры, и поэтому всегда немного конфузился въ незнакомомъ женскомъ обществѣ.

— Вотъ такъ Пузыревъ... Нечего сказать! нашелъ жильца! кричалъ голубятникъ на всю Тихонькую улицу, вслѣдъ Агнецеву.—Эй, кутья, вотъ попомни мое слово, что Пузыревъ съ тебя съ живого всю кожу сдеретъ! Ахъ! маратели однокое, а! Вамъ какъ надо-бы жить: одному гдѣ день, гдѣ ночь, а другому насупротивъ квартиру сымать... А они канпанію заводять... а?!..

И долго не могъ успокоиться голубятникъ, изобрѣтая самую ядовитую ругань противъ Пузырева и его новаго жильца. Вся его встрепанная фигура такъ и дышала какимъ-то неукротимымъ задоромъ. Изрытое оспой лицо со вздернутымъ носомъ, рѣжущій взглядъ карихъ прищуренныхъ глазъ, костлявыя угловатыя плечи, впалая плоская грудь — все это въ фигурѣ голубятника являлось живымъ протестомъ противъ чего-то, что давило его и поднимало въ немъ всю желчь и ничѣмъ неукротимую злобу.

— Видѣла новаго жильца, Любовь Павловна? спрашивалъ Пузыревъ дѣвушку, снимавшую въ передней свой ватерпрувъ.

— Какого жильца?

— Ну, да вотъ сейчасъ вышелъ который... Комната пустая стоитъ, я и пустилъ его. Три рубля все-таки не баранья рожа. На полу не поднимешь.

— Я все-таки не понимаю, папа, что за необходимость была пускать посторонняго человѣка... съ легкимъ неудовольствіемъ отвѣтила дѣвушка, снимая перчатки.

— Ты цѣны деньгамъ не знаешь, матушка, резонировалъ довольный своей операціей Пузыревъ.—Ну, чего я здѣсь высижу—а? Голубей гонять, и того не съумѣю. Ты опять у протопицы видно была?

Дѣвушка слегка вспыхнула и, ничего не отвѣтивъ отцу, быстро скрылась въ своей комнатѣ.

— А мнѣ наплевать на нее, вмѣстѣ и съ ея деньгами,— кричалъ Пузыревъ. — Вотъ мнѣ что твоя протопица: плюнуть и растереть... да.

III.

Дѣвушка прошла въ свою комнату, которая всего однимъ окномъ выходила на улицу. Она была убрана съ тѣмъ милымъ изяществомъ, какое вноситъ съ собою только женская рука. Простенькіе, сѣренкіе обои на стѣнахъ съ золотымъ бордюромъ, старый коверъ на полу, небольшой диванчикъ у стѣны, въ углу желѣзная кровать, прикрытая низенькой ширмочкой, затѣмъ простенькій туалетъ съ ящичками, баночками, коробками и флаконами на столѣ подъ нимъ, бѣленькія занавѣски на окнахъ, четыре банки резеды и левкоевъ, вязаная салфетка на овальномъ столикѣ передъ диваномъ, нѣсколько книжекъ на этажеркѣ, двѣ преміи «Невы» надъ диваномъ—вотъ и вся незатѣйливая обстановка дѣвичьей комнаты, походившей на какое-то уютное гнѣздышко, изъ котораго не вышелъ-бы.

— Новый жилецъ... задумчиво повторила про себя дѣвушка, снимая шляпу.—И что это за фантазія пришла въ голову папѣ... удивительно! Пустилъ Богъ знаетъ кого... Совершенно незнакомый человѣкъ будетъ торчать тутъ подъ носомъ... Не понимаю...

Теперь, въ своемъ баржевомъ платьѣ, съ густыми золотистыми волосами, падавшими на спину тяжелой косою, съ неправильнымъ, но красивымъ лицомъ, дѣвушка была особенно миловидна. Подъ смятыми складками простенькой матеріи

чувствовалось молодое тѣло во всей красотѣ его юныхъ формъ, съ тонкой таліей, съ красиво очерченными линіями груди, съ свободно и граціозно поставленной на полныхъ плечахъ головкой. Шикъ заключался въ томъ, что подъ формами женщины жилъ еще ребенокъ, что сказывалось и въ неувѣренныхъ, слишкомъ порывистыхъ движеніяхъ, и въ быстромъ взглядѣ глазъ, и въ этой краскѣ, которая постоянно зажигала лицо. Но опытный взглядъ могъ-бы замѣтить и въ этомъ доврчивомъ взглядѣ, и въ дѣтской улыбкѣ нѣсколько едва замѣтныхъ тѣней, неожиданно придававшихъ всему лицу тревожное, почти злое выраженіе. Трудно сказать, что вызывало эти тѣни на лицѣ дочери отставного чиновника Пузырева, — можетъ быть, воспоминаніе о вопіющей бѣдности дѣтства или теперешняя нужда въ тысячѣ формъ, или, можетъ быть, забота о безотрадномъ будущемъ. Но въ настоящемъ случаѣ это тревожное выраженіе относилось къ новому жильцу.

— Да еще Богъ знаетъ, кто онъ такой, вслухъ думала дѣвушка. — Какой-то такой подозрительный, точно школьникъ.

Эти размышленія были прерваны появленіемъ въ дверяхъ довольно неуклюжей и очень рябой бабы Матрены, которая въ домѣ Пузырева исполняла разомъ должности кухарки, горничной и прачки.

— Самоваръ ставить, что ли?.. нерѣшительно заявила она, поглядывая на барышню хитрыми карими глазами.

Дѣвушка чувствовала, что Матрена пришла совсѣмъ не за этимъ, а желала что-нибудь вывѣдать относительно новаго жильца.

— Самоваръ въ шесть часовъ, а теперь только три, замѣтила дѣвушка, машинально отыскивая рукой вчерашнюю работу, которая съ воткнутой иглой лежала на угловомъ столикѣ.

Матрена не двигалась.

— Ну, чего-же ты стоишь на одномъ мѣстѣ?

— Да такъ... Видѣли, барышня, какого жильца Павелъ Петровичъ пустилъ къ намъ? проговорила, наконецъ, Матрена, прикрывая улыбавшійся ротъ рукой.

— А что?

— Да такъ-то... Стрекулисть какой-то. Еще слимонить чегонибудь, того гляди. Право, барышня... Вотъ у одной чиновницы... вдова тутъ есть въ Болотной улицѣ, такъ изъ

себя не больно, только будто лицо у ней бѣлое... Ну, такъ у этой вдовы анжигеръ въ жильцахъ... У чиновницы-то кухарка мнѣ еще сродственницей приходится, такъ ужъ больно хорошо сказываетъ. Бога-атый разбогатый анжигеръ-то, барышня, и добрый какой...

— Хорошо, пусть его будетъ добрый, а ты отправляйся къ себѣ въ кухню, строго проговорила Любовь Павловна.— Мало-ли что болтають, а ты повторяешь чужія глупости... Ступай.

— Ишь, краля, подумаешь, какая, ворчала Матрена, уходя въ свою кухню.— Не больно велика въ перьяхъ-то... А я говорю дѣло. Вонъ мясникъ какъ меня осрамилъ намеднись. Я, говорить, не подрядъ взялъ даромъ-то васъ кормить... А тутъ, накоса, какого жильца пустили еще! Ужъ ты тамъ чего ни толкуй, а дѣло надо говорить. Платышекъ-то разъ-два да и обчелся, тоже вотъ бѣлья—шесть рубашекъ, не велика корысть. У чиновницы-то вонъ полны сундуки наворочены добромъ разнымъ, а отчего? Умѣеть себя въ поведеніи держать... да. А ежели разобрать, такъ въ этой чиновницѣ вотъ на эстолько ничего нѣтъ, окромя того, что въ тѣлѣ себя содержитъ и изъ лица очень бѣла. Кабы Любовь Павловна... Прямо надо сказать: дѣло на возрастѣ, а жениховъ-то еще немного видѣли. А наша женская часть какая: пока ты въ прыску, ну, тогда тебѣ и честь, а какъ тѣломъ спала да рожу у тебя повело—тутъ другой разговоръ пойдетъ. Наша сестра, мужичка, еще горбомъ возьметъ, а чиновница-то много-ли наковырляетъ иглолочкой-то... Охъ-хо-хо!

Матрена нарочно говорила громко, такъ что каждое ея слово долетало до ушей барышни. Любовь Павловна слушала уже не въ первый разъ эту безпощадную философію и не разъ думала выгнать Матрену, но, вѣдь, вмѣсто этой Матрены нужно искать другую. Кромѣ того, Матрена умѣла ждаты свое жалованье мѣсяца по три, была очень хитра и по-своему очень любила барышню. За Матреной была одна слабость: время отъ времени она исчезала на цѣлыя сутки и возвращалась съ синяками на лицѣ и съ сильнымъ запахомъ водки. Въ этихъ случаяхъ она дѣлалась необыкновенно нѣжна съ барышней и, помогая ей одѣваться, цѣловала ей руки и ноги.

— Охъ! красота ты моя! задарма гинешь, приговаривала

Матрена, любуясь барышней:—въ золотѣ да бархатѣ-бы тебѣ ходить... Вѣдь лебедь бѣлая ты у меня, барышня—красавица!

Злые языки Тихонькой улицы довольно прозрачно намекали на то, что Матрену привязывали къ нузыревскому домику совѣмъ особенныя отношенія къ его хозяину. Насколько такая догадка была справедлива—не беремся судить, а оставляемъ ее на совѣсти злыхъ языковъ.

IV.

Павель Петровичъ Пузыревъ хотя и былъ уволенъ изъ семинаріи преосвященнымъ Иринеємъ «за древоголовость», но въ дѣйствительности совѣмъ не былъ древоголовъ, а скорѣе очень уменъ, и, главное, какъ большинство семинаристовъ, обладалъ счастливою способностью работать какъ двукопая лошадь. По выходѣ изъ семинаріи, онъ поступилъ въ какую-то палату писцемъ на жалованье въ шесть рублей, и черезъ пять лѣтъ успѣлъ обратить на себя вниманіе высшаго начальства. Его сдѣлали столоначальникомъ, и годовой бюджетъ съ разными безгрѣшными доходами шагнулъ за триста рублей. По тогдашнему времени, въ глухой провинціи, этого было совершенно достаточно, чтобы существовать не только самому, но и содержать семью. Пузыревъ женился на воспитанницѣ протопопа Бенедиктова, который хотя и не далъ ничего за ней въ приданое, но счумѣлъ, при помощи нѣкоторыхъ связей, доставить Пузыреву тепленькое мѣстечко въ только что вводимшемся тогда акцизномъ вѣдомствѣ. Такимъ образомъ Пузыревъ зажилъ припѣваючи, купилъ себѣ за тысячу рублей домикъ въ Тихонькой улицѣ, обзавелся привычками къ нѣкоторой роскоши, какъ выражался онъ, и думалъ, что тихо и безбѣдно дойдетъ до своего предѣла. Но вышло немного иначе. Сначала умерла жена, оставивъ Пузыреву маленькую Любу двухлѣтнюю дѣвочкой. Это семейное горе озадачило Пузырева, а не успѣлъ онъ оправиться отъ него, какъ набѣжала другая бѣда. Въ Загорскую губернію былъ назначенъ ревизоръ, старикъ сенаторъ, который перевернулъ все чиновничество кверху дномъ и между, прочимъ, добрался до акцизнаго управленія. Конечно,—кто Богу не грѣшенъ и царю не виноватъ на Руси?—оказались кой-какіе грѣшки, упущенія и немалыя плутни. Завѣдывавшій акцизнымъ управле-

ніемъ, отставной военный генераль, пропаль-бы, если-бы его не научили добрые люди спрятаться за чужую спину. Такимъ образомъ, Пузыревъ послужилъ козломъ отпущенія за чужіе грѣхи и былъ выгнанъ со службы по третьему пункту, а генераль спасся. Положеніе для Пузырева было безвыходное: его служебная карьера была кончена, и впереди ничего не предвидѣлось. Думать о казенной службѣ, конечно, было уже нечего, а протопопъ Бенедиктовъ ничего не могъ уже помочь, потому что самъ отошелъ въ вѣчность, оставивъ въ наслѣдство Пузыреву знакомое намъ продавленное кресло.

Пузыревъ сначала сдѣлалъ попытку толкнуться на частную службу, но его волчій аттестатъ вездѣ загоразивалъ ему дорогу. Убѣдившись окончательно, что все кончено, Пузыревъ озлобился на всѣхъ и на все, заперся въ своемъ домикѣ и здѣсь, съ трубкой въ зубахъ, изживалъ свою злобу на чело-вѣческую несправедливость. Для него оставалось въ утѣшеніе нравственное сознаніе, что въ этомъ дѣлѣ онъ пострадалъ совершенно напрасно. Но, вѣдь, нужно было чѣмъ-нибудь существовать,—и скопленное въ счастливую пору имущество поплыло изъ домика Пузырева въ руки маклаковъ и ростовщиковъ. Деньги, какія были припрятаны про черный день, были давно прожиты, за ними наступила очередь лошади и коровы, а тамъ мало-по-малу и все хозяйство, скопленное годами, было разорено. Оставались однѣ стѣны да кой-какая рухлядь и онѣ ждали только своей очереди. Тяжело было Пузыреву разставаться съ этимъ добромъ, которое было нажито по грошикамъ и по копеечкамъ. Помимо труда и цѣнности, каждая вещь, уходившая изъ домика Пузырева, дорога была по воспоминаніямъ, связаннымъ съ ней. Каждая вещь была точно живою страницей въ этой короткой исторіи счастливыхъ дней Пузырева и вырывалась съ особенною болью, оставляя въ душѣ болѣзненную пустоту. •

— Э, пусть пойдетъ все прахомъ, храбрился Пузыревъ, утѣшая самого себя.— Не деньги насъ нажили, а мы ихъ.— Не съ деньгами жить-то, а съ добрыми людьми, прибавлялъ онъ съ той болѣзненной ироніею, какую создаютъ только продолжительныя тупыя страданія.—Наплевать, проживу! Къ чорту!.. все къ чорту! Всѣ подлецы, а я порядочный человѣкъ... да-съ.

Какъ ни крѣпился Пузыревъ, какъ ни утѣшалъ себя соб-

ственной правотой, какъ ни злился на весь міръ, но пустое мѣсто, какимъ была теперь его жизнь, сосало и давило его мертвымъ гнетомъ. Сидѣть съ трубкой у окна и переругиваться съ голубятникомъ—было слишкомъ мало, чтобы наполнить роковую пустоту, т. е. жизнь. Пузыревъ кончилъ тѣмъ, чѣмъ кончаютъ всѣ неудачники, т. е. запыль. Завѣтный шкапикъ въ углу сдѣлался для него больше, чѣмъ необходимостью. Въ рюмочкѣ онъ старался утопить всѣ свои неудачи и одинокое горе, постепенно опускаясь ниже и ниже и по временамъ впадая въ какое-то дѣтство. Такъ въ одно прекрасное утро въ головѣ Пузырева блеснула блестящая идея: вѣдь, послѣ протопопа Бенедиктова не оставалось никого наслѣдниковъ, слѣдовательно, когда протопопица скончается,—единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ протопоповскихъ богатствъ долженъ явиться никто иной, какъ онъ, Пузыревъ, потому что жена его была пріемной дочерью протопопа.

— Какъ это я раньше не догадался... удивлялся Пузыревъ своей дѣтской мысли.—Ну, кому протопопица оставить все... а? Нѣтъ, это богатая штука выйдетъ. Нужно только, чортъ возьми, осторожно вести дѣло съ протопопицей, чтобы она не догадалась. Да... Еще поживемъ, Павелъ Петровичъ, чортъ поберетъ!

Не желая терять дорогого времени, Пузыревъ нагрязнулъ на протопопицу; но послѣдняя не только не подала ему никакой надежды на наслѣдство, а, прищуривъ свои сорочьи глаза, сказала:

— Ну, батюшка, на кого ты похожъ сталъ... а? И носъ клюквой... Ежели-бы живъ былъ покойный протопопъ, да онъ-бы тебя, не говоря худого слова, въ три шеи... Вѣдь у тебя дочь! Ну, чего ты думаешь своей головой?

Послѣ такого пріема, конечно, ничего не оставалось, какъ только брести на свое пепелище и не казать носу протопопицѣ. Одумавшись немного, Пузыревъ опять, съ дѣтскою непослѣдовательностью, сдѣлалъ такое заключеніе:

— Хитрая бестія эта протопопица! чтобы чортъ ее побралъ вмѣстѣ со всѣми ея деньгами... Хха!.. Думаетъ, чортова баба, что Павелъ Пузыревъ будетъ разсыпаться передъ ней мелкимъ бѣсомъ... Какъ-бы не такъ! Не на таковскаго напала, матушка! И вѣдь какая хитрая: не сказала прямо, что лишитъ меня наслѣдства, а только намекнула относительно

дочери. Дескать, ты самъ то все пропнешь, а лучше доставайся все дочери. Да... Ежели разсудить безпристрастно, пожалуй, протопопица и права. Ей-богу! Она гораздо умнѣе, чѣмъ можно было предполагать. Ну, дочь, такъ дочь, пусть Люба все получаетъ, а мнѣ много-ли, старику, нужно.. Да. Рюмочка водочки, соленыхъ огурчиковъ на закуску или рыжиковъ... Хе-хе!...

V.

Маленькая Люба не помнила матери совсѣмъ, выросла и разцвѣла, какъ тѣ безымянные цвѣточки, которые Богъ знаетъ какимъ чудомъ попадаютъ гдѣ-нибудь въ углу задняго двора, среди мусора и грязи. Никто за нею никогда не смотрѣлъ, никто ничему не училъ, никто не бранилъ. Дѣвочка-сиротка росла такъ-же по волѣ Божіей, какъ растетъ зеленая травка гдѣ-нибудь въ тѣни забора. Отецъ былъ плохимъ воспитателемъ и умѣлъ только баловать маленькую замарашку-дочурку, всегда ходившую въ запачканныхъ платьицахъ, въ стоптанныхъ башмачкахъ и проводившую все время на улицѣ. Солнце жгло эту непокрытую ничѣмъ дѣтскую головку, точно золотило ее и наливало здоровьемъ и румянцемъ пухлыя дѣтскія щечки, а вѣтеръ и дождь беспощадно рѣзали голыя ножки, постоянно выскакивавшія изъ худыхъ башмаковъ и совсѣмъ не знавшія, что такое хорошіе чулки. Нѣсколько разъ маленькая Люба хворала, то корью, то скарлатиной, то еще какой-нибудь другой мудреной дѣтской болѣзнію и поправлялась безъ докторовъ и лекарствъ. Нѣсколько разъ кусали это дѣтское тѣлце собаки; однажды свинья зацѣпила было ее по пути своими клыками и, вѣроятно, преспокойно скушала-бы маленькую дѣвочку, еслибы сосѣдка не успѣла во-время кинуться на лакомую свинью съ палкой; въ другой разъ Люба попала подъ лошадь; но тяжелая крестьянская телѣга прокатилась надъ ней, и дѣвочка осталась цѣла и невредима. Мы не будемъ перечислять всѣхъ приключеній и опасностей, пережитыхъ Любой въ дѣтствѣ. Десяти лѣтъ она сама ушла въ ближайшую школу съ другими дѣтьми, выучилась тамъ грамотѣ и шитью, а, главное, поняла, что она не мальчикъ, а дѣвочка. Женскій инстинктъ подсказалъ ей, какъ нужно одѣваться, что идетъ къ ней, какъ ей держать себя. Какъ всѣ

дѣвочки, она рано поняла разницу между богатствомъ и бѣдностью и, какъ большинство дѣвочекъ, стала болѣзненно завидовать богатымъ подругамъ. Время бѣжало какъ-то незаметно; а когда Пузыревъ догадался, что протопопица оставить наслѣдство не ему, а Любѣ, и позвалъ послѣднюю, чтобы объяснить ей все значеніе такого обстоятельства, чадолубивый отецъ самъ удивился своей дочери и въ раздумьѣ проговорилъ:

— Ну, однако, ты, Люба, тово... большая ужь стала. Да, гмь... Откуда ты набрала этихъ ленточекъ да бантиковъ? Хо-роша, нечего сказать... Ну, да это все пустяки! Вотъ протопопица умереть, тогда мы съ тобой такихъ тремелюдинъ накупимъ, что на поди.

Любѣ въ это время было пятнадцать лѣтъ, и для своего возраста она обладала очень развитыми формами и высокимъ ростомъ, что на первый разъ немного смутило Павла Петровича. Чтобы показать Любу протопопицѣ, нужно было соорудить совершенно особенный костюмъ, что Пузыревъ взялъ на себя и, главное, хорошенько вымыть наслѣдницу, что должна была выполнить Матрена. Церемонія мытья повторялась три раза, пока Пузыревъ не нашель, что Люба вполнѣ заслуживаетъ своего званія наслѣдницы. Платье было шито Любой и Матреной подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Павла Петровича; наплась даже старая шляпа послѣ матери, и, послѣ всѣхъ этихъ тревогъ и хлопотъ, Люба, наконецъ, была отправлена къ протопопицѣ. Пузыревъ все время этого визита испытывалъ самое тревожное чувство, какъ человѣкъ, поставившій все на карту. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, постоянно справлялся въ окно, не идетъ-ли наслѣдница. Наконецъ, наслѣдница явилась...

— Ну, что, какъ? спрашивалъ Пузыревъ.—Ахъ! чортова кукла! загудѣлъ онъ, когда Люба рассказала о своемъ визитѣ, т. е. что протопопица приняла ее очень холодно, раскритиковала костюмъ, дала нѣсколько наставленій и отпустила съ пустыми руками, даже не напоивъ чаемъ. — Все равно, окольбеть когда-нибудь! утѣшалъ себя Павелъ Петровичъ: — отъ нашихъ рукъ не уйдетъ... Не мытьемъ, такъ катаньемъ будемъ брать!

Благодаря этому именно визиту къ протопопицѣ, Люба въ первый разъ испытала, что такое чувство униженія.

Раньше она только завидовала богатымъ, а здѣсь она увидѣла, что протопопица обошлась съ ней какъ со своей горничной. Тотъ-же женскій инстинктъ, который съ одной стороны заставлялъ Любу удалиться отъ общества мальчиковъ, а съ другой — тянулъ къ бантикамъ и оборочкамъ, этотъ-же инстинктъ теперь подсказалъ дѣвушкѣ, что она такой-же человекъ, какъ и протопопица, и ничѣмъ не заслужила нанесенной обиды. Пока Пузыревъ, послѣ крушенія послѣдней своей надежды, цѣлую ночь напролетъ ходилъ изъ угла въ уголь, переживая еще разъ всю безвыходность своего положенія, пятнадцатилѣтняя Люба тоже всю ночь пролежала въ своей постелькѣ, не сомкнувъ глазъ, и нѣсколько разъ принималась плакать самыми горькими слезами. О чемъ она плакала — Люба едва-ли объяснила-бы, но это не мѣшало ей глубоко чувствовать собственное положеніе. Это были ея первыя сознательныя слезы, которыя открыли ей глаза и заставили тревожно работать молодой умъ. Эти первыя слезы можно сравнить съ тѣмъ благодатнымъ, первымъ весеннимъ дождемъ, отъ котораго, какъ по мановенію волшебнаго жезла, недавно мертвая и безжизненная поверхность земли покрывается зеленью въ одно утро. Подъ этими слезами въ пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ-дикаркѣ въ первый разъ, смутно проснулась женщина и на дѣтскомъ лицѣ легла первая тѣнь.

VI.

Агнцевъ переѣхалъ въ тотъ-же день, что ему было не особенно трудно сдѣлать: все движимое консистерскаго писца заключалось въ ветхомъ чемоданчикѣ и сомнительномъ сундукѣ безъ замка. Не первой молодости байковое одѣяло было связано веревкой вмѣстѣ съ замавленной подушкой и скрипичнымъ футляромъ. Самъ Агнцевъ возсѣдалъ на верху этого имущества съ лампой въ рукахъ и изъ-за спины извощика добродушно улыбался усатой фізіономіи Пузырева, которая наблюдала его приближеніе изъ окна.

— Ого-го-го!.. ревѣлъ голубятникъ, привѣтствуя новаго жильца.— Вотъ такъ убили бобра Пузыревъ... Ахъ, задави васъ лѣсной! Ладно добра-то приворотилъ сколько, чернильная душа... Хха!.. Видно, въ одномъ карманѣ смеркается, а

въ другомъ заря занимается. Пузыревъ, слышишь, профуффришь ты съ такимъ жильцомъ дочь-то!.. Слышишь?

Матрена съ пренебреженіемъ окинула движимось Агнцева и сейчасъ-же стрѣлой полетѣла черезъ улицу къ рыбачкамъ, чтобы отвести душу. Рыбачки, конечно, видѣли торжественный вѣздъ Агнцева и печально кивали головами, удивляясь легкомыслію «отставного».

— Сундучишка-то, поди, пустой? спрашивала одна рыбачка.

— Совсѣмъ пустой и безъ замка, рапортовала Матрена.

— Самимъ ѣсть нечего, а тутъ еще голога жильца добыли.

— А принцесса-то ваша чего смотрить?

Матрена тяжело вздохнула и, оглянувшись, проговорила:

— Принцесса-то наша поумнѣе, видно, всѣхъ насъ будетъ, да-а! Все говорить отцу-то, что будто къ протопопицѣ ходить и будто протопопица ей подарки дарить...

— Ну?

— А я такъ смекаю, что не отъ протопопицы подарки-то.

— Нно-о?! ахнули обѣ рыбачки.

— Намеднись новое платье принесла, ботинки, потомъ браслетку, а потомъ я своими глазами видѣла, какъ она деньги въ карманъ клала. Да еще что: прячетъ все и мнѣ-то не показываетъ. А я какъ-то, не будь плоха, и заглянула къ ней въ комодъ.. Вишь, она хитра да не догадлива: какъ-то ушла, а ключъ въ комодѣ и забыла... Ну, я какъ посмотрѣла, а тамъ всякой всячины припасено: и изъ бѣлья, и изъ платья. А деньги, надо полагать, съ собой носить. А я-то, по своей простотѣ деревенской, еще третьяго дни пожалѣла ее: думаю, дѣвушка на возрастѣ, а ни рубашекъ, ни всякаго прочаго не припасено...

— Ахъ! батюшки!

— Она думаетъ меня провести, а я, вѣдь, не безъ глазъ... Все вижу, вотъ до ниточки все вижу. Она за зиму-то сколько теперь ночей дома не ночевала, все будто у протопопицы, — нѣтъ, тутъ дѣло нечисто! А теперь, зачѣмъ она обманываетъ? Ежели есть деньги, почто въ лавочку не отдають?! Это для отводу глазъ: дескать, мы бѣдныя. А теперь, вотъ, жильца пустили по своей бѣдности. Я такъ мерекаю, что все это придумаль отставной... Онъ только съ виду показываетъ, что будто простъ, а самъ хитрѣе пса...

Эта новость молніей облетѣла всю Тихонькую улицу, а на

другой день была уже известна цѣлому рынку. Для чего пустила въ ходъ эту сплетню Матрена — трудно объяснить: языкъ-ли у нея чесался, или она была обижена тѣмъ, что барышня скрывается отъ нея — Матрена сама не знала, а такъ, не могла терпѣть, чтобы на душѣ у ней лежала какая-нибудь тайна. Собственно она любила свою барышню и даже по своему жалѣла ее, но удержать языка своего не могла.

Агнецевъ въ полчаса устроился на новой квартирѣ, т. е. поставилъ сундучекъ въ одинъ уголь, футляръ со скрипкой — на столъ у стѣны, а затѣмъ раскупорилъ чемоданъ. Любитель рѣдкостей могъ-бы отыскать тамъ нѣсколько истрепанныхъ книгъ, сомнительной чистоты бѣлье, длинный скртуеъ изъ дешеваго сукна, двѣ рюмки и т. д. На стѣнѣ появились порыжѣлыя фотографіи какихъ-то священниковъ и матушекъ попадей, а среди нихъ помѣстилась плохая олеографія Венеры, рождающейся изъ морской пѣны.

— Аппетитная штучка, чортъ возьми! замѣтилъ Пузыревъ, любуясь голой Венерой съ улыбкой стараго холостяка. — Только карандашемъ напрасно ты ее разрисовалъ.

— Это не я, Павелъ Петровичъ, оправдывался Агнецевъ, — это архіерейскій келейникъ какъ-то дурачился.

— Ну, ну .. мнѣ все равно, что ты, что келейникъ. А я тебѣ вотъ-что скажу: у меня есть дочь — дѣвушка на возрастѣ... понимаешь?.. Ежели я что-нибудь замѣчу... понимаешь?!..

VII.

Черезъ нѣсколько дней Тихоньякая улица была встревожена изъ конца въ конецъ громкимъ говоромъ и густымъ смѣхомъ медленно подвигавшихся архіерейскихъ пѣвчихъ. Ихъ было трое. Впереди шелъ приземистый и широкоплечій малый съ заплаканными глазами; это былъ Сазонъ, знаменитый basso profundo архіерейскаго хора; рядомъ съ нимъ подвигался молодой человекъ высокаго роста, лѣтъ двадцати пяти, съ красивымъ блѣднымъ лицомъ и добрыми свѣтлокарыми глазами, — это былъ второй теноръ архіерейскаго хора, Максимъ Венелядовъ. Пѣвчіе были одѣты въ длинные казнетовые скртуки и глухіе черные жилеты, изъ подъ которыхъ едва выставлялся воротъ рубашки. Шествіе замыкалъ дьяконъ Илюха, архіерейская октава. Шести футовъ роста,

съ могучею грудью, на которую Илюха ставилъ трехъ человѣкъ, онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ сказочныхъ богатырей, о которыхъ поютъ былины. Ветхозавѣтные тротуары Тихонькой улицыгнулись и трещали подъ этой архіерейской тройцей, точно шель цѣлый взводъ солдатъ.

— Заворачивай! прогудѣлъ Илюха, когда они поровнялись съ домомъ Пузырева.

Голубятникъ, конечно, былъ уже на крышѣ, куда выкинула его точно невидимая сила,

— Га-а!.. ггаа!.. неистово оралъ онъ, карабкаясь по крышѣ, какъ бѣлка.—Архіерейская горлопятина привалила... Хо-хо... да они разорвутъ Пузырева, какъ дохлую кошку.

— Миръ дому сему... вполголоса проговорилъ Илюха, вваливаясь въ комнату Агнцева. Отъ этого «вполголоса» по домику Пузырева пошелъ такой гулъ, что Матрена съ испугу даже перекрестилась, а Люба выскочила въ кухню съ застывшимъ вопросомъ на лицѣ.

— Комната у тебя, братъ, ничего, говорилъ Сазонъ, оглядывая квартиру Агнцева,—какова водка будетъ.

— Господа, позвольте познакомить васъ съ моимъ хозяиномъ, заговорилъ Агнецвъ, вводя въ комнату Пузырева. — Отличнѣйшій человѣкъ и, главное, нашего кутейнаго поля ягода...

— Очень радъ, очень радъ, господа, познакомиться съ вами, говорилъ Пузыревъ, пожимая всѣмъ руки.—Тоже учился въ семинаріи... вы еще сидѣли тогда по утробамъ своихъ матерей... да!.. Изъ риторики былъ выключенъ за великовозрастіемъ и древоголовостью... Покойный Ириной часто говаривалъ: «ну, братъ, Павелъ Пузыревъ, у тебя голова-то точно пескомъ набита». А я люблю пѣвчихъ...

— Рыбакъ рыбака далеко видитъ, замѣтилъ дьяконъ.

На столѣ скоро появилась водка, прямо въ четвертной бутылки; около нея кусокъ чернаго хлѣба и нѣсколько соленыхъ огурцовъ, завернутыхъ въ грязную бумагу. Эта спартанская простота и составляла весь шикъ угощенія Агнцева, потому-что разныя нѣжности, въ родѣ наливки или какой-нибудь тонкой закуски, совершенно нарушили-бы однимъ своимъ присутствіемъ эту величественную гармонию очищенной съ окружающими ее огурцами. Компанія выпила по первой рюмкѣ, причемъ въ громадномъ горлѣ Илюхи точно-что щелкнуло,

какъ въ пустой бочкѣ, на дно которой упало нѣсколько капель воды. Сазонъ пилъ съ замашками настоящаго питуха, т. е. морщился и кряхтѣлъ при первыхъ трехъ рюмкахъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, съ хозяиномъ даже не разговариваютъ. Венелявдовъ пилъ больше отъ нечего дѣлать, для компаніи. Агнецевъ хлопалъ одну рюмку за другой безъ всякаго толку, чтобы не обидѣть гостей. Но пальма первенства, безъ сомнѣнія, принадлежала Пузыреву, который, прежде чѣмъ выпить свою рюмку, долго просматривалъ ее на свѣтъ, прищуривъ одинъ глазъ и скосивъ ротъ въ одну сторону.

— Ну, что, Павелъ Петровичъ? спрашивалъ Илюха, — скверная водка?

— Н-нѣтъ... такъ себѣ, середка на половинѣ, съ снисходительностью истиннаго знатока, отвѣчалъ Пузыревъ. — Я, вѣдь, служилъ по акцизу и знаю толкъ... да. Настоящая водка какая должна быть: когда нальешь половину рюмки, на краяхъ и долженъ осѣсть этакой особенный налетъ. Понимаете: слеза... да. Вотъ это водка!

Пѣвчіе слушали мудрыя словеса Пузырева съ такимъ вниманіемъ, точно онъ открывалъ Америку.

— Да это пѣлая химія... ха-ха! провозгласилъ Илюха и такъ крякнулъ, что Матрена въ кухнѣ заткнула себѣ уши.

— А то какъ-же, химія и есть... да, увѣрялъ Пузыревъ, очень довольный вниманіемъ своей аудиторіи. — Теперь взять пиво... нужно тоже толкъ знать. Вы думаете, если оно пѣнится—такъ и хорошо? Нѣ-ѣтъ, братъ. На пиво своя проба: выпей стаканъ и посмотри на свѣтъ—если хорошо пиво, такъ пѣна по стакану кружевомъ...

— Кружевомъ? Ха-ха!..

— Да, да... чистое кружево.

Эта небольшая сцена сразу подняла авторитетъ Пузырева въ глазахъ его новыхъ друзей, а дьяконъ Илюха настолько умиллся, что даже обלאпилъ щедрую фигурку отставнаго и нѣсколько разъ пробасилъ самымъ добродушнымъ образомъ:

— Да, ты братъ, Павелъ Петровичъ, чистый... химикъ! Ей-Богу, химикъ.

— И не дуракъ выпить, замѣтилъ отъ себя Сазонъ, смотрѣвшій на людей съ выпивочной точки зрѣнія.

— Хе-хе... былъ конь, да уѣзженъ, не безъ самодоволь-

ства сознавался Пузыревъ. — Только какъ-то такъ странно .. вдругъ все вышло... точно вѣкъ были знакомы... Хе-хе!

— Гора съ горой не сходится, Павелъ Петровичъ... Какъ это раньше-то мы съ вами не знали другъ друга? Вѣдь, вотъ, поди ты... а?..

VIII.

Черезъ полчаса началась одна изъ тѣхъ попоекъ, какія умѣютъ устраивать только архіерейскіе пѣвчіе. Комната Агнцава была полна табачнаго дыма, сквозь который едва можно было разсмотрѣть раскраснѣвшіяся лица. Несвязныя рѣчи, пьяныя улыбки и блуждающіе взоры краснорѣчиво доказывали всю силу опорожненныхъ двухъ четвертей водки. Всѣмъ хотѣлось говорить и никто не хотѣлъ слушать. Пузыревъ, схвативъ Бенелявдова за бортъ сюртука, доказывалъ ошибочность его возрѣній на сущность человѣческой души и загробную жизнь, а Бенелявдовъ старался очень подробно развить свои взгляды на значеніе семи смертныхъ грѣховъ, какъ ихъ понимаетъ восточная церковь. Однимъ словомъ, говорили о всемъ, о чемъ любить поспорить подгулявшій русскій человекъ.

— Нѣтъ, я тебѣ, химикъ, вотъ-что скажу, вмѣшался Илюха въ споръ Пузырева съ Бенелявдовымъ, — есть у насъ архіерейскій келейникъ, Алешка...

— Мошенникъ?

— Такой мошенникъ, такой мошенникъ, что такого еще на свѣтѣ не бывало... Взялъ съ меня двадцать-пять рублей за поповское мѣсто, да такъ и оставилъ съ носомъ. Ей-Богу!.. А самъ въ шелковыхъ чулкахъ разгуливаетъ, недавно муаровый подрясникъ сшилъ.

— Ахъ! пракалія! гаркнулъ Пузыревъ.

— Подлецъ! Какъ-то въ поѣздку съ владыкой ѣздили, ну, обыкновенно приѣзжаемъ въ село и прямо къ попу. А тамъ ужъ зарабѣе все готово, главное — водкой хоть обливайся. Каши масломъ не испортишь... ха-ха... Ну, только вездѣ съ поповъ дереть всякій, а келейнику Алешкѣ въ этомъ селѣ и показись мало... Ну, онъ сейчасъ старосту, а староста не сдается и будто ничего не понимаетъ. Прикинулся, значить. Такъ Алешка какую химію подвелъ! — «Веди меня

на колокольню, кричить старостѣ, — владыка велѣлъ мнѣ ревизовать колокола». Староста осатаиѣлъ, да съ дуру-то и повелъ Алешку, а тотъ и давай протоколъ на колоколы составлять, что колокола неладно повѣшены. Вѣдь староста-то едва откупился отъ Алешки, ей-Богу! Вотъ онъ у насъ какой... да. А что онъ съ дьяконами да съ дьячками выдѣлываетъ! Все высосеть, пока до владыки допустить...

— Ахъ! онъ... Пузыревъ выразился немного нецензурно и, въ свою очередь, тоже не менѣе конфиденціально сообщилъ Илюхѣ свою исторію съ генераломъ. — Это какъ по твоему будетъ? спрашивалъ онъ въ заключеніе. — Павелъ Пузыревъ пострадалъ за правду... да. Всѣ подлецы...

Илюха имѣлъ удовольствіе выслушать еще разъ очень подробно исторію о коварномъ генералѣ, а затѣмъ послѣдовала не менѣе подробная исторія о протопопицѣ. Пузыревъ причмокивалъ, подмигивалъ и хихикалъ.

— Дура-то какая... а? спрашивалъ онъ Илюху. — Думаетъ, что я буду ей кланяться... Къ чорту! Павелъ Пузыревъ не будетъ кланяться чортовой перечницѣ... Къ чорту! Теперь поддѣлывается ко мнѣ... дочь у меня есть, такъ она ей все и дѣлаетъ. Чувствуетъ, чортова кукла, что я наследникъ, совѣсть-то не чиста. А мнѣ все равно, пусть дочери все оставитъ. Вотъ, когда протопопица умретъ, ну, тогда мы сотворимъ по ней такую тризну, что чертямъ будетъ тошно.

— Химія... мычалъ Илюха, раскачиваясь на стулѣ. — Тогда я у тебя взаимы возьму десятишницу, химикъ?

— Да, что тутъ толковать...

— Ха-ха... ай да химикъ! Люблю, гудѣлъ Илюха, принимаясь цѣловать Пузырева. — Какъ это раньше-то мы съ тобой не встрѣчались... а? Вѣдь, какъ есть, два сапога — пара.

— Споемте, господа, что-нибудь, предлагалъ Агнцевъ.

— Дѣйствительно, господа, соглашался Пузыревъ. — Я ужасно люблю что-нибудь духовное.

Господа не заставили себя просить, и скоро домишко Пузырева задрожалъ отъ могучихъ аккордовъ. Илюха давилъ октавой, слегка прислонившись къ стѣнѣ и полузакрывъ глаза отъ испытываемаго имъ удовольствія.

Изъ широкой глотки Сазона выливались подавляющія своей силой и густотой ноты, заставлявшія вздрагивать стекла въ окнахъ. Среди этихъ звуковъ свѣжей струей пробивалась те-

норовая партія Бенелядова, пріятно ласкала она слухъ своими мягкими переливами, чистотой высокихъ и звучной полнотою низкихъ нотъ.

— Охъ, хорошо... хорошо, чортъ возьми... шепталъ Пузыревъ, чувствуя, какъ по спинѣ заходили мурашки.—Дѣльно, чортъ возьми!..

Это пѣніе вырвалось за предѣлы Пузыревскаго дома и широкой волной разлилось по всей Тихонькой улицѣ, нарушая мертвую тишину мягкой лѣтней ночи. Скоро подъ окнами собралась цѣлая толпа слушателей; на первомъ планѣ, конечно, выдавалась изможденная, тощая фигура голубятника.

— Ужъ сколь-же и хорошо это поютъ они, умилялась одна изъ сосѣдокъ рыбачекъ.— Вотъ, кажись, стоялъ-бы все да и слушалъ.

— Чего имъ дѣлать-то, стоялымъ жеребцамъ? огрызался голубятникъ.— Ты видѣла, сколько четвертей водки-то перетаскала Матрена Пузыреву?

— Обыкновенно видѣла: сперва одну принесла, потомъ за другой сбѣгала еще за-свѣтло, а теперь ушла по третью...

— Вотъ и врешь: по четвертую ушла, доказывалъ голубятникъ, — дай-ко мнѣ съ эстолько водки-то, да я еще не такъ запою. Легкое-ли мѣсто: впятеромъ цѣлое ведро воды вылакали! Чистые живоглоты... А вонъ и Матрена! Точно молонья изъ кабака летить... Эй, кума, которую четвертную волокешь?

— Четвертую, голубчикъ, четвертую...

— Вотъ такъ жильца пустил Пузыревъ!.. Ха!!.. злобствовалъ голубятникъ.— Имъ-бы въ винной бочкѣ всѣмъ жить!!.

IX.

Люба сегодня была дома. У ней немного болѣла голова. Черезъ Матрену она знала всѣ подробности совершившейся попойки, а также и всѣ примѣты главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Дьякона Илюху дѣвушка много разъ видала въ церкви, но Сазонъ и Бенелядовъ были совершенно новыми лицами. Пьяный говоръ давно надоѣлъ Любѣ и еще усилилъ головную боль, такъ что дѣвушка скоро раздѣлась и легла въ постель. Она начала уже засыпать, но пѣніе заставило ее проснуться. Сначала Люба разсердилась, а потомъ заслушалась. Когда

Сазонъ снѣлъ «Двухъ гренадеровъ» Ленау, и «Кузнецъ, ты скуй мнѣ цѣпь», дѣвушка почувствовала странное безпокойство, поднялась съ постели, одѣлась и въ однихъ чулкахъ долго ходила по своей комнатѣ, прислушиваясь къ каждому звуку. Пѣніе Сазона взволновало Любу, которой было въ одно и то-же время и грустно, и какъ-то жутко-хорошо. Въ душѣ просыпались смутныя желанія; въ комнатѣ дѣлалось душно; самыя стѣны начинали давить. Дѣвушка вся задрожала, когда Бенелядовъ своимъ просившимся въ душу теноромъ запѣлъ:

«Не водись-ка на свѣтъ вина,
Тошень былъ-бы мнѣ свѣтъ...»

— Какъ хорошо, какъ хорошо... шептала Люба, распахивая окно, въ которое на нее глянула мириадами глазъ лѣтняя пахучая ночь.— Который-же это поетъ изъ пѣвчихъ? Тотъ низенькій или повыше который?

По-дѣтски положивъ голову на сложенные ладони рукъ, дѣвушка долго смотрѣла изъ окна на слишкомъ знакомую ей картину. Вотъ зеленая стѣна кладбищенскаго лѣса, изъ котораго стройными силуэтами и воздушными стрѣлками поднимались ели и пихты; лунный свѣтъ покрывалъ все серебряной паутиной, золотой искоркой горѣлъ на крестѣ кладбищенской церкви и стальной чешуей ложился на поверхность рѣки. Сильнее глубокое небо было полно напряженного мерцающаго свѣта; въ воздухѣ проносился неясный шепотъ ночи; слышался лай собаки; дребезжащій звонъ чугунной доски ночнаго сторожа точно таялъ и стылъ. О чемъ-же думала замечтавшаяся дѣвушка? О лунѣ, цвѣтахъ, взаимной любви? Нѣтъ, матово-розовый свѣтъ китайскаго фонаря лучше луны, искусственные цвѣты красивѣе естественныхъ, а взаимная любовь можетъ быть очень хороша, когда она иллюстрирована парой лошадей, коляской на лежачихъ рессорахъ, маленькой дачей съ англійскими клумбами и тѣнистой галлереей, вѣжливой и приличной прислугой, возможностью носить шелковые чулки по десяти рублей пара и принимать остроумныхъ молодыхъ людей въ собственной ложѣ въ театрѣ и т. д. Это грубое пьянство архіерейскихъ пѣвчихъ особенно живо напомнило Любѣ ту тяжелую обстановку, въ которой она жила и которую она презирала отъ всей души. Вѣдь міръ такъ хорошъ, а между тѣмъ она, Люба, должна сидѣть въ своей маленькой каморкѣ, какъ старая полинялая крыса въ грязной щели.

«Зазвонила меня, молодца,
Степанида, сосѣдская дочь...»

пѣлъ Бенелявдовъ въ сосѣдней комнатѣ.

«Очень интересно... съ кислой гримасой подумала Люба, припоминая, какъ Матрена описывала костюмы гостей.— Молодецъ въ казинетовомъ халатѣ... Мило! какая грубость и пошлость... Впрочемъ, Матренѣ можетъ быть и по вкусу»...

Скоро пѣніе и шумъ прекратились. Люба слышала, какъ пѣвчіе вышли на улицу, по которой далеко разносились громогласные возгласы Илюхи. Затѣмъ стихло все, и улица погружилась въ полнѣйшее безмолвіе.

— Барышня, а барышня! послышался шепотъ Матрены.— Вы еще не спите?

— Чего тебѣ? откликнулась Люба.

— Словечко сказать одно, барышня...

— Ну, говори...

Матрена влѣзла въ комнату Любы, прикрыла ротъ рукой, какъ имѣла обыкновение дѣлать въ особенно таинственныхъ случаяхъ, и заговорила прежнимъ подавленнымъ шепотомъ:

— А вѣдь одного гостя потеряли, барышня... хи-хи!

— Кто потерялъ? Говори толкомъ, пожалуйста...

— Ну, вотъ эти... пѣвчіе, значить. Онѣ лежатъ во дворѣ. Чего съ нимъ дѣлать-то?

— И пусть лежатъ; мнѣ какое дѣло... Ступай спать.

— А ежели онѣ умрутъ, барышня?.. съ вина сгорить?

— Вздоръ; убирайся...

Матрена продолжала удерживать свою позицію и, послѣ нѣсколькихъ почесываній и переминаній съ ноги на ногу, прибавила:

— Жаль, барышня: ужъ очень изъ себя-то хороша. Вы-бы хоть однимъ глазкомъ поглядѣли... Лежатъ и ручки раскинулъ; а изъ лица бѣлой-разбѣлой, брови черныя, кудрявой... Всею міру на украшенье!

Къ необъяснимымъ свойствамъ Матрены, между прочимъ, принадлежало искреннее тяготѣніе къ красотѣ, и она, разинувъ ротъ, подолгу зѣвала на глазастыхъ солдатъ мѣстнаго батальона. Люба сначала отнеслась съ презрѣніемъ къ словамъ Матрены; но потомъ женское любопытство взяло верхъ, и она, въ однихъ туфляхъ и короткой юбкѣ, пошла за Матреной во дворъ.

— Вотъ онъ... указывала Матрена на распростертую фигуру Бенелядова, который лежалъ у самой калитки. Лунный свѣтъ красиво освѣщаль его кудрявую голову и блѣдное лицо.

«Да, онъ дѣйствительно красивъ, очень красивъ! подумала Люба, разглядывая издали пьянаго пѣвчаго. — Только этотъ казинетовый подрясникъ и глухой жилетъ... Фи! А все-таки удивительно красивое лицо!»

Подобравъ цѣломудренно свои юбки, Люба только хотѣла идти обратно, какъ пѣвчій вдругъ открылъ глаза и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Гдѣ я?.. пробормоталъ онъ съ прежнимъ изумленіемъ, провожая взглядомъ убѣгавшую дѣвушку. — Фу, чортъ... убѣжала...

Пѣвчій бессильно свалился на прежнее мѣсто и сейчасъ-же захрапѣлъ.

— Нашла что показывать! ворчала Люба на Матрену, забираясь въ своей комнатѣ на крючекъ. — Нечего сказать, хорошъ!

— Какъ-же, барышня, шептала Матрена уже въ замочную скважину:—вѣдь онъ простудится... жаль...

— Жаль, такъ и тащи его къ себѣ въ кухню, а онъ тебя въ награду отколотить завтра, отозвалась Люба, съ головой закутываясь въ одѣяло.

— Въ кухнѣ оно точно не подходящее дѣло, соображала Матрена: — потому мараль на всю улицу, а я его лучше къ Павлу Петровичу сволоку.

Пока Матрена приводила въ исполненіе свое героическое рѣшеніе, Люба старалась заснуть. У ней предъ глазами мелькало красивое молодое лицо, которое заставило ее нѣсколько разъ повторить въ полуснѣ: «Очень красивое лицо; только этотъ костюмъ...»

X.

Архіерейская пѣвческая находилась внутри ...сваго упраздненнаго мужского монастыря, который былъ построенъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ города, какъ большинство нашихъ монастырей. Громадная площадь на берегу Сосновки была отрѣзана отъ остального міра довольно высокой каменной стѣной, изъ-за которой выставлялись только куполы и колокольни

монастырскихъ церквей да рядъ невысокихъ каменныхъ зданій съ зелеными крышами. Въ этихъ зданіяхъ когда-то обитала монашеская братія, а теперь помѣщались владыко Нектарій со своимъ штатомъ, духовная консисторія и архіерейская пѣвческая. Громадный архіерейскій садъ густой гривой спускался къ самой рѣкѣ; алеи изъ вѣковыхъ кедровъ, столѣтнихъ березъ и елей красиво драпировали весь берегъ. Съ пароходныхъ пристаней, и особенно съ плившихъ по Сосновкѣ пароходовъ, видъ на монастырь былъ замѣчательно хорошъ: эта группа церквей и зданій, охваченная поясомъ каменныхъ стѣнъ, точно висѣла въ воздухѣ, красиво отражаясь въ рѣкѣ.

Изъ оконъ архіерейской пѣвческой открывался видъ на Сосновку, которая сейчасъ внизу разливалась широкимъ плесомъ, уходившимъ изъ глазъ почти на десять верстъ, такъ что пароходы въ концѣ плеса казались небольшими черными точками. Комната Бенелявдова и Сазона выходила двумя окнами на рѣку, а третьимъ въ садъ; рядомъ помѣщался въ небольшой каморкѣ дьяконъ Илюха, а черезъ корридоръ одна дверь вела собственно въ пѣвческую, большую узкую комнату, гдѣ происходили слѣвки и жили маленькіе пѣвчіе. Рядомъ съ пѣвческой была умывальная. Въ ней, какъ особенная и ничѣмъ необъяснимая роскошь, былъ устроенъ цѣлый рядъ мѣдныхъ рукомыльниковъ грушевидной формы. Это была затѣя самого владыки, который, хотя никогда и не заглядывалъ въ пѣвческую, однако часто справлялся у регента, о. Смарагда, относительно исправности умывальниковъ. Фантазія владыки, какъ всѣ другія фантазіи, была основана на какомъ-то необъяснимомъ капризѣ, и всѣ были глубоко убѣждены въ томъ, что наступитъ день, когда владыко потребуетъ строгаго отчета о рукомыникахъ.

Обстановка всѣхъ комнатъ была почти одинакова: вездѣ голыя, давно небѣленные стѣны. Собственно, никому изъ пѣвчихъ даже и въ голову не приходило, что можно устроиться нѣсколько иначе и что два-три горшка съ цвѣтами, какія нибудь занавѣски на окнахъ и, главное, чистота и порядокъ могли сдѣлать изъ этихъ комнатъ, особенно лѣтомъ, самый живописный уголокъ, въ которомъ жилось-бы и уютно, и удобно. А то теперь Сазонъ устроилъ свою постель въ углу, прямо на грудѣ ноть, набросалъ вездѣ окурковъ, хлѣбныхъ корокъ, старыхъ пробокъ, и совершенно доволенъ

среди этой мерзости заустѣвнiя; Бенелявдовъ примостилъ себѣ войлокъ на двухъ сундукахъ и тоже не желалъ ничего лучшаго. Про комнату Илюхи и говорить нечего. Илюха жилъ философомъ, и посторонній человѣкъ могъ подумать въ простотѣ сердца, что попалъ въ конюшню. Самъ Илюха выражался о своей комнатѣ довольно скромно и притомъ иносказательно, въ родѣ того, напр.: «живу, яко праведный Іовъ, на гноищѣ». Иносказаніе Илюхи приближалось къ печальной дѣйствительности, потому что устроенное имъ логовище дѣйствительно походило на ветхозавѣтное гноище.

— Ну, у васъ, братцы, тово... отозвался однажды Агнцевъ, оглядывая комнату Бенелявдова и Сазона.

— Чево: тово? хмуро спрашивалъ Сазонъ.

— Да я такъ сказалъ... грязновато.

— Дуракъ. Переѣхалъ къ Пузыреву, такъ и грязновато стало. Ахъ, ты, фитюлька!

— А вотъ что, Агнцевъ, перебилъ Сазона Бенелявдовъ:— у Пузырева жена есть или тетка тамъ какая-нибудь?

— Да тебѣ на что? Жены нѣтъ, а дочь есть. Рыженькая, небольшого роста, ничего себѣ,—бабецъ какъ слѣдуетъ... хорошенькая, бестія!...

Агнцевъ свою робость съ женщинами вознаграждалъ заочно самыми развязными отзывами, точно какой-нибудь записной волокита.

— Нѣтъ, я тебѣ совѣтую, Макся, приударить за ней, послѣ короткой паузы неожиданно прибавилъ Агнцевъ съ игривой улыбкой.—Дѣвчонка, право, ничего... аппетитная штука, однимъ словомъ. Я видалъ у ней ножку...

— Опять дуракъ, отозвался сурово Сазонъ, глубоко презиравшій всѣхъ женщинъ на свѣтѣ.

Бенелявдовъ, какъ сквозь сонъ, помнилъ ночную сцену на дворѣ у Пузырева, и молодое дѣвичье лицо съ волнами рассыпавшихся по плечамъ золотистыхъ волосъ нѣсколько разъ ни съ того, ни съ сего приходило ему на умъ. Отъѣвъ Агнцева еще болѣе усилилъ впечатлѣніе ночной сцены, и Бенелявдову страстно захотѣлось увидѣть эту дѣвушку, образъ которой какимъ-то чудомъ сохранился въ его пьяномъ мозгу. Конечно, о ночной сценѣ онъ никому не говорилъ, и эта маленькая тайна доставляла ему большое удовольствіе и вызывала улыбку. Онъ хорошо помнилъ, какъ дѣвушка тогда побѣжала отъ него;

на ней была короткая бѣлая юбка, волосы были распущены, маленькія туфли забавно шлепали на ногахъ. «Да, вообще, интересно бы взглянуть на эту рыженькую и даже познакомиться съ ней». Естественнымъ послѣдствіемъ такого желанія явились — сначала разноцвѣтный галстухъ, а затѣмъ открытый жилетъ и необыкновенно туго накрахмаленная манишка. Бенелядовъ нѣсколько разъ примѣрялъ эти покупки предъ огрызкомъ зеркала, висѣвшимъ на стѣнѣ, и торопливо пряталъ все въ одинъ изъ сундуковъ, какъ только слышались шаги Сазона. Странно, Бенелядовъ никогда и ни въ чемъ не стѣснялся своего закадычнаго друга и пріятеля, а тутъ ему не хотѣлось именно передъ Сазономъ показаться во всемъ своемъ великолѣпіи. Спартанскій характеръ Сазона не выносилъ роскоши. Такимъ образомъ пришлось выждать удобный моментъ, когда Сазонъ съ Илюхой отправились вспрыскивать какого-то ставленника, и только тогда явилась возможность одѣться, какъ слѣдуетъ, чтобы идти къ Агнцеву.

— А... вижу, вижу, по носу все вижу! такими словами встрѣтилъ Агнецевъ Бенелядова, щурясь и подмигивая. — Ты хочешь, кажется, серьезно отбить ее у меня?

— Отстань, пожалуйста, никого я не хочу у тебя отбивать, съ притворнымъ неудовольствіемъ отвѣчалъ Бенелядовъ, стараясь замаять свое смущеніе. — Я просто гулялъ, по пути и зашелъ...

— Ну, ну, разводи бобы-то... Ее зовутъ Любой, уже шепотомъ сообщилъ Агнецевъ: — красавица, чортъ возьми... Я успѣлъ уже познакомиться. А какъ одѣвается — антикъ съ гвоздикой... Хочешь, познакомлю? хе-хе... Только вотъ, химикъ-то не тово, пожалуй и по шей... Ну, да мы его водкой будемъ накачивать.

— Да я, право, не за тѣмъ къ тебѣ пришелъ...

-- Водки хочешь?

— Н-нѣтъ... у меня что-то голова сегодня болить.

— Гмъ... значить, отъ головной боли и манишку надѣлъ? добродушно съострилъ Агнецевъ.

XI.

Бенелядову ни въ этотъ, ни въ слѣдующій разъ не удалось видѣть Любу. Онъ встрѣтилъ ее совершенно случайно,

когда былъ безъ манишки и галстука, а просто въ своемъ глухомъ казнетовомъ жилетѣ и таковомъ-же скюртукѣ. Бенелядовъ сразу узналъ ее по росту, по фигурѣ, по цвѣту волосъ. Она шла по улицѣ, въ своемъ голубомъ барежевомъ платьѣ и легкой накидкѣ шоколаднаго цвѣта, отдѣланной гранатовымъ бархатомъ и шелковыми кистями. Лѣтняя соломенная шляпа съ широкими полями красиво покрывала голову; на отогнутомъ полѣ шляпы былъ приколотъ небольшой букетъ незабудокъ, и таковой-же букетъ пестрѣлъ въ туго скрученныхъ на затылкѣ волосахъ. Сначала эта встрѣча сильно смутила архіерейскаго пѣвчаго, и онъ готовъ уже былъ повернуть назадъ, еслибы неизвѣстная сила не толкнула его идти за удившею красавицею. Люба замѣтила Бенелядова и, не оглядываясь, чувствовала, что онъ идетъ за нею. Последнее сначала разсердило ее, и дѣвушка подумала: «куда этотъ дуракъ идетъ? Вотъ еще какой кавалеръ выискался!» Люба скорчила презрительную гримасу и наморщила носикъ. Она нѣсколько разъ осторожно посмотрѣла кругомъ, потому-что можно было встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, и тогда... Нѣтъ, это страшно даже подумать, какъ про нее будутъ говорить, что видѣли ее вмѣстѣ съ пьянымъ архіерейскимъ пѣвчимъ. Это первое чувство и первый страхъ скоро замѣнились другимъ—чувствомъ любопытства, и Люба тихо повернула на уединенный берегъ Сосновки, гдѣ было меньше риска встрѣтиться съ знакомыми. Теперь дѣвушку толкало впередъ желаніе подурачить глупаго пѣвчаго, а потомъ проучить хорошенько. Въ самомъ дѣлѣ, стояло только сравнить: она въ своемъ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, съ свѣтскими манерами, и онъ, этотъ неотесанный мужикъ, въ своемъ глупомъ жилетѣ и казнетовомъ подрясникѣ. «Интересно, однако, что будетъ выдѣлывать этотъ болванъ», уже со смѣхомъ думала Люба.— «Пожалуй, еще отколотить...» мелькнула у ней въ головѣ; но, оглянувшись на скромно-слѣдовавшую по ея пятамъ фигуру, она успокоилась и лукаво улынулась. Выходило даже немного пикантно: этотъ пѣвчій хотя и мужикъ, но у него, право, такое интересное лицо. Еслибы хорошенько одѣть его, сдѣлать англійскій проборъ, прибавить шелковый цилиндръ, пенсне и перчатки,—право, не стыдно было-бы показаться даже въ театрѣ. Люба прошла нѣсколько разъ по берегу, а Бенелядовъ все еще не рѣшался подойти къ ней, сохраняя при-

личную дистанцію. «Это, однако, скучно», подумала Люба и, обернувшись къ Венелядову, спросила его самымъ наивнымъ образомъ:

— Вы потеряли что-нибудь здѣсь?

— Я... нѣтъ...

Люба весело засмѣялась, совсѣмъ довольная смущеніемъ архіерейскаго пѣвчаго.

— Я устала... жарко... серьезно проговорила дѣвушка, отыскивая глазами удобное мѣстечко, отдохнуть.— Вотъ здѣсь хорошо будетъ, рѣшила она, опускаясь прямо на зеленую траву и снимая шляпу.— Вы устали, мосье Венелядовъ?

— Нѣтъ, я не устала...

— А... не устали, такъ до свиданія.

— Нѣтъ, я тоже усталъ, очень усталъ.

Люба съ лукавой улыбкой посмотрѣла на своего кавалера и опять засмѣялась. Смѣялась она необыкновенно хорошо, какъ ребенокъ. На подбородкѣ и около рта у ней появлялись такія забавныя ямочки, глядя на которыя всякому хотѣлось смѣяться. Черезъ пять минутъ молодые люди разговаривали какъ хорошіе старые знакомые. Такъ умѣетъ болтать только счастливая въ своей беззаботности молодость. Говорили, собственно, о разныхъ пустякахъ, которые даже трудно передать на бумагѣ, потому-что суть дѣла заключалась не въ словахъ и въ смыслѣ рѣчи, а только въ ея звукахъ, въ интонаціи и въ томъ, что краснорѣчивѣе всякихъ словъ чувствовалось между строками. Эта болтовня какъ-то особенно совпадала съ блескомъ лѣтнаго солнца и съ той невидимой радостью, которая была разлита въ воздухѣ, чувствовалась въ легкомъ дыханіи набѣгавшаго съ рѣки вѣтерка, въ шепотѣ сосавшей песчаный берегъ волны, въ меланхолическомъ шелестѣ дремавшаго на берегу архіерейскаго сада. Говорили даже о томъ, какой смѣшной этотъ Агнецевъ и, вмѣстѣ, какой это добрый и вообще славный молодой человекъ. Люба, между прочимъ, замѣтила, что ей только одно не нравится въ Агнецевѣ, именно, его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ.

— Мнѣ кажется, что такъ много пить — молодымъ людямъ ужасно вредно, заключила Люба:— можно потерять здоровье...

Дѣвушку, главнымъ образомъ, въ пьянствѣ пѣвчихъ возмущала некрасивая обстановка этого пьянства: какая-то мужиц-

кая грязь, этотъ крикъ... Еслибы они пили шампанское и пили прилично, тогда, конечно, совсѣмъ другое дѣло...

Бенелядовъ съ тихой радостью чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, по какому адресу отправлялись эти сожалѣнія, и поникъ головой, не зная, что сказать въ свое оправданіе.

— А помните, какъ вы пѣли тогда «Не водись-ка на свѣтѣ вина?» неожиданно проговорила Люба послѣ короткой паузы.— У васъ очень, очень хорошей голосъ...

Бенелядовъ засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь, мосѣ Бенелядовъ?

— Да такъ... Знаете, Любовь Павловна, — Бенелядовъ въ первый разъ еще назвалъ Любу по имени, — не водись-ка на свѣтѣ вина, такъ и не увидаль-бы васъ никогда.

Люба тоже засмѣялась. Мосѣ Бенелядовъ былъ совсѣмъ не глупъ, какъ она убѣждалась, хотя и диковать порядкомъ... Онъ очень ловко напоминалъ ночную сцену во дворѣ, и Люба заговорила о ней, какъ о дѣлѣ извѣстномъ.

— Я тогда очень испугалась сначала, а потомъ...

— Мнѣ совѣстно, Любовь Павловна, что въ первый разъ вы видѣли меня... такой свиньей...

Любовь Павловна слегка пожурела Бенелядова за это *тогда* и потребовала, въ заключеніе, слова, что мосѣ Бенелядовъ не будетъ никогда пить такъ много. Бенелядовъ ничего не отвѣчалъ и только смотрѣлъ куда-то вдаль, гдѣ Сосновка сливалась съ синевой горизонта.

— Невозможно... глухо проговорилъ онъ, опуская голову.

— А если я буду просить васъ объ этомъ?

Последнее было сказано такъ ласково, такъ тепло, что у мосѣ Бенелядова даже захватило дыханіе отъ такой пріятной неожиданности, и онъ только пробормоталъ въ отвѣтъ что-то очень несвязное.

— Нѣтъ! невозможно!.. уже съ отчаяніемъ въ голосѣ проговорилъ Бенелядовъ.

— Что я хотѣла сказать? Ахъ, да, мнѣ кажется, что, если-бы вы, напримѣръ, были въ другомъ обществѣ...

Бенелядовъ горячо заступился за своихъ товарищей, которые оказались самыми прекрасными людьми, обремененными чуть не всѣми человѣческими добродѣтелями.

— Ну, хорошо, я согласна, что ваши товарищи отличные люди, только вы...

— Поменьше пить водки?

— Да... потеряете и голосъ, и здоровье. Ахъ! я совсѣмъ заболталась съ вами, мосѣ Бенелявдовъ, а мнѣ давно пора... я совсѣмъ забыла, съ озабоченнымъ лицомъ проговорила Люба, поднимаясь съ травы. Замѣтивъ вопросительное выраженіе на лицѣ своего кавалера, она съ прежней веселой улыбкой прибавила:

— А вы, пожалуйста, не трудитесь меня провожать: я предпочитаю ходить одна.

Послѣдняя, вычитанная изъ какого-то романа фраза была сказана очень серьезнымъ тономъ, но Бенелявдовъ по-прежнему оставался знакомъ вопроса и умоляющимъ взглядомъ смотрѣлъ на собравшуюся уходить дѣвушку.

— Да, а гдѣ-же мы увидимся въ слѣдующій разъ? первая заговорила Люба съ прежней беззаботной улыбкой. — Мнѣ ужасно хочется послушать, какъ вы поете...

Дорогой молодые люди напрасно перебирали всѣ подходящія средства для слѣдующаго свиданія, но кромѣ того-же берега Сосновки ничего не могли подыскать. Общихъ знакомыхъ у нихъ не оказалось.

— Приходите опять къ Аглицеву, рѣшила Люба на прощанье. — До свиданія. Я буду ждать васъ въ среду вечеромъ... Да?..

Это первое свиданіе началось и кончилось совсѣмъ не такъ, какъ предполагала Люба, и поэтому она была немного недовольна собственнымъ поведеніемъ. «И для чего я просила этого чурбана не пить?» удивлялась она, когда шла обратно въ городъ: — «Еще можетъ подумать Богъ знаетъ что... А впрочемъ, если онъ чуть-что посмѣетъ позволить себѣ, я успѣю такъ огоршить его... Какой онъ смѣшной!...»

XII.

Бенелявдовъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая глазами соломенную шляпу съ букетомъ незабудокъ, пока она не скрылась за угломъ ближайшей улицы. Какъ во снѣ вернулся онъ въ свою пѣвческую, гдѣ, по обыкновенію, стоялъ дымъ коромысловъ: Сазонъ, дьяконъ Илюха, регентъ о. Смарагъ и велейникъ Алешка соборне опрастывали третью четверть. Добродушное лицо о. Смарагда, украшенное рыжева-

той бородой и таковыми-же власами на головѣ, улыбалось пьяненькой улыбой; онъ нетвердой походкой бродилъ по комнатѣ и постоянно плевался, какъ всѣ чахоточные. Келейникъ Алешка былъ самый обыкновенный хохоль,—небольшаго роста, съ впалой грудью, длинными узловатыми руками и съ крадущимися фальшивыми движеніями; его рябоватое, вытянутое лицо глядѣло блудливыми карими глазами, а широкій ротъ постоянно улыбался двусмысленной улыбкой. Копной стоявшіе на головѣ волосы придавали Алешкѣ немного дикій видъ.

— Вотъ и кстати! кричалъ Алешка, запахивая расхолодившіяся полки своего монашескаго подрясника:—Какъ разъ къ водкѣ...

Бенелявдовъ взялъ налитую рюмку и совсѣмъ уже поднесъ-было ее ко рту, какъ вдругъ его точно что обожгло, и онъ поставилъ невыпитую рюмку на столъ.

— Не могу... нерѣшительно проговорилъ онъ.

Всѣ оглянулись на Бенелявдова, потомъ съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга. Самыя стѣны пѣвческой, вѣроятно, выразили-бы не меньшее изумленіе, «по случаю такого случившагося случая», какъ выражался дьяконъ Илюха въ припадкѣ остроумія.

— Да ты, братъ, не тово-ли? проговорилъ, наконецъ о. Смарагдъ, многозначительно показывая пальцемъ на свой выпуклый, покрытый потомъ лобъ.—Ужь не рехнулся-ли грѣшнымъ дѣломъ... а?

— Нѣтъ... у меня голова болить.

— Вре-ошь! зарычалъ Илюха, схватывая рюмку.—За воротъ вылью сейчасъ!.. Пей!.. Ахъ, ты, химія!..

— Не могу, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ! отрѣзалъ Бенелявдовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Ну, и чортъ съ тобой... Чего ты кочевряжишься, какъ губернаторша?

Какъ ни приставали къ Бенелявдову, онъ устоялъ-таки на своемъ, хотя эта маленькая побѣда обошлась ему очень дорого. Безобразіе пѣвческой съ ея кромѣшнымъ пьянствомъ поразило Бенелявдова въ первый разъ, потому что онъ, можетъ быть, въ первый разъ оставался трезвымъ въ пьяной компаніи.

Немного погодя, Бенелявдовъ подъ какимъ-то предлогомъ выбрался изъ пѣвческой и отправился въ садъ. Ему хотѣлось быть одному, наединѣ только съ самимъ собой, какъ человѣку,

который неожиданно нашел сокровище и не знает куда его спрятать, а оно уже приятно тяготитъ его. Въ этихъ зеленыхъ бордюрахъ изъ зеленой листвы березъ и мохнатыхъ лапъ посѣдѣвшихъ отъ времени елей и пихтъ, Бенелядовъ долго бродилъ неровными, сбивавшимися шагами, вынашивая въ груди неиспытанное еще, но уже пробуждавшееся съ сладкой тревогой, чувство. Все было хорошо кругомъ: и эта сверкающая зелень, и синее небо, едва сквозившее между вершинами деревьевъ, и это солнце, ложившееся на песчанья дорожки сада и на зеленый дернъ золотыми пятнами и весело игравшими зайчиками. Въ ухахъ Бенелядова все еще стояли дорогие звуки и беззаботный дѣвичій смѣхъ; онъ видѣлъ эти ямочки на щекахъ, этотъ вызывающій ласковый взглядъ, этотъ улыбающійся ротикъ, который требовалъ съ него слова— не пить. А затѣмъ, сознание первой одержанной побѣды приятно щекотало самолюбіе архіерейскаго пѣвчаго, которому теперь казалось такъ легко преодолѣть всевозможныя препятствія. Впереди, въ туманной дали грезъ и фантазій, въ золотомъ чаду своего собственнаго воображенія, видѣлась новая жизнь, не имѣвшая ничего общаго съ тѣмъ, что происходило въ пѣвческой.

— Нужно покончить со всѣмъ!.. вслухъ проговорилъ Бенелядовъ, прислушиваясь къ доносившимся со стороны пѣвческой пьянымъ крикамъ и дикимъ возгласамъ.

ХІІІ.

Бенелядовъ и Сазонъ были уроженцами села Чубарки, заброшеннаго въ самую глушь благословеннаго Зауралья, въ сосѣдство съ привольною Ишимскою степью. Отецъ Бенелядова былъ дьякономъ, отецъ Сазона—дьячкомъ. Отцы служили при одной церкви, и дѣти выросли вмѣстѣ; вмѣстѣ ихъ свезли десятилѣтними ребятишками въ Загорье, въ загорское уѣздное духовное училище, и вмѣстѣ они попали въ архіерейскую пѣвческую, въ исполатчики къ владыкѣ Нектарію.

Степняки, выброшенные на городскую улицу, долго не могли прийти въ себя, какъ оглушенная рыба. Макся Бенелядовъ былъ живѣе характеромъ и по ночамъ горько рыдалъ по родной далекой Чубаркѣ. Сазонъ крѣпко хмурился, но терпѣлъ, по своей желѣзной натурѣ, всѣ напасти и передраги

новаго житья-бытья. Учене въ духовныхъ училищахъ съ-ис-поконъ-вѣку держится на одномъ голомъ зубрени, а пѣвчіе архіерейскаго хора пользовались привилегированнымъ положеніемъ даже относительно этой бурсацкой науки, потому что ихъ занятія постоянно прерывались архіерейскими службами, купеческими свадьбами и похоронами. Такимъ образомъ, въ духовномъ училищѣ степеняки не получили никакого образованія и въ такомъ видѣ перешли въ семинарію.

Изъ первыхъ впечатлѣній пѣвческой у Бенелявдова и Сазона сохранилось очень немного отрывочныхъ воспоминаній, тѣмъ болѣе, что, какъ исполтчиковъ, ихъ кормили всегда хорошо, и владыко Нектарій, до страсти любившій велегласное пѣніе и церковное громогласіе, очень баловаль всѣхъ пѣвчихъ, въ особенности маленькихъ. Они являлись къ владыкѣ каждое послѣобѣда и могли дѣлать, что хотѣли. Добродушный старикъ улыбался и шутилъ съ дѣтьми, которыхъ любилъ отъ души. Только одно было не хорошо въ добрѣйшемъ владыкѣ: онъ ни подъ какимъ видомъ не отпускалъ своихъ пѣвчихъ на каникулы, потому что въ это время обыкновенно совершались архіерейскія поѣздки по ...ской губерніи, въ сопровожденіи хора.

Такимъ образомъ, Сазонъ и Бенелявдовъ были навсегда оторваны отъ своей Чубарки, которую видали только проѣздомъ.

Регентъ, о. Смарагдъ, былъ тоже очень добрый, но совсѣмъ безхарактерный человѣкъ, страдавшій наследственнымъ запоемъ. По-своему, онъ хорошо относился къ пѣвчимъ, другими словами, не относился никакъ, махнувъ рукою на всю внутреннюю жизнь пѣвческой. О. Смарагдъ зналъ только свое пѣніе, и больше ничего. Подъ его мягкимъ и безхарактернымъ управленіемъ пѣвческая была ужасно запущена и часто попадала подъ чье нибудь иго. Пока Сазонъ и Бенелявдовъ учились въ училищѣ, такимъ временщикомъ былъ первый теноръ, Иванъ Гаврилычъ. Онъ былъ, какъ большинство архіерейскихъ пѣвчихъ, недоучившійся семинаристъ, маленькаго роста, горбатый, съ уродливымъ лицомъ и злымъ, «человѣконенавистнымъ», по выраженію владыки, характеромъ, какъ у большинства уродовъ. Иванъ Гаврилычъ былъ тяжелымъ игомъ для всей пѣвческой; онъ держалъ въ рукахъ не только большихъ пѣвчихъ, но и самого о. Смарагда. Владыко снисходительно относился къ подвигамъ своего любимца, которому, за

его бархатный, чистый, какъ серебро, теноръ, прощаль рѣшительно все и даже самъ выносилъ его капризы.

— Самъ терплю отъ него, самъ терплю... съ комической торжественностью отвѣчалъ обыкновенно владыка на всѣ жалобы на Ивана Гаврилыча. — Я самъ несу его иго. Достаньте мнѣ другого такого-же тенора, тогда я расправлюсь съ нимъ, а теперь я не могу... Нѣтъ, не могу.

Особенно тяжело приходилось отъ Ивана Гаврилыча маленькимъ пѣвчимъ и новичкамъ. Первый теноръ являлся для нихъ чистымъ мучителемъ, изобрѣтавшимъ съ упорной злобой тысячи средствъ для преслѣдованія своихъ маленькихъ жертвъ. Сазонъ и Макся Бенелявдовъ съ перваго дня поступления въ пѣвческую обратили на себя особенное вниманіе Ивана Гаврилыча; особенно доставалось Бенелявдову, котораго теноръ возненавидѣлъ за его миловидность и дѣтскій румянецъ. Щипки, затрецины, тасканіе за волосы, сидѣнье безъ обѣда — все это было еще ничто въ сравненіи съ другими муками, которыя придумывалъ неистощимый въ изобрѣтеніяхъ Иванъ Гаврилычъ. Очень часто зимой теноръ нарочно поднимался ночью часа въ два и будилъ Бенелявдова, чтобы послать его за стаканомъ воды въ монашескую трапезную. Нужно было темной ночью пройти черезъ весь громадный монастырскій дворъ, половину котораго занимало старинное кладбище, затѣмъ съ полчаса стучаться въ трапезной и идти обратно. Дѣтскому воображенію казалось, что кресты на могилахъ шевелились; между старой колокольней и пустымъ флигелемъ чудились страшныя тѣни. Однажды Иванъ Гаврилычъ, среди глубокой ночи, вздумалъ послать маленькаго Бенелявдова на старую колокольню. Бѣдняга до того струсилъ, что предпочелъ замерзнуть въ снѣгу, чѣмъ за-живо отдаться въ руки привидѣній. Его нашли полуживымъ, съ отмороженными руками. Эта выходка тенора стоила Бенелявдову жестокой горячки.

Сазонъ отдѣлался счастливѣе Бенелявдова. Онъ сначала долго терпѣлъ притѣсненія тенора, а затѣмъ, разъ, бросился на него съ яростью молодого медвѣдя, сбиль его съ ногъ, закопалъ по-медвѣжьи въ снѣгъ и, въ заключеніе, набилъ ему ротъ снѣгомъ. Участь Сазона висѣла на волоскѣ, когда теноръ отправился съ жалобой къ владыкѣ. Но тутъ произошелъ совершенно неожиданный оборотъ дѣла: владыка не только не разсердился и не выключилъ Сазона съ единицей

въ поведеніи, но даже расхохотался и велѣлъ привести къ себѣ «медвѣжонка».

— Ну, медвѣжонокъ, расскажи-ка ты мнѣ, какъ ты попалъ въ снѣгъ моего лучшаго тенора? О-хо-хо!.. заливался владыка, любуясь смущеніемъ Сазона. — Ну, расскажи, расскажи, лвоаростный Самсонъ... Вѣдь тебѣ только тринадцать лѣтъ, медвѣжонокъ, а Ивану Гаврилычу подѣ тридцать. А тебѣ, братику, обратился въ заключеніе владыка къ своему любимцу,—впередъ наука: ты самъ себя наказалъ... Смотри, чтобы Самсонъ не растерзалъ тебя, какъ льва рыкающаго.

Иванъ Гаврилычъ скоро сошелъ со сцены. Онъ, какъ всѣ большіе пѣвчіе, сильно зашибалъ и какъ-то попалъ подѣ пьяную руку на одно изъ обычныхъ вспрыскиваній ставленниковъ. Пьяные пѣвчіе поучили его, и отъ этой науки Иванъ Гаврилычъ черезъ три дня ушелъ въ землю. Пѣвческая свобода вздохнула послѣ него, особенно маленькіе школяры.

Владыка подозрѣвалъ печальную истину относительно скоропостижной кончины своего любимца, но не хотѣлъ поднимать дѣла, разѣ потому, что оно бросило-бы тѣнь на пѣвческую, а во-вторыхъ, потому, что въ этомъ дѣлѣ были замѣшаны лучшіе голоса хора, а въ томъ числѣ и дьяконъ Илюха, подававшій тогда самыя блестящія надежды своей семипушечной октавой. Такъ все дѣло и обошлось домашнимъ образомъ.

XIV.

Съ переходомъ въ семинарію, положеніе Сазона и Бенелявдова сразу измѣнилось, потому что они попали уже теперь въ число большихъ пѣвчихъ. Занятія по семинаріи шли такъ же плохо, какъ и въ училищѣ; владыка на экзаменахъ обыкновенно самъ спрашивалъ своихъ пѣвчихъ, подсказывалъ, шутилъ и переводилъ въ слѣдующій классъ. Но въ семинаріи нашимъ героямъ пришлось пробыть очень недолго: они были выключены въ моментъ преобразованій семинарій, когда семинаристовъ гнали изъ alma mater сотнями, для чего былъ выписанъ въ ...скую семинарію имѣвшій специальное назначеніе ректоръ, архимандритъ Ельпидифоръ. Даже владыка Нектарій былъ безсиленъ спасти своихъ любимцевъ. Впрочемъ, нужно сказать, что исключеніе Сазона и Бенелявдова было обставлено нѣсколько особенными обстоятельствами.

Возвращаясь ночью съ какой-то загородной, очень веселой прогулки, Сазонъ, Бенелявдовъ и Агнцевъ (Агнцевъ учился въ одномъ классѣ съ ними) встрѣтили городской обходъ, т. е. ночной патруль изъ гарнизонныхъ солдатъ. Блюстители порядка вздумали забрать всепьянѣйшую компанію; завязалась ожесточенная драка; въ результатѣ, хотя воинство было разбито, но оно успѣло въ пылу сраженія захватить Агнцева. Сазонъ и Бенелявдовъ рѣшились выручить благопріятеля и отправились прямо въ полицію, гдѣ крѣпко набуянили, поколотили околodочнаго и добились, наконецъ, того, что были посажены въ кутузку вмѣстѣ съ Агнцевымъ. Здѣсь это почтенное тріо затянуло такую «Всемирную славу, отъ человѣкъ прозябшую...», что привело въ умиленіе даже самого полиціѣмѣстера, который велѣлъ отпустить архіерейскихъ пѣвчихъ съ миромъ на всѣ четыре стороны. Этимъ, вѣроятно, и кончилась-бы вся исторія, но архимандритъ Ельпидифоръ какъ-то успѣлъ пронюхать о ней и немедленно уволил изъ семинаріи всѣхъ троихъ. Такимъ образомъ, Сазонъ и Бенелявдовъ сдѣлались архіерейскими пѣвчими по преимуществу, а Агнцевъ попалъ въ консисторію.

— Не понимаю, совсѣмъ не понимаю, отозвался владыко Нектарій на резолюцію архимандрита Ельпидифора.—Прежде наказывали розгами, нынче гонять на улицу... Нѣтъ, старъ сталъ, не понимаю ничего. Что-же изъ того, что мои пѣвчіе во славу Божію огласили темницу «Всемирною славой»?.. На нихъ-же положили раны и поруганіе и ихъ-же и выгнали.

Впрочемъ, владыка скоро утѣшился въ своей горести разсказомъ полиціѣмѣстера, который передалъ все событіе въ самомъ смѣшномъ видѣ.

Сазонъ и Бенелявдовъ прошли «сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы» въ архіерейской пѣвческой. Вотъ обо всемъ этомъ и думалъ Бенелявдовъ, когда, послѣ своей первой встрѣчи съ Любой, долго ходилъ по архіерейскому саду, съ тоской и какимъ-то глухимъ отчаяніемъ сознавая, что онъ въ своей груди носилъ всю пѣвческую. Первые лучи первой любви освѣжающимъ образомъ подѣйствовали на его душу и заставили оглянуться на самого себя, на всю отчаянную жизнь, на окружающую мглу и пустоту, на полное отсутствіе какой-нибудь будущности. Въ первый разъ въ душѣ архіерейскаго пѣвчаго проснулось мучительное сознаніе, что

онъ есть только несчастный архіерейскій пѣвчій и больше ничего. Отсутствие образованія и многолѣтняя праздная жизнь дѣлали его лишнимъ въ той средѣ, жизнь которой бойко кипѣла. Гулъ и дыханіе этой жизни доносились до него теперь и въ шумѣ проходившихъ по Сосновкѣ пароходовъ, и въ веселомъ говорѣ, и дѣятельной суетѣ на пароходныхъ пристаняхъ.

«Господи, что-же это такое? съ тоской думалъ Бенелявдовъ, хватаясь за голову.—Бросить пѣвческую, поступить на десять рублей жалованья куда-нибудь въ казначейство и тянуть ляжку лѣтъ двадцать, пока явится возможность жениться... Да вѣдь въ это время Люба десять разъ успѣетъ выйти замуж!»

Пьяные крики и пѣсни, доносившіеся до Бенелявдова со стороны пѣвческой, заставляли его страдать невыносимо. Онъ вдвойнѣ чувствовалъ себя чужимъ въ этой пѣвческой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она связывала его по рукамъ и по ногамъ. Впереди видѣлись только вспрыскиванія ставленниковъ, шатаніе по свадьбамъ и похоронамъ, лѣтнія поѣздки съ владыкой по губерніи, другими словами,—роковая цѣпь изъ самаго забубеннаго пьянства. Бенелявдову хотѣлось задушить этого келейника Алешку, который былъ теперешнимъ фаворитомъ владыки, явившись въ Загорье въ качествѣ сына какой-то четвероуродной племянницы Нектарія.

Между тѣмъ, стоило Бенелявдову поклониться Алешкѣ, и онъ, подъ первымъ попавшимся подъ руку предлогомъ, преспокойнѣйшимъ образомъ остался-бы въ Загорьѣ, чѣмъ, во-первыхъ, избавлялся отъ пьянства, а во-вторыхъ... Бенелявдовъ ощущалъ страстную потребность остаться именно въ Загорьѣ. Какое-то смутное предчувствіе нашептывало ему, что если онъ отправится въ эту поѣздку—все для него погибнетъ.

М—инь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„AU BONHEUR DES DAMES“.

Романъ Э. Золя.

ГЛАВА I.

Дениза шла пѣшкомъ съ сень-лазарскаго вокзала съ двумя братьями, послѣ ночи, проведенной на жесткой скамьѣ вагона третьяго класса. Она вела за руку Пепе, а за ними слѣдовалъ Жанъ. Разбитые путешествіемъ, оглушенные и растерявшіеся среди парижскаго шума и толкотни, всѣ трое, поднявъ вверхъ головы, оглядывали дома и на каждомъ поворотѣ спрашивали улицу Миподьеръ, гдѣ жилъ ихъ дядя Бодю.

Дойдя до площади Gaillon, молодая дѣвушка остановилась въ изумленіи.

— О! воскликнула она, — погляди-ка сюда, Жанъ.

И они стояли, какъ вкопанные, прижавшись другъ къ другу, въ своихъ ветхихъ черныхъ костюмахъ, которые они носили въ знакъ траура по недавно умершемъ отцѣ. Худая и щедушная, несмотря на свои двадцать лѣтъ, Дениза держала въ одной рукѣ легкой узелокъ, на другой почти повисъ пятилѣтній братишка, а за спиной стоялъ, растопыривъ руки, старшій братъ, цвѣтущій шестнадцатилѣтній красавецъ юноша.

— Ахъ! произнесла она послѣ минутнаго молчанія, — вотъ такъ магазинъ!

Передъ ними, на углу улицъ Миподьеръ и Neuve-Saint-Augustin, красовался огромный модный магазинъ, сверкавшій яркими цвѣтами выставленныхъ товаровъ при свѣтѣ начинавшагося тусклаго октябрьскаго дня.

На башнѣ Сень-Рокъ пробило восемь часовъ и на тро-

туарахъ Парижа толкались только спѣшившіе къ занятіямъ прикащики да забѣгавшія изъ лавки въ лавку хозяйки. Передъ главной дверью магазина два прикащика, взобравшись на складную лѣстницу, развѣшивали шерстяную матерію, а третій, стоя на колѣняхъ передъ витриной, выходящей на улицу Neuve-Saint-Augustin, убиралъ въ причудливыя складки кусокъ голубого шелка. Изнутри магазина, въ которомъ еще не было покупателей, доносился гулъ, какъ изъ пробудившагося улья.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Жанъ. — Это будетъ почище Волоны. Твой не былъ такъ красивъ.

Дениза покачала головой. Она провела тамъ два года у Корнеля, въ лучшей модной лавкѣ города, и тѣмъ не менѣе этотъ огромный магазинъ поразилъ, взволновалъ ее и заставилъ забыть обо всемъ.

Посрединѣ стѣны, выходившей на площадь Gaillon, подымалась до самыхъ антресолей огромная зеркальная дверь среди вычурныхъ рѣзныхъ и покрытыхъ позолотой украшеній. Надъ нею аллегорическія статуи двухъ смѣющихся женщинъ развертывали огромную вывѣску: «Au Bonheur des Dames». Отсюда по обѣ стороны тянулся длинный рядъ витринъ, захватывая по улицамъ Мишодьеръ и Neuve-Saint-Augustin еще четыре смежныя, недавно отдѣланныя зданія, и открывая взорамъ прохожихъ внутренность магазина со всею роскошью разложенныхъ въ немъ товаровъ.

— «Au Bonheur des Dames», громко прочелъ Жанъ съ лукавой улыбкой юноши, имѣвшаго уже любовное приключеніе въ Волоныѣ. — А! Это мило; вотъ куда сбѣгается, небойсь, народъ!

Но Дениза была поглощена выставкой товаровъ у центральной двери. Здѣсь, на самомъ тротуарѣ, подъ открытымъ небомъ, останавливали прохожихъ и зазывали покупателей пестрыя груды разнообразныхъ и соблазнительныхъ по своей дешевизнѣ товаровъ. Съ высоты антресолей спускались длинныя полосы шерстяныхъ и бумажныхъ тканей сукна, кашемира, ситца и холстины, развѣваясь, какъ огромныя разноцвѣтныя знамена, усыпанныя большими четырехугольными бѣлыхъ ярлыковъ. По обѣ стороны двери лежали и висѣли узкія полосы мѣха, разнообразныя ленты и тесьмы, шкурки зайца, сибирской бѣлки, горноста и куницы. На столахъ, въ огромныхъ картонныхъ коробкахъ, среди кучи обрѣзковъ

и остатковъ разноцвѣтныхъ матерій, лежали въ безолаберной кучѣ продаваемые за безцѣнокъ чулки, фуфайки, чепчики, жилеты, перчатки и шарфы — цѣлая колекція зимнихъ принадлежностей костюма, всевозможныхъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ. Это была гигантская ярмарка, только-что раскупорившая свои товары. Казалось, что до-верху переполненный магазинъ задаромъ выбрасывалъ на улицу свои излишки.

Дядя Бодю былъ совсѣмъ забытъ. Даже маленькій Пепе, не выпускавшій руки своей сестры, широко вытаращилъ свои глазенки. Проѣхавшая мимо карета заставила ихъ уйти со середины площади, и они машинально направились вдоль улицы *Neuve-Saint-Augustin*, останавливаясь передъ каждой выставленной за витринами вещью. Сначала ихъ вниманіе остановила искусно сложенная изъ зонтиковъ деревенская хижина; подъ нею висѣли, сложенные треугольниками, шелковые, ажурные и вышитые букетами розъ чулки всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ чернаго и ярко-краснаго до цвѣта дѣвственной женской кожи, а внизу, на сукнѣ этажерки, были симметрически разбросаны перчатки, съ вытянутыми, точно живыми, пальцами и граціозной кистью, напоминающей изящную женскую ручку.

Далѣе шла широкая витрина съ шелкомъ, атласомъ и бархатомъ, всѣхъ цвѣтовъ радуги, расположенныхъ въ строгой послѣдовательности оттѣнковъ и переливовъ и сложенныхъ искусными руками прикащика изящными складками на подобіе стройной женской талии. Здѣсь-же, по обѣ стороны витрины, лежали въ художественномъ беспорядкѣ кучи двухъ знаменитыхъ шелковыхъ матерій: «*Paris-Bonheur*» и «*Cuir-d'or*», составлявшихъ исключительную собственность магазина и которымъ предстояло революціонировать парижскую модную торговлю.

— О! какой фай въ пять франковъ, шестьдесятъ! пробормотала Дениза, восторженно глядя на «*Paris-Bonheur*».

Жану становилось скучно, и онъ остановилъ прохожаго.

— Улица Миподьеръ, сударь? спросилъ онъ.

Всѣ трое направились по указанному направленію, обходя магазинъ. Но, при поворотѣ, Дениза въ изумленіи остановилась передъ витриной съ готовымъ женскимъ платьемъ. Въ Волоньѣ, у Корнеля—это было ея специальностью, но никогда ей не приходилось видѣть подобнаго великолѣпія. Съ высоты

витрины по обѣ стороны спускались, на подобіе балдахина, широкія полосы дорогихъ брюжскихъ кружевъ; подъ ними въ глубинѣ сплетались гирляндами всѣхъ сортовъ алансонскія, валянсьенскія, брусельскія, венеціанскія кружева, падавшія внизъ, какъ большія хлопья густого снѣга; а по бокамъ возвышались, рѣзко отгнѣнявшіе эту картину, два столба чернаго сукна. Среди этой изящной капеллы, воздвигнутой культу женской граціи, разставлены были разнообразныя верхнія женскія платья: посрединѣ — бархатное пальто, отдѣланное лисьимъ мѣхомъ; по одну сторону его шелковая ротонда, отороченная горностаемъ, по другую — суконное манто на лебяжемъ пуху; затѣмъ слѣдоваль рядъ атласныхъ и кашемировыхъ мантий и накидокъ, всевозможныхъ покрововъ и цѣвъ, отъ двадцати восьми франковъ и до двухъ тысячъ. Онѣ плотно обтягивали преувеличенно-округленныя формы, выпяченную грудь, широкія бедра и тонкую талью манекеновъ, въ безчисленномъ множествѣ отражавшихся въ нарочно для этого устроенныхъ зеркальныхъ стеклахъ и наполнявшихъ тротуаръ толпой раздраженныхъ женщинъ, у которыхъ мѣсто головы занималъ ярлыкъ съ обозначеніемъ продажной цѣны.

Даже Жанъ пришелъ въ изумленіе и стоялъ съ разинутымъ ртомъ. Передъ этой картиной богато одѣтыхъ женщинъ, щеки его запылали отъ удовольствія. Съ роскошнымъ цвѣтомъ лица, съ бѣлокурыми вьющимися кудрями и розовымъ ртомъ, этотъ шестнадцатилѣтній юноша скорѣе походилъ на дѣвушку. Рядомъ съ нимъ Дениза съ длиннымъ худощавымъ и усталымъ лицомъ казалась еще тщедушнѣе. Къ ней робко прижимался такой-же бѣлокурый Пене, какъ-бы ища защиты отъ пугавшихъ его разодѣтыхъ дамъ витрины.

Эта бѣлокурая и одѣтая въ трауръ группа изумленныхъ дѣтей была до того мила и своеобразна, что прохожіе обращались и улыбались ей.

Уже нѣсколько минутъ съ противоположнаго тротуара за ними наблюдалъ стоявшій на порогѣ одной лавки толстякъ. Видъ засмотрѣвшейся на «Bonheur des Dames» дѣвушки съ двумя братьями, повидимому, приводилъ его въ бѣшенство. Чего зазѣвалось это дурачье на балаганную выставку шарлатановъ?

— А какъ-же съ дядей? спросила вдругъ очнувшаяся Дениза.

— Мы въ улицѣ Мишодьеръ, отвѣчалъ Жанъ. Онъ живетъ гдѣ-нибудь по близости.

Они обернулись и подняли головы. Прямо передъ ними, надъ головою толстяка, висѣла зеленая вывѣска, на которой желтыми полинявшими отъ дождей буквами значилось: «Старый Эльбефъ, сукна и фланель. Бодю, наследникъ Ошкорна». Среди огромныхъ сосѣднихъ зданій, домъ, надъ которымъ красовалась эта вывѣска, съ порывавшей и обвалившейся штукатуркой, съ тремя окнами, защищенными вмѣсто створъ желѣзной рѣшеткой, имѣлъ крайне жалкій и неприглядный видъ. Но болѣе всего поразила Денизу послѣ блеска и роскоши «Bonheur des Dames» самая лавка, помѣщавшаяся въ нижнемъ этажѣ и точно приплюснутая насѣвшимъ на нее низкимъ антресолямъ съ дугообразными тюремными окнами.

Въ лавкѣ, по обѣ стороны входной двери, было всего двѣ пыльные и потемнѣвшія витрины, сквозь которыя неясно выглядывали груды наваленныхъ матерій. Растворенная дверь напоминала входъ въ сырое и мрачное подземелье.

— Вотъ здѣсь, сказала Жанъ.

— Ну, чтожъ, войдемъ, предложила Дениза. Иди-же, Пепе.

Но всѣ трое вдругъ какъ-то смутились и оробѣли. Когда, черезъ мѣсяцъ послѣ смерти матери, умеръ ихъ отецъ, дядя Бодю въ порывѣ нѣжности написалъ племянницѣ, что у него всегда найдется для нея мѣсто, если она вздумаетъ переѣхать въ Парижъ. Но письмо это было получено годъ тому назадъ и молодая дѣвушка въ эту минуту почти раскаявалась, что рѣшилась внезапно покинуть Волонью, не извѣстивъ заранѣе дядю. Послѣдній не зналъ въ лицо своихъ племянниковъ, не будучи ни разу на родинѣ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ ее, чтобы поступить прикащикомъ въ суконную лавку Ошкорна, на дочери котораго онъ впоследствии женился.

— Monsieur Бодю? робко обратилась Дениза къ толстяку, продолжавшему съ любопытствомъ ихъ оглядывать.

— Это я, отвѣчалъ онъ.

Дениза покраснѣла.

— Ахъ! тѣмъ лучше... бормотала она. Я Дениза, а вотъ Жанъ и Пепе... Вотъ, видите, дядюшка, мы пріѣхали.

Бодю казался пораженнымъ этой неожиданностью. Красные воспаленные глаза забѣгали, языкъ путался. Повидимому,

мысли его были далеко от этой семьи, свалившейся на него, какъ снѣгъ на голову.

— Какъ!.. вы здѣсь!.. отрывисто повторялъ онъ. Но вѣдь вы были въ Волонь!.. Отчего вы не въ Волонь?

Тихимъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ она стала рассказывать. Послѣ смерти отца, раззорившагося на своей красотѣ, она осталась одна съ двумя братьями на рукахъ. Ея заработка у Корнеля было недостаточно для прокормленія ихъ троихъ. Жанъ работалъ у столяра, но не получалъ еще ни гроша. Однако, онъ обнаружилъ способности къ рѣзбѣ. Найдя однажды кусокъ слоновой кости, онъ вырѣзалъ изъ нея головку, которая обратила вниманіе шедшаго мимо незнакомаго барина. Этотъ-то господинъ и заставилъ ихъ рѣшиться переѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ отыскалъ для Жана мѣсто у рѣзчика.

— Завтра Жанъ поступитъ на выучку къ новому хозяину. Платить за него не придется; онъ будетъ тамъ жить и кормиться... Ну, а я съ Пепе какъ-нибудь проживу,—не будетъ-же намъ здѣсь хуже, чѣмъ въ Волонь.

Но она умолчала объ одномъ обстоятельстве, объ любовномъ приключеніи Жана съ дѣвочкой изъ мѣстной знатной семьи, приключеніи, которое произвело въ городѣ скандалъ, ускорившій ихъ поѣздку. Она послѣдовала за братомъ, чтобы съ материнской заботливостью слѣдить за этимъ красивымъ юношей, на котораго уже заглядывались женщины.

Дядя Бодю не могъ придти въ себя и осыпалъ ее вопросами.

— Значить, отецъ ничего вамъ не оставилъ? А мнѣ казалось, что у него были еще кое-какія деньги. Ахъ! сколько разъ я ему совѣтовалъ въ письмахъ не затѣвать этой красоты! Добрѣйшая душа, но ни на грошъ мозговъ!.. И ты должна была содержать этихъ молодцов!

Его желчное лицо нѣсколько прояснилось. Вдругъ онъ замѣтилъ, что загораживаетъ имъ входъ.

— Ну, сказалъ онъ, войдите, разъ ужъ вы приѣхали... Войдите, это все-таки лучше, чѣмъ глазѣть на глупости.

И, кинувъ послѣдній злобный взглядъ на «Bonheur des Dames», онъ вошелъ въ лавку и сталъ звать жену и дочь.

— Елизавета! Женевьева! Идите-же, къ вамъ гости!

Но Дениза и оба мальчика снова оробѣли передъ сумра-

комъ лавки, и, прижавшись другъ къ другу, пробирались ощупью, точно боясь оступиться.

— Входите, входите, повторялъ Бодю.

Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ женѣ и дочери въ чемъ дѣло. Жена была маленькая анемичная женщина, съ блѣднымъ лицомъ и губами и бѣлыми глазами. Похожая во многомъ на мать, Женевьева напоминала вырощенное въ тѣни худосочное растеніе, и только густые черные волосы, какимъ-то чудомъ выросшіе на этомъ хиломъ тѣлѣ, придавали дѣвушкѣ какую-то грустную грацію.

— Войдите, произнесли въ свою очередь обѣ женщины. Мы вамъ очень рады.

Онѣ усадили Денизу за конторкой. Пепе тотчасъ взобрался на колѣни къ сестрѣ, а Жанъ, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ возлѣ. Они нѣсколько оправились и съ любопытствомъ разглядывали темную лавку, ея низкій закоптѣлый потолокъ, лоснящіеся отъ частаго прикосновенія прилавки и старинныя дубовыя полки, до верху нагруженныя большими связками товара. Сырой воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ сукна и краски. Въ глубинѣ лавки два приказчика и дѣвушка складывали куски бѣлой фланели.

— Не хочеть-ли этотъ молодець поѣсть? спросила m-me Бодю, съ улыбкой указывая на Пепе.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала Дениза. — Мы выпили по чашкѣ молока, въ кафе, возлѣ вокзала.

И замѣтивъ, что Женевьева поглядываетъ на ея легкій узелокъ, она прибавила:

— Мы оставили тамъ нашъ сундукъ.

Ей стало неловко и она покраснѣла. Уже въ вагонѣ, какъ только они выѣхали изъ Волоньи, ее стали разбирать сомнѣнія и страхъ, вотъ почему, пріѣхавши на парижскій вокзалъ, она оставила здѣсь сундукъ и накормила дѣтей.

— Ну-съ, началъ вдругъ Бодю, — поговоримъ, однако, о дѣлѣ... Я тебѣ писалъ, это правда, но этому уже цѣлый годъ, а съ тѣхъ поръ дѣла пошли плохо...

Онъ остановился отъ волненія, которое напрасно старался скрыть. M-me Бодю и Женевьева скромно опустили глаза.

— Разумѣется, продолжалъ онъ, кризисъ скоро пройдетъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь... Но все-таки, я вынужденъ былъ сократить персоналъ служащихъ, ихъ у меня только трое и

теперь еще не время брать четвертую. Словомъ, я не могу принять тебя, какъ обѣщала, моя блѣдная дѣвочка.

Дениза слушала его взволнованная и блѣдная.

— Это невыгодно ни для тебя, ни для меня, прибавилъ онъ.

— Хорошо, дядя, съ усиліемъ произнесла дѣвушка. Я постараюсь какъ-нибудь перебиться сама.

Бодю вовсе не были дурные люди. Но они всегда жаловались, что имъ не везло. Когда дѣла ихъ шли сносно, имъ пришлось воспитать пятерыхъ сыновей, изъ которыхъ трое умерли на двадцатомъ году, четвертый свихнулся съ пути и погибъ, а пятый, военный, отправился въ Мексику.

Воспитаніе дѣтей стоило Бодю очень дорого. Остатки своихъ сбереженій онъ уплатилъ на покупку негоднаго дома въ Рамбуйе, родинѣ его тестя, и съ тѣхъ поръ дѣла пошли хуже и хуже.

— Надо было хоть предупредить меня, продолжалъ Бодю, раздражаясь мало-по-малу собственной жесткостью. — Ты могла мнѣ написать, и я отвѣчалъ-бы тебѣ, чтобы ты не выѣзжала... Получивъ извѣстіе о смерти твоего отца, я, конечно, высказалъ то, что обыкновенно говорится въ этихъ случаяхъ. Но ты нагрязнула неожиданно... Я поставленъ въ затруднительное положеніе.

Онъ все больше и больше возвышалъ голосъ, точно желая подавить угрызеніе совѣсти. Жена и дочь продолжали печально смотрѣть въ землю. Жанъ стоялъ блѣдный, а Дениза призвала къ себѣ испуганнаго Пепе. По ея щекамъ скатились двѣ крупныя слезы.

— Ладно, дядя, повторила она. — Мы уйдемъ, мы уйдемъ.

Дядя вдругъ остановился. Наступило неловкое молчаніе. Затѣмъ, онъ угрюмо продолжалъ:

— Я васъ не выгоняю... Разъ ужъ вы пріѣхали, вы проведете у насъ эту ночь... Потомъ, мы посмотримъ.

Мадамъ Бодю и Женеваева поняли по его взгляду, что настала ихъ очередь вмѣшаться. Скоро все было улажено. О Жанѣ нечего было думать, такъ какъ съ завтрашняго дня онъ поступалъ на выучку. Пепе будетъ отданъ къ m-me Гра, живущей въ улицѣ Ортисъ и берущей на пансіонъ дѣтей моложе десяти лѣтъ за сорокъ франковъ въ мѣсяцъ. Дениза заявила, что она можетъ уплатить за первый мѣсяцъ. Оставалось, слѣ-

довательно, помѣстить ее; но ей легко будетъ найти мѣсто въ томъ-же кварталѣ.

— Кажется Винсаръ искалъ продавщицу, замѣтила Женевьева.

— А, въ самомъ дѣлѣ! вскрикнулъ Бодю. — Мы зайдемъ къ нему послѣ завтрака. Нужно ковать желѣзо, пока горячо.

Ни одинъ покупатель не нарушилъ своимъ посѣщеніемъ этой семейной бесѣды. Лавка оставалась пустой и мрачной. Въ глубинѣ ея два прикащика и дѣвушка продолжали складывать фланель, о чемъ-то перешептываясь.

Наконецъ, въ лавку вошли три дамы, и Дениза на минуту осталась одна. Она поцѣловала Пепе и съ трепетомъ прижала его къ сердцу, вспоминая о близкой разлукѣ. Ребенокъ ласкался къ ней, не произнося ни слова. Жанъ стоялъ у порога и засмотрѣлся на шумную жизнь парижскаго тротуара, заглядывая въ лицо и улыбаясь идущимъ мимо хорошенькимъ женщинамъ.

Въ десять часовъ появилась горничная. Обыкновенно, въ этотъ часъ завтракали Бодю, Женевьева и старшій прикащикъ. Въ одиннадцать часовъ столъ накрывался во-второй разъ для m-me Бодю, младшаго прикащика и дѣвушки.

Когда все успѣлись за столъ въ помѣщавшейся за лавкою тѣсной столовой, Бодю крикнулъ запоздавшему приказчику:

— Коломбанъ!

Молодой человекъ извинился, ссылаясь на то, что ему нужно было привести въ порядокъ фланель. Это былъ коренастый двадцатипятилѣтній парень съ толстымъ честнымъ лицомъ и хитрыми глазами.

— Кой чортъ! На все есть время, говорилъ Бодю, аккуратно разрѣзывая тонкіе ломти холодной телятины.

Дениза посадила возлѣ себя Пепе. Ей было неловко и душно въ этой тѣсной столовой послѣ просторныхъ комнатъ провинціи. Единственное окно выходило на грязный, вонючій дворъ, напоминавшій колодезь, куда попадала только узкая полоса дневного свѣта. Въ пасмурные дни газъ горѣлъ въ столовой съ утра до вечера; а въ ясную погоду, когда не зажгали газу, въ столовой было еще мрачнѣй, и Денизѣ понадобилось нѣсколько секундъ, чтобы привыкнуть различать предметы.

— Славный аппетитъ у этого молодца, замѣтилъ Бодю,

когда Жанъ съѣлъ свой кусокъ телятины. — Если онъ также усердно работаетъ, изъ него выйдетъ дѣльный малый... А скажи-ка мнѣ, отчего ты не вышла замужъ въ Во лонѣ?

Дениза опустила поднесенный ко рту стаканъ.

— О! дядя, какъ можно! Мнѣ замужъ?.. А дѣти?

Она даже засмѣялась, до того эта мысль показалась ей странной. Притомъ, кто польстится на нее, некрасивую, тщедушную и безъ гроша приданнаго? Нѣтъ, она никогда не пойдетъ замужъ, съ нея довольно и этихъ двухъ дѣтей.

— Напрасно, сказалъ дядя; — всякой женщинѣ нуженъ мужъ. Если-бы ты нашла хорошаго парня, тебѣ не пришлось-бы тащиться съ братьями по Парижу.

Онъ остановился, чтобы съ той-же аккуратностью подѣлать поданное блюдо картофеля.

— Вотъ эта парочка, прибавилъ онъ, указывая ложкой на Женевьеву и Коломбана; — если дѣла поправятся, весною будетъ повѣнчана.

Таковъ былъ патріархальный обычай дома. Основатель его, Аристидъ Фине, выдалъ свою дочь Дезире за старшаго прикащика, Ошкорна; Бодю, прибывшій въ улицу Мишодьеръ съ семью франками въ карманѣ, женился на дочери Ошкорна, Елизаветѣ, а теперь, въ свою очередь, выдавалъ дочь, Женевьеву, за старшаго прикащика, Коломбана. Если онъ уже три года откладываетъ свадьбу, то только изъ коммерческой щепетильности; онъ получилъ лавку въ блестящемъ состояніи и не хотѣлъ передавать ее своему зятю въ состояніи упадка.

Бодю представилъ Коломбана, который былъ родомъ изъ Рамбуйе, и приходился ему дальнимъ родственникомъ. Отличный работникъ, вполнѣ заслуживающій ожидающей его награды. Отецъ его — извѣстный въ цѣломъ департаментѣ Сены и-Оазы ветеринаръ Коломанъ, талантливый человѣкъ, но большой кутила, прогулявшій все состояніе.

— Благодаря Бога, сказалъ въ заключеніе Бодю; — если отецъ прокутилъ все съ дѣвченками, то сынъ научился у насъ цѣнить деньги.

Пока онъ говорилъ, Дениза присматривалась къ молодымъ людямъ, спокойно сидѣвшимъ другъ возлѣ друга, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія. Со дня своего вступленія въ лавку, молодой человѣкъ сталъ рассчитывать на этотъ бракъ, терпѣливо проходилъ всѣ ступени службы, вель крайне

аккуратную жизнь и смотрѣлъ на союзъ съ Женевьевою, какъ на выгодную и вполне благородную сдѣлку. Молодая дѣвушка, незамѣтно для себя, привязалась къ нему со всей страстью своей глубокой и сдержанной натуры, замкнутой въ тѣсныхъ рамкахъ монотонной будничной жизни. Эта любовь возникла и развивалась въ сыромъ и темномъ рѣ-де-шоссе стараго квартала. Десять лѣтъ подрядъ она видѣла только его, проводила съ нимъ цѣлые дни въ полумракѣ заваленной товаромъ лавки, два раза въ день встрѣчалась съ нимъ за тѣмъ-же столомъ. Она привыкла къ нему, видѣла въ немъ суженаго и спокойно ждала неизбѣжнаго союза; и только охватывавшее ее по временамъ безпокойное чувство ревности подсказывало ей, что она привязалась къ нему всѣмъ существомъ.

Но Денизъ показалось, что во взглядахъ, которые Женевьева украдкой кидала на Коломбана, сквозить затаенная тревога.

— Что-жь, замѣтила она, чтобы что-нибудь сказать,—если любишь и есть возможность—тогда другое дѣло.

Бодю продолжалъ важно заправлять завтракомъ. Онъ роздалъ всѣмъ по маленькому куску сыра и потребовалъ второго десерта — банку варенья, чѣмъ, повидимому, привелъ въ немалое изумленіе Коломбана. Спокойный до сихъ поръ Пепе оживился при видѣ варенья. Жанъ внимательно присматривался къ кузинѣ и находилъ ее слишкомъ блѣдной и вялой.

— Ну, довольно болтать, — надо уступить мѣсто и другимъ, сказалъ Бодю, вставая изъ-за стола.

За освободившимся столомъ усѣлись теперь m-me Бодю, второй прикащикъ и дѣвушка. Дениза осталась одна и усѣлась у дверей лавки, въ ожиданіи дяди, общавшаго свести ее къ Винсару. Пепе игралъ у ея ногъ, а Жанъ по-прежнему занялъ наблюдательный постъ у порога. Отъ времени-до-времени въ лавку заглядывалъ покупатель. Въ ней по-прежнему царилъ угрюмый полумракъ и затхлый запахъ старой неприхотливой комерціи.

Сквозь раскрытую дверь виднѣлись сверкающія витрины «Bonheur des Dames» въ полномъ разгарѣ торговли. Глядѣвшей на него Денизъ казалось, что передъ нею дѣйствуетъ гигантская пущенная на всѣхъ парахъ машина. Это уже были не тѣ холодныя витрины, которыми она любовалась утромъ.

Теперь онѣ колыхались и жили, согрѣты дѣйствіемъ пробудившейся за ними жизни. Толпы женщинъ волновались, тѣснились и толкали другъ друга, жадно поглядывая на разставленные приманки. Даже товары, казалось, ожили, заволновались и зазывали къ себѣ покупателей, а богатое бархатное пальто красовалось точно на живыхъ плечахъ манекена, вдохнувшего въ себя внутреннюю жизнь магазина.

Съ самаго утра Дениза испытывала какое-то искушеніе. Этотъ грандіозный магазинъ манилъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ какой-то смутный, непреодолимый страхъ. Сырая и мрачная лавка дяди Бодю вызывала въ ней чувство нервнаго отвращенія. Всѣ связанная съ этимъ подваломъ ощущенія дня— и инстинктивный страхъ при входѣ, и нерадушный приемъ, и сумрачныя полинявшія лица родственниковъ, вся эта угрюмая и затхлая обстановка возбуждали въ ней протестъ и толкали къ жизни и свѣту. Глаза ее невольно устремлялись на «Bonheur des Dames».

— Сколько тамъ народу! маминально произнесла она, но тотчасъ пожалѣла, такъ какъ возлѣ нея стоялъ Бодю. Мертвенно-блѣдная м-ше Бодю неподвижно устремила на чудовище свои бѣлые глаза, полные нѣмого отчаянія, а Женестьева съ возрастающимъ безнокойствомъ слѣдила за Коломбаномъ, который, ничего не подозревая, изъ-подтишка поглядывалъ сквозь витрины антресолей на продавщицу готоваго платья.

— Не все то золото, что блеститъ. Терпѣніе! произнесъ позеленѣвшій отъ злости Бодю.

Но боясь разразиться, онъ стиснулъ зубы и отвернулся отъ раздражающаго зрѣлища.

— Ну, обратился онъ къ Денизѣ, — пойдѣмъ теперь къ Винсару. Мѣста берутся нарасхватъ, — завтра, быть можетъ, ужъ будетъ поздно.

Но прежде, чѣмъ уйти, онъ велѣлъ младшему прикащику съѣздить на вокзалъ за вещами Денизы. Въ свою очередь, м-ше Бодю обѣщала воспользоваться временемъ, чтобы сходить къ м-ше Гра и поговорить насчетъ Пепе. Жанъ обѣщаль сестрѣ не отходить отъ лавки.

— Всего двѣ минуты ходьбы, объяснял Бодю, переходя съ племянницей площадь Gaillon. У Винсара специальная лавка шелковыхъ матерій, въ которой онъ зашибаетъ пока деньгу. О! ему тоже приходится подчасъ трудно, какъ и всѣмъ,

но онъ тонкая бестія и умѣетъ сводить концы съ концами... Говорятъ, впрочемъ, что онъ оставляетъ торговлю изъ-за ревматизма.

Магазинъ помѣщался въ улицѣ Neuve-des-Petits-Champs, возлѣ пассажа Шоазель. Это была небольшая, но очень чистая и свѣтлая лавка, отдѣланная въ новѣйшемъ вкусѣ.

Они застали Винсара за горячей бесѣдой съ двумя знакомыми.

— Не беспокойтесь, крикнулъ Бодю. Намъ не къ спѣху, мы подождемъ.

И, отойдя изъ скромности къ двери, онъ шепнулъ племянницѣ:

— Тотъ худощавый—помощникъ завѣдующаго отдѣленіемъ шелковъ въ «Bonheur des Dames», а толстякъ—шелковый фабрикантъ изъ Ліона.

По отрывочнымъ фразамъ, Дениза поняла, что Винсаръ старается сбыть свою лавку, Робино, прикащику изъ «Bonheur des Dames». Онъ разсыпался и божился съ развязностью человѣка, для котораго клятва—плевое дѣло. По его словамъ, лавка его—золотое дно; несмотря на цвѣтущую наружность, онъ жаловался на проклятую болѣзнь, которая заставляетъ его оставить торговлю и отказаться отъ барышей. Но первый и подозрительный Робино поминутно прерывалъ его: онъ указывалъ на кризисъ, переживаемый въ эту минуту торговлей, ссылаясь на раззорившійся шелковый магазинъ по содѣйствию съ «Bonheur des Dames».

Винсаръ горячился, повышалъ голосъ:

— Помидуйте! Раззореніе этого простофіли Вабра было неизбежно. Его раззорила жена... Притомъ—мы на разстояніи пятисотъ метровъ отъ «Bonheur», а онъ находился у него подъ бокомъ.

Затѣмъ вмѣшался Гожанъ, шелковый фабрикантъ. Снова заговорили шепотомъ. Онъ обвинялъ большіе магазины въ томъ, что они убиваютъ французскую промышленность; три-четыре такихъ магазина деспотически царятъ надъ рынкомъ и предписываютъ ему условія. Единственный способъ, утверждалъ онъ, оказать имъ противодѣйствіе,—состоитъ въ поддержкѣ мелкой и преимущественно спеціальной торговли, которой, по его мнѣнію, принадлежитъ будущее. На этомъ основаніи онъ предлагалъ Робино обширный кредитъ.

— Посмотрите, какъ обходится съ вами «Bonheur des Dames», говорилъ онъ Робино. Никакого уваженія къ оказаннымъ услугамъ. Настоящая машина, эксплуатирующая весь міръ!.. Съ какихъ поръ вамъ обѣщана была должность завѣдующаго отдѣломъ, а подвернулся ничѣмъ не отличившійся Бутмонъ,—и мѣсто отдано ему.

Робино еще не забылъ этой обиды. Но онъ все еще не могъ рѣшиться начать самостоятельную торговлю, ссылаясь на то, что деньги принадлежать не ему, а женѣ. Ей досталось по наслѣдству шестьдесятъ тысячъ; но онъ боится трогать эти деньги и готовъ скорѣе отрѣзать себѣ обѣ руки, чѣмъ помѣстить ихъ въ сомнительное предпріятіе.

— Нѣтъ, я еще не рѣшилъ, сказалъ онъ въ заключеніе.— Дайте мнѣ подумать, мы еще потолкуемъ.

— Какъ хотите, добродушно говорилъ Винсаръ, стараюсь скрыть свое неудовольствіе.—Мнѣ нечего снѣшить...

— Къ вашимъ услугамъ, обратился онъ къ Бодю.

Послѣдній представилъ ему племянницу, рассказалъ что считалъ нужнымъ изъ ея жизни, прибавивши, что она два года прослужила въ модномъ магазинѣ въ провинціи.

— Мнѣ говорили, что вы ищете хорошую продавщицу...

Винсаръ сталъ разсыпаться въ соболѣзнованіяхъ.

— Какая жалость! Я дѣйствительно цѣлую недѣлю искалъ продавщицу, но не больше какъ два часа тому назадъ напелъ.

Наступило молчаніе. Дениза растерялась. Тогда вмѣшался Робино, заинтересованный, повидимому, скромнымъ и растеряннымъ видомъ дѣвушки.

— У насъ въ отдѣленіи готоваго платья нуждаются въ продавщицахъ.

— У васъ? Ну, нѣтъ, какъ-бы не такъ! вырвалось у Бодю прямо изъ сердца.

— Почему-же нѣтъ? спросилъ удивленный Робино.—Это было-бы очень выгодно для mademoiselle... Я совѣтую ей явиться завтра къ m-me Аврели, начальницѣ отдѣла. Въ худшемъ случаѣ—ей только могутъ отказать.

Чтобы скрыть негодованіе, дядя пустился въ общія фразы; онъ прекрасно знаетъ m-me Аврели, или вѣрнѣе ея мужа, Ломма, состоящаго кассиромъ въ «Bonheur», толстяка, которому omnibusъ переломилъ правую руку...

— Впрочемъ, прибавилъ онъ, указывая на Денизу, — это ея дѣло, а не мое... Она свободна поступать куда хочетъ.

Онъ вышелъ, поклонившись Гожану и Робино. Винсаръ проводилъ его до дверей, разсыпаясь въ сожалѣнiяхъ. Оробѣвшая дѣвушка стояла посреди лавки, не смѣя спросить у Робино болѣе подробныхъ указанiй.

— Благодарю васъ, сударь, сказала она, наконецъ, и, поклонившись, вышла.

Бодю шелъ быстро и не заговаривалъ съ племянницей. Уже въ улицѣ Мишодьеръ, въ ту минуту, когда онъ подходилъ къ дому, его позвалъ сосѣднiй лавочникъ. Дениза осталась на улицѣ.

— Въ чемъ дѣло, дядя Бурра? спросилъ Бодю.

Это былъ высокiй старикъ съ лицомъ библейскаго патрiарха, большой бородой и суровымъ пронизывающимъ взглядомъ изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей. Онъ продавалъ зонтики и трости, дѣлалъ починки, и вырѣзывалъ изъ дерева и кости ручки и набалдашники, чѣмъ прiобрѣлъ въ околоскѣ репутацію артиста. Дениза взглянула на лавку, гдѣ за витриной правильными рядами разставлены были зонтики и трости. Ее поразило это маленькое двухэтажное зданiе, съ провалившейся аспидной крышей и почернѣвшимъ фасадомъ, точно стиснутое между зданiемъ «Bonheur des Dames», съ одной стороны, и огромнымъ домомъ въ стилѣ Louis XIV—съ другой.

— Знаете, онъ предложилъ домовому хозяину купить этотъ домъ? сказалъ Бурра, устремивъ на суконнаго торговца свой пронизывающiй взглядъ.

Бодю только пожалъ плечами.

— Надо быть готовымъ ко всему, пробормоталъ онъ.

Но Бурра гнѣвно замоталъ головою.

— Пусть покупаетъ домъ, онъ заплатитъ втрое дороже его стоимости! Но клянусь вамъ, пока я живъ, онъ не получитъ его! Срокъ моему контракту черезъ двѣнадцать лѣтъ. Мы еще увидимъ!

Въ этихъ словахъ слышалось объявленiе войны.

Онъ грозно посмотрѣлъ на «Bonheur des Dames». Бодю молча покачалъ головою и перешелъ улицу.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! произнесъ онъ.

Слышавшая весь разговоръ Дениза послѣдовала за дядей. Madame Бодю уже вернулась и сообщила, что m-me Гра готова

принять мальчика во всякое время. Но Дениза съ испугомъ замѣтила, что Жанъ куда-то исчезъ. Когда онъ вернулся и восторженно заговорилъ о бульварахъ, она посмотрѣла на него съ такимъ грустнымъ укоромъ, что онъ покраснѣлъ. Сундукъ былъ привезенъ, и сиротамъ отведено мѣсто для ночлега на чердакѣ.

— Кстати, что сказалъ Винсаръ? спросила m-me Бодю.

Мужъ рассказалъ о неудачѣ, присовокупивъ, что племянницѣ предложили другое мѣсто. И указавъ рукой на «Bonheur des Dames», онъ презрительно произнесъ:

— Вотъ тамъ!

Въ пять часовъ накрытъ былъ первый столъ, за которымъ сѣли Дениза съ братьями, Бодю, Женевьева и Коломбанъ. Столовая, пропитанная запахомъ кушанья, освѣщалась газовымъ рожкомъ. Обѣдъ шелъ молча, но за десертомъ вошла m-me Бодю, усѣлась за спиной племянницы, и сразу завязался оживленный разговоръ.

— Это твое дѣло, ты свободна, повторялъ Бодю.—Мы не намѣрены вліять на твой выборъ... Но, еслибы ты только знала, что это за домъ...

Въ отрывистыхъ фразахъ онъ рассказалъ исторію Октава Мурр. Малый, которому счастье такъ и валить! Прилетѣлъ въ Парижъ съ юга съ отвагой ловкаго авантюриста и на другой-же день началъ рядъ любовныхъ приключеній и эксплуатацію женщинъ, рядъ скандальныхъ исторій, о которыхъ до сихъ поръ говорятъ въ окологдѣ. Затѣмъ внезапная и необъяснимая побѣда надъ m-me Гедуэнъ, которая передала ему «Bonheur des Dames».

— Бѣдная Каролина! прервала m-me Бодю. Она мнѣ нѣсколько сродни. Ахъ! если-бы она была жива, дѣло пошло-бы нѣсколько иначе. Она не позволила-бы насъ губить...Вѣдь онъ-то ее и убилъ. Да, своими постройками! Однажды, осматривая работы, она свалилась въ яму, а три дня спустя— умерла. Такая здоровая, красивая!.. Стѣны этого дома обогрѣны ея кровью.

Блѣдной и дрожащей рукой она указала въ сторону ненавистнаго магазина. Дениза, слушавшая, какъ слушаютъ волшебную сказку, слегка вздрогнула. Быть можетъ, подумала она, овладѣвшій ею съ утра смутный страхъ къ этому ма-

газину происходить отъ крови этой женщины, мученической образъ которой мерещился теперь ея воображенію.

— Можно подумать, что это принесло ему счастье, прибавила м-те Бодю, не называя Мурэ по имени.

Но мужъ пожалъ плечами въ знакъ презрѣнія къ этимъ бабыимъ сказкамъ. Онъ продолжалъ разсказъ, объясняя коммерческую сторону дѣла; «Bonheur des Dames» основанъ въ 1822 г. братьями Делезъ. Послѣ смерти старшаго брата дочь его, Каролина, вышла замужъ за фабриканта полотень, Шарля Гедуэнъ; а послѣ смерти мужа, вторично вышла замужъ за Мурэ. Такъ какъ дядя умеръ бездѣтнымъ, то весь магазинъ перешелъ къ Каролинѣ, по смерти которой единственнымъ наследникомъ и обладателемъ «Bonheur des Dames» сдѣлался Мурэ. Этакое счастье!..

— Фантазеръ, опасный мечтатель, который перевернетъ верхъ дномъ весь кварталъ, если только ему дать волю! продолжала Бодю.—Мнѣ сдается, что онъ увлекъ нѣсколько романтическую Каролину именно своими грандіозными проектами... Словомъ, онъ убѣдилъ ее купить два боковыя зданія, а послѣ ея смерти купилъ другія два; такъ что магазинъ все растетъ, растетъ и угрожаетъ скоро пожрать всѣхъ насъ.

Онъ обращался къ Денизѣ, но говорилъ для собственнаго удовольствія, въ сотый разъ повторяя ту-же исторію. М-те Бодю молча и неподвижно сидѣла на стулѣ; Женевьева и Коломбанъ, опустивъ головы, разсѣяннo мѣли хлѣбную мякоть; Пепе уснулъ, а у Жанна слипались глаза.

— Терпѣніе! началъ Бодю, поддаваясь приливу злобы. Эти дѣльцы свернутъ себѣ когда-нибудь шею. Да, честные люди въ концѣ концовъ возьмутъ верхъ надъ канальями,—имъ нужно сложить руки и ждать конечной катастрофы!.. Мурэ переживаетъ теперь кризисъ—я это знаю. Онъ вынужденъ былъ затратить всѣ свои барыши на безумныя постройки и рекламы. Чтобы добыть денегъ, онъ уговорилъ всѣхъ своихъ прикащиковъ помѣстить къ нему свои сбереженія. Теперь онъ безъ гроша, и если не произойдетъ чуда, если распродажа не устроится, какъ онъ рассчитываетъ,—то вы увидите какой катастрофой все это завершится!—Ахъ! я не золь, но въ этотъ день, я устрою иллюминацію, честное слово!

Онъ продолжалъ въ томъ-же злобномъ тонѣ. Можно было подумать, что паденіе «Bonheur des Dames» возстановить по-

пранную честь торговли. Гдѣ это видано? Модный магазинъ, въ которомъ продается все, что вамъ угодно! Значить это базаръ! А составъ служащихъ — тоже хорошъ! Толпа шалопаевъ, обращающихся съ товаромъ и съ покупателемъ, какъ со связкой стараго хлама, покидающихъ хозяина и выгоняемыхъ имъ изъ-за пустого слова! Люди безъ привязанностей, безъ нравственности, безъ всякаго понятія о дѣлѣ! Онъ привелъ въ свидѣтели Коломбана: онъ, Коломбанъ, воспитанный въ хорошей школѣ, знаетъ, какъ постепенно и медленно приобрѣтается ловкость и сноровка въ ремеслѣ. Искусство не въ томъ, чтобы сбыть побольше, а въ томъ, чтобы продать хорошо. Онъ можетъ рассказать, какъ съ нимъ обходились, какъ его сдѣлали членомъ семьи, какъ о немъ заботились, чистили, чинили, какъ его любили, наконецъ!

— Еще-бы! приносилъ Коломбанъ послѣ cadaго возгласа хозяина.

— Ты послѣдній, мой милый, закончилъ разнѣжившійся Бодю.—Послѣ тебя такихъ больше не будетъ... Ты мое единственное утѣшеніе, такъ какъ если этакую базарную толкотню называютъ теперь коммерціей, то я ничего въ ней не смыслю и предпочитаю удалиться.

Склонивъ голову на одно плечо, точно подъ тяжестью густой косы, Женевьева внимательно слѣдила за улыбающимся женихомъ, и въ ея лицѣ сквозило подозрѣніе. Но, какъ малый, прошедшій трудную школу торговли, онъ хранилъ добродушно-спокойное выраженіе, съ легкой лукавой улыбкой на губахъ.

Бодю, между тѣмъ не переставалъ горланить и обвинять эту ярмарку напротивъ, этихъ тѣснящихъ и давящихъ другъ друга дикарей въ разрушеніи семьи. И онъ приводилъ въ примѣръ своихъ деревенскихъ сосѣдей, Ломмовъ; отецъ, мать и сынъ проводятъ все время на этой ярмаркѣ за конторкой, никогда не видятся, обѣдаютъ дома только по воскресеньямъ, словомъ, ведутъ жизнь трактира и табль-дота. Правда, ея столовая не велика, можно даже пожелать ей больше свѣта и воздуха; но по крайней мѣрѣ—въ ней центръ его жизни, въ ней онъ живетъ среди своихъ. Говоря это, онъ обвелъ глазами тѣсную столовую, и имъ вдругъ овладѣлъ страхъ при мысли, что эти дикари, одержавъ, наконецъ, побѣду, завладѣютъ его домомъ и разрушатъ это гнѣздо, въ которомъ такъ тепло возлѣ жены и дочери. Не смотря на разглаголь-

ствования о неминуемой гибели негодяевъ, въ глубинѣ души онъ чувствовалъ тайный страхъ передъ его побѣдоноснымъ шествіемъ.

— Я говорю это не для того, чтобы вызвать въ тебѣ отвращеніе, обратился онъ къ Денизѣ, стараясь успокоиться. — Если тебѣ выгодно будетъ поступить туда, я первый скажу: поступай.

— Я вѣрю вамъ, дядя, отвѣчала Дениза, въ которой всѣ филиппики дяди подстрекали только любопытство и желаніе поступить въ «Bonheur des Dames».

Онъ облокотился на столъ и устремилъ на нее глаза.

— Ну, подумай, есть-ли какой-нибудь смыслъ въ томъ, что модный магазинъ беретъ на себя продажу всякой всячины. Прежде, когда комерція уважала свое достоинство, модные магазины торговали только тканями. Теперь они стремятся вытѣснить сосѣда и поглотить все... Вотъ на что жалуются весь кварталъ, гдѣ мелкія лавки терпятъ ударъ за ударомъ. Мурэ ихъ раззоряетъ... Напримѣръ, Бедорэ съ сестрой, чулочные торговцы на площади Gaillon, потеряли уже половину покупателей. М-ле Татенъ, продавщица бѣлья въ пассажѣ Шоазель, вынуждена была сильно понизить цѣны, чтобы выдержать конкуренцію. Дѣйствіе этой опустошительной язвы распространяется даже до улицы Neuve-des-Petits-Champs, гдѣ братья Ванпуиль, мѣховщики, уже не въ силахъ конкурировать... А? Аршинники, продающіе мѣха, забавно! Тоже затѣя Мурэ!

— А перчатки, замѣтила m-me Бодю. — Не безобразіе-ли это? Онъ осмѣлился открыть у себя отдѣлъ перчатокъ... Вчера, проходя по улицѣ Neuve-Saint Augustin, я встрѣтила Кинета такимъ печальнымъ и унылымъ, что не рѣшилась даже спросить его: какъ дѣла... Бѣдняга Кинетъ, скоро ему останется только чистка перчатокъ.

— А зонтики? продолжалъ Бодю. — Это верхъ безобразія! Бурра увѣренъ, что Мурэ затѣялъ ихъ, чтобы его подкузьмить. И въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть отношеніе между зонтиками и тканями?.. Но Бурра силенъ, онъ не дастъ себя въ обиду. О! мы еще посмѣемся на этихъ дняхъ!

Онъ говорилъ о другихъ торговцахъ, перебралъ весь кварталъ. Если даже самъ Винсаръ сбываетъ свою лавку, то слѣдуетъ убираться всѣмъ, ибо Винсаръ, какъ крыса, покидаетъ

домъ передъ гибелью. Но тутъ-же впадалъ въ противорѣчiе, предлагалъ союзъ мелкихъ торговцевъ для противодѣйствiя колоссу. Долго онъ не рѣшался заговорить о себѣ; что-то точно сдавливало его горло. Но, наконецъ, рѣшился.

— Что касается меня, то до сихъ поръ я не могу еще жаловаться. О! онъ и мнѣ повредилъ, мошенникъ! Но до сихъ поръ онъ продаетъ только дамскiя легкiя сукна и сукна на пальто. За мужскимъ сукномъ, за бархатомъ, за ливрейнымъ сукномъ публика идетъ ко мнѣ, не говоря уже о фланели и мультонѣ, которыхъ у меня лучшей выборъ... Но онъ старается дразнить меня, выводитъ изъ себя, помѣстивши суконный отдѣлъ напротивъ. Ты видѣла его выставку противъ моей лавки? Нарядные костюмы окружены кусками суконъ. Настоящая ярмарка! Честное слово, мнѣ стыдно было-бы прибѣгать къ такимъ средствамъ зазыванiя публики! «Старый Эльбефъ» существуетъ и извѣстенъ публикѣ уже сто лѣтъ и не нуждается въ такихъ фокусахъ. Пока я живъ, моя лавка останется такой, какой я ее получилъ, съ четырьмя образчиками сукна за обѣими витринами—не больше!

Волненiе охватило всю семью. Послѣ кратковременнаго молчанiя, позволила себѣ вмѣшаться и Женевьева.

— Наши клiенты любятъ насъ, папа. Нужно не терять надежды... Еще сегодня приходили м-ше Дефоржъ и м-ше де-Бовъ. Я жду м-ше Марти за фланелью.

— Я, заявилъ Коломбанъ, получилъ вчера заказъ отъ м-ше Бурдэ.—Правда, она говорила мнѣ объ англiйскомъ трико, который тамъ, напротивъ, на десять су дешевле.

— Подумать только, сказала м-ше Бодю своимъ усталымъ голосомъ, что мы видѣли этотъ магазинъ величиной съ носовой платокъ! Серьезно, милая моя, когда основалъ его Делезъ, онъ имѣлъ одну только витрину, выходившую на улицу Neuve-Saint-Augustin. Негдѣ было повернуться, до того лавка была тѣсна. «Старый Эльбефъ», существовавшiй уже 60 лѣтъ, былъ и тогда такимъ, какимъ ты видишь его теперь... Ахъ, какъ все измѣнилось!..

Она покачала головой; въ ея словахъ сказывалась драма ея жизни. Она родилась въ этомъ самомъ «Старомъ Эльбефѣ» и любила въ немъ все, даже его сырыя стѣны, жила имъ и для него. Гордая когда-то величиемъ этого дома, самаго солиднаго и богатаго въ цѣломъ кварталѣ, она съ безпокойствомъ и

болью слѣдила за возрастающимъ могуществомъ и великолѣпиемъ молодого сосѣда напротивъ, становившагося съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опаснымъ соперникомъ. Она страдала за униженное достоинство дорогого «Стараго Эльбефа», умирала сама по мѣрѣ его упадка и чувствовала, что не переживетъ момента его закрытія.

Царило общее молчаніе. Бодю барабанилъ пальцемъ по столу. Онъ чувствовалъ усталость и почти сожалѣлъ, что позволилъ себѣ лишній разъ высказаться. Подъ впечатлѣніемъ его рѣчей вся семья сидѣла въ какомъ-то подавленномъ уныніи. Никогда имъ не везло счастье! Только-что окончено было воспитаніе дѣтей,—подступила раззорительная конкуренція. Затѣмъ, эта несчастная покупка дома въ Рамбуйѣ; на него ушли послѣднія сбереженія, онъ нуждается въ постоянныхъ поправкахъ и не приноситъ дохода.

— Однако, спохватился онъ,—надо дать мѣсто другимъ... Все это бесполезныя слова!.. А ты, обратился онъ къ Денизѣ,—поступай какъ знаешь. Мы знакомимъ тебя только съ положеніемъ, а дальше—твое дѣло.

Онъ не сводилъ съ нея глазъ, ожидая рѣшительнаго отвѣта.

— Мы увидимъ, дядя, скромно отвѣчала дѣвушка, въ которой всѣ эти жалобы дяди еще больше разожгли интересъ къ «Bonheur des Dames».

Ссылаясь на усталость, она собралась идти спать, но пробило только шесть часовъ, и ее потянуло на улицу: Ужь было темно. Мелкій дождь падалъ съ самаго заката; по улицамъ текли ручьи, а тротуары покрылись жидкой грязью и лужами. Во всѣ стороны спѣшили черныя тѣни укрывшихся подъ зонтики прохожихъ. Съ улицы обдавало сыростью и грязью стараго квартала.

А напротивъ «Bonheur des Dames» въ полномъ разгарѣ дѣятельности сверкалъ подъ тысячью газовыхъ рожковъ. Дениза не устояла противъ соблазна и подошла къ самой двери. Толпа покупателей мало-по-малу расходилась; прислуга суетливо бѣгала взадъ и впередъ, прикащики складывали разбросанные товары, кассиры считали выручку. Магазинъ былъ полонъ шума, свѣта и дѣятельности и представлялся ей воображенію средоточіемъ этого огромнаго и невѣдомаго ей Парижа. Онъ окончательно покорилъ ее. Она представляла уже себя въ немъ, работающей среди его кипучей дѣятельности,

для воспитанія братьевъ, для осуществленія волновавшихъ ее смутныхъ мечтаній о счастья, — она связывала съ нимъ все свое будущее. Ей представился вдругъ образъ мертвой женщины, кровью которой запятнаны стѣны этого зданія, и ей стало страшно...

— Это Бурра! произнесъ за ея спиною чей-то голосъ.

Она обернулась. Противъ витрины съ искусно расположенными зонтиками стоялъ старикъ съ лицомъ библейскаго патріарха и, пользуясь темнотою, засматрѣлся на эту торжествующую выставку.

— Бѣдняга! произнесъ тотъ-же голосъ.

На этотъ разъ Дениза узнала семью Бодю, которую потянуло сюда какое-то мучительное любопытство, какая-то неодолимая потребность самоотерзанія. Женевьева, убѣдившаяся, что Коломбанъ посматриваетъ на мелькавшія за витринами тѣни продавщицъ, была блѣдна, какъ полотно; Бодю старался подавить разбиравшую его злобу; m-me Бодю едва удерживала подступавшія слезы.

— И такъ, ты завтра отправишься туда? спросилъ, наконецъ, дядя, чувствовавшій, что племянница поддается обаянію магазина.

— Да, дядя, если это васъ не очень огорчить, скромно отвѣтила она послѣ минутнаго колебанія.

Г л а в а II.

Въ семь часовъ утра, на другой день, Дениза уже стояла передъ «Bonheur des Dames», желая попытаться здѣсь свое счастье раньше, чѣмъ отведетъ Жана къ его новому хозяину, который жилъ въ концѣ фобурга Temple. Но она явилась слишкомъ рано; прикащики только-что начинали собираться; боясь сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ, она отошла и шагала по площади Gaillon.

Холодный вѣтеръ успѣлъ уже высунуть мостовую отъ вчерашней сырости и грязи. Съ прилежащихъ улицъ, освѣщенныхъ тусклымъ свѣтомъ начинающагося осенняго дня, къ магазину направлялась толпа прикащиковъ. Одни спѣшили и, не заговаривая съ товарищами, быстро вбѣгали въ магазинъ; другіе останавливались, разговаривали, смѣялись, докуривали папиросы.

Проходя мимо ходившей взадъ и впередъ дѣвушки, многіе заглядывали ей въ лицо. Скопфуженная и оробѣвшая Дениза не рѣшилась слѣдовать за толпой и предпочла выждать.

Подойдя во второй разъ къ магазину, она застала у дверей блѣднаго и неуклюжаго молодца, который, повидимому, тоже чего-то ждалъ.

— Mademoiselle, робко пробормоталъ онъ; — позвольте узнать, вы не продавщица-ли въ этомъ магазинѣ?

Испуганная неожиданнымъ вопросомъ незнакомаго чело-вѣка, она не отвѣчала.

— Дѣло въ томъ, началъ онъ, заикаясь, — что я хотѣлъ-бы узнать, не нуждаются-ли здѣсь въ моихъ услугахъ. Не можете-ли вы мнѣ сдѣлать указаній?

— Я сама, сударь, ничего не знаю, отвѣтила она, наконецъ. — Я сама пришла за тѣмъ-же.

— А! Вотъ какъ! произнесъ юноша.

Оба покраснѣли и, не рѣшаясь произнести больше ни слова, сконфуженно отошли въ разныя стороны.

Прикащики продолжали сходиться; проходя мимо дѣвушки, они засматривали ей въ лицо и отпускали шутки. Каждую минуту ея замѣшательство возрастало и она готова была уже уйти, когда замѣтила молодого чело-вѣка, быстро шедшаго по улицѣ Port-Mahon. По тому, какъ кланялись ему всѣ прикащики, она заключила, что это начальникъ отдѣла. Это былъ высокій, свѣжій мужчина, съ старательно причесанной боро-дой. Поровнявшись съ дѣвушкой, онъ посмотрѣлъ на нее мягкимъ бархатнымъ взглядомъ своихъ золотистыхъ глазъ и, не останавливаясь, вошелъ въ магазинъ.

Ей почему-то стало такъ неловко и страшно отъ этого взгляда, что, полная какого-то страннаго волненія, она маши-нально направилась по площади, а оттуда вдоль улицы Saint-Roch.

Но это былъ не начальникъ отдѣла, а самъ Октавъ Мурэ. Онъ не спалъ эту ночь, такъ какъ послѣ бала у одного биржеваго агента отправился ужинать съ пріятелемъ и двумя театральными дѣвицами.

Наглухо застегнутое пальто скрывало бальный костюмъ и бѣлый галстухъ. Онъ быстро поднялся къ себѣ, умылся, переодѣлся, и когда вошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ за

письменный столъ, то казался такимъ свѣжимъ и бодрымъ точно только-что всталъ съ постели.

Единственнымъ украшеніемъ обширнаго кабинета, уставленнаго дубовой, обитой зеленымъ репсомъ мебелью, служилъ портретъ m-me Гедуэнь, той самой, о которой до сихъ поръ ходили легенды въ кварталѣ. Мурэ свято чтить память этой женщины, доставившей ему все его состояніе, и каждый разъ, возвращаясь съ весело проведенной ночи и садясь утромъ за работу, онъ посылалъ портрету жены привѣтливую улыбку счастливаго человѣка.

Раздался стукъ въ двери и, не дожидаясь отвѣта, въ комнату вошелъ высокій и худой мужчина, съ орлинымъ носомъ, тонкими губами и гладко причесанными волосами, въ которыхъ пробивались уже пряди сѣдыхъ волосъ. Мурэ поднялъ глаза, продолжая писать.

— Какъ вамъ спалось, Бурдониль?

— Прекрасно, благодарю васъ, отвѣчалъ вошедшій.

Сынъ бѣднаго фермера въ окрестностяхъ Лиможа, Бурдониль началъ свою карьеру въ «Bonheur des Dames» въ одно время съ Мурэ, когда магазинъ занималъ еще только уголь площади Gaillon. Очень способный и дѣятельный малый, онъ въ то время чуть-чуть не вытѣснилъ своего менѣе серьезнаго и взбалмошнаго товарища, имѣвшаго цѣлый рядъ скандальныхъ приключеній съ женщинами; но ему неоставало гениальности и страсти этого провансальца, его рѣшительности и побѣдоносной граціи. Притомъ съ первыхъ-же дней знакомства, онъ добровольно призналъ его преимущества и подчинился его вліянію. Когда Мурэ предложилъ своимъ коми помѣстить свои сбереженія въ предпріятіа магазина, Бурдониль первый подалъ примѣръ, довѣривъ ему даже неожиданно полученное послѣ тетки наслѣдство. Пройдя всѣ степени службы въ магазинѣ: продавца, второго прикащика, начальника отдѣла шековыхъ матерій, онъ мало-по-малу сдѣлался ближайшимъ помощникомъ патрона, наиболѣе вліятельнымъ совѣтникомъ, однимъ изъ шести пайщиковъ, составлявшихъ управленіе «Bonheur des Dames»,—нѣчто въ родѣ совѣта министровъ при абсолютномъ владыкѣ. Каждый изъ шести пайщиковъ завѣдывалъ отдѣльной отраслью, а на Бурдониль лежала обязанность общаго надзора.

— А вы, фамиллярно спросилъ онъ, — хорошо-ли вы спали?

Когда Мурэ отвѣтилъ, что вовсе не ложился, онъ укоризненно покачавъ головой, пробормоталъ:

— Плохая гигиена!

— Отчего? весело спросилъ Мурэ.—Я меньше усталъ, чѣмъ вы, мой милый. У васъ глаза опухли отъ сна, вы черезъ-чуръ степенны... Вамъ нужно развлечься—это освѣжитъ вамъ голову.

Это была ихъ обычная пріятельская пикировка. Прежде Бурдониль билъ своихъ любовницъ за то, какъ объяснялъ онъ, что они мѣшаютъ ему спать. Теперь онъ открыто исповѣдывалъ ненависть къ женщинамъ. И если имѣлъ кое-какія связи, то никогда не упоминалъ о нихъ, до того онѣ занимали мало мѣста въ его жизни; въ магазинѣ онъ довольствовался тѣмъ, что эксплуатировалъ покупательницъ, выражая презрѣніе къ ихъ страсти раззоряться на негодныя тряпки.

Мурэ, напротивъ, объявлялъ себя восторженнымъ поклонникомъ и почитателемъ женщинъ, постоянно увлекался и заводилъ все новыя связи, угождалъ имъ, ставилъ это угождение въ основу своей торговли, чтобы этимъ вѣрнѣе привлечь ихъ и легче держать въ своей власти.

— Я вчера видѣлъ м-ше Дефоржъ, сказалъ онъ. Она была прелестна на балу.

— Надѣюсь, вы не съ нею ужинали? замѣтилъ компаніонъ.

— О! какъ-бы не такъ! воскликнулъ Мурэ. Она порядочная женщина, мой милый... Нѣтъ, я ужиналъ съ Элоизой изъ «Folies». Глупа, какъ гусыня, но очень забавна.

Онъ взялъ новую связку векселей и продолжалъ подписывать. Бурдониль ходилъ по комнатѣ. Онъ подошелъ къ окну, взглянулъ на улицу Saint-Augustin, и снова вернулся къ столу.

— А вѣдь онѣ отмстятъ, сказалъ онъ.

— Кто это? спросилъ Мурэ.

— Да женщины.

Мурэ весело разсмѣялся, обнаруживая, что подъ вѣшнымъ обожаніемъ у него скрывается самый грубый расчетъ. Онъ презрительно пожалъ плечами, какъ-бы желая показать, что выбросить всѣхъ ихъ какъ пустыя мѣшки въ тотъ самый день, когда перестанетъ въ нихъ нуждаться.

— Онѣ отмстятъ за себя... упрямо повторялъ Бурдониль.

Найдется одна, которая сдумаетъ отмстить за всѣхъ—это неизбежно.

— Не бойсь! крикнулъ Мурэ усиленнымъ провансальскимъ акцентомъ.—Такая еще не родилась на свѣтъ, милѣйшій. А если-бы она и вздумала появиться, такъ...

Онъ поднялъ перо и замахнулся въ пространство, точно желая пронзить чье-то невидимое сердце. Компаніонъ снова зашагалъ по комнатѣ, уступая, по обыкновенію, превосходству патрона, увлеченія котораго приводили его часто въ отчаяніе.

Наступило молчаніе, прерываемое только скрипомъ пера Мурэ. Затѣмъ, на отрывистые вопросы Мурэ, Бурдониль давалъ ему отчетъ о приготовленіяхъ къ назначенной на слѣдующій понедѣльникъ выставкѣ зимнихъ товаровъ. Это была крупная и рискованная затѣя, въ которой они ставили на карту все состояніе, и сплетни околodka на этотъ счетъ имѣли свое основаніе. Мурэ, очертя голову, бросался въ спекуляцію, увлекаясь, какъ поэтъ, грандіозными планами. Въ этихъ планахъ сказывалась его страсть къ новизнѣ и широкая коммерческая фантазія, пугавшая когда-то m-me Гедуэнъ и теперь еще возбуждавшая безпокойство его осторожныхъ компаніоновъ. Всѣ въ тайнѣ упрекали патрона въ излишней поспѣшности и опрометчивости, обвиняли его въ рискованномъ расширеніи магазина, не будучи увѣренными въ соотвѣтствующемъ увеличеніи числа кліентовъ; ихъ пугала та смѣлость, съ которою онъ ставилъ на карту всѣ наличныя средства магазина и закупалъ огромное количество товара, не оставляя ни одного гроша въ запасѣ. Такъ и въ предстоящей выставкѣ товаровъ, послѣ огромныхъ затратъ на увеличеніе зданія, всѣ наличныя деньги ушли на колоссальную закупку товара. Но среди общаго недовѣрія и опасеній компаніоновъ, онъ сохранялъ торжествующую веселость, увѣренность въ успѣхѣ, какъ человѣкъ, обожаемый женщинами и не боящійся измѣны. Когда Бурдониль обнаруживалъ безпокойство по поводу расширенія нѣкоторыхъ отдѣловъ, успѣхъ которыхъ былъ сомнителенъ, Мурэ самоувѣренно смѣялся, восклицая:

— Перестаньте, мой милый, магазинъ слишкомъ малъ!

— Какъ, испуганно спрашивалъ компаніонъ, — магазинъ слишкомъ малъ!? Модный магазинъ, въ которомъ девятнадцать отдѣловъ и четыреста три человѣка служащихъ?!

— Да разумѣется, отвѣчалъ Мурэ, — не дальше какъ черезъ

годъ мы будемъ вынуждены расширить его. Я серьезно объ этомъ подумываю. Вчера m-me Дефоржъ обѣщала мнѣ устроить у себѣ свиданіе съ одной особой... Но мы еще поговоримъ объ этомъ, когда планъ окончательно созрѣетъ.

И, окончивъ подписывать, онъ всталъ, подошелъ къ растерявшемуся компаньону и дружески похлопалъ его по плечу. Его забавляло это трусливое благоразуміе окружавшихъ его людей. Въ минуты откровенныхъ изліяній передъ приближенными, онъ говорилъ иногда, что въ немъ больше жидовства, чѣмъ во всѣхъ жидахъ міра вмѣстѣ взятыхъ; что онъ унаслѣдовалъ это свойство отъ отца, на котораго походилъ и лицомъ и характеромъ и который зналъ цѣну деньгамъ; и если онъ унаслѣдовалъ отъ матери нервную фантазію и чарующую отвагу, то въ этомъ послѣднемъ свойствѣ онъ видитъ главный залогъ своего успѣха.

— Вы вѣдь знаете, что мы послѣдуемъ за вами до конца, заключалъ всегда Бурдониль.

Прежде, чѣмъ отправиться на обычный обзоръ магазина, они занялись осмотромъ новой книги, только что изобрѣтенной Мурэ для записи каждымъ прикащикомъ проданнаго имъ товара. Замѣтивши, что залежавшіеся и пущенные по пониженнымъ цѣнамъ товары распродаютъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше процентная доля, получаемая прикащикомъ съ выручки, Мурэ построилъ на этомъ наблюденіи всю организацію своей торговли. Онъ заинтересовывалъ прикащиковъ въ продажѣ, назначивъ имъ опредѣленный процентъ съ каждой проданной вещи; это было нововведеніемъ, произведшимъ переворотъ въ модной торговлѣ и создавшимъ крайне прибыльную для хозяина борьбу и соперничество между прикащиками. Эта борьба сдѣлалась для него принципомъ организаціи, который онъ примѣнялъ повсюду. Онъ разжигалъ страсти, подстрекалъ борьбу, позволялъ сильнымъ давить слабыхъ и наживался самъ на этой борьбѣ интересовъ.

Образчикъ новоизобрѣтенной книги былъ одобренъ. На верху каждаго листа дважды обозначался отдѣлъ магазина и номеръ прикащика; подъ каждымъ такимъ заголовкомъ стояли столбцы для обозначенія количества метровъ, названія товара и цѣны его; продавъ вещь, прикащикъ вписывалъ ее на обѣихъ половинахъ листа, подписывалъ свое имя на каждой и отдавалъ вырванную половину кассиру. Такимъ образомъ контроль не

представлялъ никакихъ затрудненій: нужно было только свѣрить всѣ сданные въ кассу листки съ оставшимся въ рукахъ прикащика дубликатомъ записи, что и лежало на обязанности провѣрочнаго бюро. Прикащики каждую недѣлю получали установленный процентъ съ общей суммы проданнаго ими товара.

— Насъ меньше будутъ обворовывать, замѣтилъ съ довольнымъ видомъ Бурдониль.— Вамъ пришла прекрасная идея.

— О, вчера вечеромъ мнѣ пришла въ голову еще одна мысль, сказалъ Мурэ.— Да, мой милый, вчера вечеромъ, за этимъ самымъ ужиномъ... Я хочу назначить служащимъ въ провѣрочномъ бюро небольшое процентное вознагражденіе за каждую открытую ими въ счетной книжкѣ прикащика ошибку... Вы понимаете, что мы тогда можемъ быть увѣрены, что они не упустятъ ни одной ошибки.

Онъ весело засмѣялся, глядя на изумленную фізіономію Бурдонили. Онъ самъ былъ доволенъ этимъ новымъ приложеніемъ принципа борьбы за существованіе и мечталъ уже о возможно болѣе широкой эксплуатаціи чужихъ аппетитовъ для вѣрнѣйшаго удовлетворенія своего собственнаго.— Когда желаешь извлечь изъ человѣка весь запасъ его способностей и силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить быть честнымъ, говорилъ онъ, необходимо поставить его лицомъ къ лицу съ его собственной выгодой.

— Ну, идемъ, сказалъ, наконецъ, Мурэ;— необходимо заняться этой выставкой. Вчера получены шелка,—не правдали? Бутмонъ, вѣроятно, теперь принимаетъ ихъ.

Приемъ товаровъ происходилъ въ подвальномъ этажѣ съ улицы Neuve-Saint-Augustin. Свѣщенные у входа тюки сваливались по скользкой дубовой покатоности и съ шумомъ опускались внизъ. Въ періоды разгара торговли и усиленной продажи въ эти подвалы съ утра до вечера съ шумомъ и свистомъ падалъ густой дождь тюковъ и коробовъ съ произведеніями Ліона, Англии, Голландіи, Альзаса, Руана.

Въ тускло освѣщенномъ помѣщеніи шла оживленная дѣятельность; одни принимали товаръ, другіе распаковывали ящики и тюки подъ наблюденіемъ завѣдующихъ отдѣлами.

Мурэ на минуту остановился передъ грудой товара, который ему предстояло расбросать по всѣмъ концамъ Парижа, и въ его золотистыхъ глазахъ сверкнула искра самодовольства. Никогда еще онъ не шелъ съ такой увѣренностью на встрѣчу

начатой имъ борьбѣ, никогда не былъ такъ спокоенъ за вложенныя въ эти тюки милліоны.

— Все-ли получено, Бутмонъ? спросилъ онъ, подойдя къ широкоплечему молодому человѣку, провѣрившему содержаніе одного ящика.

— Да, кажется, здѣсь все, отвѣчалъ послѣдній. Только я не отдѣлаюсь до полудня.

Начальникъ отдѣла провѣрялъ фактуры, стоя передъ огромнымъ прилавкомъ, на которомъ прикащики раскладывали вынимаемыя изъ ящика штуки шелковой матеріи.

За ними тянулся рядъ такихъ-же прилавковъ, за которыми толпа прикащиковъ разбирала и провѣряла другіе товары. Среди шума голосовъ и суеты здѣсь происходила генеральная раскупорка, классификація, провѣрка и помѣтка полученнаго товара.

Отдѣленіемъ шелка завѣдывалъ Бутмонъ, здоровый мужчина съ круглымъ веселымъ лицомъ съ черной, какъ воронье крыло, бородой и красивыми темно-коричневыми глазами. Уроженецъ Монпелье, балагуръ и гуляка, онъ выказалъ полную неспособность въ дѣлѣ продажи; но за то въ закупкѣ товара—ему не было равнаго.

Отправленный на выучку въ Парижъ старикомъ отцомъ, у котораго въ Монпелье былъ модный магазинъ, онъ отказался вернуться на родину, когда отецъ, находя, что малый достаточно обучился, потребовалъ его къ себѣ. Съ этой минуты между отцомъ и сыномъ возникло своего рода соперничество: воспитанный въ традиціяхъ мелкой провинціальной торговли отецъ не могъ помириться съ мыслью, что какой-нибудь простой коми зарабатываетъ въ три раза больше, чѣмъ онъ самъ, негоціантъ, а сынъ подшучивалъ надъ отсталостью и рутинной отца, хвастался своими заработками и въ каждый пріѣздъ свой на родину ставилъ верхъ дномъ весь отцовскій магазинъ.

Какъ и прочіе завѣдующіе отдѣлами въ «Bonheur des Dames», Бутмонъ кромѣ трехъ тысячъ жалованья, получалъ опредѣленный процентъ съ оборотовъ своего отдѣла. Удивленные обитатели Монпелье съ почтеніемъ говорили, что Бутмонъ въ прошломъ году заработалъ пятнадцать тысячъ франковъ, и что это только начало; негодующему отцу предсказывали, что сумма доходовъ еще возрастетъ.

Бутмонъ, между тѣмъ, взявъ въ руки штуку шелковой матеріи и разсматривалъ ее съ видомъ компетентнаго цѣнителя. Это былъ черный фая съ голубой и серебристой каемкой, тотъ знаменитый «Paris Bonheur», при помощи котораго Мурэ собирался нанести рѣшительный ударъ мелкой торговлѣ.

— Онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошъ, замѣтилъ сопровождавшій Мурэ компаньонъ.

— Не столько хорошъ, сколько эффектенъ, сказалъ Бутмонъ.—Только одинъ Дюмантель и согласился сдѣлать намъ эту матерію... Въ послѣднюю мою поѣздку, когда я поссорился съ Гожаномъ, онъ рѣшился было заготовлять эту матерію, но запросилъ на двадцать пять сантимовъ дороже за каждый метръ.

Почти каждый мѣсяць Бутмонъ объѣзжалъ фабрикантовъ, останавливался въ лучшихъ гостинницахъ и дѣлалъ нужные для своего отдѣла заказы. Онъ пользовался безусловной свободой заказывать и покупать по своему усмотрѣнію, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы отдѣлъ его ежегодно, въ извѣстной пропорціи, увеличивалъ размѣры своихъ оборотовъ, съ которыхъ онъ получалъ, сверхъ жалованья, установленный процентъ. Такимъ образомъ, положеніе его въ «Bonheur des Dames», какъ и прочихъ его товарищей, завѣдующихъ отдѣлами, ничѣмъ не отличалось отъ положенія самостоятельнаго торговца особой отрасли торговли.

— И такъ—рѣшено, сказалъ онъ, мы продаемъ его по пяти франковъ, шестьдесятъ?.. Вы, конечно, знаете, что это почти фабричная цѣна.

— Да, да, живо вмѣшался Мурэ,—пять франковъ, шестьдесятъ, и будь я одинъ,—я продавалъ-бы его съ убыткомъ.

Бутмонъ громко засмѣялся.

— О! мнѣ это было-бы еще пріятнѣе. Дешевизна утроить продажу, а такъ какъ я получаю процентъ не съ барыша, а съ валовой выручки...

Но Бурдониль нахмурился. Онъ получалъ свой доходъ съ чистой выручки, и ему совсѣмъ невыгодно было понижать цѣны. Его обязанность между прочимъ состояла и въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы Бутмонъ, увлекаемый желаніемъ расширить обороты своего отдѣла, не слишкомъ понижалъ-бы цѣны. Имъ снова овладѣлъ обычный страхъ передъ этими непонятными для него затѣями.

— Продавать по пяти франковъ шестьдесятъ — значить продавать въ убытокъ, сказалъ онъ — такъ какъ надо принять въ расчетъ наши издержки.

Муръ вдругъ разсердился.

— Знаю я это, кричалъ онъ, нервно ударяя рукой по шелку, поэтому-то я и хочу сдѣлать этотъ подарокъ нашимъ клиенткамъ... Поистинѣ, мой милый, вы никогда не сѣмѣте понять женщинъ. Поймите-же вы, что онѣ будутъ вырывать другъ у друга изъ рукъ этотъ фай!

— Еще-бы, упрямо настаивалъ компаньонъ, — и чѣмъ больше онѣ стануть его раскупать, тѣмъ больше мы понесемъ убытка.

— Мы потеряемъ нѣсколько сантимовъ на каждой штукѣ — пусть такъ. Что-же изъ этого? За то мы привлечемъ къ себѣ всѣхъ женщинъ, вскружимъ и отуманимъ имъ головы, и тогда онѣ безъ удержа стануть опораживать кошельки, покупая все. Все дѣло въ томъ, чтобы ихъ разжечь, раззадорить, а для этого нуженъ такой товаръ, который-бы подѣйствовалъ на воображеніе и составилъ эпоху. Тогда остальные предметы мы можемъ продавать такъ-же дорого, какъ вездѣ — онѣ все будутъ думать, что у насъ дешевле. Такъ напримѣръ, наша тафта «cuir-d'or», продающаяся всюду за тѣже семь франковъ пятьдесятъ, сойдетъ тоже за необыкновенно дешевую и покроетъ наши убытки на «Paris-Bonheur»... Вотъ вы увидите!

Онъ начиналъ увлекаться.

— Поймите-же вы, что я хочу этимъ «Paris Bonheur» въ одну недѣлю революціонировать всю окрестность. Онъ долженъ спасти насъ и дать намъ широкій полетъ. Нужно заставить говорить только о немъ, необходимо, чтобы голубая и серебряная коемки стали извѣстны отъ одного конца Франціи до другого. Вы увидите, какой ударъ будетъ нанесенъ нашимъ конкурентамъ. Мелкая торговля потеряетъ въ этой борьбѣ послѣднее крыло. Всѣ эти страдающіе ревматизмомъ старьевщики будутъ погребены въ своихъ погребкахъ.

Толпа возившихся вокругъ него прикащиковъ слушала и улыбалась. Онъ любилъ, когда его слушали и соглашались. Бурдониль и на этотъ разъ долженъ былъ уступить.

Ящикъ, между тѣмъ, былъ опорожненъ и приступили къ распаковкѣ другого.

— За-то фабриканты негодуютъ, сказалъ Бутмонъ. — Въ Лионѣ они обвиняютъ васъ въ томъ, что вы разоряете ихъ

своей системой пониженія цѣнъ... Вы знаете, что Гожанъ открыто объявилъ мнѣ войну. Онъ поклялся скорѣе открыть широкой кредитъ мелкимъ торговцамъ, чѣмъ согласиться на мои цѣны.

Мурэ пожалъ плечами.

— Если Гожанъ будетъ упрямиться—тѣмъ хуже для него... На что они могутъ жаловаться? Мы платимъ имъ тотчасъ наличными деньгами и забираемъ весь ихъ продуктъ, чего имъ еще надо?

Прикащикъ опорожнилъ второй ящикъ, другой коми считывалъ, провѣрялъ и отмѣчалъ на бумагѣ, а начальникъ отдѣленія просматривалъ и подписывалъ фактуру, которая потомъ отсылалась въ центральную кассу.

Мурэ еще съ минуту смотрѣлъ на работу и, не сказавъ больше ни слова, удалился въ сопровожденіи Бурдонила.

Они медленно прошли по длиннымъ корридорамъ подполья, освѣщаемымъ газовыми рожками. Здѣсь, по обѣ стороны, помѣщались кладовыя, куда складывались излишки товара, непомятающіеся въ отдѣлахъ. По пути, Мурэ взглянулъ на коло-риферъ, который должны были затопить въ первый разъ въ понедѣльникъ, и на устроенную въ центрѣ корридора пожарную будку. Въ концѣ корридора, куда они пришли, помѣщалось отдѣленіе разсылокъ. Тѣ покупки, которыя покупатели не брали съ собою, сносились сюда и раскладывались на столахъ по отдѣленіямъ, изъ которыхъ каждое изображало особый кварталъ Парижа; затѣмъ онѣ уносились по лѣстницѣ, выходившей прямо противъ лавки «Старый Эльбефъ» и складывались въ стоявшія здѣсь спеціальныя кареты. Такимъ образомъ, товары, входившіе въ магазинъ черезъ отверстія на улицѣ Neuve-Saint-Augustin, выходили изъ него черезъ улицу Michodière и развозились покупателямъ.

— Кампюнь! рѣзко обратился Мурэ къ завѣдующему разсылкой,—почему шесть паръ простынь, купленныхъ вчера одной дамой, не были въ тотъ-же день доставлены по назначенію?

— Какъ адресъ этой дамы? спросилъ прикащикъ.

— Улица Риволи, на углу улицы Алжиръ... m-me Дефоржъ.

Пока прикащикъ розыскивалъ въ спискахъ, Бурдониль удивленно смотрѣлъ на Мурэ, не понимая, какъ успѣваетъ этотъ

человѣкъ все знать и обо всемъ думать даже за ужиномъ въ ресторанѣ и въ спальнѣ своихъ любовницъ.

Оказалось, что кассиръ невѣрно записалъ адресъ и пакетъ вернулся.

— Какой номеръ кассы? Десятый? А, это, Альберъ, обратился Мурэ къ компаньону, пойдете-ка сказать ему два слова.

Но по пути онъ пожелалъ заглянуть въ отдѣленіе экспедицій, куда каждое утро получалось множество писемъ съ заказами изъ провинціи и заграницы. За послѣдніе два года количество писемъ съ каждымъ днемъ возрастало; работа, съ которою прежде легко справлялись десять человѣкъ, потребовала теперь тридцать человѣкъ служащихъ.

Одни распечатывали письма, другіе прочитывали ихъ, третьи распредѣляли ихъ по разрядамъ, номеровали и клали въ ящики подъ тѣми-же номерами. Когда заказы были выполнены въ разныхъ отдѣлахъ, ихъ сносили сюда и клали по номерамъ въ эти-же ящики. Затѣмъ оставалось только проверить и запаковать, что и дѣлала съ утра до вечера толпа рабочихъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Сколько сегодня писемъ, Лавасерь? задалъ Мурэ свой обычный вопросъ.

— Пятьсотъ-тридцать-четыре, сударь, отвѣчалъ завѣдующій отдѣленіемъ.—Я боюсь, что послѣ выставки въ понедѣльникъ мнѣ понадобятся еще люди. Вчера мы едва справились.

Бурдонкъ остался очень доволенъ. Онъ не ожидалъ, что во вторникъ можетъ быть пятьсотъ-тридцать писемъ. За большимъ столомъ прикащики быстро распечатывали и прочитывали письма, а вокругъ нихъ уже суетилась прислуга, приносившая и укладывавшая заготовленные заказы. Это было одно изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ отдѣленій магазина; здѣсь съ утра до вечера шла лихорадочная работа, такъ какъ полученные утромъ заказы вечеромъ должны уже быть отправлены по назначенію.

— Вы получите нужное число людей, Лавасерь, сказалъ Мурэ, довольный состояніемъ отдѣла.—Когда есть работа, мы никогда не отказываемъ вамъ въ людяхъ.

Отсюда они отправились въ центральную кассу, помѣщающуюся возлѣ его кабинета. Въ комнатѣ, огороженной высокой стеклянной перегородкой съ множествомъ форточекъ, стоялъ

огромный, прикованный къ стѣнѣ несгораемый шкафъ. Два кассира сводили общій счетъ выручки, которую сносили сюда каждый вечеръ первый кассиръ, Ломмъ, вычитывали расходы, платили фабрикантамъ, прикащикамъ и всему персоналу служащихъ магазина. Касса сообщалась съ другою комнатою, въ которой десять человѣкъ занимались провѣркой фактуръ. Далѣе шло третье помѣщеніе, въ которомъ шесть молодыхъ людей занимались сведеніемъ счета проданныхъ каждымъ прикащикомъ товаровъ и вычисленіемъ причитающагося на его долю процента прибыли. Это, только-что устроенное, отдѣленіе дѣйствовало еще плохо.

Спустившись отсюда въ нижній этажъ, Мурэ прямо направился къ кассѣ № 10, гдѣ кассиръ, Альберъ Ломмъ, въ ожиданіи клиентовъ, спокойно чистилъ себѣ ногти. «Династія Ломмовъ» — сдѣлалось ходячимъ выраженіемъ между персоналомъ магазина, съ тѣхъ поръ, какъ м-ше Аврели, завѣдующая отдѣленіемъ женскаго готоваго платья, помѣстивъ сперва мужа на должность перваго кассира въ магазинѣ, выхлопотала потомъ мѣсто второстепеннаго кассира для своего сына Альбера, распущеннаго молодого человѣка, который нигдѣ не уживался и доставлялъ ей много огорченій.

Подойдя къ нему, Мурэ, однако, воздержался отъ замѣчанія. Онъ терпѣть не могъ роли полицейскаго и всегда уступалъ ее строгому и неумолимому Бурдонкю, на которомъ лежала обязанность карать и приводить въ исполненіе всѣ приговоры.

— М-г Альберъ, сурово обратился послѣдній къ молодому человѣку, — вы опять дурно записали адресъ, такъ что пакетъ возвратился назадъ... Это не можетъ быть терпимо.

Кассиръ попытался оправдаться, сваливая вину на покупательницу, плохо указавшую адресъ, и приводя въ свидѣтели слугу Жозефа, тоже принадлежавшаго къ «династіи Ломмовъ» и получившаго мѣсто въ магазинѣ благодаря ходатайству м-ше Аврели.

— Оставьте вы въ покоѣ Жозефа, закричалъ Бурдонкль, и лучше не оправдывайтесь!.. Ваше счастье, что мы цѣнимъ службу вашей матери!

Но въ эту минуту къ кассѣ сына подбѣжалъ замѣтившій эту сцену первый кассиръ, Ломмъ, сѣдой старикъ, обрюзгшій, отяжелѣвшій и точно полинявшій отъ сидячей жизни и постоян-

наго считанья денегъ. Отсутствие правой руки не только не мѣшало ему успѣшно дѣлать свое дѣло, но прикачики сбѣгались часто къ его кассѣ, чтобы полюбоваться, съ какой ловкостью скользили въ его лѣвой рукѣ золото и кредитные билеты. Сынъ сборщика податей въ Шабли, онъ пріѣхалъ въ Парижъ и поступилъ писцомъ къ одному негоціанту. Впослѣдствіи онъ женился на портнихѣ, дочери—своего консьержа, и съ тѣхъ поръ находился въ безусловномъ подчиненіи у жены, комерческія способности которой внушали добряку глубокое къ ней уваженіе. Служа въ отдѣленіи готоваго платья, она зарабатывала около двѣнадцати тысячъ франковъ, тогда какъ онъ по должности кассира получалъ всего пять тысячъ. Это уваженіе къ женѣ, вносившей въ хозяйство такую крупную сумму дохода, онъ распространялъ и на ея сына.

— Въ чемъ дѣло? испуганно спросилъ онъ.—Альберъ опять провинился?

Тогда на сцену выступилъ Мурэ и, по своему обыкновенію, сыгралъ роль добраго принца.

— Пустяки, сказалъ онъ.—Вашъ сынъ, мой милый Ломмъ, вѣтренный малый, которому не мѣшало-бы брать примѣръ съ васъ.

Затѣмъ, желая переимѣнить разговоръ, онъ ласково спросилъ старика:

— А что концертъ? Понравилось-ли вамъ мѣсто?

Щеки стараго кассира покрылись краской. Единственной его слабостью была страсть къ музыкѣ, и онъ удовлетворялъ этой тайной страсти въ одиночку, бѣгая по концертамъ, театрамъ и музыкальнымъ вечерамъ. Не смотря на отсутствіе одной руки, онъ любилъ играть на волторнѣ и проводилъ въ этой игрѣ цѣлые вечера въ своей комнатѣ, обернувъ инструментъ простыней, чтобы не очень беспокоить жену, не любившую шума. Музыка, касса и уваженіе къ достоинствамъ жены составляли все содержаніе его жизни.

— Мѣсто прекрасное, сударь, отвѣчалъ съ сіяющимъ лицомъ кассиръ.—Вы очень добры.

Мурэ, любившій удовлетворять слабостямъ своихъ подчиненныхъ, давалъ иногда Ломму билеты, которые навязывали ему разныя благотворительныя дамы.

— Бетховень! Моцартъ!.. Какая прелесть! произнесъ онъ, чтобы окончательно очаровать кассира.

И, не дожидаясь отвѣта, послѣдовалъ за Бурдонклемъ. Отдѣленіе шелка помѣщалось въ центральной галлерей, покрытой стеклянной крышей. Сначала они прошли отдѣленіе бѣлья, ситца, чулокъ, гдѣ царилъ повсюду образцовый порядокъ. Но въ отдѣленіи шерстяныхъ тканей Бурдонкъ налетѣлъ на уснувшего за прилавкомъ прикащика Льенара. Молодой человекъ, сынъ анжерскаго негодіанта, покорно выслушалъ выговоръ, готовый на все, лишь-бы ему не пришлось ѣхать назадъ въ провинцію. Далѣе, поднялась цѣлая буря: въ отдѣленіи сукна, новопоступившій прикащикъ, изъ тѣхъ, которые имѣютъ ночлегъ въ магазинѣ, вопреки правилу, вернулся домой послѣ двѣнадцати часовъ ночи; въ отдѣленіи суровскомъ, второго приезжика застали съ папиросою въ подвальномъ этажѣ; въ отдѣленіи перчатокъ красавецъ Миньо, одинъ изъ рѣдкихъ въ магазинѣ парижанъ, произвелъ въ столовой скандалъ, пожаловавшись на плохую пищу. Такъ какъ обѣдающіе дѣлились на три партіи, приходившія къ столу одна за другой, то Миньо, состоящій въ послѣдней партіи, жаловался, что ему остаются одни обглодки.

— Какъ! вы недовольны пищею? наивно удивился Мурэ.

Эконому выдавалось на каждого прикащика всего полтора франка въ сутки, причемъ изъ этой суммы онъ умудрялся еще набивать свой карманъ, такъ что пища въ самомъ дѣлѣ нигде не годилась. Но Бурдонкъ презрительно пожалъ плечами. Эконому, который долженъ накормить четыреста человекъ, некогда заботиться о кулинарномъ искусствѣ.

— Во всякомъ случаѣ, я хочу, чтобы служащіе имѣли у меня обильный и здоровый столъ... Я поговорю съ экономомъ.

Жалоба Миньо такъ и осталась безъ послѣдствій.

Затѣмъ выслушанъ былъ докладъ инспектора Жува, на обязанности котораго лежалъ родъ полицейскаго надзора за порядкомъ въ магазинѣ. Жувъ, отставной капитанъ, еще довольно видный мужчина съ краснымъ носомъ, величественной лысиной и орденомъ, жаловался на прикащика, который называлъ его, въ отвѣтъ на замѣчаніе, — «старой развалиной», — и прикащикъ тотчасъ-же былъ расчисланъ.

Между тѣмъ, магазинъ все еще оставался пустымъ, и по длиннымъ галлерейамъ расхаживали только одинокія хозяйки изъ околodka. Стоящій у дверей инспекторъ только-что закрылъ свою книгу, въ которой отмѣчалъ опоздавшихъ прика-

щиковъ, размѣстившихся по своимъ отдѣленіямъ. Они медленно снимали пальто и шляпы, зѣвали, потягивались и, перекидываясь отрывистыми замѣчаніями, сдергивали зеленые чехлы съ сложенного наканунѣ товара, который весело выглядывалъ на свѣтъ въ ожиданіи покупателей.

Въ освѣщенной съ потолка галереѣ шелковыхъ тканей разговаривали два прикащика. Одинъ, низкаго роста, плотный, цвѣтушій и красивый, раскладывалъ куски шелковой матеріи въ гармоническомъ порядкѣ цвѣтовъ. Это былъ Гютенъ, сынъ содержателя кафе въ Ивето, съумѣвшій сдѣлаться первымъ продавцемъ въ отдѣленіи шелковыхъ матерій, благодаря ловкости, лести и умѣнью угодить вкусамъ публики, но честолюбивый и снѣдаемый ненасытною страстью къ наживѣ.

— Послушайте, Февье, я, на вашемъ мѣстѣ, даль-бы ему пощечину, говорилъ онъ своему товарищу, высокому, худому и желтому малому, происходившему изъ семьи безансонскихъ ткачей и скрывавшему подъ равнодушной наружностью непоколебимую волю.

— Пощечина ни къ чему не поведетъ, флегматично пробормоталъ онъ.—Лучше подождать.

Они говорили о Робино, который замѣнялъ завѣдующаго отдѣломъ, пока тотъ принималъ товары въ подвальномъ этажѣ. Гютенъ въ тайнѣ подкапывался подъ Робино, желая занять его мѣсто. Онъ устраивалъ ему всевозможныя непріятности и столкновенія и старался возбудить противъ него всѣхъ прикащиковъ отдѣла. Въ особенности онъ подстрекалъ Февье, который съ виду поддавался его вліянію, но въ тайнѣ велъ свою особую тактику.

— Тшь! семнадцать! произнесъ онъ, предупреждая этимъ условнымъ крикомъ о приближеніи Мурэ и Бурдонкля.

Эти послѣдніе продолжали свой обзоръ магазина. Подойдя къ Робино, они спросили его, почему лежитъ на прилавкѣ огромная куча бархата, и когда Робино отвѣтилъ, что, за недостаткомъ мѣста, его некуда дѣтъ, Мурэ обратился къ Бурдонклю.

— Вотъ видите, Бурдонкль, я вамъ говорилъ, что магазинъ и теперь уже слишкомъ малъ! Рано или поздно надо будетъ отодвинуть стѣны до улицы Choisei. Вы увидите, какая произойдетъ давка въ понедѣльникъ.

Онъ снова обратился къ Робино, расспрашивалъ его о при-

готовленіяхъ къ выставкѣ, дѣлалъ распоряженія. Но уже нѣсколько минутъ онъ слѣдилъ за работой Гютена, продолжавшаго класть голубой шелкъ возлѣ сѣраго, удаляться на нѣкоторое разстояніе и присматриваться къ эффекту.

— Для чего вы ищете гармоніи? вмѣшался онъ внезапно. — Не бойтесь, старайтесь ихъ ослѣпить, поразить зрѣніе... Вотъ такъ! красный, синій, желтый!..

Онъ хваталъ куски шелковой матеріи, трепалъ ихъ и въ безпорядкѣ бросалъ одинъ возлѣ другого. Всѣ соглашались съ тѣмъ, что патронъ первый эталажистъ Парижа, эталажистъ-революціонеръ, основавшій новую школу грубаго, колоссальнаго и ослѣпляющаго. Онъ требовалъ, чтобы матеріи лежали смѣшанной, беспорядочной грудой и рѣзали глазъ контрастомъ яркихъ красокъ. Гютенъ, напротивъ, принадлежалъ къ иной эстетической школѣ, искалъ симметріи и гармоническаго сочетанія красокъ и смотрѣлъ на приемы патрона съ презрѣніемъ художника, чувства котораго оскорбляетъ эта грубая и рѣзущая глазъ беспорядочность.

— Вотъ, смотрите! воскликнулъ Мурэ.—Оставьте ихъ въ такомъ видѣ, и вы увидите, какое впечатлѣніе произведетъ эта картина на женщинъ.

Въ ту минуту, какъ онъ отошелъ опять къ Бурдонкю и Робино, къ шелковому отдѣлу подошла женщина и остановилась въ изумленіи передъ только-что набросаннымъ въ безпорядкѣ шелкомъ. Это была Дениза. Промѣшкавъ около часу на улицѣ, она наконецъ собралась съ духомъ. Но, войдя въ магазинъ, она терялась на каждомъ шагѣ, не понимая самыхъ простыхъ указаній. Напрасно прикащики, которыхъ она спрашивала о m-me Аврели, указывали ей на лѣстницу, она постоянно шла не въ ту сторону, такъ что въ теченіи четверти часа она ходила изъ отдѣленія въ отдѣленіе, возбуждая любопытство и двусмысленныя улыбки продавцовъ. Ей хотѣлось расплакаться и убѣжать отсюда. Она чувствовала себя маленькой и ничтожной передъ этимъ подавлявшимъ ее своею колоссальностью чудовищемъ. Ей казалось, что оно вдругъ зашевелится и унесетъ ее въ своемъ движеніи. При воспоминаніи о мрачной и тѣсной лавкѣ «Vieil Elbeuf», этотъ обширный и полный свѣта магазинъ представлялся ей городомъ съ монументами, площадями и улицами.

Попавши послѣ долгихъ блужданій въ отдѣленіе шелка,

она внезапно очутилась передъ импровизированной выставкой Мурэ. Несмотря на испугъ, въ ней сразу проснулась женщина, щеки ее вспыхнули отъ волненія и она въ восторгѣ смотрѣла на пылающія краски шелка.

— Посмотри-ка! сказали Гютенъ на ухо Февье, — вѣдь это красotka, что мы встрѣтили на площади.

Мурэ, дѣлавшій видъ, что слушаетъ Робино, замѣтилъ эту картину и въ душѣ былъ польщенъ восторгомъ этой бѣдно одѣтой дѣвушки.

Поднявъ глаза, Дениза еще больше растерялась, узнавъ въ немъ молодого человѣка, принятаго ею утромъ за начальника отдѣла. Ей показалось, что онъ смотритъ на нее сурово. Не зная, что дѣлать и куда дѣться, она въ замѣшательствѣ обратилась къ стоявшему возлѣ нея Февье.

— Укажите мнѣ, пожалуйста, m-me Аврели.

— Въ первомъ этажѣ, сухо отвѣтилъ нелюбезный Февье.

Дениза поблагодарила и опять направилась не въ ту сторону. Но на помощь ей подскочилъ предупредительный Гютенъ.

— Не туда, сударыня, обратился онъ къ ней съ свойственной ему вѣжливостью. — Потрудитесь повернуть вотъ въ эту сторону.

И онъ проводилъ ее до лѣстницы, помѣщавшейся налѣво отъ центральной галереи. Тутъ онъ раскланялся и нѣжно улыбнулся, какъ улыбался всякой женщинѣ.

— Поднявшись, поверните налѣво... Отдѣлъ платья будетъ прямо напротивъ.

Эта любезность глубоко тронула Денизу. Это была первая оказанная ей въ этотъ день братская помощь. Она подняла глаза и посмотрѣла на Гютена: ей понравилось и его красивое лицо, и мягкій улыбающійся взглядъ, и пріятный ласкающій голосъ. Сердце ея наполнилось чувствомъ благодарности, которую она сконфуженно выразила въ отрывистыхъ фразахъ.

— Вы очень добры... Не беспокойтесь. Я вамъ очень признательна...

Взобравшись наверхъ, молодая дѣвушка прямо попала въ отдѣленіе готоваго платья. Оно помѣщалось въ обширной залѣ, уставленной высокими дубовыми шкапами и выходившей окнами на улицу Мишодьеръ. Пять-шесть женщинъ въ шелковыхъ платьяхъ и красивыхъ шивьонахъ о чемъ-то бойко раз-

говаривали. Одна изъ нихъ, худая и высокая блондинка съ лошадиной физиономіей, стояла прислонившись къ шкафу, точно разбитая усталостью.

— Madame Аврели? повторила свой вопросъ Дениза.

Продавщица презрительно взглянула на нее, не удостоивъ отвѣтомъ. Затѣмъ, обратившись къ своей маленькой, некрасивой товаркѣ, она спросила:

— Mademoiselle Маргарита, не знаете-ли гдѣ начальница?

Маргарита, развѣшивавшая ротонды, не потрудилась даже поднять головы.

— Нѣтъ, mademoiselle Клара, не знаю, отвѣчала она сквозь зубы.

Послѣдовало молчаніе. Прождавъ съ минуту, Дениза снова рѣшилась спросить:

— Не знаете-ли, скоро вернется m-me Аврели?

Ей отвѣтила незамѣченная до сихъ поръ пожилая и некрасивая женщина, съ выдающимися челюстями, провѣрившая въ одномъ шкапу арлыки.

— Обождите. Она, кажется, въ кладовой, m-me Маргарита?

— Нѣтъ, m-me Фредерикъ, я не думаю; она всегда предупреждаетъ, когда уходитъ далеко.

Дениза рѣшилась ждать. Возлѣ стояло нѣсколько стульевъ, но такъ какъ ей не предложили, то она не рѣшалась сѣсть, несмотря на то, что ноги у нея дрожали отъ волненія. Продавщицы осматривали ее съ ногъ до головы, и не особенно дружелюбно. Замѣшательство ея каждую минуту возрастало, и, чтобы немного оправиться и набраться мужества, она подошла къ окну.

— Послушайте, шептала за ея спиной Клара, обращаясь къ Маргаритѣ:— видали вы когда-нибудь такія ботинки?

— А платье? прошептала другая.

Продолжая смотрѣть на улицу, Дениза чувствовала, что на нее устремлены всѣ взгляды, что рѣчь идетъ о ней. Но это ее не обижало: она хорошо рассмотрѣла этихъ дѣвицъ, и онѣ вовсе не показались ей ни красивыми, ни изящными.

Клара Прюнели, дочь башмачника въ Вивэ, развращенная прислугой замка Морели, куда ходила въ качествѣ швей, перѣѣхала въ послѣдствіи въ Парижъ, гдѣ вымѣщала на мужчинахъ поборы, которыми щедро награждалъ ее дома отецъ. Мар-

гарита Вашонъ, родители которой торговали въ Греноблѣ полотнами, отправлена была ими въ «Bonheur des Dames», чтобы скрыть отъ знакомыхъ беременность. Здѣсь она вела себя примѣрно и должна была скоро вернуться на родину, получить управленіе родительской лавкой и выйти замужъ за ожидавшаго ее тамъ кузена.

Наконецъ, появилась м-ше Аврели, женщина лѣтъ сорока пяти, одѣтая въ черное шелковое платье, плотно обтягивавшее ея массивныя формы. Густыя темныя брови, неподвижныя глаза, сурово сжатый ротъ и большія височія щеки придавали ея лицу выраженія слѣпленной изъ глины маски Цезаря.

Mademoiselle Маргарита, вы вчера не отнесли въ мастерскую модели новаго пальто, раздражительно обратилась она къ дѣвушкѣ.

— Нужно было сдѣлать небольшую поправку, отвѣчала продавщица, — и м-ше Фредерикъ велѣла его оставить.

Достали пальто и начались объясненія. Все отдѣленіе пренижалось передъ м-ше Аврели, которая умѣла заставить уважать свой авторитетъ. Тщеславная до такой степени, что не позволяла называть себя м-ше Ломмъ, такъ какъ стыдилась своего мужа, она была ласкова только съ тѣми изъ подчиненныхъ ей дѣвушекъ, которыя благоговѣли передъ ней, ухаживали за нею и льстили ей. Въ молодости ей очень не везло; попытка завести собственную мастерскую кончилась раззореніемъ. Это до того ожесточило ее, что и теперь, несмотря на почетное положеніе въ «Bonheur des Dames» и двѣнадцать тысячъ годового дохода, она питала ненависть ко всѣмъ людямъ и встрѣчала каждую добютантку своего ремесла съ такой же суровостью, съ какой въ молодости встрѣтила ее жизнь.

— Довольно объясненій, сухо оборвала она свою помощницу, м-ше Фредерикъ. — Чтобы пальто было сейчасъ исправлено.

Шумъ голосовъ заставилъ Денизу отойти отъ окна, но она не была увѣрена, что эта дама м-ше Аврели и продолжала ждать. Никто не обращалъ на нее вниманія. Продавщицы, довольныя, что имъ удалось стравить начальницъ, занялись каждая своимъ дѣломъ. Никому не приходило въ голову вывести дѣвушку изъ ея неловкаго положенія. Наконецъ, сама м-ше Аврели, замѣтивъ постороннюю дѣвушку, спросила, что ей нужно.

— М-ше Аврели, отвѣчала Дениза.

— Это я.

Ею снова овладѣлъ какой-то дѣтскій страхъ, руки похолодѣли, языкъ прилипалъ, не шевелился. Она невнятно пролепетала свою просьбу.

М-ше Аврели смотрѣла на нее неподвижными глазами, безъ малѣйшаго выраженія въ лицѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать лѣтъ, сударыня.

— Какъ двадцать лѣтъ! Вамъ на видъ нельзя дать и шестнадцати!

Продавщицы подняли головы и прислушивались къ допросу.

— О! я очень сильна! успѣвшила объявить Дениза.

М-ше Аврели пожала плечами.

— Что-жь, я васъ запишу, холодно объявила она.— Мы записываемъ всѣхъ. Mademoiselle Маргарита, подайте мнѣ книгу.

Но книги не оказалась. Пока Маргарита бѣгала за нею къ инспектору Жуву, появились Мурэ и Бурдонкль. Обойдя антресоли, они прошли отдѣлы кружевъ, шалей, мѣховъ и мебели и заглянули въ отдѣленіе женскаго платья. М-ше Аврели разсыпалась въ привѣтствіяхъ и тотчасъ заговорила о новомъ фасонѣ пальто, которое она намѣрена заказать одному крупному парижскому поставщику. Она, обыкновенно, дѣлала всѣ заказы на свою отвѣтственность, но въ исключительныхъ и серьезныхъ случаяхъ обращалась къ дирекціи. Затѣмъ, Бурдонкль рассказалъ ей о новой оплошности сына. Это привело ее въ отчаяніе: Альберъ сведетъ ее въ могилу; отецъ его, если не уменъ, то по крайней мѣрѣ честенъ и аккуратенъ. Сколько огорченій причиняетъ ей семья!

Удивленный присутствіемъ Денизы, Мурэ склонился къ м-ше Аврели и спросилъ, что нужно этой дѣвушкѣ. Узнавъ, что она проситъ мѣста продавщицы, Бурдонкль пришелъ въ негодованіе.

— Оставьте пожалуйста! Вы шутите. Она слишкомъ не красива.

Но принесли книгу, и м-ше Аврели снова обратилась къ Денизѣ. Въ сущности, Дениза не могла произвести на нихъ благопріятнаго впечатлѣнія. Скромное, хотя и опрятное, черное платье,—это, впрочемъ, было не важно, такъ какъ мага-

зинъ давалъ своимъ продавщицамъ шелковое платье, — главное, что она была слишкомъ худа и печальна. Не требуя отъ продавщицы красоты, они хотѣли, чтобы она была, по крайней мѣрѣ, мила и привѣтлива.

— Ваше имя? спросила начальница.

— Дениза Бодю, сударыня.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать лѣтъ и четыре мѣсяца.

И, взглянувъ на Мурэ, присутствіе котораго ее еще больше стѣсняло, она прибавила:

— На видъ я гораздо моложе, но я очень сильна.

Всѣ улыбнулись. Бурдонкль въ нетерпѣніи разсматривалъ свои ногти.

— У кого вы служили въ Парижѣ? спросила m-me Аврели.

— Я пріѣхала изъ Волоньи, сударыня.

Это было большимъ несчастіемъ. Обыкновенно, въ «Bonheur des Dames» требовали, чтобы поступающая къ нимъ продавщица прослужила годъ въ одномъ изъ магазиновъ Парижа.

— У кого вы служили въ Волоньи?

— У Корнеля.

— Я его знаю. Хорошій магазинъ, замѣтилъ Мурэ.

Обыкновенно, онъ не вмѣшивался въ выборъ служащихъ, предоставляя это начальникамъ отдѣловъ. Но съ свойственнымъ ему чутьемъ относительно женщинъ, онъ почувствовалъ, что подъ скромной внѣшностью этой дѣвушки таится скрытая для нея самой прелесть и грація, и ему хотѣлось помочь ей.

— Отчего вы оставили Корнеля?

— По семейнымъ причинамъ, отвѣчала покраснѣвшая Дениза. — Мои родители умерли, и я должна была сопровождать брата. Вотъ мой аттестатъ.

Аттестатъ оказался прекрасный; она начинала надѣяться, какъ вдругъ ее смутилъ новый вопросъ:

— Есть ли у васъ кто-нибудь въ Парижѣ? Гдѣ вы живете?

— У дяди, пробормотала Дениза, не рѣшаясь произнести имени Бодю изъ страха, что они не захотятъ принять племянницы конкурента. — У моего дяди, Бодю, вотъ здѣсь, напротивъ.

Мурэ не выдержалъ и вмѣшался во второй разъ.

— Какъ! вы племянница Бодю! Не онъ ли васъ послалъ сюда?

— О! нѣтъ, сударь!

Она даже разсмѣялась — дотога эта мысль показалась ей странной. Она вся точно преобразилась: на блѣдныхъ щекахъ появился румянецъ и очаровательныя ямочки; нѣсколько широкій ротъ освѣтился улыбкой; въ ея сѣрыхъ глазахъ сверкнули искорки, и все лицо какъ-то засвѣтилось и ожило.

— Да она премиленькая! шепнулъ Мурэ Бурдонкю.

Компаньонъ презрительнымъ жестомъ выразилъ свое несогласіе. Клара закусила губы, а Маргарита отвернулась. Только м-ме Аврели начинала, повидимому, сдаваться и одобрительно кивала головой опять вмѣшавшемуся Мурэ.

— Вашъ дядя напрасно не привелъ васъ самъ, — его рекомендаціи было-бы вполне достаточно. Говорятъ, что онъ насъ не любитъ, но мы не мстительны, и если онъ не можетъ помѣстить у себя свою племянницу, — мы докажемъ, что ей стоять только постучаться къ намъ, чтобы быть принятой. Передайте ему, что я не пересталъ его любить, и онъ долженъ пенять не на меня, а на новыя условія торговли. Скажите ему, что онъ окончательно провалится, если не перестанетъ упорствовать и держаться за смѣшное старье.

Дениза снова поблѣднѣла. Такъ это Мурэ! Никто его не назвалъ, но теперь это было ясно, и она поняла, почему этотъ человѣкъ такъ волновалъ ее на улицѣ, въ отдѣлѣ шелка и здѣсь. Ей вспомнились всѣ рассказы дяди и тетки, и воображеніе ея рисовало Мурэ какимъ-то окруженнымъ страшной легендой героемъ, творцомъ и господиномъ этой колоссальной машины, обаяніе которой она испытываетъ съ самаго пріѣзда. За его красивымъ лицомъ съ золотистыми глазами ей мерещился образъ мертвой женщины, этой м-ме Гедуэнъ, кровью которой скрѣплены стѣны дома, и ею снова овладѣлъ страхъ передъ этимъ человѣкомъ.

М-ме Аврели закрыла книгу. Ей нужна была всего одна продавщица а ихъ уже представилось десять; но она слишкомъ желала угодить патрону, чтобы колебаться въ выборѣ. Но, для порядка инспекторъ Жувъ долженъ былъ, все-таки, навести справки и сдѣлать докладъ, послѣ чего уже начальница отдѣла принимала рѣшеніе.

— Хорошо, сударыня, величественно обратилась она къ дѣвушкѣ.— Васъ извѣстятъ.

Еще съ минуту Дениза стояла въ замѣшательствѣ, не зная какъ удалиться. Наконецъ, она поблагодарила m-me Аврели и, пройдя мимо Мурэ и Бурдонкля, поклонилась имъ. Забывшій уже объ ней Бурдонкль даже не отвѣтилъ; Клара и Маргарита многозначительно переглянулись, что не предвѣщало новой продавщицѣ хорошаго приѣма съ ихъ стороны. Точно чувствуя за своей спиной эту непривѣтливость и неприязнь, она уходила съ тѣмъ-же мучительнымъ и тяжелымъ чувствомъ, съ какимъ шла сюда, задавая себѣ вопросъ: не лучше-ли было-бы не приходиться? Можетъ-ли она рассчитывать на мѣсто,—она и этого не знала. Но надъ всѣми ощущеніями этого дня преобладали чувство страха, внушаемое ей личностью Мурэ, и чувство признательности къ Гютену. Проходя черезъ магазинъ, она искала глазами молодого человѣка и, не встрѣтивъ его, была почти опечалена.

— Ну, что, удалось-ли вамъ, сударыня? спросилъ ее чей-то голосъ, когда она вышла на тротуаръ.

Она обернулась и узнала блѣднаго и неуклюжаго молодого человѣка, обратившагося къ ней утромъ. Онъ тоже только-что вышелъ изъ «Bonheur des Dames» и былъ не меньше ея взволнованъ.

— Господи! я сама не знаю, сударь отвѣчала она.

— Значить, такъ-же, какъ и я. У нихъ тамъ странная манера разговаривать!.. Я—въ отдѣленіе кружевъ, служилъ прежде у Кревкера, въ улицѣ Миди.

Снова очутившись лицомъ къ лицу и не зная о чемъ говорить они оба покраснѣли.

— Какъ ваше имя, сударыня? рѣшился, наконецъ, спросить молодой человѣкъ, чтобы чѣмъ-нибудь прервать молчаніе.

— Дениза Бодю.

— Ну, а меня зовутъ Анри Делошъ.

Оба улыбнулись и, чувствуя одинаковость своего положенія, протянули другъ другу руки.

— Желаю вамъ успѣха!

— И вамъ тоже!

ГЛАВА III.

Каждую субботу между четырьмя и шестью часами *м-ше Дефоржъ* принимала на чашку чая желавшихъ посѣтить ее знакомыхъ. Квартира ея находилась на углу улицы Риволи и д'Альзербъ и окна выходили на Тюильрийскій паркъ.

Когда въ эту субботу слуга впустилъ Мурэ, послѣдній замѣтилъ въ отворенную дверь, что хозяйка одна въ маленькомъ салонѣ. Онъ подошелъ къ ней и церемонно раскланялся; но когда слуга притворилъ двери, Мурэ быстро схватилъ и нѣжно поцѣловалъ ея руку.

— Будь остороженъ, у меня гости! прошептала она, указывая на большой салонъ. — Я пошла за вѣромъ, чтобы показать имъ его.

И кончикомъ вѣера она слегка ударила гостя по лицу.

Это была красивая, нѣсколько полная брюнетка съ большими ревнивыми глазами.

— Что, онъ будетъ здѣсь? спросилъ Мурэ, не выпуская ея руки.

— Непремѣнно, отвѣчала она, — онъ обѣщаль.

Рѣчь шла о баронѣ Гартманѣ, директорѣ «*Credit immobilier*». *М-ше Дефоржъ* была дочерью члена государственнаго совѣта и вдовой биржевика, оставившаго ей состояніе, которое одни преувеличивали, другіе совсѣмъ отрицали. Говорили, что еще при жизни мужа она выказывала признательное расположение къ барону Гартманѣ, финансовыя совѣты котораго были имъ очень полезны. Связь продолжалась и послѣ смерти мужа, но не явно, съ соблюденіемъ приличій. *М-ше Дефоржъ* никогда не оскорбляла свѣтскихъ приличій, и ей всегда были рады въ обществѣ высшей буржуазіи, изъ котораго она происходила. Даже теперь, когда страсть къ ней барона — чловѣка пожилого и скептика — обратилась въ простое отеческое чувство, она если и позволяла себѣ, въ качествѣ свѣтской женщины, нѣкоторую свободу въ сердечныхъ отношеніяхъ, то обнаруживала въ этомъ столько изящества, такта, чувства мѣры и знанія свѣта, что всѣ приличія были соблюдены и никто не рѣшался громко заподозрить ея репутацію.

Встрѣтившись съ Мурэ, у общихъ знакомыхъ, она сначала возненавидѣла его, потомъ, незамѣтно для себя, уступила на-

стойчивости его любви, отдалась ему, и мало-по-малу привязалась къ нему глубокой и ревливой страстью тридцати-пятилѣтней женщины, приходившей въ отчаяніе отъ сознанія, что онъ моложе ея, и боявшейся его потерять.

— Знакомъ-ли онъ съ дѣломъ? спросилъ Мурэ.

— Нѣтъ, вы объясните ему сами, отвѣчала она. Глядя ему въ лицо, она думала: неужто онъ ничего не подозрѣваетъ, пользуясь ея вліяніемъ на барона? Но онъ продолжалъ держать ея руку, называлъ ее своей милой Генріэтой. Сердце ея забилося, она приблизилась къ нему и тихо приложилась къ его губамъ.

— Будеть, прошептала она.—Меня ждутъ. Войди за мною.

Изъ большого салона доносился говоръ. Она распахнула двери и поднесла вѣрвь одной изъ четырехъ дамъ, сидѣвшихъ въ комнатѣ.

— Вотъ онъ, сказала она.—Я долго не могла его найти.

И, повернувшись къ двери, весело проговорила:

— Входите-же, м-ръ Мурэ, входите отсюда,—это будетъ не такъ торжественно.

Мурэ поклонился дамамъ. Несмотря на слишкомъ высокій потолокъ, салонъ, меблированный въ стилѣ Louis XVI, и уставленный большими зелеными растеніями, былъ чрезвычайно уютенъ; въ окна виднѣлись огромныя каштановыя деревья тюльрійскаго сада, съ которыхъ октябрьскій вѣтеръ срывалъ пожелтѣвшую листву.

— Это кружево очень не дурно! воскликнула м-ме Бурдлэ, державшая вѣрвь.

Эта была маленькая тридцатилѣтняя блондинка, съ тонкимъ носомъ и живыми глазами, бывшая пансіонской подругой Генріэты и вышедшая замужъ за чиновника министерства финансовъ. Происходя отъ древней буржуазной семьи, она управляла хозяйствомъ и троими дѣтьми съ врожденнымъ тактомъ и тонкимъ знаніемъ практической жизни.

— И ты заплатила за это двадцать-пять франковъ? спросила она, разсматривая каждое колечко кружева.—Въ Ліонѣ, у мѣстнаго рабочаго?.. Это совсѣмъ не дорого. Но ты заказала оправу?

— Конечно, отвѣчала м-ме Дефоржъ.—Оправа мнѣ стоила дѣсти франковъ.

М-ме Бурдлэ расхохоталась. Такъ вотъ что Генріэта на-

зываетъ «пріобрѣсть по случаю». Двѣсти франковъ за простую отдѣлку изъ слоновой кости съ вензелемъ! И это для кусочка кружева, на которомъ выгадала пять франковъ! За двадцать пять франковъ можно будетъ купить такой же, совсѣмъ готовый вѣеръ. И она указала на магазинъ въ улицѣ Poissonnière.

Вѣеръ переходилъ изъ рукъ въ руки. М-ше Гибаль едва удостоила его взглядомъ. Это была высокая, худая женщина, съ рыжими волосами, холоднымъ лицомъ и злыми сѣрыми глазами. Ее никогда не видѣли въ обществѣ мужа, очень извѣстнаго адвоката, который отдѣльно отъ нея велъ веселую и свободную жизнь.

— О! пробормотала она, передавая вѣеръ м-ше де-Бовъ. — Этихъ вещей покупать не приходится... Ихъ намъ дарятъ больше, чѣмъ нужно.

— Вы очень счастливы, имѣя такого любезнаго мужа, колко замѣтила м-ше де-Бовъ.

И обратилась къ дочери, крупной двадцатилѣтней дѣвушкѣ.

— Посмотри на вензель, Бланшъ. Какая прекрасная работа!.. Оттого-то онъ такъ дорого стоитъ.

М-ше де-Бовъ перешагнула уже за сорокъ. Это была чрезвычайно красивая женщина, съ сложеніемъ богини, съ большимъ правильнымъ лицомъ и полузакрытыми глазами. Эта красота и соблазнила женившася на ней генераль-инспектора коннозаводства, графа де-Бовъ.

Она казалась чрезвычайно заинтересованной вѣеромъ и обратилась къ Мурэ:

— Скажите намъ ваше мнѣніе, г-нъ Мурэ! Какъ по вашему, дорого это—двѣсти франковъ за отдѣлку?

Мурэ улыбаясь смотрѣлъ на увлекшихся вѣеромъ дамъ. Онъ взялъ его въ руки, внимательно осмотрѣлъ и хотѣлъ-было сказать уже свое мнѣніе, когда слуга доложилъ:

— Madame Марти.

Вошла худая и некрасивая женщина, съ лицомъ изрытымъ оспой, но очень элегантно одѣтая. Трудно было опредѣлить ея возрастъ: ей можно было дать то тридцать, то сорокъ, смотря по настроенію ея лихорадочно-подвижной фізіономіи. На правой рукѣ у нея висѣлъ красный кожаный саквояжъ.

— Вы меня извините, милая Генріэта, за мой сакъ...

Представьте, идя въ вамъ, я заглянула въ «Bonheur des Dames», и такъ какъ я еще продолжаю дѣлать глупости, то не рѣшилась оставить это въ фіакрѣ...

— Ахъ, сударь! воскликнула она, замѣтивъ Мурэ. Я — не замѣтила, что вы здѣсь. У васъ въ настоящее время необыкновенныя кружева.

Это снова отвлекло разговоръ отъ вѣера, который Мурэ положилъ на столикъ. Дамами теперь овладѣло неудержимое любопытство узнать, что купила м-ме Марти. Всѣмъ была извѣстна — ея страсть къ покупкамъ, ея бессиліе передъ соблазномъ выставленныхъ товаровъ и готовность на всякую уступку изъ-за куска тряпки. Дочь мелкаго чиновника, она теперь раззоряла на эти тряпки своего мужа, профессора лица Бонапартъ, которому приходилось бѣгать на частныя уроки, чтобы удвоить свои шесть тысячъ франковъ жалованья, непокрывавшія постоянно возрастающихъ издержекъ жены.

Она открыла уже саквояжъ, когда въ передней раздался звонокъ.

— Это мой мужъ! сказала растерявшаяся м-ме Марти. — Онъ долженъ зайти за мной, возвращаясь изъ лица.

Она быстро закрыла сакъ и невольнымъ движеніемъ втокнула его подъ кресло. Всѣ дамы разсмѣялись. Она покраснѣла и снова положила сакъ на колѣни, объясняя, что мужчины не понимаютъ этихъ вещей и имъ лучше не показывать.

— М-г де-Бовъ, м-г де-Валаньо, доложилъ слуга.

Послѣдовало общее изумленіе. Даже сама м-ме де-Бовъ не ожидала мужа. Еще красивый мужчина съ усами, бородкой и строгой военной осанкой, м-г де-Бовъ ловко подошелъ и поцѣловалъ руку у хозяйки, которую зналъ еще дѣвочкой въ домѣ ея отца. За нимъ послѣдовалъ де-Валаньо, высокій, худосочный и болѣзненный молодой человекъ. Но едва лишь завязался разговоръ, какъ раздались восклицанія:

— Какъ! Это ты, Поль!

— А! Октавъ!

Мурэ и Валаньо крѣпко пожимали другъ другу руки. М-ме Дефоржъ выразила изумленіе. Развѣ они знакомы? Еще-бы, они выросли вмѣстѣ въ коллежѣ Плассана, и только странная случайность помѣшала имъ до сихъ поръ у нея встрѣтиться. Рука объ руку, они удалились въ сосѣдній маленький салонъ въ ту минуту, когда слуга поставилъ передъ м-ме Де-

форжъ фарфоровый чайный сервизъ. Дамы окружили столъ, и началась оживленная перекрестная болтовня. Стоя за ними, м-г де-Бовъ вставлялъ отъ времени до времени любезное замѣчаніе.

Въ уютномъ и веселомъ салонѣ стало еще веселѣе отъ этой шумной, прерываемой смѣхомъ болтовни.

— А! старый пріятель! восклицалъ Мурэ.

Они усѣлись рядомъ на диванѣ. Одни въ маленькомъ, кокетливо-меблированномъ салонѣ, вдали отъ этихъ дамъ, они смотрѣли другъ другу въ глаза, хохотали отъ удовольствія и хлопали одинъ другого по колѣнкамъ. Передъ ними воскресла вся ихъ молодость, старый коллежъ въ Плассанѣ, съ двумя дворами, съ сырыми классами, съ столовой, въ которой подавалось столько трески, со спальней, гдѣ подымалась возня, какъ только засыпалъ надзиратель. Поль, принадлежавшій къ раззорившейся знатной семьѣ, учился отлично, былъ всегда первымъ и ставился въ примѣръ товарищамъ профессорами, предвѣщавшими ему блестящую будущность, тогда какъ Октавъ, веселый и лѣнивый, всегда былъ послѣднимъ, вознаграждая себя буйными удовольствіями внѣ класса. Несмотря на разницу въ характерахъ, тѣсная дружба дѣлала ихъ неразлучными до окончанія школы,—блестящаго для Поля и съ грѣхомъ пополамъ для Октава, послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ. Затѣмъ, они пошли разными дорогами и вотъ теперь встрѣтились случайно, измѣнившимися и почти постарѣвшими.

— Ну, спросилъ Мурэ,—чѣмъ-же ты занимаешься?

— Да ни чѣмъ.

Валаньо, несмотря на радость встрѣчи, продолжалъ хранить равнодушно-разочарованный видъ.

— Да вѣдь дѣлаешь-же ты что-нибудь?

— Ничего не дѣлаю, отвѣчалъ онъ.

Мурэ расхохотался. Ничего—этого недостаточно. Слово за слово, онъ узналъ исторію Поля, обычную исторію молодого человѣка безъ состоянія, избравшаго изъ тщеславія и семейныхъ традицій либеральную профессію и чуть не умирающаго съ голоду съ цѣлой кучей дипломовъ. Окончивъ право, онъ жилъ на счетъ матери, которая и то уже не знала куда пристроить двухъ дочерей. Наконецъ, ему стало стыдно и, оставивъ мать и сестеръ доживать кое-какъ на скудные остатки состоянія, онъ поступилъ на скромную должность въ мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ и зарылся какъ кротъ въ свою норку.

— А сколько ты получаешь? спросилъ Мурэ.

— Три тысячи франковъ.

— Но вѣдь это нищета! Ахъ, мой милый, какъ мнѣ тебя жаль... Такой способный малый — и они тебѣ платятъ три тысячи послѣ пяти лѣтъ отупляющей службы! Это несправедливо.

Онъ остановился и заговорилъ о себѣ.

— Что касается меня—слуга покорный! Ты знаешь, чѣмъ я сдѣлался?

— Да, отвѣчалъ Валаньо.—Мнѣ говорили, что ты занялся коммерціей. Тебѣ принадлежитъ этотъ большой магазинъ на площади Gaillon—не правда-ли?

— Да, да... Аршинникъ, мой милый!

Мурэ снова ударилъ его по колѣну и, тономъ человѣка, нестыдящагося обогащающаго его ремесла, продолжалъ:

— Аршинникъ—какъ есть!... Что дѣлать, ты вѣдь помнишь, что я не могъ вколотить себѣ въ голову школьной мудрости, хотя на самомъ дѣлѣ, я никогда не считалъ себя глупѣе другихъ. Окончивъ курсъ изъ угожденія роднымъ, я отлично могъ сдѣлаться адвокатомъ или медикомъ, не хуже моихъ товарищей; но эти профессіи меня не привлекали: и безъ меня въ нихъ много народу сидитъ безъ хлѣба. Тогда я забросилъ свой дипломъ и безъ сожалѣній — повѣрь мнѣ — окупился въ коммерцію.

— Это правда, пробормоталъ, улыбнувшись, Валаньо, — для продажи полотень дипломъ тебѣ не пригодился-бы.

— Пригодился! воскликнулъ шутливо Мурэ.—Все, что я отъ него требовалъ—чтобы онъ мнѣ не помѣшалъ... Многимъ онъ мѣшаетъ въ жизни, связываетъ руки, замедляетъ полеть... Послушай, я не хочу тебя обижать, но ты долженъ-же сознаться, что всѣ твои дипломы не удовлетворили ни одной изъ твоихъ потребностей... Знаешь-ли, что у меня завѣдующій отдѣломъ шелковъ получить въ этомъ году двѣнадцать тысячъ франковъ! Малый очень способный, но безъ лишнихъ знаній, ограничившійся только орфографіей, да четырьмя правилами арифметики... А простые продавцы зарабатываютъ у меня три-четыре тысячи, больше твоего, и обученіе ихъ ничего не стоило, и профессора не предрекали имъ блестящей будущ-

ности... Правда, добываніе денегъ — еще не вся цѣль жизни; но между бѣдняками, начиненными наукой и осаждающими либеральныя профессіи, которыя имъ не даютъ даже вдоволь поѣсть, и практическими малыми, знающими свое ремесло — я всегда стану на сторону послѣднихъ, ибо они настоящимъ образомъ поняли задачу своего времени!

Онъ начиналъ увлекаться и повышать голосъ. Генріета обернулась. Замѣтивъ, что она улыбнулась и что дамы начинаютъ прислушиваться, онъ самъ засмѣялся.

— Словомъ, мой милый, теперь всякій аршинникъ — миллионеръ въ зародышѣ.

Валаньо лѣниво развалился на диванѣ. Въ его усталой и скептической позѣ сказывалось, кромѣ нѣкоторой аффектированности, отчасти и дѣйствительное органическое презрѣніе къ жизни.

— Ба! пробормоталъ онъ, — жизнь не стоитъ такого труда. Ничего въ ней нѣтъ интереснаго. Лучше сидѣть сложа руки.

Онъ заговорилъ о безцѣльности и ничтожествѣ существованія. Одно время онъ мечталъ о литературѣ, но столкновеніе съ писателями и поэтами оставило въ немъ самое безотрадное разочарованіе. Всѣ другія попытки убѣдили его только въ бесполезности усмій, въ скукѣ и безсодержательности жизни, въ людской глупости... Даже зло — и то не интересно.

— Скажи на милость, развѣ тебѣ весело? спросилъ онъ въ заключеніе пріятеля.

Мурэ пришелъ въ негодованіе.

— Какъ! воскликнулъ онъ. — Весело-ли мнѣ!.. Да, конечно, весело! И когда вокругъ меня все идетъ вверхъ дномъ и рушится — мнѣ еще веселѣе отъ грохота! Я человекъ дѣйствія и не понимаю спокойнаго существованія, — это, можетъ быть, и привязываетъ меня къ жизни.

Онъ взглянулъ на салонъ и понизилъ голосъ.

— О, есть женщины, причинившія мнѣ много непріятностей — я въ этомъ сознаюсь. Но разъ я забралъ одну изъ нихъ въ руки, — я ее держу и, повѣрь мнѣ, извлекаю изъ нея то, что мнѣ нужно... Но не вся суть въ женщинахъ, на которыхъ мнѣ, въ сущности, наплевать. Суть въ борьбѣ, въ достиженіи цѣли, въ созиданіи... У тебя есть идея, ты борешься за нее, ты вколачиваешь ее въ голову сосѣдей, ты видишь, что она растетъ, торжествуетъ!.. Да, мой милый, мнѣ весело!

Въ его словахъ звучало наслажденіе дѣятельностью, до-вольство существованіемъ. Онъ повторялъ, что онъ сынъ своего вѣка. Нужно не имѣть ни силъ, ни мозга, — чтобы отказы-ваться отъ дѣла въ эпоху широкой предприимчивости и все-общаго стремленія впередъ. Онъ смѣялся надъ разочарован-ными, индифферентистами и скептиками, всѣми этими выро-дками вѣка, сидящими сложа руки и ноющими среди общей борьбы и грандіозной работы вѣка. Славная, нечего сказать, завидная роль — зѣвать отъ скуки, когда всѣ работаютъ!

— У меня единственное удовольствіе — зѣвать людямъ въ лицо, сказалъ Валаньо, улыбаясь своей холодной улыбкой.

Увлечение Мурэ сразу прошло, и онъ снова заговорилъ нѣж-нымъ дружескимъ тономъ.

— Ахъ, бѣдный мой Поль, ты все тотъ-же, такъ-же пара-доксалень!.. Но, надѣюсь, мы не для того встрѣтились, чтобъ ссориться. Къ счастью, — у каждаго свои взгляды. Тебѣ нужно показать мою машину въ дѣйствиіи, — ты увидишь, что это не такъ просто... Ну, расскажи о себѣ. Твоя мать и сестры, на-дѣюсь, здоровы? Кажется, ты собирался жениться въ Плас-санъ съ годъ тому назадъ?

Его остановило порывистое движеніе Валаньо, посмотрѣв-шаго на дверь салона. Въ раскрытую дверь Мурэ замѣтилъ, что м-ше де-Бовъ не сводить глазъ съ Поля. Высокая, пол-ная, Бланшъ очень походила на мать, только въ ея крупныхъ чертахъ проглядывали уже слѣды преждевременнаго сжирѣнія.

Поль шопотомъ отвѣчалъ пріятелю, что пока еще ничего не рѣшено, что, можетъ быть, ничего и не выйдетъ. Онъ по-знакомился съ этой дѣвушкой у м-ше Дефоржъ, которую въ прошломъ году посѣщалъ довольно часто. Онъ бываетъ въ семьѣ, гдѣ ему особенно нравится самъ де-Бовъ, человекъ веселый и любезный, которому скоро предстоитъ выйти въ отставку. Состоянія у нихъ нѣтъ. М-ше де-Бовъ принесла мужу только красоту Ююны, такъ какъ семья ея жила ни-чтожнымъ доходомъ съ послѣдней заложенной фермы. Мужъ, въ качествѣ генераль-инспектора коннозаводства, получаетъ де-вятъ тысячъ франковъ въ годъ; но жена и дочь, очень стѣс-ненные въ средствахъ, благодаря тому, что графъ до сихъ поръ продолжаетъ кутить на сторонѣ, вынуждены бывають собственноручно шить свои платья.

— Такъ что-же ты?.. просто спросилъ Мурэ.

— Господи! Надо-же чѣмъ-нибудь кончить, отвѣчалъ съ усталымъ выраженіемъ лица Валаньо.— При томъ; у насъ есть надежды, мы ждемъ наслѣдства отъ тетки.

Мурэ, не выпускаявшій изъ виду де-Бова, который слишкомъ усердно увивался возлѣ м-ше Гибаль, многозначительно взглянулъ на пріятеля.

— Нѣтъ, не эта—отвѣчалъ тотъ.— По крайней мѣрѣ, пока... Бѣда въ томъ, что онъ, по дѣламъ службы, долженъ разъѣзжать по Франціи, а это даетъ ему поводъ часто исчезать неизвѣстно куда. Въ прошломъ мѣсяцѣ, напримѣръ, его считали въ Перпиньянѣ, а онъ между тѣмъ преспокойно жилъ съ учительницей музыки въ отдаленномъ кварталѣ Парижа.

Съ минуту длилось молчаніе, послѣ котораго Поль, въ свою очередь слѣдившій за графомъ и м-ше Гибаль, шепнулъ Октаву:

— А ты, пожалуй, правъ... Тѣмъ болѣе, что эта милая дама, какъ говорятъ, не отличается суровостью. За ней числится очень интересное приключеніе съ офицеромъ... Однако, погляди на него, какъ онъ магнетизируетъ ее взглядомъ! О, это старая Франція, мой милый... Люблю я этого человѣка и, можно сказать—изъ-за него только и женюсь на его дочери!

Мурэ весело смѣялся. Его забавляла эта исторія, а когда онъ узналъ, что мысль объ этой свадьбѣ принадлежитъ м-ше Дефоржѣ, она показалась ему еще забавнѣе. Милая Генріэта! Какъ вдовушкѣ, ей доставляетъ удовольствіе женить людей; а пристроивши дочерей, она предоставляетъ даже отцамъ выбирать возлюбленную среди своихъ пріятельницъ. И все это такъ мило, просто и граціозно, безъ малѣйшаго повода къ скандалу.

Какъ разъ въ эту минуту она появилась у дверей маленькаго салона, въ сопровожденіи старика лѣтъ шестидесяти. Изъ салона доносились рѣзкіе голоса оживленно болтавшихъ дамъ, аккомпанируемые звукомъ ложекъ о фарфоровыя чашки. Яркій лучъ заходящаго солнца, позолотившаго верхушки каштановъ Тюльрійскаго сада, вривался въ гостинную, сверкая на мраморѣ камина и позолотѣ мебели.

— Сюда, любезный баронъ, говорила м-ше Дефоржѣ;—позвольте представить вамъ м-г Октава Мурэ, съ нетерпѣніемъ ожидающаго случая выразить вамъ свое уваженіе.

Обращаясь къ Октаву, она прибавила:

— Баронъ Гартманъ.

По губамъ старика скользнула тонкая улыбка.

Это былъ мужчина низкаго роста, но крѣпкій, съ большою эльзасской головой, съ полнымъ, но чрезвычайно умнымъ и выразительнымъ лицомъ. Недѣли двѣ онъ отказывалъ Генріэтѣ въ этомъ свиданіи, но не изъ ревности, такъ какъ онъ, какъ умный человѣкъ, помирился съ ролью отца и покровителя, а потому, что Генріэта уже въ третій разъ устраиваетъ ему подобныя знакомства, и онъ боялся показаться смѣшнымъ. Вотъ почему онъ подошелъ къ Октаву съ рассчитанной усмѣшкой богатаго покровителя, который, не отказывая въ любезности, не желаетъ, однако, казаться обманутымъ.

— О! воскликнулъ Мурэ съ энтузіазмомъ провансальца. Последняя операція «Crédit Immobilier» была такъ необыкновенна! Вы не повѣрите, какъ я счастливъ, что имѣю случай пожать вашу руку!

— Вы очень любезны, сударь, очень любезны, повторялъ не переставая улыбаться, баронъ.

Генріэта смотрѣла на нихъ своими ясными глазами безъ малѣйшаго замѣшательства. Поднявъ свою хорошенькую головку, она переходила отъ одного къ другому, повидимому, въ восторгѣ отъ ихъ дружелюбной встрѣчи.

— Я васъ оставлю, господа, бесѣдовать, заключила она, и обратилась къ Валаньо:

— Не хотите-ли чашку чаю, м-г Валаньо?

— Съ удовольствіемъ, сударыня.

И оба вышли изъ маленькаго салона. Когда баронъ Гартманъ сѣлъ, Мурэ опять занялъ свое мѣсто на диванѣ. Онъ снова разсыпался въ похвалахъ операціямъ «Credit Immobilier». Затѣмъ онъ коснулся интересовавшаго его предмета—новой улицы, подъ названіемъ улицы «Десятаго Декабря», которую предполагалось провести между площадью Биржи и площадью Оперы. Общепольность этого предпріятія была признана еще полтора года тому назадъ; комиссія по экспроприаціи была уже назначена, и все населеніе квартала было заинтересовано предстоящими работами и судьбой обреченныхъ на разрушеніе зданій. Мурэ уже три года ждалъ этихъ работъ, въ виду оживленія торговыхъ операцій и въ интересахъ своихъ постоянно расширяющихся плановъ переустройства и увеличенія магазина. Такъ какъ улица «Десятаго Декабря» должна

была пересѣчь улицы Шуазель и Мишодьеръ, то его воображенію уже рисовался «Bonheur des Dames» широко раскинувшимся на всемъ пространствѣ между двумя названными и улицей Neuve-Saint-Augustin, съ великолѣпнымъ фасадомъ на новую улицу, гордо красующимся надъ побѣжденнымъ городомъ. Отсюда происходило его нетерпѣніе познакомиться съ барономъ Гартманомъ, когда онъ узналъ, что, по контракту съ администраціей, дирекція «Crédit Immobilier» обязывается провести на свой счетъ новую улицу, съ условіемъ, что ей уступлены будутъ оставшіеся по обѣ стороны улицы свободные участки земли.

— Неужто это правда, говорилъ Мурэ, стараясь казаться наивнымъ, — что вы обзались представить улицу съ тротуарами, сточными трубами и газовыми рожками? И вы думаете, что уступленные вамъ участки могутъ покрыть ваши затраты? О! это крайне любопытно, крайне любопытно!

Наконецъ, онъ подошелъ къ щекотливому пункту. Онъ зналъ, что «Crédit Immobilier» неофициально скупаетъ окружающіе «Bonheur des Dames» дома, и не только тѣ, которые подлежали разрушенію, но и другіе. Предчувствуя въ этомъ какое-нибудь коммерческое предпріятіе, онъ сильно беспокоился за то, что его грандіозные планы расширенія «Bonheur des Dames» встрѣтятъ когда-нибудь на своемъ пути такое могущественное общество, какъ «Crédit Immobilier», изъ рукъ котораго трудно уже будетъ вырвать захваченныя имъ земли и дома. Боязнь этого опаснаго противника и побуждала его возможно тѣснѣе сблизиться съ барономъ, воспользовавшись вліяніемъ красивой и очаровательной женщины. Конечно, онъ могъ явиться съ своими предложеніями прямо въ рабочий кабинетъ финансиста; но онъ чувствовалъ себя гораздо сильнѣе здѣсь, подъ защитой хорошенькой Генріеты, подъ обязательнымъ вліяніемъ ея нѣжной улыбки, которая казалась ему лучшимъ залогомъ согласія и успѣха.

— Не вы-ли купили отель Дювилларъ, это смежное съ моимъ магазиномъ старое зданіе? спросилъ онъ барона.

Послѣ непродолжительнаго колебанія, баронъ Гартманъ отвѣтилъ отрицательно. Но, взглянувъ ему въ лицо, Мурэ разсмѣялся и сталъ разыгрывать откровеннаго молодого чело-вѣка, у котораго сердце на ладони.

— Послушайте, господинъ баронъ, такъ какъ мнѣ выпало

неожиданное удовольствіе встрѣтиться съ вами, я долженъ высказаться... О! я не желаю знать вашихъ тайнъ, я хочу только открыть вамъ свои, будучи убѣжденъ, что мнѣ не снискать болѣе мудраго и опытнаго повѣреннаго... Притомъ, я давно нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ, но все не рѣшался къ вамъ обратиться.

И онъ дѣйствительно началъ исповѣдь, разсказавъ свою исторію, не скрылъ даже переживаемаго имъ въ настоящую минуту кризиса. Было упомянуто все: и постепенное расширение магазина, и употребленіе всѣхъ наличныхъ средствъ въ обороты, и пользованіе сбереженіями служащихъ, и рискъ, которому подвергается магазинъ при каждой выставкѣ и распродажѣ, когда ставится на карту разомъ все состояніе. И все-таки, онъ проситъ не денегъ, ибо до сихъ поръ пользуется фанатическимъ довѣріемъ своихъ кліентовъ. Его претензіи простираются дальше: онъ предлагаетъ барону союзъ, въ которомъ «Credit Immobilier» доставитъ ему колоссальную постройку, а онъ, съ своей стороны, внесетъ свой коммерческій геній и тотъ матеріальный фондъ, который онъ уже успѣлъ создать.

— Какое употребленіе вы дадите своимъ землямъ, своимъ зданіямъ? У васъ, конечно, есть свой планъ. Но я заранѣе увѣренъ, что вашъ планъ не стоитъ моего... Подумайте объ этомъ... Мы разрушимъ ветхія зданія, устроимъ на расчищенныхъ участкахъ обширнѣйшій въ мірѣ магазинъ, который принесетъ намъ миллионы.

— Ахъ! искренно вырвалось у него, — если-бы я только могъ обойтись безъ васъ!.. Но въ вашихъ рукахъ теперь все, а у меня, притомъ, недостаточно средствъ... Послушайте, намъ необходимо понять другъ друга...

— Вы слишкомъ увлекаетесь, коротко замѣтилъ баронъ.

Онъ улыбался, качая головой и рѣшилъ не высказываться. «Credit Immobilier» предполагалъ выстроить на новой улицѣ «Десятаго Декабря» роскошную гостинницу, которая, благодаря своему центральному положенію, привлекала-бы иностранцевъ и составила-бы конкуренцію Grand-Hôtel. Такъ какъ эта постройка могла занять только участки, лежащіе вдоль улицы, то значительное пространство, занятое ветхими домами, оставалось свободнымъ, и баронъ могъ вступить по поводу ихъ въ договоръ съ Муръ; но онъ два раза оказывалъ такимъ образомъ услуги друзьямъ Генріэты, и такое великодушіе ему

начинало надобдѣть. Онъ любилъ оказывать денежное содѣйствіе всякой смѣлой предприимчивости, но коммерческій геній Мурэ больше удивлялъ его, чѣмъ внушалъ довѣріе. Не фантастическое-ли предпріятіе этотъ гигантскій магазинъ? Можно-ли безъ риска расширять до такихъ чрезвычайныхъ размѣровъ сферу модной торговли? Нѣтъ, онъ не можетъ принять предложенія.

— Мысль, безспорно, соблазнительная, говорилъ онъ.—Но она принадлежит поэту... Гдѣ вы найдете такую массу покупателей?

Мурэ съ минуту смотрѣлъ на него, пораженный этимъ отказомъ.—Возможно-ли? Человѣкъ съ такимъ тонкимъ чутьемъ въ денежныхъ дѣлахъ!.. Но вдругъ онъ сдѣлалъ ораторскій жестъ и, указавъ на разговаривающихъ въ салонѣ дамъ, воскликнулъ:

— Покупатели— вотъ они!

Лучи заходящаго солнца мало-по-малу блѣднѣли, и отблескъ ихъ умиралъ на позолотѣ мебели. Надъ салономъ опускались сумерки, придававшіе ему еще большую уютность, располагавшую къ интимности. Поль и м-г де-Бовъ бесѣдовали у окна, устремивъ взоры въ даль Тюильрійскаго сада; а дамы, въ тѣсномъ кружкѣ, шептались, горячились, хохотали и болтали о модахъ.

— Прозрачная шелковая юбка, рассказывала м-ше де-Бовъ,—а сверху оборки изъ алансонскаго кружева въ тридцать сантиметровъ ширины.

— Ахъ! Какая прелесть! прерывала м-ше Марти.—Есть же такія счастливицы!

Сквозь раскрытую дверь, баронъ смотрѣлъ на этихъ дамъ, между тѣмъ какъ снова начинавшій увлекаться Мурэ объяснялъ ему новый механизмъ модной торговли.

— Теперь, говорилъ онъ, — все строится на непрерывныхъ и частыхъ оборотахъ капитала, который ежегодно долженъ превращаться въ товаръ и обратно возможно большее число разъ. Такъ, въ нынѣшнемъ году его капиталъ, не превышающій пяти сотъ тысячъ франковъ, обернулся четыре раза и произвелъ, слѣдовательно, на два милліона операцій. Въ сущности, говорилъ онъ, — оборотъ пустяшный, и со временемъ капиталъ долженъ оборачиваться пятнадцать и двадцать разъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ.

— Вы понимаете, г-нъ баронъ, что въ этомъ заключается весь механизмъ торговли. Вещь простая, однако нужно было ее подмѣтить. Намъ не нужно большихъ фондовъ; всѣ наши усилія направлены къ наивозможно скорѣйшему сбыту имѣющагося у насъ товара, чтобы тотчасъ-же замѣнить его другимъ, причемъ всякій разъ капиталъ даетъ свой установленный процентъ. Такимъ образомъ, мы можемъ довольствоваться самой незначительной прибылью. Такъ какъ наши издержки обходятся намъ въ шестнадцать процентовъ, а продажа даетъ намъ двадцать процентовъ прибыли, то размѣры чистаго барыша не превышаютъ четырехъ процентовъ на капиталъ; но эта ничтожная прибыль можетъ дать милліоны на огромномъ количествѣ постоянно возобновляемаго товара... Вы слѣдите... не правда-ли, это ясно?

Баронъ снова недовѣрчиво покачалъ головой.

— Я понимаю, отвѣчалъ онъ. — Вы продаете дешево, чтобы продать больше, а продаете много, чтобы имѣть возможность продавать дешево... Но вѣдь нужно всетаки продать, и я возвращаюсь къ своему вопросу — кому вы будете продавать? Кѣмъ наполните вы вашъ колоссальный базаръ?

Взрывъ голосовъ изъ салона прервалъ объясненія Мурэ. М-ше Гибаль предпочитала кружевные оборки только спереди.

— Но, моя милая, убѣждала ее м-ше де-Бовъ, — и тамъ были кружева спереди. Я никогда не видала подобной роскоши!

— Кстати! вы мнѣ подали счастливую мысль! У меня есть кусокъ элансона... Надо его отыскать для отдѣлки, сказала Генріэта.

Голоса опять утихли и замѣнились интимнымъ шопотомъ. Доносились цифры, цѣны и названія всевозможныхъ кружевъ.

— О! отвѣчалъ Мурэ, когда разговоръ утихъ. — Можно продать все, что угодно, только надо умѣть. Въ этомъ вся наша сила.

Съ горячностью кожанина, въ яркихъ, образныхъ выраженіяхъ, онъ началъ объяснять практику новой коммерціи. Во-первыхъ, удешевленное количество товара, сосредоточеннаго въ одномъ пунктѣ, — товара всѣхъ сортовъ и категорій, безпрерывно мѣняющагося, всегда новаго и моднаго. Ни минуты замедленія и остановки: товаръ даннаго сезона долженъ быть въ свое время на своемъ мѣстѣ, такъ чтобы клиентка, покупая въ одномъ районѣ ленты, въ другомъ мате-

рію, въ третьемъ манто, случайно натыкалась на предметы неожиданные, поражающіе, уступала соблазну и бросалась на бесполезное, изящное и красивое. Затѣмъ, слѣдуетъ объявленіе цѣнъ. Это открытіе произвело самый крупный переворотъ въ модной торговлѣ. Старая, мелкая торговля падаетъ и вымираетъ только потому, что не въ состояніи выдержать конкуренціи съ выставленными на ярлыкахъ низкими цѣнами. Благодаря ярлыкамъ, цѣны устанавливаются сами собой, на глазахъ мимо идущей публики; каждый магазинъ волей-неволей понижаетъ ихъ до послѣдней степени возможнаго. Никакой обманъ немислимъ, невозможна продажа вещи вдвое дороже ея стоимости; цѣна всѣхъ извѣстна; каждая вещь даетъ свой опредѣленный, заранѣе установленный процентъ, и торговая операція правильно совершается у всѣхъ на-виду и тѣмъ шире, чѣмъ открытѣе! Ярлыкъ привлекаетъ толпу и удешевляетъ сбытъ. Эта находка перевернетъ вверхъ дномъ всю торговлю, такъ какъ она сдѣлана изъ плоти и крови женщины.

— Разъ я имѣю въ своихъ рукахъ женщину—мнѣ плевать на остальное! закончилъ онъ, въ порывѣ грубой откровенности.

Послѣднее восклицаніе, казалось, подѣйствовало на барона. Ироническая улыбка сошла съ его губъ и на лицѣ его появились признаки сочувствія.

— Типе! отечески проборжоталъ онъ.—Онѣ могутъ васъ слышать.

Но дамы заговорили въ эту минуту всѣ разомъ съ такимъ умчеченіемъ, что не слышали даже другъ друга. М-ме де-Бовъ оканчивала описаніе туалета.

— Вы увидите, говорила она,—я себѣ заказала такой-же корсажъ изъ атласа...

— Мнѣ больше понравился бархатъ, замѣтила м-ме Бурдлэ.

— Ахъ! какая дешевая распродажа!

— Какъ? почему шелкъ? спрашивала м-ме Марти.

М-ме Гибаль, Генріота, Бланшъ шумѣли, покупали, кроили, мѣряли и въ какомъ-то азартѣ расхищали магазины и увносили тряпки.

Взглянувъ на салонъ, Мурэ наклонился къ барону и на ухо сталъ оканчивать ему описаніе механизма новѣйшей торговли. На вершинѣ этого искусно построеннаго механизма стоитъ эксплуатація женщины. Къ ней стремится все: и безпрестанные обороты капитала, и система нагроможденія това-

ровъ, и соблазнительная дешевизна, и успокоительное объявление цѣны. Изъ-за женщины магазины ведутъ ожесточенную конкуренцію, женщину стараются они привлечь къ себѣ дешевой распродажей и одуряющей выставкой товаровъ. Магазины возбуждаютъ въ ней новыя желанія, представляя нескончаемый рядъ соблазновъ, которымъ она фатально поддается, уступая сначала потребностямъ хорошей хозяйки. Удешаивая сбытъ, демократизируя роскошь, магазинъ удешаиваетъ издержки, создаетъ безумное подражаніе вѣчно измѣняющейся модѣ! Въ его магазинѣ женщина играетъ роль влюбленной царицы, которую толпа слугъ окружаетъ предупредительностью, лестью и поклоненіемъ, но пользуется ея слабостью, заставляя платить каплями ея собственной крови за каждый любовный капризъ. Изъ подъ личины восторженного обожанія Мурэ обнаруживалъ грубую натуру торговца, продающаго свою жертву. Онъ воздвигалъ ей великолѣпный храмъ, заставлялъ толпу своихъ подчиненныхъ кадить ей фиміамъ, создавалъ въ честь ея цѣлныи культъ, окружая ее всевозможными обольщеніями; и когда, очарованная и отуманенная, она сдавалась и опорожняла свой кошелекъ, онъ за спиной ея высказывалъ презрѣніе, какъ къ женщиной, которая слишкомъ легко уступила поклоннику.

— Привлеките къ себѣ женщинъ, тихо говорилъ онъ барону, — и вы продадите всѣ товары міра.

Теперь баронъ понималъ. Достаточно было этихъ краткихъ фразъ, чтобы онъ представилъ себѣ остальное. Ему понравилась эта плѣнительная система эксплуатаціи женщины, разжигавшая въ немъ кровь стараго волокиты.

Онъ кивалъ головой, въ знакъ пониманія, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на изобрѣтателя столь искуснаго механизма для ловли женщинъ. Очень остроумно! Но многолѣтній опытъ подсказалъ ему замѣчаніе, которое часто дѣлалъ патрону Бурдонкль.

— А вы знаете, что онѣ свое возьмутъ.

Но Мурэ пожалъ плечами съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія. Всѣ онѣ въ его рукахъ и ни одна надъ нимъ не властна. Когда онъ выжметъ изъ нихъ все, что ему нужно — онъ выброситъ всѣхъ ихъ на улицу, для утѣхи ихъ почтителей.

Въ этомъ сказывалось презрѣніе южанина и спекулятора.
— Ну-съ, любезный баронъ, спросилъ онъ въ заключеніе, —

хотите вы быть со мной? Согласны-ли вы на мое предложение?

На половину побѣжденный, баронъ не рѣшался еще дать обязательство. Въ немъ еще оставались сомнѣнія, и онъ искалъ уклончиваго отвѣта, какъ вдругъ изъ сосѣдняго салона послышались дамскіе голоса:

— М-г Мурэ! М-г Мурэ!

Но такъ какъ, недовольный этимъ преждевременнымъ перерывомъ, Мурэ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, то въ дверяхъ появилась м-ше де Бовъ.

— Васъ требуютъ, м-г Мурэ. Это нелюбезно съ вашей стороны забираться въ уголъ и толковать о дѣлахъ.

Мурэ моментально сдѣлался любезнымъ и обворожительнымъ. Оба встали и вошли въ салонъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, mesdames, произнесъ онъ съ очаровательной улыбкой.

Его встрѣтили восторженными восклицаніями, раздвинулись и окружили. Солнце уже спряталось за высокими деревьями тюльбрійскаго сада, и въ обширномъ салонѣ царилъ полумракъ чарующихъ и навѣвающихъ сладкія грезы парижскихъ сумерекъ. М-г де Бовъ и Валанъ продолжали тихо бесѣдовать у окна, тогда какъ въ другомъ окнѣ рѣзко обрисовывалась блѣдная и полинявшая фигура, въ ветхомъ рединготѣ, незамѣтно вошедшаго м-г Марти, измученнаго бѣготней на уроки и оглушеннаго нескончаемой болтовней этихъ дамъ о туалетахъ.

— Эта выставка будетъ въ понедѣльникъ? спросила м-ше Марти.

— Непремѣнно, сударыня, отвѣчалъ Мурэ тѣмъ пѣвучимъ голосомъ, какимъ онъ умѣлъ говорить съ дамами.

— Вы знаете, что мы всё придемъ туда... вмѣшалась Генріэта.— Говорятъ, что вы готовите чудеса.

— О! чудеса! скромно возразилъ онъ,— я стараюсь только заслужить ваше одобреніе.

Но онъ осадили его, осыпали вопросами, хотѣли узнать все.

— Мы хотимъ знать подробности, говорила м-ше де Бовъ,— мы умираемъ отъ нетерпѣнія.

Вдругъ Генріэта замѣтила, что онъ не выпилъ даже чашки чаю... Всѣ заволновались. Четверо бросились ему прислуживать, съ условіемъ, чтобы онъ тотчасъ сталъ рассказывать. Генріэта наливала чай, м-ше Марти держала чашку, а м-ше

Бурдлэ и м-ше де Бовъ оспаривали другъ у друга честь положить въ нее сахаръ. Такъ какъ онъ не садился, то онѣ обступили его тѣснымъ кругомъ и, поднявъ головы съ нѣжной, заискивающей улыбкой, осыпали его вопросами.

— А что это за «Paris-Bonheur», о которомъ такъ шумятъ газеты? спрашивала м-ше Марти.

— О! это фэй необыкновеннаго достоинства. Вы его увидите, mesdames. Его можно найти только у насъ, такъ какъ мы приобрѣли его въ исключительную собственность нашего магазина.

— Неужели? хорошій шелкъ и всего пять франковъ шестьдесятъ, восклицала м-ше Бурдлэ.— Просто невѣроятно!

Съ тѣхъ поръ какъ рекламы зашумѣли объ этомъ шелкѣ, онъ занялъ важное мѣсто въ обыденной жизни этихъ дамъ, въ ихъ мечтахъ и бесѣдахъ, и въ нетерпѣливыхъ вопросахъ, которыми онѣ засыпали Мурэ, сказывалось различіе темпераментовъ этихъ страстныхъ покупательницъ.

Обуреваемая неудержимой страстью къ издержкамъ, м-ше Марти покупала безъ разбору все, что ни попадалось ей на глаза; м-ше Гибаль по цѣлымъ днямъ ходила по магазину, довольствуясь только зрѣлищемъ; вѣчно стѣсненная въ средствахъ, м-ше де-Бовъ смотрѣла съ чувствомъ ненависти на всѣ эти недоступные для нея наряды; чуждая увлеченія м-ше де-Бурдлэ съ тонкимъ чутьемъ опытной хозяйки шла прямо къ дешевой распродажѣ, соблюдая значительную экономію; Генриета, какъ очень элегантная женщина, покупала въ большихъ магазинахъ только нѣкоторые предметы, какъ, напр., перчатки, чулки и постельное бѣлье.

— У насъ есть и другія, удивительныя по своей роскоши и дешевизнѣ матеріи, продолжалъ пѣвучимъ голосомъ Мурэ.— Такъ, я рекомендую вашему вниманію нашу тафту «Cuir d'or...» Вы найдете у насъ самую разнообразную коллекцію шелковъ, бархата и суконъ... Предупреждаю васъ, что сукно въ эту зиму будетъ въ большой модѣ...

Онѣ уже не прерывали его, тѣснились все ближе и ближе, впиваясь всѣмъ существомъ въ этого искусствителя. Глаза ихъ затуманились, на губахъ блуждала неопредѣленная улыбка, по спинамъ пробѣгала легкая дрожь. А онъ стоялъ спокойно и побѣдоносно среди этихъ дамъ, среди одуряющаго аромата отъ плечъ и волосъ, и запивалъ каждую фразу глоткомъ чая.

Глядя на это невозможное самообладаніе тонкаго искусителя, не сводившій съ него глазъ баронъ Гартманъ все больше и больше проникался къ нему удивленіемъ.

— Не правда-ли, у васъ по четвергамъ распродажа остатковъ? спросила м-ме Бурдлэ. — Мнѣ нужно одѣть весь мой маленькій мірокъ... А ты, обратилась она къ Генріэтѣ, — продолжаешь все одѣваться у Соверъ?

— Да, отвѣчала Генріэта. — Что дѣлать! Соверъ очень дорогая портниха, но она одна въ цѣломъ Парижѣ умѣетъ шить корсажъ... Притомъ, что-бы ни говорил м-г Мурэ, а у нея лучшей выборъ матерій и рисунковъ, которыхъ нигдѣ, кромѣ ея, не встрѣтишь...

Мурэ улыбнулся. Но м-ме Соверъ къ нему-же приходитъ покупать свои матеріи! Правда, у нея есть нѣсколько образцовъ, ей исключительно принадлежащихъ, но за-то всѣ черные шелка, напримѣръ, она закупаетъ по случаю въ «Bonheur des Dames», дѣлая огромные запасы и назначая потомъ за нихъ тройныя цѣны.

— Я увѣренъ, напримѣръ, что ея агенты скупаютъ у меня весь «Paris-Bonheur». Да и съ какой стати она станетъ покупать на фабрикѣ, платя то-же, что платитъ у насъ. Увѣрю васъ, что мы продаемъ съ убыткомъ.

Этимъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ дамамъ. Ихъ страсти къ покупкамъ разжигались соблазномъ необыкновенной дешевизны, а еще больше — продажей въ убытокъ, возможностью обобрать купца.

— Да мы все отдаемъ почти даромъ, прибавилъ онъ, смѣясь, и взялъ со столика вѣреть м-ме Дефоржъ. — Вотъ, хоть этотъ вѣреть, — я не знаю, что онъ стоитъ...

— Кружево — двадцать-пять франковъ, а отдѣлка — двѣсти, отвѣчала Генріэта.

— Ну, кружево еще не дорого... Тѣмъ не менѣе, у насъ то-же самое стоитъ восемнадцать франковъ... Что-же касается отдѣлки, то васъ просто обокрали, сударыня. Я берусь доставить вамъ точно такой-же вѣреть за девяносто франковъ.

— Я-же это говорила! воскликнула м-ме Бурдлэ.

— Девяносто франковъ! бормотала м-ме де-Бовъ. — Какая дешевизна! Нужно быть нищимъ, чтобы не купить.

И вѣреть сталъ снова переходить изъ рукъ въ руки.

Взволнованная разговоромъ, м-ме Марти уже нѣсколько

минуть лихорадочно вертѣла сакъ-воляжъ, подстрекаемая не-
удержимымъ желаніемъ показать свои покупки. Вдругъ, за-
бывъ о присутствіи мужа, она открыла его и вынула кусокъ
узкаго, намотаннаго на картонъ кружева.

— Этотъ валянсьенъ я купила для дочери, три сантиме-
тра ширины, не правда-ли, красиво?

Кружево переходило по рукамъ. Мурэ утверждалъ, что
онъ продаетъ его по фабричнымъ цѣнамъ. Успѣхъ былъ гро-
мадный, и м-ше Марти не устояла противъ соблазна выло-
жить одну за другой всѣ свои покупки. Кружевной носовой
платокъ—двадцать франковъ, необыкновенно дешевый случай!
Украшенный испанскими блондами галстухъ—тридцать фран-
ковъ; она не думала его покупать, но прикащикъ увѣрялъ ее,
что это послѣдній и что цѣна скоро повысится; далѣе слѣ-
довала кружевная вуаль, нѣсколько дорого—пятьдесятъ фран-
ковъ, но она пригодится для дочери.

— Боже мой! говорила она — Кружева—это такая пре-
месь! Когда я попадаю туда — я готова закупить весь мага-
зинъ!

Но въ эту минуту она подняла глаза и увидѣла передъ со-
бой испуганное лицо мужа. Несчастный съ ужасомъ смо-
трѣлъ на это расхищеніе съ такимъ трудомъ доставшагося
ему заработка. Каждый кусокъ появлявшагося изъ сакволяжа
кружева представлялъ для него рядъ мучительныхъ часовъ
преподаванія, бѣготню по урокамъ, напрасныя усилія удовле-
творить постоянно возрастающія нужды семьи. При видѣ этого
испуганнаго, блѣднаго лица, она засуетилась и въ замѣша-
тельствѣ старалась собрать и запрятать покупки.

— Увѣряю тебя, мой другъ, бормотала она,—что я еще
была очень благоразумна. Тамъ было роскошное кружево—
пятьсотъ франковъ—просто восторгъ!

При этой страшной цифрѣ холодная дрожь охватила бѣд-
няка, и онъ бросилъ взглядъ безсильной ненависти на Мурэ,
который въ эту минуту доказывалъ, что модные магазины со-
дѣйствуютъ благосостоянію хозяйства средней буржуазіи.

Но дамы не выпускали изъ рукъ кружева, передавали одна
другой, вертѣли, всматривались, упивались красотой и изя-
ществомъ тонкой работы и закидывали Мурэ вопросами. Въ
комнатѣ царилъ поэтической полумракъ, и только бѣлоснѣж-
ное кружево рѣзко выдѣлялось на темныхъ колѣняхъ этихъ

дамъ, окружавшихъ Мурэ и напоминавшихъ благоговѣйную группу богомолицъ. Но слуга вошелъ съ двумя лампами, и всѣ зашевелились. М-ше Марти суетливо стала укладывать покупки; м-ше де-Бовъ доѣдала свой кусокъ пирожного, а Генріэта встала, отошла съ барономъ къ окну и заговорила съ нимъ вполголоса.

— Онъ очень милъ, говорилъ баронъ.

— Неправда-ли? вырвался у нея невольный возгласъ влюбленной женщины.

Онъ улыбнулся отечески-снисходительной улыбкой. Это было ее первое глубокое увлеченіе, и барону стало жаль этой женщины, попадающей въ лапы обворожительному, но холодному и расчетливому человѣку. Ему вдругъ захотѣлось предостеречь ее.

— Берегитесь, моя милая, шутливо пробормоталъ онъ:— онъ васъ всѣхъ пожретъ.

Въ прекрасныхъ глазахъ Генріэты сверкнула искра ревности, хотя она, безъ сомнѣнія, подозрѣвала, что Мурэ только пользуется ею для сближенія съ барономъ.

— О! отвѣчала она, стараясь отдѣлаться шуткой,—какъ бы ягненокъ не съѣлъ волка.

Довольный такимъ отвѣтомъ, баронъ поощрительно кивнулъ головой. Быть можетъ, думалось ему, она и есть та женщина, которой суждено отмстить за всѣхъ.

Когда Мурэ, пригласивъ предварительно Поля посѣтить магазинъ, сталъ прощаться съ дамами, баронъ взялъ его за руку и отвелъ къ окну. Онъ теперь вѣрилъ въ него и уступалъ. Нѣсколько минутъ они говорили шопотомъ:

— Хорошо, произнесъ наконецъ баронъ.—Я рассмотрю это дѣло. Договоръ будетъ заключенъ, если ваша распродажа въ понедѣльникъ дастъ обѣщанные вами результаты.

Они пожали другъ другу руки, и довольный собою Мурэ поспѣшилъ въ «Bonheur des Dames», ибо онъ плохо обѣдалъ въ тѣ дни, когда ему не удавалось взглянуть на дневную вырчку магазина.

(Продолженіе будетъ).

ВЪ БУРЮ.

(А. Н. Плещееву).

При блескъ молніи, при грохотъ громовомъ,
Стою у моря я. Бушуетъ предо мной,
Въ своемъ величїи и грозномъ, и суровомъ,
Необозримое, гоня волну волной
И вдругъ сливая ихъ въ одну сплошную гору, —
И ужасомъ охваченному взору
Все чудится, что мигъ одинъ —
И разъяренная стихїя
Ворвется въ области чужїа,
Какъ полновластный господинъ,
И побѣдителемъ, не знающимъ пощады,
Смететь все встрѣчное, разрушить всѣ преграды...
Напрасный ужасъ! Береговъ
Достигнуть волны исполины —
И съ ропотомъ глухимъ, назадъ въ свои пучины
Бѣгутъ, какъ будто вдругъ наткнувшись на враговъ.
О, море! Знаю я, что значить шумъ твой гнѣвный,
Мятежно-гордый говоръ твой,
И стонъ болѣзненно-плачевный,
И шопотъ страстный и живой!
Я знаю: звуки тѣ — природѣ
Неумолкаемый укоръ
За то, что и твоей свободѣ
Предѣль нашли — и твой просторъ
Насильно вдвинули въ границы
И этой силѣ, что, кажись,
Вольнѣе воздуха и птицы,
Сказали: «дальше не катись!»

О, море! И тебѣ съ ничтожными сынами
Твоей сестры-земли единый жребій данъ —
Предѣль, предѣль всему!... Но мы смирились, — съ нами
Смирись и ты, закованный Титанъ!

Гроза прошла. Вновь голубой равниной

Лежало море предо мной,
Не потрясаясь ни единой
Разбунтовавшейся волной.

И только всплесками печальнаго отлива
Отъ стѣнъ своей тюрьмы — суровыхъ береговъ,
Оно шептало мнѣ болѣзненно-тоскливо
Про муку тяжкія подѣ гнетомъ злыхъ оковъ!...

Петръ Вейнбергъ.

